

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Педагогический институт
Кафедра социальных и гуманитарных наук

ИСТОРИЯ, ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)

Сборник статей по итогам
Всероссийской научной конференции

г. Магадан, 2 февраля 2024 г.

Красноярск 2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*Педагогический институт
Кафедра социальных и гуманитарных наук*

ИСТОРИЯ, ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (проблемы теории и практики)

**Сборник статей по итогам
Всероссийской научной конференции
г. Магадан, 2 февраля 2024 г.**

Красноярск 2024

УДК 167/168:001.92
ББК 6/8я431
И90

Рецензенты:

Миронов В.В., доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и теории международных отношений
(ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»);
Соколов А.С., доктор исторических наук, зав. кафедрой истории,
философии и права (ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина»)

И90 История, гуманитарные и социальные науки: взаимовлияние и взаимодействие (проблемы теории и практики): сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (г. Магадан, 2 февраля 2024 г.) [Электронный ресурс] / Отв. редактор В. Н. Ерохин; Северо-Восточный государственный университет. – Электрон. текстовые дан. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2024. – 414 с. – Режим доступа: <http://nkras.ru/arhiv/2024/hhss2024.pdf> – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer и др.; Acrobat Reader 3.0 или старше.

ISBN 978-5-907608-31-3

DOI: 10.12731/978-5-907608-31-3

Сборник статей по итогам состоявшейся в ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет» Всероссийской научной конференции «История, гуманитарные и социальные науки: взаимовлияние и взаимодействие (проблемы теории и практики)» (Магадан, СВГУ, 2 февраля 2024 года) включает статьи, представленные участниками конференции в рамках четырех направлений работы конференции: «Проблемы отечественной истории», «Проблемы всеобщей истории», «Методология исследований в социальных и гуманитарных науках», «Психологическая наука в России и в мире – направления и проблематика исследований».

Сборник предназначен для преподавателей, студентов и аспирантов высших учебных заведений и для всех, интересующихся проблемами изучения истории России, всеобщей истории, методологией исследования в социальных и гуманитарных науках, развитием психологической науки.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Ответственность за содержание и достоверность сведений, представленных в материалах конференции, возлагается на авторов.

ISBN 978-5-907608-31-3

© Коллектив авторов, 2024

© Северо-Восточный

государственный университет, 2024

© Научно-инновационный центр, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ»	9
ПОРТО-ФРАНКО В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КОНКУРИРУЮЩИХ ПРОЕКТОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Агапов М.Г., Турбин А.Д.	10
«СВОБОДУ И ПРАВО РОССИИ НЕСУТ – ТРУМЭН И ЧЕРЧИЛЛЬ НАРОДЫ СПАСУТ»: СТИХОТВОРЕНИЯ В ДЕЛАХ ОСУЖДЕННЫХ ПО СТАТЬЕ 58 ЧАСТЬ 10 УК РСФСР Воробьева Н.В., Будилин Н.А.	15
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ «ПОСЕЛЕНИЯ АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКО-САЛАИРСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ В XVII-XIX вв. ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ. Ч.1.»: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ Горлышкин Н.Е.	21
РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х–1970-е гг. Гребенюк П.С.	27
О НЕИЗВЕСТНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ БЕРЕЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА № 1 ПОД г. КИСЛОВОДСКОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ А.П. РУНИЧА) Дударев С.Л.	32
РАБОТА ГОРОДСКОГО ТЕАТРА В САМАРЕ В 1920-е гг. Елин В.И.	37
ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ С 1990 ПО 2003 ГОД (ИЗ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ) Ефремов И.П.	40
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЧУКОТСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ В 2023 г. Коломиец О.П.	44
ОТРАЖЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СУДЬБАХ БЫВШЕЙ ДЕЛОВОЙ ЭЛИТЫ: ДЕЛО Г.Д. МАШТАКОВА, И.В. ГОЛУБЕВА И И.И. ФЕДУЛОВА Лягаев В.В.	48
ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ССЫЛЬНЫМИ 1880-х – 1890-х гг. Милевский О.А.	54

РОССИЙСКИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ САМОЗВАНЦЫ В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ Мауль В.Я.	60
ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ЧУКОТСКОЙ КУЛЬТУРЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Нувано В.Н.	65
СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ Петров В.И.	71
ИДЕЙНАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ Попов Ф.А.	75
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1992–1997 гг.: ФОРМИРОВАНИЕ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ Пустовойт Г.А., Власова Ю.Н.	81
РУССКОЕ МАСОНСТВО: ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И НРАВСТВЕННЫЕ ПОИСКИ Селеверстов Р.Е.	85
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АЛЕКСАНДЕР ГОРДОН ОФ ОХИНУЛ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ Станков К.Н.	91
Г.Е. РАСПУТИН – ПЕРСОНАЖ НАРОДНЫХ МИФОВ: АНАЛИЗ ОБРАЗА ЗНАМЕНИТОГО КРЕСТЬЯНИНА, СОЗДАННОГО В КАРИКАТУРАХ Турченко Д.А., Надеин Д.О.	96
АНАЛИЗ ОБРАЗА Г.Е. РАСПУТИНА, СОЗДАННОГО В ЗАРУБЕЖНЫХ ИГРОВЫХ ФИЛЬМАХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СЕРИАЛАХ 20–50-х гг. XX ВЕКА Турченко Д.А., Титов Д.Е.	104
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НОЯБРЬСКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Фадеева О.Р.	113
НОВЫЙ УЧЕБНИК (ИСТОРИЯ РОССИИ 1945 – НАЧАЛО XXI ВЕКА МЕДИНСКОГО В.Р.): НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОШЛОГО? Широкова И.П.	117
СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ»	123
ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1931–1935 гг. Аболмасов В.В.	124
К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ «ДЕЛА ДРЕЙФУСА» ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XIX в. Аболмасов В.В., Бажин П.Д.	128

К ВОПРОСУ ОБ ОККУПАЦИИ СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ И УСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ «НОВОГО ПОРЯДКА» НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. НА ПРИМЕРЕ ВРЕМЕННОЙ ОККУПАЦИИ Г. МИХАЙЛОВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ С 24 НОЯБРЯ ПО 7 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА Аболмасов В.В., Баранцев Е.А.	132
ОСВЕЩЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ В СОВЕТСКИХ ИСТОЧНИКАХ Аболмасов В.В., Джум А.С.	136
К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ГРЕЦИИ В ВОЙНУ НА СТОРОНЕ АНТАНТЫ. РАЗНОГЛАСИЯ В «СЕРДЕЧНОМ СОГЛАСИИ» Аболмасов В.В., Лучкина А.А.	144
КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АФРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА Аболмасов В.В., Мосина В.Ю.	149
ПРОВЕДЕНИЕ «ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В США В ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ ЮГА ПО ПЛАНУ ПРЕЗИДЕНТА ДЖОНСОНА Аболмасов В.В., Оганнисян Г.А.	153
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА СССР В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА Аболмасов В.В., Сидорова М.Ю.	159
РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853 г. Аболмасов В.В., Спасёнова С.В.	165
СЕРБСКАЯ КРАИНА: БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЕЕ ИТОГИ Аболмасов В.В., Шаихова С.Р.	169
ОБРАЗ КИТАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРИКАТУРИСТОВ США (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.) Алентьева Т.В.	174
НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО И НАСИЛИЕ (1933–1945 гг.) Астафьева Е.А.	180
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИРИКИ ЛИ ЦИНЧЖАО В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ XI–XII ВЕКОВ Афанасьев Д.Д.	185
ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ИНСТИТУТА МОНАРХИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1952–2022 гг.) Ашмарина Н.В.	189
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ БОЛЬШИНСТВА И СВЕРЖЕНИЕ ДИНАСТИИ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ Васютин И.Д.	193

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С.М. СТАМА И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ	
Галямичев А.Н.	199
ВКЛАД А.Г. ВИШНЕВСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XX – НАЧАЛА XXI в.	
Дударева А.А.	205
ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Ерохин В.Н.	208
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ (ПО РАННИМ ЭССЕ 30-х ГГ. XIX ВЕКА)	
Зотов С.А.	216
РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828–1829 гг.	
Иванов М.А.	221
ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ ФРИТЬОФА НАНСЕНА В РОССИИ И ЕЕ ОЦЕНКА СО СТОРОНЫ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	
Иванов П.А.	227
ЛАТИНО-ПОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ В XVII ВЕКЕ В РАБОТЕ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО	
Ковалёв М.А., Волков А.А.	233
«ОБЩЕСТВО ДИЛЕТАНТОВ» КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ	
Креленко Н.С.	239
НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)	
Маруков А.Ф., Смоляков К.Д.	244
УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЙСК В ИНДИЮ ВЕСНОЙ–ЛЕТОМ 1942 г.	
Мостяев Ю.Н., Мостяева О.И.	250
ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	
Сафронов Б.В.	256
ОБ ОДНОЙ НЕУДАВШЕЙСЯ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	
Терехов О.Э., Терехова О.Н.	259
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В СФЕРЕ КООРДИНАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СУБЪЕКТОВ РФ	
Толмачев Ю.О.	265
ПИРОГИ (TORTEN UND BASTETEN) В ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА (ПО ДАННЫМ РЕЦЕПТАРИЯ САБИНЫ ВЕЛЬЗЕР 1553 ГОДА)	
Третьякова М.В.	270

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1979–2010 гг.) Усова Ю.С.	275
БРИТАНСКАЯ ПРОПАГАНДА В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЕЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ) Филимонова М.А.	278
ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЭПОХИ ВОЙНЫ РОЗ В ПИСЬМАХ АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕЙ XV ВЕКА Филиппова А.И.	284
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ НА РАЗВИТИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ПЛИМУТЕ В 1620–1636 гг. Франк Е.К.	290
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО КАТОЛИКА (ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ АББАТА ПИКARA ДЕ ЛЯ ВАКЕРИ) Шмелев Д.В.	296
РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА НА ПРИМЕРЕ ВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ В США Ягафарова А.Р.	301
СЕКЦИЯ «МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ»	307
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ Аболмасов В.В. Поротикова В.В.	308
ОТ МОДЕРНИЗАЦИИ К ТРАНСФОРМАЦИИ В XXI ВЕКЕ: ВОПРОС О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОЦЕССА ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИУМОВ НА ПРИМЕРЕ ЕГИПТА В ПЕРИОД СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» Домбровский П.А.	313
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ Дорджиева Е.В.	318
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ О. ШПЕНГЛЕРА В ОЦЕНКЕ МАРКСИСТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В 1920–1930-х гг. Киркин А.А.	323
ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ Кузь В.В.	327
ИКТ КАК ФРОНТИРНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ Леснов А.В., Витюнин В.С.	332
ИНДЕКСЫ И РЕЙТИНГИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ Митрохина Т.Н.	336
ПОКОЛЕНИЕ ЗУМЕРОВ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ Молчанова Е.Г., Суворова В.Е.	339

ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ НАРОДНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СЕКТЫ «НЕПЛАТЕЛЬЩИКОВ»)	
Сажин Б.Б.	343
ИКТ НА УРОКАХ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА	
Сучкова А.А.	349
РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИННОКЕНТИЯ III В ТРАКТАТЕ «DE MISERIA CONDITIONIS HUMANAЕ»	
Ухатюк Ю.И.	354
ПРИКЛАДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ	
Хохлова М.А.	360
ПРЕДМЕТЫ «НЕИЗВЕСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ» ИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ГОРОДСКОГО ОКРУГА ЭГВЕКИНОТ НА ЧУКОТКЕ	
Церковникова Е.А.	363
РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ Ф.Р. ДЕ ЛАМЕННЕ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	
Чумакова Т.В.	369
СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ И В МИРЕ – НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ»	373
ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СОТРУДНИКОВ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ	
Бахтина Н.Н., Дорохина Т.С.	374
ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ У РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН	
Бахтина Н.Н., Левченя Е.М.	379
ИЗУЧЕНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНТОВ ВУЗА	
Бахтина Н.Н., Посашкова М.В.	385
ТРЕНИНГ КАК МЕТОД ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	
Жемков Л.А.	391
БУЛЛИНГ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	
Касьяненко А.А., Пожидаева В.М.	395
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У БОЛЬНЫХ, ПЕРЕНЕСШИХ ИНСУЛЬТ	
Касьяненко А.А., Стротуца В.В.	398
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР И СООТНОШЕНИЕ ИХ МОДЕЛЕЙ	
Склеинис В.А.	404
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЛИЧИЯ ПРОФИЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	
Чарина Е.В., Левченя Е.М.	408

СЕКЦИЯ
«Проблемы отечественной истории»

Агапов М.Г.,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исторической географии и регионалистики, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Турбин А.Д.,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории исторической географии и регионалистики, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ПОРТО-ФРАНКО В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КОНКУРИРУЮЩИХ ПРОЕКТОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

** Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект №23-28-00868 «Сибирские и дальневосточные порто-франко в истории экономического освоения российской имперской периферии (вторая половина XIX – начало XX вв.)» (рук. М.Г. Агапов).*

В статье рассматриваются проекты организации судоходного сообщения между Севером Европы и устьями сибирских рек, впадающих в Северный Ледовитый океан, во второй половине XIX века с целью введения свободы торговли в режиме порто-франко на основе дальневосточного прецедента, и дискуссии по этим вопросам в предпринимательских кругах и в среде правительственной администрации в Российской империи.

Ключевые слова: Сибирь; Дальний Восток; порто-франко; торговля; экономические связи; глобализация

Agapov M.G.,

Dr. Sc. (History), Leading Researcher at the Laboratory of Historical Geography and Regional Studies, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Tyumen State University»

Turbin A.D.,

Cand. Sc. (History), Senior Researcher at the Laboratory of Historical Geography and Regional Studies, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Tyumen State University»

PORTO-FRANCO IN SIBERIA AND THE FAR EAST AS ELEMENTS OF COMPETING PROJECTS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN EMPIRE*

** The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00868 «Siberian and Far Eastern ports in the history of the economic development of the Russian imperial periphery (second half of the 19th – early 20th centuries)» (directed by M. G. Agapov).*

The article discusses the projects of organizing a shipping message between the North of Europe and the mouths of the Siberian rivers flowing into the Northern Arctic Ocean, in the second half of the 19th century with the aim of introducing freedom of trade in Porto-Franco based on the Far Eastern Precedent, and discussion on these issues in entrepreneurial circles and among the government administration in the Russian Empire.

Keywords: Siberia; the Far East; Porto-Franco; trade; economic ties; globalization

Метафора Сибири как замкнутого вовнутрь пространства, в котором можно прятать всё плохое, что есть в Российской империи, к середине XIX века перестала устраивать реформистски настроенных националистов, находившихся в оппозиции консервативному режиму Николая I.

Как хорошо показал в своей книге Марк Бассин, одним из таких деятелей, активно реализовавших чаяния этой части элиты, был восточносибирский генерал-губернатор Николай Николаевич Муравьев, и завоевание Амура во многом понималось как способ открыть Сибирь миру, включив её в будущий глобальный экономический обмен на Тихом океане [17]. И, если допущение свободной торговли на Камчатке в 1828 г. во многом было вынужденной мерой, на которую правительство пошло вопреки интересам Российско-американской компании (РАК) с тем, чтобы разрешить проблемы со снабжением и контрабандой, то введение в 1856 г. свободной торговли на Амуре и дальнейшее распространение системы порто-франко (зон свободной торговли) на новоприобретенные территории можно рассматривать как элемент этого амбициозного проекта глобализации Сибири и Дальнего Востока [15, с. 64–86; 2, с. 9–11].

Открытие Сибири с севера с помощью судоходного сообщения Европы с устьями сибирских рек, в целом, укладывается в схожую реформаторскую и глобализационную повестку. Видимо, по аналогии с Камчаткой, аналогичных уступок для себя в устьях Печоры, Оби, Енисея и Лены добивались предприимчивые поморские и сибирские купцы, желавшие преумножить свои капиталы посредством трансарктической торговли. Так, 10 марта 1869 г. Государственный совет предоставил «право ввозить беспошлинно в реки Обь и Енисей и их притоки для потребления местных жителей иностранные товары» сроком на 20 лет красноярскому купцу М.К. Сидорову [7, с. 219–220], который в отведенное ему время смог организовать только одну успешную морскую экспедицию – плавание шхуны «Утренняя заря» из устья Енисея в С.-Петербург (1877 г.) – положившее «начало соединению Сибири прямым морским путем с русскими портами в Балтике» [1, с. 35]. В 1875 г. шведский полярный исследователь Нильс Адольф Эрик Норденшельд на судне «Превен» совершил первое плавание из Тромсе к устью Енисея. В 1876 г. он прошел тем же маршрутом на пароходе «Имер».

Попытки установления морского сообщения с устьями сибирских рек, несомненно, также можно рассматривать, как один из проектов «открытия» и глобализации Сибири. Проект этот имел своих энтузиастов из числа совершенно разных людей в Российской империи и за рубежом. В то же время, с самого начала речь явно не шла о столь же амбициозном реформаторском проекте, тем более, что открытие для торговли сибирских рек вряд ли могло вызвать такой же энтузиазм у таких амбициозных и честолюбивых деятелей, как Н.Н. Муравьев-Амурский. Кроме того, Сибирь, видимо, не была тем местом, где можно было бы так же спокойно экспериментировать в имперской политике. Скорее, наоборот, начинать «с чистого листа» на Дальнем Востоке, допускать свободную торговлю и привлекать иностранцев надо было как раз для того, чтобы уйти от сибирского опыта колонизации, при котором сращивание богатого купечества и местного чиновничества порождало коррупцию и представляло опасность даже для прибывавших извне генерал-губернаторов [14]. И всё же, усилия энтузиастов при весьма ограниченной и формальной поддержке правительства дали свои плоды.

Совершенно фантастическое для своего времени успешное сквозное плавание вдоль евразийского побережья Северного Ледовитого океана от Тромсё до Берингова пролива, предпринятое Норденшельдом на пароходе «Вега» в 1878–1879 гг., закрепило за ним славу выдающегося полярного исследователя и вызвало споры о значении сделанного им «последнего географического открытия». Главным достижением своих экспедиций Норденшельд считал научные результаты. Вопреки ожиданиям своих спонсоров – сибирских золотопромышленников М.К. Сидорова и А.М. Сибирякова, рассчитывавших на коммерческое использование северного морского пути – Норденшельд прямо заявлял, что последний «едва ли будет иметь значение для торговли» [11, с. 122]. Сидоров принадлежал к числу тех смелых прожектеров, кто считал Се-

верный морской путь альтернативой Суэцкому каналу, однако Норденшельд был убежден, что «даже не будь ни малейшего препятствия со стороны льдов, этот [Северный морской] путь с открытием Суэцкого канала не может уже иметь той важности, которая по справедливости ему некогда приписывалась» [11, с. 173]. Тем не менее, во многом благодаря настойчивости Сидорова, который и сам был заметной публичной фигурой, открытие Норденшельдом «морского пути в Сибирь» интерпретировалось в российских правящих кругах и в публичной сфере, прежде всего, в коммерческом смысле.

Документальные свидетельства демонстрируют, что принципиальное решение о создании сибирского порто-франко принималось на основе дальневосточного прецедента. Представляя 27 мая 1879 г. министерству иностранных дел справку о беспошлинном ввозе товаров к устьям Оби, Енисея и Лены, министр финансов генерал-адъютант С.А. Грейг просил «принять во внимание, что беспошлинный ввоз иностранных товаров через порты Восточного океана в Якутскую область разрешен уже Высочайше утвержденным 22 декабря 1869 г. мнением Государственного Совета» [1, с. 58]. Как следует из этой же справки, предшественник С.А. Грейга на посту министра финансов граф М.Х. Рейтерн по поводу возникших в 1869 г. недоразумений о том, могут ли иностранные товары, ввозимые в Якутскую область через порты Охотского моря, пользоваться правом беспошлинного пропуска, находил, что так как беспошлинный привоз иностранных товаров всякого происхождения разрешен уже в области: Приморскую, Амурскую и Забайкальскую, причем не постановлено никакого ограничения относительно дальнейшего привоза этих товаров на север, то, по его мнению, не представлялось бы препятствием к разрешению беспошлинного привоза таковых товаров и в смежную с вышеозначенными местностями Якутскую область [1, с. 58].

Таким образом, установленный в 1856–1857 гг. в Приамурском крае режим порто-франко постепенно был распространен на все Приморье, Якутскую область, а далее, по аналогии, на устья Оби, Енисея и Лены.

В 1877 г. «в видах поощрения к развитию торговых сношений с северными странами Сибири» министерство финансов разрешило сибирским купцам «беспошлинный ввоз в устья рр. Оби и Енисея некоторых иностранных товаров на снаряженных ими для исследования этого нового морского пути судах» [1, с. 58]. В 1879–1885 гг. такие разрешения ежегодно выдавались министром финансов. С 1886 г. беспошлинный ввоз товаров в устья сибирских рек осуществлялся на основании особых Положений Комитета министров [3, с. 5]. Но всё это время Северный морской путь, рассматриваясь в качестве перспективного пути сообщения с Сибирью, на деле практически никак не проявлял себя с точки зрения свободной торговли, а потому совершенно не вызывал на этот счёт опасений ни у правительства, ни у поставлявших за Урал свою продукцию промышленников из Европейской России. Совсем другая ситуация складывалась с порто-франко на Дальнем Востоке, где, вслед за учреждением морского сообщения между Европейской Россией и Дальним Востоком силами Добровольного флота, в середине 1880-х развернулась первая крупная дискуссия о роли свободной торговли в крае.

Во второй половине XIX века по нарастающей развивался процесс «консолидации нации внутри империи» [10, с. 156], и в этой дискуссии отчётливо проявилось столкновение националистического дискурса, в рамках которого дальневосточное порто-франко и иностранная торговля описывались крайне негативно в качестве опасных для «национального тела» факторов, с альтернативным дискурсом сибирского регионализма, в рамках которого они рассматривались в качестве способа уменьшения экономической эксплуатации «колонии» – Сибири экономическим «центром» – Москвой и, шире, Европейской Россией [16].

Казалось бы, развитие морского сообщения в устьях Оби и Енисея аналогичным образом должно было хорошо ложиться в областническую повестку диверсификации экономических связей Сибири с миром для ослабления зависимости от имперского центра и ускоренного развития собственной промышленности. В то же время, ранние публикации «Восточного обозрения» о налаживании судоходства в устьях сибирских рек вызывали у авторов заметок откровенный скепсис не только потому, что постоянные неудачи и экономические потери энтузиастов Северного морского пути создавали впечатление «сизифового труда», но также и потому, что попытки его налаживания тратили капиталы и энергию, «которые могли бы принести громадную пользу в другом деле и на другом месте», а именно – в деле улучшения внутренних путей сообщения [5]. Тема развития внутренних путей сообщения, а именно – проведения Обь-Енисейского канала, устройства речного пути на этих реках, а также Ангаре, Лене, Амуре и других реках особенно приветствовалась на страницах «Восточного обозрения» – трибуны сибирских областников – в первой половине 1880-х гг., до тех пор, пока частично начавшаяся реализация мер по улучшению водных путей сообщения не выявила многочисленные проблемы и вызовы для этих проектов. Развитие «морского пути в Сибирь», несомненно, будучи одним из альтернативных проектов глобализации Сибири, хорошо смотрелось в логике дихотомии «центра» и «периферии», но, при отвлечении сил и ресурсов, мало служило повестке борьбы за общесибирские интересы, а потому и занимало в областнической повестке маргинальное положение, оставаясь уделом мечтателей и энтузиастов.

Но, как раз когда к середине 1880-х в общественных дискуссиях в Сибири назрел некоторый кризис в повестке развития внутренних водных путей сообщения, связанный с весьма умеренными успехами и сомнительной рентабельностью уже выполненных работ по проведению Обь-Енисейского канала, а также нарастающим пониманием того, что обустройство речного сообщения по всей длине с запада на восток потребует огромных затрат на инфраструктуру, в 1887 г. в Сибири вызвали ажиотаж новости о прибытии через Карское море в Енисейск английского парохода под командованием капитана Виггинса, в этот раз с коммерческим грузом, который, правда, из-за неготовности страховых фирм страховать груз, идущий по такому рискованному маршруту, состоял преимущественно из дешевых товаров – керосина, масла, соли. Успех экспедиции способствовал тому, что беспошлинный ввоз товаров к устью Енисея был, вместо ежегодного согласования, разом продлён на 5 лет, а к устью Оби – на 1 год [13]. Хотя успех был весьма скромным, обсуждение перспектив нового пути доставки европейских товаров в Сибирь тут же вызвало реакцию протекционистски настроенных промышленников и купцов, на протяжении нескольких предыдущих лет активно развивавших через свои корпоративные институты и индивидуальные ходатайства наступление на порто-франко на Дальнем Востоке. Так, если в 1887 г. одной из важнейших нужд русской промышленности и торговли, согласно записке русского купечества Макарьевской ярмарки, поданной управляющему министерством финансов И.А. Вышнеградскому, выступало закрытие порто-франко в Приамурье, то летом 1888 г. уже нижегородское ярмарочное купечество подробно расписывало угрозы допущения беспошлинного ввоза на Обь и Енисей иностранных товаров, называя свободную торговлю там не больше не меньше «попыткой англичан мирным путём оторвать от России Сибирь» [4]. И теперь, в новых условиях кризиса повестки развития внутренних путей водного сообщения и ярких успехов арктических мореплавателей, общесибирская рамка, которой оперировала областническая пресса, начала играть на пользу сторонникам беспошлинного ввоза иностранных товаров в устья сибирских рек [5].

В ходатайстве нижегородского купечества в 1888 году ничего не было про Амурское порто-франко, но, отвечая на него, областническая пресса строила свой ответ, основываясь именно на дальне-

восточном опыте и парируя с его помощью основной аргумент о политической угрозе допущения беспощинной торговли на Енисее. В Приамурье пресса следила за дискуссиями о свободной торговле на севере Сибири, но не стремилась напрямую включаться в полемику, вероятно, потому что эти обсуждения порождали ожидания пересмотра вопроса о порто-франко на Дальнем Востоке. «Владивосток», обсуждая нужды региона, сетовал на то, что Амур появлялся в материалах имперской печати только при обсуждении желательности отмены порто-франко, и что признаком «грандиозных» аппетитов фабричных промышленников империи были нападки даже «против [справедливой] премии за расходы по изысканию пути морского к устью р. Енисея» [12]. Сибирская же печать, в лице «Восточного обозрения», в свою очередь, продолжала критиковать нападки московского купечества на беспощинный ввоз в устье Енисея с помощью параллелей с более ранней дискуссией о порто-франко в Приамурье. Выступая против взгляда на Сибирь как на «блин или пирог» для московского купечества, газета предостерегала от желаний купечества вернуть Сибирь к «старым волокам и старым путям на Москву, а всю Сибирь поворотить к истории XVI и XVII столетий» [8]. Приветствуя попытки англичан выхлопотать продление льготных условий ввоза на Енисей, «Восточное обозрение» писало: «Открытие верного пути к устьям наших сибирских рек для нас так же важно, как обход мыса Доброй Надежды, открытие Магелланова пролива и прорывие Суэцкого канала. Вспомним общее ликование при входе наших кораблей в р. Амур; Енисей и Обь – сослужат службу не хуже Амура» [9]. Таким образом, вместо мечты и нерационального увлечения кучки энтузиастов, не желавших прислушиваться к советам областнической прессы о перспективах внутренних водных путей сообщения Сибири, морское пароходство на Оби и Енисее теперь стало альтернативным проектом глобализации Сибири, для защиты которого использовались все наработки областнической риторики, а также общесибирская и даже глобальная сравнительная перспектива.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 445. Д. 8.
2. Беляева Н.А. От порто-франко к таможене: Очерк регион. истории рос. Протекционизма. Владивосток: Дальнаука, 2003. 212 с.
3. Беляева Н.А. Порто-франко в устьях сибирских рек в конце XIX – начале XX столетия // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. Вып. 1 (17). С. 5–9.
4. Владивосток. 1887. 25 октября [№ 43]. С. 3–5.
5. Восточное обозрение. 1888. 11 сентября [№ 36]. С. 1–2.
6. Восточное обозрение. 1891. 9 февраля [№ 6]. С. 4–5.
7. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета: О предоставлении товариществу для промышленных и торговых предприятий по рекам Оби и Енисею и по берегам Ледовитого океана некоторых льгот и привилегий. № 46837. 10 марта 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. Собрание II. Т. XLIV. С. 219–220.
8. Енисейск [раздел корреспонденции] // Восточное обозрение. 1882. 23 декабря [№ 39–40]. С. 11–12.
9. Желательно ли, чтобы Сибирь была отдана Москве на кормление? // Восточное обозрение. 1889. 27 августа [№ 35]. С. 1–3.
10. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
11. Норденшельд А.Э. Шведская полярная экспедиция 1878–79 г.: Открытие Северо-Восточного прохода. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншея, 1880. 207 с.
12. Нужды Амура // Владивосток. 1889. 5 марта [№ 10]. С. 4–5.
13. О беспощинном привозе иностранных товаров в Сибирь, через Ледовитый океан // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1890. Собрание III. Т. VIII. С. 236.
14. Ремнев А.В. Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Немцы. Россия. Сибирь. Омск: Ом. гос. ист.-краевед. музей, 1997. С. 200–221.

15. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. 548 с.
 16. Турбин А.Д. Дальневосточное порто-франко в языках и практиках модернизирующейся империи // Ab Imperio. 2019. № 1. С. 45–78.
 17. Bassin Mark. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. XIV, 329 p.
-

Воробьева Н.В.,

доктор исторических наук, профессор, ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва», Омский автобронетанковый инженерный институт (филиал)

Будилин Н.А.,

курсант, ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва», Омский автобронетанковый инженерный институт (филиал)

«СВОБОДУ И ПРАВО РОССИИ НЕСУТ – ТРУМЭН И ЧЕРЧИЛЬ НАРОДЫ СПАСУТ»: СТИХОТВОРЕНИЯ В ДЕЛАХ ОСУЖДЕННЫХ ПО СТАТЬЕ 58 ЧАСТЬ 10 УК РСФСР

В статье представлен анализ источников фонда Прокуратуры СССР (ф. 8131 оп. 31) Государственного архива Российской Федерации по осужденным по статье 58 часть 10 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»). Выявлены уголовные дела, в которых фигурируют осуждения за антисоветские стихотворения и частушки. Методология работы представляет микроисторический подход, использующий в качестве фактической основы показания осужденных.

Ключевые слова: антисоветская агитация и пропаганда; политика памяти; идентичность

Vorobiova N.V.,

Dr. Sc. (History), Professor, Federal State Government Military Educational Institution of Higher Education «Military Academy of Logistics and Technical Support named after. Army General A.V. Khrulev», Omsk Automotive and Armored Engineering Institute (branch)

Budilin N.A.,

Cadet, Federal State Government Military Educational Institution of Higher Education «Military Academy of Logistics and Technical Support named after. Army General A.V. Khrulev», Omsk Automotive and Armored Engineering Institute (branch)

«TRUMAN AND CHURCHILL WILL SAVE THE NATIONS, THEY WILL BRING FREEDOM AND LAW TO RUSSIA AND WILL SAVE US»: POEMS IN THE CASES OF CONVICTS UNDER ARTICLE 58 PART 10 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN SOCIALIST REPUBLIC

The article presents an analysis of the sources of the USSR Prosecutor's Office Fund (f. 8131/31) of the State Archive of the Russian Federation for convicts under Article 58 part 10 of the Criminal Code

of the Russian Socialist Republic («anti-Soviet agitation and propaganda»). Criminal cases involving convictions for anti-Soviet poems or ditties have been identified. The methodology of the work presents a microhistory based on the testimony of convicts.

Keywords: *anti-Soviet agitation and propaganda; politics of memory; identity*

Согласно сводной статистике за советский период (1918–1990 гг.) по обвинениям в государственных преступлениях были осуждены 3,8 млн. человек, из них свыше 827 955 человек приговорены к высшей мере наказания. Иной информацией располагал I Специальный отдел МВД СССР: с 1921 по 1953 г. по обвинению в совершении контрреволюционных преступлениях было осуждено 4 млн. человек, из них приговорены к смертной казни 799 455 человек [1, с. 304]. В 90-е гг. XX в. цифры «жертв сталинских репрессий» многократно преувеличивались и мифологически искажались. В высказываниях А. Солженицына цифры многократно увеличивались и достигали «110 миллионов» человек, что убедительно оспорено учеными-архивистами: «по подсчетам, строго опирающимся на документы, получается не более 2,6 млн. при достаточно расширенном толковании понятия «жертвы политического террора и репрессий». В это число входят более 800 тыс. приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, порядка 600 тыс. политических заключенных, умерших в местах лишения свободы, и около 1,2 млн. скончавшихся в местах высылки (включая «кулацкую ссылку»), а также при транспортировке туда» [2, с. 87].

Изучение антропологических аспектов в рамках традиционной методологии исторического исследования (историческая память в устном воспроизведении), на наш взгляд, может быть успешно сопоставлена с введенными в научный оборот историческими источниками. Нарратологический анализ архивно-следственных материалов в парадигме микроисторического исследования позволяет акцентировать внимание на наиболее важные сюжеты антисоветского нарратива.

Рассмотрим подробнее деятельность Отдела по спецделам Прокуратуры СССР в 1920-е – 1950-е гг. [4, 5]. Источниковая база исследования основана на данных фонда Прокуратуры СССР, опись «Надзорные производства Отдела по спецделам Прокуратуры СССР, Главной транспортной прокуратуры, Главной прокуратуры морского и речного флота. 1936–1965 гг.» (фонд 8131, опись 31) [3]. На основании проведенной работы были составлены выписки из 4,6 тысяч архивных дел.

Советское инакомыслие в виде народного фольклора (анекдоты, частушки, стихотворения) оценивалось статьей 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Проводя контент-анализ показаний осужденных советских граждан, мы выявили дела осужденных за стихотворения или частушки антисоветского содержания.

Мы классифицировали высказывания по следующим направлениям:

Во-первых, с указанием «сочинял стихи антисоветского содержания» без указания стихотворения [3, дд. 85684, 72642, 97623, 40012, 16478, 20560, 90445, 96228, 42438, 94810, 25371, 57895, 25596, 57811]. С 1935 по 1938 гг. нами выявлено пять дел осужденных в основном молодых (16–25 лет), например, 11 мая 1936 г. арестован бухгалтер конторы «Туркменсауда» (г. Байрам-Али Туркменской ССР) украинец В. А. Волошин В.А., сочинивший стихотворение «Сталин», где есть слова: «Ты – зверь, ты – общий враг всех пролетариев, но почему сидишь на троне ты? В стране рабоче-крестьянской не должны править идиоты. Ты – идиот, фаланга и дракон» [3, д. 72642]. В годы Великой Отечественной войны нами выявлено три уголовных дела, в которых фигурирует нарратив антисоветского и пораженческого характера. Наиболее показательным является осуждение студентов Томского университета (18–22 лет), один из

участников дал следующие показания: «Стихов антисоветского содержания я написал много и в них я воспевал Гитлера, немецкую армию, призывал к вооруженному восстанию и совершению терактов» [3, д. 90445]. В послевоенный период (1946–1951 гг.) в шести делах указывается основным видом контрреволюционной пропаганды написание и публикация стихотворений антисоветской направленности. Осужденные, из которых больше половины старше 40 лет, обвинялись в распространении листовок антисоветского содержания [3, дд. 96228, 42438, 94810, 25371, 57895, 25596, 57811].

Во вторую группу мы включили дела с изложением стихотворений антисоветского содержания, посвященных тяжелой доле советских людей [3, дд. 46707, 34305, 85104, 41455, 74461, 30076, 36439, 79055] и/или направленные против определенных сторон государственной политики (к примеру, коллективизации) [3, 80372]. Религиозные аспекты в поэтическом творчестве представим на примере двух дел. В 1948 г. у Б.М.Булгакова обнаружена стихотворная рукопись 1941 г., которая начинается словами: «Вперед, к православной свободе», 28 декабря 1956 г. дело по ст. 58-10 прекращено [3, д. 46707]. 4 декабря 1950 г. осужден как участник религиозной общины хлыстов А. М. Стрельников, который писал рассказы и стихи, которые читал верующим во время собраний [3, д. 34305].

25 декабря 1948 г. осуждены ученики 9–10 классов средней школы г. Ровно С.С. Куйбида, В.И. Новак, Б.П. Рудаков, Л.К. Дзивак, Г.Д. Бессонов, В.М. Кулий, студент исторического факультета г. Львова А.Г. Омельчук, студент 1 курса института физкультуры Я.П. Клепач, студентки торгово-экономического института Р.С. Судик и Л.Н. Негребецкая и ее отец Н.С. Негребицкий, контролер на электростанции (судим в 1939 г. по ст. 58-10), которые с 1946 г., собираясь вместе, обсуждали оуновскую литературу. [3, д. 85104]. Сочиняли «националистические стихи на украинском языке», издавали журнал «Зоря», печатали в нем оуновские листовки, пересылали журнал по почте из Ровно во Львов, 7 января 1948 г. в журнале напечатали стихотворение «Плывет поток крови людской», в котором содержались экстремистские и террористические суждения.

7 января 1948 г. в журнале напечатали стихотворение «Плывет поток крови людской»:

*Московская власть - счастья не даст
Большевик - это зверь, ему не верь.
Придет час и на вас гады
Народа своего пиявки
Мы еще на вас шнурочки поплетем
И вместе со Сталиным к чертям пошлем.
Повиснет с вами и Никита Хрущев,
Ибо он вас учил, как пить кровь.*

В.А. Вейсман 22 июня 1953 г. осужден лагерным судом, поскольку в рукописях были найдены черновики стихов, посвященные Назыму Хикмету [3, д. 74461]:

*Народ наш должен трепетать
И говорить лишь шепотом,
А нам осталось только ждать,
Чтобы вскипел он ропотом...
Твой гневный голос не погас.
Он прогремит, как и в неволе,
И миру возвестит о нас,
О нашей страшной рабской доле.*

Подавляющее большинство выявленных нами стихотворений построено на фабуле несправедливости, осуждения покорности, трусости народа и злоупотреблений власти: «да были хуже времена, но не было подлей», «тот государством нашим управляет, кто путь обмана на пять знает», «вся Русь покрыта ныне клеветой, обманом, ложью, все здесь под пятой» [3, дд. 36439, 79055]:

*Проклят будь Сахалин.
В лагерях миллионы з/к
Сотни тысяч по тюрьмам страдают,
На тяжелых работах гниют
И безвинные срок отбывают.
Пьет правительство русскую кровь
Заключенные кормят господ
Под железной пятой палачей
Тяжко стонет народ...*

В трех делах встречаются антисоветские стихотворения, противопоставляющие советскую действительность американской [3, дд. 25201, 55454, 34984]:

*Знаю я, что в море Черном
Лучше жить, чем на земле -
Там нет карточной системы,
Иметь пищу легче мне.
Нет там ни власти, ни тиранов,
Ни честолюбцев, ни гордецов,
Нет ни отпетых негодяев,
Ни отъявленных подлецов.*

Также в качестве примера приведем стихотворение, написанное В.П. Гриценко, осужденного по статьям 193-7»в», 58-10, 58-14, в сентябре 1951 г. написал стихи [3, д. 55454]:

*Трумен правду говорит в своих выступлениях
Уничтожим коммунизм, будет наслаждение.
Все народы уст поднимут и вздохнут свободно,
И пойдет прекрасно жизнь и общенародна*

*Всяких Сталинов не будет, Молотовых тоже,
Человек свои права использовать может.
А теперь в этой презренной стране коммунистов
Человеку вместо прав нагайка чекистов.*

*Права носят в портфелях подлые чекисты
Народ гноят в лагерях, губами не пискни
Плачет, стонет и страдает Матушка Россия,
Что народы её терпят - бедствия такие ...*

*Свободу и право России несут
Трумэн и Черчилль народы спасут
Без них пропадёт вся Россия дотла
От воровства, пыток, чекистского зла*

Третьим направлением стихотворного творчества в делах осужденных является сатирический нарратив частушек. 6 марта 1942 г., находясь на спецпоселении в Норильске, умер М.А. Наумов (1887 г.р., русский, грамотный, колхозник), на квартире которого собиралась «контрреволюционная группа», которая, в том числе, пела частушки следующего содержания: «Говорят, в колхозе худо, а в колхозе хорошо, по три дня телегу ищут, по неделе колесо... А теперь такая жизнь, хоть не евши спать ложись», дело было прекращено в 1960 г. за отсутствием состава преступления [3, д. 88041].

В мае 1956 г. был реабилитирован В. Ф. Солдатов [3, д. 69334], осужденный в 1942 г. за стихотворение:

*Эх, Война, Война, Война, Война,
Много горя нам ты принесла.
Руки ноги отрываешь и людей ты убиваешь,
Лазаретом награждаешь,
Так проходят наши юные года.*

*Эх, Война, Война, Война, Война,
Много радости кому-то принесла,
Они вышнюю власть занимают,
Капиталы наживают и карманы набивают,
Так проходят ихние года.*

*Эх, Война, Война, Война, Война,
Много горя ты рабочим принесла,
С голоду они да подыхают,
И кладбища пополняют,
Так проходят рабочих времена.*

*Эх, Война, Война, Война, Война,
Много радости колхозникам ты принесла,
Они продукты загоняют, сундуки и карманы набивают,
Так проходят ихние года-времена.*

*Эх, народ, народ, народ, народ,
Скоро тебя война изведет,
Мужиков уж не хватает
И последних забирают
Так проходят наши времена.*

*Эх, народ, народ, народ, народ,
К чему тебя Сталин ведет, приведет,
Эх, не к счастью, а к горю
Подыхают все от боли
Так проходят твои - народа времена,*

*Эх, я русский, русский, русский, русский,
Почему я не Абрам,
Почему тебя берет на обман Абрам,
Почему всех русских берут на обман,
Назовешь ты за это его жидом, назовешь его жидом,
И получишь три года ты тюрьмы судом,
Так проходят русских времена.*

По Указу от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» [6] освобожден со снятием судимости Г.С. Кремлев (Максимов) (1933 г.р., русский, образование 2 класса, судим 5 раз, лагпункт № 1 лаготделения № 13 УИТЛиК, Молотовской области), в одном из которых были такие строки: «Сталин трубочку играет, Шверник пляшет гопака, всю Россию об<...>бали, два здоровых дурака...» [3, д. 57679].

18 июня 1955 г. снижен срок до фактически отбытого инвалиду Великой Отечественной войны А.А. Мурашкову (1919 г.р., белорус, в 1951 г. судим по ст. 192 ч.2 УК РСФСР к 1 году лишения свободы, заключенный ОЛП №2 МВД БМАССР, г. Улан-Удэ). К делу приложены стихи и рисунки Мурашкова, например, такие: «...Вместо шпал – бетон-дорожка! И катись, катись Сережка. Магистраль из края в край, и поторапливай, и лишь знай, и на основах ленинизма и ты – у ворот уж Коммунизма! Трассы с края в край проложь – и как же строй у нас хорош!..» [3, д. 33264].

Исследователи А. С.Жанбосинова, К. Р. Жириндинова, С. С. Жандыбаева отмечают, что феноменальность и уникальность архивно-следственных материалов как исторического источника заключается в возможности процитировать фрагменты устной истории из первоисточника [7, с. 100, 107].

Проведенное исследование показывает, что оппозиционный антисоветский нарратив был направлен на критику политики партийного руководства, негативные высказывания по отношению к И. В. Сталину, квалифицированные как «антиреволюционная пропаганда», относились к искажениям ленинского курса И. В. Сталиным – 1125 высказываний из 4650; к «предложениям» о коллаборации с гитлеровской Германией на первом этапе Второй мировой войны (638 текстовых репрезентаций), а также к критике действия Государственного Комитета обороны и Ставки Верховного Главнокомандования в 1941–1943 гг. (622 кейса).

Список литературы

1. Земсков В. Н. Масштабы политических репрессий в СССР (против спекулятивных и мифологических построений) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 79–88.
2. Земсков В. Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 303–318. – EDN RUAOVR.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8131 «Прокуратура СССР». Оп. 31 «Надзорные производства Отдела по спецделам Прокуратуры СССР, Главной транспортной прокуратуры, Главной прокуратуры морского и речного флота. 1936–1965 гг.».
4. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991: Аннотированный каталог / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. М.: Демократия, 1999. 944 с.
5. Статья 58/10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Аннотированный каталог. М.: Демократия, 1999. 941 с.

6. Библиотека нормативно-правовых актов СССР // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm> (дата обращения 10.04.2022)
7. Жанбосинова А. С., Жириндинова К. Р., Жандыбаева С. С. Устная микроистория «Большого террора» (по материалам архивно-следственных дел репрессированных) // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 98–108.

Горлышкин Н.Е.,
*аспирант, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», ведущий инженер,
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН*

Научный руководитель: Васютин С.А.,
*доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ «ПОСЕЛЕНИЯ АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКО-САЛАИРСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ В XVII–XIX вв. ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ. Ч.1.»: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ*

** Исследование выполнено в рамках государственного задания (Проект АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири»).*

Несмотря на распространение использования баз данных в археологии в последние десятилетия, в исследовании памятников Нового времени Западной Сибири последние задействованы слабо. В качестве решения проблемы аккумуляции сведений об исторических поселениях и памятниках археологии кузнецких татар автор предлагает создание историко-археологической базы данных «Поселения автохтонного населения Кузнецко-Салаирской горной области в XVII–XIX вв. по материалам письменных и археологических источников. Ч.1».

На базе Microsoft Excel 2019 были проанализированы данные о 140 объектах (31 памятник археологии и 119 поселений). Информация о каждом объекте представлена на основе 15 критериев. В ходе разработки базы данных автор столкнулся с проблемой низкого уровня картографии региона XVIII – начала XIX вв., с отсутствием карт поселений кузнецких татар XVII в., с проблемами волостной атрибуции некоторых улусов.

В качестве первых результатов автор выделяет ряд проблемных аспектов: это недостаточная изученность памятников археологии XVII–XIX вв., пробелы в изучении волостного деления шорских родов, вопросы соотношения памятников археологии и исторических поселений. Практическое использование базы данных автор видит, прежде всего, при организации археологических работ.

Ключевые слова: *Новое время; памятники археологии; исторические поселения; кузнецкие татары; базы данных; Кузнецко-Салаирская горная область*

Gorlyshkin N.E.,

Graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kemerovo State University», Leading Engineer, Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry SB RAS

Scientific adviser: Vasyutin S. A.,

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kemerovo State University»

**HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL DATABASE
«SETTLEMENTS OF THE AUTOCHTHONOUS POPULATION
OF THE KUZNETSK-SALAIR MOUNTAIN REGION
IN THE 17TH-19TH CENTURIES. BASED ON WRITTEN
AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES. PART 1.»: EXPERIENCE
OF CREATION AND PROSPECTS FOR PRACTICAL USE***

**The research was carried out within the framework of the state assignment (Project AAAA-A21-121012090006-0 «Sociocultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval societies in the contact zones of Western and Central Siberia»).*

Despite the widespread use of databases in archaeology in recent decades, they are poorly used in the study of archaeological sites of XVII–XIX cc. As a solution to the problem of accumulating data on historical settlements and archaeological sites of the modern Shors ancestors, the author proposes the creation of database «The autochthonous population settlements of the Kuznetsk-Salair mountain region in the XVII – XIX cc. according to written and archaeological sources. Vol.1».

Data on 140 sites (31 archaeological sites and 119 settlements) were analysed on the basis of Microsoft Excel 2019. Information about each site is presented on the basis of 15 criteria. During the development, the author faced the problem of the low level of regional mapping of the XVIII – early XIX centuries, the lack of the XVII century Shors settlements maps, the problems of parish attribution of some settlements.

As the first results, the author identifies a number of problematic aspects: insufficient study of archaeological sites of the XVII–XIX cc., gaps in the study of the Shors clans area division, issues of correlation between archaeological sites and historical settlements. The author sees practical use of the database in the organization of archaeological works.

Keywords: *Modern history; archaeological sites; historical settlements; Shorians; Kuznetsk-Salair mountainous region*

Введение

Археология Нового времени в Западной Сибири (XVII – XIX вв.) в последние десятилетия получила мощный импульс для развития в качестве самостоятельной дисциплины. Хронологически располагаясь на стыке эпох, в переходный этап исторического развития для традиционных культур Сибири и Дальнего Востока, археология XVII – XIX вв. задействует источники как вещественного, так и нарративного характера (в т.ч. и картографические). Данная «бинарность» подталкивает нас к использованию методов, нестандартных для археологии предшествующих эпох. Это касается как подготовки и проведения полевых археологических работ, так и создания и использования научного инструментария по изучению комплексов Нового времени. В качестве примера можно выделить создание и практическое применение баз данных/геоинформационных систем (ГИС) в археологии [3].

Данный научный инструмент открывает широкие перспективы в деле аккумулирования, обработки, систематизации, картографирования археологических комплексов, прогнозирования перспективности проведения полевых работ в определенных местностях.

Вследствие количественного и качественного роста применения в археологических исследованиях информационных технологий, специального программного обеспечения для представления информации об объектах археологии и их картографированию, в последние годы наблюдается тренд по разработке баз данных и геоинформационных систем. Чаще всего публикуются базы, аккумулирующих сведения об археологических комплексах субъектов России, либо по археологическим эпохам макрорегионов (т.е. в основу создания ложится административно-территориальный либо историко-географический принцип в совокупности с археологической периодизацией) [10, с. 5–6; 11; 1]. Существенно меньше баз данных, посвященных отдельным памятникам [6, с. 16–18].

Отдельный пласт представлен теоретическими работами о проблемах и перспективах использовании баз данных и геоинформационных систем в археологических исследованиях, программном обеспечении для создания баз и ГИС [7].

В тоже время, несмотря на растущую популярность использования баз данных как инструмента научного исследования, можно констатировать его слабое применение в контексте археологии Нового времени. На сегодняшний день, мы имеем относительно небольшое количество специализированных баз данных/ГИС, посвященных археологическим комплексам XVII–XIX вв. [3]. Интересным автору представляется направление, связанное с созданиями историко-археологических баз данных, в которых содержались бы сведения о потенциальных объектах археологического наследия [4; 5].

В контексте озвученной проблемы выделяется аспект, связанный с инородческими поселениями дорусского населения Кузнецко-Салаирской горной области. Несмотря на широкую репрезентацию сведений о местных этнических группах «автохтонного» населения региона, с археологической точки зрения оно исследовано весьма скупо. На данный момент, на территории региона выявлено три десятка комплексов, содержащих культурный слой «коренных» этнокультурных групп.

По мнению автора, археологическое изучение местных этнокультурных групп XVII – XIX вв. дает специалистам дополнительные сведения о характере системы жизнеобеспечения, межкультурным взаимодействием с русскими, сибирскими татарами, кыргызами и другими этническими группами юга Западной Сибири и Центральной Азии, эволюцию хозяйственного комплекса «автохтонного» населения под влиянием внешних и внутренних факторов.

В этой связи, нами было принято решения, путем создания историко-археологической базы данных «Поселения автохтонного населения Кузнецко-Салаирской горной области в XVII – XIX вв. по материалам письменных и археологических источников», аккумулировать имеющиеся сведения об инородческих поселениях региона, степени их археологической изученности, имеющейся источниковой базе, а также поднять дискуссию о проблемных аспектах археологического изучения сибирских этносов.

Целью нашей работы является репрезентация первых результатов и опыта по созданию базы данных, обсуждение проблем, связанных с созданием подобного рода научного инструментария и его практическим применением.

На момент публикации, база находится на стадии государственной регистрации и выдачи патентного свидетельства.

Опыт создания и проблемы разработки

Разрабатывая концепцию базы данных, нами было принято решение разбить ее по этнокультурному признаку на несколько частей. Первая часть посвящена памятникам археологии и историческим поселениям кузнецких татар. На наш взгляд, это позволит более репрезентативно

и акцентировано отразить особенности расселения каждой из этнических групп Кузнецко-Салаирской горной области. География работы затрагивает районы верхнего течения р. Томи, бассейны р. Кондома, Мрассу, т.е. места традиционного расселения предков современных шорцев.

Источниковая база работа представлена отчетами проведенных археологических работ, письменными источниками («Путевые описания Сибири 1734–1741 гг.» Г.Ф. Миллера [17, с. 17–36], «Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года» И.Г. Гмелина) [2, с. 140–170], Списки населенных мест Томской губернии за 1868–1899 гг., картографическими материалами XVIII – начала XX в. Также при составлении базы данных использовалась научная литература по археологии и истории региона.

База данных создана на основе программного обеспечения Microsoft Excel 2019. Структурно база данных на 3 листа. Непосредственно база данных располагается на первом листе. Информация об исторических поселениях и памятниках археологии представлена на основе 15 критериев: номер, тип объекта (объект археологии, историческое поселение), название, волостная принадлежность (для исторических поселений), локализация, приблизительные координаты, статус (для объектов археологии / при наличии на территории поселения ОАН), хронологическая атрибуция, источники/литература, степень изученности, известность по археологическим и письменным источникам, исследователи/годы исследований, текущее состояние, административная принадлежность. Каждый объект пронумерован и имеет возможность внесения примечаний. Второй и третий листы содержат сведения о критериях и список сокращений.

При проработке аспектов, связанных с созданием базы, авторы столкнулись с рядом трудностей. Прежде всего, это низкий уровень картографии XVIII – начала XIX в. (отсутствие и/или неверное расположение поселений, ошибочное отражение особенностей рельефа (прежде всего рек). У нас полностью отсутствует картографический материал по инородческим поселениям региона XVII в. (первые попытки можно отнести к картографической экспедиции С.У. Ремезова второй половины 1690-х гг.) [8, с. 57–59].

При работе с нарративными источниками мы встречаемся с проблемой двойного соотнесения одного и того же улуса к нескольким инородческим волостям. Данная проблема была, преимущественно, решена в документальных и справочных материалах к концу XIX в., что позволяет нам четко зафиксировать административно-фискальную принадлежность. Однако подобная «неопределенность» и «двойная подчиненность» поселений затрудняет фиксацию эволюции системы административно-фискального управления инородческим населением Кузнецко-Салаирской горной области, а также изменения в волостной принадлежности конкретного улуса.

Первые результаты и постановка проблем

База содержит сведения о 140 объектах археологии/исторических поселениях, относящихся к кузнецким татарам/шорским родам (сеокам) XVII–XIX вв., полученные в результате анализа источников письменного и вещественного характера.

Из проанализированного массива 31 объект относится объектам археологии, содержащих культуросодержащие слои кузнецких татар, 7 из которых представлены разновременными поселенческими комплексами. Степень исследованности большинства объектов археологии ограничивается проведением разведочных работ. Лишь на двух поселениях были проведены раскопки (Мундыбаш I – раскопан частично; Тайлеп 2 – раскопан полностью) [15; 12, с. 941–942]. Оба поселения являются разновременными. Культурный слой Нового времени был изучен «попутно» исследованию культурных слоев предшествующих эпох (эпохи ранний и развитой бронзы – Мундыбаш I; верхнего палеолита – Тайлеп 2). Отсюда возникает поста-

новка проблемы, связанной с целенаправленным археологическим изучением поселенческих комплексов «автохтонов» Кузнецко-Салаирской горной области, что в целом соответствует общей проблематике заинтересованности археологического сообщества в изучении памятников археологии рубежа позднего средневековья и Нового времени [14], а также проблеме идентификации материала кузнецких татар и его сепарации от культурно-бытового комплекса соседних этнических групп [16, с. 26].

119 объектов представлено историческими поселениями (улусами), 66 из которых продолжают существовать по сегодняшний день. 35 улусов можно соотнести с археологическими комплексами. Разницу в количестве археологических памятников с культуросодержащим слоем кузнецких татар и их соотношение с историческими поселениями мы, предварительно, объясняем возможным соотнесением одного поселенческого комплекса с системой жизнедеятельности сразу нескольких татарских улусов. Это позволяет нам поставить проблему идентификации памятников археологии с конкретными историческими поселениями с привлечением письменных и картографических источников.

Говоря о проблемных аспектах изучения инородческих поселений юга Кузнецко-Салаирской горной области, стоит выделить слабую разработанность направления исторической картографии, затрагивающей вопросы границы расселения различных шорских сеоков. Проблема проистекает из-за отсутствия карт XVIII–XIX вв. с межами инородческих волостей. Надо сказать, что в последние годы исследователи предпринимают попытки разработать свой вариант. Однако, по заверениям самим авторов, данные попытки носят предварительный характер и являются скорее приглашением к дискуссии [8; 13].

Потенциал практического применения и перспективы проведения полевых археологических работ

Обобщив информацию об улусах и уже выявленных ОАН, получив сведения об их локализации, краткую ландшафтную характеристику, приблизительную хронологию существования, мы имеем большой простор для организации полевых археологических работ, в т.ч. и полноценных раскопок. Можно сказать, что база данных является инструментом, благодаря которым специалист может выделить перспективные для проведения исследований локации.

Полученный в ходе проведения разведок/раскопок материал, возможные сведения о планиграфии поселений, их пространственном расположении на ландшафте, мы существенно расширяем научный потенциал в виде источниковой базы для решения задач, происходящих из проблем, озвученных выше. Полученный комплекс источников вещественного характера позволит сократить пробелы в вопросе межкультурного влияния протошорского населения с соседними этническими группами [16].

Обогатив представления о межкультурных контактах населения юга Западной Сибири в XVII–XVIII вв., исследователи могут перейти к проблеме выделения особенностей материального комплекса отдельных шорских родов (если таковые были). Тем самым, мы открываем поле возможностей для реконструкции систем жизнеобеспечения местных этнических групп, их взаимодействием с окружающим природно-ландшафтным комплексом, с последующим картографированием. Возможно, данный подход окажет содействия в вопросах определения границ инородческих волостей XVIII–XIX вв.

Отдельным результатом проведения полевых археологических работ является постановка на государственную охрану поселенческих комплексов кузнецких татар, тем самым сохраняя и обогащая культурно-историческое наследие Кузбасса и Российской Федерации.

Вместо заключения

Разработанная база данных является только первым шагом в попытках аккумулировать массив информации о памятниках археологии и исторических поселениях дорусских этнографических групп Кузнецко-Салаирской горной области.

Столкнувшись при создании базы с рядом проблемных аспектов (нехватка картографического материала XVII – первой половины XVIII в., «двойная» волостная принадлежность улусов, узость комплекса археологических источников), нам, тем не менее, удалось создать своеобразный «костяк», который позволит продолжить работы над рядом фундаментальных вопросов развития направления археологии Нового времени в Притомье и близлежащих территориях [14].

Хотелось бы отметить, что предложенный нами концепт историко-археологической базы данных, а также возможность ее практического применения не является окончательным, а является приглашением к дискуссии. Тем самым автор надеется не только привлечь внимание профессионального сообщества к проблеме, но и совместными усилиями решить обозначенные в тексте работы задачи.

Список литературы

1. Бирюкова Т. В., Маслихова Л. И. Основные этапы формирования региональной геоинформационной системы объектов культурного наследия Воронежской области // Студент и наука. 2022. № 4. С. 5–10.
2. Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая старина», 1994. Вып.2. С. 140–170.
3. Горлышкин Н.Е. Геоинформационные системы как инструмент по изучению памятников археологии Нового времени (по материалам Западной Сибири) // СибСкрипт – Кемерово. 2023. Т.25. №6. С. 726–734. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-726-734>
4. Горлышкин Н.Е., Марочкин А.Г. Территориальное распределение сельских поселений XVII – начала XX вв. в Кузнецком Притомье // Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022623591 Российская Федерация. 2023. Бюл. №1.
5. Горохов С.В. Картографический он-лайн каталог деревянных оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII веков [Электронный ресурс]. 2023. Дата обновления 03.06.2023 // URL: <https://gorokhov-sv.nextgis.com/resource/9/display?pa..> (дата обращения 05.01.2024).
6. Казаков В. В., Буржуа Ж. Петроглифы Туру-Алты: опыт создания ГИС по памятникам наскального искусства // UniversumHumanitarium. 2019. № 1. С. 4–18.
7. Кениг А.В., Зайцева Е.А. Применение технологии ГИС и методов ДЗЗ в системе выявления, мониторинга и охраны объектов археологического наследия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. Т.8. С. 48–51.
8. Контев А.В. Места обитания аборигенного населения Кузнецкого уезда в XVIII в. по картографическим источникам // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 36–46.
9. Контев А.В., Бородаев В.Б. Тюркское население Кузнецкого уезда на картах из атласов С. У. Ремезова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4(68). С. 57–62.
10. Курзыбова Я. В., Дмитриев В. И. О разработке базы данных Archaeo Nomos для сопровождения археологических исследований // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 35. С. 3–16.
11. Плац И.А., Веретенников А.В., Горлышкин Н.Е. Разработка археологической ГИС Кузбасса: первые результаты и перспективы использования // Кузбасс: образование, наука, инновации. Молодежный вклад в развитие научно-образовательного центра «Кузбасс»: Материалы X Инновационного конвента, Кемерово, 30 января 2022 года. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. С. 385–389.
12. Тимошенко А.А., Бычков Д.А., Ахметов В.В., Павленок Г.Д., Когай С.А., Белан О.В., Дудко А.А., Веретенников А.В. Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. С. 937–943.
13. Ширин Ю. В. Локализация ясачных волостей кузнецких татар в XVII первой четверти XVIII веков // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. № 13. С. 97–103.

14. Ширин Ю. В. Проблемы исследования памятников Нового времени в Притомье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1(81). С. 107–114.
 15. Ширин Ю.В. Горная Шория в ареалах культур эпохи ранней бронзы // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 155–160.
 16. Ширин Ю.В. К проблеме этнической атрибуции южносибирских археологических комплексов нового времени в зоне расселения русских // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая старина», 2006. Вып. 8. С. 25–36.
 17. Элерт А.Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера: [перевод с немецкого] / изд. подгот. А. Х. Элерт; отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Науч.-изд. центр «Сиб. Хронограф», 1996. 310 с.
-

Гребенюк П.С.,
*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории
истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института
им. Н.А.Шило ДВО РАН, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО
«Северо-Восточный государственный университет»*

РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х–1970-е гг.

В статье анализируется развитие системы школьного образования и дошкольных учреждений в Магаданской области в 1965–1970-е гг. Основное внимание уделено динамике школьной сети и школьного образования, а также состоянию и проблемам системы дошкольного воспитания. Проанализированы темпы роста числа школ и охвата детей школьным обучением, динамика подготовки и квалификации педагогических кадров. Показан положительный эффект деятельности Магаданского педагогического института в повышении образовательного уровня учительского корпуса. Несмотря на определенный рост сети детских садов и охвата детей дошкольным образованием, сохранялся высокий дефицит мест, особенно в г. Магадане. Сделан вывод о том, что в рассматриваемый период так и не удалось в полной мере решить проблему обеспечения детей местами в детских садах.

Ключевые слова: *школьное образование; школы; дошкольные учреждения; детские сады; педагогические кадры; Магаданская область; Чуколка*

Grebenyuk P. S.,
*Cand. Sc. (History), Senior Researcher at the Laboratory of History and Economics of the North-Eastern
Complex Research Institute named after N.A. Shilo Far Eastern Branch RAS, Associate Professor,
Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education «North-Eastern State University»*

DEVELOPMENT OF SCHOOL EDUCATION AND PRESCHOOL INSTITUTIONS IN THE MAGADAN REGION IN THE SECOND HALF OF 1960–1970s

*The article analyzes the development of the school education system and preschool institutions in the
Magadan region in the 1965–1970s. The main attention is paid to the dynamics of the school network*

and school education, as well as the state and problems of the preschool education system. The growth rate of the number of schools and enrollment of children in school, the dynamics of training and qualifications of teaching staff are analyzed. The positive effect of the activities of the Magadan Pedagogical Institute in increasing the educational level of the teaching corps is shown. Despite a certain increase in the network of kindergartens and the coverage of children with preschool education, a high shortage of places remained, especially in Magadan. It is concluded that during the period under review it was not possible to fully solve the problem of providing children with places in kindergartens.

Keywords: school education; schools; preschool institutions; kindergartens; teaching staff; Magadan region; Chukotka.

В статье рассматривается развитие школьной сети и системы дошкольного воспитания Магаданской области в 1965–1970-е гг. Это был период активного освоения природных богатств региона и роста городского населения. Соответственно, остро вставал вопрос обеспечения растущего населения услугами образования, особенно в отдаленных и труднодоступных районах Северо-Востока. Исследование позволяет проанализировать динамику развития образовательной инфраструктуры региона, выявить ключевые проблемы и достижения.

Сфера народного образования выделялась руководством области как приоритетная. В 1963 г. на строительство новых школ было выделено 5,5 млн. рублей (рост в 11 раз к 1953 г.), на содержание учреждений народного образования более 25 млн. рублей (рост в 4 раза к 1953 г.). В предыдущий период в 1953–1964 гг. были построены десятки новых школ с общим числом мест на 12 тыс. учащихся [1, л. 10].

В самом городе Магадане к 1965 г. работало около 700 учителей, большая часть из них – 538 человек в общеобразовательных школах, 5 человек в санаторно-лесной школе, 10 человек во вспомогательной школе, 42 человека – воспитателями в общеобразовательных школах, 2 человека воспитателями в санаторно-лесной школе, 5 человек – воспитателями во вспомогательной школе. Высшее образование имели 363 учителя, неполное высшее – 45 учителей, со средним образованием работало 269 учителей, не имели образование 23 человека. Стаж педагогической работы свыше 10 лет имели 311 учителей, до 10 лет – 116 учителей, до 5 лет – 335 учителей. При этом до 20 лет работали в Магаданской области 22 человека, до 15 лет – 116 человек, до 10 лет – 227 человек, до 5 лет – 335 человек. Молодых специалистов со стажем работы до 3 лет в школах города было 115 человек. Среди 31 директоров школ высшее образование имели 19 человек, неполное высшее – 2 человека, среднее специальное – 10 человек [2, л. 28–29].

В 1967 г. в области действовала 231 школа, количество учащихся достигло 49 849 человек. В первом классе учились 6250 человек [3, л. 1]. В рамках работы по обеспечению обязательного всеобщего восьмилетнего образования с 1965 по 1970 г. в области 28 школ были преобразованы в средние школы. К 1971 г. в области действовало 285 школ с общим количеством учащихся 70 тыс. чел. [10, с. 17]. Всего к 1971 г. с момента образования Магаданской области (1953 г.) было построено 100 новых школ на 29 116 мест, а также были расширены действующие школы, за счёт чего дополнительно получено 7838 мест. Одновременно со школьными зданиями строились общежития для школ-интернатов, площадь введённых в строй 16 школ-интернатов составила 22 765 кв.м. [10, с. 21].

В 1971 г. были введены в действие общеобразовательные школы на 3220 мест. В 231 общеобразовательной школе число учащихся составило 63806 чел. В 19 школах-интернатах обучалось 7,5 тыс. чел., в вечерних общеобразовательных школах – 9,3 тыс. чел. [4, л. 44]. В начале 1970-х гг. школах работало около 5 тыс. учителей, в том числе 54 заслуженных учителя школ РСФСР. Среди работников отрасли, внёсших большой вклад в развитие системы народного образования

в Магаданской области имена руководящих работников и учителей А.Л.Железкова, А.В.Орехова, Л.Н.Верина, В.Ф.Прохоровой, В.Е.Гоголевой, У.Д.Ронис, Н.С.Цепляевой, Г.В.Хорошиловой, Р.В.Бретехиной, С.С.Трубченко, А.Я.Марковой, Н.В.Костылевой. З.П.Ефремовой и других.

В 1972 г. окончили среднюю школу и получили аттестат о среднем образовании 2271 чел. В группах продленного дня в 1971–1972 учебном году занималось 11356 учащихся [5, л. 1]. В 1971–1972 гг. действовали 234 школы, в том числе 110 начальных, 41 восьмилетняя, 76 средних, 3 школы для детей с дефектами умственного и физического развития, 4 санаторно-курортных школы [5, л. 1].

В 1975–1976 гг. всего 128 общеобразовательных школ имели мастерские на 4075 учебных мест. Численность учащихся выросла с 56,9 тыс. чел. в 1965 г. до 86,7 тыс. чел. в 1976 г. (Таблица 1).

Таблица 1.

Численность учащихся Магаданской области в 1965–1976 гг.[9, л. 17]

Годы	1965-1966	1970-1971	1971-1972	1974-1975	1975-1976
Численность учащихся (тыс.чел.)	56,9	70,7	73,5	83,6	86,7
Из них учеников 9-11 классов	8,9	11,3	12,1	18,1	20,7

Образовательный уровень учителей повысился с 1970 г. с 64,7% до 76,2% в 1976 г. Учителей с высшим образованием работало 3071 человек. Доля педагогических кадров со средним специальным образованием уменьшилась с 26,2% до 16,2%. Этому способствовала работа Магаданского педагогического института. Так, в 1965 г. было выпущено 87 специалистов, в 1975 г. выпуск составил 265 человек [9, л. 18].

Подготовка педагогических кадров в Магаданском педагогическом институте играла положительную роль в закреплении кадров на территории области. Это были учителя, готовые к работе в условиях Севера, в том числе, в отдаленных поселках. Постепенно рос удельный вес преподавателей со стажем. В 1970 г. в области было 51,8% учителей с 10-летним стажем, в 1975 г. – 58,6% [9, л. 18]. Однако, в школах области наблюдался высокий процент отсева учащихся в выпускных классах. По выпуску 1975 г. на повторный курс обучения было оставлено 8 человек и 18 учащихся оставлены на осень, также в 9 классах оставлено на второй год 64 чел.

Среди молодёжи, окончившей восьмилетнюю школу в 1975 г., продолжили обучение в 9 классе только 67,7% учащихся. Удельный вес поступивших в 9 класс был выше в районах Чукотки [9, л. 19]. В области продолжалось строительство новых типовых общеобразовательных школ. Так, в 1971–1975 гг. планировалось ввести школ на 22490 мест. В 1975–1976 учебном году во вторую смену занималось 34% всех учащихся. Школы работали с большой нагрузкой [9, л. 20]. На начало 1977–1978 учебного года в области насчитывалось 234 школы с 75,6 тыс. учащихся, в школах работало 4377 учителей (Таблица 2).

Наиболее острой оставалась проблема нехватки детских дошкольных учреждений. В период 1966–1971 гг. в Магаданской области было построено детских дошкольных учреждений на 5 110 мест. По данным на 1 января 1972 г. в области насчитывалось 322 дошкольных учреждения с 30 671 чел. Однако обеспеченность детей детскими садами и яслями составляла только 67%. В первые классы ежегодно поступало 60–70% выпускников детских садов. В целом в Магаданской области в конце 1960-х–начале 1970-х гг. очередь в дошкольные учреждения составляла около 10.000 чел. Очередь вели депутатские комиссии при исполкомах, а также местные комитеты ведомств и предприятий, в районах, где очереди не было, заявления принимали заведующие учреждениями. Дефицит мест был настолько большим, что органы народного образования не могли справиться с установлением единого порядка учета [8, л. 21]. Согласно перспективно-

му плану развития органы народного образования планировали дополнительно вести 7,5 тыс. мест для детей дошкольного возраста. Такое положение сказывалось на народном хозяйстве области, как отмечает В.В.Доржеева, из-за нехватки мест в детских дошкольных учреждениях Магаданской области молодые женщины не могли в полной мере участвовать в общественном производстве [9, с. 44]. С сентября 1970 г. на основании приказа Министерства просвещения РСФСР № 205 все детские учреждения перешли на работу по новой «программе воспитания в детском саду». В этой связи в период 1970–1972 гг. на курсах и семинарах прошли переподготовку более 1000 работников [8, л. 20].

Таблица 2.

**Общеобразовательные школы Магаданской области всех видов по городам и районам
на начало 1977/1978 учебного года [7, л. 39]**

Показатели	Число школ	В них учащихся, чел.	Численность учителей, чел.
Магаданская область	234	75621	4377
г. Магадан с территорией, находящейся в административном подчинении Магаданского горсовета	23	18487	885
Ольский район	12	3243	223
Омсукчанский район	10	2453	129
Северо-Эвенский район	7	1280	83
Среднеканский район	10	2298	143
Сусуманский район	28	8525	521
Тенькинский район	21	4454	285
Хасынский район	11	3852	221
Ягоднинский район	31	7278	437
Чукотский автономный округ	80	23432	1436
Анадырский район	12	5242	290
Беринговский район	6	1478	93
Билибинский район	15	4465	268
Иультинский район	10	2550	175
Провиденский район	8	1836	133
Чаунский район	17	4933	256
Чукотский район	6	1293	91
Шмидтовский район	6	1735	130
в том числе Океанская школа в г. Владивостоке	1	219	14

В целом в Магаданской области очередь в дошкольные учреждения составляла около 10.000 человек. Очередь вели депутатские комиссии при исполкомах, а также местные комитеты ведомств и предприятий, в районах, где очереди не было, заявления принимали заведующие учреждениями. Дефицит мест был настолько большим, что органы народного образования не могли справиться с установлением единого порядка учета [8, л. 21]. Согласно перспективному плану развития, органы народного образования планировали дополнительно вести 7,5 тыс. мест для детей дошкольного возраста. Сеть дошкольных учреждений Магаданской области в 1965–1974 гг. представлена в таблице (Таблица 3).

Как видно из данных таблицы, несмотря на рост числа дошкольных учреждений, на протяжении всего периода численность детей в дошкольных учреждениях значительно превышало количество доступных мест. С момента образования Магаданской области в 1953 г. темпы роста дошкольных учреждений составляли около 4–6% в год, темпы роста численности детей в дошкольных учреждениях около 8–11%.

Таблица 3.

Сеть дошкольных учреждений Магаданской области и численность детей в 1965–1974 гг. [8, л. 21]

Год	1965	1970	1971	1973	1974
Число постоянных детских яслей, садов, яслей-садов	300	321	328	332	342
Число мест в них	23081	28468	29758	29774	32027
Численность детей в них	24766	29959	31203	32921	35185
Детей на 100 мест	-	142	138	149	145

На 1 января 1975 г. в Магаданской области действовало 342 постоянных дошкольных учреждения, в которых воспитывалось 35,2 тыс. детей. За десять лет с 1965 по 1975 г. численность детей в детских садах и ясли-садах выросла на 10417 человек. Процент охвата детей с 31,3% в 1959 г. вырос до 76% в 1975 г. [6, л. 22]. К 1975 г. численность детей в возрасте до 7 лет составляла 46,3 тыс. чел., в том числе 21,5 тыс. детей в возрасте до 3-х лет и 24,8 тыс. детей в возрасте от 3-х до 7 лет (Таблица 4).

Таблица 4.

Обеспеченность детей местами в дошкольных учреждениях Магаданской области в 1970–1975 гг. [6, л. 22]

Год	1970	1974	1975
Численность детей в возрасте до 7 лет (тыс. чел)	41,5	44,2	46,3
Из них в возрасте до 3-х лет	16,6	20,6	21,5
От 3-х до 7 лет	24,9	23,6	24,8
Мест в дошкольных учреждениях на 1000 детей в возрасте до 7 лет	635	673	692
Процент охвата детей дошкольными учреждениями	74,1%	74,4%	76,0%

В 1974 г. воспитанием детей в 338 садах (яслях-садах) занимались 2286 заведующих и воспитателей, в среднем на каждого воспитателя приходилось 18 детей. Кроме этого, в ясельных группах работало 936 медицинских сестер, из них 825 со средним медицинским образованием (88,1%). Среди заведующих и воспитателей с высшим образованием работало 15,9%, со средним педагогическим образованием 66,3%, со средним общим 14,3%, не имели среднего образования 1,4%. Таким образом, доля специалистов с высшим и средним педагогическим образованием составляла 82,2% [6, л. 25].

На 1 января 1975 г. в детских дошкольных учреждениях сверх действующих норм находились свыше 3000 детей и 11 тыс. детей состояли в списках очереди для определения в детские дошкольные учреждения. Таким образом, не было возможности разместить 14 тыс. детей дошкольного возраста. Однако в 1971–1975 гг. планировалось построить новых дошкольных учреждений только на 5525 мест, при этом план был выполнен на 94% [6, л. 24]. Мероприятия по строительству дошкольных учреждений не снимали напряженности, мест в детских садах катастрофически не хватало, особенно в крупных населенных пунктах. К началу 1980-х гг. в г. Магадане действовало 59 дошкольных учреждений, в них содержалось 10 057 детей. В городе имелись два детских сада для детей с нарушениями речи и ясли-сад для тубинфицированных детей.

В 1965–1970-е гг. система образования Магаданской области демонстрировала устойчивую позитивную динамику. Были достигнуты впечатляющие результаты в расширении сети школ и охвате детей школьным обучением, наблюдался рост числа дошкольных учреждений и увеличение охвата детей дошкольным воспитанием. Вместе с тем, темпы развития инфраструктуры дошкольного образования отставали от потребностей быстрорастущего населения региона. Сохранялся высокий дефицит мест в детских садах, главным образом в Магадане, где проблема стояла особенно остро. Несмотря на предпринимаемые усилия, партийным и советским орга-

нам так и не удалось полностью решить эту проблему, что требовало и в дальнейшем приоритетного внимания региональных властей.

Список литературы

1. Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 125.
2. ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 239.
3. ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 2982.
4. ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 4096.
5. ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 383.
6. ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 5475.
7. ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 6804.
8. ГАМО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 399.
9. Доржеева В.В. Трудовая занятость женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России в общественном производстве (1960-е гг.). Проблемы и достижения // Гуманитарный вектор. Чита, 2013. № 3 (35). С. 41–46.
10. Каштанов И.Н. Культура Крайнего Севера: достижения, проблемы. Культурное строительство в Магаданской области. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1971. 112 с.

Дударев С.Л.,

доктор исторических наук, профессор, Русское географическое общество, консультант (г. Армавир)

О НЕИЗВЕСТНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ БЕРЕЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА № 1 ПОД г. КИСЛОВОДСКОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ А.П. РУНИЧА)

В статье публикуются материалы погребений №№ 1 и 2, выявленных археологом-краеведом А.П. Руничем в 1946 г. на известном памятнике кобанской культурно-исторической общности (КИО) – Березовском могильнике № 1 под г. Кисловодском. Из инвентаря разграбленных захоронений сохранились некоторые образцы вооружения, ряд аксессуаров и украшений из кости, бронзы, сурьмы, и пр., которые датируются в целом VIII–VII вв. до н.э. Представляемые предметы характеризуют местную материальную культуру той эпохи и ее внешние связи, прежде всего, с миром ранних кочевников Северного Причерноморья, а также соседними областями Кавказа. Одновременно курьезом является наличие в погребении № 2 серег в виде «знака вопроса», относящихся к эпохе Золотой Орды – результат вероятного нарушения этой могилы в XIII–XIV вв. средневековым захоронением.

Ключевые слова: кобанская КИО; «западный вариант» Кобани; киммерийцы; серьги в виде знака вопроса; Золотая Орда

Dudarev S.L.,

Dr. Sc. (History), Professor, Russian Geographical Society, consultant (Armavir)

ABOUT UNKNOWN BURIALS OF BEREZOVSKY BURIAL NO. 1 NEAR KISLOVODSK (BASED ON MATERIALS BY A. P. RUNICH)

The article publishes materials from burials Nos. 1 and 2, identified by local historian archaeologist A.P. Runich in 1946 at the famous monument of the Koban cultural-historical community (KHC)

Berezovsky burial ground No. 1 near the city of Kislovodsk. From the inventory of looted burials, some samples of weapons, a number of accessories and decorations made of bone, bronze, antimony, etc., which generally date back to the 8th – 7th centuries, have been preserved BC. The presented objects characterize the local material culture of that era and its external connections, first of all, with the world of the early nomads of the Northern Black Sea region, as well as the neighboring regions of the Caucasus. At the same time, a curiosity is the presence in burial No. 2 of earrings in the form of a «question mark», dating back to the era of the Golden Horde – the result of a probable violation of this grave in the 13th – 14th centuries medieval burial.

Keywords: *Koban KHC; «Western version» of Koban; Cimmerians; earrings in the form of a question mark Golden Horde*

В середине 1980-х гг. известный пятигорский археолог-краевед А.П. Рунич (1911–1986) предоставил автору данной работы право на публикацию некоторых своих ранее неизданных материалов Березовского могильника № 1 под г. Кисловодском, принадлежащего к кобанской культурно-исторической общности. По ряду причин эти материалы не увидели свет вплоть до сего времени. Целью настоящей статьи является обнародование рисунков находок, поступивших в свое время от указанного лица, ввиду очевидного интереса, который представляют собой данные артефакты, и их научный анализ.

Согласно имеющимся у нас сведениям, полученным в свое время от А.П. Рунича, 15.06.1946 г., при обследовании им территории получившего в будущем широкую известность памятника археологии раннежелезного века Северного Кавказа, а именно – Березовского могильника № 1 под г. Кисловодском – были выявлены разграбленные могилы, получившие у находчика на тот момент порядковые номера 1 и 2. Тип погребальных сооружений остался нам неизвестным, поскольку А.П. Рунич не сообщил такой информации. Но можно полагать, что, как и остальные раскопанные здесь как ранее, так и позднее захоронения, были совершены в каменных ящиках [4, с. 34–41, 56, рис.3; 12, с.193].

Среди остатков **погребения № 1** были найдены украшения из кости и бронзы. Изделие из резной кости имеет схему арки, состоящей из 9 композиций концентрических кругов с маленьким кружочком в центре, опирающейся на трапециевидное основание с тремя отверстиями для крепления к основе. Предмет не дошел до нас полностью – нижняя правая часть его отсутствует (рис. 1, 1). Высота его 6,3 см, ширина у основания ≈6,1 см. Находка не имеет прямых, известных нам аналогий в материалах с территории Северного Кавказа. В то же время, если обратиться к «киммерийским» древностям Северного Причерноморья, то в известном Зольном кургане близ г. Симферополя найдены резные костяные украшения – лунницы, схема которых, а также сама манера составлять тулово украшения из кружков с маленьким кружком в центре (при этом самый крупный из них обязательно находится на самом верху «арки»), весьма напоминают описанную выше находку из погребения № 1 [17, с.44–46, рис.17, 3,4,8]. Разница только в том, что у находок из Крыма в схеме «арки» нет основания. Если артефакты из Зольного бесспорно являются украшениями верхового коня, то в нашем случае возможна иная атрибуция костной поделки, которая могла быть, например, украшением горита.

Бронзовая ажурная пластина, край которой обломан, в сохранившемся виде имеет в длину 2,9 см, а в высоту 1,4 см. В ее верхней части проходит сквозное продольное отверстие-канал для крепления или подвешивания; в самой пластинке проделаны три отверстия в виде равнобедренных треугольников, направленных вершинами вниз. Нижний край пластинки имеет зубчатую конфигурацию (рис. 1, 2). Данный предмет также не имеет известных нам аналогий. Его атрибуция подлежит установлению.

Погребение № 2 даже после ограбления содержало большее число находок. Образцы вооружения представлены в нем бронзовым наконечником стрелы с тремя лопастями, концы которых опущены вниз, с неполностью сохранившейся втулкой (рис. 1, 3). Сохранившаяся длина экземпляра – 3,4 см. Судя по рисунку А. П. Рунича, наконечник деформирован. Причиной деформации могло быть попадание в цель, например, в тело человека, а конкретно, в кость. Не исключено, что именно этот предмет стал причиной смерти владельца найденных здесь артефактов. Наконечник может быть сближен с находками некоторых трехлопастных бронзовых наконечников из слоя Кармир-Блура, которые, согласно авторитетному мнению С.В. Махортых, относятся к числу древнейших скифских и фиксируют контакты Урарту и скифов во второй – начале третьей четверти VII в. до н.э. [13, с. 75, рис. 4, 89; С. 80, 3], а также из погр. 2 могильника Уллубаганалы 2 (конец VII – начало VI в. до н.э.) в Карачаево-Черкесии [10, с. 302, рис. 5, 10].

Круглые бляшки-пуговицы диаметром соответственно 1,8 и 2,0 см (рис. 1, 5, 6) с солярным ромбическим значком (в других описаниях – четырех лучевой розеткой, четырехугольной звездочкой), имеющие тыльную петлю для крепления, относились В.И. Козенковой к снаряжению коня, конкретно, к III типу уздечных блях ее «западного варианта» кобанской культуры (КИО) [8, с. 108, 111]. Любопытно, правда, что в специальной монографии, где рассматриваются эти предметы, образцы, аналогичные найденным в погр. 2, почему-то отсутствуют в сводной таблице XXVIII, хотя на момент публикации указанного исследования они были хорошо известны в научной литературе [2, с. 191, 193, рис. 3, 8; 5, с. 195, рис. 195, рис. 6, 6; 18, с. 300, рис. 7, 3, 4, 9; с. 301, рис. 8, 3].

Одновременно нельзя не заметить, что в таком эталонном памятнике кобанской КИО, как могильник Клинь-Яр III под г. Кисловодском, ряд подобных блях с солярной символикой был найден в невоинских мужских и даже женских могилах, что позволяет считать указанные бляхи не только принадлежностью конского убранства, но и полифункциональным аксессуаром [3, с. 358, рис. 258, 14–16].

Бронзовая ворворка (рис. 1, 4) принадлежит к типу, форма которого одними археологами описывается, как усеченно-коническая [8, с. 115], а другими – как воронковидная [15, с. 29], причем во втором случае А.П. Мошинский делает немаловажное примечание в том смысле, что от термина «усеченно-конические» пришлось отказаться, так как стенки ворворок не бывают прямыми [15, с. 29]. В нашем случае это замечание учёного более чем оправданно. Предмет имеет манжетовидное расширение в верхней части диаметром 1,3 см, в нижней части диаметр находки 2,7 см. Высота ворворки 2,5 см. Образцы подобного типа имеют широкий диапазон бытования – от второй половины VIII в. до н.э. до начала IV в. до н.э. [6, с. 38]. В то же время, они почти никогда не имеют указанного расширения в верхней части. На наш взгляд, здесь имело место влияние образцов ворворок типа Былымского клада [1, с. 28, табл. I, 7]. Дата этого клада является дискутируемой [1]. А.П. Мошинский отмечал, что ворворки традиционно связывались с упряжью. На материалах исследованного им могильника Гастон Уота в горной Дигории этому автору удалось показать полифункциональность ворворок, которые могли быть как приспособлениями для регулировки и крепления узлов на ремнях узды, так и затягивания петли на пучке стрел [15, с. 30].

Исследования, проведенные нами с А.Б. Белинским на репрезентативных материалах могильника Клинь-Яр III, дали возможность утверждать, что ворворки использовались населением, оставившим этот памятник, как аксессуары мужской одежды, костюма [3, с. 343–346]. На то, что подобные предметы могли быть атрибутами многоцелевого назначения, указывают и сильные колебания В.И. Козенковой в вопросе об их интерпретации. Если в своем Своде археологических источников (САИ) 1995 г. она трактовала их как ворворки первого типа VIII ва-

рианта [8, с. 115], то в САИ 1998 г., заметим, безо всяких пояснений, исследователь выделила их уже в XXI тип бронзовых привесок «западного варианта» кобанской культуры [9, с. 46–47, 169, табл. XIII. 1].

Массивная височная подвеска из сурьмы, круглая в сечении (рис.1, 9) имеет вид кольца в один оборот, с заходящими друг за друга концами, один из которых слегка загнут, а другой имеет гвоздевидную шляпку (диаметр предмета – 2,7 см). Аналогичная ей, также из сурьмы, была найдена А.П. Руничем в погр.1/2 того же Березовского могильника № 1 в 1958 г. [16, с. 14]. Еще одна подобная подвеска, из того же металла была обнаружена в погр.3/6 могильника Индустрия № 1. Наконец, экземпляр подвески указанного типа, но сделанный из бронзы, выявлен в погр.6/9 могильника Султан-гора № 1 [9, с. 36, 165, табл. IX, 21]. Все вышеприведенные предметы из памятников кобанской КИО В.И. Козенкова датировала VII–VI вв. до н.э., отметив при этом, что они входили в состав мужских инвентарей [9]. Археолог отметила параллели этим артефактам за пределами кобанской КИО в памятниках «новочеркасского типа» (такое определение конкретных памятников этим ученым было, как мы увидим чуть ниже, ошибочно) в киммерийской степи, где они единичны. В.И. Козенкова полагала проникновение данных подвесок в степь именно с территории своего «западного варианта» кобанской культуры, поскольку кобанские образцы-де более ранние. Необходимо обратить внимание заинтересованных специалистов на то, что погр. № 2 кург.14 у с. Львово Херсонской области, содержавшее пару подвесок, аналогичных березовскому образцу, отнесено С.В. Махортых к первому периоду *черногоровских* памятников киммерийской степи. При этом весьма немаловажно, что данные памятники имеют тесную связь с материалами эпохи поздней бронзы, принадлежащими к кругу белозерской культуры [13, с. 255, 259]. Подвеска рассматриваемого типа из погр.5 кургана Высокая Могила, найдена в комплексе, который принадлежит к кругу древностей третьего этапа опять-таки *черногоровских* памятников. Они, по наблюдениям С.В. Махортых, имели тесные связи с жаботинскими и позднечернолесскими обитателями Лесостепного Поднепровья и Поднестровья [13, с. 267]. Приведенные выше данные говорят о том, что находки рассматриваемых подвесок в степи никак не могут быть датированы позже VII–VI вв. до н.э., как вытекает из логики рассуждений В.И. Козенковой.

Бронзовые рифленные трубочки головного убора длиной 6,3 и 4,3 см (рис.1, 26–28) принадлежат ко II типу, 3 варианту, привесок т.н. западного варианта кобанской КИО [9, с. 39, 167, табл. XI, 3]. Они датированы В.И. Козенковой в основном X – первой половиной VII в. до н.э. [9]. Однако их находки имеются и в погребальных комплексах VI–V вв. до н.э. (Белореченский 2-й могильник, погр. 24) [7, с. 79, рис.18, 4]. Бронзовая игла длиной 8,7 см с подовальным ушком наиболее близка экземпляру из того же Березовского могильника № 1, найденному случайно в 1947 г. [9, с. 14, 159, табл. III, 4]. Он отнесен указанным исследователем к группе образцов игл VIII – VII вв. до н.э. [9].

Наконец, в погребении № 2 выявлена просверлённая каспийская раковина *Cardium* sp. – редкая находка в западнокобанских древностях [9, с. 47, 169, табл. XIII, 7], игравшая роль оберега, а также 15 бусин из сердолика разного размера (от 1,8–2,0 см до 0,3 мм) овальной и усеченно-биконической формы, которые во множестве встречаются в женских захоронениях западной Кобани в эпоху раннего железа.

Курьезом является наличие в погребении № 2 двух бронзовых височных подвесок в виде «знака вопроса» (рис.1, 23,24), которые датируются XIII – XIV вв. до н.э. [11]. Как сообщил автору заведомо природы и археологии Пятигорского музея краеведения, к.и.н. С.Н. Савенко, на могильном поле, где располагается Березовский могильник № 1, выявлены и захоронения средневековых кабардинцев.

Вполне вероятно, что при совершении одного из них в указанный хронологический промежуток, более поздняя могила нарушила погребение эпохи раннего железа, и артефакты из нее оказались в остатках древнего комплекса.

Подведём итоги нашего анализа. Погребение № 1 по сохранившимся двум предметам – изделию из кости и бронзовой пластинке – может быть датировано концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. Сложнее обстоит дело с погребением № 2, предметы из которого, как было показано выше, имеют известный хронологический разброс. Определяющими в установлении даты рассмотренных выше артефактов являются наконечник стрелы, височная подвеска и бляшки с солярным орнаментом. Они, на наш взгляд, указывают на VII в. до н.э., конкретно, на его середину – вторую половину, как на наиболее вероятную дату вещевого набора. Погребения этого временного диапазона все еще весьма немногочисленны в местных древностях эпохи раннего железа, поэтому публикация представленных материалов погребения № 2 имеет особый научный интерес. Материалы из обоих захоронений демонстрируют связи местного кобанского населения с миром ранних кочевников Северного Причерноморья и соседними районами северокавказского региона. Они должны найти свое место в изучении эпохи начала раннего железа Кавказских Минеральных вод.

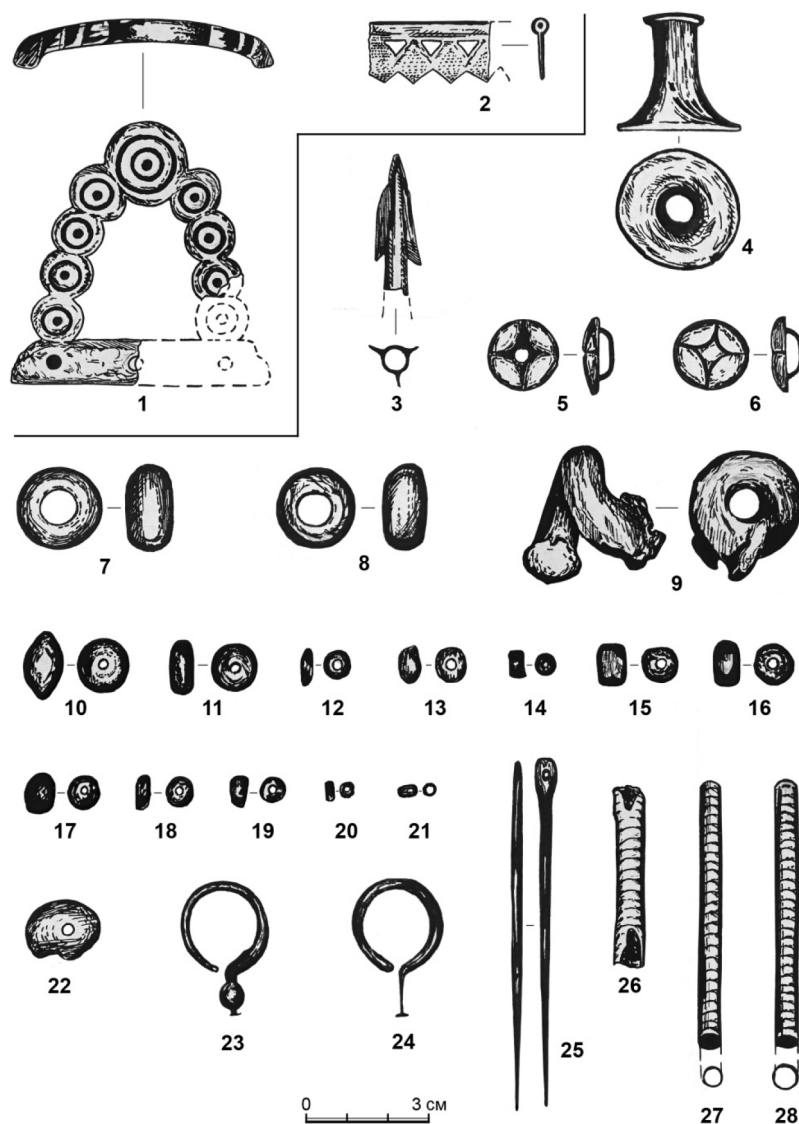

Рис. 1. Материалы погребений №№ 1 и 2 Березовского могильника № 1 (находки А.П. Рунича 1946 г.).

Список литературы

1. Батчаев В.М. Клад из селения Былым // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики, 1980. С. 26–51.
2. Белинский А.Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе // СА. 1990. № 1. С.190–195.
3. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. 446 с.
4. Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. С.29–63.
5. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980. С.184–199.
6. Дударев С. Л., Гурова Е.А. О некоторых новых находках принадлежностей конской сбруи раннего железного века из музеев образовательных учреждений Краснодарского края // Девятнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (статьи и тезисы докладов) / ред. С.Л. Дударев. Армавир: Дизайн-студия Б, 2023. С.35–39.
7. Дударев С.Л. Белореченский могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир: РИЦ Армавирского государственного педагогического университета, 2004. С. 16–100.
8. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) // САИ В2-5. М.: Наука, 1995. 166 с.
9. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ В2-5. М.: Наука, 1998. 200 с.
10. Козенкова В.И. Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. 1992. Вып. 24. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 428 с.
11. Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Вып.16. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с.
12. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
13. Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях, 2005. 380 с.
14. Махортых С.В. Скифы и Урарту // Археологія і давня історія України. 2020. Вип.3 (36). С.75, рис.4, 89; С.80.
15. Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII – IV вв. до н.э. М.: ГИМ, 2006. 208 с.
16. Рунич А.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавминвод в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1720.
17. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
18. Флеров В.С., Дубовская О.Р. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып.1. М.: Центр «Шелковый путь», 1993. С.262–303.

Елин В.И.,
*аспирант кафедры Российской истории исторического факультета, ФГАОУ «Самарский
национальный исследовательский университет им. С.П. Королева»*

Научный руководитель: Кабытова Н.Н.,
*доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории исторического факультета
Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева*

РАБОТА ГОРОДСКОГО ТЕАТРА В САМАРЕ В 1920-е гг.

В статье рассматриваются вопросы развития театральной культуры в Советской России в 1920-е годы на примере Самарского городского театра. Анализируются репертуар театра, по-

казано мнение современников и политика властей в развитии и понимании идейного содержания театрального искусства.

Ключевые слова: театр; Самара; театральная политика советской власти

Yelin V.I.,

Graduate Student, Department of Russian History, History Faculty, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Samara National Research University Named after Academician S.P. Korolyov»

Scientific adviser: Kabytova N.N.,

Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian History, History Faculty, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Samara National Research University Named after Academician S.P. Korolyov»

THE WORK OF THE CITY THEATER IN SAMARA IN THE 1920s

The article examines the development of theatrical culture in Soviet Russia in the 1920s using the example of the Samara City Theater. The theater repertoire is analyzed, the opinion of contemporaries and the policy of the authorities in the development and understanding of the ideological content of theatrical art are shown.

Keywords: theater; Samara; theater policy of the Soviet government

В послереволюционный период в России наметились значительные изменения в сфере культуры. Государство ставило перед собой задачу – воспитание человека нового времени. Данное воспитание базировалось на марксистско-ленинской идеологии.

Особое внимание уделялось развитию театральной культуры. Данной теме посвящены статьи М.С. Гапеевой [3, с. 195–196], Е.В. Сотниковой [7, с. 44–46], Ю.В. Казанцевой, С.П. Постникова [6, с. 271–276], Н.В. Шалаевой [8, с. 187–189] и т.д. Также важно обратить внимание на статьи А.В. Луначарского, П.М. Керженцева, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого и других большевиков. В них подробно рассматривается становление театрального искусства в 1920-е годы, а также нового репертуара в этот период. Важно отметить, что роль и место театра в жизни общества в первую очередь утверждается через реализацию его функций. Театральное искусство было направлено на художественное и политическое воспитание народных масс.

Но больше всего хотелось бы обратить внимание на работу театров в провинциальных городах. Среди них – Городской театр в Самаре (ныне – Самарский академический театр драмы им. М. Горького). Самарский театр драмы начал свою работу в 1851 г. при губернаторе С.Г. Волховском. Тогда в городе появилась первая профессиональная труппа — антреприза Е. Стрелкова. Она выступала в специально приспособленном доме купца Лебедева. Но в 1854 г. особняк Лебедева сгорел. На следующий год у театра появилось деревянное здание. В 1888 г. по проекту архитектора М. Н. Чичагова было построено новое каменное здание учреждения культуры.

В репертуар театра входили классические пьесы, а также пьесы современных авторов. В декабре 1917 г. председатель театральной комиссии в Самаре А.А. Смирнов выступил с подробным анализом творческой и финансовой деятельности городского театра. Начался новый этап развития театральной культуры, связанный с утверждением принципов социалистического реализма в искусстве.

19 октября 1918/1919 гг. в городском театре открылся новый сезон. В этот период театральный коллектив одним из первых в России поставил пьесу «Враги» А.М. Горького. Важно об-

ратить внимание на то, что эта пьеса была запрещена до революции. В последующие сезоны были поставлены другие пьесы А.М. Горького – «На дне», «Дети солнца» и т.д. В последующие сезоны были поставлены пьесы «Взятие Бастилии» Р. Роллана, «Королевский брадобрей» А.В. Луначарского, «Стенька Разин» В. Каменского. В 1919 г. А.В. Луначарский писал: «Революция открыла театру русскую историю... Исторические спектакли... производят на публику, и в особенности на публику демократическую, неизгладимое впечатление». [5; С.63]

По состоянию на 1925 г. главным режиссером и заведующим художественной частью был заслуженный артист советских театров Н. И. Андреев-Ипполитов. Администратором театра был А.М. Болонин, режиссером Ю.В. Юренев, заведующим музыкальной частью А.А. Степанов, художником-декоратором – И.М. Левин. Помощниками режиссера были Г.И. Туманов и А.И. Александров, суфлером – П.К. Ильинский, грим и парики готовила А.Н. Никитина, костюмершей была Н.В. Самарцева, машинистом сцены – И.С. Маклаков. В состав драматической труппы входили: В.К. Вышневецкая, Н.М. Гальченко, А.И. Гноринская, Е.В. Ильчевская, Т.Н. Изломова, М.В. Лесная, М.Д. Любимова, В.Д. Мошкова, А.С. Сергеева, С.И. Скавронская, М.Ф. Стрелкова, Л.П. Фатеева, Е.К. Эделева, А. Н. Александров, А.М. Арнольдов, Н.Н. Бассардин, В.М. Братанов, Ф.П. Бельский, П.Г. Бем, В.П. Бурлаков, В.Я. Демидовский, П.О. Заречный, М.В. Ильнаров, П.К. Ильинский, М.Г. Князев, В.Н. Николаев, В.П. Сворожич, А.Н. Шешин, Р.Ф. Талер, Г.И. Туманов, Н.М. Чернышов, К.Н. Шадрин, Ю.В. Юренев [1, с. 253–254].

В театральный сезон 1925/1926 гг. состав труппы полностью изменился. В него входили: женский персонал: Н.А. Грановская, И.Н. Дымковская, Е.В. Карпова, Т.А. Каренина, Е.К. Кафафова, Т.М. Селянинова, М.А. Усова, В.В. Форштедт, Н.М. Эльдарова; мужской персонал: М.Н. Александровский, М.А. Варегин, Д.М. Голубинский, П.В. Деев, В.С. Дмитриев, С.С. Митрофанов, В.А. Николаев, А.С. Панов, В.В. Рубцов, А.С. Суханов, А.В. Турцевич, Б.А. Шадурский, Ю.М. Шишкин.

Заведующим художественной частью и главным режиссером был А.В. Турцевич, режиссером – П.П. Ивановский, режиссером-администратором – Б.А. Варегин, помощником режиссера Е.Л. Минкин, машинистом сцены И.С. Маклаков, заведующим костюмами – М.Я. Майман, заведующим бутафорией – Н.Н. Буров, художником-декоратором – П.П. Снопков.

В театральном сезоне 1925/1926 гг. ставились следующие пьесы: В. Шекспир – «Юлий Цезарь», «Гамлет»; М.Ю. Лермонтов – «Маскарад»; Ф.М. Достоевский – «Преступление и наказание»; И.Д. Сургучев – «Осенние скрипки»; Д. Лондон – «Волчьи души»; Ф. Шиллер – «Дон Карлос»; Л. Толстой – «Живой труп», «Плоды просвещения»; Н.Эрдман – «Мандат»; А. Толстой – «Изгнание блудного беса»; Ю. Юрьин – «То, чего не было»; М. Тригер – «Мистер Могридж младший»; Шаповаленко – «1881-й год», «Гапон», «Смерть Петра I»; Э. Скриб – «Стакан воды»; Б. Ромашов – «Воздушный пирог»; А.Луначарский – «Медвежья свадьба», «Поджигатели», «Яд»; Б.Рында-Алексеев – «Железная стена», «Черный Джо»; А.Дюма – «Тайна Нельской башни», Е. Замятин – «Общество почетных звонарей» [2, с. 324–325]

В 1926 г. Городской театр стал полностью государственным и стационарным [5, с. 67].

Важно отметить, что учитывалось мнение зрителей. В качестве примера можно привести статью из газеты «Коммуна» от 8 августа 1922 г.: «Если непосильны для постановки революционно-пролетарские пьесы, если их мало, то отчего не взяться за последние дореволюционные произведения русской и иностранной литературы, которые несравненно больше отвечают настоящему, чем затхлое обывательское старье? Горький, Чехов – неисчерпаемый источник, готовый дать богатую пищу пытливному уму, желающему жить и работать. Кроме русской литературы, не малое значение может иметь иностранная. Ибсен – со своим печальным и мощным духом, Метерлик, Гауптман, Бьерисон, Б. Шоу, Гамсун.

При отсутствии пьес классового-пролетарского содержания нам нужны плоды человеческой мысли последнего, дореволюционного времени: – они дадут несравненно больше, чем пошное мещанское старье, они полнее ответят нашим культурным запросам» [4, с. 3–4].

В послереволюционный период в театральной жизни Самары происходили значительные преобразования. В первую очередь, это было связано с изменением репертуара театров. Поскольку перед государством ставилась задача воспитания человека нового поколения, то на театральной сцене ставились пьесы революционно-идеологической направленности. Среди них – «Бронепоезд 14–69» Вс. Иванова, «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Любовь Яровая» К. Тренева и т.д. Эти пьесы отражали революционную действительность и идеально передавали атмосферу того времени. Государство стремилось через театральное искусство развить революционный дух молодого поколения людей.

Список литературы

1. Адрес-календарь «Вся Самара за 1925 г.». 262 с.
2. Адресно-справочная книга «Вся Самара и губерния на 1926 год». 642 с.
3. Гапеева М.С. Национальный театр 1920-х годов как средство советской пропаганды // Научный педагог. 2018. №5. С. 194–205.
4. Газета «Коммуна». 08.08.1922. С. 4.
5. Драматический имени Горького. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1976. 207 с.
6. Казанцева Ю.В. Постников С. П. Театр в повседневной жизни уральцев (1920-е гг.) // Культура Урала в XVI – XXI вв.: исторический опыт и современность. Книга вторая: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию профессора В. Г. Чуфарова, Екатеринбург, 22 февраля 2008 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. С. 270–276.
7. Сотникова Е.В. Идеи Пролеткульта в театрально-просветительской деятельности в Сибири 1920-х годов // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. Т.6. № 1. С. 43–46.
8. Шалаева Н.В. Репертуар, пьеса, сюжет: становление советского театра (1920-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. №21. С. 186–189.

Ефремов И.П.,
студент 2 курса магистратуры,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ С 1990 ПО 2003 ГОД (ИЗ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

В статье приводится ряд исторических примеров в Магаданской области, которые затрагивают проблему взаимоотношений религиозных общин на постсоветском пространстве. Статья показывает отношение самой многочисленной и традиционной религиозной организации «Русская Православная Церковь Московского Патриархата» к активной западной религиозной экспансии на территории области, опираясь на материалы периодической печати 1990–2003 гг.

Ключевые слова: Магаданская область; Магаданская епархия; традиция; религиозные отношения; просвещение; Русская Православная Церковь; секты

Efremov I.P.,

2nd Year Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «North-Eastern State University»

PROBLEMS OF HARMONIZATION OF INTER-RELIGION RELATIONS IN THE MAGADAN REGION FROM 1990 – 2003 (FROM MATERIALS OF ARTICLES IN LOCAL PERIODICAL PRESS)

The article provides a series of historical examples in the Magadan Region that address the issue of relations between religious communities in the post-Soviet space. The article demonstrates the stance of the most numerous and traditional religious organization, the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, towards the active Western religious expansion in the region. Conclusions are drawn based on materials from periodicals of the years 1990–2003.

Keywords: Magadan Region; Magadan Diocese; tradition; religious relations; enlightenment; Russian Orthodox Church; sects

В начале третьего тысячелетия наш мир прогрессивных информационных технологий, где люди все ближе и ближе становятся друг к другу, где есть возможность общения разных групп людей, находящихся на разных сторонах планеты, вступил в новую фазу развития. Человечество начало образовывать единое информационное пространство, более активно взаимодействовать, несмотря на религиозные, этнические и социальные различия. Казалось, что так и будет продолжаться очень долго. Процессы глобализации смогут с еще большей интенсивностью оказывать влияние на прекращение войн, на обеспечение голодающих, а обескровленным давать крышу над головой. Однако все вышло иначе: эти процессы сыграли опасную шутку со всем человечеством. Все началось с эпидемии, которая охватила всю планету, а заканчивается чередой продолжительных региональных войн в разных местах мира. Конечно, в том числе, и информационные технологии оказывают существенное влияние на течение событий в истории человечества. Сейчас в мире идут процессы по деглобализации, и несут они, к сожалению, много негативных и разрушительных последствий для общества. Развернувшийся процесс регионализации сопровождается выстраиванием границ и разделений по всем фронтам привычной жизни обывателя. Разделение человечества по религиозному и национальному признакам вновь усиливается.

В этом свете человеку очень тяжело ориентироваться в этом мире: общество будет активно требовать от него принятия истины той или иной стороны, сначала на бытовом уровне, а затем и на более масштабном – уровне личности. Православная церковь всегда была на стороне всестороннего развития, и всегда оказывала существенное влияние на формирование стойкой, целостной, умеющей адекватно ориентироваться в мире нравственно и духовно развитой личности.

С 1991 года, когда была образована Магаданская епархия, а Советский Союз прекратил свое существование, Магаданская область вставала перед разными вызовами глобализации. Одним из этих вызовов стал наплыв различных западных христианских конфессий и всевозможных сект, которые в то время активно финансировались для совершения религиозной экспансии в среде духовно неокрепшего населения региона. Уже в 1992 году владыка Аркадий (Афонин) в интервью газете «Магаданская правда» говорил: «Вы знаете, что в Магадане сейчас наблюдается особый наплыв различных проповедников. Буквально на днях мне принесли листовку, которая свидетельствует о том, что в клубе «Подвиг» начал действовать какой-то кружок, который разбирает, почему было ниспослано проклятие на Россию и как от этого проклятия из-

бавиться. В клубе, который должен воспитывать будущих воинов, вдруг зародилась какая-то немыслимая секта?! Также встретился я недавно с католическим миссионером, неким Янисом – люди стали жаловаться, что в их почтовые ящики кто-то бросает агитки-приглашения, весьма настойчивые, чуть ли не с угрозами. Спрашиваю его: как вы попали в Магадан? – По приглашению. – Какому приглашению? – По приглашению священника католической общины. – Как же он вас пригласил, ведь он сам здесь чужестранец! Тогда он замешкался и говорит: Бог меня сюда позвал, чтобы научить людей, как жить с Богом...» [8, с. 4].

Само собой, это не значит, что население активно вступило в религиозную вражду: имело место и сотрудничество между официальными церквями. Так, в этом же году состоялся визит католического епископа Анкориджского Френсиса Херли. В Свято-Духовском храме епископы совместно провели Рождественское богослужение, в знак дружбы они обменялись подарками: владыка Аркадий вручил епископу Френсису четки из самоцветов, а Анкориджский гость снял с себя крест, доставшийся ему в наследство от брата, и подарил православному епископу [2, с. 1].

Не всегда в то время можно было встретить такие теплые отношения между конфессиями, и особенно сектами, которые все более активизировали свою деятельность среди духовно неокрепшего населения. На период управления епархией владыки Аркадия ему выпало самое трудное время по духовно-нравственному укреплению жителей области. В первую очередь, эта деятельность была направлена на молодых людей. В пример можно привести организацию ОРИОР (Отряд российских юных разведчиков) [1, с. 3] и СПМ «Крылатый Серафим» (Союз православной молодежи) [3, с. 1]. Клубы вели широкую деятельность в сфере просвещения, а также духовного и физического укрепления молодежи.

К 1997 году новый епископ Ростислав (Девятков) в интервью газете «Вечерний Магадан» замечал: «На фоне двух православных храмов и часовенки невероятной роскошью поражают пристанища представителей других конфессий» [6, с. 6–7]. На первый взгляд, может показаться, что общественной угрозы сект и многообразия конфессий нет. Однако, это лишь иллюзия. Подрывается культурная целостность народностей, что является первой проблемой для религиозно-культурной гармонии и взаимопонимания в обществе, в котором представлены традиционные для нашей страны религии. Наше государство веками адаптировалось к жизни, когда огромное количество различных культур по всей стране составляли единое целое: некогда самобытное для одних становилось родным для других. Такая тенденция в культуре была фактором объединения, тогда как новые секты стремились к вытеснению прежней культуры. К тому же они несли деструктивные последствия и для самого человека, разрушая его личность, и все больше подчиняя его волю общине или главному проповеднику. Надо иметь в виду, что религиозно-культурное влияние в политологии традиционно рассматривается как один из властных ресурсов, с помощью которого можно попытаться изменить мировоззренческие основы и поведенческие ориентиры в той общности, которая подвергается воздействию. Это своего рода перекодировка сознания, распознать которую и справиться с ней может далеко не каждый человек, в результате чего беспрепятственная деятельность представителей тех или иных конфессий может стать даже угрозой национальной безопасности.

Большой и богатый регион, так отдаленный от центра, привлекал внимание западных соседей, которые готовы были идти на любые траты, чтобы получить расположение населения. Одно только большое и богатое здание Адвентистов в центре города навеивает на мысль, что его вряд ли могли построить горожане сами и за свои деньги. И землю передали, и материалы для строительства продали, когда все готовые материалы, прибывшие из Соединенных Штатов, уже находились в одном из портов Владивостока, и по неизвестной причине на долгое время были там задержаны, что увеличило стоимость постройки вдвое.

Огромное финансирование различных сект с Запада было очень ощутимым в разных сферах социальной жизни, как среди юных магаданцев, так и вполне состоявшихся горожан. Православная церковь пыталась активно противостоять этой тенденции. Так, в 1993 году в одном из домов культуры была открыта воскресная школа для духовно-нравственного просвещения детей. На первое занятие пришло большое количество ребят, однако на следующую встречу их было меньше. Заведующая дома культуры опросила бывших участников, и выяснила причину такой разницы в посещении – к детям в общеобразовательную школу приходили протестанты с гостинцами в виде разноцветных буклетов, жвачек и подарками. Таким образом, у детей сформировалось представление о христианстве как об очередном развлекательном аттракционе. «Если призадуматься, экспансия (вторжение) в нашу страну начинается с детских игрушек» [5, с. 7].

Помимо прямой экспансии, имело место и распространение различных негативных верований среди населения. Например, летом 1993 года газета «Вечерний Магадан» провела анкетирование горожан, и среди всех опрошенных 56% верило в оккультизм и астрологию [7, с. 7].

В 1990-е годы в России и на Дальнем Востоке, в том числе, в Магаданской области, стали активно действовать самые деструктивные секты – это «церковь Муна», сайентология-дианетика Хаббарда, «Свидетели Иеговы», «Слово жизни» и еще ряд других [4, с. 4]. Их деятельность стала приобретать все больший резонанс, который уже начал беспокоить не только православную церковь, но и официальные власти. К тому моменту местные региональные власти в некоторых регионах России (Санкт-Петербург, Ярославль) приняли ряд законов, ограничивающих деятельность иностранных сект. К такой работе епархия активно призывала также и Магаданскую думу, чтобы деятельность развивалась по примеру этих регионов [6, с. 6–7].

В целом, подводя итоги проделанной православной церковью многолетней работы в просвещении людей, можно сказать, что спустя только десятилетия удалось искоренить сектантство в общественной среде. Уже к 2003 году прокуратура области провела исследование, и из 68 зарегистрированных религиозных некоммерческих организаций более 45 были православными. Православие в Магадане, помимо борьбы с деструктивными объединениями, еще и наладило нормальное взаимодействие с другими официальными религиозными объединениями, и Магаданская епархия всегда выступала за мир и адекватный, компромиссный диалог, в том числе, и с язычеством коренных малочисленных народов Севера. Владыка Феофан так высказывался об итогах деятельности церкви в регионе: «Ведется строительство собора, в епархии трудятся 18 священников, строятся новые храмы. Во многих школах ведется факультатив «Основы православной культуры» (ОПК), спецкурс читают в Северном международном университете, издается газета «Колымская лампада», три года идут «Рождественские чтения». В область уже не просятся иностранные проповедники-миссионеры, чтобы «учить нас верить в Бога», в каждом приходе работают воскресные школы для взрослых и детей» [9, с. 7].

Современный религиозный облик общества в области показывает большой процент православных людей. Этому свидетельствуют такие статистические показатели, как выбор ОПК в школах (некоторые поселки 100%, а по области больше 80%), количество прихожан в храмах (храмы сейчас есть в каждом поселке области) и опросы населения (независимые опросники показывают результаты в области от 76-90% людей, считающих себя православными христианами).

Церковь извечно занимается вопросами духовного просвещения людей от начала своего существования. Сам образ Церкви, все ее признаки, свойства направлены не только на нравственное совершенствование, но и на преображение духа. От этого совершенно понятно, что православное христианство – это не только религия, это образ жизни, это единственно верное и истинное мировоззрение.

Список литературы

1. Александрова В. За Россию – всегда готов! // Магаданская правда. 1993. 9 октября.
 2. Голов П. Едино в целях // Магаданская правда. 1992. 10 января.
 3. Зуева Э. Знакомьтесь: союз православной молодежи // Магаданская правда. 1993. 16 января.
 4. Рыжов С. Пора образумить религиозных миссионеров // Вечерний Магадан. 1997. 24 января.
 5. Рыжов С. «Горе вам...» // Вечерний Магадан. 1993. 23 апреля.
 6. Рыжов С. Епископ Ростислав – об Архиерейском соборе Русской Православной Церкви // Вечерний Магадан. 1997. 21 марта.
 7. Рыжов С. Человек в «зверином круге» // Вечерний Магадан. 1993. 25 июня.
 8. Сиразетдинов Р. «Владыка обратился к государственным мужам...» // Магаданская правда. 1992. 29 октября.
 9. Тихменева В. «По делам узнаете их» // Вечерний Магадан. 2003. 30 мая.
-

Коломиец О.П.,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН», обособленное подразделение лаборатории истории и экономики (г. Анадырь)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЧУКОТСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ В 2023 г.*

** Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков), проект: «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток».*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением общественного мнения в Чукотском АО в настоящее время по вопросам актуальной политической повестки в современной России – выяснение путем анкетирования мнения целевой группы (студенческой молодежи) о политической ситуации, проблематике межнациональных отношений, миграционной ситуации в регионе, и представлены статистические результаты проделанного исследования.

Ключевые слова: изучение общественного мнения; студенческая молодежь; современные политические проблемы России; Чукотский АО

Kolomiets O.P.,

Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Separate Unit of the Laboratory of History and Economics (Anadyr) of the North-Eastern Complex Research Institute named after N.A. Shilo, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences

RESULTS OF THE STUDY OF PUBLIC OPINION ON ISSUES OF INTERETHNIC RELATIONS IN CHUKOTKA AUTONOMOUS REGION IN 2023*

** The study was carried out with the support of the Russian Ministry of Education and Science within the framework of the Scientific Research Program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity 2023–2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov), project: «Asian Russia: demography, ethnic composition of the population and interethnic relations in the new conditions of a turn to the East».*

The article discusses issues related to the study of public opinion in the Chukotka Autonomous Okrug at the present time on issues of the current political agenda in modern Russia – clarifying, by questioning, the opinions of the target group (student youth) about the political situation, issues of interethnic relations, the migration situation in the region, and presents statistical results of the study.

Keywords: *study of public opinion; student youth; modern political problems of Russia; Chukotka Autonomous Okrug*

Исследование межнациональных отношений на территории Чукотского автономного округа является продолжением многолетней работы российских ученых, связанной с изучением этнодемографических процессов, межэтнических отношений и миграционной ситуации в регионах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов [2; 3]. Изучение этнодемографических процессов проводилось в 12 регионах по единому плану: характеристика этнического состава населения региона, его динамика, особенности и состояние накануне переписи 2020 года; характеристика миграционных процессов в регионе; анализ общественного мнения и мнения учащейся молодежи по вопросам миграций в регионе [4; 1]. В рамках текущих исследований весьма важным представляется изучение влияния последних политических событий на состояние межнациональных отношений в регионах Азиатской части Российской Федерации.

Настоящий опрос проходил в октябре – ноябре 2023 г. среди студенческой молодежи Чукотского автономного округа. Цель анкетирования – выяснение мнения целевой группы о политической повестке страны, проблематике межнациональных отношений, миграционной ситуации в регионе.

В Чукотском автономном округе функционируют 4 профессиональные образовательные организации, реализующие образовательные программы среднего профессионального образования и 1 организация, реализующая образовательные программы высшего профессионального образования. В столице ЧАО г. Анадыре действуют два учебных заведения среднего и высшего профессионального образования. Из-за малочисленности студентов в Чукотском филиале ФГА-ОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова» (ЧФ СВФУ) объективно невозможно выполнить условия по выборке респондентов. В связи с этим опрос проходил среди обучающихся ГАПОУ ЧАО «Чукотский многопрофильный колледж» (ЧМК).

За период опроса анкеты собрали 207 анкет. Выборка составила 200 анкет. Репрезентативность выборки определена по полу; национальная принадлежность, образование, профессиональный статус респондентов не учитывались при выборе участников анкетирования. Из 200 респондентов, вошедших в выборку опроса, 100 чел. (50%) – девушки, 100 чел. (50%) – юноши. В анкетировании приняли участие русские (39 чел.), чукчи (103 чел.), эскимосы (10 чел.), эвены (7 чел.), чуванцы (5 чел.) и представители других национальностей. Не указали национальность 23 чел.

Респондентам предлагалось ответить на 30 вопросов с возможностью написания своего варианта ответа или комментария.

Постоянно интересуются политическими и социально-экономическими новостями 13,5%; время от времени интересуются 61,5%; не интересуются – 25% опрошенных.

На вопрос об изменении внешнеполитической стратегии Российской Федерации в 2022 г. (поворот на Восток), респонденты ответили следующим образом: по мнению 48%, страна стала больше ориентироваться на Восток в политике; 44,5% считают, что в экономике; 33,5% полагают, что в культуре.

Личная оценка респондентами поворота России на Восток, который произошел в экономике, политике, культуре: 32,5% оценивают положительно; 6,5% – отрицательно; 28% считают, что сложно сказать, чего больше от этого поворота – плюсов или минусов, будущее покажет; 8% ответили, что не важно, как этот поворот оценивают лично, потому что у России другого вы-

бора не было, это вынужденная и неизбежная мера; 23,5% затруднились ответить, ничего или почти ничего не знают про этот поворот.

36% опрошенных считают, что поворот на Восток скажется на положении региона положительно, это приведет к развитию региона и азиатской части России в целом; 10% считают, что отрицательно, потому что Китай будет вывозить все ресурсы, а регион заполонят китайские мигранты и мигранты из Центральной Азии; 14,5% полагают, что никак не скажется, потому что нет никакой разницы, куда продавать ресурсы – на Запад или на Восток; затруднились ответить – 38,5%.

По мнению 52,5% опрошенных, правильно называть многонациональное население нашей страны россиянами; по мнению 15,5%, правильно говорить «российский народ»; 20,5% считают, что правильно называть русскими; 6,5% считают, что нет общего названия.

Тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит, безусловно, больше пользы, как считают 29% опрошенных студентов; скорее, больше пользы – 35%; не приносит ни пользы, ни вреда – 18,5%; скорее, больше вреда – 8,5%; безусловно, больше вреда – 3,5%.

Отношения между представителями своей и других национальностей как доброжелательные оценивают 28% опрошенных студентов; как нормальные, бесконфликтные – 47,5%; как напряженные, конфликтные – 8,5%; как взрывоопасные, которые могут перейти в открытые конфликты – 3%; затруднились ответить – 13%.

Изменение межнациональных отношений в своем регионе после начала СВО в лучшую сторону, что российское общество сплотилось без оглядки на национальность, отметили 25,5% респондентов; что ничего не изменилось и проведение СВО не оказывает влияния на межнациональные отношения указали 19,5%; на некоторое ухудшение ситуации и появление экономических и социальных проблем, возможность социально-экономического кризиса вызвать межнациональную напряженность указали 20%; на значительное ухудшение ситуации, на раскол общества по отношению к СВО, в том числе и по национальному признаку указали 8%; затруднились ответить – 25,5%.

23% респондентов считают, что поворот на Восток окажет положительное влияние на межнациональные отношения в регионе; 6% указали на возможное отрицательное влияние; 16,5% ответили, что поворот на Восток никак не повлияет, никакой связи между «восточным вектором» и межнациональными отношениями не существует; затруднились ответить 53%.

Обычно не обращают внимание на национальность окружающих людей 48%; иногда обращают – 41%; всегда обращают – 11% опрошенных.

Не испытывают антипатию к представителям других национальностей, проживающим в регионе, 35% респондентов; испытывают легкую антипатию 40%; испытывают сильную антипатию 4,5%.

Испытывают антипатию, но не ко всем, а только к определенным национальностям – 9%; затруднились ответить 11,5%; испытывают антипатию к местным жителям другой национальности 1,5%; к приезжим, к мигрантам – 39,5%; и к тем, и к другим (ко всем, у кого другая национальность) – 5%; затруднились ответить – 19,5%.

Указаны следующие причины антипатии: 24% считают, что представители других национальностей отнимают у местных рабочие места, из-за них растут цены; 21% – они не уважают наши традиции, наш образ жизни, ведут себя нагло и оскорбительно; 16% – они не являются патриотами России, приезжают только из экономических соображений; 13,5% – из-за них ухудшается школьное образование, в классах появляются дети, не говорящие по-русски; 10,5% – они совершают много преступлений, их боятся; 8,5% – они захватили рынки и предприятия, образуют землячества, из-за них увеличиваются коррупция и кумовство; 5% – у них другой уклад жизни, они говорят на непонятном языке, это раздражает; 4,5% – они разводят грязь и антисанитарию, разносят болезни; 3% – они исповедуют другую религию; затруднились ответить – 13,5%.

На вопрос о формировании личного отношения к другим национальностям 45% опрошенных ответили, что это воспитание в семье; 41% – личный опыт; 33,5% указали на влияние общества, школы и университета; 17,5% – влияние друзей; 8% – влияние религии; затруднились ответить – 19%.

32% респондентов считают, что жители региона не испытывают антипатию к представителям других национальностей, никакой межнациональной напряженности в нашем регионе нет; 20% считают, что многие жители нашего региона настроены против других национальностей; затруднились ответить 44,5%.

32% считают, что очень много мигрантов в регионе в настоящее время; 35% – что немного; 6% – почти нет; затруднились ответить – 22,5%.

16% опрошенных считают, что приток мигрантов способствует развитию взаимопонимания и сотрудничества между народами; 21% считает, что этот процесс усиливает межнациональную напряженность; 27% – не оказывает ощутимого влияния на межнациональные отношения; затруднились ответить 36%.

На вопрос должны ли мигранты, получившие российское гражданство, призываться в армию и, в том числе, участвовать в СВО, 41% ответили да; 23% ответили, скорее, да; 7,5% – скорее нет; 4,5% – нет; затруднились ответить – 20,5%.

Для 81% респондентов национальность друга не имеет значения; для 8,5% имеет значение; затруднились ответить 10,5%.

Человека другой национальности готовы принять в качестве гостя, туриста в нашей стране: всегда – 53% опрошенных, в каких-то случаях – 29%; затруднились ответить – 14%; никогда – 4%; в качестве гражданина нашей страны: всегда – 51%, в каких-то случаях – 31%, никогда – 2,5%; затруднились ответить – 15,5%; в качестве коллеги по работе: всегда – 48,5%, в каких-то случаях – 28%, никогда – 6%; затруднились ответить – 17,5%; в качестве соседа по дому: всегда – 45,5%, в каких-то случаях – 26,5%, никогда – 8%; затруднились ответить – 40%; в качестве близкого друга: всегда – 64,5%, в каких-то случаях – 14,5%, никогда – 4,5%; затруднились ответить – 16,5%; в качестве матери/отца своих детей: всегда – 51,5%, в каких-то случаях – 12,5%, никогда – 12%; затруднились ответить – 24%; своего супруга/супруги: всегда – 52,5%; в каких-то случаях – 14,5%; никогда – 11%; затруднились ответить – 22% респондентов.

27% опрошенных считают, что сейчас возможны конфликты на межнациональной почве в регионе; 21,5% – скорее возможны; 21,5% – скорее невозможны; 5,5% – невозможны; 24,5% затруднились ответить.

8,5% респондентов указали, что им приходилось за последний год лично наблюдать конфликты на межнациональной почве или участвовать в них; 34,5% – приходилось наблюдать, но не участвовать; 56% – не приходилось наблюдать и участвовать.

38% респондентов считают, что в их регионе или городе нет районов, где межнациональная ситуация является особенно напряженной; 6,5% считают, что такие районы есть.

23% респондентов считают, что межнациональные проблемы связаны с большим притоком мигрантов, иностранных работников; 18,5% – с низким уровнем культуры приезжих; 17% – со сложными социально-экономическими условиями, безработицей, низким уровнем жизни, по крайней мере, отдельных категорий; 10% – с вековой, исторически сложившейся неприязнью между национальными группами; 9% – с неправильными действиями региональных властей; 9% – с деятельностью националистов и экстремистов; 8,5% – с плохой работой правоохранительных органов, коррупцией, криминалом; 8% связывают данные проблемы с неправильным законодательством, действиями федеральных властей; 6% – с низким уровнем культуры местного населения, высоким

уровнем ксенофобии; 4,5% – с последствиями распада СССР и политикой новых независимых государств; 12,5% ответили, что никаких сложностей нет, все хорошо; затруднились ответить – 39%.

В качестве мер, которые нужно предпринять для улучшения межнациональных отношений, 36% респондентов считают, что надо развивать просветительскую работу, проводить межнациональные мероприятия, направленные на знакомство с культурами разных народов, совместные спортивные соревнования, акции по благоустройству и т.д.; 29% отметили необходимость ужесточить наказание за национализм, за пропаганду идей, разжигающих межнациональную рознь; 25% – усилить ответственность национально-культурных организаций и землячеств за неправильное поведение их соотечественников; 18% – необходимо ужесточить наказание за нарушение миграционного законодательства; 15% – никакие меры принимать не нужно, все хорошо; 8,5% – ограничить въезд представителей некоторых национальностей в регион; 27% – затруднились ответить.

Далее необходимо провести сравнительный анализ результатов опроса в Чукотском автономном округе с другими регионами, что поможет составить объективную картину межнациональных отношений в регионах азиатской части России и определить, какое влияние на межнациональные отношения оказывает новый, восточный вектор национальной политики России.

Список литературы

1. Динамика этнического состава населения и укрепление общероссийской идентичности в регионах Азиатской России / Отв. ред. Т. Б. Смирнова. Омск: Издательский центр КАН, 2022. 300 с.
2. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад по изучению общественного мнения в 2019 г. / Ред. Смирнова Т. Б., Степанов В. В., Старченко Р. А. М.-Омск: Издательский центр КАН, 2020. 182 с.
3. Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 г. / Ред. Смирнова Т. Б., Степанов В. В., Старченко Р. А. М.-Омск: Издательский центр КАН, 2020. – 181 с.
4. Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски / Отв. ред. Т. Б. Смирнова. Омск: Издательский центр КАН, 2021. 272 с.

Лягаев В.В.,

аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: Катионов О.Н.,

*доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»*

ОТРАЖЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СУДЬБАХ БЫВШЕЙ ДЕЛОВОЙ ЭЛИТЫ: ДЕЛО Г.Д. МАШТАКОВА, И.В. ГОЛУБЕВА И И.И. ФЕДУЛОВА

В статье рассматриваются обстоятельства уголовного дела бывших в дореволюционное время предпринимателей Г.Д. Маштакова и И.В. Голубева, а также представителя некогда из-

вестной в Барнауле купеческой семьи И.И. Федулова. На основе материалов архивно-следственного дела, отложившегося в Государственном архиве Алтайского края, автором реконструирован ранее не изученный послереволюционный период жизни данных граждан.

Ключевые слова: «бывшие люди»; бывшая деловая элита; репрессии; КВЖД; Барнаул; Новосибирск

Lyagaev V.V.,

*Graduate Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Novosibirsk State Pedagogical University»*

Scientific adviser: Kationov O.N.,

*Dr. Sc. (History), Professor, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Novosibirsk State Pedagogical University»*

REFLECTION OF THE REPRESSIVE POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE FATES OF THE FORMER BUSINESS ELITE: THE CASE OF G.D. MASHTAKOV, I.V. GOLUBEV AND I.I. FEDULOV

The article examines the circumstances of the criminal case of former pre-revolutionary entrepreneurs G. D. Mashtakov and I. V. Golubev, as well as the representative of the once famous merchant family in Barnaul, I. I. Fedulov. Based on materials from the archival investigative file deposited in the State Archives of the Altai Territory, the author reconstructed a previously unstudied post-revolutionary period in the lives of these citizens.

Keywords: «former people»; former business elite; repressions; CER; Barnaul; Novosibirsk

Проблема «бывших людей» в последнее время приобретает большую актуальность. Безусловно, для более объективного изучения вопроса социальной адаптации этой группы в ранне-советском обществе необходимо рассмотреть не только позитивные факторы, но и негативные, ставшие барьером на пути встраивания в новое общество исторически проигравшего класса.

Решение данной задачи требует от исследователя кропотливой работы с целой группой источников (дела граждан, лишенных избирательных прав и подвергшихся репрессиям). Необходимо также учесть, что социальное пространство «бывших» было обширным и вместило в себя представителей различных сословий и слоев. Наряду с белогвардейцами, дворянами, священнослужителями, послереволюционный период жизни которых уже был предметом отдельных исследований, состав «бывших» дополнили и те, кто в дореволюционное время принадлежал к миру деловой элиты: крупные коммерсанты, фабриканты, заводчики, купцы.

Тема репрессий в отношении представителей бывшей деловой элиты пока ещё не была предметом отдельного исследования. Тем не менее, некоторые историки поднимали данный вопрос [2; 3; 9].

Актуальность темы продиктована ещё и тем обстоятельством, что она может быть представлена в контексте изучения истории предпринимательства, так как результаты исследования отражают послереволюционный период жизни представителей бывшей деловой элиты.

Работа исследователя в последнее время значительно облегчается функционированием в открытом доступе баз данных жертв политических репрессий. Перспективным является также то, что в ряде регионов архивно-следственные дела были переданы из ведомственных в местные архивы. Одним из таких хранилищ является Государственный архив Алтайского края в г. Барнауле. В связи с этим автором данной статьи была начата работа по поиску архивно-следственных дел,

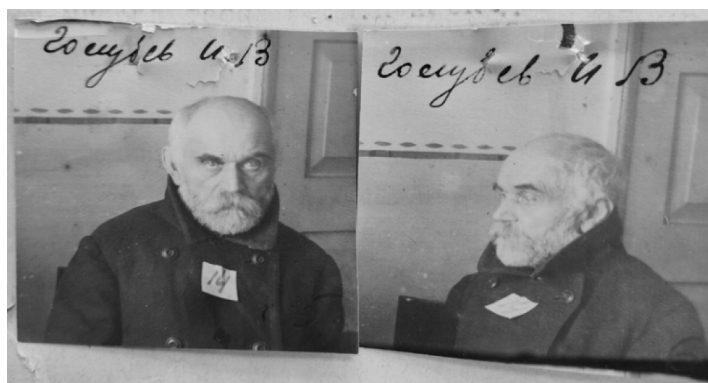
фигурантами которых были представители бывшей деловой элиты. В результате этого поиска было обнаружено архивно-следственное дело Г. Д. Маштакова, И. В. Голубева и И. И. Федулова.

Следует отметить, что данный источник имеет особую ценность, так как помимо следственных документов содержит материалы личного характера: фотографии, открытки, письма. В частности, в деле были обнаружены письма жены Г.Д. Маштакова Елены, переписка между супругами велась как раз тогда, когда Маштаков находился в местах заключения.

Выходец из известной купеческой семьи Барнаула Григорий Данилович Маштаков в дореволюционное время был барнаульским купцом 1-й гильдии. Новониколаевск, молодой и бурно развивавшийся в начале XX в. город, стал сразу притягивать капиталы деловой элиты того времени. Торгово-промышленные круги расположенного рядом Барнаула быстро оценили выгоду от расположения в Новониколаевске своих предприятий. Не остались в стороне и братья Маштаковы. По данным новосибирского историка Л.Н. Воробцовой, в 1904 г. недвижимость Г.Д. Маштакова в Новониколаевске оценивалась в 3,5 тыс. руб., купец имел лавку при собственном доме и магазины [2, с. 167].

Фотография Г.Д. Маштакова после ареста. ГААК. Оп. 7. Д. 17146. Л. 1.

Фотография И.В. Голубева после ареста. ГААК. Оп. 7. Д. 17146. Л. 4.

Успехи Ивана Васильевича Голубева, бывшего в дореволюционное время предпринимателем, в торговой деятельности оценить сложно. Сегодня сведений о ней почти не сохранилось. Не встречается информация и в работах по истории сибирского предпринимательства. Между тем, из материалов архивно-следственного следственного дела следует, что И. В. Голубев с 1908 г. до 1914 гг. имел свой маслобойный завод и магазин [4, л. 28].

По данным алтайского историка В. А. Скубневского, Федуловы на рубеже XIX – XX вв. входили в первую десятку купеческих семей Барнаула. В 1907 г. после смерти отца Ивана Иннокентьевича Федулова дело перешло к трем его сыновьям: Петру, Иннокентию и Ивану. На

сегодняшний день благодаря потомкам купцов Федуловых стало известно, что дочери Ивана Ивановича Федулова после установления советской власти вышли замуж за красных командиров и уехали в Москву, куда впоследствии перевезли и отца с матерью. И. И. Федулов умер в 1922 г., а его жена Фелицата Павловна прожила до 1963 г. [6, с. 239]. Другой из братьев, Петр, после революции эмигрировал в Китай [2, с. 264.].

Между тем, из материалов архивно-следственного дела удалось выяснить, что Петр в 1929 г. проживал уже не в Китае, а в Японии [4, л. 40], и что сын Ивана Ивановича Иннокентий не уехал вместе с родителями в Москву, а остался в Барнауле и на момент ареста проживал в поселке Топчиха [4, л. 7].

Фотография И.И. Федулова после ареста. ГААК. Оп. 7. Д. 17146. Л. 7.

Судя по материалам архивно-следственного дела, жизнь всех троих фигурантов до 1929 г. складывалась вполне успешно. Г. Д. Маштаков переехал из Новониколаевска в Барнаул, где купил дачу с фруктовым садом (время переезда установить не удалось). В последующее время он нигде не работал, а занимался садоводством. И. В. Голубев в 1920-е гг. успел поработать счетоводом и бухгалтером в советских учреждениях [4, л. 4]. В 1927 г. они вместе «приняли на ходу комиссионный магазин». Компаньоны работали «на равных правах»: Голубев выполнял обязанности бухгалтера, а Маштаков был продавцом. «Торговля у нас была полтора года, после чего по причине непосильности налогов магазин мы закрыли», отмечал Маштаков [4, л. 23–30 об.].

И. И. Федулов был самым младшим из всех троих – в 1929 г. ему было всего 25 лет (Голубеву и Маштакову – за 60). Иннокентий служил в Красной армии. После установления советской власти сын бывшего владельца мельницы был помощником управляющего на мельнице «Мель-прода», а затем работал в Алтживотноводсоюзе специалистом по кишечному делу [4, л. 7–12].

Прежде чем перейти к непосредственному изложению обстоятельств следственного дела, организованного органами ОГПУ в 1929 г. в отношении Маштакова, Голубева и Федулова, необходимо охарактеризовать внешнеполитическую обстановку, в которой оказался СССР во второй половине 1920-х гг. Именно в это время за рубежом началась антисоветская кампания, инициатором которой стала Англия. На протяжении всего периода ситуация продолжала обостряться, чем не могли не воспользоваться организации Белой эмиграции, активизировав свою подрывную деятельность против советского режима (организация Великого князя Николая Николаевича, РОВС и др.) [7, с. 88–90].

Эти обстоятельства усилили бдительность советских спецслужб, а декларировавшиеся белоэмигрантскими организациями террористические задачи стали обоснованием для проведения репрессивной политики внутри СССР. В качестве объекта новых репрессий были выбраны «бывшие».

Рассматриваемый в данной статье процесс напрямую связан с советско-китайским конфликтом в Северной Маньчжурии в зоне Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Напря-

жённость между двумя сторонами возникла почти сразу после восстановления двойственного управления дорогой в 1924 г. Действия СССР правительство Чан Кайши оценивало как империалистические. Опасения китайской стороны вызывало и то, что КВЖД являлась потенциальным каналом экспорта революции. В июле 1929 г. китайцы осуществили захват дороги.

Накануне эскалации конфликта уже в первой половине 1929 г. в китайской прессе развернулась мощная антисоветская кампания. Конфликт вокруг КВЖД заметно активизировал деятельность белых эмигрантских организаций. В эмигрантской среде появились надежды на свержение советской власти [11, с. 12–13].

В феврале 1929 г. в Барнаульский отдел ОГПУ поступила информация о том, что гражданин Г. Д. Маштаков получает письма от своей дочери, проживающей в эмиграции в Харбине. Дочь Маштакова Екатерина в начале 1919 г. покинула Сибирь вместе с тыловыми частями армии Колчака и впоследствии оказалась в Китае [4, л. 39].

Ее письма выражали настроение эмигрантской среды в связи с событиями на КВЖД. Так Екатерина писала: «Вместо дяди Николая Николаевича будет Кирилл, так пишут в наших газетах. Есть и то, что собираются гости к вам, ждите, а за ними приедем и мы отсюда». В августе 1929 г. Маштаковым было получено письмо, в котором дочь сообщала, что следующей зимой они уже могут встретиться. В своих ответных письмах Маштаков писал о том, что «скорее бы занимали СССР ожидаемые гости из-за границы, так как дальнейшая жизнь здесь становится невыносимой».

Сведениями, полученными от дочери, Маштаков делился с другими лицами, одним из которых стал его компаньон Голубев. В доме Голубева устраивались «гулянки», на которых вместе с Маштаковым они пели царский гимн, произносили тосты за здоровье русских, находившихся за границей и в память павших борцов за «славное дело» [4, л. 38–39]. При обыске на квартире последнего был найден портрет Александра III [4, л. 3]. Таким образом, по версии следствия, и Маштаков, и Голубев «питали большую надежду на скорое падение Соввласти, которая будет сменена правителем Кириллом».

В апреле 1929 г. в Барнаул из Владивостока приехал Борис Исаевич Решетский, принимавший в 1918 г. в Томске активное участие в подпольной контрреволюционной организации. По утверждению самого Решетского, целью приезда была закупка товаров для Коопинсоюза (союз кооперации инвалидов), где он работал, проживая во Владивостоке. Однако по версии следствия, на самом деле Решетский пытался создать в городах Сибири «ячейки заграничной контрреволюционной организации». За время пребывания в Барнауле он разыскал своих бывших знакомых Маштакова, Голубева и Федулова, которые «полностью, разделяя взгляды Решетского, могли вести работу внутри СССР по заданиям заграничной контрреволюционной организации». В свою очередь данные граждане выразили готовность вести контрреволюционную антисоветскую деятельность. Следствию также удалось установить, что Решетский был знаком с дочерью Маштакова Екатериной, так как она являлась подругой его жены [4, л. 39–40].

Стоит отметить, что среди всех участников данного процесса личность Б.И. Решетского остается самой загадочной. В период Гражданской войны он воевал на Восточном фронте в составе армии А.В. Колчака, однако был взят в плен и поставлен на особый учет. По имеющимся данным, он был арестован 17 ноября 1929 г. в Новосибирске по обвинению в участии в контрреволюционной деятельности, то есть незадолго до арестов Маштакова, Голубева и Федулова. Примечательно, что окончательного решения по делу нет, а 26 марта 1930 г. Решетский был освобожден под подписку о невыезде [1;10].

В предъявленном обвинении виновным никто себя не признал. Однако все свидетели, а также арестованный Решетский на допросе характеризовали обвиняемых как исключительно

антисоветски настроенных граждан. Кроме упомянутых фактов, до следствия были доведены также и другие. Например, Федулову помимо его антисоветских разговоров приписывалось то, что он, являясь специалистом кишечного дела, спекулировал на нехватке таких кадров. В частности, один из свидетелей заявлял, что «Федулов стал требовать ненормированную ставку, с предупреждением, в противном случае он уйдет с работы». Заводуправление было вынуждено удовлетворить эти требования [4, л. 13–14].

Обвиняемые были осуждены 9 февраля 1930 г. Маштаков был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 13 февраля этого же года. Федулов был приговорен к 10 годам лишения свободы. В местах заключения он работал начальником транспортной части и имел ряд поощрений, что было учтено, и 27 апреля 1937 г. он был условно-досрочно освобождён. Голубев был приговорен к 5 годам лишения свободы. В 1933 г. его жена ходатайствовала о досрочном освобождении, и 22 апреля Голубев был освобождён [4, л. 53–66]. Следует отметить, что сведения о дальнейших арестах этих граждан отсутствуют, поэтому можно предположить, что в годы Большого террора они могли избежать преследования со стороны власти.

Таким образом, в данном исследовании был частично реконструирован процесс социальной адаптации отдельных представителей бывшей деловой элиты в советском обществе. Данный пример показывает, что к концу 1920-х гг. процесс адаптации был осложнен набиравшей ход репрессивной политикой в отношении социально чуждых элементов. При этом первый удар на себя приняли именно «бывшие», одержимые, по мнению советских спецслужб, идеей реванша и восстановления прежнего статуса.

В рассматриваемом деле решающим фактором стала внешнеполитическая ситуация, в которой оказался СССР в конце 1920-х гг. Антисоветская кампания и, в частности, конфликт на КВЖД усилили бдительность ОГПУ. Сегодня трудно сказать, какими настроениями была охвачена в этот момент та часть советского общества, которую составляли «бывшие люди». Материалы данного дела тоже не дают ответа на этот вопрос. Доказательств того, что Маштаков и остальные пытались создать в городе ячейку контрреволюционной организации, в деле представлено не было. Сам Решетский по стечению каких-то странных обстоятельств был освобождён.

Одно можно сказать точно, Г. Д. Маштаков, И. В. Голубев и И. И. Федулов оказались заложниками обстоятельств, так как их родственники и знакомые проживали в эмиграции на Дальнем Востоке, в связи с чем оказались очень подозрительны для ОГПУ. Данные лица были реабилитированы в мае 1989 г. [5; 8; 12].

Список литературы

1. Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России». [Электронный ресурс] // URL http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата обращения: 25.12.2023).
2. Воробцова Л.Н. Биографический словарь предпринимателей Новониколаевска (1893–1914 гг.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2023. 330 с.
3. Воробцова Л.Н. Новониколаевские предприниматели, подвергшиеся репрессиям в 1920–1944 гг. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XXвв.). Новосибирск, 2001. С. 171–191.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-2000. Оп. 7. Д. 17146.
5. Голубев Иван Васильевич // Интернет-база данных «Открытый список». [Электронный ресурс] // URL https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA:%D0%9E_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5 (дата обращения: 25.12.2023).
6. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и др. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.
7. Жаркой М.Э. Факторы, предопределяющие содержание карательной политики Советского государства в предвоенные годы // Общество и право. 2005. №3 (9). С. 87–98.

8. Маштаков Григорий Данилович // Интернет-база данных «Открытый список» [Электронный ресурс] // URL https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA:%D0%9E_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5 (дата обращения: 25.12.2023).
9. Петин Д.И. Омский фабрикант Георгий Яковлевич Серебряков в условиях Гражданской войны // Историко-экономические исследования. 2020. №2. С. 177–199.
10. Решетский Борис Исаевич // Интернет-база данных «Открытый список». [Электронный ресурс] // URL https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA:%D0%9E_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5 (дата обращения: 25.12.2023).
11. Смирнов С.В. Советско-китайский конфликт 1929 г. и русская военная эмиграция // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 9–22.
12. Федулов Иннокентий Иванович // Интернет-база данных «Открытый список». [Электронный ресурс] // URL https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA:%D0%9E_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5 (дата обращения: 25.12.2023).

Милевский О.А.,

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник
БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ССЫЛЬНЫМИ 1880-х – 1890-х гг.

В данной статье рассматривается научная деятельность политических ссыльных, оказавшихся на Тобольском Севере в 1870–1900-х гг. Обращается внимание на то, что одним из главных объектов научного интереса у них являлось изучение местных традиций охоты и рыболовства. В основном политссылные фокусировали свое внимание на выявлении особенностей ведения этих промыслов, как у автохтонного, так и русского населения региона. Также в статье обращается внимание на то, что народники-исследователи Обского Севера одними из первых обозначили проблему, связанную с необходимостью разумного использования и охраны возобновляемых природных ресурсов региона, включая рыбу, птицу и зверя.

Ключевые слова: политическая ссылка; Обской Север; Тобольская губерния; Сургут; Обдорск; Обь; Иртыш; охота; рыбные промыслы; охрана природных ресурсов

Milevsky O.A.,

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Researcher, Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Surgut State Pedagogical University»

HUNTING AND FISHING IN THE OB NORTH AS AN OBJECT OF STUDY BY POLITICAL EXILES OF THE 1880s – 1890s

This article examines the scientific activities of political exiles who found themselves in the Tobolsk North in the 1870–1900s. Attention is drawn to the fact that one of their main objects of scientific in-

terest was the study of local hunting and fishing traditions. Basically, the political exiles focused their attention on identifying the peculiarities of conducting these trades, both among the autochthonous and Russian populations of the region. The article also draws attention to the fact that populist researchers of the Ob North were among the first to identify the problem associated with the need for wise use and protection of the region's renewable natural resources, including fish, poultry and animals.

Keywords: Political exile; Ob North; Tobolsk province; Surgut; Obdorsk; Ob; Irtysh; hunting; fisheries; protection of natural resources

История изучения Сибири наполнена именами ярких ученых, путешественников и просто подвижников науки. Большую роль в ее исследовании сыграли и ее невольные пленники – политические ссыльные, заброшенные в самые отдаленные сибирские уголки по воле царских властей. Обской Север, входящий в XIX в. в состав огромной Тобольской губернии, не является в этом ряду исключением. Особое место в изучении этой огромной территории принадлежит представителям народнической ссылки 1880-х–1890-х гг. [4]

Эпоха 1870-х – начала 1880-х гг. явилась временем жестокого противостояния власти и оппозиционной части общества, радикальное крыло которой и представляло революционно народническое. Именно с конца 1870-х гг. начинается активная высылка властями в различные населенные пункты Обского Севера представителей этого политического направления. По подсчетам Л.П. Рощевской, в период 1870-х – 1890-х гг. в ссылке на Обском Севере перебывало около 150 человек [6, с. 400–411]. Среди них оказалось немало молодых, образованных и энергичных людей. Поэтому неудивительно, что именно представители этого поколения ссыльных стали активными участниками процессов по исследованию этого «глухого угла» Западной Сибири. Примером для них служила подвижническая деятельность на ниве изучения различных районов Западной и Восточной Сибири, куда заносила его ссыльная судьба, народника Д.А. Клеменца [3].

Пионером в изучении Обского Севера среди ссыльных народников можно смело назвать С.П. Швецова. Он, оказавшись в сентябре 1880 г. в Сургуте, активно собирал материалы по географии, этнографии, хозяйственной деятельности населения и природно-ресурсному потенциалу Сургутского края. В результате этих наблюдений он позднее по просьбе ЗСОИРГО подготовил большой материал «Очерки Сургутского края», который увидел свет в «Записках ЗСОИРГО» в 1888 г [8]. В этой работе Швецова несколько разделов: общий очерк города и округа, занятия населения, очерк экономического благосостояния, степень культурного развития сургутян и их нравы.

При этом много места в ней он уделил анализу природных богатств этого края. В своем очерке Швецов отмечал, что «дикая могучая природа заключает в себе неисчерпаемые богатства, только как бы нарочно, для лучшего сохранения своих сокровищ от жадности человека, она приняла суровые неприступные формы», а по его оценкам «сокровища края состоят в великолепных строевых лесах, дорогим звере и рыбе» [6, с. 37]. Суровые климатические условия объективным образом ограничивали возможности для занятий земледелием, поэтому, как отмечал исследователь, население главным образом занималось промыслом зверя, птицы и рыбы коими были очень богаты здешние места.

«Сургутская природа так богата и щедра, – писал Швецов, – что достаточно человеку потратить два–три дня, чтобы обеспечить себя пищей на месяц (рыбный промысел), пять–шесть недель, употребляемые на промысел кедровый, доставляют несколько десятков рублей, которых вместе с другими доходами будет достаточно для удовлетворения нехитрых потребностей обывателей в течение целого года» [6, с. 83]. При этом он отмечал, что, существовал целый неписанный кодекс правил по эксплуатации тех или иных угодий, включая охотничьи и рыболовные промыслы.

Так, наблюдая за организацией жизни и быта автохтонного – остяцкого населения, он отмечал, что «все леса, которыми пользуются остяки, поделены между отдельными родами, а родовые участки, в свою очередь, разделены между семьями остяков. Межевými знаками служат реки, камни, ручьи, озера, болота, ямы и проч. ... Каждой вновь возникшей самостоятельной семье родовой сход выделяет участок из общей собственности, причем иногда происходят уравнивательные переделы участков. В пределах своего участка каждая остяцкая семья пользуется лесом для порубок и орехом, в них же занимается звероловством и ловлей птицы. Переходить для промысла на чужой участок запрещено... Медведей, волков предоставляется бить беспрепятственно, на чьем бы участке они не находились» [6, с. 47].

Очень показательными являлись его наблюдения за организацией звероловного промысла у русских сургутян – здесь он демонстрировал хорошее знание нюансов традиционного права и показывал его тождественность применительно к различным хозяйственным укладам жизни русского населения Тобольской губернии. Очень наглядно он это делал на примере рассмотрения организации лова зайцев и тетеревов с помощью ловушек-слопцов, переходящих на правах личной собственности от отца к сыну, вместе с той частью леса, где они расположены. Однако, далее Швецов указывал на то обстоятельство, что «сургутянин, владеющий слопцами, считается собственником только слопцов, но отнюдь не леса, в котором они поставлены и на который постановка слопцов, как известная затрата труда, дает данному лицу лишь право пользования до тех пор, пока стоят и действуют слопцы» [6, с. 48].

На основе анализа хозяйственной деятельности русских сургутян им выделяется еще один краеугольный фактор организации их правового уклада – это «право первого захвата», характерное для организации рыбной ловли, где захватывались так называемые рыбные пески. Только в отношении песков «право первого захвата» распространялось не на отдельных лиц, а на целые общества (деревня). Здесь исследователь также усматривал сходство с теми порядками, которые существуют в южных округах – Ишимском и Тюкалинском. Вообще надо отметить, что на данный раздел работы Швецова большое влияние оказали работы С.Я. Капустина и Н.Е. Петропавловского (Коронина) по сибирской земельной общине [1; 5].

Резюмируя свои наблюдения по этой проблеме, Швецов отмечал, что «у русской части населения леса, луга и рыболовные пески находятся в общем, мирском пользовании, при этом в отношении рыболовных песков и леса, исключая кедровники, существует полная неограниченная свобода эксплуатации; пользование же кедровниками, сенокосными лугами и местами, где поставлены слопцы и перевесы подлежит известной регламентации... Таким образом, здесь мы видим, как бы две ступени развития одной и той же земельной общины. Мы думаем, что эта община не местного происхождения, а занесена сюда русскими выходцами-казаками и ссыльными и под влиянием местных условий – обилия земель, отсутствия хлебопашества и проч. – видоизменилась и утратила первоначальный характер... Почти то же, что сказано нами о русской общине в этом крае, приходится сказать и о сургутской артели: промысловая артель несомненно также занесена русскими промышленниками, ибо у местных инородцев она вовсе не наблюдается» [6, с. 81–82].

Впоследствии Швецов критически относился к этому, дебютному для него, научному труду. Он называл эту свою работу юношеской [7, с. 71]. Но даже при всей строгости в его оценке следует отметить, что будущий известный этнограф и исследователь сибирской промышленности смог собрать очень ценный материал по хозяйственной деятельности местного населения, в которой охота и рыболовство играли ведущую роль.

Традиция изучения Обского Севера, а именно Туринского, Сургутского и Березовского округов, была продолжена ссыльным народовольцем В.Я. Яковлевым (Богучарским). 13 сентября 1885 г. он

оказался в Туринске и там заинтересовался проблемой промысловой охоты. По некоторым данным, он уже из Туринска писал статьи (без подписи) об охоте в Тобольской губернии [6, с. 331].

Однако пребывание его в относительно комфортном Туринске оказалось недолгим. За самовольную отлучку за пределы города, вызвавшую конфликт с исправником, в августе 1887 г. Богучарского перевели в Сургут. Именно здесь, подружившись с местными обывателями, Богучарский стал активно заниматься изучением охотничьих и рыболовных промыслов. С коренными сургутянами ссыльные и в тайгу ходили на белку и другую живность, и «неводили с ними по речным песочкам» [2, с. 42] так, что наблюдений и практических знаний о местных традициях охоты и рыбалки Богучарский почерпнул более чем достаточно.

Результатом этих наблюдений и явилась его работа «Очерки промысловой охоты в северных округах Тобольской губернии». К сожалению, в свет она вышла только в постсоветское время. В ней, отмечая суровый климат региона, Богучарский как бы подчеркивал предопределенность экономического доминирования при ведении хозяйства именно охотничьих и рыболовецких промыслов. При этом он проявил себя и как тонкий наблюдатель-этнограф в своей работе он отмечал оригинальность местных приемов охоты, позаимствованных русскими переселенцами у коренного населения.

Вот, что он писал по этому поводу: «Суровый климат, не позволяющий и думать о каком бы то ни было земледелии, безграничная пустыня, водную артерию которой составляет гигантская Обь с ее многочисленными притоками, кишмя-кишащими разного рода рыбой, наконец, тысячеверстные, угрюмо мрачные урманы, наполненные никогда не улетающими, зимующими породами птицы и разнообразным зверем, – все это наложило на здешнего жителя печать охотника-промысленника... Не говоря уже о коренном аборигене этой страны остяке, самоеде и вогуле, не вышедшем из охотничьего периода жизни народов, принужденного платить ясак и покупающим все необходимое для жизни единственным путем обмена на шкуры добытых им зверей и пойманную рыбу, и русский крестьянин мало чем отстает от инородца в умении добыть зверя, птицу или рыбу. Вот почему наблюдатель встречается здесь с высшей степени своеобразными приемами добычи медведя, лося, соболя, лисицы, белки, гуся, утки, осетра, нельмы, муксуна и проч.» [6, с. 333].

Очень профессионально описывая промысел дичи, зверя и рыбы, Богучарский, однако, отмечал, что охотникам-любителям способы здешней охоты могут показаться варварскими, но подчеркивал при этом: «Не будем забывать, что дичь и рыба представляют для здешнего обывателя естественные источники существования» [6, с. 334]. И все же он приводил примеры действительно хищнической организации охоты на пернатых и массового сбора их яиц, что не могло не вести к сокращению количества дичи. Кроме того, он отметил и экономическую особенность, иногда провоцирующую всплеск подобной охоты на тот или иной вид птицы – это влияние внешнего коммерческого фактора [4, с. 86].

В частности, он приводил пример подобного феномена, в виде дамской моды, напрямую влиявшего на резкий рост добычи тех или иных видов животных и птиц. Тогда эта проблема еще только поднималась – это сегодня о ней защитники животных говорят во весь голос, призывая, например, не покупать изделия из слоновой кости, чтобы предотвратить массовую гибель слонов или не использовать натуральный мех.

Богучарский же обратил внимание на судьбу белых куропаток. Он приводил следующий факт – «в 1886 г. начался огромный спрос на незапачканные крылышки белых куропаток вследствие появившейся моды украшать ими женские шляпки; платили по 5 копеек за пару, то есть дороже, чем стоили на месте куропатки. В это время куропаток истреблялось огромное количество... Вообще, своими модами Париж оказывает влияние на самые глухие трущобы» [6, с. 349]. Подобный же случай был им зафиксирован и в отношении неожиданно возникшего спроса

на шкурки сорок, за которые давали по 15 копеек за штуку. Естественно началось их грандиозное истребление, заготовили массу шкурок впрок, а в следующем году мода прошла, и они не стоили и ломаного гроша [6, с. 349].

В своей работе Богучарский ставил вопрос о проблемах не конвенциональной охоты более широко – в социальном контексте. Он резюмировал: «Перевесы, капканы, бойня линных уток, забирание нередко даже уже насиженных яиц – все это не может в значительной степени не влиять на повсеместное уменьшение птицы – то уменьшение жалобы, на которое несутся со всех концов России». Причины этого он усматривал в целом наборе факторов, но большинство из них так или иначе были связаны, кроме трудных климатических условий, с недостатками социальной организации российского общества. По его наблюдениям, они прямо вытекали из «сурового социально-экономического положения населения, отсутствия иных видов в промышленности, низкого культурного и умственного уровня» [6, с. 351].

Собственно, подобные же оценки сквозили у него и при описании добычи пушного зверя (соболь, лисица, горностай и др.) особенно при добывании лисиц с помощью отравленных ловушек (когда в приманку кладут яд, обычно стрихнин), он отмечал, что «зимой бураны, конечно, заметут не только следы притаившегося зверя, но и его труп. По этой причине у промышленников много пропадает отравленных зверей» [6, с. 355].

Активно занимался изучением края и К.В. Гамолецкий. Его административно выслали на 5 лет по делу о «1 марта 1887 г.». После пребывания в Туринске и Пелыме он в 1888 г. оказался в селе Демьяновское Тобольского округа. На новом месте ссылки он, дабы скрасить одиночество, активно предавался научным занятиям. В результате появилось его описание охоты и особенно рыбных промыслов в этих местах.

Причем, необходимо отметить, что, не будучи знаком с работой Богучарского (по причине ее не опубликования) Гамолецкий вслед за ним также обращает внимание на хищнические способы промыслов, только концентрирует свое внимание на лове рыбы. Вот, что например, писал Гамолецкий о добыче рабы на Иртыше и в малых реках иртышского бассейна: «Крестьяне вылавливают рыбу хищнически, ловя ее во время икрометания и ловя много «животи» (мелкой рыбки). Такой способ ловли не может оставаться без последствий, и количество рыбы уменьшается» [6, с. 238]. Ставил он вопрос и о необходимости выработки правил рыбной ловли, что необходимо для сохранения рыбных запасов, а также задавался вопросом о гармонии человека и природы [6, с. 238].

Таким образом, в лице ссыльных народников можно увидеть пионеров в деле защиты живой природы, а эта проблема тогда мало волновала местные власти. Можно заключить, что политссыльные в этом вопросе намного опережали действия губернской администрации, фактически никак не контролировавшей промысел зверя, дичи и рыбы.

Не остался без внимания политических ссыльных и Крайний Север, входящий в состав Тобольской губернии. Активным исследователем располагающегося преимущественно за полярным кругом Обдорского края выступал политический ссыльный В.В. Бартенев. Он около четырех лет провел в Обдорске (Салехарде), отбывая там ссылку с 1891 по начало 1895 гг. Из политссыльных тогда в Обдорске он находился один, прежние ссыльные были переведены в другие места или освобождены, а новое поколение ссыльных 1900-х еще не заполнило приполярный край. Все время пребывания в этих местах Бартенев посвятил комплексному изучению этого региона. В результате своих долгих наблюдений уже после возвращения его из ссылки в Псков в 1895 г. и появился его серьезный научный труд «На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края».

Впервые его фрагменты были опубликованы в журнале «Новое слово» (1896. № 8). Надо сказать, что первые публикации материалов В.В. Бартенева были высоко оценены в передовице

«Тобольских губернских ведомостей». Впоследствии этот капитальный труд Бартенева высоко оценили и собраты по перу, в частности, Швецов [7, с. 84].

В своей работе Бартенев первоначально дал весьма развернутый очерк природы и населения Обдорска. Немало страниц в нем он уделил охоте и рыбным промыслам. Анализируя социально-экономический уклад жителей Обдорска, он отмечал, что традиционные виды их деятельности: рыболовство и торговля с самоедами (скупка пушнины и перепродажа ее тобольским купцам).

Изучая вопросы, связанные с рыбной ловлей на Оби, Бартенев, как истинный народник-народолюбец, обращал внимание не столько на саму организацию ловли, сколько на ее социально-экономический подтекст. Он обращал внимание на обирание русскими торговцами местных рыболовов – инородцев [6, с. 153]. Активно занимаясь изучением остяцкого населения (хантов), Бартенев и у них изучал традиции рыболовства, отмечая, что «как рыболовные рабочие остяки не лучше русских... зато в единоличной ловле на лодочках с колыданом в руках остяки не знают соперников» [6, с. 163]. Подчеркивал он, что остяки являются отличными гребцами «на маленькой «моржовке» – скорлупке, сшитой ивовыми прутьями, остяк смело спускается по Оби, несмотря ни на какую бурю» [6, с. 163].

К сожалению, как отмечал рецензент этого труда Швецов, «Книга, изданная в Петербурге, как-то прошла мимо внимания сибиряков и в Сибири мало известна» [7, с. 84]. И все же деятельность ссыльных по изучению края не осталась полностью незамеченной. Их корреспонденции попадали, как в местные периодические издания, так и в «толстые» научные журналы, что знакомило и читающую публику, и «власть предержащих» с проблемами региона.

Таким образом, при изучении народнической ссылки отчетливо видно, что именно в этот период во второй половине 1880-х – 1890-х гг. началось действительно более или менее систематическое изучение Обского Севера, причем изнутри, а именно проживающими в нем постоянно ссыльными. И сделано ссыльными революционерами при изучении географии, этнографии и социально-экономической ситуации в этом огромном регионе было не мало. Они одними из первых обозначили некоторые наиболее остро стоящие проблемы Обского Севера и попытались через свои публикации привлечь к ним внимание властей, как местных, так и центральных.

В их числе можно указать на вопрос о необходимости более комплексного социально-экономического развития края с опорой на использование его естественных преимуществ (наличие огромных запасов леса, дикоросов, в том числе кедрового ореха, рыбы, птицы и пушного зверя).

В свою очередь обозначение столь серьезной задачи требовало от властей и конкретных шагов, на которые прямо указывали народники, а именно:

- дальнейшее углубленное географическое, этнографическое и геологическое изучение наиболее удаленных районов Обского Севера;
- необходимость проведения природоохранных мероприятий по защите и регулированию поголовья диких животных, птицы и рыбы;
- выработка природоохранных мер требовала от властей и повышения культурного уровня местного населения, проведения мер в защиту коренных народов от произвола перекупщиков, в виде более справедливого регулирования торговых отношений между ними.

Все эти идеи и предложения в той или иной форме были озвучены именно в работах политических ссыльных, ставших настоящими подвижниками в исследовании Обского Севера. Таким образом, можно заключить, что обращение к изучению интеллектуального наследия политссыльных, связанного с изучением этого региона, несомненно, важно и не только в плане ликвидации лакун, связанных с историей географического открытия сибирского севера, но и имеет немалую актуальность в плане выхода на современные проблемы, изучаемые экологической историей.

Список литературы

1. Капустин С.Я. Очерк порядков поземельной общины в Тобольской губернии // Литературный сборник: Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1885. С. 59–113.
2. Майнов И.И. На закате народовольчества (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 41–81.
3. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: Опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. 695 с.
4. Милевский О.А. Политическая ссылка 1860–1890-х годов на Тобольский Север: социокультурный контекст. Книга для учителей. Тюмень: Аксиома, 2017. 132 с.
5. Петропавловский Н.Е. (С. Каронин). Схема истории сибирской общины // Сибирский вестник. 1886. № 2. С. 62–82.
6. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книж. изд-во, 1998. 432 с.
7. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 57–87.
8. Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1888. Т.Х. С.1–87.

Мауль В.Я.,
доктор исторических наук, профессор, Филиал ФГБОУ ВО
«Тюменский индустриальный университет» в г. Нижневартовске

РОССИЙСКИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ САМОЗВАНЦЫ В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются публикации российских и зарубежных историков о самозванцах. На основе анализа научных трудов выявлена проблема отсутствия серьезных компаративных исследований феномена самозванцев. Показана необходимость компаративного изучения для более глубокого понимания общего и особенного в истории российских и европейских самозванцев.

Ключевые слова: самозванцы; историография; компаративный анализ; национальная специфика; Россия; Европа

Maul' V.Ya.,
Dr. Sc. (History), Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Tyumen Industrial University», Nizhnevartovsk Branch

RUSSIAN AND EUROPEAN IMPOSTORS IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE STUDY: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article considers the publications of Russian and foreign historians about the impostors. Based on the analysis of scientific papers the problem of the lack of serious comparative studies of the phenomenon of impostors is revealed. The necessity of comparative study for a deeper understanding of the common and special in the history of Russian and European impostors is shown.

Keywords: impostors; historiography; comparative analysis; national specifics; Russia; Europe

Несмотря на неоднократное обращение к теме самозванцев, она до сих пор не исчерпала своей сюжетной привлекательности, семантической загадки и познавательного значения. Тем

более что, по словам Н. Земон Дэвис, «каждая эпоха в той или иной степени переписывает истории самозванцев, чтобы подчеркнуть свои собственные проблемы, но если сопряжение между универсальным и исторически конкретным слишком ослабевает, повествование теряет в насыщенности и резонансе» [18, р. 8].

Повышенный интерес вызывает то обстоятельство, что хронология и ареал распространения данного явления, по сути, не имеют сколько-нибудь очерченных границ. Так, еще князь М.М. Щербатов по адресу самозванных искателей трона заметил, что нет «ни единыя области в свете, которая бы не была раздираема разными междоусобиями и мятежами, начавши от древних народов». Напасти самозванства, считал историк, были «подвержены все царства и державы света», а потому «не должно нам удивляться бывшим разным таким самозванцам и в России» [8, с. 1, 3, 203]. С тех пор впервые прозвучавшая мысль успела стать хрестоматийной, повторяясь едва ли не через раз, и быстро обрела специфический российский акцент. В том смысле, что будто бы нигде такого, как у нас, не было – ни по количеству, ни по влиянию на жизнь страны. Получилось достаточно категорично: без особых дискуссий в русистике был достигнут консенсус относительно того, что феномен самозванцев, хотя «хорошо известен и из истории других стран и других эпох, в таких массовых масштабах и в течение столь долгого времени он присутствовал только в русской истории и, таким образом, должен считаться русской особенностью» [6, с. 38–39].

Ввиду сложившегося историографического стереотипа было бы неплохо проверить многообещающие, но бездоказательные декларации практикой конкретно-исторических изысканий. Однако, несмотря на сотни публикаций отечественных и зарубежных ученых, задача специального компаративного изучения российских и европейских самозванцев никогда не ставилась в исторической науке. Между тем, лишь в таком случае априорные заявления служителей Клио могли бы обрести под собой твердую опору. Пока же достигнутые результаты выглядят достаточно скромными и носят дискретный характер. Причем, возможность сравнительно-исторических ракурсов с проекцией на Россию, судя по всему, совершенно не волнует историков-всеобщников, сосредоточенных на уточнении аспектов личной и политической биографии конкретных западных фигур [1; 2; 11; 14 и др.]. Однако чрезмерная увлеченность событийным нарративом и зашоренность от напрашивающихся российских аналогий не выглядит конструктивным познавательным приемом. Малейшего прикосновения к теме оказалось достаточно, чтобы обнаружить немало схожих сюжетов и, надо полагать, тождественных социокультурных смыслов в истории нашего «третьего императора» (Е.И. Пугачева) и португальского Лжесебастьяна II (Матеуша Альвареша) [4]. Расширение же круга самозванцев, вовлеченных в орбиту сравнительного изучения, как кажется, вообще сулит захватывающие эвристические перспективы, но для этого надо взвесить научный потенциал, имеющийся, в первую очередь, в малознакомых отечественным русистам зарубежных исключениях из общего правила историографического умолчания.

В статье А.М. Бовгири сопоставляется российское самозванство с тем, что в давние времена творилось не то чтобы в Европе, а в близких к нам украинских пределах. Большинство упомянутых им персонажей хорошо известно из отечественной истории, и это дало автору возможность заявить, что самозванство «не оказало заметного влияния на социально-политическую жизнь Гетманщины на протяжении всего периода ее существования» [10, с. 78]. Отмечая, что парад самозванцев в России XVII–XVIII вв. был обусловлен сакрализацией власти и властителя, историк подчеркнул, что «украинская государственная система» ничего подобного не знала: «Хотя власть гетмана и была дарована „милостью Божией“, его личность, впрочем, не обожествлялась» [10, с. 69]. Незначительность количества преуспевших там лжемонархов он объясняет, прежде всего, «особенностями восприятия власти украинским обществом и существованием

своеобразной дихотомии: "наш гетман" – "ваш император"». Поэтому, полагает А.М. Бовгиря, «верховная, имперская, власть теряла часть своего авторитета в пользу гетманской, что существенно умаляло роль самозванства» [10, с. 78]. По словам исследователя, собственных самозванцев Гетманщина, втянутая в орбиту российского влияния и оказавшаяся в эпицентре русско-польско-турецких противоречий, не знала вовсе, не смотря на то, что запорожцы активно участвовали в движениях разных претендентов – Лжедмитрия I, молдавского господаря Ивана Подковы, их последователей и подражателей. Историк утверждает, что и в дальнейшем, в отличие от России, самозванство у них якобы пошло по особому пути, став «по большей части деперсонифицированным», то есть «статусно-бытовым», под которым он подразумевает «непригожие речи» о царях и членах их семьи [10, с. 69–72, 75]. Поддерживая ряд метких наблюдений, не могу согласиться с главным аргументом о профанном, не испытывавшем сакрального пиетета перед венценосцем, политическом сознании местных жителей и их потомков. Словно наперекор амбициозному заявлению автора (они – не такие, как мы) исследователь социоментальной истории Приднепровской Украины Ю.П. Присяжнюк указывает, что даже спустя столетие в глазах простого населения «государь-самодержец представлял своеобразным источником общего блага, неким носителем благополучия и олицетворением <...> общественно-политической стабильности». Его имя вызывало у народа «суеверный страх и одновременно глубокое сочувствие; в далеко не рациональных представлениях царь виделся грозным карающим началом, носителем правды, земным провидением», перед которым «свято ощущали трепет души» [16, с. 124]. Справедливость приведенных слов подтверждается поведением наследников буйных запорожцев – участников нашумевшего в свое время «Чигиринского заговора» 1877 г., его предысторией и последствиями [5]. Ну, а поскольку никаких европейских самозванцев на Украине не наблюдалось ни в XVII, ни в XVIII веке, ни в каких-либо других столетиях, интересные сами по себе взгляды А.М. Бовгири мало способствуют решению нашей задачи.

В полном смысле к компаративным трудам относится монография Ж. Лекупра о политическом самозванстве в средние века, «которое затрагивает королей и принцев, а в более широком смысле – людей, занимающих властные позиции». Как справедливо отметил историк, благодаря самозванству «много лучше узнается королевская власть, ибо оно, парадировав ее, одновременно и разоблачает». На страницах книги автор выделяет общие тенденции и специфические черты в историях 32 самозванцев, заявлявших о себе на европейской арене в период с 1100 по 1500 гг. На их примере он раскрывает такие важные стороны явления, как география самозванства, мотивы и внешность самозванцев, их речи, одежду, манеру поведения, анализирует распространенные легенды о «возвращающихся» королях, смеховой ракурс ложных притязаний, отличия монархических и религиозных самозванцев и многие другие аспекты проблемы. Из всех самозванцев в центре внимания Ж. Лекупра оказываются фигуры Бертрана де Рейса (лже-Бодуэн IX), Джаннино Бальони (лже-Иоанн I), Дитриха Хольцшуха или, что то же самое, Тиля Колупа (лже-Фридрих II), Ламберта Симнела (лже-Эдуард I, граф Уорик), Перкина Уорбека (мнимый Ричард Йоркский) и немногих других. А если, добавляет Ж. Лекупр, вспомнить еще «Центральную Европу, которой не чужды ложные короли, и Запад позднего Средневековья», который «почти постоянно прибегал к таким ухищрениям, мы не сможем не поразиться изобилию фальшивых принцев». Не без оснований историк утверждает, что именно тогда наступил настоящий «золотой век для самозванцев» [13, р. 157, 180, 204, 254, 280, 328–332, 372 и др.]. В этом смысле Ж. Лекупр предлагает разделить их историю на два этапа: «эпоху, когда мистификаторов поддерживали великие люди и монархи, и более поздний период, когда смысл действия изменился, став народным (Пугачев)» или, как он пишет, «патологическим», имея в виду К.-В. Наундорфа – лже-Людовика XVII [13, р.

252]. Соглашаются с таким мнением и другие исследователи. Например, по сведениям Р. Маккей в XV–XVI вв. «эпидемия самозванцев распространилась на многие европейские королевские семьи, в связи с чем политика стала пониматься как законное проявление коварства и обмана» [14, р. XXI]. На широком репрезентативном фоне в книге Ж. Лекупра по два раза просто упоминаются Пугачев/Петр III и самозванная княжна Анастасия Романова [13, р. 2, 9, 252]. Это значит, что авторская компаративистика не выходит за круг исключительно европейских ложных претендентов, а богатство содержания привлеченных материалов дает повод усомниться в оценках историков, заранее отдавших России приоритет по части самозванцев.

Не вдаваясь в сравнение частных нюансов самозванческих интриг, К. Ингерфлом выделяет ключевой фактор отличия российских и европейских самозванцев сквозь призму идеи «непрерывного самозванства» в России «от Ивана Грозного до Владимира Путина». Подробный анализ русскоязычного издания монографии «Аз есмь царь. История самозванства в России» недавно был осуществлен пишущим данные строки [3]. Здесь же отмечу, что корни российской специфики историк видит в не совпадении культурных дискурсов нашей и европейской политической традиций. В концептуальном плане он разделяет взгляды Н. Земон Дэвис, которую считает автором «одних из лучших текстов о самозванстве на Западе» [12, р. 156]. Напомню, по ее мнению, в начале XVII века вместе с трансформацией «картины мира» европейца (от мифа к логосу) радикальные изменения претерпело и самозванство. Если прежде оно воспринималось как событие, принадлежащее к области чудес, волшебства и религии, то позже стало уделом мошенничества. То, что раньше было «странным» и относилось к сверхъестественному, теперь принадлежало расколдованному миру, где сила Бога ослабла. Отныне удавшийся обман объясняется уже не верой в потустороннюю жизнь, а людской доверчивостью [17, р. 274–276]. Впрочем, К. Ингерфлом признает и в России того времени наличие обычных мистификаций, не требовавших сакральных доказательств, но те из самозванцев, пишет он, «кто с начала XVII века претендовал на роль истинного царя, на протяжении веков ссылались на божественную легитимность» [12, р. 156–157].

Настольной книгой по самозванцам в зарубежной историографии давно уже стала работа И.-М. Берсе о скрывающихся королях, в которой разработана любопытная типология самозванцев («жертвенный король», «король-куратор» и т.д.) [9, р. 189–268]. Здесь мы, наконец, встречаемся со сравнением европейских лжеправителей (Лжесекбастьяны, мнимый сын Карла IX Франсуа де ла Раме) с российскими Лжедмитриями, но лишь с ними одними. К тому же схема развития самозванческого сюжета, предложенная автором, до боли похожа на социально-утопические легенды о «возвращающихся царях/царевичах-избавителях», в 1960-е гг. тщательно изученные К.В. Чистовым [7, с. 24–236]. Уже тогда он обратил внимание, что закономерность их появления «в этот период русской истории можно подтвердить некоторыми параллелями из истории и фольклора других народов». И в качестве примеров упомянул сходные немецкие легенды о Карле Великом и Фридрихе Барбароссе, португальскую легенду о короле Себастьяне [7, с. 28–29]. Неслучайно, как и К.В. Чистова, И.-М. Берсе интересуют не столько сами самозванцы, сколько реакция на их появление, основанная на народных представлениях о власти, сердцевинной которых являлось монархическое воображение. Но, в отличие от советского коллеги, И.-М. Берсе мог быть методологически раскованным и не разделял штампа о легковерии низов и, так называемом, «наивном монархизме» простолюдинов: «Эти обвинения, – подчеркивал историк, – противоречат психологическому правдоподобию, а безапелляционная искренность самозванных персонажей заставляет нас искать иные мотивы в душах этих несчастных, находившихся в отчаянном поиске своей идентичности» [9, р. 12.]. Автор говорит, что самозванцы – это часто молодые люди, которые переживали кризис личной идентичности, возможно из-за

того, что были незаконнорожденными или найденышами, а некоторые из них могли страдать параноидальным расстройством сознания [9, р. 339–345]. И.-М. Берсе обращается к гносеологическому потенциалу психоаналитических практик, чтобы выявить ментальные константы, в, казалось бы, независимых друг от друга казусах самозванства, позволяющих глубже понять социально-психологическую природу явления. Он ищет ответы на непростые вопросы о функциях народных монархических мифов, о смысле одной и той же, повторяющейся во времени и пространстве истории о «возвращающихся избавителях» [9, р. 344, 370 и др.], а в результате реконструирует динамичную модель политических мифологий в Европе Нового времени, в которой, увы, не нашлось места для большинства наших самозванцев.

Пожалуй, единственным историком, кто не просто констатировал наличие компаративной проблемы, но и прагматично подошел к ее решению, является М. Перри. Один из параграфов своей монографии она так и назвала: «Самозванцы смутного времени: сравнительный анализ». Обобщающие и порой заимствованные ее мысли можно свести в десять взаимосвязанных пунктов: 1) И в России, и в Европе самозванцы появляются на фоне династического кризиса и, как следствие, сомнений в законности правящего монарха. 2) Для появления самозванца нужно наличие подходящего реального «прототипа» – лучше всего, чтобы он был юного возраста. 3) Задача самозванцев облегчается, если они объявляют себя царевичами, спрятанными в детстве, чем пытаются создавать убедительные образы известных исторических фигур преклонных лет. 4) Необходимо наличие таинственных обстоятельств смерти «прототипа» самозванца. 5) Рассказы самозванцев об их подмене в детстве и дальнейших превращениях должны иметь более-менее логичное обоснование, каким образом им удалось избежать смерти от рук злодеев. 6) Желательно, чтобы самозванцев «признали» люди, знавшие «прототипы» и подтверждавшие теперь их тождество. 7) Рождение самозванческих интриг на периферии государства, где слабая центральная власть, или даже за пределами Отечества. Из этого возникает зависимость между появлением самозванцев и иностранной интервенцией в их пользу. 8) Противники используют факт такой поддержки для дискредитации самозванцев, объявляя их чужеземными марионетками. 9) Повсеместно наблюдается спорадическая тенденция появления самозванцев, будто из рога изобилия, одного за другим. 10) Самозванцы не всегда могли завоевать массовое доверие, но когда такое случалось, поддержка обычно отражала не только глубину кризиса политической легитимности, но также широкие социальные и экономические, природные или эпидемические катастрофы [15, р. 239–245].

Не во всем соглашаясь с М. Перри, замечу, что ее выводы слабо теоретически обоснованы и сделаны на ограниченном фактическом материале из истории России, где апогей самозванства пришелся не на XVII, а на XVIII в. Да и реестр европейских претендентов искусственно усечен до «наиболее близких параллелей»: Ламберт Симнел, Перкин Уорбек, несколько монархических самозванцев в Молдавии, ряд Лжесекбастьянов [15, р. 2]. Но при «удобстве» избирательных параметров впору задуматься о репрезентативности полученных результатов, о проверке их при хронологическом, географическом и количественном масштабировании, а главное, при помощи современных методологий, успешно апробированных на материалах двух пока еще не пересекшихся на страницах научных работ потоков лжегосударей.

Подводя итоги, замечу, что в статье не были упомянуты имена многих блестящих знатоков истории самозванцев: И.Л. Андреев, Н. Анселот, Д.И. Антонов, Л. Валенси, Ч. Даннинг, М. Д'Антас, Ф. Лонгуорт, А.М. Панченко, К.В. Сивков, Е.Н. Трефилов, И.О. Тюменцев, Дж. Уильянс, В.И. Ульяновский, О.Г. Усенко, Б.А. Успенский, Тобиас Б. Хуг, К. Чизман, Р.-К. Швингес, М. Элиав-Фелдон и мн. др. Несомненно, учет их вклада позволил бы существенно обогатить фактами исследование темы, но не может заменить отсутствия качественных работ, в компара-

тивном ключе анализирующих феномен российских и европейских самозванцев как цельное, асинхронное, меж- и наднациональное, мультикультурное явление, и выполненных с помощью универсальных классификаций на основе междисциплинарной познавательной «лаборатории».

Список литературы

1. Браун Е.Д. «Он так долго обманывал мир...»: самозванный принц Перкин Уорбек // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М.: Индрик, 2018. Вып. 13. С. 37–54.
2. Герштейн А.Б. Самозванец-император, король Рудольф и население германских земель: кто кого и как обманывал? // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени. Сб. статей. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 109–139.
3. Мауль В.Я. «Иже ся Богу ровняли»: Размышления по поводу книги Клаудио Ингерфлома «Аз есмь царь. История самозванства в России» // Новый исторический вестник. 2021. № 4 (70). С. 152–174.
4. Мауль В.Я. Пугачев/Петр III и Лжесексбастьяны: эвристические перспективы компаративного анализа феномена самозванцев // Казачество на службе Отечеству. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. С. 202–211.
5. Мауль В.Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 221–240.
6. Самозванцы и самозванчество в Московии. Сб. статей. Budapest: Russica Pannonica, 2010. 200 с.
7. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.
8. Щербатов М.М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. Санкт-Петербург, 1793. 203 с.
9. Bercé Y.-M. Le roi caché. Sauveurs et imposteurs: mythes politiques populaires dans l'Europe modern. Paris: Fayard, 1990. 483 p.
10. Бовгиря А.М. Самозванство в Україні XVII–XVIII ст. // Український історичний журнал. 2015. № 6. С. 68–78.
11. Dunlop D. The «Masked Comedian»: Perkin Warbeck's Adventures in Scotland and England from 1495 to 1497 // The Scottish Historical Review. 1991. Vol. 70. No. 190. Part 2. P. 97–128.
12. Ingerflom C.S. Le Tsar c'est moi. L'Imposture permanente d'Ivan le Terrible à Vladimir Poutine. Paris: Presses Universitaires de France, 2015. 517 p.
13. Lecuppre G. L'imposture politique au Moyen Âge. La seconde vie des rois. Paris: Presses Universitaires de France, 2005. 416 p.
14. MacKay R. The Baker Who Pretended to Be King of Portugal. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 328 p.
15. Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge: University Press, 1995. 270 p.
16. Присяжнюк Ю.П. Віра українських селян в «добрих царів» після скасування кріпацтва // Культура народів Причорномор'я. 2001. № 24. С. 123–126.
17. Zemon Davis N. From prodigious to heinous: Simon Goulart and the reframing of imposture // L'Histoire grande ouverte: Hommages à Emmanuel Le Roy Ladurie. Paris: Fayard, 1997. P. 274–283.
18. Zemon Davis N. Remaking Impostors: from Martin Guerre to Sommersby (Hayes Robinson Lecture Series. 1997. No. 1) // Published in 1997 by Royal Holloway, University of London, Egham, Surrey. 22 p.

Нувано В.Н.,

научный сотрудник обособленного подразделения Лаборатории истории и экономики (г. Анадырь) ФГБУН
Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ЧУКОТСКОЙ КУЛЬТУРЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Несмотря на изменения, произошедшие в XX и начале XXI веков, на Чукотке по-прежнему существуют оленеводческие хозяйства, где старые оленеводы передают свои знания молодым, что позволяет им сохранять опыт своих предков. Усвоение оленеводческой культуры молодым

поколением оленеводов происходит через воспроизведение материальных проявлений (традиционная одежда, традиционное жилище, оленный транспорт) и духовных явлений (традиции, праздники, ритуалы).

Ключевые слова: Чукотка; чукчи-олeneводы; семейная группа; праздники; жертвоприношение; священные предметы

Nuvano V.N.,

Researcher, Separate Unit of the Laboratory of History and Economics (Anadyr) of the North-Eastern Complex Research Institute named after N.A. Shilo, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences

THE PROBLEM OF CONTINUITY IN CHUKCHI CULTURE IN MODERN CONDITIONS

Despite the changes that occurred in the 20th and early 21st centuries, there are still reindeer herding farms in Chukotka, where old reindeer herders pass on their knowledge to young ones, which allows them to preserve the experience of their ancestors. The assimilation of reindeer herding culture by the younger generation of reindeer herders occurs through the reproduction of material manifestations (traditional clothing, traditional housing, reindeer transport) and spiritual phenomena (traditions, holidays, rituals).

Keywords: Chukotka; Chukchi reindeer herders; family group; holidays; sacrifice; sacred objects

Чукотская культура неразрывно связана с оленеводством. Оленеводство на Чукотке в качестве базовой хозяйственной деятельности является отраслью, выполняющей, наряду с задачей обеспечения населения продовольственными ресурсами, важнейшие социальные функции, включая предоставление условий для занятости значительной части жителей, функции сохранения и передачи будущим поколениям чукотской оленеводческой культуры – неотъемлемой части культурного наследия.

В данной работе ставится цель определить круг проблем, которые могут влиять на преемственность в чукотской оленеводческой культуре: традиция, накопление и трансляция опыта от старших младшим, актуализация традиций и быта в современном культурном пространстве.

Культурная трансформация в оленеводстве

XX – начало XXI вв. ознаменовались бурными изменениями в политической, экономической, культурной, духовной и других сферах общественной жизни, что, несомненно, сказалось во всех сферах жизни оленеводов. Уникальная и неповторима чукотская оленеводческая культура уходит в прошлое. Тезис, что, оленеводство само по себе может влиять на сохранение культуры, духовной и материальной, в современных условиях невозможно без учебных заведений, где могут быть введены специальные образовательные программы, с помощью которых можно транслировать традиционные знания в школах, где учатся дети оленеводов. Без подобных программ мы наблюдаем, что во всех оленеводческих регионах наблюдается унификация и универсализация социальных стандартов в сторону преимущественно европейского типа.

Наши исследования показали, что состояние традиционной культуры в отдельно взятом хозяйстве могут зависеть от самих оленеводов. На Чукотке еще имеются хозяйства, где поколение старых оленеводов транслирует накопленный опыт молодым, что дает возможность актуализировать опыт предков. Усвоение оленеводческой культуры происходит через воспроизведение материальных проявлений (одежда, жилище, транспорт) и духовных явлений (язык, традиции, праздники, ритуалы).

Динамика оленеводческого населения Чукотки

В начале XX в. численность кочевого населения на Чукотке приближалась к 8 тысячам [4, с. 129]. До 20-х гг. XX в. доля кочевников-олeneводо-в превышала 70% от всего чукотского населения. В настоящее время доля оленеводов не достигает и 10% [7, с. 117]. На съезде оленеводов Чукотки в 2020 году была озвучена численность оленеводов (включая женщин). Оказалось, что на Чукотке осталось менее 700 человек кочевого населения.

В 90-е гг. XX в. некоторые руководители, экономя бюджет хозяйства, переселяли оленеводов, достигших пенсионного возраста, на центральные усадьбы (села) совхозов-ТОО-МУПов, тем самым усугубляли проблему межпоколенных связей и проблему оттока кочевого населения (иногда трудоспособного). Лишь немногие руководители понимали важность проблемы преемственности поколений, оставляли стариков и женщин-пенсионеров в оленеводческих бригадах. Обычно этими руководителями были бывшие специалисты, ранее работавшие в оленеводстве.

База исследования

В качестве базы исследования нами рассматривается оленеводческая бригада № 9 МУП СХП «Чаунское» Чаунского района Чукотского АО, где еще сохраняются элементы традиционной культуры. Отличительной чертой этого хозяйства остается наличие в бригаде трех поколений в одной семье. В одном стойбище живут и работают представители старшего поколения, их дети и внуки.

История семьи Б.Ф. Вуквукай

Борис Федорович Вуквукай (1939 г.р.) рассказал, что его дед Пронька относился к эвенам (ламуты), которых чукчи называли каарамкын («оленный народ») или корэмтэ каарамкын («оленное племя, едущий на оленях верхом»). [2, с. 8]. Пронька с 67 оленями стал кочевать из урочища р. Олой (ныне Билибинский район Чукотского АО) на север. Со временем чукчи его стали называть чукотским именем Куучьын, возможно потому, что он женился на чукчанке. Он воспринял чукотскую культуру. В настоящее время его потомки считают себя чукчами. Сын Проньки – Куучьын Тегрикай (по-чукотски Тэгрык 'эй) стал бригадиром при этом же стаде. Позже сын Б.Ф. Тегрикай Вуквукай унаследовал руководство бригадой, и, проработав много лет в родовом стаде, стал кавалером ордена «Трудовой Славы» III степени. Теперь при этом стаде бригадиром является правнук Проньки – Куучьын Виталий Вуквукай.

Оленеводческое хозяйство бригады

№ 9 МУП СХП «Чаунское»

Бригада № 9 МУП СХП «Чаунское» Чаунского района является самой густонаселенной по оленеводческим меркам: от 25 до 50 человек летом. В оленеводческом хозяйстве имеется:

Жилище летнее яран 'ы (лыгэран) в комплекте с пологом ёрон 'ы – 9 шт.

Жилище зимнее налгырон – 9 шт.

Нарты ездовые и для перевозки грузов – около 50 шт.

Снегоходы – до 6 шт.

Снегоболотоходы (квадроциклы) – 4 шт.

Ездовые олени – более 60 голов

Личное поголовье работников – 0 голов

Общее поголовье оленей – около 9000 голов

Несмотря на то, что в бригаде официально нет личного поголовья оленей, помня о семейном предании, Б.Ф. Вуквукай ведет себя как чаучу «богатый оленями» [2, с. 3]. В своем стойбище Б.Ф. Вуквукай сохраняет старый уклад чукотских оленеводов, где каждая семья должна вести и поддерживать большое оленеводческое хозяйство с собственным жильем, нартенным хозяйством, обутыми ездовыми оленями. Умение содержать хозяйство передается от поколения в поколение.

*Социальное устройство стойбища
оленоводческой бригады № 9 МУП СХП «Чаунское»*

До настоящего времени основной производственной единице в бригаде № 9 является семейная группа Б.Ф. Вуквукая. В 2010 г. в семейной группе насчитывалось 18 человек, из них 7 человек работающих, 4 человека пенсионеры преклонного возраста и 7 детей. Оленеводы из других семей: 7 человек (все работающие). В двух семьях 3 детей. Кроме постоянного населения стойбища, для выпаса 9-тысячного стада из села Рыткучи на лето приезжают на подработку до 10 человек, которых оленеводы бригады называют «гастарбайтеры». Летом 2010 г. во время каникул в стойбище также находились около 20 детей, в том числе дети из интернатов г. Певек и с. Рыткучи. Поэтому летом было установлено 9 летних жилищ яран 'ы.

В бригаде № 9 до настоящего времени остаются взаимоотношения между людьми как чукотском стойбище в 30-40-х годах XX в. [1, с. 64]. «Передний шатер чукотского стойбища является первым с северо-восточной стороны, задние шатры отходят к юго-западу от него» – так описывал стойбище начала XX в. В.Г. Богораз [2, с. 143]. На стоянке в апреле 2010 г., где проходила разбивка стада на плодовую и неплодовую части, жилища оленеводов бригады располагались с севера на юг в строгом соответствии традиции. В первом жилище проживали ыт'ыёлрал'ын «переднедомный» [2, с. 142] – супруги Б.Ф. Вуквукай и Л. Келет. Далее располагались жилища чымчыл'ыт «ближние», т.е. тех, кто принадлежат к их семейной группе. Во втором жилище проживали члены семьи среднего сына Виталия Вуквукая (бригадир, 35 лет в 2010 г.) с супругой Татьяной (33 года) с четырьмя детьми от 1,5 до 11 лет. С ними проживал оленевод 23 лет Григорий Эйневги – родственник жены. В третьем жилище проживал младший сын Алексей (26 лет) с женой Олесей и их ребенок 1,5 лет. В четвертом – старший сын Владимир с женой Еленой, привезенной из с. Рыркапий двумя годами ранее. В пятом Ю.С. Ночин (65 лет) с супругой – она сестра Б.Ф. Вуквукая. Все они связаны узами кровного родства. Очаги их жилищ Ыннан-йын'лат «имеющие один огонь» [3, с. 54]. Проживая в жилище, которое принадлежало к семейной группе Вуквукая, автор решил позаимствовать кастрюлю в соседней яранге, но жена Б.Ф. Вуквукая Любовь Келет (1940–2019) запретила делать это, и объяснила: «Итри элвэ-йын-кинэт», т.е. они (соседи) «имеют другой огонь». Обмен посудой и другой утварью между разными семейными группами недопустим до настоящего времени. «Каждая семья имеет собственный огонь... Заем огня от соседей считается величайшим грехом» – писал В.Г. Богораз [3, с. 54]

«В чукотском языке нет специального слова для помощников в оленеводстве. Они называются общим словом ным-тумгыт – «товарищи по стойбищу», «соседи» [2, с. 148]. В стойбище бригады № 9 жилища соседей, т.е. оленеводов, относящиеся к другим семейным группам, элвэ-йынкин («имеющие другой огонь») располагались сразу после жилищ семейной группы Б.Ф. Вуквукая. Шестым в стойбище стояло жилище О.Д. Кайвельвун (35 лет). С ним проживали жена Лиля с двумя детьми 6 и 2 лет и два старших брата хозяина жилища И.Д. Кайвельвун и В.Д. Кайвельвун. В седьмой – В.В. Вытэлыгын (разведенный), но он имел собственное жилище, где иногда проживали пришлые оленеводы из других мест или временные работники. В восьмом – вдовец Виктор Ивин (Ивэн, Чарээвылгын) с сыном 4 лет. Виктор годами ранее кочевал из бригады МУП СХП «Пионер (п. Рыркапий Шмидтовского района), в его жилище проживали холостяки В. Тымненкав, Я. Тымненкау.

Ведение оленеводческого хозяйства

Большое оленеводческое хозяйство требует постоянного содержания и ухода. Для перемещения каравана из 40 нарт необходимо, чтобы в бригаде имелось не менее 60 хорошо обученных оленей. В это же время, не менее 10 молодых оленей должны научить идти в поводу и уже на-

чинать приучать к упряжи. Только после этого обьеженного оленя можно уверенно эксплуатировать в упряжке или запрягать в грузовые нарты при частых перекочевках в тундре.

Навыки по содержанию большого хозяйства и езде на оленях передаются молодому поколению. В 2010 г. Б.Ф. Вуквукай, не смотря на занятость, брал своих внуков на выездку ездовых оленей. Для детей возрастом 8, 9, 11 лет ловили смирных ездовых оленей, и они каждый в своей упряжке с удовольствием ехали за опытными ездоками.

Чукотские праздники и ритуальные предметы

«Главной целью проведения праздников у чукоч является..., привлечение покровительства и помощи у «духов» и прочих существ, чтобы упрочить материальное благополучие семьи» [3, с. 71]. Чтобы сохранять главное свое богатство – оленей «оленоводческие семьи пользуются своими охранителями и амулетами для защиты стад от злых духов» [3, с. 46]. Практика проведения подобных жертвоприношений, которые принято теперь называть оленеводческими праздниками, актуальна и в настоящее время.

В апреле 2010 г. во время праздника Кильвей мы наблюдали вынос и освящение двух связок священных предметов [3, с. 54; 5, с. 100]. Первая связка, принадлежала самому Б.Ф. Вуквукаю. Вторая – его старшему сыну Владимиру, где деревянный огненный предмет гыргыр [5, с. 100] представлял собой свежевystроганную доску с углублениями, которая еще не была покрыта слоем крови, жира и копчения, так как Владимир был наделен самостоятельностью только недавно, а старинные предметы, возможно, были переданы другим членам семьи.

В августе 2016 г. во время праздника выльгык'оранмат («праздник тонкошерстного молодого оленя») [6, с. 265] Любовь Кэлэт, жена Б.Ф. Вуквукая, не стала освящать священные предметы в связи с переходом женщины в христианскую церковь протестантской направленности. Поэтому, чтобы освятить святыни из своего жилища, Борис Федорович перенес их к жилищу среднего сына, где они были освящены кровью жертвенного животного, убитого возле яранги Виталия. Таким образом, у жилища сына были освящены две связки – хозяина жилища и его отца. Так как они родственники, «имеющие один огонь» [3, с. 54], то освящение семейных предметов Борис Федоровича рукою невестки не считалось грехом. Старший сын Владимир у своего жилища освятил свои священные предметы отдельно. Также поступили их престарелые родственники Ю.С. Ночин с женой.

Их внуки участвовали в церемонии жертвоприношения. Во время разбивания костей детям говорили, что ни одна косточка не должна валяться на земле после убоя жертвенных оленей. Собранные в кучу, кости жертвенных оленей сожгли, и 14-летняя внучка Ю.С. Ночина разбивала их в пыль (золу). Над сожженными костями жертвенных оленей они с бабушкой Соней соорудили К'орарак'ай («олений домик») из дерна и камней. Так поступили все жители стойбища, у жилищ которых было произведено жертвоприношение. Чукчи верят, что разбитые и сожженные кости будут жить в другом мире в «оленьем домике» как олени, и спустя какое-то время вернуться на Землю живыми оленями.

Вечером после праздника Б.Ф. Вуквукай бил в бубен и на коленях держал кожаную куклу из своей связки священных предметов и твердил своим внукам: «Это мой дедушка Куучьын». Чтобы внуки тоже били в бубен, старик говорил: «Давай бубовать». Стуча в бубен, чукчи думают, что таким образом они успокаивают важенок, телят которых принесли в жертву во время осеннего праздника. Действительно, было впечатление, что обеспокоенные важенки под звуки бубнов перестали хоркать и звать телят и через некоторое время, отдохнув на лежбище, ушли за стадом.

На весеннем празднике Килвэй Борис Федорович наставлял невестку, говоря: «Олеся Кэнанкавн'ыркын», что может означать «Мажь жиром священные предметы правильно, чтобы «олен-

ное счастье» не отвернулось от нас». В другой раз во время разбрасывания кусочков почки по сторонам света (жертвоприношение) он твердил внукам: «Молиться надо... Витя молиться надо».

Таким образом, во время посещения бригады № 9 мы наблюдали, что потомственные оленеводы сохраняют семейные ритуалы помазания семейных священных предметов во время ежегодных оленеводческих праздников-жертвоприношений. Они помнят предметы, которые привязаны к связкам. Каждый предмет имеет историю. Освящая священные предметы, Р. Вуквукай (бывшая жена Б.Ф. Вуквукая) сказала, что постромки от упряжи, привязанные к священным предметом Ю.С. Ночина (1944 г.р.), принадлежали его прадеду. Этот факт говорит о том, что упряжь использовалась еще в XIX в., что может говорить о древности некоторых предметов, сохраняемых оленеводами. Наряду с древними предметами, в связках святынь мы наблюдали и довольно современные вещи. В связке Б.Ф. Вуквукая рядом с метательным предметом его отца Тегрекая (Тэгрык 'эй), была привязана современная кружка «Экспедиция» и даже современные православные иконки.

Несомненно, что духовные практики оленеводов откладываются в сознании детей оленеводов, которые ежегодно участвуют в ритуальных действиях во время оленеводческих праздников.

Заключение

Мы руководствовались задачей дать материал, относящийся к социальному устройству отдельно взятого современного оленеводческого хозяйства. Коротко рассказали о праздниках, которые проводят семьи оленеводов.

Мы выяснили, что в бригаде № 9 МУП СХП «Чаунское» традиционные знания оленеводов, ежегодно проводимые оленеводческие праздники и помазание старинных священных предметов остается актуальными до настоящего времени. Что немаловажно, во время этих действий дети становятся активными участниками оленеводческой ритуальной жизни.

Мы стали свидетелями, что дети, воспитанные в полных оленеводческих семьях, которые продолжают семейные традиции предков, возвращаются в оленеводство, как это сделали дети Виталия Вуквукая. В 2023 г. после службы в армии вернулся в бригаду Всеволод. Другой сын Виктор вернулся в бригаду, проработав некоторое время на высокооплачиваемой работе в золоторудной компании «Купол».

Как видим, и в современном мире поддержка традиционного уклада оленеводов, является одним из условий сохранения и развития этнической культуры, воспитания молодежи, с одной стороны, и развития оленеводства, с другой.

Список литературы

1. Архинчеев И.С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Сибирский этнографический сборник. Вып. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 43–98.
2. Богораз В.Г. Чукчи: Социальная организация. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 216 с.
3. Богораз В.Г. Чукчи: Религия. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 208 с.
4. Коломиец О. П. Этнодемографическая характеристика населения Чукотки // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 4 (36). С. 127–142.
5. Коломиец О.П. и др. Предметы чукотской оленеводческой культуры в повседневной жизни и в музейных коллекциях // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 98–107.
6. Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник, п. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 263–326.
7. Хаховская Л.Н. Советская модернизация оленеводства в отдельных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 112–127.

Петров В.И.,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, ФГБОУ ВО
«МИРЭА – Российский технологический университет»*

СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В статье сделан анализ основных направлений развития исторической науки в настоящее время в России. Автор отметил наиболее заметные исторические исследования в стране в XXI в. – работы в области военной истории России, в области политической истории и развитие исторического краеведения. Особое внимание в статье уделено проблемам исторического образования в высшей школе в текущий момент, показан положительный опыт применения экскурсий со студентами в музеи столицы в рамках учета работы в ЦДО (центре дистанционного обучения) в университетах.

Ключевые слова: *фальсификации истории; история России; военная история России; основы российской государственности; балльно-рейтинговая система в вузе*

Petrov V. I.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «MIREA – Russian Technological University»

THE SYSTEM OF MODERN VALUES AND THE FORMATION OF THE MAIN DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE AND HISTORICAL EDUCATION IN RUSSIA

The article analyzes the main directions of the development of historical science in Russia at the present time. The author noted the most notable historical studies in the country in the 21st century – works in the field of military history of Russia, in the field of political history and the development of historical local lore. The article pays special attention to the problems of historical education in higher education at the moment, shows the positive experience of using excursions with students to the museums of the capital as part of taking into account work in the Central Educational Institution (distance learning center) at universities.

Keywords: *falsifications of history; the history of Russia; the military history of Russia; the foundations of Russian statehood; the score-rating system at the university*

Система ценностей общества как в мировом масштабе, так и в рамках одного государства подвержена изменениям во времени, что человек, проживший на этом свете в ясном уме и твердой памяти, хотя бы последние 30–20 лет видит отчетливо. Есть человеческие ценности, которые не должны меняться, как, например, основные категории философии: добро – зло, совершенное – несовершенное, справедливость – несправедливость. В современном мире особой ценностью становится еще и достоверная информация, историческая правда, отсутствие элемента продажности или давления вне правового поля [13, с. 148].

Нет необходимости объяснять сегодня гражданам России, что небольшая часть мирового сообщества в лице государств Западной Европы и США, используя свой информационный ресурс, распространяет в настоящее время факты, искажающие историю, пропагандирует идеологию расовой и национальной дискриминации народов целых стран, продолжает политику неоколониального давления на экономики ряда стран, естественно, в корыстных своих целях и в русле своих планов подчинения мира. Уже в 1948 г. советские историки били тревогу о фальсификации истории Второй мировой войны, когда она только завершилась. Например, был издан сборник «Фальсификаторы истории Историческая справка» [17] в Москве в 1948 г., где были приведены документы, захваченные Советской Армией при разгроме немецко-фашистских войск и освещался действительный ход подготовки и развития гитлеровской агрессии. Уже тогда нужна была работа по опровержению фальсификаций США, Великобритании и Франции по этому вопросу. Сегодня службы и «научные» институты этих государств вообще развернули информационную, пропагандистскую войну подлинной истории XX в.

Система ценностей современного мира, можно сказать, разделяется на два лагеря, две мировые силы: силы «света» и силы «тьмы». Надо нам уже задаться целью, чтобы определить, к какой стороне относится буржуазный, рыночный, жестко конкурентный мир. Мы в России еще не решили этот вопрос. Но подготовка будущих поколений не может ждать, мы на десятилетия вперед обеспечиваем условия для формирования общества потребителей. В этом ключе рассмотреть тенденции развития современной исторической науки весьма сложно [12, с. 125].

Суверенитет российской философии и российской исторической науки надо начинать отстаивать заново. «Западоклонничество» будет еще продолжаться, или уже опасность назрела настолько, что пора принимать меры. Кто издает русофобские книги за рубежом, как обстоят дела с публикациями внутри страны должно интересоваться общество, да и Следственный комитет России. Фальсификация русской философии и истории имеет место и внутри научного сообщества страны.

Анализ направлений развития современной исторической науки в России показывает мозаичную, неоднозначную картину. Современные авторы работают, и весьма успешно, в направлении «закрытия белых пятен» в истории, тем самым выполняя важную задачу дополнения исторической картины нашего прошлого. Так, целая плеяда авторов XXI в. посвятила свои работы военной истории России. Очень продуктивными авторами можно считать И.А. Харитонову с его двухтомником «Все войны российской армии с 1695 по 1918» в 2-х т. [18], Р.К. Баландина с работой «Маршал Малиновский. Серия «Кавалеры ордена «Победа» [1] (2015), В.К. Балашова с книгой «Всемирная история войн» (2000) [2], Басика И.И. с монографией «История военного искусства» (2006) [3], С.В. Мосолова с работой «Эпоха царей Александра I и Николая I. Курс русской истории» (2017) и других [8]. Надо отметить, что военная история России органически может применяться в преподавании «Основ российской государственности» в вузах страны, и делать это надо активно.

Весьма заметным направлением в наше время является политическая история. Это направление по числу трудов можно назвать господствующим вообще в исторической науке наших дней. Период февраля – октября 1917 г. активно представлен в научной литературе [11, с. 341]. Отношение авторов к истории Гражданской войны таково, что есть историки, которые до сих пор занимают почти противоположные позиции.

Современная история России, события СВО пока слабо отражены в монографических исследованиях. Появляются лишь научные статьи в актуализированных сборниках при ведущих университетах России и на площадках общественных форумов [14, с. 267]. В регионах страны чаще стали появляться научные публикации краеведческого характера, которые имеют большое значение для развития исторической науки в целом. Предмет рассмотрения в них – описание усадеб, памятных мест, возрождение исторических и архитектурных памятников. Историки

своими изысканиями помогают возрождению и реставрации памятных мест о героях Великой Отечественной войны, особенно на территории Донецкой, Луганской республик [7, с. 243].

Надо отметить, что в настоящее время возобновился процесс переосмысления предшествующей советской историографии. Интерес к ней вызван в связи с суверенизацией исторической науки России сегодня. Здесь выделяются биографические исследования по деятелям советского периода, исследования в области экономики, особенно экономических реформ периода СССР [12]. Опыт «экономического чуда» в Китае заставляет историков пересмотреть подходы к реформе, предложенной А.Н. Косыгиным 1965 г. в СССР (Брежневская реформа) [13]. Историки пытаются найти ответы в прошлом на вопрос о том, как теперь догнать «Китайского дракона», использовавшего наш опыт, отвергнутый нами же в 70-х гг. XX в.

Всплеск внимания к истории страны и армии в последние годы привел, наконец, к увеличению объема дисциплины «История России» в рамках вузовского образования, и появления новой дисциплины «Основы российской государственности» [15]. Но, надо сказать, что платное высшее образование почти вытеснило воспитательный смысл в процессе обучения, значение патриотизма искажено уже на уровне школы. Такие учебные дисциплины, как история, философия, основы российской государственности на первом курсе университетов воспринимаются студентами неисторических вузов как «неосновной», «непрофильный» предмет с подачи самих же руководителей институтов, факультетов и профильных кафедр. Уже половина (и более) студентов первого курса, по нашим наблюдениям, заражены меркантилизмом, хваткой получить желаемое. Процесс внедрения ИОС – информационной образовательной среды (ЦДО центров дистанционного обучения) в купе с технологиями ИИ (искусственного интеллекта) в вузах сегодня фактически упростили студентам возможность набрать минимальный балл для зачета по любой дисциплине без систематического и полноценного получения знаний [16, с. 11].

Итоговый балл выводит на зачете. Даже высококачественные итоговые тесты и контрольные задания для дистанционного самостоятельного ответа студентом пока не дают возможности полноценно гарантировать отсутствие списывания и проверки собственного знания, умения, навыков. Гуманитарные науки подразумевают наличие эмоционального культурного сопереживания судьбам страны и народа. В условиях ЦДО и ИОС этот фактор почти не задействуется. Для решения такой проблемы в области преподавания истории в вузе необходима коррекция систем ИОС и ЦДО в плане увеличение роли или доли прямого контакта преподавателя со студентами. Вебинары, дистанционные семинары и видеолекции должны присутствовать в электронной среде учебного заведения, но итоговый набранный балл не должен гарантировать зачет, а лишь должен давать допуск к зачету. Очный ответ на билет, проверка уровня знаний в «живой» беседе позволит определить не только уровень подготовки студента, но и его отношение к стране, к обществу. Надо отметить, что ИОС, все же, дает возможность активизировать и воспитательную функцию гуманитарной дисциплины. Так, наша кафедра включила посещение с отчетами музеев города Москвы в балльно-рейтинговую систему. Причем за одно посещение музея студент получает только 2 балла из 100. За семестр таких посещений можно сделать до пяти и получить 10 баллов, что уже улучшает итоговый результат, а главное, интерес к истории через непосредственный «контакт» с музейными экспозициями столицы [9, с. 77, 80].

Следующей проблемой в историческом образовании можно выделить перегруз преподавателей часовой нагрузкой на ставку и высокими требованиями по уровню публикационной, общественной, методической активности. Президент во время прямого общения с гражданами 14 декабря 2023 г. услышал эту проблему и дал поручение по нормированию требований к учителю школы, может, дойдет дело и до нормирования требований к труду преподавателя в вузе. В условиях коммерческой составляющей в высшем образовании воспитание (и даже обучение под вопросом) полноценного

гражданина и патриота осуществлять весьма сложно. Мы уже и не говорим о том, что в СМИ и интернете идет продолжение трансляции фильмов и передач, культивирующих западную культуру.

Таким образом, современное историческое образование в России направлено не только на изучение основных событий истории государства, но и на создание условий для самореализации молодых людей на основе творческой активности и сохранения исторической памяти о героическом пути наших народов. Еще одной важной задачей исторического образования является предупреждение возможного проявления экстремизма, воспитание молодежи в духе патриотизма и межнационального единства [10, с. 223]. Современные преподаватели гуманитарных дисциплин должны, помимо применения научного подхода и учета современных достижений исторической науки, обладать высокими моральными качествами, быть активными в общественной работе, проявлять четко выраженную гражданскую позицию по всем современным вопросам развития мира и страны.

Список литературы

1. Баландин Р. К. Маршал Малиновский. Серия «Кавалеры ордена «Победа»». М.: «Вече», 2015. 384 с.
2. Балашов К.В. Всемирная история войн. М.: «АСТ». 2009. 346 с.
3. Басик И. И. История военного искусства: учебник для высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации РФ / И.И. Басик [и др.]. М.: Воениздат, 2006. 352 с.
4. Беспятова Е.Б. Приглашение к размышлению: документальные свидетельства о социальной политике СССР в послевоенные годы (1947–1953 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 1. С. 12–23.
5. Журавлев В.В., Лазарева Л.Н., Беспятова Е.Б., Курапова Е.Р., Шашкова О.А., Суханова Н.И., Маслов Д.В. Советская экономическая модель и судьба союзного государства. // Россия XXI. 2022. № 6. С. 104–129.
6. Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Амелина Е.М., Королева Л.В., Косых А., Давыдов А.П., Кожевникова Л.В., Паудаль Н.Ю., Филиндаш Л.В., Костриков С.П., Кротенко Т.Ю., Румянцева И.А., Шишкова А.В., Шишков И.В., Беспятова Е.Б., Яценко О.Ю., Жернакова М.Б., Кузьмина Е.Ю., Савченко А.В., Смирнова В.Г. и др. Россия-Китай: управление обществом в цифровую эпоху: коллективная монография. М.: Государственный университет управления, 2020. 290 с.
7. Игнатова В.А., Петров В.И. История современного Донбасса. Хронология событий юго-востока Украины. // Вестник МГЭИ (online). 2022. № 2. С. 243.
8. Мосолов С.В. Эпоха царей Александра I и Николая I. Курс русской истории. Мурманск: «Издательские решения», 2017. 576 с.
9. Петров В.И. Изменение роли исторического краеведения в формировании патриотизма на современном этапе российской действительности // Курорты. Сервис. Туризм. 2016. № 2 (31). С. 77, 80.
10. Петров В.И. Патриотическое воспитание и историческое краеведение в современном образовании // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 4. С. 220–224.
11. Петров В.И. Правительство несбывшихся надежд. 100-летию февраля 1917 г. посвящается // VI Столыпинские чтения. Социально-политическая и экологическая безопасность как политический курс стратегического развития современной России. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 339–344.
12. Петров В.И. Применение исторической художественной литературы в процессе преподавания истории в вузе как фактор формирования эмоционального восприятия изучаемого материала // Этнопедагогический ежегодник. Сборник научных статей. Выпуск 12. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 123 – 127.
13. Петров В.И., Пилюгина Т.В. Правовой анализ базовых условий взаимодействия государства и гражданского общества при оценке правовой культуры последнего // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11-2. С. 148.
14. Петров В.И. Участие казачества Юга России в защите жителей Крымского полуострова от действий «правового сектора» при подготовке и проведении референдума среди населения Крыма и в последующий период // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации. Материалы Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 266–273.

15. Савка О.Г., Гусарова М.Н., Сумина С.В., Князев Я.О., Безруков Д.А. Модель формирования цифровых компетенций при реализации программ высшего образования // Russian Technological Journal. 2022. 10(6). С. 78–90.
16. Старичкова Ю.В., Рогов И.Е., Томашевская В.С. Разработка компонента управления данными программы учебной дисциплины для информационной системы управления образовательной средой // Russian Technological Journal. 2023. 11(1). С. 7–17.
17. Фальсификаторы истории. Историческая справка. М.: «ОГИЗ – Политиздат», 1948. 80 с.
18. Харитонов И.А. Все войны российской армии 1695–1918. В 2-х т. Том 1. Краснодар: «Традиция», 2009. 260 с.

Попов Ф.А.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет)»

ИДЕЙНАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ

В статье предпринимается попытка представить историю русской эмиграции в качестве идеологического феномена, к анализу которого следует применять инструментарий таких подходов исторической науки, как интеллектуальная история и история идей. Автором даётся ряд рекомендаций для исследователей, изучающих идейное наследие Русского Зарубежья. Прежде всего, корпус эмигрантских текстов необходимо исследовать в контексте европейской истории между двумя мировыми войнами, т.к. эмиграция находилась под влиянием западной мысли и сама влияла на неё. Отмечается важность сопоставления идейных течений Русского Зарубежья с его политическими, научными и профессиональными институтами; роль печати в продвижении идей в эмигрантские массы; ставится вопрос о русской эмиграции как самостоятельном семиотическом пространстве. Кроме того, высказана мысль о неразрывной взаимосвязи идейных дискуссий в эмигрантской среде с процессами внутри СССР. Истоки политической риторики непримиримой к большевизму эмиграции автор усматривает в публицистике времён Гражданской войны. Делается вывод о значительном вкладе, внесённом эмигрантами в западную советологию, а также о невостребованности интеллектуального наследия эмиграции в постсоветской России.

Ключевые слова: русская эмиграция; русская политическая мысль; интеллектуальная история; история идей; белое движение; советология; белые эмигранты

Popov F.A.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Humanities, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University)»

IDEOLOGICAL HISTORY OF RUSSIAN EMIGRATION: PROLEGOMENA TO A RESEARCH PROJECT

The article attempts to present the history of Russian emigration as an ideological phenomenon, to the analysis of which the tools of such approaches of historical science as intellectual history and the history of ideas should be applied. The author gives a number of recommendations for researchers studying the ideological heritage of the Russian Abroad. First of all, the corpus of emigrant texts must

be studied in the context of European history between the two world wars, because emigration was influenced by Western thought and itself influenced it. The importance of comparing the ideological currents of the Russian Abroad with its political, scientific and professional institutions is noted; the role of the press in promoting ideas to the emigrant masses; the question is raised about Russian emigration as an independent semiotic space. In addition, the idea was expressed about the inextricable relationship of ideological discussions in the emigrant environment with processes within the USSR. The author sees the origins of the political rhetoric of anti-bolshevik emigration in the journalism of the Civil War. The conclusion is drawn about the significant contribution made by emigrants to western sovietology, as well as the lack of demand for the intellectual heritage of emigration in post-Soviet Russia.

Keywords: Russian emigration; Russian political thought; intellectual history; history of ideas; white movement; Sovietology; white emigrants

Интеллектуальная история и история идей – два предметных поля исторического знания, схожих до степени смешения. Между тем, теоретическая путаница понятна, но не оправдана. История идей, в том виде, в каком её задачи в 1920 г. сформулировал А.О. Лавджой, порывала с «историей мыслителей» (жанром интеллектуальной биографии) и «историей доктрин» (как текстов, принадлежащих своей эпохе), провозглашая самоценность даже не «больших текстов», а отдельных «идей-единиц» (unit-ideas), по-разному складывающихся в пределах тех или иных доктрин (Лавджой сознательно экстраполировал на гуманитарную сферу естественнонаучный подход, уподобляя unit-ideas элементам аналитической химии) [1, с. 48]. Интеллектуальная история, первоначально считавшая своим объектом только «великих философов» и заложенные ими «каноны», с 1960–70-х гг., под влиянием бурно развивавшейся истории ментальностей, обратила внимание на социальные, культурные, религиозные и др. контексты формирования идеологий и их циркуляции в историческом пространстве. Влияние постструктуралистов и деконструктивистов выразилось в удалении фигуры автора текста и в признании первичности самого текста, т.е. творения, а не творца (по мнению Ж. Деррида, «вне текста не существует ничего»). Культурный и лингвистический повороты в историографии стимулировали интерес к языку нарратива, его грамматике, сюжету и всему тому, что Х. Уайт относил к «поэтике истории» [2, с. 94–115]. Синонимичность и взаимопроницаемость перечисленных подходов позволяет привести их к некоему «среднему арифметическому» в виде «идейной истории», учитывающей все теоретико-методологические акценты.

Исход из России, длившийся на протяжении всего XX века и вылившийся в три «волны» (коллапс коммунистического режима вызвал четвёртую) весьма перспективен для анализа с позиций интеллектуальной истории/истории идей («идейной истории»). Кроме продолжившейся в эмиграции традиции русской религиозной философии Серебряного века (Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин и т.д.), имело место функционирование сугубо политического дискурса «Зарубежной Руси» (П.Б. Струве, В.В. Шульгин, И.А. Ильин и т.д.). Историческая мысль эмиграции работала над объяснением катастрофы 1917 г., пытаясь найти ответ на вопрос: была ли революция неотвратима или явилась следствием череды случайностей? Наряду с ревизией российского прошлого, выстраивались модели обустройства «Новой России», стратегии и тактики Русского Зарубежья в условиях консервирующегося год за годом большевизма. Социальные привычки изгнанников не благоприятствовали их участию в политических движениях; на первом месте для русских стояла борьба за существование в чуждой инонациональной среде. Поэтому эмигрантская политика делалась в основном небольшими кружками политизированных активистов и без участия беженской «массы». Предпринятые под влиянием европейского фашизма попытки создать среди эмигрантов «партию нового типа» имели крайне ограниченный успех (российские фашисты на Дальнем Востоке и младороссы во Франции).

Недооценивать актуальность идейной истории русской эмиграции не следует. Представляется, что социально-экономические, а, главное, духовные проблемы, испытанные Российской Федерацией после демонтажа советской системы, обусловлены практически нулевым знакомством постсоветских элит с интеллектуальным наследием не- и антибольшевистской России (другой вопрос, что подобное знакомство трудно себе представить ввиду окружавшего СССР вплоть до самого его распада «железного занавеса» и номенклатурного происхождения самих элит). Признавая, что новейшая российская историография весьма богата на работы, посвященные эмигрантской мысли, хотелось бы предложить пролегомены (вводные тезисы) для исследовательской программы по идейной истории Русского Зарубежья в XX в.

Во-первых, идейная история русской эмиграции может быть полноценно осмыслена только лишь в контексте западной социально-политической и интеллектуальной истории эпохи Интербеллума. Эмигрантская мысль чутко откликалась на малейшие колебания европейского ландшафта, оформленного Версальским миром. В поле зрения эмиграции также попадали новейшие изыскания западных интеллектуалов: от аполитичного философствования экзистенциалистов до бойкой политической публицистики «на злобу дня». Правый лагерь волновали сроки «весеннего похода» – антисоветской интервенции, в которой ветераны белых армий должны были выступить в одном строю с внешними противниками советской власти. Вызвавшие в СССР «военную тревогу» 1927 г. события – обострение англо-советских отношений и разрыв СССР с гоминьдановским Китаем – казалось бы, создали подходящую ситуацию для эмигрантской мобилизации, подтверждением чему послужила «боевая вылазка» группы РОВС капитана В.А. Ларионова через советско-финскую границу и взрыв в ленинградском партклубе [3, с. 100–139]. Начинания наркоминдела М.М. Литвинова по организации системы коллективной безопасности в Европе в 1933–1939 гг. вызвали протест антибольшевистской части Русского Зарубежья, видевшей в уловках советской дипломатии злобный план по «советизации» Европы; с другой стороны, лево-республиканские и «примиренческие» центры («Последние новости» П.Н. Милюкова, младоросское движение А.Л. Казем-Бека) считали советско-французское сближение естественным шагом по защите российских национальных интересов от гипотетических посягательств нацистской Германии. Своеобразным «тестом» на «непримиримость» к коммунистическому режиму послужила гражданская война в Испании. Наиболее последовательные в своей приверженности «белой идее» эмигрантские «фабрики мысли» (парижское «Возрождение», «Царский вестник» русских монархистов в Югославии, «Наша газета» И.Л. Солоневича) поддержали испанских националистов, включившись в кампанию по обоснованию участия русских добровольцев в войне в рядах армии генерала Ф. Франко. Умеренно-левые группы, в частности А.Ф. Керенский (пражский журнал «Новая Россия»), ориентируясь на прореспубликанскую позицию французского правительства Народного Фронта, но понимая зависимость Республики от советской поддержки, осудили обе стороны конфликта. «Оборонческие» и откровенно просоветские группы вооружились лозунгом «Путь в Москву лежит через Мадрид», подразумевая под этим возможность «прощения» советским правительством тех эмигрантов, которые поучаствуют в «борьбе против фашизма» в Испании [4, с. 257–259]. Западник, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института Г.П. Федотов в русле лево-христианских построений поддерживал республиканцев, исходя из того, что их насилие компенсировалось «борьбой за свободу» и потому «лучше» насилия испанских националистов, «прикрываемого именем Христа» [5, с. 271–274]. Несомненно, что дискурсы, развиваемые «слева» и «справа», зависели от общественной атмосферы, господствовавшей в той или иной стране и, в целом, в Европе.

Во-вторых, эмигрантские дискурсы и нарративы неотделимы от институтов, в рамках которых эмиграция существовала. Важнейшая структура русской военной организации, Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) культивировал в своих рядах и, соответственно, требовал от своих членов аполитичности. Вместе с тем, эта аполитичность, будучи продолжением «непредрешенчества» 1918–1920 гг., включала в себя политические компоненты: абсолютное неприятие коммунистической системы и СССР, коммеморативные практики почитания «белых вождей» и памятных дат «белой борьбы» (эмигрантская политика памяти), проработка возможных вариантов демонтажа советской власти. Военная теория, для изучения которой генералом Н.Н. Головиным в 1927 г. были учреждены Высшие военно-научные курсы, преподносилась кадрам РОВС в духе Клаузевица: «Война – продолжение политики другими средствами». Конкурент «непредрешенческого» РОВС, кирилловский Корпус императорских армии и флота (КИАФ), уделял больше внимания монархической политике и программным заявлениям великих князей Кирилла Владимировича и Владимира Кирилловича. На идейный климат оказывали влияния религиозные структуры: вокруг РПЦЗ сосредоточились правомонархические круги [6, с. 51–55], прихожанами Западноевропейского экзархата становились люди левых или республиканских взглядов (хотя некоторые «евлогийские» клирики и миряне отметились поддержкой нацистской Германии в 1941 г.).

В-третьих, совокупность структур Русского Зарубежья следует считать отдельным семиотическим пространством. Это пространство не просто альтернативно «советскому миру», но и активно оппонирует ему. Эмиграция как бы «законсервировала» тот русский политический язык начала XX в., на чьих «руинах» формировалась советская языковая картина мира. Разница между эмигрантом и советским гражданином заключалась в использовании разных языковых средств, в т.ч. лексики, терминологии, даже в разном грамматическом строении предложений. Однако, если «советизацию» русского языка изображать инвариантом неизбежной модернизации лингвокультуры, необходимо признать, что «осовременивался» и эмигрантский язык, причём не только лишь в плане усвоения модернистских структур речи (аббревиатуры, иноязыковые заимствования и т.д.), но и путём всё более частого обращения к риторике эпохи «восстания масс». Например, термин «активист» присутствовал в риторике обоих миров, но в советской означал деятельного партийного, комсомольского или колхозного работника, а в эмигрантской служил обозначением политизированной прослойки русской молодёжи, практикующей «активные» способы борьбы с коммунизмом, в т.ч. террористические. Неслучайно проводниками «активизма» и специфического «активистского» языка (очень похожего на комсомольский) в Зарубежье стали члены Народно-Трудового Союза и российские фашисты Дальнего Востока, организации ярко артикулировавшие свою «современность» (лидер фашистов К.В. Родзаевский до бегства из СССР успел побыть комсомольцем). Две враждующие семиотические системы, советская и эмигрантская, претерпевали схожую эволюцию, при значительно более высоком уровне упрощения, агрессивности и политизации советской языковой среды. Порой эмигранты, пользуясь знанием иностранных реалий и языка, могли встраиваться в чужие семиотические миры; так, один из главных апологетов «белой идеи» И.А. Ильин в 1939–1940-е гг. написал серию статей для швейцарской прессы от имени швейцарского патриота. В статье «Наши горы» этот мыслитель, отстаивавший для России централизм, пишет: «...Тот, кто хочет постичь наш характер, должен подумать о том, что наша любовь к свободе, наша преданность Швейцарии и наша демократическая терпимость проистекает из одного и того же источника; ибо мы наследственный и прирожденный народ гор, свободный, как горы, преданный, как горы, и терпеливый, как горы. Посмотрите же: лишь свободный может быть искренне преданным, а предан-

ный доверяет самому себе и другим и потому становится терпимым. И как раз это и есть наш швейцарский дух» [7, с. 618–619].

В-четвёртых, наиболее распространённой формой «фабрики мысли» в русской эмиграции, безусловно, была печать (газеты и журналы). Как правило, эмигрантская пресса носила строго «партийный» характер. Между газетами велась интенсивная полемика. Политическая мысль эмиграции отражалась в публицистике и за редким исключением (И.А. Ильин) не имела систематического характера. Географическая локализация эмигрантских органов печати по странам ставила их в зависимость от иностранных правительств. В государствах с демократическим строем эта зависимость была слабей, с авторитарным – сильнее. В Париже допускалось одновременное существование либеральных (умеренно просоветских) «Последних Новостей» (главный редактор П.Н. Милюков) и консервативного (крайне антисоветского вплоть до одобрения интервенции) «Возрождения» (редакторы П.Б. Струве, Ю.Ф. Семёнов); в Берлине с 1933 г. могла выпускаться только одна русская газета националистического германофильского толка «Новое Слово» (редактор В.М. Деспотули). Возможность читать прессу сразу нескольких направлений способствовала расширению кругозора эмигрантов, выгодно отличая их от советских граждан, замкнутых в круге однообразной пропагандистской печати.

В-пятых, эмиграция никогда не отделяла себя от процессов, происходящих внутри СССР и постоянно размышляла о переносе деятельности «за чертополох». Отказывая «Совдепии» в праве называться Россией, непримиримая часть эмиграции признавала необратимость изменений, вызванных революцией. Зарубежный съезд 1926 г. признавал собственность крестьян на помещичью землю, независимость новообразованных государств (Польша, Финляндия, стран Балтии) и т.д. [8, с. 671–675].

Социальная ткань России, перепаханная большевизмом, по мнению эмиграции, нуждалась во врачевании, а не в ещё одной радикальной вспашке и тем более не в «голой реставрации». Слухи о недовольстве в Красной армии, якобы готовой к «бонапартистскому» мятежу, подвигли русскую военную эмиграцию к поиску консенсуса с возможным «Бонапартом», пока что на умозрительно-теоретическом уровне (в «бонапарты» прочили маршала Тухачевского, действительно обвинённого в заговоре и репрессированного в 1937 г.) [9, с. 68–70]. Качественно новое знание о советской действительности дала вторая, «власовская» волна, хотя некоторые сюжеты (о системе концлагерей, работе ОГПУ) уже озвучивались в 1930-е гг. «полуторной» эмиграцией (перебежчиками и «невозвращенцами» из СССР: братьями Солоневич, С.В. Дмитриевским, Г.С. Агабековым и др.).

В-шестых, стоит признать серьёзный научно-аналитический вес советологических штудий первой и в особенности второй волны. С.С. Маслов одним из первых проанализировал последствия сталинской коллективизации; С.П. Мельгунов заложил небесспорные, но заслуживающие внимания историографические традиции исследований русской революции, гражданской войны и красного террора; А.Г. Авторханов исследовал историю РСДРП-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС и создал концепцию «партократии»; громадную работу с участием русских и не только русских эмигрантов проделал Институт по изучению культуры и истории СССР в Мюнхене в 1950–1972 гг. Помимо научных и публицистических трудов, немаловажный вклад в ознакомление иностранцев с реалиями СССР внесла мемуарная литература («Россия в концлагере» И.Л. Солоневича) и художественная проза (романы П.Н. Краснова). Кроме творцов дискурса, в формировании научного знания о коммунизме участвовал и рядовой эмигрант: Гарвардский проект на основе углублённого интервьюирования «перемещённых лиц» выявил общее и особенное в советской повседневности, политической системе, мировоззрении советского человека [10, с. 8–13].

В-седьмых, при неоспоримой связи с интеллектуальным наследием дореволюционной России, эмигрантская мысль представляет самостоятельный феномен. В поисках её «рождения» логично обратиться к публицистике Гражданской войны 1917–1922 гг., отчасти развивавшейся на подконтрольных антибольшевистским правительствам территориях России, отчасти уже переместившейся за рубеж. «Вечные» темы эмигрантской публицистики – генезис большевизма как социальной болезни, допустимость поддержки иностранной интервенции, выбор оптимальной формы правления и т.д. – оформились ещё во время военных действий на территории России, т.е. до конца 1922 г. Пестрота эмиграции приводила к смешению в одном и том же дискурсе дореволюционных, советских и европейских концептов, порождая автономную традицию мышления. С окончанием второй мировой войны на смену старому поколению эмигрантов приходят публицисты из числа советских граждан, лишь некоторые из которых являлись монархистами и поклонниками Российской империи (Б.Н. Ширяев, Б.П. Башилов). В 1970–80-е гг. происходит встреча остатков белой эмиграции с диссидентской «третьей волной», имевшей ещё более далёкие от дореволюционного «первоисточника» идейные установки. Показательна эволюция НТС: будучи основанным на фоне всеобщего разочарования в либеральной демократии («парламентской говорильне»), в 1930-х гг. Союз стремился построить в постбольшевистской России сильное государство и внедрить в экономику плановые элементы, беря за образец португальского диктатора О. Салазара; после 1945 г. в программных документах НТС усиливается критика тоталитаризма; с 1970-х гг. организация вступает в тесное сотрудничество с правозащитным движением, реабилитирует либеральную концепцию прав человек, изменяет отношение к частной собственности на более прокапиталистическое и, формально оставаясь на платформе солидаризма, начинает видеть будущее России в усвоении тайваньского и западногерманского социально-экономического опыта.

Исследователи Русского Зарубежья едва ли вправе сетовать на пробелы в историографии. Вместе с тем, доставшийся от времён СССР подход к эмиграции как к «отломанному ломтю» продолжает предопределять предвзятое отношение к этому феномену в массовом сознании, а кое-где и в научной среде. На наш взгляд, необходимо недвусмысленно и радикально обозначить существование в 1917–1991 гг. «белой России», претендовавшей на подлинность и своей независимой жизнью, даже в период упадка (с 1945 г.), подрывавшей легитимность коммунистического режима. Названные пролегомены призваны послужить лучшему пониманию эмигрантского дискурса. Надеемся, они будут учтены (или, по крайней мере, оспорены) в предстоящих исследованиях по идейной истории русской эмиграции.

Список литературы

1. Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2023. 198 с.
2. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 380 с.
3. Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 295 с.
4. Семенов К.К. Русская армия на чужбине. Драма военной эмиграции 1920–1945 гг. М.: Вече, 2019. 349 с.
5. Федотов Г.П. Барселона и Россия // Собрание сочинений в 12 т. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый Град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника». С. 271–274.
6. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг.: Административное устройство и отношение с Церковью в Отечестве. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 488 с.
7. Ильин И.А. Наши горы // Собрание сочинений: Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. М.: Институт Наследия, 2019. С. 618–619.
8. Главнейшие постановления Зарубежного Съезда // Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. С. 671–675.

9. Сорокоумов С.С. Дело Тухачевского в прессе русского зарубежья // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. 2015. 68–70.
10. Будницкий О.В., Новикова Л.Г. Великая Отечественная война: взгляд с «другой стороны» // Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 8–13.

Пустовойт Г.А.,

*кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социальных и гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»*

Власова Ю.Н.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1992–1997 гг.: ФОРМИРОВАНИЕ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

В ходе проведенного исследования выявлено, что развитие высшего педагогического образования на территории региона происходило в русле основных тенденций модернизационных процессов российского общества. Значительное влияние на развитие системы подготовки педагогических кадров оказали социально-экономические процессы, протекающие в стране и в Магаданской области в целом. Рассмотрено формирование профессорско-преподавательского состава Международного педагогического университета в период 1992–1997 гг. Показано, что дальнейшее развитие высшей школы Магаданской области напрямую увязывалось с решением кадровой проблемы.

Ключевые слова: Магаданская область; высшее образование; Магаданский государственный педагогический институт; профессорско-преподавательский состав; Международный педагогический университет

Pustovoit G.A.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Head, Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»

Vlasova Yu.N.,

*Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«North-Eastern State University»*

FACULTY AND TEACHING STAFF OF THE INTERNATIONAL PEDAGOGICAL UNIVERSITY IN 1992–1997: FORMATION AND DYNAMICS OF CHANGES

The study revealed that the development of higher pedagogical education in the region was in line with the main trends in the modernization processes of Russian society. The development of the teaching

staff training system was significantly influenced by the socio-economic processes taking place in the country and in the Magadan region as a whole. The formation of the teaching staff of the International Pedagogical University in the period 1992–1997 is considered. It is shown that the further development of higher education in the Magadan region was directly linked to the solution to the personnel problem.

Keywords: *Magadan region; higher education; Magadan State Pedagogical Institute; teaching staff; International Pedagogical University*

Рубеж 1990-х гг. оказал существенное влияние на развитие интеграционных процессов как страны в целом, так и Магаданской области. В условиях радикальных экономических реформ в стране Магаданская область, так и остальные субъекты России, была поставлена перед необходимостью перестройки структуры образования. Выражением этой потребности явилась организация в 1992 г. в г. Магадане Международного педагогического университета (далее – МПУ) путем трансформации Магаданского государственного педагогического института (далее – МГПИ), созданного в 1960 г. Намерение в подготовке образовательного проекта принадлежит руководству МГПИ и Университета штата Аляска (УША) и в значительной степени обусловлена исторической традицией [1, с.9].

Анализируя кадровое обеспечение МПУ, необходимо понимать, что дальнейшее развитие высшей школы Магаданской области напрямую увязывалось с решением кадровой проблемы. Раскрытие процесса кадрового обеспечения высшей педагогической школы дает нам возможность понять и осмыслить закономерности становления российской системы образования, выявить ее региональную специфику.

К началу 1990-х гг. МГПИ вступил в активную фазу своей перестройки. Руководство вуза четко определило основные контуры реформирования статуса и структуры высшего учреждения. В 1991 г. МГПИ имел в своем штате 136 преподавателей, в том числе 3 доктора наук, 7 профессоров и 46 кандидатов наук [4, л. 97]. В вузе обучался 2161 студент, из них 1366 чел. на дневном отделении. На пяти факультетах двадцать одна кафедра обслуживала учебно-воспитательный процесс, осуществлялась подготовка по 16 специальностям [5, с. 159].

Ориентация МПУ на меняющуюся потребность региона в соответствующей структуре и кадрах обусловила дальнейшее развитие вуза.

Кадровой основой формирующегося коллектива МПУ стали преподаватели МГПИ. На кафедрах Университета работали такие известные ученые и педагоги, как профессор П. А. Брагин, Е. М. Кокорев, Н. В. Соколова, Э. Э. Титов, А. Н. Фролова, Н. С. Цепляева, Р. Р. Чайковский, Ю.М. Шпрыгов, Э. В. Шуберт и другие; доценты Е. М. Гоголева, А. А. Орехов, В.П. Серкин, М. М. Этлис и другие. Существенный вклад в дело становления и развития высшего образования в Магаданской области внесли такие преподаватели, как Р. И. Богомазова, Т. В. Буркова, К. С. Врублевская, Л. С. Гайсина, В. Г. Гиберт, Л. С. Крашенинникова и другие [2, л. 249]. Из приведенных данных в табл. 1 видно, что на начальном этапе работы в МГПИ остро ощущался недостаток кадров высшей квалификации (профессор, доцент).

Общая численность ППС Университета к 1992 г. возросла до 161 человек, увеличившись с 1991 на 22%. В дальнейшем темпы роста численности ППС имели положительную динамику. В то же время количественный рост ППС не всегда сопровождался соответствующим повышением качественных показателей. Показатели роста численности и качественного состава ППС представлены в табл. 1.

Приведенные данные в табл. 1 наглядно свидетельствуют о том, что с 1992 по 1997 гг. показатели численного состава ППС имели положительную динамику. В рассматриваемый период в вузе увеличилось количество кафедр, стало возрастать количество поступающих студентов.

Начали проявляться положительные тенденции в остепененности ППС МПУ, при этом возросло количество докторов наук, кандидатов наук. Общее число преподавателей с учеными степенями и званиями – 36%, в том числе профессоров, докторов наук – 6.1%, доцентов, кандидатов наук – 28.9%. При этом в динамике численности остепененных педагогов наблюдаются незначительные колебания.

Таблица 1.

Показатели динамики численности и качественного состава профессорско-преподавательского персонала в 1992–1997 гг.

	Годы					
	1992	1993	1994	1995	1996	1997
А. Профессорско-преподавательский персонал – всего	161	178	180	153	179	189
в том числе:						
- профессоров	7	7	9	7	10	9
- из них: докторов наук	1	4	3	4	5	5
- доцентов	40	23	30	15	27	24
из них кандидатов наук	39	34	36	28	52	47
- старших преподавателей	61	53	58	54	60	60
из них кандидатов наук	2	5	5	6	1	1
- преподавателей и ассистентов	53	67	72	57	60	78
из них кандидатов наук	1	1	-	-	-	-

Важным аспектом являлся возрастной состав преподавателей вуза. Средний возраст составил – 43 года; профессора, доктора наук – 54 года; доцента, кандидата наук – 43 года; декана – 49, заведующего кафедрой – 51 год. Преподавателей пенсионного возраста – 16 человек (8.8%), в том числе среди профессоров, докторов наук – 3 человека (27.2%), доцентов, кандидатов наук – 8 человек (15.3%) [2, л. 248]. Таким образом, из статистических данных видно, что большее число приходится на лиц старше 40 лет, работающих преимущественно на должности доцента.

Основной состав преподавателей кафедр имел опыт работы по профилю преподавания. Так, 70 человек (38%) имели опыт работы в школе. Научно-педагогический стаж до 5 лет – 40 человек (22.2%), от 5 до 10 лет – 25 человек (13.8%), от 10 до 15 лет – 23 человека (12.7%), свыше 15 лет – 74 человека (41.1%) [2, л. 248–249], о чем свидетельствуют данные диаграммы (рис. 1).

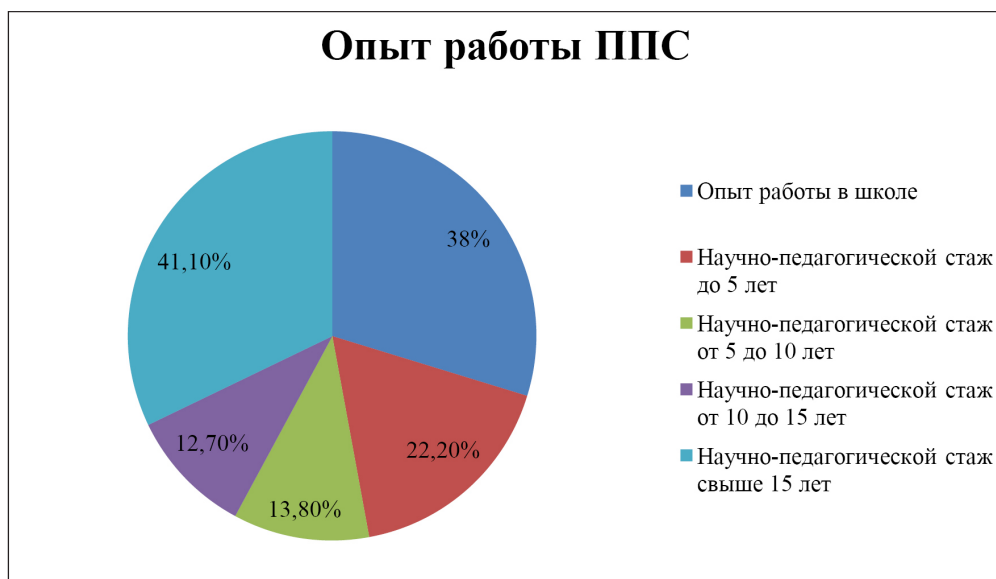

Рис. 1. Качественный состав ППС МПУ в 1994 г.

Данные, приведенные в диаграмме, свидетельствуют о том, что численность преподавателей со стажем работы 10 или более лет составила более 50% от общего числа ППС. Они имели достаточно продолжительный опыт научно-педагогической деятельности, что соответствовало требованиям высшей школы.

Основными источниками комплектования преподавательского состава являлись аспирантура, школы города и области, другие институты и сторонние организации. Так, в 1991–1993 гг. поступили на работу из докторантуры – 1 человек, аспирантуры – 9, школ – 23, других институтов и сторонних организаций – 35 человек. Всего – 68 человек.

В то же время Университет по различным причинам покинули 33 человека, в том числе 11 (33.3% от числа покинувших) – лица с учеными степенями и званиями. Укомплектованность штатного расписания составила 82.2%.

Повышение квалификации осуществлялось через систему ФПК, ИПК, стажировок, в том числе за рубежом. За 3 года квалификацию повысили 55 преподавателей (30.5%).

Комиссия отмечала, что в Университете сложился в целом квалифицированный коллектив преподавателей. Вместе с тем Президенту, ректорату и Ученому совету следует, с учетом обобщения накопленного опыта работы вуза как Университета, усовершенствовать структуру управления, разработать и внедрить систематизированную программу «Кадры» для оперативного решения назревших проблем кадрового обеспечения, создания необходимых условий для научного и профессионального роста преподавателей, прогнозирования кадровой политики.

Таблица 2.

Динамика показателей по подготовке специалистов МПУ в 1991–1997 гг. [3, л. 395–396]

Год	Прием очно/заочно, чел	Контингент, чел.	Количество штатных преподавателей, чел	Количество выпускников, чел.
1991	392/160	2161	136	290
1992	402/152	2111	161	367
1995	410/166	2233	153	286
1996	392/176	2344	179	319
1997	405/175	2363	189	413

Из приведенных данных табл. 2 вполне очевиден динамичный рост показателей по подготовке специалистов МПУ в период 1991–1997 гг., ежегодно происходило увеличение числа абитуриентов. Так, например, в 1992 г. было принято 554 чел., в 1997 г. их число составило 580 человек. Количественные показатели табл. 5 демонстрируют положительную динамику в период 1991–1997 гг.: увеличился прием студентов (4%), численность обучающихся (8%) и выпуск специалистов (30%).

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что к концу 1990-х гг. были созданы дополнительные благоприятные условия для развития вуза за счёт расширения международных научно-педагогических связей. Благодаря научно-образовательному сотрудничеству региональный компонент учебного плана был ориентирован на обеспечение преподавания ведущими специалистами в конкретной области научного знания, что, безусловно, повышало качество подготовки выпускников, нацеленных на решение конкретных фундаментальных проблем с региональным инновационным компонентом.

В целом, реформирование высшего образования сделало возможным для Магаданской области выйти на уровень развития в нарастающем движении в области увеличения числа студентов, открытии новых и перспективных специальностей, позволивший охватить большее количество молодежи, связанное с возможностью приобрести образование на платной основе. Происходит

расширение численности педагогических работников МПУ от 136 чел. в 1991 г. до 189 чел. в 1997 г. Необходимо отметить, что профессорско-преподавательский состав, целеустремленно работающий в вузе, активно повышал свой научно-педагогический уровень, что нашло отражение в увеличении числа докторов наук и профессоров, кандидатов наук и доцентов, что обусловило дальнейшее развитие вуза.

Список литературы

1. Гоголева Т.Ю., Бирюкова Л.П., Пеньевский С.Д., Титов Э.Э. Международный педагогический университет в городе Магадане. Магадан: МГГКП, 1993. 55 с.
2. АОО ФГБОУ ВО СВГУ / Протоколы заседаний НПС МПУ 1993–1994 гг. / Заключение ГАК Министерства образования РФ по итогам аттестации МПУ в г. Магадане. Л. 248–249.
3. Архив кафедры социальных и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет». Коллекция документов / Материалы по организации и созданию МПУ папка №2 / Паспорт Магаданского государственного педагогического института. Л. 395–396.
4. Общий отдел ФГБОУ ВО СВГУ / Протоколы заседания Совета МГПИ 1991 г. (4–11). Л.97.
5. Пустовойт Г.А. История организации Международного педагогического университета в Магаданской области // Россия и АТР: Владивосток. 2022. № 3 (117). С. 155–169.

Селеверстов Р.Е.,

*кандидат философских наук, доцент Высшей школы психологии Педагогического института,
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»*

РУССКОЕ МАСОНСТВО: ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И НРАВСТВЕННЫЕ ПОИСКИ

Исследуя истоки возникновения масонства в России в XVIII в., автор отмечает, что масонство представляет религиозно-мистическое направление, далекое от ортодоксальности и ставшее в оппозицию к господствующей церкви. Отметив, что поиск «истинного христианства» масоны связывали с духовно-нравственными поисками, автор анализирует ряд выдвинутых ими при этом позитивных идей, отвечающих духу эпохи Просвещения: творческая свобода человека, требующая своей актуализации; необходимость самопознания и самосовершенствования; секуляризация общественной и духовной жизни; моралистическая установка в отношении к науке, знанию, которая и сегодня востребована временем.

Ключевые слова: масонство; мистицизм; гностицизм; «истинное христианство»; мораль; самосовершенствование; творческая свобода

Seleverstov R.E.,

Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, High School of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pacific State University»

RUSSIAN FREEMASONRY: ORIGINS AND MORAL SEARCH

Exploring the origins of Freemasonry in Russia in the 18th century, the author notes that Freemasonry represents a religious-mystical direction that is far from orthodoxy and has become in opposition to

the state church. Noting that the Freemasons associated the search for «true Christianity» with spiritual and moral quests, the author analyzes a number of positive ideas put forward by them that correspond to the spirit of the Enlightenment: human creative freedom, which requires its actualization; the need for self-knowledge and self-improvement; secularization of social and spiritual life; a moralistic attitude towards science and knowledge, which is still in demand today.

Keywords: *Freemasonry; mysticism; Gnosticism; «true Christianity»; morality; self-improvement; creative freedom*

Идеи масонства начали распространяться в России с 30-х годов XVIII в., в период царствования Елизаветы, и в немалой степени способствовали обращению русской философии к проблемам человека, к познанию человеческой личности, к проблемам нравственности. Хотя в самом масонстве не было особой оригинальной философской системы, но оно отразило насущную потребность в развитии духовной жизни – стремление к самопознанию, самосовершенствованию. Истоки масонского движения уходят своими корнями в средневековую Европу, когда значительную роль играли замкнутые образования – сословия со своими правами и привилегиями, цехи, объединения различных мастеров-ремесленников. С момента возникновения масонство функционировало в виде замкнутых групп – лож со строгой иерархией и особой символикой. Символам, знакам, ритуалам уделялось особое внимание: они были средствами самовыражения, самоопределения, избранничества, отделения от непосвященных. Масоны использовали символы, возникшие у разных народов, в различных культурах. Так, в оформлении залов масонских лож, в одежде участников обрядов посвящения были и греческие колонны, и древнееврейские семисвечники, и египетские иероглифы, и кресты мальтийского ордена. Все это должно было символизировать, во-первых, таинственность, ключ к пониманию которой – только у избранных, и, во-вторых, всемирный, наднациональный, то есть космополитический, настрой масонов. Это как бы воплощало идею всемирного братства масонов, протягивавших друг другу руки поверх границ, правительств, всех перегородок между людьми. Идея братства всех людей независимо от сословной и национальной принадлежности находила свое выражение в концепции строительства единого общечеловеческого храма Соломона. Масоны полагали, что они собирают всю мудрость мира, используя знания, возникшие в Египте, Вавилоне, Израиле, Индии, Греции. Но знания эти доступны лишь избранным. И масоны видели свою задачу в том, чтобы отобрать этих немногих по интеллекту, способностям, профессиональным навыкам. Происхождение, богатство, положение в обществе при этом как бы не играли никакой роли.

Такой подход закрепился в строгой иерархической структуре масонской ложи – во главе стоял Великий Магистр, Великий Инквизитор, Командор. Помимо него в ложе было восемнадцать ступеней. Самые низкие из них – ученик, подмастерье, мастер. Переход от одной ступени к другой обставлялся таинствами, особым ритуалом, который ярко воспроизведен в романе Льва Толстого «Война и мир» в сцене приема Пьера Безухова в качестве члена масонской ложи. Колыбелью масонства является Западная Европа. Возникнув в средние века, оно быстро распространилось во Франции, Англии, Германии, Италии, США, в восточно-европейских странах. Через ложи «вольных каменщиков» прошли Джордж Вашингтон, выдающиеся деятели европейского революционного движения – Робеспьер и Марат, Гарибальди и Мадзини, друзья Радищева – Кутузов и Новиков, декабристы и Пушкин. Масонство не было единым и целостным учением. Масонские организации имели на западе несколько направлений – тамплиерство, розенкрейцерство, мартинизм, иллюминатство, которые нередко между собой спорили и враждовали. Если английские и шведские системы масонства склонялись к деизму и филантропии, то розенкрейцерство и мартинизм увлекались мистикой и магией.

В 30-е годы XVIII в. масонство проникает в Москву, Петербург, а затем и в другие города страны. Российское масонство вначале отличалось лишь тремя степенями: ученик, товарищ, мастер. Это были одновременно три ступени совершенствования: религиозного, нравственного и организационно-политического. Постепенно европейское масонство расширяло свое влияние на Россию. Особенно активными стали немецкие масоны, опиравшиеся на многочисленные немецкие кланы в России – ученых, аптекарей, булочников, ремесленников. Масонские ложи давали им возможность в неофициальной обстановке получать необходимые сведения о российской жизни с тем, чтобы укреплять свое положение и влияние на Россию. К началу царствования Екатерины II главным направлением масонства стало розенкрейцерство. Довольно прочные позиции в России занимали шведские масоны. Конечно, они не могли прямо вмешиваться в политику, но, как и немецкие масоны, стремились продвигать своих людей во все поры государственного организма. Русское масонство стало тяготиться патронажем англичан, шведов, французов и немцев, и в 1872 г. на Вильгельмбадском конвенте добилось статуса VIII самостоятельной провинции масонского мира. Однако прежние традиции содружества с масонами соседних стран обусловили появление различных школ.

Первоначально членами масонских лож являлись дворяне, аристократы, офицеры. Масонские ложи были как бы своеобразными клубами, в которых главную роль играли представители знатных дворянских фамилий России. Необычность обрядов и ритуалов, а также идеи братства и равенства стали привлекать в масонские ложи людей низших сословий. К наиболее мыслящим представителям российского масонства относились Н.Новиков, И.Лопухин, И.Шварц, И.Елагин, А.Лабзин, С.Гамалея.

Главным источником учений западного масонства является гностицизм. Гностицизм – это широкое религиозное течение, даже комплекс религиозных групп и сект, в которых особую роль играло тайное знание о боге, мире и подлинной духовной природе человека, открытое Спасителем и сохраняемое эзотерической традицией. Обладателями этого тайного знания становились лишь избранные, и оно само по себе приводило их к спасению. Вот почему движение гностиков выразилось в создании замкнутых религиозно-философских сообществ, в которые допускались только посвященные. Таким образом, существует преемственность между гностицизмом и масонством в самой форме организации замкнутых мистических сект.

Но более значимым является совпадение содержания гностического учения и учения масонов. До конца XIX в. гностические учения известны были лишь из сочинений христианских авторов, полемизирующих с ними. Так, видный христианский мыслитель Тертуллиан, живший на рубеже II–III вв., выступил с антигностическими полемическими трактатами «Против Маркиона», «Против Праксея», «О плоти Христа» [3]. Тертуллиан критикует гностицизм, претендующий на универсальный синтез самых влиятельных мировоззрений раннехристианской эпохи: восточного дуализма, античной философии и молодого христианства. В XIX в. в Египте было обнаружено несколько гностических сочинений, а в 1945 г. была найдена целая гностическая библиотека, включающая пятьдесят два сочинения и позволяющая глубже понять суть учений гностиков.

В период поздней античности, сопровождающийся оттеснением языческих верований на периферию общественной жизни, именно гностицизм становится единственным достойным противником христианства. С этого времени вся история европейской культуры и европейской философии пронизывается борьбой двух главных мировоззренческих парадигм – традиционного христианства и гностицизма, принимавшего очень разные формы.

Первую из этих парадигм некоторые исследователи называют парадигмой христианского платонизма, поскольку она описывает земной мир как вторичную и несовершенную («испор-

ченную» грехом) «копию» подлинной, божественной реальности, вмещающей в себя в завершённой и совершенной форме все, что существовало, существует и будет существовать в нашем земном бытии. Бог в этом случае предстает как всемогущий творец, который создал мир в полном соответствии со своим замыслом и который, несмотря на грехопадение и «порчу» мирового бытия, остается всевластным распорядителем всего происходящего в нем. В рамках такой интерпретации мира философия должна разоблачать привычное убеждение в фундаментальности нашего творчества и кажущейся безграничности нашей свободы. Высшей добродетелью личности должно стать смирение перед неспособностью что-либо существенно изменить в мире.

Основой противоположной парадигмы, рождающейся из гностицизма, является парадоксальная идея о неудаче творения. Античный гностицизм полагал, что наш мир создан не верховным Божеством, а низшим божеством – злым и мстительным Демиургом. Бог предстает здесь как творец-неудачник: создавая мир, он не смог по каким-то непонятным причинам реализовать свой замысел во всей полноте. Мир оказался незавершенным, «недоделанным» и вследствие этого неподвластным своему творцу, непредсказуемым в своем генезисе. В этой ситуации человек становится центральным персонажем и носителем еще не реализованного полностью замысла творения. Человек должен исправить мир, привести его в состояние совершенства. При этом творчество человека полностью равноправно творчеству Бога и даже более значимо. Почему? Ведь акт божественного творения закончился существенной неудачей, а человек своими творческими деяниями обязан устранить изъяны бытия, восполнить недостатки божественного творчества и у него не остается права на ошибку. Соответственно, свобода человека абсолютна, она в этом мире предстает как проявление божественного, и нет ничего равного ей по своему метафизическому статусу. Развитие этой идеи вело сторонников философской версии гностицизма к пониманию самого Бога как потенциальности, заложенной в человеке и жаждущей актуализации в мире. Именно на человека возлагается ответственность за судьбу божественного замысла, который так и остался нереализованным, и теперь человек по крупицам воссоздает его в каждом акте своего творчества.

Гностическая традиция оказала большое влияние на культуру Европы, преломившись в немецкой мистической философии позднего Средневековья и Возрождения. Наиболее известными представителями ее были Мейстер (Иоганн) Экхарт, Николай Кузанский, Себастьян Франк, Якоб Бёме. Движение масонов в России активно взаимодействовало с немецкой мистикой и вобрало в себя ее философские идеи. Особенно большое влияние на масонов оказали сочинения Я.Бёме, вошедшего в основной канон масонской литературы. В России к концу XVIII в. было переведено несколько десятков сочинений Я.Бёме и других представителей философского мистицизма, что стало важной предпосылкой для развития самостоятельной философской мысли в начале XIX в. Именно под влиянием масонов в России в этот период возник интерес к идеям Шеллинга и Гегеля. Увидев в сочинениях немецких философов идеи, созвучные их исканиям, русские мыслители этой эпохи дали собственное оригинальное прочтение гностико-мистической традиции. И некоторые исследователи считают, что всю русскую философию XIX – начала XX веков можно рассматривать как своеобразную версию гностического мировоззрения, приспособленного для решения проблем, вставших перед человечеством в эту эпоху. Наличие гностических элементов достаточно очевидно уже у первых самостоятельных русских мыслителей – у П.Я.Чаадаева и В.Ф.Одоевского. В еще более явной форме гностические влияния проявились в мировоззрении Ф.М.Достоевского, а также Н.А.Бердяева, развивающего его концепцию человека уже в XX в.

Причем в учениях масонов на первый план вышла практическая сторона гностицизма – убеждение в способности людей, обладающих сокровенным знанием, оказывать радикальное

влияние на положение дел в обществе и даже на все мироздание. И как уже отмечалось, сложные обряды посвящения в члены масонских лож и многозначная, загадочная символика масонских текстов были необходимы для того, чтобы закрыть недостойным дорогу к тому могущественному знанию, которое дает власть над людьми и природой.

Однако, осознавая многие несовершенства общественной жизни, масоны отвергали прямую общественную деятельность, тем более, борьбу против существующих порядков. Они утверждали необходимость самоуглубления человека с целью самопознания и самосовершенствования. Конечно, такая установка стимулировала индивидуализм, обособленность отдельных людей, занятых собственным духовным совершенством, но в то же время она способствовала и перемещению центра философских интересов с познания природы, внешнего мира в сферу человеческой личности. И в этом была бесспорная ценность масонских исканий.

Масонство было своеобразным проявлением внецерковной религиозности, характеризующейся нравственными поисками, отказом от традиционных обрядов и призывами к братству. Масонам был чужд атеизм французских материалистов, но в поисках «истинного христианства» они требовали от членов братских лож подчинения внутренней церкви, признания царства Божия внутри нас. Отсюда вытекала необходимость заботиться о богатстве внутреннего мира человека. Образованный, воспитанный, предпочитающий соборность индивидуальности, способный на благотворительность – вот тип человека, годного для масонского дела. Это стремление к «внутренней церкви» отражало определенную неудовлетворенность масонов официальной церковью, видимым храмом. Выступая против церковного авторитета, масонство оказалось проводником главной тенденции XVIII в. – тенденции секуляризации общественной и духовной жизни.

По мнению масонов, главным условием неразрывной целостности мира оказывается наличие в нем центра, который и обеспечивает соразмерность и стройность целого. Этим центром является человек. Без человека вся природа мертва, весь порядок – не что иное, как хаос. В нас все соединяется, нами открывается во всем премудрость, стройность и красота... При этом совершенство человека заключается в том, что, объединяя в себе все тварное бытие, он одновременно несет в себе божественное начало, сохраняя связь с Богом. Но, к сожалению, не все люди способны осознать в себе эту связь и свое божественное предназначение, а только избранные [1, с. 142].

Большое значение в учении русских масонов играла идея грехопадения. Грехопадение первого человека привело к внедрению тления и смерти во все земное бытие. Но масоны были уверены в возможности спасения человека в его новом единстве с Богом. Свою задачу они видели в возрождении падшего человека, в раскрытии всей полноты его свободы и творческих сил. Являясь центром греховного бытия, человек обязан и его привести к спасению с помощью своей свободной деятельности. Признание творческой свободы человека, данной Богом, один из важнейших принципов нравственной философии масонов.

Считая, что на пути к нравственному возрождению необходимо углубление в себя и самопознание, масоны критически относились к рационалистической модели познания и самопознания, отводящей решающую роль разуму. Для них разум плодотворен лишь тогда, когда подчинен истинной вере. Масоны считали, что важнейшим средством спасения человека от безбожия, пороков и страстей является мистическое самопознание, оно имеет неоспоримое преимущество перед науками. В этих рассуждениях о мистическом самопознании прослеживается влияние на философию русских масонов давних традиций исихазма. Таким образом, придя с Запада, масонство не было наносным явлением в духовной культуре России XVIII в.

Несмотря на консервативный характер масонства, Екатерина II относилась к этому течению неприязненно. Будучи сторонницей взглядов Ф.Вольтера и Д.Дидро, она отвергала мистику масонов. Но дело было даже не в философских разногласиях, ибо вольтерианство Екатерины II было достаточно поверхностным. Основная причина ее отрицательного отношения к масонству носила политический характер. Императрицу тревожило расширяющееся влияние масонов не только среди высшего дворянства, но и среди образованных представителей низших сословий. Ей казались опасными связи русских масонов с их иностранными единомышленниками. В русском масонстве Екатерина увидела угрозу существующему строю, и ее не успокаивали доводы о лояльности масонов и их признанного главы Н. И. Новикова (1744–1818).

Н.И.Новиков – видный деятель культуры. В его типографии было напечатано около тысячи различных книг. Он перевел и опубликовал сочинения Ф.Бэкона, А.Попа, Д.Локка, Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо, Паскаля, Шекспира, Мольера, Сервантеса, Лессинга, Бомарше и др. Он издавал учебную, общеобразовательную, философскую литературу, фольклорные материалы, журналы «Пустомеля», «Трутень», «Живописец», в которых вел открытую полемику с императрицей. В журнале «Всякая всячина», основанном самой императрицей, она часто выступала с различными публикациями, в которых проповедовала человеколюбие, не затрагивая коренных проблем общественной жизни. Новиков же выступал с резкой критикой жестокости помещиков, взяточничества чиновников, ханжества и лицемерия. Возникнув на основе масонства, убеждения и деятельность Новикова, вышли за его рамки. В списке изданных Новиковым книг масонские сочинения составляли незначительную часть. Деятельность Новикова, хотя и осуществлялась на основе масонских убеждений о совершенствовании нравственности, по своему размаху и объективному смыслу далеко выходила за пределы замкнутой таинственной жизни масонских лож.

В 1792 г. при расследовании заговора против Екатерины было установлено, что в нем участвовали масоны. Новиков был арестован, заключен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость, М.И.Невзоров помещен в сумасшедший дом, некоторые масоны сосланы в свои имения. По приказу Екатерины было сожжено около двадцати тысяч книг. В 1794 г. указом Екатерины масонские ложи были распущены. Она сочла недопустимой какую бы то ни было независимую от правительства общественную деятельность. Но масонство в России оказалось очень живучим. В период царствования Павла I и Александра I вновь происходит его возрождение и даже расцвет. Однако в 1822 г. Александр I, не без участия архимандрита Фотия, все-таки запретил деятельность всех тайных организаций в России.

Однако живая струя масонского движения, ведущая свое начало от Н.И.Новикова, продолжаясь, получит свое развитие в творчестве мыслителей XIX в. Вряд ли можно согласиться с оценкой русского масонства Г.Шпетом, который считает, что «философия задохнулась в его добронравии» [4, с. 61]. Окультиное, мистическое понимание морали у масонов требовало просвещения, знаний, но в единстве с идеей добра. Более того, в гуманизме русских масонов даже проповедуется первенство нравственности над разумом. Так, Д.И.Фонвизин в «Недоросле» отмечает, что «прямую цену уму дает благонравие». Эта моралистическая установка масонов в отношении к науке, истине оказалась очень близка русскому сознанию, она и сегодня востребована временем.

В.В.Зеньковский считал, что философия масонов XVIII в., воспринимаемая как секулярная замена церковного мировоззрения, стала прологом в развитии русской философии XIX в. Русские философы, не устранившись от анализа теоретических проблем, значительное место отводили запросам чувства (особенно эстетического) и стремились дать их целостный синтез [2, с. 133].

Список литературы:

1. Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства. – Екатеринбург: УрГУ, 1995. 223 с.
 2. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Ростов н/Д: Феникс, 1999. Т. 1. 878 с.
 3. Тертуллиан. Избр. Сочинения. М.: Прогресс: Культура, 1994. 443 с.
 4. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 845 с.
-

Станков К.Н.,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук»*

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АЛЕКСАНДЕР ГОРДОН ОФ ОХИНУЛ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Издавна внутренние конфликты, скудость природных ресурсов и голод приводили к массовой миграции жителей Шотландии в страны континентальной Европы, в том числе, и в Россию. Главной причиной массового переселения шотландцев в Россию была острая потребность последней в опытных и квалифицированных военных специалистах. Одним из подобных эмигрантов был генерал-майор Александр Гордон оф Охинтул. В Россию он прибыл в 1696 г. и сразу был отправлен под Азов, который осаждал Петр I. По всей видимости, царь обратил внимание на вновь прибывшего шотландца, поскольку уже через год тот получил звание полковника. В 1700 г. в ходе сражения под Нарвой Охинтул попал в шведский плен. После освобождения в 1707 г. получил чин генерала и руководил боевыми действиями в Ливонии. В сражении при Чаплевке (1708 г.) не смог воспрепятствовать переправе шведской армии через Двину, но через год отличился в битве при Каменице. В 1711 г. А. Гордон уволился из русской армии и уехал в Шотландию.

Ключевые слова: Александр Гордон оф Охинтул; Петр I; Второй Азовский поход; Великая северная война; сражение под Нарвой; Ливония; Трансильвания; Польша.

Stankov K.N.,

*Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science
«Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences»*

MAJOR GENERAL ALEXANDER GORDON OF ACHINTOUL DURING MILITARY SERVICE IN RUSSIA: BASIC BIOGRAPHICAL DATA

Internal conflicts, scarcity of natural resources and famine have long led to mass migration of Scottish residents to the countries of continental Europe, including Russia. The main reason for the mass migration of Scots to Russia was the urgent need of the latter for experienced and qualified military specialists. One of such emigrants was Major General Alexander Gordon of Achintoul. He arrived in Russia in 1696 and was immediately sent to Azov, which was besieged by Peter I. Apparently, the tsar paid attention to the newly arrived Scot, because a year later he received the rank of colonel. In 1700, during the battle of Narva, Achintoul was captured by the Swedish. After his release in 1707, he received

the rank of general and led the fighting in Livonia. In the Battle of Chapleyevka (1708), he was unable to prevent the Swedish army from crossing the Dvina, but a year later he distinguished himself in the battle of Kamenitsa. In 1711, A. Gordon resigned from the Russian army and went to Scotland.

Keywords: *Alexander Gordon of Achintoul; Peter I; the Second Azov campaign; the Great Northern war; the battle of Narva; Livonia, Transylvania; Poland*

Издавна внутренние конфликты, скудость природных ресурсов и, как их следствие, голод приводили к массовой миграции жителей Шотландии в страны континентальной Европы, в том числе не была исключением и Россия. Особенно массовым стал исход жителей северной Британии в XVII – XVIII вв. Главной причиной массового переселения шотландцев в Россию была острая потребность последней в опытных и квалифицированных военных специалистах для обучения солдат полков иноземного строя, а со времен Петра I – регулярной армии и современного флота. Одним из ярких и достаточно типичных представителей шотландского дворянства, немало сделавших для успехов русского оружия в конце XVII – начале XVIII в., был Александр Гордон оф Охинтул (1669–1752).

Его краткая и до сих пор единственная биография была составлена в Шотландии неизвестным автором и опубликована в начале первого тома написанного самим Охинтулом «Истории Петра Великого» [12]. Данная биография содержит некоторые неточности и требует сверки с документами, содержащими сведения об этой личности. Поэтому большой интерес представляет сохранившийся в фонде № 150 Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) дело № 1 – расспросная речь Александра Гордона в Посольском приказе, в которой он достаточно подробно излагает свою биографию до приезда в Россию [10].

Отцом А. Гордона был крупный дворянин из северо-восточной Шотландии, которого также звали Александром (поэтому в России нашего героя называли Александром Александровичем). Достигнув сознательного возраста, Александр-младший начал свое обучение в местной школе. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, молодой Гордон был отправлен отцом учиться за границу – во Францию. Из-за состояния источников известно лишь то, что Александр какое-то время занимался штудиями в Париже, но не удалось установить, где и чему именно он обучался [14, р. IV]. Судьба Гордона-младшего круто изменилась в 1685 г., когда впервые со времен Реформации на королевский трон Британии взошел католик – Яков II Стюарт. Среди прочего, он пытался предоставить своим единоверцам возможность поступать на службу в британские вооруженные силы, что ранее было запрещено антикатолическим законодательством. Оценив открывающиеся перед ним новые возможности, Александр бросил учебу на континенте и избрал карьеру профессионального военного. Он поступил в английские сухопутные вооруженные силы. Согласно расспросной речи Охинтула, он «служил аглинскому королю Якубусу в прапорщиках и в порутчиках в пехоте и в коннице с пять лет» [10, л. 3].

Однако в 1688–1689 гг. грянула «Славная революция», которая смела с престола католика Якова II. Британская корона перешла к кальвинисту и статхаудеру Нидерландов Вильгельму Оранскому и его супруге – ревностной протестантке Марии II Стюарт. Александр остался верен прежнему монарху и вместе с ним эмигрировал во Францию. Не имея средств к существованию, он поступил на военную службу во французскую королевскую армию, где, по его же словам, пребывал в «тех же чинах». Александр оказался в рядах вооруженных сил Людовика XIV в самый разгар Войны Аугсбургской лиги. Он побывал во многих полевых сражениях, а также осадах и штурмах крепостей, в частности в знаменитом взятии Немюра (5 июня 1690 г.) и крепости Роза (в Каталонии). За участие в данной операции Лю-

довиком XVI «пожалован он в капитаны к пехотному строю». Отслужив во французской армии шесть лет, Александр на время был отпущен на родину «для свидания с сродники своими» [10, л. 3].

Однако в Шотландии прибывшего офицера едва не арестовали, Александра спасло только поручительство родственников. По всей видимости, дальнейшее пребывание в Британии было для него небезопасно, поэтому, получив приглашение генерала русской службы и представителя того же клана Патрика Гордона поступить в армию Российского государства, Александр воспользовался представившейся возможностью и покинул Шотландию.

29 октября 1695 г. А. Гордон прибыл в Ревель, а 31 декабря 1696 г. – в Новгород. В России его приняли достаточно радушно. После традиционного расспроса в Посольском приказе, его отправили в Разряд, где ему 28 февраля того же года пожаловали чин майора и направили служить в полк генерала Патрика Гордона – знаменитый Бутырский или Второй московский выборный полк [10, л. 10]. В этом случае явно не обошлось без помощи его могущественного земляка, так как это подразделение было элитным военным формированием, которое в мирное время являлось постоянно действовавшим учебным центром подготовки младшего и отчасти среднего командного состава, а в военное – играло роль ударной силы русских войск. Значительная часть рядового состава была из детей боярских [9, с. 24].

Как сообщают документы Посольского приказа, примерно тогда же А. Гордон получил первое жалованье в России в размере 30 рублей, в дополнение к которым из царской казны были выданы ценные ткани и несколько связок соболей [10, л. 11].

В это время шла очередная русско-турецкая война. Петр I вторично осаждал турецкую крепость Азов (1696 г.) и испытывал острую нужду в квалифицированном командном составе. Поэтому не удивительно, что Александра Гордона немедленно отправили на фронт – в царскую армию под Азов. К сожалению, в «Дневнике» и письмах генерала Патрика Гордона о нем упоминается лишь вскользь [2, с. 124], и мы не располагаем точными данными о характере участия А. Гордона во Втором Азовском походе. Шотландские историки К.О. Скелтон и Дж.М. Баллох обнаружили сведения, что он отличился в одной из схваток с крымскими татарами [11, р. 412]. В 1697 г. Александр был произведен в полковники, а в 1698 г. вновь участвовал в стычках на южном пограничье с турками [11, р. 412]. 8 октября того же года он вернулся в Москву. В 1699 или 1700 г. женился на овдовевшей дочери своего патрона – Патрика Гордона. У молодой четы было несколько детей, однако все они умерли в детстве [14, р. X].

Вскоре грянула Великая Северная война. В 1700 г. А. Гордон получил под свою команду полк в 1,2 тыс. человек. Накануне отправки из Москвы под Нарву Петр I лично инспектировал его и отметил, что его солдаты выучены и обмундированы лучше, чем царская гвардия [12, р. 140]. В первом сражении под Нарвой А. Гордон руководил крупными силами: помимо уже упоминавшегося полка, под его команду были приданы батальон пехоты и четыре эскадрона кавалерии. С ними он форсировал р. Нарву и укрепился в окопах между ней и одноименной крепостью. В своей «Истории Петра Великого» А. Гордон вспоминал, что в том сражении его войска подверглись сильному огню вражеской артиллерии, но, тем не менее, удержали позиции. Из Нарвы шведы предприняли вылазку против его частей, однако были отбиты [12, р. 145]. А. Гордон и находившийся рядом с ним полковник князь И.Ю. Трубецкой укрепили свои позиции, возведя циркумвалационную и контрвалационную линии. Более того, А. Гордон предложил построить на их участке форт, укрыв в нем несколько сот солдат и обеспечив их артиллерией, однако остальные офицеры его не послушали [12, р. 148].

В «Истории Петра Великого» автор сетует на то, что из-за погодных условий, сделавших дороги непроходимыми, осаждающие были плохо снабжены боеприпасами. По его мнению, это обстоятельство было единственной причиной, по которой русским не удалось взять Нарву до подхода короля Карла XII с полевой армией [12, р. 148–149]. Ничего удивительного А. Гордон также не видит и в победе шведов: большая часть русской армии состояла из новобранцев, и подавляющее большинство офицеров и солдат никогда ранее не сталкивались с неприятелем [12, р. 150].

Характеризуя первое Нарвское сражение (1700 г.), А. Гордон, в отличие от других западных авторов, отмечает мужество русских солдат, которые, несмотря на потери, оборонялись от шведов вплоть до наступления темноты [12, р. 150]. Кроме того, автор «Истории Петра Великого» считает, что эта баталия вполне могла быть выиграна, если бы русские имели более подготовленный и компетентный командный состав. Из «Гистории Свейской войны» известно, что силы Карла XII предприняли удар в двух направлениях: по позициям генерала А.А. Вейде и генерала Ф.А. Головина [1, с. 84]. На других участках, в том числе, позициях И.Ю. Трубецкого и А. Гордона, боевые действия с полевой армией шведов не велись. По словам последнего, на этом этапе боя, если бы удалось собрать все уцелевшие силы русских, можно было изменить ход сражения. Во всяком случае, Карл XII не решился бы на вторую атаку. А. Гордон подчеркивал, что в течение всего боя не сдавал своих позиций и имел достаточно боеприпасов для их удержания. Лишь по приказу вышестоящего командования он был вынужден сдаться в плен. Возможно, с помощью этих утверждений А. Гордон пытался оправдаться в своей конечной неудаче, однако в его рассуждениях определенная доля объективности присутствует [12, р. 152–154].

По мнению шотландца, в первом Нарвском сражении не были исчерпаны все возможности обороны. Вместо отчаянного сопротивления со стороны численно значительно превосходящих сил русских последовало беспорядочное отступление.

Как бы то ни было, итогом сражения стало пленение 6 русских генералов и нескольких десятков офицеров, в том числе самого Александера Гордона и его шурина – Джеймса Гордона [1, с. 208]. В «Истории Петра Великого» автор обходит молчание свое семилетнее пребывание в шведском плену. Однако в письме соотечественнику лорду Сифилду от 12 апреля 1704 г. А. Гордон сетовал на тяжелые условия шведского полона. Шведы отказались его отпустить под слово дворянина, что он не вернется на русскую службу, постоянно держали под караулом и редко выпускали на прогулки [13, р. 372]. Весной 1707 г. А. Гордона обменяли на шведского полковника Г. Эншёльда, захваченного русскими войсками в Ливонии [3, с. 195; 14, р. X]. Вскоре после возвращения на царскую службу он был удостоен чина бригадира, а затем Петр I пожаловал его генерал-майором [14, р. X].

Во второй половине 1707 г. А. Гордон был направлен в Ливонию. Под его командованием находились три полка пехоты и один полк драгун. С ними генерал вел партизанскую войну против шведов, тревожа их постоянными мелкими атаками [12, р. 264].

В 1708 г. А. Гордон был направлен с крупным контингентом воспрепятствовать Карлу XII форсировать Двину и соединиться с силами украинского гетмана И.С. Мазепы. Корпус генерала-шотландца состоял из батальона гренадеров, трех полков пехоты и четырех полков драгун, а также восьми полевых орудий. Тем не менее, в битве при Чаплеевке 1 ноября 1708 г. он не смог предотвратить переправу шведского короля через Двину. Простояв несколько часов под интенсивным огнем, войска А. Гордона были вынуждены ретироваться, так как у солдат и артиллеристов иссякли боеприпасы. Позднее в «Истории Петра Великого» он пы-

тался оправдаться в том, что проиграл бой, плохим снабжением, а также подчеркивал, что, несмотря на ночную темноту и интенсивный обстрел противником, смог вывести свою артиллерию и всех раненных [14, р. XI–XII]. Иначе о действиях А. Гордона в этом сражении отзывался Петр I, того же числа оповещая А.Д. Меншикова: «Объявляем вам, что нерадением генерал-маеора Гордона Шведы перешли сюды» [4, с. 268]. Всего в этой битве с русской стороны полегло убитыми 800 и 900 было ранено [14, р. XII].

В декабре 1708 г. А. Гордон вместе с генералом Гольцем и князем М.М. Голицыным получил под общее командование армию в 10 тыс. солдат и с ней действовал в Черной Руси против шведского генерала Э.Д. Крассау, а также отрядов поляков и литовцев, поддерживавших польского короля Станислава Лещинского – ставленника Карла XII. В феврале 1709 г. руководимые русскими генералами силы заняли Киев. В битве у Каменицы они разбили шведов, причем А. Гордон командовал всей пехотой [8, с. 239; 11, р. 414]. Уже после возвращения в Шотландию, Александер привез с собой несколько шведских штандартов и других трофеев, захваченных им в ходе этих операций [14, р. XIV].

В ноябре 1709 г. генералу А. Гордону была доверена царем ответственная миссия отправиться к границе с Венгрией и следить за действиями бежавшего после полтавского сражения Карла XII в Бендерах.

В январе 1710 г. он «пересек Зейтс, не потеряв ни одного человека» [11, р. 414]. В это время пал в немилость генерал Гольц из-за споров по поводу расквартирования русских войск в одном из польских городов с царским фаворитом князем А.Д. Меншиковым. В феврале 1710 г. А. Гордон получил царский приказ арестовать в Люблине своего бывшего соратника, с чем он успешно справился. Позднее Гольц был отправлен в Сибирь, где и умер [11, р. 414].

После выполнения данного задания А. Гордона перебросили в Польшу, где он получил под свою команду два полка пехоты и два полка драгун и сражался на стороне польского короля Августа II – ставленника Петра I [11, р. 414]. Вскоре А. Гордона перевели из крепости Эльбинг, где он тогда находился, в Санкт-Петербург [5, с. 407–409].

Затем Александер был направлен в Трансильванию, где его задачей было оказать военную поддержку местным сепаратистам во главе с князем Ференцем II Ракоци против имперской армии. За усердную службу генерал А. Гордон получил от князя ценные подарки, в том числе порядочную партию прекрасного токайского вина [14, р. XIV–XV].

В начале 1711 г. Александра перебросили из Трансильвании в Польшу, в район Гданьска, где он разместил своих солдат на квартиры [6, с. 378]. На этом служба А. Гордона в рядах русской армии окончилась: генерал получил известие о смерти отца и вместе с супругой решил вернуться на родину, чтобы вступить во владение наследственным имением Охинтул.

Подлинные причины ухода А. Гордона с русской службы не известны. Из «Писем и бумаг Петра Великого» следует, что шотландец фактически бежал со службы, не оповестив о своем отбытии русскую сторону. Во всяком случае, для Петра I отъезд генерала-шотландца стал полной неожиданностью [6, с. 561]. В ноябре 1711 г. бывший двор А. Гордона в Немецкой слободе был передан новому хозяину – царскому придворному повару Яну Фелтену [7, с. 235]. Вернувшись в Шотландию, Охинтул принял участие в якобитском восстании 1715 г., в частности, командовал центром сил инсургентов в знаменитом сражении при Шерифф-мур.

Таким образом, биография Александра Гордона является типичным случаем успешной карьеры выходцев из Шотландии в России, где они добивались значительных чинов и принимали участие во многих сражениях, которые затем вошли в историю. В то же время, они оставались преданы своей родине, и при случае стремились вернуться на «туманный

Альбион». Таким образом, они оставили важный вклад в истории, как Великобритании, так и России.

Список литературы

1. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / под общ.ред. А.А. Преображенского. М.: Круг, 2004. Вып. 1. 631 с.
2. Гордон П. Дневник, 1696–1698. М.: Наука, 2018. 324 с.
3. Письма и бумаги Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1907. Т. 5. 764 с.
4. Письма и бумаги Петра Великого. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. Т. 8. Вып. 1. 406 с.
5. Письма и бумаги Петра Великого. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 10. 869 с.
6. Письма и бумаги Петра Великого. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 11. Вып. 1. 606 с.
7. Письма и бумаги Петра Великого. М.: Наука, 1964. Т. 11. Вып. 2. 743 с.
8. Полтавская битва. 27 июня 1709 года. Документы и материалы / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М.: РОССПЭН, 2011. 807 с.
9. Рабинович М.Д. Полки петровской армии. Краткий справочник / под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Советская Россия, 1977. 112 с.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 150. Оп. 1. 1696 г. № 1.
11. Bulloch J.M. Gordons under Arms: A Biographical Muster Roll of Officers named Gordon in the Navies and Armies of Britain, Europe, America and in the Jacobite Risings. Aberdeen: Aberdeen univ. press, 1912. 595 p.
12. Gordon A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. To which is prefixed, A Short History of the Country, from the Rise of that Monarchy: and an Account of the Author's Life: in 2 vols. Aberdeen: F. Douglass and W. Murray, 1755. Vol. 1. 311 p.
13. Seafeld Correspondents from 1685 to 1708 / ed. by J. Grant. Edinburgh: Edinburgh univ. press, 1912. 497 p.
14. A Short Account of the Author's Life // Gordon A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. To which is prefixed, A Short History of the Country, from the Rise of that Monarchy: and an Account of the Author's Life: in 2 vols. Aberdeen: F. Douglass and W. Murray, 1755. Vol. 1. P. III–XX.

Турченко Д.А.,

*преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»*

Надеин Д.О.,

студент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»

Г.Е. РАСПУТИН – ПЕРСОНАЖ НАРОДНЫХ МИФОВ: АНАЛИЗ ОБРАЗА ЗНАМЕНИТОГО КРЕСТЬЯНИНА, СОЗДАННОГО В КАРИКАТУРАХ

В статье представлен анализ карикатур, в которых главным действующим лицом является Г. Е. Распутин. Приведена типология и функции карикатур. В работе предпринята попытка распределить весь пласт проанализированных визуальных источников на три основные темы, согласно распространенным народным мифам. Выявлены образы, в которых предстаёт перед зрителями и читателями «царский друг».

Ключевые слова: политическая карикатура; шарж; портрет; изотексты; Г.Е. Распутин; мифы; сатирическая графика; визуальные источники

Turchenko D.A.,

*Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education «Siberian State Industrial University»*

Nadein D.O.,

*Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Siberian State Industrial University»*

G.E. RASPUTIN – A CHARACTER OF FOLK MYTHS: ANALYSIS OF THE IMAGE OF A FAMOUS PEASANT CREATED IN CARICATURES

The article presents an analysis of cartoons in which the main character is G. E. Rasputin. The typology and functions of cartoons are given. The work makes an attempt to distribute the entire layer of analyzed visual sources into three main topics, according to common folk myths. The images in which the «royal friend» appears before the audience and readers are revealed.

Keywords: *political caricature; caricature; portrait; isotexts; G.E. Rasputin; myths; satirical graphics; visual sources*

О первых тридцати годах жизни Григория Распутина практически ничего неизвестно, к тому же ничего масштабного в это время он не совершал. Интересен только тот факт, что простой крестьянин ходил в паломничества, один раз даже в Иерусалим. Другие паломники даже стали называть его «старцем», хотя тот церковного сана не имел. Тем не менее, по рекомендации казанского епископа Хрисаифа Распутин оказался в Петербурге в 1903 году и вращался в церковных кругах, а уже в ноябре 1905 года произошла первая встреча с царской семьёй.

Стоит отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в просвещённом мире особую популярность набирал спиритизм. Поэтому рядом с императорской фамилией часто появлялись «божьи люди», прорицатели и юродивые. Но именно Распутин в итоге стал «другом» семьи Романовых. Всё дело было в благоприятном влиянии Распутина на здоровье цесаревича Алексея, больного гемофилией: якобы с помощью молитвы Григорий Ефимович облегчал страдания мальчика. Впервые это произошло в конце 1907 года, и именно тогда начались регулярные встречи Распутина с царской семьёй.

Романовы хотели показать связь с народом через общение с «крестьянским мужиком». Рождение больного наследника сделало жизнь императорской четы замкнутой. Поэтому общество было взбудоражено появлением малограмотного крестьянина-целителя из далёкой Сибири, который смог установить тесный контакт с Романовыми. Вокруг личности Распутина начали складываться мифы, ставшие вдохновением для создателей карикатур. Сатирические рисунки распространялись через журналы, газеты, почтовые карточки, листовки, брошюры и открытки.

А.С. Айнутдинов разработал собственную типологию карикатур, которая включает в себя следующие виды: шарж и портрет, социально-бытовая, изошутка, «strip», философская и политическая [1, с. 25]. На всех карикатурах, где изображен Г. Е. Распутин, авторы подчеркивают характерные черты лица и особенности одежды исторического персонажа, чтобы создать комичный образ. В основе сюжетов для большинства изображений данного сатирического жанра лежат мифы, связанные с царской семьёй и с самим Распутиным, а также политическая ситуация внутри страны через фигуры Николая II, Александры Федоровны и Григория Ефимовича. Весь пласт проанализированных нами визуальных источников относится к двум видам: шарж и портрет, политическая карикатура.

А. С. Айнутдинов выделяет следующие функции карикатур: информационная и познавательная, коммуникативная, психологической разрядки, эстетическая, эвристическая и воспитательная. Все вышеуказанные функции мы можем отнести к объекту нашего исследования – карикатурам с Г.Е. Распутиным. Они транслируют информацию, связанную с мифами и событиями из жизни «святого старца», являются инфоповодом для обсуждения в народных массах событий, происходящих при дворе последнего российского императора. Благодаря анекдотичным ситуациям, юмористическим заголовкам и комментариям к изображениям («Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием» [5, с. 370]) зритель и читатель может отвлечься от бытовых проблем, посмеяться над героями изотекстов. Все карикатуры созданы разными художниками, которые старались передать портретное сходство с реальными прототипами. Изображения несут в себе эстетическую функцию, хотя и выполнены в рамках шутовской (низовой) культуры и часто посвящены сексуальной теме. Карикатуристы иногда создают свои произведения, пародируя древнерусские рукописные книги с миниатюрами и даже иконы, тем самым экспериментируя с разными жанрами отечественного изобразительного искусства. Все карикатуры посвящены нескольким общим сюжетам, которые создают преемственность рисунков в освещении личности Г. Е. Распутина. С помощью своих произведений художники критикуют пьянство и разгульный образ жизни персонажей карикатур.

Григорий Распутин в карикатурах чаще всего выступает в следующих ролях: трикстер (шут, скоморох), «серый кардинал» (политик, тайный правитель России), «святой старец» (православный мученик, монах или священник).

Условно все карикатуры, транслирующие народные мифы, можно разделить на три темы:

1) «Романтические отношения» между Распутиным и Александрой Фёдоровной [13]: «**С лёгким паром!**» – на данной карикатуре изображён Распутин, который ведет под руку из бани императрицу Александру Фёдоровну. Открытка из альбома «Долгожданное падение», 1917 год. Также стоит отметить, что петербургские бани в начале XX века являлись символом разврата, так как в них часто происходили оргии [3, с. 131–133].

«**Сближение с народом (Kansaan yhtyminen)**», Финляндия – изображён Распутин в компании Николая Второго и Александры Фёдоровны, которая сидит на коленях у «старца». В углу расположена бочка «распутинского дурмана». Карикатура намекает на то, что Романовы, желая сближаться с народом, берут от него только самое худшее. Вероятно, автор также критикует винную монополию, введенную графом Витте и царём в 1894 году. Карикатура транслирует ещё один миф: царь много выпивает алкоголя из-за половой связи между супругой и «другом семьи» [6, с. 226].

«**Исповедь Саши**» – карикатура изображает Распутина, пристающего к Александре Фёдоровне. Любопытно, что на ширме с российским гербом представлена «монограмма ГР» Распутина. Карикатура указывает на то, кто настоящий правитель Российской империи.

«**Поминание царице Сашке**» – на открытке 1917 года из альбома «Долгожданное падение» изображён Распутин, сидящий на троне вместе с Александрой Фёдоровной. У неё на платье вышито: «Сия блудница изготовлена в Германии». Перед старцем склонились в позе молящихся Николай, цесаревны и Алексей.

«**Прекрасная Елена**» – журнал «Пугач», № 3, май 1917 г. Николай Второй, Александра Фёдоровна и Григорий Распутин изображены в образах героев мифа о Елене Прекрасной: Николай Второй – старый сутуловатый Менелай с короной на голове, Александра Фёдоровна – Елена Прекрасная в богатом одеянии, Бадмаев-Тибетский (врач при дворе Николая Второго) – жрец Калхас с венком на голове, Григорий Распутин – Парис, похитивший Елену, изображен в шкуре животного, накинутой поверх рубахи и сапогах. Транслируется образ крестьянина-варвара [8, с. 16].

«Сказка о царе-дураке, о царице-блуднице и о Гришке-распутной шишке» – Распутин изображён сидящим на троне с бутылкой алкоголя в руке. На его коленях расположилась Александра Фёдоровна, а Николай Второй находится в углу и показан в образе шута.

«Тоже политики» – журнал «Стрекоза», 1917 г. Изображены Николай Второй и Распутин с бутылкой алкоголя в руке (на бутылке написано 40°). В нижней части карикатуры присутствует надпись: «у них были две общие «платформы»: выпивка и Алиса!»

«Самодержавие» – на открытке изображён Григорий Распутин, схвативший голую Александру Фёдоровну за грудь.

«Счастливый муж» – карикатура 1917 года из журнала «Весельчак». Изображены Распутин и Александра Фёдоровна, обнимающиеся, в то время как Николай Второй стоит за царскими портьерами, не смотрит в их сторону, прикрывает рукой лицо в смущении и делает вид, что ничего не происходит («ignorance is bliss»). Образ императора для данной серии карикатур, посвященных Распутину, является классическим, так как показывает «глупого, обманутого и слабовольного мужа» [6, с. 226].

«Распутин и аристократка» – Распутин изображён в компании женщины, скорее всего, аристократки. В нижней части присутствует текст: «Аристократка. – Я хотела испытать что-нибудь настоящее народное, а от тебя вместо «русского духа» отдаёт немецкими духами! Старец. – Энта потому, что с Алиской всю ночь валандался! ...» В очередной раз карикатура транслирует миф о неуёмной «мужской силе» Григория Ефимовича и его любовной связи с императрицей.

«Дом Романовых» – показана царская семья в лице царевича Алексея (вероятно его рука находится в штанах Распутина), Николая Второго, у которого закрыты глаза, в руках бутылка алкоголя и сестры милосердия Александры Фёдоровны, которую трогает за грудь Распутин. Был распространён миф о том, что царь поделился со старцем не только властью, но и женой [6, с. 225]. Художник Иванов.

«Царский шалун» – рисунок 1917 года. Распутин изображён в голубой рубашке с цветочным узором, почесывающим бороду, с голодным платоническим взглядом и открытым ртом. Он смотрит в сторону Александры Фёдоровны. Она изображена в короне, горностаевом платье, с открытыми плечами и заигрывающим взглядом. Художник Иванов.

«Царица и Распутин» – карикатура с обложки одноимённой книги И. Ковыля-Бобыля «Царица и Распутин», 1917 г. На ней изображена Александра Фёдоровна, целующая сапог Распутину (Свободное издательство, Петроград). Точно такой же сюжет представлен на странице журнала «Новый Сатирик», номер 12, март 1917 г. Также представлена ещё одна карикатура: сатир (символ журналов – «Сатирик» и «Новый Сатирик») вытряхивает из мантии «паразитов» (Николая, Александру Ф., Распутина, Сухомлинова, Штюмера, Протопопова). Пояснительный текст представлен в виде рекламы химчистки. Существует второй вариант обложки к данному произведению: царская мантия, подбитая мехом горностая, служит ширмой. За ней стоит Распутин (видна только его голова) и императрица (видна только часть короны). Зритель должен сам визуализировать, что происходит между персонажами. Это одна из самых пошлых карикатур.

«Тайны царскосельского дворца» – обложка брошюры, 1917 год, Петроград. Первые буквы фамилии «Распутин» складываются в предложение: «Романова Александра своим поведением уничтожила трон императора Николая».

«Русские песни в лицах» – журнал «Шутёнок», № 8–9, 1917 г. Изображено классическое для карикатур революционного периода трио персонажей: Распутин, Александра и Николай. Распутин танцует гопака, царь играет на балалайке, императрица исполняет русский танец с платком. Приведена следующая надпись: «Ах вы, Сашки, Наташки мои, все ли вышиты рубашки мои?!»

«**Самодержавная» Алиса и распутный Гриша**», Петроград, 1917 г. – брошюра транслирует сразу несколько мифов: 1. Сексуальная связь Распутина и императрицы (на первых трех изображениях показано, как Распутин вместе с Александрой Федоровной принимают ванну); 2. Г. Е. Распутин – тайно правит страной (на четвертом изображении показано как ногу и руку Распутина целует Николай с супругой).

«**Рубаху ефту сшила мне Саша**», серия «Возрожденная Россия, худож. изд. Я.Я. Рыся – открытка, на которой воспроизведен фотопортрет Г. Е. Распутина в рубашке с вышитыми на ней буквами А, Г (рядом с буквой А присутствует римская цифра II, т.е. Александра II. Репрезентуется миф о тайной правительнице России Александре Федоровне, преемнице Екатерины II. Существовал миф о том, что супруга Николая II хочет совершить «дворцовый переворот» и свергнуть мужа, чтобы править со своим любовником Распутиным. Буква Г – это зашифрованное имя Григорий. Также над буквой А вышита корона в виде сердца). Необходимо отметить, что открытка представляет собой фотоколлаж. К знаменитому портрету Распутина добавлена рубашка (на оригинальной фотографии он изображен в верхней одежде, почесывающим бороду), и на заднем фоне присутствует портрет императрицы Александры. На открытке воспроизведена надпись подчерком Григория: «Рубаху ефту сшила мне Саша». Существует открытка с идентичной надписью, но только в качестве фона воспроизведена оригинальная фотография Распутина в белой рубашке. Также существует народная пословица на данную тему: «На Распутине рубашка, / Вышивала её Сашка. / На Распутине порточки. / Вышивали царски дочки» [11, с. 52].

«**Из прошлого**» – изображен пляшущий и босой Распутин с бутылкой в руках. На троне сидит императрица в короне и с оголенными плечами. На стене висит мантия, подбитая мехом горностая. Образ Александры Федоровны создан в нарочито раскрепощенной позе. Приведена следующая подпись к рисунку: «Ты, Гришенька, пляшешь... легче воздуха, только что-то воздух стал тяжелый! (от запаха изо рта Распутина после выпитого алкоголя)»

«**Из недавнего былого**» – карикатура из журнала «Всемирный юмор», №14, апрель, 1917 год. Изображен Распутин в компании графини. В нижней части карикатуры диалог: «Графиня: Мне страшно нравится, Гришенька, как от тебя пахнет! Какими духами ты душишься? Распутин: «Букет Императрис», графинюшка, употребляю!»

2) Распутин-царь, который управляет страной:

«**Зеркальное отношение**» – изображена игральная карта, разделённая наполовину. Наверху – изображение Николая Второго со скипетром и державой, внизу – Григорий Распутин с бутылкой шампанского и посохом пастуха. Высмеивается образ жизни Распутина (пристрастие к алкоголю). Посох в руках Григория может символизировать абсолютную власть над разумом императорской семьи и министров / придворных: они следуют за своим «пастухом» подобно «стаду». Кроме того, посох в руках Распутина – это символ крестьянского происхождения авантюриста. Существует карикатура с таким же сюжетом, но только выполненная в другом стиле. Почтовая открытка – фотоколлаж с полной точностью передает черты лица Распутина и Николая. В данной вариации карикатуры присутствует надпись: «оба II – едино суть».

«**Мы Николай II (Распутин и Романов)**» – на почтовой открытке изображены Николай Второй и Распутин. Образ царя искажен и напоминает шута: уши оттопырены, вместо эполет – пуговицы, а на груди подвешены колокольчики. Облик Распутина не подвергся изменению. Данное произведение представляет собой отретушированные фотографии исторических персонажей (фотоколлаж). Художник Я. Я. Рыся.

«**Российский царствовавший дом**» – изображен огромный Распутин (с характерным гипнотическим взглядом [2, с. 418, 425]) который держит на коленях, как кукол, Николая Второго

и Александру Фёдоровну. Существует практически идентичная карикатура, инициалы художника GW. Разница состоит в том, что рисунок увеличен (дорисованы ноги Распутина в сапогах, а также 5 голых девушек).

«Ум хорошо, а три лучше» – на открытке изображены Николай Второй, Александра Фёдоровна и Григорий Распутин в одной императорской короне. Возможно, это отсылка на Януса – древнеримского двуликого божества. Примечательно, что на короне можно разглядеть череп. Возможно, это символ неизбежной смерти монархического режима.

«Гришкин слуга» – изображён Николай Второй, подносящий Распутину (сидящему на троне) закуски.

«Из собрания речей Николая Второго» – карикатура 1917 года из журнала «БИЧ», страница 20. Изображён гигантский Распутин рядом с миниатюрным Николаем Вторым и такой же маленькой Александрой Фёдоровной. Примечательно, что одежда у всех персонажей красного цвета (возможно, это отсылка на событие «Кровавое воскресенье»). Также Николай Второй изображён с закрытыми глазами, незрячим. В нижней части карикатуры присутствует надпись: «Братцы, это я правил, а не он... Ей Богу...» Это искажение фразы, произнесённой Николаем Вторым 18 мая 1910 года: «Братцы, спасибо вам за славный парад!» (Единственная запись голоса последнего российского императора). Художник Ив. Степанов.

«Отставной самодержец» – маленький Распутин-ямщик с хлыстом в руке держит огромного Николая Второго – коня, шагающего вперёд, за поводья. В нижней части карикатуры надпись: «Все думали, что он правил, а оказывается – им правили». Также в руках у Николая Второго бутылка алкоголя вместо скипетра (царь настолько «ослеп», что не заметил подмены). В данном случае Распутин выступает в роли кукловода. Художник Алов.

«Российский царствовавший дом» [10] – карикатура из сатирического журнала «Новый Сатирикон», выпуск № 13 от 2 апреля 1917 года. Распутин сидит на царском троне в окружении императорской четы, министров и придворных. По левую руку от Распутина сидит Николай Второй, держась за колено «старца». По правую руку от него изображена Анна Вырубова (главная поклонница Распутина при дворе [9, с. 21]), сложившая ладони, словно в молитве. За спиной Распутина стоит Александра Фёдоровна, держащая в руках изображение Вильгельма Второго (в годы Первой мировой войны ходили слухи, будто императрица в силу своего немецкого происхождения является шпионкой при русском дворе). На заднем плане находятся министры (слева направо: Борис Штюрмер – председатель правительства, «распутинец», [7, с. 175–176], германофил [7, с. 246], Александр Протопопов – министр внутренних дел, ставленник «царского фаворита» [14, с. 234], Владимир Сухомлинов – военный министр, коррупционер и шпион [12, с. 488]). Данные политические деятели выбраны автором карикатуры не случайно. По мнению народа, они символы «прогнившего» царского режима. Карикатура отражает миф, согласно которому Распутин имел огромное влияние на государственных деятелей.

«Николай в роли лакея Гришки Распутина» – император Николай изображён в роли официанта, подающего Распутину в качестве главного блюда «сердце Александры». Таким образом, в основе карикатуры также лежит миф о романтических отношениях между Распутиным и царицей. Художник Иванов.

«Отречение» – французская карикатура, на которой показано, как Николай Второй подписывает акт об отречении (на листе написано: *Senat chambre des zemstvos un ministre responsable* / Сенат, Земская палата, ответственный министр). Рядом с ним стоит Распутин, придерживая зонт. Примечательно, что с зонта стекают капли крови. Под рисунком присутствует одно слово: *Signe!!!* (Подписывай).

«Загробный Гришки Распутина Высочайший Манифест» – листовка, 1910-ые гг. Выполнена в стиле Высочайшего манифеста. Написана от лица «царя Григория Первого и Последнего» из ада. В центре листовки находится изображение: показан Григорий Р. с пошлой девицей на коленях, а рядом на кушетке сидит Николай Второй с огромной бутылкой алкоголя. Приведен следующий текст под изображением: «Последние российские самодержцы, Гришка Распутин и Николай Романов держатся за свои своеобразные скипетры. Миколка виноторговец и Гришуха Развратник последней минуты наслаждения». Существует похожая листовка, но с другим изображением: в центре расположен сфинкс-Распутин с оголённой женской грудью и маленькие фигуры царя и его супруги, которые приняли позу молящихся, встали на колени перед идолом («Бывшие царь Никола и царица Саша просят Старца-Сфинкса Гришуху распутного вернуть им трон...»). В данном варианте присутствует продолжение названия: «Дьявольскою Милостию Мы, Григорий 1-й и Последний, конокрад и бывший самодержец Всероссийский. Царь банный, великий князь, и прочая, и прочая, и прочая». К тексту «Манифеста» добавлено стихотворение неизвестного автора: «Царицын угодник, поганый греховодник, Дворцовый шишка, Распутин Гришка, Что обделывал темные делишки, Всю Русь оскандалил, Министров на места ставил и как самодержец правил, (На все честное лая), за место Николая» (Год издания: 1917).

«Петербургский оракул» – изображены Николай Второй и Распутин. Царь сидит в кресле перед столом с картами. Распутин с удивлённым взглядом стоит в проходе. В нижней части карикатуры надпись на немецком: «Ну, Распутин, твои карты хороши. Но, боюсь, те, что от немецкого Генштаба, лучше». Данное изображение отражает два мифа, распространенных в народе: 1) Распутин был тайным правителем России; 2) на Николая Второго оказывал влияние немецкий Генштаб через Александру Федоровну и Распутина. Художник W. Trier.

«Кто правил Россией?» – карикатура из журнала «Красный смех», 1917 год. Изображены Григорий Распутин и немецкий император Вильгельм Второй, скрывающиеся за масками Николая Второго и Александры Фёдоровны соответственно. Таким образом, в основе карикатуры лежит ещё один миф, согласно которому Александры Фёдоровны была немецкой шпионкой.

«Дудочник-крысолов» – на почтовой открытке 1910-х гг. изображён Николай Второй с короной на голове, пляшущий под дудку Григория Распутина в красной рубашке. В правом верхнем углу изображено солнце с лицом Вильгельма Второго, германского кайзера.

«Св. Григорий Бедоносец» – Распутин изображён в образе Георгия Победоносца, поражающего копьём двуглавого орла, выглядящего как курица. В правом нижнем углу карикатуры подпись: «Св. – это не святой, а совсем другое слово». Григорий Ефимович сравнивается со святым Георгием Победоносцем, но, в отличие от второго, он поражает не змея (олицетворение татаро-монгольского ига), а двуглавого орла, который символизирует царский режим Дома Романовых.

«Шарманщик» – рисунок первой четверти XX века. На нем изображён Распутин, крутящий шарманку. На инструменте танцует миниатюрный Николай Второй, как цирковая обезьянка. Художник Иванов.

«Монах и петух» – почтовая открытка, на которой изображён царь с телом петуха и короной на голове, которого держит за лапы Распутин, читающий книгу (в самом низу приведена надпись на немецком языке: «Rapportes-Bahn» – железная дорога Раппоре).

«Марионетка» – журнал «Пулемёт», № 6, 1906 г. [15]. Изображен Распутин, который в руке держит миниатюрного Николая II (словно кукла в руках «развратного мужика» [6, с. 225]). Под карикатурой присутствует следующий текст: «Я свергнул его раньше, чем вы!» Существует карикатура другого автора с практически идентичным сюжетом. Разница видна только в деталях (Николай II изображен в короне и мантии, присутствует другая надпись – «Самодержавие») и стиле исполнения карикатуры.

«**Последний самодержец**» – изображен огромный Распутин в царской мантии и держащий в руке державу, а на ней расположился миниатюрный Николай II в короне и с поджатыми под себя ногами. На заднем фоне видна стая птиц и присутствует подпись художника «W».

3) «**Министерская чехарда**», связи Распутина с чиновниками («Грядущий день наш сер и мутен. / Конца Распутью нет как нет. / Вот почему один Распутин / Весь заменяет кабинет» [6, с. 323]).

«**Российское позорище**» – министры («скоморохи») буквально «пляшут под дудку» Григория Распутина. Очевидно, карикатура высмеивает т.н. «министерскую чехарду»: за годы Первой мировой войны сменились 4 председателя правительства, 6 министров внутренних дел, 3 военных министра. Художник А. Алябьев.

«**Проект памятника главным деятелям русской революции**» – карикатура из журнала «Новый Сатирикон». Изображены Григорий Распутин (с баннным веником в руке) и Александр Протопопов. Старец намного выше чиновника (на голову) в физическом плане и статусном (поза Распутина выдает в нем властителя над умами подчиненных. Он обнимает Протопопова). На рубашке Распутина монограмма А, Н с короной (Александра и Николай). Художник Ре-Ми (Николай Владимирович Ремизов).

«**Баня и резиденция фрейлин**» – на карикатуре изображен Распутин без обуви и в одной длинной рубашке с баннным веником на поясе. Ему целует руку чиновник (возможно Протопопов). На фоне представлено бревенчатое здание с двумя вывесками: «Баня», «Резиденция фрейлин». Художник Иванов.

«**Протопоповщина**» – Григорий Распутин выпивает и кутит в компании министра внутренних дел Протопопова. Карикатура высмеивает и распутный образ жизни «старца», и «министерскую чехарду». Художник А. Алябьев.

«**Из русской истории**» – изображен Распутин, сидящий в кресле, и женщина, которая приподнимает платье. На столе стоит бутылка вероятно с алкоголем. Подпись к рисунку следующая: «Из русской «истории»». - Ты просишь назначить твоего мужа губернатором. Но ведь он форменный дурак! - Но зато какие у меня формы! Прикажите раздеться!» Визуализируются сразу несколько мифов: 1. Всевластие Распутина. 2. Беспорядочные половые связи со знатными дамами.

Одним из популярнейших персонажей карикатур был С. Ю. Витте. Глава правительства изображен в идентичных образах, как и Распутин, а некоторые сюжеты перекликаются с карикатурами, в которых действующим лицом является «друг» царской семьи. Например, Витте, как и Распутин заставляет последнего императора России подписать документ – «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка» [4, с. 48]. В случае с Распутиным – это «Акт об отречении от престола». Общим атрибутом исторических деятелей является дудка [4, с. 55], шарманка [4, с. 184, 189, 198]. Граф и крестьянин изображены в облике мифических персонажей: Янус [4, с. 95], Георгий Победоносец и змей (змей – Витте, Победоносец – Распутин) [4, с. 126], Парис [4, с. 138–139], великан [4, с. 182].

Атрибутами – маркерами Распутина в карикатурах выступают: сапог, галоша, бутылка с алкоголем, голые и пьяные девушки, банный веник, косоворотка. В карикатурах на Г. Е. Распутина революционного периода России (1916–1917 гг.) преобладает черная краска. Это связано в первую очередь с большим тиражом печатной продукции (газет, буклетов, листовок, открыток) и, как следствие, экономией материалов. Мы проанализировали 51 карикатуру и получили следующие результаты: 23 относятся к 1 теме, 23 – 2, 5 – 3. Используя количественный метод, мы можем подвести следующий итог: наибольшее число карикатур посвящено мифам о сексуальной связи старца с Александрой Федоровной и тайном правителе России Распутине. Также необходимо отметить, что большинство карикатуры отражают сразу несколько народных мифов.

Список литературы

1. Айнутдинов А.С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 20–28.
2. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918): монография. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
3. Богданов И.А. Три века петербургской бани. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 250 с.
4. «Глава правИТТельства»: первый премьер-министр Российской империи Сергей Юльевич Витте в сатирической графике 1905–1908 годов: альбом карикатур. Авт.-сост. Э. О. Сагинадзе; науч. ред. А. А. Росомахин СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 240 с.
5. Колоницкий Б. И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т. 3. С. 362–378.
6. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны: монография. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 664 с.
7. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917): монография. Рязань: НРИИД, 2004. 467 с.
8. Прекрасная Елена // Пугач: Еженедельный художественный сатирический журнал. 1917. № 3 // URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15786-locale-nil-3#mode/inspect/page/16/zoom/5> (дата обращения 10.01.2024).
9. Ратьковская Н.А. А.А. Вырубова и императорская фамилия на рубеже XIX–XX вв.: автореф. на соиск. ученой степ. канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. СПб., 2007. 27 с.
10. Российский царствовавший дом // Новый Сатирик: Еженедельный литературно-художественный иллюстрированный сатирический журнал. 1917. № 13 // URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/4126> (дата обращения 10.01.2024).
11. Русская эпиграмма: сборник. М.: Художественная литература, 1990. 367 с.
12. Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Некоторые обстоятельства отставки военного министра Сухомлинова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. № 3. С. 481–496.
13. Тарасов К.А. Фактчек: 10 самых популярных легенд о Распутине // Arzamas. 2022 // URL: https://arzamas.academy/mag/1104-rasputin_2 (дата обращения 10.01.2024).
14. Ушакова, А. Д. Современники о назначении А.Д. Протопопова министром внутренних дел // Молодой ученый. 2018. № 46. С. 233–236.
15. Я свергнул его раньше, чем вы! // Пулемёт. 1906. № 6 // URL: http://poisk.ngonb.ru/flip/satiricheskie_zhurnaly/pulemet/1906/06/ (дата обращения 10.01.2024).

Турченко Д.А.,

*преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО
«Сибирский государственный индустриальный университет»*

Титов Д.Е.,

студент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»

АНАЛИЗ ОБРАЗА Г.Е. РАСПУТИНА, СОЗДАННОГО В ЗАРУБЕЖНЫХ ИГРОВЫХ ФИЛЬМАХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СЕРИАЛАХ 20–50-х гг. XX ВЕКА

В статье предпринимается попытка анализа зарубежных визуальных источников – фильмов и сериалов, посвященных Г. Е. Распутину. Дается характеристика персонажа, представленного в западном кинотексте, на основе разработанных вопросов, которые помогут описать образ знаменитого русского крестьянина.

Ключевые слова: кинотекст; Г.Е. Распутин; художественные фильмы и сериалы; образ; анализ; зарубежный кинематограф; аудио-визуальные источники

Turchenko D.A.,

Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Siberian State Industrial University»

Titov D.E.,

Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Siberian State Industrial University»

ANALYSIS OF THE IMAGE OF G.E. RASPUTIN CREATED IN FOREIGN FICTION FILMS AND FICTION SERIES OF THE 20s – 50s OF 20TH CENTURY

The article attempts to analyze foreign visual sources – films and TV series dedicated to G. E. Rasputin. A description of the character presented in the Western film text is given, based on developed questions that will help describe the image of the famous Russian peasant.

Keywords: film text; G.E. Rasputin; feature films and TV series; image; analysis; foreign cinema; audio-visual sources

Современное исследование и интерпретация образа Григория Распутина представляют сложное поле взглядов и точек зрения. Научные дискуссии вокруг личности Распутина неуклонно сопровождались поиском объективности и избеганием идеологической предвзятости. Существенным аспектом в рассмотрении образа Распутина является понимание мифа как особого феномена, живущего по своим законам и развивающегося в соответствии с собственными правилами. А. Н. Боханов акцентируют внимание на том, что образ «демонического антигероя» Григория Распутина стал одним из наиболее живучих продуктов «черного пиара» [2, с. 1].

В современной жизни миф обретает не более познавательный, а поведенческий характер, оказывая воздействие на общественное сознание и мировоззрение. С. Л. Фирсов подчеркивает, что противостояние мифу становится сизифовым трудом, т.к. смена «ложного» мифа неизбежно приводит к появлению «истинного» т.е. миф живет по своим законам, развивается по собственным правилам, которые корректируются, временами, подстраиваясь под него [10, с. 6].

Многие исследователи, в том числе А. Н. Боханов и О. А. Платонов, нацеливаются на реабилитацию образа Распутина. Раскрывая его как религиозного праведника, они противопоставляют его утратившей религиозное чувство интеллигенции и церковной бюрократии. Эта стратегия реабилитации не только противостоит советской исторической схеме, но и стремится конструировать новую схему, в которой «правильные» и «неправильные» герои определены заранее. Примером может служить работа С. В. Фомина, автора сборника «Григорий Распутин. Расследование» который публикует документы и комментарии с целью разоблачить старые мифы о Распутине [10, с. 7].

Современные исследования подчеркивают, что образ Распутина продолжает эволюционировать в современном обществе. Некоторые авторы, такие, как Т. И. Гроян, активно мифологизируют личность Распутина, связывая его с религиозными и идеологическими концепциями, такими, как «мученик за Христа и за Царя» [10, с. 8].

Образ Распутина в настоящее время представляет собой сложное поле взглядов и исследований. Различные подходы отражают эволюцию мифа, стремление к реабилитации личности и активные попытки мифологизации в контексте современных идеологических течений.

Обратимся к мнению современников, посвященных личности Григория Ефимовича. Секретарь Распутина Арон Симанович в своей книге пишет: «Каким представляли себе Распутина современники? Как пьяного, грязного мужика, который проник в царскую семью, назначал и увольнял министров, епископов и генералов и целое десятилетие был героем петербургской скандальной хроники. К тому же ещё дикие оргии в «Вилле Родэ», похотливые танцы среди аристократических поклонниц, высокопоставленных приспешников и пьяных цыган, а одновременно непонятная власть над царём и его семьёй, гипнотическая сила и вера в своё особое назначение. Это было всё!» [6, с. 117]. Духовник царской семьи, протоиерей Александр Васильев: «Распутин – вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для Царской Семьи... Он с Ними беседует о Боге, о вере» [2, с.194]. Врач, лейб-медик семьи Николая II Евгений Боткин: «если бы не было Распутина, то противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь» [1, с. 20]. Священномученик, протоиерей Философ Орнатский, настоятель Казанского собора в Санкт-Петербурге, описывает в 1914 г. встречу Иоанна Кронштадтского с Распутиным так: «О. Иоанн спросил старца: «Как твоя фамилия?» И когда последний ответил: «Распутин», сказал: «Смотри, по фамилии твоей и будет тебе»» [4, с. 3]. Схиархимандрит Гавриил (Зырянов), старец Седмиезерной пустыни, очень резко высказывался о Распутине: «Убить его, что паука: сорок грехов простится...» [4, с. 3].

Основные факты из биографии Г. Е. Распутина:

1. Григорий Распутин был крестьянином из Сибири. Стал популярным благодаря дружбе с императорской семьёй Николая II [2, с. 6].
2. Распутин был известен своими целительными способностями [2, с. 6].
3. Распутин стал близким другом царской семьи, особенно тесные отношения сложились с цесаревичем Алексеем, которому он облегчал страдания, вызванные гемофилией [2, с. 105].
4. Влияние Распутина на царскую семью проистекало из веры Александры и других людей в его чудодейственную силу [2, с. 105].
5. Отношения с детьми царской семьи были теплыми, Распутин был в курсе их личных проблем [2, с. 106].
6. Распутин был противоречивой фигурой. Его враги обвиняли в религиозной ереси и политическом влиянии [7].
7. В 1916 году Распутин был убит заговорщиками. Его смерть вызвала политический переворот [2, с. 323].

Одним из интереснейших источников информации являются кинофильмы. Они относятся как к визуальной, так и к аудиальной группе исторических документов. В настоящее время накоплен огромный пласт зарубежных кинолент, посвященных Распутину. Первые аудио-визуальные источники появились сразу после смерти Григория в 1917 году. Современный историк, культуролог и искусствовед не может игнорировать данную группу исторических материалов. Одним из первых это отметил Марк Ферро [8]. Ведь кино – это отражение исторической эпохи, её духа, настроений и представлений общества [3, с. 13]. Огромное разнообразие художественных фильмов и сериалов даёт нам возможность интерпретировать созданный в них образ Распутина. Прежде, чем приступить к анализу произведений кинематографа, мы ставим главный вопрос: Кто такой Григорий Распутин?

Мы разработали этапы анализа художественных фильмов и сериалов, в которых присутствует образ Г. Е. Распутина, и сформулировали их в виде вопросов:

1. Г. Е. Распутин показан в фильме / сериале положительным или отрицательным персонажем?

2. Какие цели в фильме / сериале преследует Г. Е. Распутин?
3. В какой роли показан Г. Е. Распутин: пьяница, «святой старец», развратник, колдун (совершает чудеса с помощью молитвы или тёмной магии), аферист, простой крестьянин, политик и т.д.
4. Какие мифы и легенды, связанные с Распутиным, нашли отражение в фильме / сериале?
5. В каких местах / локациях оказывается крестьянин (маршрут и карта путешествий главного персонажа)?
6. Кто является врагом Григория Ефимовича?
7. Как умирает «царский друг»?
8. Какие представления о русских (маркеры русскости) были показаны в фильме / сериале?
9. Какую одежду носит персонаж?
10. Как реагирует герой на новость о начале войны?
11. Демонстрирует ли своим поведением герой развратный образ жизни?
12. Какие прозвища Распутина звучат в фильме / сериале?

«Красный танец». Черно-белый немой фильм (США – 1928 г.)

Вместо реплик персонажей используются субтитры на английском и французском языках, а также фоновая музыка. Распутин в данном кинотексте выступает в роли немецкого шпиона и тайного правителя России (Николай II в одной из сцен выполняет просьбу «советника» Григория и высылает царского сановника в Ориенбург). Исторический персонаж появляется только в начале и в конце художественного фильма и погибает от рук Феликса Юсупова в подвале его дома после одного выстрела из револьвера («Чёрный монах был отправлен обратно в ад» – цитата из фильма). В данном произведении он выступает в роли антагониста (маркерами для зрителя служит облик Григория – высокая фигура и черный плащ). Герой представлен только в одной локации – Петрограде. Примечательно описание одного из персонажей фильма, так как транслирует распространенный образ русских в американских фильмах: «Иван Петров – смеющийся и неуклюжий балтийский медведь, любитель водки и женщин».

«Распутин – демон с женщиной». Черно-белый фильм (Германия – 1932 г.)

Путешествие Распутина в рамках данного кинофильма можно описать следующим образом: Село Покровское – Петербург (приезжает в столицу, чтобы излечить царевича Алексея) – Покровское (уезжает по приказу императора, т.к. сановники недовольны его разгульным образом жизни и влиянием на царскую чету) – Петербург (возвращается чтобы уговорить Николая II принять на себя должность Верховного главнокомандующего. Умирает от рук заговорщиков).

Главный герой фильма выступает в следующих ролях: чудотворец / Святой (вылечил французского бульдога и царского наследника Алексея только своим взглядом, прикосновением рук и голосом). В фильме так его идентифицируют: крестьяне, представители высшего общества (дворяне), крестьянин / фермер (маркерами служит внешний облик и одежда: длинная подпоясанная рубаха, сапоги, кафтан «Сибирка», волосы разделены на пробор, длинная борода, «сухого» телосложения). В данном случае его так называют чиновники, и они же являются его главными антагонистами вместе с заговорщиками (Феликс Юсупов, Станислав Лазоверт и т.д.), священник (представители разных социальных слоев называют его «отче / отец Григорий»). Сам Распутин нарочито демонстрирует свою связь с Богом (снимает головной убор, как только увидит икону, и начинает креститься двумя перстами, говорит загадками, создавая видимость, что он цитирует Священное Писание), пьяница и развратник (священники пытаются «разбудить» совесть Распутина, указывая на его грехи: несколько раз в фильме «царский друг» курит, развращает женщин, выпивает и публично пристает к девушкам).

Описывая портрет Григория Распутина, который нам показали в фильме, можно написать следующее: крестьянин из «глухой» и заснеженной Сибири, обладающий сверхъестественными способностями, которые ему дарует Бог, оказывается в центре внимания, пользуется популярностью при дворе как «иностранный дикий зверь». У него появляются деньги и власть, которые пагубно влияют на бедного жителя села. Он начинает публично демонстрировать свою близкую связь с императорской четой и чиновниками, наличие денег, отсутствие манер в светском обществе. В фильме транслируются сразу несколько мифов: 1. Распутин был заговорен. Умер только после 4 выстрела, до этого выпив несколько бокалов отравленного вина. 2. Имел огромную власть над царем и императрицей («Пока вы слушаете меня, с вами ничего не случится» – Г. Е. Распутин) и назначал чиновников.

В данном кинотексте показан образ «мужицкого» пошлого и грубого Распутина, который постоянно кутит, преследует девушек и совращает их (в двух сценах главный герой фильма вступает в половую связь с богатыми и молодыми женщинами из-за того, что они пришли к нему с просьбами. За выполнение их желания он берет своеобразную плату «натурой»). Персонажи едят исключительно пирожки и слушают русские народные песни в ресторанах (маркеры русскости в фильме).

«Распутин и императрица». Черно-белый фильм (США – 1932 г.)

Путешествие Распутина в рамках данного фильма ограничивается всего несколькими локациями: Москва (появляется во дворце, чтобы излечить Алексея) – Санкт-Петербург – Царское село.

Однозначно в данном художественном фильме Г. Е. Распутин выступает в роли антагониста и хитрого манипулятора, целью которого является захват власти. Персонаж не вызывает сочувствия у зрителя. Он не безграмотный крестьянин, а расчетливый политик. Речь, поведение и поступки не соответствуют сложившемуся в историографических источниках образу. Главный герой фильма рассуждает о политике, знает факты из истории. Например, даёт политический совет, связанный с ситуацией на Балтике, рассуждает о правах крестьян: «Зачем Вы раздаёте права крестьянам? Вы не помните Французскую революцию?» – Г. Е. Распутин. Император хочет получить от крестьянина духовный совет, а в ответ слышит его политические взгляды («Зачем ты слушаешь кайзера? Сын мой, если идти по этому пути – России придёт конец. Ты знаешь амбиции кайзера на Востоке. Это первый шаг, а затем турки закроют Черное море»).

Распутин не обладает мистическими способностями. Во время покушения он не получает не одной раны от пуль, так как под одеждой у него была металлическая пластина. Гипнотизирует с помощью музыкальных карманных часов царевича Алексея и других персонажей фильма. Помощница Распутина говорит, что в ходе сеанса гипноза он свёл мальчика из Казани с ума. Он развращает Алексея, не даёт ему учиться и воздействует на его сознание. Разговаривает с мальчиком в приказном тоне. Говорит, что сила – главное в этом мире и скармливает муравья и муху на глазах у ребенка. Говорит Алексею, что Россия будет наша. Ты побежденная муха, а я сильный муравей.

Грубо разговаривает с людьми (башка капустная, коротышка, обезьяна, сосиска сухая, свинья), публично делает отрывку в доме князя, плюет на пол, ведет себя вызывающе, угрожает одной из девушек, которая ревнует его к Наталье (прототип – княгиня Ирина Александровна Романова-Юсупова) («Если не прекратишь, то череп разможу»), выпивает в окружении женщин («То полезно, что в рот полезло») и душит фрейлину. Говорит, что всё его окружение должно уметь пить. Таким будет царское правило. Пытается убить в одной из сцен Че-

годаева с помощью револьвера. О знаменитых сексуальных похождениях старца мы можем узнать только из личного дела, которое демонстрируется в кинофильме.

К нему обращаются следующим образом: «Божий человек» (почитатели), Святой отец Григорий (царские супруги – Николай и Александра), отец Гриша (цесаревич и крестьяне), святой дьявол (князь Чегодаев). Верхняя одежда напоминает монашескую рясу. Дополнением образа служит длинная борода, косоворотка с поясом, пристальный и гипнотический взгляд.

Исторические факты в данном художественном произведении искажены. Распутин умирает в подвале дома князя Павла Чегодаева (прототип – князь Феликс Юсупов) после того, как съедает большое количество отравленных пирожных, получает удары по голове кочергой и тонет ещё живой в проруби. Императрица возглавляет заговор против Распутина. Что не соответствует исторической действительности.

Транслируется миф о безграничной власти Г. Е. Распутина над сановниками и царской семьей. В качестве подтверждения приведем цитаты из фильма: «Однажды я буду править этой страной». «Я знаю свою судьбу и свою силу. Пока жив мальчик, я нужен вам». «Я буду Россией». «Я получил Россию, как хотел». «Я самодержец всероссийский». «Моей квартирой на полгода стал царский дворец». «Называй меня не господин, а превосходительство». «Если умру я, то умрет и вся Россия» – Г. Е. Распутин. В одной из сцен он сидит в царском кресле. Распутин обращается к царским супругам: «Дочь моя, сын мой».

Необходимо отметить, что Распутин из данного произведения присутствует в следующих мультфильмах: «Гала-премьера Микки», Walt Disney Productions, 1933 г. и «Рисовый пудинг «Сумасшедший монах»» (сериал «Весёлые мелодии»), Warner Bros. Pictures, 1933 г.

В первом мультфильме он выходит на ковровую дорожку из лимузина и плюет на неё. Он представлен в окружении других популярных кинематографических персонажей 1930-х годов (например, Бродяга Чарли).

Во втором случае персонаж сидит во дворце и собирает пазлы. В итоге получается следующая картинка: лошадь, у которой вместо ягодиц присутствует голова царя. У персонажа длинные руки и пальцы. Он курит и престаёт к девушке. В конце анимационной короткометражки начинается революция и он бежит от разгневанного народа. Данный факт свидетельствует о том, что образ знаменитого крестьянина был известен американскому зрителю уже в 1930-е гг. благодаря популярному фильму «Распутин и императрица». Он также появляется в мультфильме «Адский огонь» (сериал «Воппер»), Iwerks Studio, 1934 г. в качестве cameo. Он танцует гопака в красном кафтане в аду – маркеры русскости Распутина. Также транслируются следующие распространенные и закрепившиеся в сознании народных масс представления о Распутине: 1. Тайный правитель России; 2. Распутный и невоспитанный крестьянин-грешник.

«Трагедия империи». Черно-белый фильм (Франция – 1938 г.)

Распутин в рамках художественного фильма посещает следующие места: Тобольск / Сибирь (создает секту) – женский монастырь «Святая Екатерина» (изгоняет беса из монахини с помощью «естественного и приятного для двоих способа» (полового акта) и получает за проведение обряда деньги) – Царское Село (императорская резиденция) (лечит царевича с помощью прикосновения рук) – Сибирь (Николай II отправляет крестьянина из-за давления со стороны матери (вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны), Николая Николаевича и других князей из-за возможного заговора со стороны родственников. На Распутина совершается покушение со стороны «блаженной» монахини – прототип Хиония Гусева) – «Вилла Роде» (совершается безуспешное покушение на Распутина со стороны военного) – Дом Игоря Курлова (смерть главного героя).

Персонажи фильма по-разному идентифицируют Распутина: брат Григорий (помощник, который путешествует с Распутиным), воплощение Иисуса (жители деревни), странник, святой, благословенный мужик, крестьянин – чудотворец, (монахини), самозванец, святой, мужик-целитель (дворяне), наперсник Александры (священники), Ваше превосходительство (Станкевич – министр внутренних дел), ничтожество (военные).

Главный герой фильма выступает в следующих ролях:

1. Распутин – сектант. В начале фильма показан эпизод, в котором «святой батюшка» Распутин выступает в избе перед жителями деревни и рассказывает о своем учении: «Делайте то, что я говорю. Кто из нас двоих святой – ты или я? Спасайте свою душу через грех. Бог во мне». Распутин призывает свою паству не посещать церковь. Одна из монахинь молится на его портрет, как на икону.

2. Распутин – святой и пророк. В ресторане военный безуспешно пытается убить Распутина с помощью заряженного револьвера, но оружие в нужный момент не выстреливает. Военные обвиняют крестьянина в том, что он устраивает праздник во время войны (солдаты умирают, а он всё гуляет) и организуют заговор. Игорь Курлов (прототип Феликса Юсупова) соглашается совершить убийство крестьянина из-за подозрений в измене Анны Китиной (прототип Ирины Александровны Романовой) и половой связи с Распутиным, но ни разу не выстрелит в Григория. Распутин съедает отравленное пирожное, выпивает 2 бокала вина с цианистым калием и умирает во дворе дома после 5 выстрела. Заговорщики выбрасывают тело в реку. Крестьянин делает следующее предсказание: «Я вижу, что их судьба и моя связаны. После моей смерти пройдет одна зима, и Романовы перестанут существовать».

Классическими для зарубежной серии фильмов – распутиниане являются пьяные выходки Григория: он пьет водку, обнимается с девушками, берет взятки, называет императора и императрицу батюшка и матушка и целует их в щёки, просит нищего посмеяться и за это даёт ему деньги, дворянки целуют ему руки, оскорбляет людей (жаба, свинья, собачье отродье, клоп), демонстрируется или упоминается досье, на страницах которого описаны оргии с участием знаменитого крестьянина («досье это – то дерьмо, что я испражняю»), выпивает в окружении министров, заставляет одного из них петь на сцене ресторана и говорит, что это приказ.

Серия «Чёрный пророк» (сериал «Тревожное ожидание»), 1953 г.

Персонаж Распутина находится только в одной локации – дом Юсупова (в данном случае Сергея). Заговорщики обсуждают «грехи» Григория: 1. Солдаты погибли из-за его интриг. 2. Благодаря «дьявольской магии» он околдовал Александру Фёдоровну и исцелил царевича. Показана подготовка к убийству крестьянина. В данном случае Распутин преподносится зрителям в роли пророка, провидца и заговоренного. Он произносит следующие фразы: «Пока я здесь, с ним (Алексеем) ничего не случится. Я увидел огромную площадь, заполненную телами. Среди них было много великих людей. Река стала кроваво красной. Я был избран, чтобы спасти Россию. Поэтому я отправился в Петербург. Если я умру, то в течение одного года правление Романовых закончится, и Чёрный рыцарь поглотит всю Россию». С помощью гипнотического взгляда приказывает Сергею отдать ему пистолет. Погибает только после 9 выстрела, при этом выпив 4 бокала отравленного вина и съев 5 пирожных, начиненных ядом. Показана новая сцена, ранее отсутствовавшая в других кинематографических источниках: Распутин душил Сергея (Феликса) в припадке ярости. Это явная отсылка на дневник Феликса Юсупова [5].

«Распутин». Цветной фильм (Италия, Франция – 1954 г.)

Данное кинематографическое произведение представляет собой не что иное, какommaж на французский фильм 1938 года. Совпадает структура повествования и роль главного героя фильма.

Григорий перемещается по следующим локациям в рамках данного кинотекста: село Покровское (организовывает секту) – Петербург (приезжает на церковный суд и исцеляет царевича) – село Покровское (возвращается из-за возмущения со стороны аристократии и генералитета, которое вызвано поведением Распутина. Было совершено покушение дворянкой, которая пырнула Распутина ножом из-за того, что он её изнасиловал, и по его вине был убит возлюбленный девушки) – Петербург (умирает в доме Юсупова). В фильме упоминается его трехлетнее путешествие по Сибири.

Необходимо отметить, что все чудеса, которые творит Распутин, остаются за кадром: исцеление крестьянина только одним словом «вставай» который пять лет не мог ходить; излечение царевича и крестьянского ребёнка, который был при смерти. Также, как и в созданных ранее фильмах, Распутин предстаёт многоликим. Его называют: батюшка, грязный крестьянин, самый известный человек Петербурга, отец Григорий, святой человек, пророк, чудотворец, «друг», хозяин России, изувер, пьяница.

По сути, режиссер данного фильма использует уже ранее созданные и известные зарубежному зрителю клише. В фильме присутствуют пьяные выходки и показано «крестьянское» поведение Распутина: обнимает и раздевает девушек, приходит в женскую баню, курит, грубо разговаривает с людьми, в первую очередь с аристократами («Вы едите, как псы голодные». «Пьете как быки из корыта». «Отродье дьявольское» – Г. Е. Распутин), заставляет хозяйку богатого дома, как официантку, принести ему бокал вина. С помощью Александры Федоровны отстраняет министров, берет взятки, много пьёт, просит одного из гостей ресторана петь басом и говорит, что сделает его министром. Участвует в пьяной драке с военными. Крестьяне носят платки и сарафаны, пьют водку, танцуют казачок, играют на балалайке – это символы русскости в данном фильме.

Транслируется сразу несколько мифов: 1. Распутин – немецкий шпион (не продемонстрированы доказательства в фильме, миф распространяют враги-заговорщики); 2. Распутин заговорен. Он не умирает от отравленных яств (выпил пять бокалов вина и съел два пирожных) и погибает только после 4 выстрела в доме Юрия (прообраз Феликса Юсупова). 3. Распутин – предсказатель. В конце фильма главный герой говорит следующие слова: «Господь запретил покушаться на жизнь, которую он создал. Вы станете первыми жертвами своей слепоты. Зачем ненавидеть друг друга?»

Необходимо отметить, что, в зависимости от образа, созданного в фильме, и целей, которые преследует персонаж, меняется отношение Распутина к Первой мировой войне. В немецком фильме 1932 года главный герой картины категорически выступает против войны и участия в ней России. Он выступает в роли поборника веры и спасителя жизней русских солдат. Аналогичный мотив и у Распутина из французского фильма 1938 года. «Итальянский Распутин» 1954 года уговаривает Николая Александровича взять на себя должность Верховного главнокомандующего и заключить сепаратный мир с Германией, чтобы сохранить жизни людей. В американском фильме 1928 года «Красный танец» Распутин желает вывести страну из войны, так как является вместе с императрицей немецким шпионом, который получает от Германии деньги. Противоположной точки зрения придерживается Распутин из знаменитого американского фильма 1932 года. Он убеждает царя вступить в войну в наде-

жде на то, что в скором времени монархия в России будет уничтожена, и он благополучно сможет занять место правителя.

Во всех зарубежных фильмах Распутин носит один и тот же крестьянский набор одежды, состоящий из меховой шапки, рубашки-косоворотки, сапог, пояса, тулупа, полушубка, кафтана, палки, котомки. А. Фёдоров называет данный стиль «сельско-купеческим и фольклорным» [9]. Г. Е. Распутин – очень «удобный» персонаж для экранизаций зарубежных кинематографистов, так как с ним связано множество легенд. Также не сохранились документальные кадры видеохроники, на которых мог быть запечатлён знаменитый крестьянин. Поэтому его можно по-разному показать на экранах кинотеатров и телевизоров в зависимости от сюжета фильма. Григорий Ефимович является собирательным и стереотипным образом русских в глазах американских и европейских зрителей: вечно пьяный крестьянин, который предаётся разврату и имеет буйный нрав.

Необходимо отметить, что анализ кинематографических интерпретаций фигуры Григория Распутина в различных фильмах и сериалах позволяет выявить влияние культурных и социальных представлений на создание образа исторической личности. В процессе кинематографической интерпретации Распутин превращается в многогранного и символичного персонажа, олицетворяющего различные аспекты человеческой природы и общественных страхов. Отмечается, что фильмы / сериалы о Распутине редко следуют исторической достоверности, предпочитая усиливать его негативные черты и превращать в символ зла. Несмотря на отклонения от реальности, образ Распутина в кинематографе становится частью культурного наследия, формируя коллективное восприятие и влияя на стереотипы. Кроме того, можно отметить, что каждая новая интерпретация придает образу Распутина новые аспекты в контекст, что свидетельствует о постоянной эволюции восприятия этой исторической личности. В последнем фильме «The King's Man», где Распутин предстает в роли могущественного злодея, подчеркивается актуальность образа и его способности привлекать внимание зрителя. Все эти аспекты демонстрируют, что образ Распутина в кинематографе остается предметом интереса исследователей и художников, продолжая влиять на коллективное воображение и формировать общественное мнение об этой загадочной исторической фигуре.

Список литературы:

1. Боткина Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизнь до и после революции. Белград: Всеславянский книжный магазин М. И. Стефанович и Ко, 1921. 160 с.
2. Боханов А. Н. Правда о Григории Распутине. М.: Русский издательский центр, 2011. 656 с.
3. Егоров С. О. Кино, история, идеология: возможные подходы к интерпретации кинотекста // Исторический курьер. 2022. №5. С. 11–20.
4. Иерей Алексей Махетов. «Старец» Гришка Распутин в воспоминаниях современников // Православный христианин. 2003. №3 // URL: <http://ricolor.org/history/mn/nv/rasputin/> (дата обращения 10.01.2024).
5. Сибирцева Т.О. 15 цитат из воспоминаний Феликса Юсупова // Arzamas. 2022 // URL: <https://arzamas.academy/mag/1092-yusupov> (дата обращения 10.01.2024).
6. Симанович А. С. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М.: Советский писатель, 1991. 85 с.
7. Тарасов К.А. Фактчек: 10 самых популярных легенд о Распутине // Arzamas. 2022 // URL: https://arzamas.academy/mag/1104-rasputin_2 (дата обращения 10.01.2024).
8. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. №2. С. 47–57.
9. Фёдоров А.В. Григорий Распутин как западный кинообраз варварской России // Культуролог. 2010 // URL: <https://culturolog.ru/content/view/1859/11/> (дата обращения 10.01.2024).
10. Фирсов С. Л. Григорий Распутин: 100 лет в жерновах «Исторического мифа». Штрихи к вопросу о психологии восприятия личности «Друга Царей» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 3. С. 213–225.

Фадеева О.Р.,
*аспирант 2 курса, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»*

Научный руководитель: Некрылов С.Е.,
*доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Томский государственный университет»*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НОЯБРЬСКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья обращает внимание на ценность исторических воспоминаний в качестве уникального источника информации для исследования прошлого. Фокус направлен на воспоминания жителей города Ноябрьска, предоставляя исследователям бесценные данные, недоступные официальным историческим источникам. Подчеркивается необходимость изучения воспоминаний «старожилов» для получения уникальной перспективы на события и процессы прошлого города.

Исследование включает интервью с девятью респондентами различных сфер общественной деятельности, что призвано обеспечить разносторонний взгляд на развитие города. Особое внимание уделяется истории нефтегазодобывающей промышленности, градостроительству, инфраструктуре, транспортной логистике, а также социальным и культурным аспектам Ноябрьска.

Ключевые слова: исторические воспоминания; Ямало-Ненецкий автономный округ; г. Ноябрьск

Fadeeva O.R.,
*2nd Year Graduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «National Research Tomsk State University»*

Scientific adviser: Nekrylov S.E.,
*Dr. Sc. (History), Professor, Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «National Research Tomsk State University»*

HISTORICAL MEMORIES OF NOYABRSK RESIDENTS IN THE CONTEXT OF HISTORICAL RESEARCH

The article draws attention to the value of historical memories as a unique source of information for studying the past. The focus is on the memories of residents of the city of Noyabrsk, providing researchers with invaluable data that is not available to official historical sources. The need to study the memories of «old-timers» is emphasized to obtain a unique perspective on the events and processes of the city's past.

The study includes interviews with nine respondents from various areas of public activity, which is intended to provide a diverse view of the city's development. Particular attention is paid to the history of the oil and gas industry, urban planning, infrastructure, transport logistics, as well as social and cultural aspects of Noyabrsk.

Keywords: Historical memories; Yamalo-Nenets Autonomous Okrug; Noyabrsk

Исторические воспоминания являются ценным источником информации при исследовании прошлого. Они отражают индивидуальный опыт, переживания и взгляды жителей определенного времени и места, а также помогают восстановить целостную картину.

Воспоминания жителей города Ноябрьска предоставляют исследователю прошлого бесценную информацию, которую не может дать ни один исторический источник официального характера. Существует неоспоримая необходимость изучения исторических воспоминаний «старожилов» города, так как они позволяют взглянуть на события и процессы прошлого города глазами тех, кто непосредственно их пережил. Данный источник предоставляет нам уникальную возможность узнать историю нефтегазодобывающей промышленности, особенности развития градостроительства, инфраструктуры, транспортной логистики, а также социальные и культурные аспекты города.

В процессе исследования было проведено интервью с девятью респондентами, представляющими различные области общественной деятельности, включая политических деятелей, работников нефтегазодобывающей промышленности, специалистов в сфере социального обслуживания, политиков и представителей других областей, с целью получения разносторонних мнений и точек зрения о развитии города Ноябрьска.

Изучение истории нефтегазодобывающей промышленности является ключевым аспектом при анализе Ноябрьска, поскольку основание города было прямо связано с наличием значительных нефтяных ресурсов на его территории.

Мощный нефтедобывающий комплекс всего Ямало-Ненецкого автономного округа и город Ноябрьск начинались с первой разведочной скважины на Холмогорском месторождении, пробуренной бригадой Сургутской нефтегазоразведочной экспедиции под руководством мастера В. Соловьева. В октябре 1973 г. скважина успешно прошла испытания, в феврале 1975 г. приказом по НГДУ «Сургутнефть» была создана специальная служба для разработки месторождения. В апреле 1981 г. в целях ускоренного ввода в разработку Муравленковского, Вынгапуровского, Суторминского, Тарасовского и прилегающих к ним нефтяных месторождений в составе «Главтюменьнефтегаза» было создано производственное объединение «Ноябрьскнефтегаз» со специальным аппаратом управления в посёлке городского типа Ноябрьск [10].

В состав Ноябрьска административно включался посёлок Муравленковский, как свидетельствует А. Починок, первый секретарь Ноябрьского горкома комсомола первого состава и вице-президент Фонда имени В.И. Муравленко: «В то время посёлок Муравленко административно входил в состав Ноябрьска, а сегодня нефтяные города успешно конкурируют с другими Ямальскими городами по красоте и благоустройству» [5]. П.Н. Албитов, мастер Холмогорского месторождения, сообщал подобные сведения относительно населенного пункта Губкинского [4].

В начале 1980-х гг. на территорию Ноябрьска стало приезжать большое количество молодых специалистов, выпускников нефтяных факультетов на практику и трудоустройство. Одним из первых молодых специалистов «Ноябрьскнефтегаз» являлся А.В. Дегтярев, который в дальнейшем стал 1 секретарем Ноябрьского горкома ВЛКСМ.

Дегтяренко с ностальгией, вспоминал тот момент, когда в 1982 г. они, молодые специалисты, принципиально хотели поехать в самое молодое объединение – «Главтюменьнефтегаз» (на тот момент это был «Ноябрьскнефтегаз»). «Не было аэропорта, ехали по неофициальной железной дороге. Два раза, я помню, были неплановые остановки. Это значит, что один раз, то ли кто-то выпал из поезда, то ли кого-то выбросили из поезда, и мы останавливались, чтобы подобрать этого человека. Второй раз мы остановились, и паровозное радио передало нам сообщение, что машинист увидел где-то куропаток, взял ружье и пошел стрелять в них. Потом, на всякий слу-

чай, мы как-то остановились, поезд долго стоял, а в тот момент в далекой Москве на Красной площади проходил похоронный обряд Л. И. Брежнева. Обсуждали «полярки», сколько зарабатывает работник. Вот такие были основные темы наших разговоров» [8].

В период работы в «Ноябрьскнефтегазе» А.В. Дегтярев выделил несколько особенностей. Первая особенность была связана с работниками на производстве. В начале 1982 г. на производственном объединении работало больше тысячи молодых специалистов, и каждый десятый работник был уникальный. Так, к примеру, начальнику МГДУ А. Теренчик было 33 года, а генеральному директору В.А. Городилову не было тогда 40 лет.

Вторая особенность связана с вкладом нефтяников в жизнь города. Молодые специалисты «Ноябрьскнефтегаз» принимали активное участие в развитии Ноябрьска, создавая памятные места и развивая экономику города в 1980-е гг. Так была создана первая бизнес-школа, которая продолжает функционировать, а в 1985 г. комсомольцы и молодёжь города придумали построить «Вечный огонь». А.В. Дегтярев вспоминает: «Я помню, букву мы заказывали в мастерских у нас на промзоне. Начальник штаба центральной союзноударной комсомольской стройки А. Щерба выбивал какой-то внеплановый гранит. Мы все это сделали просто на честном слове, на энтузиазме» [8].

Изучение воспоминаний 1 секретаря Пуровского райкома партии А.М. Анисимова становится важным фактором для полноценного освещения градостроительства и инфраструктуры Ноябрьска. В его рассказах представлены ценные подробности о том, как город впервые появился на географической карте. В 1978 году, с утверждением решения облисполкома, посёлок был зарегистрирован на озере Ханто. С этого момента Ноябрьск получил свой индекс, почтовый адрес, и вопрос о его присутствии на карте был окончательно решён.

Воспоминания предоставляют уникальный взгляд на план и ход строительства Ноябрьска, раскрывая детали организации и инфраструктурных решений, принятых в процессе формирования городской среды. В ходе обсуждений возникал вопрос о выборе места для строительства железной дороги. С учетом «решения о развитии народного хозяйства СССР на 1976–1980-е», приняли решение строить из Сургута в Уренгой. Этот проект был представлен в 1976 году. Ноябрьская станция вошла в план строительства из-за необходимости развития холмогорского месторождения и начала освоения Вынгапуровского.

Местоположение поселка стало предметом выбора Сургутского горкома партии. Однако выбранное место оказалось неудачным – озеро, не пригодное для отдыха, с плохими берегами и болотистой местностью. Возник вопрос о том, где людям будет удобно отдыхать. А.М. Анисимов предложил альтернативу, высказав идею о строительстве города на берегах озера Ханто, что вызвало дискуссию и оспаривание.

Ещё одним аспектом дискуссии являлось название посёлка. Сначала ставился вопрос назвать населенный пункт «Пограничный», так как территория граничила с Ханто-Мансийским автономным округом. Потом «Октябрьский», готовились к празднику – 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Однако А.М. Анисимов говорил: «Вы знаете, сколько «Октябрьских»? Название должно быть памятным. 7–8 ноября 1977 г. будем отмечать 60-летие. У меня предложение: назвать Ноябрьск» [9].

При возведении Ноябрьска возникла основная трудность, связанная с тем, что первоначальная часть населенного пункта находилась в пределах Пуровского района, рядом с железнодорожной станцией, тогда как сам город располагался в Сургутском районе. Для решения этого вопроса подключали представителей нефтегазодобывающей промышленности, так как постановление и схема генплана населённого пункта было утверждено в 1978 г. Тогда был предложен

проект «компактного города»: промышленную зону сделать отдельно через железную дорогу, между железной дорогой и городом сделать «зеленую зону», построить аэропорт, деревянные дома, которые в дальнейшем менялись на капитальные.

По воспоминаниям В.В. Трапезникова, главного технолога Холмогорского управления буровых работ, стало известно, что 5-этажные дома начали строить уже в 1981 г. В своем рассказе он называл Ноябрьск «Поселком волков и песчаных бурь», подчеркивая памятные моменты во время работы. Первое воспоминание было связано с майской демонстрацией 1982 г., которая была организована Председателем поселкового совета Ю.Л. Герасимовым и парткомом. «Было жалко смотреть на девчонок, которые шли в колонне «Укртюменьжилстроя в шеванках и юбочках, а мы стояли на трибуне в шубах и шапках» [2]. Второй момент – это зима 1982–1983 гг., когда пришлось спасать пятиэтажные дома и весь поселок от размораживания. Квартиры раздавали только с одним условием, необходимо было в каждый подъезд ставить тепловые пушки, чтобы спасти отопление. И третий момент, запомнившийся В.В. Трапезникову, это создание газеты «Ноябрьскнефтегаз» «Северная вахта». По рекомендации парткома объединения «Ноябрьскнефтегаз» редактором был назначен А.И. Кастров.

Основными работниками Ноябрьска являлись работники нефтегазодобывающей промышленности и их семьи. Л.И. Смирнова, ветеран г. Ноябрьска, поделилась информацией о том, что сотрудников, занятых в нефтегазодобывающей отрасли, размещали в общежития и узких семиметровых комнатах в деревянных домах [1]. Н.Н. Алексеенко, почетный работник в сфере молодежной политики, также рассказывала о жилищных условиях: «Мы с мужем приехали в 1985 г. с маленьким годовалым ребенком на руках, и первое впечатление у меня было немножко шокирующее, потому что жили мы в балке, вокруг были деревянные домики, похожие на бараки, и никаких особо комфортных условий не было» [6].

Несмотря на несовершенные условия проживания, когда становление Ноябрьска только начиналось, Дома культуры были ведомственными, люди находили способы провести свободное время с интересом и организовывали себе досуг [3]. По воспоминаниям заведующей библиотеки «Ноябрьскнефтегаз», председателя Ноябрьского землячества З.С. Орловой и заведующей домом быта Н.В. Кривулиной стало известно, какие были самые главные праздники в поселке: 1 и 9 мая, 7 ноября, проводы русской зимы и день работника нефтяной и газовой промышленности [7].

Исторические воспоминания позволили увидеть события и процессы глазами тех, кто их пережил. По воспоминаниям жителей Ноябрьска более подробно стало известно про уникальную историю города, включая развитие нефтегазодобывающей промышленности, градостроительства, инфраструктуры, социокультурных аспектов. Раскрываются подробности о плане и ходе строительства, включая выбор места для железной дороги и название поселка. Интервью с девятью респондентами из разных сфер общественной деятельности помогли получить разносторонние мнения о развитии города.

Список литературы

1. Воспоминания Ветерана г. Ноябрьска Л.И. Смирновой о приезде в поселок Ноябрьск // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.
2. Воспоминания Главного технолога Холмогорского упр бур работ В.В. Трапезникова о памятных моментах в Ноябрьске // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.
3. Воспоминания заведующей домом быта Н.В. Кривулиной о социальном обеспечении в Ноябрьске // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.
4. Воспоминания мастера Холмогорского месторождения П.Н. Албитова о кадрах «Ноябрьскнефтегаз» // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.

5. Воспоминания первого секретаря Ноябрьского горкома комсомола первого состава, вице-президента Фонда им. В. И. Муравленко А.П. Починок о становлении г. Ноябрьска // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.
6. Воспоминания почетного работника в сфере молодежной политики Н.Н. Алексеенко о своих первых впечатлениях по приезде в Ноябрьск // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.
7. Воспоминания председателя Ноябрьского землячества З.С. Орловой о своей жизни в Ноябрьске // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.
8. Воспоминания 1 секретаря Ноябрьского горкома ВЛКСМ А.В. Дегтярева о первых молодых специалистов «Ноябрьскнефтегаз» // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.
9. Воспоминания 1 секретаря Пуровского райкома партии А.М. Анисимова о выборе места и названия поселка // Музейно-ресурсный центр г. Ноябрьска. – Документ в процессе описи.
10. Ледовской Д. А. 30 лет Ноябрьскнефтегаз. Тюмень: Изд-во «Топ», 2023. 121 с.

Широкова И.П.,
*старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»*

НОВЫЙ УЧЕБНИК (ИСТОРИЯ РОССИИ 1945 – НАЧАЛО XXI ВЕКА МЕДИНСКОГО В.Р.): НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОШЛОГО?

В статье рассматриваются вопросы содержания учебников по истории России XX века для среднего общего образования. На основе сравнительного анализа учебников делается вывод о возвращении к государственно-патриотической концепции в изложении событий истории второй половины XX века.

Ключевые слова: учебники по истории; интерпретация; историческая память

Shirokova I.P.,
*Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«North-Eastern State University»*

NEW NEXTBOOK (HISTORY OF RUSSIA 1945 – BEGINNING OF 20TH CENTURY BY V. R. MEDINSKY): A NEW INTERPRETATION OF THE PAST?

The article deals with the issues of the content of textbooks on the history of Russia in the 20th century for secondary general education. On the basis of comparative analysis the conclusion is made about the return to the state-patriotic concept in the presentation of the events of history of the second half of the 20th century.

Keywords: history textbooks; interpretation; historical memory

Известно, что современная эпоха характеризуется фундаментальными изменениями в сфере образования. Эти изменения обусловлены такими факторами, как «информационная и технологическая революция»; выход на авансцену цифрового поколения, которое ориентировано

на «цифровой образ жизни»; пандемия (COVID–19), которая испытала на прочность образовательные системы Российской Федерации с точки зрения сформированных ИКТ компетенций [1, с. 6].

Под влиянием этих факторов основные элементы процесса обучения (цели, содержание, средства и способы обучения, проверки и оценки образовательных результатов) подвергаются масштабным изменениям. Это обстоятельство неизбежно приводит к переосмыслению структуры содержания, методического аппарата и места учебника в образовательном процессе.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом, учебник должен не только давать информацию и предлагать интерпретации, но и побуждать школьников самостоятельно искать историческую информацию, рассуждать, анализировать исторические тексты, делать выводы и т.д. Он призван служить «навигатором» в стремительно растущем информационном пространстве: учебник – навигатор, путеводитель по прошлому [5, с. 14–15].

Идея создания единого учебника по истории России принадлежит президенту РФ В. В. Путину. В ходе совещания Совета при президенте РФ по международным отношениям, президент РФ 19 февраля 2013 г. дал поручение о создании единого учебника по истории России. В 2023 году «единый» учебник истории стал фактом реальной действительности и сразу породил дискуссию среди учителей истории, методистов, «любителей истории». Издание состоит из четырех книг: История России и Всеобщая история для 10-х классов, а также История России и Всеобщая история для 11-х классов. Авторами учебников по истории России выступили помощник президента РФ Владимир Мединский и ректор МГИМО Анатолий Торкунов, авторами учебников по всеобщей истории – В. Мединский и научный руководитель Института всеобщей истории РАН Александр Чубарьян.

Почему учебники истории становятся предметом острых дискуссий? Во-первых, учебник является одним из главных источников формирования исторической памяти, как способа реконструировать и присваивать прошлое [9, с. 95]. Историческая память, в свою очередь, не только канал передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида и общества. Следовательно, реконструкция прошлого всегда определяет понимание настоящего.

Во-вторых, учебник – это не только основное средство обучения, но и исторический источник, которому свойственна идеологическая подоплека, и источниковая база которого отражает степень открытости или полу-открытости источников [8, с. 264].

Учитывая данные обстоятельства, проведем сравнительный анализ трех учебных пособий по истории России 20 века; подробно рассмотрим параграфы, посвященные послевоенному периоду 1945 – 1953 гг.; постараемся сделать вывод о наличии или отсутствии новой интерпретации прошлого в учебной литературе для среднего общего образования.

В качестве объектов сравнения были выбраны следующие учебники:

- Кацва Л. А. История России 20 век (курс лекций для старшеклассников) – глава «Апогей сталинизма», параграфы: «Советская экономика послевоенных лет», «Общество и власть после войны»;

- История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Морюков и др.]; под ред. А.В. Торкунова – глава: «Апогей и кризис советской системы 1945 – 1991 гг.», параграфы: «Восстановление и развитие экономики», «Изменения в политической системе в послевоенные годы», «Идеология, наука и культура в послевоенные годы»;

- История. История России. 1945 – начало XXI века: 11 класс: базовый уровень: учебник / В.Р. Мединский, А.В. Торкунов – глава: «СССР в 1945 – 1991 гг.», параграфы: «Восстановление и развитие экономики и социальной сферы», «Политическая система в послевоенные годы», «Идеология, наука, культура и спорт в послевоенные годы».

Основные элементы содержания, которые мы отобрали для анализа, представлены в таблицах.

Таблица 1.

Вопросы социально-экономического развития СССР в 1945–1953 гг.

Кацва Л. А.	Горинов М.М., Данилов А.А., Морюков М.Ю.	Мединский В.Р., Торкунов А.В.
Послевоенная разруха		
За время войны население крайне обнищало. Дошло до того, что осенью 1946 г. секретари нескольких сибирских обкомов партии просили у ЦК ВКП(б) разрешения отменить праздничную демонстрацию 7 ноября, так как «население недостаточно обеспечено одеждой».	Для решения многочисленных социальных проблем требовались значительные средства. Однако они в сложной международной обстановке направлялись преимущественно на развитие тяжелой промышленности и армии [3, с. 79]. Как жаловался в письме И. Сталину в декабре 1952 г. житель одной из деревень Тамбовской области, «в нашем колхозе колхозники имеют одну зимнюю одежду на 3–4 члена семьи, дети зимой у 60% населения учиться не могут, ибо нет одежды».	Уровень жизни населения рос медленно. Основная причина заключалась в огромных демографических, экономических и ресурсных потерях страны в 1941 – 1945 гг. и в начатой Западным блоком во главе с США холодной войне [6, с.18].
Четвертый пятилетний план		
Ускоренное восстановление тяжелой промышленности было ориентировано на количественные показатели и осуществлялось на основе довоенных технологий с использованием новых сырьевых ресурсов и дополнительной рабочей силы (за счет притока неквалифицированной рабочей силы из деревни, а также благодаря использованию подневольного труда репрессированных), т.е. сугубо экстенсивным путем. Для внедрения новых технологий не хватало средств [4, с. 38].	Экономические и военные достижения послевоенной пятилетки были в первую очередь результатом героического труда советского народа, хотя некоторое значение имели репарации с поверженной Германии и её союзников. В течение некоторого времени в СССР трудились также около 2 млн. военнопленных. Всё заметнее сказывалось отрицательное воздействие на экономику широкого применения труда заключенных [3, с. 80–82].	Как и в предвоенные годы управление экономикой осуществлялось централизованно. Планы государства встречали поддержку населения. Как и в 1930-е гг. главным кадровым ресурсом промышленности стало сельское население. На стройках и над восстановлением разрушенных зданий работали сотни тысяч пленных немцев, венгров, румын, японцев и др., которые во время войны принесли на нашу землю невиданное горе и разорение [6, с. 12–14].
Денежная реформа 1947 г.		
Сильнее всего реформа ударила по крестьянам и работникам приисков и леспромхозов, которые традиционно хранили деньги «в чулке» — отчасти потому, что не доверяли государству, отчасти из-за отдаленности сберкасс. Пострадали и неплохо зарабатывавшие квалифицированные рабочие и научные работники [4, с. 46–47].	В декабре 1947 г. в СССР была проведена денежная реформа. Старые купюры менялись на новые в пропорции 10:1. Более выгодным был обмен средств, хранившихся в сберкассах. Реформа имела конфискационный характер. У населения изъяли значительную часть сбережений. Однако, это позволило... укрепить рубль, ослабить инфляцию и снизить дефицит товаров [3, с. 80].	Реформа была необходима. Она проводилась дифференцированно... В проигрыше оказались спекулянты, имевшие значительные суммы наличных денег, но отчасти и военнотруженики, получавшие значительные оклады в последние годы войны и после её окончания [6, с.17].
Послевоенная деревня		

Сразу после войны широко распространились слухи о роспуске колхозов. Власть ответила на эти надежды новым «закручиванием гаек». В 1946–1949 гг. свыше 10 млн. га земли, розданные в годы войны колхозникам в индивидуальное пользование, были возвращены в колхозный фонд. В июне 1947 г. был принят указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», превзошедший своей жестокостью указ от 7 августа 1932 г. и получивший горькое прозвище «указ о пяти колосках» [4, с. 51–53].	Развитие тяжелой индустрии и ряда масштабных программ сдерживало рост сельского хозяйства, социальной сферы и доходов населения. Особенно сложным было положение в советской деревне. Вкладывая в развитие сельского хозяйства недостаточные средства, государство вместе с тем увеличивало планы колхозов по поставке продукции. Крестьяне редко получали плату за свой труд в колхозах, потому что колхозы были убыточными [3, с. 83–84].	Сельское хозяйство СССР вышло из войны истощенным. Seriously усугубила ситуацию засуха 1946 года. Был принят ряд мер по стимулированию производительности труда колхозников и увеличению производства сельскохозяйственной техники. В 1950 г. тракторов и комбайнов было выпущено в три раза больше, чем в 1940 г., а валовая продукция сельского хозяйства превысила довоенные показатели [6, с. 16–17].
--	---	---

Содержание первой таблицы связано с вопросами социально-экономического развития в условиях послевоенного восстановления. Какие важные смысловые пояснения не нашли места в новом учебнике? На наш взгляд – это характерные черты послевоенного восстановления. Во-первых, отсутствует термин «экстенсивное» развитие; во-вторых, не отмечено отрицательное воздействие на экономику широкого применения труда заключенных (при этом в тексте учебника упоминается, что «на стройках... работали сотни тысяч пленных...», которые во время войны принесли на нашу землю невиданное горе и разорение»), в-третьих, не указано, что восстановление промышленности «было ориентировано на количественные показатели и осуществлялось на основе довоенных технологий».

Если проанализировать последствия денежной реформы 1947 г., носившей конфискационный характер, то можно отметить, что в учебнике Л.Кацвы среди пострадавших в результате проведения реформы названы крестьяне и квалифицированные рабочие, а в «едином» учебнике только спекулянты и военнослужащие. Выбор авторами категорий населения, лишившихся части доходов, конечно, не случаен.

В рамках государственно-патриотической концепции авторы «единого» учебника подчеркивают меры государства по стимулированию сельского хозяйства, увеличению сельскохозяйственной техники, но при этом не называют очевидные проблемы: убыточные колхозы, репрессивное законодательство, «закручивание гаек» в отношении колхозного крестьянства. При этом достаточно часто в тексте встречается тезис о поддержке населением планов государства.

Во второй таблице представлены основные элементы содержания учебников в области политики власти в отношении интеллигенции в послевоенный период, а также проблемы репатриации.

Вопросы отношения власти и интеллигенции (после восстания на Сенатской площади) в истории нашей страны требуют особой деликатности в процессе изучения. Обратим внимание, что во всех учебных пособиях рассматриваются причинно-следственные связи появления знаменитого Постановления 1946 г., но, если в учебнике Л.Кацвы автор делает акцент на том, что это «не расправа с конкретными авторами и редакциями», а попытка со стороны власти ограничить проявления свободомыслия вообще; то в новом учебнике появление Постановления напрямую связано с политикой американских властей в отношении «коммунистических идей». На наш взгляд, это значительно упрощает понимание идеологического курса послевоенного периода и не формирует представление у учащихся об отрицательном влиянии политики в отношении советской интеллигенции на развитие культуры и науки.

Таблица 2.

Социально-культурные аспекты истории СССР в послевоенный период

Власть и интеллигенция		
...Постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», несомненно, преследовало цели гораздо более широкие, нежели расправа с конкретными авторами и редакциями. Фактически оно было направлено против любого проявления свободомыслия. Не случайно в постановлении подчеркивалось, что «наши журналы... не могут быть аполитичными», а редакции ленинградских журналов обвинялись в недостатке идейности. К.М. Симонов писал впоследствии, что партийное руководство хотело «прочно взять в руки немножко выпущенную из рук интеллигенцию, пресечь в ней иллюзии, указать ей на ее место в обществе... — словом, что-то на тему о свержке и шестке» [4, с. 71–74].	Резкому осуждению в этом документе было подвергнуто творчество писателя М.М. Зощенко и поэтессы А.А. Ахматовой. Их обвинили в аполитичности и враждебности к советскому строю. Обсуждение этого и других подобных постановлений вылилось в массовую кампанию проработки творческой интеллигенции... Идеологический курс послевоенного периода, репрессии против части советской интеллигенции оказывали отрицательное влияние на развитие советской культуры и науки, способствовало распространению шовинизма и ксенофобии [3, с. 92].	Американский сенатор Дж. Маккарти с параноидальным упорством заявлял, что коммунисты хотят захватить власть в США. Из американских библиотек изымались книги «просоветского» содержания... Со своей стороны, в Кремле развернули кампанию по борьбе с «западным влиянием» на отечественную культуру. В августе 1946 г. по инициативе А. Жданова вышло постановление ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Эти издания обвинялись в пропаганде чуждых концепций и «безыдейных» произведений. Критике подверглись писатель Михаил Зощенко и поэтесса Анна Ахматова, обвиненные в «пошлости» и «упадочничестве» [6, с.30].
Судьба военнопленных/положение выселенных народов		
Уже в 1945–1946 гг. репрессиям подверглись репатриированные из Германии военнопленные и «остарбайтеры». Люди, пострадавшие от фашистов, подвергались унижительным проверкам, отправке в фильтрационные лагеря СМЕРШ и НКГБ. Даже через 11 лет после войны государство не реабилитировало бывших военнопленных — оно лишь простило их, приравняв к предателям и полицаям. О льготах бывшим узникам концлагерей не приходилось и мечтать вплоть до конца 1980-х [4, с. 62–63].	Негативное воздействие на развитие СССР оказывала политика принудительного переселения народов... Условия жизни спецпоселенцев были тяжёлыми... За самовольный выезд из мест обязательного поселения устанавливалось наказание на срок до 20 лет... Такая политика вела к усилению антиправительственных настроений среди выселенных народов, росла их убежденность в несправедливости коллективного наказания [3, с. 102].	Вскоре после окончания войны начался процесс репатриации: в СССР стали возвращаться люди, угнанные во время войны оккупантами, бывшие военнопленные и другие перемещенные лица. В отношении них проводилась проверка. Тех, кто запятнал себя сотрудничеством с фашистами, приговаривали к тюремному заключению, в исключительных случаях к смертной казни. Такие меры находили понимание в обществе [6, с. 7]

Насколько «единый учебник» представляет новую интерпретацию событий? Согласно терминологическому словарю под редакцией А.О. Чубарьяна, интерпретация – это базовая исследовательская процедура исторического познания, смысл которой в достижении понимания исторической реальности [10, с. 139]. На наш взгляд, можно говорить только о возвращении к прежней интерпретации, для которой характерно объяснение причин внутреннего развития через призму внешнего фактора; своеобразная психология «осадной крепости», объясняющая конкретные действия лидеров советского государства, а также определяющая векторы основных процессов через образ «Другого». Проанализировав учебники, мы можем наблюдать возвращение к государственно-патриотической концепции, для которой характерен приоритет интересов государства, а также критическое или даже негативное отношение к Западу; в отличие от либеральной концепции, которой свойственно нейтральное или даже положительное отношение к Западу.

В заключение напомним, что с точки зрения ведущих ученых-методистов, учебники «нового поколения» по истории, должны восприниматься учительской общественностью как «авторская интерпретация прошлого», «вариант индивидуального исторического повествования» [2, с. 89]. Следовательно, если мы стремимся в процессе «постижения прошлого» воспитывать мыслящих людей, то единый учебник не должен быть единственным.

Список литературы

1. Вяземский Е.Е. «Эпоха 2020-х» и модернизация общего исторического образования: поиск подходов // Историческое и обществоведческое образование. Ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Улан-Удэ, 10–11 июня 2021 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. С. 5–21.
2. Вяземский Е.Е. Уроки истории: думаем, спорим, размышляем: пособие для учителей общеобразоват. Учреждений / Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова. М.: Просвещение, 2012. 192 с.
3. Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю. и др.; под ред. А. В. Торкунова. История России. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 2 М.: Просвещение, 2019. 125 с.
4. Кацва Л.А. История России 20 век (курс лекций для старшеклассников) // URL: https://vk.com/doc385110275_454340001?hash=zhMbpITsgUfS9fAhwvaIVz8rJULoiyn4IGzmUPzSBn0&dl=Vbp3OhtsLBeQ4svvpOZE5gP8AIaVFMzazcmn87463g0 (дата обращения 18.02.2024).
5. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Российское военно-историческое общество. Федеральный портал «История России» // URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/dorozhnaia-karta-popodghotovkie-iedinykh-uchiebnikov-po-istorii-rossii-dlia-sriedniei-shkoly> (дата обращения 18.02.2024).
6. Мединский В.Р., Торкунов А.В. История. История России. 1945 – начало XXI века: 11-й класс: базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 448 с.
7. Огоновская И. С. Школьный учебник истории СССР – России как инструмент и источник формирования исторической памяти: (на примере революционных событий 1917 г.) // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2016. Вып. 18: Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях. С. 58–73.
8. Огоновская И. С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 264–286.
9. Стрелова О. Ю. «Все, что было не со мной, помню»: проблемы и ресурсы воспитания исторической памяти в эпоху двадцатых // Историческое и обществоведческое образование. Ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Улан-Удэ, 10–11 июня 2021 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. С. 93–103.
10. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. академик А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 575 с.

СЕКЦИЯ «Проблемы всеобщей истории»

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1931–1935 гг.

В статье рассматриваются обстоятельства формирования и основные направления деятельности национального правительства Великобритании в условиях экономического кризиса и показаны меры, которые разрабатывались национальным правительством для преодоления кризисной ситуации в экономике.

Ключевые слова: национальное правительство; консерваторы; лейбористы; экономический кризис; безработица; тарифная политика; протекционизм

Abolmasov V.V.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

UK NATIONAL GOVERNMENT POLICY IN 1931–1935

The article examines the circumstances of the formation and main directions of activity of the national government of Great Britain in the conditions of the economic crisis and shows the measures that were developed by the national government to overcome the crisis situation in the economy.

Keywords: National government; Conservatives; Labor; economic crisis; unemployment; tariff policy; protectionism

С началом мирового экономического кризиса политическая ситуация в Великобритании существенно осложнилась. Консервативная партия, до этого безраздельно господствовавшая на политической арене, сдает свои позиции и на парламентских выборах в мае 1929 года терпит сокрушительное поражение. В глазах электората именно консерваторы во многом были виновны в разрастании кризиса в стране.

Кризис особенно сильно поразил традиционные отрасли английской экономики, такие, как угольная, металлургическая и судостроительная, где была сосредоточена основная масса английских рабочих.

В период кризиса резко сократилось сельскохозяйственное производство в связи с падением покупательной способности населения. Значительно вырос уровень безработицы. Больше, чем какая-либо другая страна, Великобритания зависела от внешней торговли. В период кризиса английский экспорт упал в 2 раза, английские товары стали неконкурентоспособными, происходил процесс вытеснения Англии с традиционных рынков сбыта.

Иностранные конкуренты теснили ее даже на внутреннем рынке. Финансовый кризис в Европе и США, крах банков в Центральной Европе привели к падению английской валюты. Самым уязвимым местом английской экономики стала безработица [1, р. 67].

Кризис 1929–1933 гг. привел к беспрецедентному ее росту в Англии. По официальным данным, в 1930 г. уровень безработицы составил 17%, в 1931 г. поднялся до 23%, а в 1932 г. — до 25%. В 1932 г. каждый четвертый рабочий был безработным. Кризис в традиционных английских отраслях промышленности, сосредоточенных в отдельных районах, привел к появлению

так называемых «пораженных районов», или «районов депрессии», где экономическая жизнь практически замерла [2, р. 112].

Предприятия прекращали свою деятельность, население покидало эти районы, где все было парализовано, и мигрировало за границу. Постоянный рост экономических трудностей накалял социальную обстановку, страна требовала перемен.

Лейбористы, одержавшие победу на выборах, сформировали новое правительство, которое возглавил лидер партии – Рамсей Макдональд. Макдональд был политиком-реалистом, он пытался спасти Англию от надвигающейся катастрофы и сохранить ее позиции в мире, прежде всего, путем удачных дипломатических комбинаций.

Однако лейбористское правительство оказалось в очень сложном положении. С одной стороны, необходимо было снизить уровень безработицы и улучшить жизненные условия, т.е. выполнить социальные обязательства перед населением страны, а с другой — осуществлять функции исполнительной власти и спасти страну от надвигавшегося экономического кризиса. На угольных шахтах был введен 7-часовой рабочий день.

В феврале 1930 г. был принят новый закон о страховании по безработице, срок получения пособий увеличивался с 3 до 12 месяцев. Было создано министерство по борьбе с безработицей. Эти меры в некоторой степени улучшили положение [2, р. 71].

Но в целом правительство Макдональда, также как и его предшественники-консерваторы, для стабилизации ситуации в экономике столкнулись с необходимостью снижения расходов бюджета и, прежде всего, путем сокращения социальных программ. А это неминуемо должно было сказаться на положении самых широких слоев населения. Было объявлено о снижении заработной платы в машиностроительной и некоторых других отраслях промышленности, сельскохозяйственным рабочим, докерам. Английские предприниматели требовали от правительства значительно урезать расходы на социальные нужды, т.е. образование, здравоохранение, социальные пособия.

Весной 1930 г. в Англии вновь обострилась социальная обстановка. Вся страна приняла участие в движении безработных. Массовый поход безработных и голодных прошел с марта по апрель 1930 г. и закончился огромным митингом в Гайд-парке, в Лондоне. В промышленности начались забастовки, на которые предприниматели отвечали массовыми увольнениями. Было уволено 250 тыс. рабочих текстильной промышленности, сотни тысяч рабочих железных дорог [2, р. 101].

В конце июля 1931 года финансовый кризис вызвал раскол в лейбористском правительстве, и девять министров подали в отставку в знак протеста против сокращения пособий по безработице. Лидер либералов Сэмюэль предложил премьер-министру Рамсею Макдональду создать «правительство национального спасения», пригласив консерваторов и либералов заменить ушедших в отставку министров. 2 августа 1931 г. ведущие представители Консервативной партии дали согласие на формирование коалиционного Национального правительства с участием либеральных политиков под руководством лидера лейбористской партии Рамсея Макдональда. Еще один важный пост в правительстве – Лорда-Хранителя Печати занял другой лейбористский политик Филипп Сноуден, ранее бывший министром финансов в первом (1924 г.) и втором (1929–1931 гг.) лейбористских правительствах [4, р. 21].

В то же время, большая часть лидеров лейбористской партии отказалась сотрудничать с консерваторами, и перешла в оппозицию. Правительство Макдональда представляло собой новую политическую комбинацию, где руководил лейборист, а реальным политическим влиянием обладали консерваторы. Создание Коалиционного правительства в годы мирового экономического кризиса было вынужденной мерой, и по настоянию консерваторов, его полномочия были четко определены. При этом все члены правительства, представлявшие различные политические пар-

тии, сходились в том, что выход из кризиса возможен только в условиях объединения всех политических сил Британии в совместной деятельности на благо общества. При этом каждая партия должна отказаться от следования своим узко-партийным интересам и ориентироваться на общенациональные интересы, как во внутренней, так и во внешней политике. Представители всех политических сил рассматривали работу в коалиционном правительстве исключительно как вынужденную меру и считали, что она ни в коем случае не дискредитирует их в лице электората.

Затянувшийся финансовый кризис в значительной мере повлиял на настроение в Британском парламенте – большинство депутатов восприняли всерьез предупреждение финансовых кругов о надвигающейся катастрофе, и предложили сконцентрировать все усилия на принятии мер по спасению экономики и подготовке сбалансированного бюджета. Они настаивали на введении лимита на увеличение налогов и принятие более решительных мер по борьбе с безработицей. При этом первостепенной задачей представлялось сократить отток золотовалютных запасов из Британии, что негативным образом сказывалось на покупательной способности фунта стерлингов. Однако все эти меры могли быть неоднозначно восприняты в обществе, поэтому консервативное большинство в правительстве постаралось максимально разделить ответственность за проводимую политику с представителями других партий.

Правительство национального единства представляло собой разумный компромисс между основными политическими силами в стране, но для большинства консерваторов союз с лейбористами выглядел более предпочтительным, чем коалиция с либералами, лидером которых был сэр Герберт Сэмюэль. Значительную роль при формировании правительства сыграл Невил Чемберлен, который сплотил консервативных политиков и призвал их к совместной работе на благо общества. В свою очередь существенное значение имела деятельность короля по организации коалиционного правительства. Король предложил сформировать коалиционное правительство лидеру лейбористов Рамсею Макдональду, однако на партийной конференции руководство лейбористской партии запретило ему вступать в коалицию с консерваторами и либералами и исключило его из партии. В лейбористской партии назрел раскол, и Макдональд, освободившись от партийных обязательств, уже как частное лицо начинает работу по формированию правительства. По инициативе короля в состав коалиционного правительства был включен один из наиболее влиятельных британских политиков этого времени, лидер консерваторов – Стэнли Болдуин.

24 августа 1931 г. на встрече в Букингемском дворце с лидерами парламентских фракций Георг V высказался за создание коалиционного правительства, и предложил войти в его состав наиболее влиятельным политикам из числа трех крупнейших партий Великобритании. Таким образом, консерваторы получили карт-бланш на принятие чрезвычайных мер для спасения экономики, поставив государственные интересы выше партийных. И одним из первых мероприятий, предпринятых национальным правительством, было повышение налогов, что должно было повысить доходы государственного бюджета.

На партийной конференции, состоявшейся 28 августа 1931 г. в Кингсвей Холле, лидер консерваторов Болдуин выступил с речью перед своими однопартийцами и заявил, что введение новых налогов является вынужденной мерой, и промедление в условиях разрастающегося кризиса вряд ли допустимо. Все шаги правительства были обусловлены ситуацией в экономике и диктовались состоянием промышленности и финансов. При этом Болдуин, как и большинство других консервативных членов правительства национального единства, стремился показать, что их участие в его работе является вынужденной мерой и вызвано интересами общества [4, р. 38].

В течение последующих двух месяцев состав Национального правительства стабилизировался, и большинство его членов под давлением обстоятельств принимали самое активное участие в решении финансовых проблем государства.

В 1931–1932 гг. парламент принял ряд важных законов, в частности, закон об обложении таможенными пошлинами в размере не менее 10% от стоимости всех видов ввозимых товаров. Англия впервые в своей истории изменила принципам свободной торговли и перешла к протекционизму.

Золотой стандарт фунта стерлингов и свободная торговля всегда являлись фундаментальными основами Британской империи. Теперь они были ликвидированы, и новая экономика резко отличалась от прежней. Политика протекционизма сказалась, прежде всего, на развитии новых отраслей промышленности: автомобильной, авиационной, электротехнической и химической.

Введение протекционизма создало для них благоприятные условия внутри страны и на внешних рынках Британской империи. С другой стороны, высокие протекционистские барьеры привели к переориентации капиталовложений на внутренний рынок.

Вследствие отказа от золотого стандарта вывоз капитала из Англии стал невыгодным, а отказ от политики фри-трейда и переход к протекционизму привели к благоприятной ситуации на внутреннем рынке, так как быстро развивались новые отрасли промышленности.

Основной поток инвестиций теперь устремился в жилищное и автодорожное строительство, а с середины 1930-х годов – в военное производство, авиационную и автомобилестроительную промышленность. В 1936 г. английские капиталовложения за рубежом составили 61 млн., а внутри – 217 млн. фунтов стерлингов.

Переориентации частных инвестиций на внутренний рынок способствовала и финансовая политика правительства. Была установлена низкая кредитная банковская ставка для частных предпринимателей – 2%, ранее она составляла 10–12%. Это привело к небывалому росту жилищного строительства [4, р. 44].

Процветали и отрасли промышленности, связанные со строительной индустрией и производством мебели. Рост новых отраслей промышленности и строительный бум несколько компенсировали удары кризиса, и в 1934 г. промышленное производство даже превысило уровень 1929 г.

Сравнительно меньшее, чем в других странах, падение уровня промышленного производства в Англии объясняется возможностями сбыта продукции в колониях и зависимых странах. Эти страны сохранились как резервные рынки, а также как поставщики дешевого сырья и дешевой рабочей силы.

Великобритания имела огромную колониальную империю. Она попыталась решить свои экономические проблемы в рамках Британского Содружества и сплотить империю, расширяя взаимную торговлю. По этим вопросам в 1932 г. в Оттаве состоялась имперская экономическая конференция. К середине 1930-х гг. половина британского экспорта направлялась в имперскую зону.

Для стимулирования инвестиций и повышения доходов предприятий была понижена ставка банковского процента. Государственные социальные расходы, субсидии и капиталовложения в экономику представляли собой попытку ослабить кризис в духе кейнсианства.

Отношения со странами Британского Содружества оставались приоритетной сферой во внешней политике Великобритании. В 1931 г. был принят закон о взаимоотношениях с доминионами. Он известен как Вестминстерский статут. Доминионы – Канада, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР – получили полную свободу. Англия уже не могла вмешиваться в законотворчество доминионов и их внешние дела. В 1935 г. был принят закон о расширении самоуправления в Индии.

Отношения с Ирландским Свободным государством, созданным в результате подписания договора 1921 г., в 1930-е гг. существенно изменились. Избранный президентом в 1932 г. де Валера начал осуществлять программу разрушения тех уз, которые еще связывали Ирландию с Великобританией. Был ликвидирован институт генерал-губернатора как представительство монарха.

Немало беспокойства доставила Великобритании ситуация на Ближнем Востоке после распада Османской империи, где в подмандатных территориях (Палестина, Ирак, Трансиордания) нарастало националистическое движение за независимость. В 1932 г. Ираку была предоставлена независимость, он вступил в Лигу Наций. Трансиордании было позволено расширить самоуправление. Великобритании пришлось в 1936 г. гарантировать договором независимость Египта, сохранив контроль над Суэцким каналом [4, p.120].

В условиях экономического кризиса правительство придерживалось осторожной внешней политики на континенте. В Европе оно предпочитало сохранение статус-кво, т. е. существующего положения. Но ситуация в Европе и мире неминуемо менялась.

Провал конференции по разоружению в 1934 г. показал, что началась новая фаза гонки вооружений. Великобритания сдавала одну позицию за другой перед напором требований Германии о пересмотре военных ограничений Версальского договора. Так, например, в связи с перевооружением Германии вместо протеста Англия предпочла вступить в переговоры, позволив Германии строить подводные лодки и довести свой флот до 35% тоннажа британского флота.

Национальное правительство 1931–35 гг. зачастую рассматривается исследователями как консервативный кабинет из-за большинства консервативных политиков в его составе и незначительной роли лейбористов при реализации его политики.

В 1935 г. необходимость в сохранении национального правительства отпала. В результате проведенных выборов, выигранных консерваторами, премьер-министром стал С. Болдуин, которого затем сменил также консерватор Н. Чемберлен.

Список литературы

1. Ball S. Baldwin and the Conservative Party. London: Collins, 1988. 266 p.
2. Hyde H. Baldwin. The Unexpected Prime Minister. London: Hutchinson, 1973. 616 p.
3. Jenkins R. Baldwin. London: Collins, 1988. 232p.
4. Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin 1902–1940. London: Longman, 1978. 413 p.
5. O’Gorman F. British Conservatism. London: Longman, 1986. 237 p.

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Бажин П.Д.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ «ДЕЛА ДРЕЙФУСА» ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XIX в.

В статье рассматриваются различные социально-политические и экономические конфликты, произошедшие во Франции в конце XIX века и их связь с «Делом Дрейфуса» (1894–1906). Автор указывает на то, что французское правительство использовало антисемитские настроения в стране как один из путей выхода из глубокого социально-политического кризиса.

Ключевые слова: история Франции; XIX век; социально-политический кризис; антисемитизм; шпионаж; «Дело Дрейфуса»; «Панамская афера»; «Дело Майера»

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Bazhin P.D.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

ON THE QUESTION OF THE BACKGROUND OF THE «DREYFUS» AFFAIR IN FRANCE AT THE END OF 19TH CENTURY

The article examines various socio-political and economic conflicts that occurred in France at the end of the 19th century and their connection with the Dreyfus Affair (1894–1906). The author points out that the French government used anti-Semitic sentiments in the country as one of the ways out of a deep socio-political crisis.

Keywords: history of France; 19th century; socio-political crisis; anti-Semitism; espionage; «Dreyfus Affair»; «Panama Affair»; «Mayer Affair»

«Дело Дрейфуса» является одной из самых сложных и противоречивых страниц в истории Третьей Республики, поскольку политики и учёные до сих пор занимают разные позиции при ответе на вопрос: «Виновен ли в шпионаже А. Дрейфус?», что порождает новые (иногда острые) конфликты [8]. Однако вполне справедливым может показаться вопрос: «Имелись ли у «Дела Дрейфуса» какие-либо предпосылки, или же это было просто стечение обстоятельств?».

На наш взгляд, таких предпосылок, случившихся одна за другой, было несколько, и они оказали достаточно существенное влияние на формирование той ситуации, в которой, пусть и не по своей воле, оказался капитан А. Дрейфус.

Одним из первых таких случаев стал опубликованный в 1870 г. «Указ Кремьё», названный так в честь министра иностранных дел Франции Адольфа Кремьё (1796–1880). Согласно данному указу, всем проживающим евреям в Алжире, который в XIX столетии являлся колонией Третьей Республики, предоставлялось французское гражданство, что ставило их в более привилегированное положение, чем местное мусульманское население, не получившее никаких прав [4, с. 19]. Поскольку отношения между мусульманами и евреями были крайне напряжёнными из-за их поддержки Франции, то реакция на этот документ вполне прогнозируема – местное население начало устраивать погромы, которые охотно поддерживали выходцы из метрополии [4, с. 19].

Позднее конфликт перешёл на более высокий уровень – официальный представитель Алжира в парламенте Франции Сабатье заявил, что евреи пагубно влияют на политическую жизнь. Не осталась в стороне и пропаганда – на выборах в местные органы власти стали широко распространяться следующие лозунги: «Избиратели, держитесь! Нам грозит великое зло. У нас скоро будет еврейский муниципалитет, еврейский префект, еврейский губернатор, еврейский командир 19-го корпуса».

И всё же, несмотря на погромы и заявления официальных представителей, данный конфликт остался местной проблемой Алжира, поскольку, с одной стороны, в самой Франции сторонники антисемитизма не имели большого влияния, а с другой – беспорядки в колониях обычно реша-

лись либо с помощью игнорирования, либо применением военной силы. Восстание Мукрани, случившееся в Алжире в 1871 г., являются тому подтверждением [7, с. 202].

В отличие от Алжирской проблемы следующий инцидент, связанный с молодым французским офицером Ж. Майером, имел к метрополии самое прямое отношение.

Его причиной послужило чрезвычайно большое количество офицеров-евреев и генералов во французской армии (к 1895 г. их было 240 человек, гораздо больше процента от их численности), которые, к тому же, были выходцами из Эльзаса [4, с. 27–28]. В результате многие военные и журналисты стали подозревать их в причастности к шпионажу. Сыграл свою роль и орден иезуитов, членам которого крайне не нравилось, что в армии есть люди, чтущие чуждые им традиции.

Результатом всех противоречий стала шумная кампания в прессе, прежде всего в газете «Libre parole». Еврейские офицеры не оставили эти нападки без ответа, и летом 1892 г. состоялась целая серия дуэлей, в результате одной из которых был смертельно ранен молодой французский офицер Ж. Майер.

Узнав об этом из газет, французское общество в практически едином порыве стало защищать евреев. Касаясь этой проблемы, военный министр Ш. де Фрейсине заявил, что натравливание одних офицеров на других, сеяние вражды между одной частью армии и другой должны быть названы национальным преступлением против самого отечества. Майеру были устроены трогательные похороны, после которых его защитники полагали, что антисемитизм во Франции перестанет существовать.

К сожалению, эти предположения оказались напрасными, поскольку вскоре перестало быть секретом существование одной из самых больших афер XIX века, имя которой на долгие годы стало нарицательным – «Панамы».

Это название было не случайным, поскольку отсылало к образовавшейся в 1879 г. компании, во главе которой стоял бывший дипломат Фердинанд Лессепс (1805–1894), занимавшейся прорытием канала через Панамский перешеек [6]. Причина привлекательности проекта была очевидна – канал должен был соединить Панамский залив Тихого океана с Карибским морем и Атлантическим океаном, что делало этот путь доставки товаров одним из самых экономически выгодных. Однако, рассчитывая на великое свершение, инициатор «Панамы» получил совершенно иной результат.

Ошибки начались на стадии утверждения проекта и составления сметы расходов – французы настояли на том, что канал будет без шлюзов и пройдет на уровне моря. Из-за этого затрачиваемые на реализацию проекта средства были сильно занижены. Как результат, начавшееся строительство оказалось совсем не таким успешным. В итоге, потратив большое количество средств и не получив ожидаемого результата, Лессепс решил рискнуть и пойти на хитрость, выпустив облигации выигрышного займа.

Это решение не слишком понравилось правительству, которое не хотело давать разрешения на проведение такой лотереи, призванной оживить упавший спрос на акции. Тогда тот обратился к услугам двух весьма сомнительных личностей – банкира Жака Рейнака (1840–1892) и одного из самых ярких аферистов XIX века Корнелиуса Герца (1845–1898), которые занялись подкупом парламентариев для получения заветного разрешения, в итоге подкупив около 100–150 человек. В результате в апреле 1888 г. разрешение было получено, но затея провалилась: из планируемых 720 млн. франков устроители получили только чуть более 250. В 1889 году компания была ликвидирована.

Итог всего затеянного Лессепсом предприятия оказался неутешительным: русло канала в итоге оказалось прорыто от силы на четверть, акции компании оказались на руках примерно у

800 тыс. человек. Всего было собрано более 1,4 млрд. франков, из которых в строительство вложили около 600 миллионов. Документов на остальные суммы (порядка 850 млн.) не оказалось.

В 1892 г. состоялось судебное заседание, на котором подсудимыми стали Фердинанд де Лессепс, его сын Шарль, также принимавший участие в проекте, Гюстав Эйфель, генеральный секретарь компании Мариус Фонтана и барон Коттю, который, в частности, пытался привлечь к финансированию канала Россию [3]. Суд признал подсудимых виновными в нецелевом расходовании средств и подкупе должностных лиц.

Лессепсы были приговорены к пяти годам тюрьмы и штрафу, остальные — к двухгодичному заключению и штрафам. Однако к этому моменту Фердинанд был уже болен, поэтому не был помещён под стражу. Остальных мошенников освободили по кассации, а из парламентариев, получивших взятки, осуждён был только один. Все противники Республики принялись, отчасти вполне обоснованно, обвинять её во всех грехах. Одновременно ведётся и антисемитская пропаганда — все стараются переложить как можно большую долю ответственности на евреев. Неизбежно возникает вопрос: «В чём заключается участие и, соответственно, вина евреев?».

Они были хорошо заметны, поскольку все руководители банковского синдиката, ведавшие выпуском акций Панамской компании и осуществляющие подкуп депутатов и прессы, были евреями. Но при этом нужно заметить, что активное участие в афере приняли исключительно дельцы новой формации, являвшиеся эмигрантами или детьми эмигрантов из других стран — упомянутые выше Рейнак (уроженец Германии) и Герц (его семья переехала во Францию из Баварии). В результате была брошена тень на всю политическую систему страны.

Очевидно, что государственные чиновники и военные стремились защитить Третью Республику, и, как это часто бывает, для того, чтобы решить создавшуюся проблему, было выбрано быстрое раскрытие какого-то громкого и важного уголовного дела. Поскольку в рассматриваемый исторический период Францию буквально наводнили немецкие шпионы, мерещившиеся в каждом приезжающем или отъезжающем иностранце, то для того, чтобы противостоять критикам, была использована именно эта сфера — во многом ввиду её важности и реальности воплощения замысла.

Результатом быстро организованного, основанного на сомнительных доказательствах закрытого процесса о шпионаже стали арест, обвинение, разжалование и высылка на Чёртов остров капитана французской армии Альфреда Дрейфуса [1, с. 37–40]. То, что он был евреем, вряд ли являлось истинной причиной возбуждения дела — куда значительнее были те факты, что его почерк был схож с почерком бордеро, а сам он был родом из Эльзаса — эмигрантов именно из этой спорной территории чаще всего подозревали в работе на немецкую разведку [5, с. 37]. Однако, как теперь хорошо известно, процесс 1894 г. и упомянутая выше ссылка стали лишь частью длительного судебного процесса, закончившегося, в конечном итоге, оправданием обвиняемого и обнаружением настоящего шпиона — майора Эстерхази.

Этот факт ещё раз показывает слабость доказательств обвинения и то, что оно имело совсем иную цель, нежели установление истины, а значит, может рассматриваться, как заключительная часть в той «цепи», которую составили Алжирская проблема, «Дело Майера» и «Панама».

Список литературы

1. Кэн Ф. Дело Дрейфуса // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 3(142). С. 36–41.
2. Лянуар П. Немецкое шпионство во Франции / пер. с фр. Н. М. Лагова М.: Изд. В. Секачёв, 2019. 176 с.
3. Панамский скандал // Журнал «Дилетант» [сайт] URL: <https://diletant.media/articles/45328039/?ysclid=lpz75lft1w770193208> (Дата обращения: 8.12.2023).
4. Прайсман Л. Г. Дело Дрейфуса. Иерусалим: Кахоль-Лаван, 1987. 149 с.

5. Роуан Р. У. Очерки секретной службы. Из истории разведки / сокр. пер. с англ. С. Займовского. М.: Воениздат, 1946. 404 с. // Электронная библиотека «Литмир» [сайт] URL: <https://litmir.club/br/?b=136719> (Дата обращения: 17.12.2023).
 6. Черкасов П. П. Фердинанд Лессепс // Большая российская энциклопедия [сайт] URL: <https://bigenc.ru/c/lesseps-ferdinand-de-c05169> (Дата обращения: 9.12.2023).
 7. Черкасов П. П. Маршал Мак-Магон // Новая и Новейшая история. 2018. № 5. С. 198-211.
 8. Rise of far right puts Dreyfus affair into spotlight in French election race // Газета «The Guardian» [сайт] URL: <https://www.theguardian.com/global/2021/oct/30/rise-of-far-right-puts-dreyfus-affair-into-spotlight-in-french-election-race> (Дата обращения: 14.10.2023).
-

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Баранцев Е.А.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

К ВОПРОСУ ОБ ОККУПАЦИИ СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ И УСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ «НОВОГО ПОРЯДКА» НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. НА ПРИМЕРЕ ВРЕМЕННОЙ ОККУПАЦИИ Г. МИХАЙЛОВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ С 24 НОЯБРЯ ПО 7 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА

Тема оккупации городов Советского Союза во время Великой Отечественной войны и установления немецкой административной или военной власти в советской историографии 1960–1990 годов изучалась крайне мало – именно поэтому среди определенной части последующих поколений россиян появился миф о благоприятном уровне жизни в случае победы Третьего рейха. Реальные факты говорят совершенно об ином. Население захваченных на Востоке территорий ждало или уничтожение, или использование исключительно на рабочих специальностях низкой квалификации в качестве обслуживания «высшей расы».

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Вторая мировая война; оккупация советских городов; нацистский «новый порядок»; немецкие военные комендатуры; Рязанская область; город Михайлов.

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Barantsev E.A.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

ON THE QUESTION OF THE OCCUPATION OF SOVIET CITIES AND THE ESTABLISHMENT OF THE «NEW ORDER» POLICY BY NAZI GERMANY. ON THE EXAMPLE OF THE TEMPORARY OCCUPATION OF MIKHAILOV IN THE RYAZAN REGION FROM NOVEMBER 24 TO DECEMBER 7, 1941

The theme of the occupation of the cities of the Soviet Union during the Great Patriotic war and the establishment of German administrative or military power in Soviet historiography in 1960s and 1990s has been studied very little. That is why a myth of a favorable standard of living in the event of a victory of the third Reich appeared among a certain part of the subsequent generation of Russians. The real facts tell us a completely different story. The population of the territories captured in the East was waiting for either destruction or the exclusive to work with low qualification as a service for the Higher race.

Keywords: *The Great Patriotic war; The Second world war; the occupation of the Soviet cities; The Nazi «new order»; German military commandants office; Ryazan region; the town of Mikhailov*

Начало Великой Отечественной войны и последовавшая за ней временная оккупация советских территорий создали условия для реализации планов нацистской Германии по установлению на восточных землях политики «нового порядка». Предполагалось, что европейская часть Советского Союза до линии Архангельск – Астрахань (иногда называется линия Баку – Сталинград – Москва – Ленинград) войдет в состав Третьего рейха. План «Ост» предполагал разделения завоеванных новых пространств [8, с. 226]. Еще 19 марта 1941 года по приказу Гитлера был создан хозяйственный штаб «Ольденбург», которому следовало спланировать, а затем осуществить эксплуатацию Востока. «Осваивать» новые земли предстояло региональным хозяйственным инспекциям: первая из них брала под контроль Север и Северо-Запад страны; вторая – центральные регионы СССР, включая Рязанскую область; третья – Молдавию, Украину и Юг России, четвертая – Северный Кавказ и Закавказье [12, с. 202].

30 марта 1941 года Гитлер известил командование вермахта, что поход на Восток будет резко отличаться от Западной кампании. В частности, говорилось: «На Востоке сама жестокость – благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания» [4]. Война с Советским Союзом трактовалась исключительно, как война на уничтожение. При этом в качестве орудия массового уничтожения людей рассматривались не только пули, снаряды и бомбы. Еще одним аспектом перспективного сокращения населения оккупированных территорий являлись поиски быстрого, дешевого и незаметного способа стерилизации мужчин и женщин. Некоторые подобные идеи, взятые на вооружения, нашли отражение в записке статс-секретаря министерства восточных территорий Эрхарда Ветцеля («Предложения и замечания по плану «Ост»), датированной апрелем 1942 [12, с. 193].

Кроме того, на занятых советских территориях большое внимание уделялось пропаганде и внушению населению посредством газет, кино, радио мысли о вреде многодетности. Широко рекламировались противозачаточные средства, поощрялись добровольные аборты и стерилизация. Предполагалось сократить до минимума подготовку русских врачей-специалистов по детским заболеваниям, а также не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям [7, с. 38].

Конечной задачей такой политики значилось сокращение численности населения Европейской части Советского Союза примерно на 30 миллионов человек. Показательна запись в дневнике начальника штаба Главного командования сухопутных сил вермахта Франца Гальдера от 8 июля 1941 года: «Непоколебимо решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей,

чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы будем вынуждены кормить в течение зимы» [4]. В октябре того же сорок первого войскам, зажавшим Северную столицу в смертельное кольцо блокады, поступил приказ не принимать капитуляцию города, в случае если она будет предложена. Речь шла именно о целенаправленном уничтожении мирного населения [12, с. 212].

Не ждало ничего хорошего и население оккупированных городов и поселков. К примеру, во время оккупации города Пушкин Ленинградской области от голода умер известный советский писатель-фантаст Александр Беляев – автор романов «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля», «Ариэль» [2]. Всего в Пушкине под оккупацию по разным оценкам попало 35 000 – 37 000 человек. Из них 18 638 погибли (в том числе 9500 от голода, еще почти 8500 человек были расстреляны, повешены или умерли от истязаний). 17 968 человек были депортированы [10].

При этом в рамках оккупационного режима немцы традиционно проводили разделение населения по национальным признакам. Вслед за солдатами вермахта чувствовать себя «высшей расой» начинали и фольксдойче – советские этнические немцы, которые оказались на оккупированной территории [12, с. 379].

«У них были серьезные права, и жили они значительно лучше нас, потому что им и земли выделили, и лошадей. И хотя они при советской власти не бедствовали и передовыми были, но вот все равно обрадовались немцам... И очень быстро стали нас считать за людей второго сорта, хотя еще вчера мы вместе жили»... [9].

Коснулась политика «нового порядка» и Рязанской области. 24 ноября 1941 года после боя с регулярными частями РККА и истребительным батальоном части второй танковой армии Гудериана заняли районный центр Михайлов. Процитируем жительницу города Накапкину, которая приход немцев описала следующим образом:

«Бой был на нашей дороге. Население слободы было все испугано. Побежали кто куда. Мои дети были очень перепуганы, и старший сын Виктор выбежал на улицу и побег с населением в буерак, где они сидели в ручье – хоронились. Фашисты видят, что мирное население: женщины и дети – беззащитны. И пустили по ним пулеметную очередь. И мой сын был скошен вражеской пулей»... [5, с. 1].

Очередь, выпущенная по мирному населению, унесла также жизнь местного пятидесятилетнего школьного учителя Якова Морозова. Еще одной жертвой немецких оккупантов в тот день стал 17-летний Григорий Рябов. Его остановили на улице Михайлова, обыскали, а найдя комсомольский билет, сразу застрелили. Тело юноши долгое время лежало на улице – жители боялись, что сами будут убиты, если попробуют похоронить комсомольца [5, с. 6].

Оккупанты заняли лучшие дома в городе, заставив их владельцев искать приюта у родственников и знакомых [11, с. 10]. Горожане жили в подвалах, стараясь не попасть на глаза мародерам, которые забирали скот, птицу, теплые вещи и обувь, убивали невинных [3, с. 56]. Вскоре из числа жителей объявились добровольцы-предатели – пособники становления немецкой власти [11, с. 12]. В Михайлове началось формирование городской управы.

В фондах Государственного архива Рязанской области хранятся материалы, позволяющие достаточно подробно ознакомиться с мотивами тех местных жителей, кто согласился работать на оккупантов.

«Городскую управу я создал из лиц враждебно настроенных к советской власти, в полном соответствии с указаниями немецкого коменданта о том, чтобы в Городской управе не было ни одного коммуниста, комсомольца или советского активиста», - отвечал на допросе после освобождения города местный житель Ежокин Петр Ефимович [6, с. 54]. К работе привлекались обиженные

советской властью, судимые советской властью люди – мы видим, что в Михайлове задействовались те же механизмы, что ранее «вершители» «Нового порядка» опробовали на оккупированных территориях Белорусской и Украинской ССР, Западных и Южных областях РСФСР.

Двумя первоочередными задачами, которые должны была реализовать Городская управа Михайлова, стали обеспечение снабжение немецкой армии за счет имевшихся в городе продуктов и проведение среди населения политики тесного сотрудничества [6, с. 53]. Третьей важнейшей задачей значилось проведение переписи трудоспособного населения для отправки в тыл. В итоге около 100 человек трудоспособных мужчин были собраны в колонну и отправлены в сторону границы с Тульской областью [6, с. 56].

Так этот эпизод описывал местный житель Евгений Пузин: «При эвакуации из Михайловского района на нас напала и пленила немецкая разведка. Офицер приказал отвести нас на ночлег в пожарный сарай. Есть и пить не давали, в уборную не отпускали. На следующий день нас перевели в еще более тесное помещение. Стояли впрытык друг к другу, даже сесть нельзя было – настолько тесно. На вторые сутки нам дали суп по 125 граммов на каждого. Суп отвратительный – картофелины в нем плавали невымытые и неочищенные. И еще дали по 150 граммов сухарей, которые даже и свиньи жрать не будут. После такого мытарства нас погнали в Чапаевский район (сегодня территория Михайловского района) за 35 км. Отстающих нещадно били»... [1, с. 18].

Несмотря на кратковременное пребывание немецких захватчиков на Рязанской земле, их методы работы с местным населением и устанавливаемые в городах порядки были во многом схожи, что и на остальной временно оккупированной территории нашей страны. Немцы в силу своей педантичности строго следовали разработанным указаниям плана «Ост». К чести жителей Михайлова и других оккупированных советских городов в большинстве своем, за исключением единичных предателей, не только не приняли «новый порядок», но и оказывали сопротивление ненавистному врагу.

Список литературы

1. Баранцев Е. «Мы едва не переубивали друг друга из-за перемороженного картофеля» // Рязанский выпуск газеты «Комсомольская правда», 5–12 мая 2011 г.
2. Беляева С.А. Воспоминания об отце // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/belyaeva-svetlana-aleksandrovna/vospominaniya-ob-otce/1> (дата обращения 20.02.2024).
3. Бучнев Ю.В. Михайлов – 41-й: хроника событий осени-зимы 1941 г. Рязань: Рязанская областная типография, 2006.
4. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1–3, М.: Воениздат, 1968–1971 // URL: <http://militera.lib.ru/db/halder/index.html> (дата обращения 20.02.2024).
5. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 3. Копии актов о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов по Михайловскому району Рязанской области.
6. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 66. Спецдонесения органов НКВД о контрреволюционной деятельности антисоветских элементов, протоколы допросов о шпионско-предательской работе врагов народа в период Великой Отечественной войны.
7. Дашичев В.М. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2 тт. М.: Наука, 1973.
8. Политико-стратегическое содержание планов третьего рейха в отношении СССР. Сборник документов и материалов. Под общей редакцией В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2015. 388 с.
9. Соловьев А. И. Проект «Я помню». Герои Великой Отечественной войны. Разведчики // URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/solovev-aleksandr-ivanovich/> (дата обращения 20.02.2024).
10. Цыпин Владимир. Город Пушкин в годы войны. // URL: <https://proza.ru/2015/05/25/1210> (дата обращения 20.02.2024).

11. Ченкина Н.Б. Михайлов. XX век. Время. События. Люди. Сборник очерков и статей о талантливых михайловцах. Книга в 3-х томах. Том 2 / Сост. Ченкина Н.Б. Рязань: Русское слово, 2018. 527 с.
12. Яковлев Егор. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. СПб: Питер Класс, 2022. 480 с.

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Джум А.С.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ОСВЕЩЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ В СОВЕТСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В статье рассматриваются подходы к освещению хода гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. в советской периодической печати и показано, какие основные сюжеты в развитии событий в Испании находили отражение в советской прессе.

Ключевые слова: *Испания; гражданская война в Испании 1936–1939 гг.; советская политика по отношению к республиканской Испании; советская периодическая печать*

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Dzhum A.S.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

COVERAGE OF THE SPANISH CIVIL WAR IN SOVIET SOURCES

The article discusses approaches to covering the course of the civil war in Spain from 1936 to 1939 in the Soviet periodicals and shows which main stories in the development of events in Spain were reflected in the Soviet press.

Keywords: *Spain; Spanish Civil War 1936–1939; Soviet policy towards Republican Spain; Soviet periodicals*

Актуальность рассмотрения хода гражданской войны в Испании состоит в возможности анализа текущих событий в мире. В тридцатые годы международная обстановка, как и сейчас, была предельно накалена. В Испании того времени, как на территории современной Украины, сходились интересы ведущих держав мира. Исследование конфликта в Испании позволяет лучше разобраться в причинах и ходе современных военных конфликтов.

Целью данной статьи является изучения отражения в советской прессе хода гражданской войны в Испании.

Мир, который к началу тридцатых годов был крайне разделен идеологически, стал еще более поляризованным с началом военных действий в Испании. Основным течением тех лет в рамках всей планеты была идеологическая борьба между правыми и левыми силами. При этом противостояние двух идеологий шло любыми доступными средствами: «Националисты с самого начала доказывали, что подняли мятеж с единственной целью – предотвратить коммунистический путч: это было откровенной ложью с целью оправдать задним числом собственные действия. Но едва ли менее лицемерно утверждение левых, будто националисты нанесли вероломный удар по законопослушным демократам – ведь левые часто демонстрировали то же презрение к демократическому процессу и к верховенству закона, что и правые» [1].

Политизация положения в стране привела к тому, что на ее территории столкнулись интересы таких держав, как Италия и Германия, Франция и Великобритания, и, конечно же, СССР, как держава, заинтересованная в победе социалистов и анархистов.

Можно выделить следующие стадии пропагандистской борьбы между этими странами в ходе испанских событий:

- победа испанского Народного фронта в феврале-марте 1936 г.
- реакция на первые действия правительства во времена правления Асаньи.
- реакция на начало гражданской войны в июле-сентябре 1936 г.
- принятие политики невмешательства и формирование Комитета по невмешательству.

Рассмотрим ход идеологической борьбы во время двух последних этапов. Со стороны Британии реакция на военный мятеж в Марокко была следующей: консерваторы считали, что мятежники являются носителями традиционных ценностей, и Британия должна поддержать их. Лейбористы же признавали власть республиканцев, а Франко воспринимали как врага, посягнувшего на их ценности [2, р. 196]. Лидеры лейбористов уже в начале гражданской войны призывали свою партию встать на сторону Народного фронта. На это влияла определенная идеологическая близость с правительством Испании [2, р. 223].

Но в целом британское правительство держало нейтралитет в отношении мятежа. Однако министр иностранных дел Великобритании Иден полагал, что с началом гражданской войны Испания перестанет быть второстепенным государством в мировой политике и превратится в поле международной идеологической борьбы [3, р. 439].

В первые месяцы парламент занял выжидательную позицию, в прессе того периода не было сведений о действиях Британии в отношении мятежников или республики. Молчание было нарушено только в августе 1936 года, когда газета «Times» поддержала Францию в решении создать Комитет по невмешательству в дела Испании [4]. После создания Комитета был выпущен ряд статей с положительной оценкой его действий [5; 6]. Вместе с тем Лондон боялся возможности поддержки республиканской армии со стороны СССР. Издание «Daily Mail» боялось, что «Мадрид станет цитаделью большевизма на Западе» и категорически не хотело усиления идеологического влияния Советского Союза [7, р. 129]. То, что войска Италии и Германии создавали значительные проблемы в плане контроля Великобритании над Средиземным морем, также вызывало большое беспокойство в парламенте. Возникали опасения, что режим фашистов в Испании опасен не только для Португалии, но и для Великобритании [8].

Для Франции, в силу географической близости, гражданская война в Испании оказалась более важным событием, чем для правительства Великобритании. Уже в первые дни мятежа французское общество было расколото, часть газет призывало к немедленной помощи республиканцам, другие требовали невмешательства, третьи были на стороне мятежников. Еще более напряженной ситуация стала, когда начал действовать Комитет по невмешательству. 7 ок-

тября 1936 года представитель СССР в комитете вручил ноту протеста против вмешательства Германии и Италии во внутренние дела Испании. Французские газеты живо отреагировали на данное заявление: «Le Peuple» требовал ввода контингента французских добровольцев для поддержки республиканского правительства, сотрудники газеты «L'Homme Libre» полагали, что нота СССР распространяется исключительно для усиления коммунистической пропаганды в западных странах [9]. Правая французская пресса предполагала, что Советский Союз хочет усилить разделение Европы по идеологическому признаку и «полностью изменить политический расклад на карте Европы». Высказывались также опасения, что, если Франция откажется от невмешательства, то это повлияет не только на Европу в целом, но и на чрезмерное развитие партий левого толка в самой Франции [10]. В целом, французская пропаганда базировалась на оправдании промахов собственной дипломатии борьбой с большевистской угрозой как в целом в Европе, так и внутри страны. Это приводило к еще большему разделению общества и ослабило Францию перед надвигающейся Второй мировой войной.

Не могла не отреагировать на события в Испании и пропаганда Третьего рейха. Еще до начала гражданской войны немецкие официальные лица называли главной международной миссией Германии борьбу с мировым большевизмом. Незадолго до войны Третий рейх признал, что республиканское правление несет угрозу всему миру. Немецкая пропаганда считала, что цель Москвы – установление социалистического режима в республике по образцу СССР. Мятеж Франко журнал «Unser Wille und Weg» называл превентивным для защиты Европы от коммунистической угрозы [11, р. 246]. Информация о формировании Комитета по невмешательству была встречена пропагандой крайне отрицательно, но еще более негативные эмоции вызвала информация о ноте протеста со стороны СССР. В прессе появлялись сообщения, что Сталин официально разрешил поставлять оружие «красным бандам». При этом в десятки раз преувеличивались объемы военной помощи [12, с. 43].

Таким образом, Третий рейх оказался одним из главных выгодоприобретателей от мятежа Франко [13]. Он стал поводом для усиления антикоммунистических настроений в Великобритании и Франции. Внутри Германии испанский конфликт помог сместить фокус внимания населения с внутрисполитических проблем на проблемы внешнеполитические [14].

Для Итальянского правительства гражданская война дала возможность показать свои военные силы в очень важном для страны регионе. Муссолини еще в 1934 году обещал помогать в свержении республиканцев, если такая возможность появится. Слова не разошлись с делом: уже 28 июля 1936 г. первые итальянские самолеты поступили в распоряжение мятежников [15, с. 13 – 17].

Кроме того, Италия отправила в поддержку Франко более 78 000 солдат. Такой поступок оправдывался тем, что «наши войска находятся в Испании, чтобы улыбки вновь вернулись на лица людей, подавленных «красными», чтобы построить фашистскую Европу». В итальянских источниках все больше повторялось, что главные черты солдата дуче – это энтузиазм, совершенство и свободная воля. Также в большинстве газетных статей отмечается героизм итальянских воинов. Однако исследователь Хавьер Родриго отмечает, что все эти высказывания были полностью фальшивыми. Также он отмечает, что фашистские войска в Испании совершали жестокие преступления [16, р. 86 – 104].

Италия вступала в гражданскую войну в Испании, надеясь увеличить свое влияние не только в Средиземноморье, но и в Европе в целом. Отчасти эта цель была выполнена, так как режим Франко все же победил, но итальянская армия получила большие потери. Кроме того, Италия, вопреки планам Муссолини, не присоединила никаких новых территорий. Экономика страны значительно просела по всем показателям, а армия нуждалась в переподготов-

ке. Итоги кампании в Испании повлияли на решение дуче не вступать во Вторую мировую в сентябре 1939 г. [17].

Рассмотрим подробнее, как пропаганда СССР реагировала на события в Испании тридцатых годов. Перед этим нужно отметить, что данная страна никогда не входила в первоочередные интересы СССР во внешней политике. Но приход к власти идеологически близких республиканцев вызвал одобрение правительства СССР. Это нашло свое отражение в советской прессе. Корреспондент газеты «Правда» Б. Михайлов писал о последствиях выборов в парламент так: «Реакционные круги обескуражены своим поражением. Около 100 реакционеров уже бежало из Испании, многие из них – в Гибралтар. В числе бежавших – лица, ответственные за кровавую расправу с рабочими Астурии». В статье высоко оценивается потенциал испанских пролетариев [18]. В последних числах февраля 1936 года вышла серия статей, в которых сообщалось о народном подъеме в Испании. В них сообщается о демонстрациях в поддержку заключенных лидеров социалистов, случаях, когда протестующие сжигали фашистскую литературу. Также журналисты выражают надежды, что формирование нового парламента повлияет на внутреннюю политику соседней Франции [19; 20; 21].

Не только центральная, но и региональная пресса сообщала о событиях в Испании. Так, «Остяко-Вогульская правда» говорит о том, что Председатель совета министров Асанья сообщил о восстановлении всех муниципалитетов. Сообщалось также о решении произвести амнистию для политзаключенных [22; 23].

Но советская пропаганда недолго размещала информацию об успехах республиканского правительства: уже 17 июля 1936 года в городе Сеута начался мятеж. Он был вызван тем, что представители испанской армии во главе с Франко были недовольны деятельностью Народного фронта. Уже вечером этого же дня вся территория Испанского Марокко была захвачена мятежниками. Правительственные войска почти не оказали сопротивления. Своей целью повстанцы ставили захват Мадрида к символической дате 7 ноября 1936 г. В то же время глава коммунистов Испании Ибаррури заявила, что все испанцы должны сражаться против мятежников до последней капли крови [24].

Советские газеты в первые дни переворота сообщали, что восстание началось из-за того, что не была подорвана экономическая основа для контрреволюции, так как в руках аристократов, крупных помещиков и церкви оставались колоссальные богатства и земля. Отмечалось, что исход борьбы будет зависеть от «сплоченности и дисциплинированности партий народного фронта в их стремлении защищать демократические свободы и республику» [25].

В конце июля 1936 г. газета «Правда» оповещала о победах республиканской армии под Мадридом и в Каталонии. Правительство народного фронта сообщало о том, что оно полностью овладело обстановкой в стране. По мнению журналистов, значительную роль в победе сыграло постановление правительства о раздаче 150 000 винтовок трудящимся. В статьях говорилось о повсеместных случаях ареста офицеров матросами и солдатами, утверждалось, что «надежды фашистских генералов на верность солдат очень шатки» [26].

Несмотря на громкие заявления о скорой победе, как со стороны Народного фронта, так и Франко, обе стороны понимали, что им понадобится помощь других стран. 19 июля 1936 г. премьер-министр Испании просил у своего французского коллеги Л. Блюма поставок авиации и оружия. Фашисты же обратились к Муссолини и Гитлеру. Французское правительство колебалось, и помощь республиканцам не поступала, а вот немецкие самолеты уже 27 июля находились в Марокко [27, с. 120]. Информация о первых поставках тут же стала известна советским средствам массовой информации. Газеты ссылаются на информацию, полученную от Англии о

том, что поставки вооружения происходят не только из Италии, но и из Германии. Упоминается о митинге в поддержку испанского народа, прошедшем на Красной площади в Москве [28].

В начале августа 1936 года в газете «Правда» был опубликован ряд статей, в которых говорилось о солидарности трудящихся Советского Союза в поддержке испанских рабочих. Был объявлен сбор средств в пользу борцов за республику. Публиковались обращения к пролетариям Испании от лица рабочих и крестьян [29].

Для того, чтобы прекратить эскалацию конфликта, в августе 1936 года по инициативе Франции был создан Комитет по невмешательству в дела Испании. Серьезной проблемой для его формирования был Устав Лиги Наций, который напрямую запрещал создавать подобные органы. Чтобы обойти запреты, штаб-квартира Комитета расположилась в Лондоне.

Советская пресса отреагировала на создание Комитета лишь рядом нейтральных заметок. Гораздо больше внимания уделялось реальным поставкам вооружения, чем заверениям о нейтралитете. Сообщалось о поставке мятежникам самолетов не только из Италии и Германии, но также из Португалии. Без внимания не осталось и появление немецких кораблей в испанских водах [30]. В публикации «Германия и Марокко» корреспондент А. Ерусалимский сравнивает немецкую помощь Франко с событиями 31 марта 1905 года, когда германский кайзер высадился в Танжере для признания суверенности Марокко, а в дальнейшем попытаться испортить отношения между странами Антанты. Автор статьи утверждает, что во времена Танжерских событий Англия прекрасно понимала, что Германия нацелена не только на Марокко, но и на передел всего мира, но в 1936 году не обращает внимания на немецкие поставки Франко. А.Ерусалимский считал, что в изменившихся условиях не замечать появление у мятежников иностранных кораблей и самолетов означает «угрозу не только свободе и независимости испанского народа, но и делу всеобщего мира» [31].

В это же время появляется ряд статей о действиях германской агентуры по подготовке мятежа Франко: «Весь германский консульский состав в Испанском Марокко был поставлен под контроль и руководство фашистской агентуры, особые усилия были приложены к тому, чтобы распространить этот контроль и на Французское Марокко». Таким образом, советская пропаганда напоминала, что цель Германии – дестабилизация не только ситуации в Испании, но и во всей Европе [32].

Тогда же выходит статья «Англия и события в Испании», в которой дается оценка деятельности официальных представителей этой страны в ходе конфликта. Основная часть критики – позиция невмешательства, которую Англия заняла изначально, заявив, что в битве двух диктатур парламент занимает нейтральную позицию. Журналист отмечает, что руководящую роль в Комитете по невмешательству занимает не Лондон, а Париж, так как Великобритания будет больше рада победе мятежников [33].

На протяжении августа и сентября военная помощь со стороны Германии и Италии только нарастала. Положение Народного фронта значительно ухудшалось. В связи с этим Советский Союз 15 сентября отправлял ноты правительствам Португалии, Германии и Италии. Поддержка Франко этими странами продолжилась. В ответ на такие действия представитель СССР в С.Каган заявил о расторжении Соглашения о невмешательстве 7 октября 1936 г. [14, с. 463–464].

На следующий день советские СМИ сообщили о прибытии в Москву посла Испании Марселино Паскуа для переговоров о закупках вооружения. В статьях была информация о многочисленных митингах в разных городах СССР в поддержку Республики, появлялись сообщения о доказанных фактах интервенции, в ответ на это СССР требовал снять эмбарго на вывоз оружия в Испанию [34]. Публиковались отклики на заявление Советского Союза о выходе из Соглаше-

ния о невмешательстве со стороны разных государств: пресса Чехословакии была полностью солидарна с позицией СССР, «Прагер прессе» подчеркивала, что советское правительство точно выполняло все заявленные условия, чего нельзя сказать о Германии. Английские газеты сообщали о прениях в парламенте по поводу дальнейшего выполнения соглашения, но и лейбористы, и консерваторы были согласны в одном – Германия и Италия действительно нарушают подписанные договоренности. Испанские издания сообщали, что советская сторона «положила конец фарсу невмешательства и открывает путь к пересмотру Соглашения». Польские газеты выступали на противоположных позициях – «СССР пытается разжечь пожар революции в Европе». Скандинавская печать тех дней посвящала советской позиции большие статьи с их критикой. Они называли выступление С.Кагана попыткой создать по всей Европе атмосферу беспокойства и недовольства [35].

Заявления советской стороны о выходе из соглашения вызвали колебания у французских и английских представителей – при невыполнении требований оно будет аннулировано, но и полностью контролировать поставки представлялось невозможным. Поэтому Британией был принят план ограниченного контроля за соблюдением Соглашения. Но он почти не выполнялся, и в декабре посол Советского Союза в Великобритании заявил, что нужно не только прекращать поставки вооружения, но и запретить пребывание немецких «добровольцев» на территории Испании [14, с. 630]. Третий Рейх присоединился к обсуждению, желая максимально осложнить принятие решений. Также представители Германии утверждали, что советская сторона оказывает помощь республиканцам. Обсуждение завершилось только 15 февраля 1937 г., когда Комитет согласовал запрет на иностранных волонтеров на испанских территориях. Газета «Известия» писала, что по настоянию И.Майского лорд Плимут пообещал ускорить переговоры с Португалией о глубоком контроле над границами. Отмечалось, что представитель Рейха Риббентроп потерпел дипломатическое поражение [36].

Региональные газеты того периода сообщали о попытке срыва соглашения о контроле со стороны Португалии, Германии и Италии [37]. «Добровольцы» продолжают попадать через испано-португальскую границу на территории, контролируемые Франко, сообщалось, что мятежный генерал распродает территории Испании в обмен на помощь со стороны Рейха [38].

Процесс контроля за выполнением обязательств о невозможности использования «добровольцев» третьих стран затруднялся тем, что 27 апреля немецкая сторона предприняла бомбежки древнего баскского города Герники [39]. «Правда» опубликовала об этом ряд статей, в которых подчеркивалась жестокость налетов, оценивалось количество смертей среди мирного населения. Тем не менее, советская пропаганда указывала на то, что значительная часть солдат мятежников при любом удобном случае переходят на сторону республиканцев, что отразилось в большой статье «Перебежчики» за авторством Е.Кольцовой [40]. Карикатуристы также внесли свою лепту в советскую пропаганду: например, журнал «Крокодил» опубликовал изображение испанских генералов с подписью: «Как у вас обстоит дело с командными кадрами? Как раз лучше всего. Еще несколько крупных сражений – и генералов будет больше, чем солдат». Журнал упрекал официальный Лондон в нерасторопности при помощи карикатуры, где была нарисована гоночная машина с подписью: «С какой скоростью едут войска интервентов в Испанию» и черепаха с подписью: «С какой скоростью доходит об этом весть в Лондон» [43].

Следующий кризис произошел 29 мая 1937 года, когда Германия объявила, что войска Народного фронта потопили немецкий корабль «Дойчланд». Это стало формальным поводом для выхода Третьего Рейха из Соглашения, что и произошло в ходе переговоров между Италией, Францией, Германией и Англией. В газетах СССР мая-июня этого года резко осуждался такой

поворот событий, выражалось опасение, что следующей страной, которая перестанет официально выполнять свои обязательства, будет фашистская Италия. В целях подтвердить коварные планы Муссолини на страницах газет выходила «Белая книга» испанского правительства, в которой были собраны фотоматериалы об итальянской интервенции. О своей миссии в рамках вторжения в Испанию командир чернорубашечников Арнальди писал: «Мы – подлинные крестоносцы Фашистской Идеи, которая в результате нашей несомненной победы восторжествует по всей Испании. Выше сердца и штыки!». В статье «Провокационное поведение фашистской Германии» инцидент с «Дойчландом» называется немецкой провокацией для новых агрессивных действий против Испанской республики и для расширения интервенции [41; 42].

Под предлогом защиты собственных интересов подводные лодки Германии и Италии активно атаковали не только испанские, но и иностранные суда. Это вызывало возмущение в СССР, Франции и Великобритании. Например, 30 августа 1937 года была атака со стороны германской субмарины на английский пароход «Бремхэлл», а спустя день произошла атака на советские суда «Тимирязев» и «Благоев». В целях прекратить пиратские акты, было заключено Нионское соглашение, которое предусматривало общую борьбу пострадавших стран против агрессии Германии и Италии на море. Газета «Правда» писала об итогах конференции в Нионе в контексте практической пользы для советского государства. Заинтересованность в соглашении объяснялась тем, что мир и порядок в Средиземном море необходим для развития судоходства страны. Негативно было заявлено о том, что документы о борьбе с пиратством были подписаны без участия Германии и Италии, которые назывались журналистами «фашистскими пиратами» [44].

В конце 1937 года и начале 1938 года, вместе с уменьшением военной помощи от СССР, в прессе этого государства уменьшается и количество публикаций о положении дел в Испании. Это связано и с тем, что вектор внимания начинает смещаться на события на Дальнем Востоке. В немногочисленных заметках больше внимания уделяется не военным действиям, а выполнению положений Нионской конференции. Отмечается, что Муссолини потерпел полное поражение на Средиземном море, и громкие заявления фашистского вождя о попытке выстроить «Римскую империю» являются неуместной бравадой [44]. Нужно отметить, что на протяжении 1938 года тема гражданской войны в Испании становится все менее интересна европейскому обществу. Военные действия в Китае и предпосылки раздела Чехословакии заставили советское правительство еще более уменьшить объемы помощи республиканцам. В Комитете по невмешательству советская сторона, тем не менее, занимала прежние позиции, не признавая за мятежниками прав воюющей стороны. Это затрудняло поставки военной помощи со стороны Италии и Германии.

На протяжении года республиканцы шли к неизбежному поражению. Весеннее наступление франкистов, а затем битва за Каталонию в конце 1938 года стали завершающими этапами гражданской войны. Но советская пресса даже в обстановке проигрыша Народного фронта продолжала сообщать о волнениях в зоне испанских мятежников и покушениях на генерала Франко, в статьях была информация о продовольственной помощи республиканской Испании, однако, стоит отметить, что о военных поставках информации больше не было [45].

27 сентября 1938 г. премьер-министр Испании заявил о необходимости вывода интернационалистов из республики. Так закончилась военная помощь со стороны СССР. Примечательно, что советские газеты не осветили это заявление, выпуская лишь статьи о положении на фронтах гражданской войны [46].

Проигрыш республиканских сил в Испании стал итогом целого ряда причин: во-первых, поддержка Италии и Германии оказалась гораздо более существенной, чем предполагали пред-

ставители СССР, во-вторых, из-за политики республиканцев внутри страны разразился экономический кризис, который вызывал протестные настроения и переход населения на сторону мятежников, в-третьих, негативную роль сыграла деятельность Комитета по невмешательству, который зачастую закрывал глаза на немецких «добровольцев». Свою роль сыграла непоследовательная позиция советского руководства, которое по мере развития военных действий со стороны Франко уменьшало поставки вооружения [47].

Проанализировав отражение хода гражданской войны в советской прессе, можно сказать, что в начале конфликта газеты СССР отображали выжидательную позицию, достаточно нейтрально реагируя на действия мятежников. Через месяц позиция изменилась на осуждение действий Франко и поддержку республиканцев, что было вызвано схожей политической позицией. Действия Комитета по невмешательству сначала были встречены, как разумное решение, но, когда стало понятно, что обязательства не выполняются, ни Муссолини, ни Гитлером, СССР пришлось заявить о выходе из Соглашения, если оно не будет выполняться. Это заявление вынудило Великобританию и Францию усилить контроль за выполнением соглашения. Советская пропаганда утверждала, что контроль был некачественным, и это было недалеко от правды. Данные европейские страны не были заинтересованы в победе республиканцев, поэтому не обращали внимания на помощь мятежникам.

Следующим ключевым событием гражданской войны стал запрет деятельности любых добровольцев, который также не исполнялся Германией и Испанией, что вызывало возмущение советской прессы. Несмотря на протесты со стороны СССР, фашистские режимы продолжили не только ввоз в страну «добровольцев», но и пиратские атаки на море, что в дальнейшем станет причиной заключения Нионского соглашения. В прессе того времени оно оценивается, как крайне нужный для сохранения мира документ.

В целом, непоследовательная политика советского руководства отсрочила падение режима республиканцев, но не сделала главного – не укрепила авторитет СССР на международной сцене.

Список литературы

1. Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936 – 1939. М.: Колибри, 2018. 719 с.
2. Doerr Paul W. British Foreign Policy, 1919–1939. Manchester University Press, 1998. IX, 291 p.
3. Documents on British Foreign Policy Vol.19. London: H. M. Stationary Office, 1982. 1160 p.
4. The Times. 1936. 20 Aug.
5. The Times. 1936. 08 Sept.
6. The Times. 1936. 15 Sept.
7. Taylor A.J. The Origins of the Second World War. New York: Fawcett Premier, 1961. 357 p.
8. Заявление Представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании Председателю Комитета Плимуту. Лондон, 7 октября 1936 г. // Печат. по арх. опубл. «Известия» № 234 (6091). 8 октября 1936 г.
9. L'Homme Libre. 1936. 07 Oct.
10. Les Jour 1936. 10 Oct.
11. Documents on German foreign policy 1918–1945, Vol.3. Washington: United States Government Printing Office, 1950. XCVI, 951 p.
12. Глушков А.Е. Антиреспубликанская пропаганда в прессе гитлеровской Германии в связи с началом гражданской войны в Испании в 1936 // Труды Томского университета. Вып. 222. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. С. 42 – 48.
13. Документы внешней политики СССР. Т.19. М.: Политиздат, 1974. 822 с.
14. Орехова М.С. Гражданская война в Испании (1936–1939) в германской пропаганде // Научные ведомости. Серия История. Политология. 2016. №8 (299). С. 70 – 74.
15. Макулов С.С. Роль Италии в гражданской войне в Испании глазами советской печати (1936–39) // Genesis: исторические исследования. 2017. №11. С. 13–17.

16. Javier Rodrigo. A fascist warfare? Italian fascism and war experience in the Spanish Civil War (1936–39) //War in History. Vol.26. № 1. Jan.2017. P. 86–104.
17. Платошкин Н.Н. Гражданская война в Испании. 1936–1939. М.: Олма-Пресс: Красный пролетарий, 2005. 478 с.
18. Правда. 1936. 19 фев.
19. Правда. 1936. 21 фев.
20. Правда. 1936. 22 фев.
21. Правда. 1936. 23 фев.
22. Остяко-вогульская правда. 1936. 23 фев.
23. Остяко-вогульская правда. 1936. 28 фев.
24. Воронкина И.Ю. Беларусь и война в Испании (1936–1939 г.). Минск: Беларуская навука, 2009. 159 с.
25. Правда. 1936. 20 июл.
26. Правда. 1936. 22 июл.
27. Наумов А.О. Фашистский интернационал. Покорение Европы. М.: Вече, 2005. 443 с.
28. Остяко-вогульская правда. 1936. 2 авг.
29. Правда. 1936. 6 авг.
30. Правда. 1936. 15 авг.
31. Правда. 1936. 16 авг.
32. Правда. 1936. 21 авг.
33. Правда. 1936. 24 авг.
34. Правда. 1936. 9 окт.
35. Правда. 1936. 10 окт.
36. Правда. 1936. 11 окт.
37. Известия. 1937. 19 фев.
38. Остяко-вогульская правда. 1937. 8 мар.
39. Остяко-вогульская правда. 1937. 16 мар.
40. Правда. 1937. 28 апр.
41. Правда. 1937. 1 июн.
42. Правда. 1937. 3 июн.
43. Крокодил. 1937. №10.
44. Правда. 1937. 14 сент.
45. Правда. 1937. 27 сент.
46. Правда. 1938. 26 дек.
47. Правда. 1938. 2 окт.

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Лучкина А.А.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ГРЕЦИИ В ВОЙНУ НА СТОРОНЕ АНТАНТЫ. РАЗНОГЛАСИЯ В «СЕРДЕЧНОМ СОГЛАСИИ»

Статья посвящена вопросу вступления Греции в войну на стороне Антанты. В работе выделены противоречия, с которыми столкнулось государство в период войны, повлиявшие на вза-

и взаимоотношения стран внутри Антанты. В статье рассматриваются работы специалистов по истории Греции и истории дипломатии конца XIX – начала XX вв., деловая переписка послов и министров.

Ключевые слова: Антанта; история Греции; Первая мировая войны; «Сердечное согласие»; Элефтериос Венизелос

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Luchkina A.A.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

ON THE QUESTION OF INVOLVING GREECE IN THE WAR ON THE SIDE OF THE ENTENTE. DISAGREEMENTS IN «CORDIAL AGREEMENT»

The article is devoted to the issue of Greece's entry into the war on the side of the Entente. This study highlights the contradictions that the state faced during the war, which influenced the relations of the countries within the Entente. The article examines the works of experts on the history of Greece and the history of diplomacy of the late XIX – early XX centuries, business correspondence of ambassadors and ministers.

Keywords: Entente; the history of Greece; the First World War; «Cordial Agreement»; Eleftherios Venizelos

Вопрос о привлечении других стран в Антанту вызывает интерес у исследователей, поскольку данный процесс в период войны отличился особой неоднозначностью. Данная задача требовала немало усилий правящих кругов держав Антанты и Тройственного союза, поскольку страны, не вовлеченные в конфликт, понимали масштаб столкновения и его последствий, из которых можно было бы извлечь выгоду. Наиболее важными потенциальными участниками стали страны Балканского полуострова. Большой интерес среди данных держав для нас представляет Греция. Причинами такого интереса является сформировавшийся противоречивый комплекс мнений по вопросу ее участия в войне как в кругу правящих греческих элит, так и среди стран Антанты. Нельзя не отметить, что точки зрения по данному предмету обсуждения зачастую были полярными. Мы попытаемся проследить причины возникших противоречий, выяснить, каким образом организовывалось греческое вступление и как оно повлияло на взаимоотношения внутри стран Антанты.

Привлечение Антантой на свою сторону стран Балканского полуострова (Болгарии, Румынии, Греции) как целой группой, так и отдельно взятыми государствами было крайне проблематичным, но крайне желанным. И все же интересы и стремления данных стран представлялись незыблемыми и бескомпромиссными. Балканские войны и последовавший за ними мир в Бухаресте кардинально перекроили карту Балканского полуострова и сильно повлияли на характер взаимоотношений между государствами. Антагонисты двух войн – Турция и Болгария, вследствие Лондонского мира и Бухарестского, стали странами одного лагеря, который боролся за отвоевание потерянных земель. Большую выгоду из балканских войн извлекла Греция,

получив часть Эгейских островов. За ней закрепились Крит, Эпир, Салоники с хинтерлендом, часть Южной Македонии, область Сереса, Драмы и Кавалы [4, с. 90]. Это послужило последующему активному распространению идеи «Великой Греции», поскольку территория страны после Балканских войн увеличилась практически в два раза [7, с. 8]. Однако теперь территориально богатая, но ослабшая в военном плане Греция опасалась реваншистских настроений в Болгарии и Турции.

Камнем преткновения в греко-турецких отношениях, по большей части, стали Эгейские острова. Данный вопрос был передан для решения европейским державам. Однако проблема принадлежности Эгейских островов вызвала разногласия и среди стран Европы, и расхождения в мнениях: для Англии и Франции было важно прекратить итальянское влияние на Додеканесе; для России вопрос об островах шел вместе с давней целью получения контроля за проливами, которой она давно следовала. Эта настороженность России и недоверие к Греции, возникшие **в довоенное время**, сохранялись на протяжении всего периода привлечения Греции в войну на стороне Антанты. Таким образом, здесь мы выделяем возникшие противоречия во взаимоотношениях Греции и Турции в результате Балканских войн. Враждебность стран по вопросам территориальных приращений нередко доводила ситуацию до вполне возможного открытого столкновения.

С началом войны задача по привлечению балканских стран для обоих блоков стала более значимой и сложной. Если говорить о самой Греции, то вопрос о ее вступлении или же нейтралитете также был неоднозначен и разделил правящие круги на два лагеря. На стороне склоняющихся к союзу с Тройственным союзом был король Константин. Точку зрения о союзе с Антантой неуклонно отстаивал премьер-министр Греции Элефтериос Венизелос [6, с.156]. Экономическое положение Греции находилось в тесной взаимосвязи с английским и французским капиталом. Данные страны Европы оказывали посильную помощь в восстановлении Греции после Балканских войн и сделали ставку на Грецию как возможного союзника в войне. Данный тезис можно аргументировать упоминаниями в источниках – опубликованной лондонской телеграммой, где указано, что Э. Грей «... стоит за то, что, в случае разрыва с Турцией, видеть в Греции прямого союзника» [1, с. 104, 116].

Однако окончательное решение Греции не последовало. Греческий король вел активный диалог с немецким Кайзером, выражая ему свою симпатию по вопросам войны, и не собирался осуществлять амбициозные задумки Э.Венизелоса по вступлению Греции в Антанту, которая не собиралась брать на себя союзные обязательства и оттягивала ее вступление в войну. Впоследствии предложения Кайзера о греческом присоединении к блоку Центральных держав больше походили на ультиматум и манипуляцию [8, р. 10]. Антанта же не смогла удовлетворить интересы Греции в начале войны, которая не видела практического значения ее помощи Сербии и была обеспокоена ее незащищенностью от Болгарии.

Резюмируя вышесказанное, решение данного вопроса о характере греческого участия зависело от территориальных уступок Греции с каждой из сторон. Также очень было важно наличие слаженной работы Константина и Э. Венизелоса, которой Греция похвастаться не могла. Впрочем, та самая возможная поддержка на начальном этапе не подкреплялась никакими формальными обязательствами, поскольку и страны Центральных держав, и Антанта не спешили сковывать себя невыгодными для них союзами. Таким образом, здесь мы выделяем возникшие противоречия во взаимоотношениях среди правящих кругов Греции по вопросам ее нейтралитета и вступления в войну, на которые влияли главные участники конфликта.

Одним из первых проявлений противоречивого характера взаимоотношений стран Антанты по вопросу греческого участия в войне стал вопрос о восстановлении союза Балканских

государств [5, с. 210]. Данная инициатива активно продвигалась и поддерживалась Англией и Францией. Возрождение союза решило бы крайне сложную задачу, упомянутую ранее – вовлечение как можно большего количества государств Балкан в войну на стороне Антанты. Таким образом, Антанта заняла бы доминирующую роль в регионе, имеющем военно-стратегический потенциал. Однако цель Антанты так и осталась недостижимой. С самого начала войны по Болгарии велась активная дипломатическая работа со стороны блока Центральных держав, который при условии успешности военного предприятия пообещал ей греческие и сербские территории [1, Т. VI. Ч. 1, с. 40]. Таким образом, цена за привлечение Болгарии к войне на стороне Антанты сильно возросла и требовала территориальных уступок от Сербии и Греции. Однако о данных уступках (которые заложили бы основу для возрождения союза) для Болгарии со стороны Греции не могло быть и речи [1, Т. VI. Ч. 1, с. 83]. Россией же идея о союзе была воспринята отрицательно. Неуступчивость Греции, по мнению МИДа России, давала повод для большего сближения Болгарии с Тройственным союзом.

Для самой Греции внешнеполитическая ситуация не представляла вариантов дальнейшего развития. Помимо внутривойсковой борьбы, которая существенно тормозила ее решение по вступлению в какой-либо союз, имела место проблема взаимоотношений с Болгарией и опасности болгарского вступления на греческие территории. Опасения были не напрасны: планы Софии в территориальном приращении должны были осуществиться за счет владений Сербии и Греции. Ввиду этого греческое правительство не давало поводов к тому, чтобы Болгария развязала свои руки и начала наступление. С другой стороны, Греция была связана союзными обязательствами с Сербией. По договору, Греция должна была оказать помощь балканской союзнице при условиях вступления Болгарии против сербов [3, р. 442].

Вопрос о болгарском вступлении в войну был вплетен красной нитью во взаимоотношениях Греции и Антанты и между самими державами внутри блока. Болгария, как и другие балканские страны, была ценным союзником в борьбе. Поскольку «Сердечное согласие» допускало, что идея возрождения балканского союза может не осуществиться, оно скорректировало свою цель – привлечь наиболее выгодного и более соответствующего интересам союзника. Однако тут мнения Антанты разошлись. Франция и Греция отдавали приоритет в своем выборе Греции, в то время как Россия в своем выборе склонялась к Болгарии. Это породило противоречия в «Сердечном согласии». Давление, возникшее внутри Антанты, с одной стороны, в связи с позициями Англии и Франции, с другой, России по вопросам территориальных уступок Греции начало раскачивать лодку в греческих правящих кругах. Ввиду оскорбительных для Э. Венизелоса постоянных заявлений российского МИДа об уступках Болгарии, премьер-министр подал заявление об отставке [1, с. 119, 121, 157, 227]. Последствий опасались Англия и Франция по причине потери политического влияния на Грецию. Насторожило заявление Венизелоса и короля Константина, который осознавал дальнейшую реакцию венизелистов из-за отставки политического деятеля [1, с. 231].

Вступление Турции в войну изменило ход дел в международной политике. Греция заявила о предоставлении своих сил в распоряжение держав Антанты, однако объявлять мобилизацию не собиралась. Греция отчетливо понимала свои желания и цели: свести неоконченные счета с Турцией, как считал Венизелос, сохранить действие Бухарестского мира [7, с. 40]. Вопреки данному мнению, страны Антанты рассматривали греческую союзницу иначе. Вопрос об отведенной роли Греции в войне породил еще один комплекс противоречий. На основе вышеизложенного можно сказать, что Россия рассматривала Грецию в союзе с Болгарией, которые в сотрудничестве должны были оказать посильную помощь Сербии. Англия полагала, что Греция

станет инструментом борьбы на море с Турцией. Франция желала добиться от Греции согласия воевать против всех держав Тройственного союза.

Разногласия в Антанте по данному вопросу только усилились период в Дарданелльской операции. Участие в данном предприятии России и Греции вызывало вопросы и споры, результаты выступления их крайне волновали. Захватом турецких территорий в разных вариантах желали греческая и российская стороны. Однако это создавало почву для противоречий о том, «кто первый достигнет Константинополя». Россия опасалась, что ее просчеты приведут к провалу по достижению важной цели – контроль за проливами. Особенно остро чувствовалась эта проблема ввиду того, что Греция изначально находилась в выгодной позиции в данном вопросе. Грецию, как считал Венизелос, в данном вопросе поддержит Англия. Английское правительство считало, что «...единственная держава, которая могла бы принять участие в операциях в проливах, это Греция» [5, с. 374]. Впрочем, Дарданельская операция обернулась для Франции и, в особенности, Англии крахом. Король отвергнул инициативу премьер-министра об участии в данном предприятии, и военное выступление Греции в союзе с Антантой отложилось еще на время [2, с. 420].

Дарданелльская кампания имела большое значение для взаимоотношений внутри «Согласия». Ситуация в Дарданеллах показала в очередной раз разлад в Антанте, несогласованность в военных действиях, ввиду противоречивых интересов в Константинополе. Видя на Константинополь имела и Греция, которая для Англии была потенциальным инструментом для свершения операции. Несмотря на всем известные стремления России в проливах, Франция, Англия и Греция показали свое нежелание допустить доминирующее положение России в регионе. Таким образом, здесь мы выделяем возникшие противоречия во взаимоотношениях среди Антанты по вопросу Константинополя и проливах, который давно назрел и требовал разрешения. В данной проблеме Греция играла не последнюю роль, стараясь защитить свои интересы.

В дальнейшем процесс привлечения Греции на сторону Антанты с весны 1915 г. отметился крайней сложностью. В этом году 5 марта Э. Венизелос подал в отставку, что усугубило внутривластный раскол в Греции. Ситуация обострилась к сентябрю, когда Болгария, присоединившаяся к Центральному блоку, напала на Сербию. В соответствии с Бухарестским миром 1913 г., в данной ситуации Греция должна была оказать помощь Сербии. Однако Константин отказался санкционировать отправку экспедиционного корпуса Англии и Франции в Салоники. Это породило настоящую гражданскую войну в Греции, где внутривластный раскол достиг своего апогея. Французское и английское правительство, осознавая значение привлечения Греции в войну ввиду болгарского врага, ввели блокаду и начали интервенцию, что было вопиющим случаем нарушения греческого суверенитета [9, р. 89]. Данные методы оправдывали для Антанты цель – избавиться от Константина и добиться присоединения Греции к «Согласию». Отречение короля Константина свершилось в июне, и уже 2 июля Греция объявила о состоянии войны с Центральным блоком на стороне «Сердечного согласия».

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс вступления Греции в войну на стороне Антанты был «зигзагообразным». Мы выделили противоречия во взаимоотношениях среди правящих кругов Греции, в котором были, с одной стороны, проантантовские силы, с другой – прогерманские. Греция не желала прерывать экономические связи с Англией и Францией, при этом (в лице монархии и консерваторов) питала симпатии Германии в войне. Другие противоречия касались вопроса территориальных уступок между балканскими странами за вступление в

войну. Балканские войны не разрешили проблемы южных славян. Впоследствии неразрешенные споры дали о себе знать, и повлияли на внешнюю политику и дипломатию Греции. Вступление Греции в войну не могло не затронуть насущный вопрос о Константинополе, который давно назрел и требовал разрешения для стран Европы. Данные противоречия повлияли как на взаимоотношения правящих кругов Греции, так и на взаимоотношения Греции со странами «Сердечного согласия» и вскрыли проблемы отсутствия сплоченности и консолидации сил союза.

Список литературы

1. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. III (1914–1917). Т. 6. Ч. 1. 5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1935. 481 с. // URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8715-t-6-ch-1-5-avgusta-1914-g-13-yanvaryaya-1915-g-1935> (дата обращения 15.01.24)
2. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. III (1914–1917). Т. 7. Ч. 1. 14 января – 23 мая 1915. М.: Государственное издательство политической литературы, 1935. 568 с. // URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8715-t-6-ch-1-5-avgusta-1914-g-13-yanvaryaya-1915-g-1935> (дата обращения 16.01.24)
3. Anderson F. M. Amos Shartle Hershey. Handbook for the Diplomatic History of Europe, Asia, and Africa 1870–1914. Washington D.C.: National Board for Historical Service, Government Printing Office, 1918. 494 p.
4. Лунева Ю. В. Балканские войны 1912–1913 годов и европейские державы // Новая и Новейшая история. 2013. №1. С. 78–91 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18840819> (дата обращения 15.01.24).
5. Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. В 2 т.; Т. 1. Потеря союзниками Балканского полуострова. 747 с.
6. Нестерова Т. П. Италия, Греция, державы Антанты и вопрос о Додеканесских островах в дипломатической борьбе 1915–1923 годов // Научный диалог. 2018. № 6. С. 154–165 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35146165> (дата обращения 02.02.24).
7. Соколовская О. В. Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. М.: Наука, 1990. 208 с.
8. Abbott G. F. Greece and the Allies 1914–1922. London: Methuen & co. Ltd., 2008. 242 p.
9. Clogg R. A Concise History of Greece. London: Cambridge University Press. 299 p.

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Мосина В.Ю.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АФРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются особенности британской колониальной политики на африканском континенте во второй половине XIX – начале XX вв., показаны методы проникновения англичан на африканский континент, охарактеризованы способы организации управления колониальными территориями.

Ключевые слова: Великобритания; Британская колониальная империя; XIX век; колониальная политика Великобритании в Африке

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S. A. Yesenin»

Mosina V.Yu.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

COLONIAL POLICY OF GREAT BRITAIN IN AFRICA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article examines the features of British colonial policy on the African continent in the second half of the 19th – early 20th centuries, shows the methods of penetration of the British into the African continent, and characterizes the ways of organizing the management of colonial territories.

Keywords: Great Britain; British colonial empire; 19th century; British colonial policy in Africa

Великобритания как одна из самых прочных колониальных империй продолжала свое существование достаточно долгий период времени. Пик становления Британской колониальной империи пришелся на вторую половину XIX века. Обладавшая относительно небольшими вооруженными силами и человеческими ресурсами Великобритания успешно контролировала достаточно значительное число территорий, как в азиатском, так и в африканском регионах. Это было на удивление прочное объединение, как с политической, так и экономической точки зрения.

Растущее во второй половине XIX века стремление Британии расширить свои колониальные владения связано с желанием правящих кругов сохранить лидерское положение в европейском регионе. Многие страны начинают проводить промышленные преобразования. Так, наряду с Англией на первый план в экономическом отношении начинают выходить новые страны, такие, как Германия, США. В связи с этим интересы английских колонизаторов были обращены на Юг Африканского континента.

Стоит отметить, что эпоха колониального господства Великобритании в Африке начинается с 1795 года, когда британские войска, в ходе военных действий с Францией, охваченной революцией, заняли мыс Доброй Надежды. До этого почти полтора столетия данный регион был под властью голландцев, основавших свою колонию в 1652 году.

При завоевании Африки главной задачей британских колонизаторов было обеспечение добровольного подчинения племён. Показательным примером может служить Нигерия. С местными вождями в Южной Нигерии (племена хауса, игбо, экве, аро и др.) заключались политические соглашения представителями Королевской Нигерской компании, а позже – британскими чиновниками [7, с. 108]. У племён отсутствовала централизованная власть, поэтому фигура короля («эз») имела символическое значение и крайне редко использовалась европейцами в непосредственном управлении. Вожди оставались формально независимыми, основной их функцией был сбор и передача налогов торговым представителям или чиновникам из метрополии, которые старались скрыть своё присутствие, поддерживая престиж вождей. В системе взаимоотношений «администратор-вождь» первый получал титул «тафона» – титульного отца вождя [6, с. 430]. Помимо налогов, вожди осуществляли правосудие на локальном уровне, тогда как европейские администраторы для них были высшей судебной инстанцией. Управление регио-

ном осуществлял губернатор – президент Королевской Нигерской компании. Позже с 1912 года на его место стали назначаться военные офицеры в качестве Верховных комиссаров [8, с. 363].

В Северной Нигерии сложилась несколько иная ситуация. На этой территории существовали мусульманские государства (эмираты), объединённые в халифаты (Борну, Сокото) [6, с. 101]. Верховными правителями в них были халифы (позже ставшие султанами), следующими в иерархии были провинциальные наместники – эмиры. Относительно (для англичан) развитые властные институты не позволяли установить протекторат посредством договоров, поэтому халифаты были подчинены силовым путём. Халифы и эмиры сохранили свои титулы, но их деятельность контролировалась политическими советниками – резидентами-европейцами, которые жили при дворе правителей. Чтобы эффективнее контролировать правителей, британская администрация параллельно назначала регионального чиновника – Верховного комиссара (первым комиссаром был Фредерик Лугард, назначенный в 1912 году), который разбирал споры между эмирами и брал на себя все внешнеполитические функции последних. Правителям запрещалось иметь армию, а правопорядок обеспечивался местной полицией («догараи») [7, с. 114].

Наиболее жестокие с точки зрения европейской морали обычаи (рабство и жертвоприношения) формально запрещались, однако на практике за исполнением запретов тщательно не следили. Местное население вместе с правителями не получали британского гражданства, а доступ (транспорт и почтовое сообщение) к метрополии имели только британские чиновники и их семьи. Система налогообложения тоже подверглась изменениям: если раньше от имени эмира действовало множество сборщиков дани, то теперь налоги собирались старейшинами деревень и передавались эмирам. Это позволило увеличить доход (в сравнении со старой системой), половина которого сохранялась за эмиром, остальное изымал комиссар и отправлял в Лондон.

Анализируя описанные случаи, можно заключить, что косвенная система управления была основана на подчеркивании различий между метрополией и завоеванными территориями. Британские агенты и администраторы считали сохранение традиционных властных институтов необходимым условием для эффективного управления, поскольку это обеспечивало стабильность для местного населения и поддерживало лояльность элиты и простых людей. Они также сохраняли местные обычаи и религию, но при этом продолжали жить по европейскому образу, что усиливало контраст между культурами. Этот контраст был основой управления и отражал мировоззрение англичан, которые считали культуру индусов, африканцев и других туземных народов примитивной.

В 60-е годы XIX века британские колонии в Южной Африке вошли с уже сложившейся политической и экономической системой. Они представляли собой типичную форму развития периферийного капиталистического общества с выраженной сырьевой направленностью экономического развития. Их основу составляло сельское хозяйство, продукция которого шла на удовлетворение потребностей британской промышленности. Уже в 1850-х годах шерсть составляла основу южноафриканского экспорта, а овцеводство было основой благосостояния белых фермеров.

На юге Африки Англии принадлежали Капская колония, Наталь, Бечуаналенд (Ботсвана), Басутоленд (Лесото), Свазиленд, Южная Родезия (Зимбабве), Северная Родезия (Замбия), а в дальнейшем были присоединены и бурские республики Трансвааль и Оранжевая.

Важным этапом социально-экономического развития Капской колонии и Наталья стало их второе открытие в Южной Африке. В конце 1860-х и начале 1885 года в Западно-Гриквалендской области, а также в Трансваальском регионе были обнаружены крупнейшие алмазные месторождения в мире. Это имело колоссальные последствия для дальнейшего развития региона. В

Южной Африке начался индустриальный бум. Главной отраслью экономики стала являться горнорудная промышленность, с которой были связаны все основные отрасли промышленности.

Южная Африка, которую почти игнорировали до 1870-х годов, стала превращаться в один из самых перспективных регионов мира для вложения капитала.

В конце XIX века Южная Африка была самым динамично развивающимся и в то же время самым «конфронтационным» регионом Британской империи. В этом регионе британцам пришлось столкнуться не с государственными обществами, как в тропической Африке, а с бурскими республиками – Трансваалем и Оранжевым Свободным государством, которые предложили альтернативную модель колонизации региона. В то время как британское правление в Капской колонии стремилось эксплуатировать минеральные ресурсы региона, буры настаивали на своем праве вести аграрную экономику, основанную на крупномасштабном скотоводстве. Британские предприниматели были заинтересованы в мирных отношениях с африканским населением («кафраами»), которое стекалось на рудники в качестве неквалифицированной рабочей силы. В то же время буры постоянно конфликтовали с африканцами из-за пастбищ и скота, что дестабилизировало обстановку в регионе.

Англо-бурский конфликт усиливался по мере того, как британские эксперты и сами буры осознавали масштабы запасов полезных ископаемых на этой территории, особенно важных для британцев, учитывая, что в 1898 году в этом регионе была сосредоточена треть мировой добычи золота, а в Австралии золотые месторождения истощались. Ситуация резко ухудшилась 29 декабря 1895 года, когда отряд Л.С.Джеймсуна совершил незапланированный рейд из Мафекинга (Капская колония) в Трансвааль. 2 января этот отряд британских добровольцев был окружен превосходящими силами буров у Дорнкопфа и взят в плен [2, с. 26].

В последней трети XIX века несовместимость двух концепций развития Южной Африки стала очевидной как для британских, так и для бурских политиков и специалистов. Британская модель динамичной индустриализации и бурская модель статичной аграрной экономики лежали в основе радикально разных политических систем, этических норм и ценностей. Британцы и буры проводили радикально разную политику по отношению к африканскому населению. Конфликт перерос в долгую, кровавую и разрушительную войну 1899–1902 годов.

В связи со всем вышесказанным возникает вопрос: каким образом Великобритании, с относительно небольшой численностью армии, удалось сохранить достаточно эффективный контроль в регионе, раздираемом противоречиями и многократно превышающим метрополию, как по размеру территорий, так и по количеству людских ресурсов?

И тут необходимо отметить, что Британская империя проводила грамотную колониальную политику, большую роль в которой сыграли не только вооруженные силы, но и усилия британских дипломатов. Неравноправные торговые соглашения, несправедливые концессии, соглашения о «временных льготах и преимуществах» – все это легло в основу отношений Британии и Африки, основанных на эксплуатации колониальных ресурсов и рынков.

Успех британской политики следует признать положительным результатом «дела Суэцкого канала»: после открытия канала в ноябре 1869 года британцы стали основным акционером Суэцкого канала и сосредоточились на промышленном развитии; в 1875 году британцы взяли под контроль компанию и беспокойного египетского хедива Исмаила-пашу [5, с. 45].

Оккупация Египта закрепила за Британской империей статус основного объекта региона. Под контроль попали самый крупный порт Египта – Александрия, через который в начале XX в. велась вся внешняя торговля страны (86,6% импорта и 95,5% экспорта страны) [3, с. 21].

Великобритания использовала различные стратегии для достижения своих целей в Африке. Одной из ключевых была экономическая экспансия, основанная на контроле над рынком и ресурсами региона.

Помимо этого, Великобритания проводила военные экспедиции и покорение новых территорий, чтобы укрепить свое политическое влияние и установить контроль над важными точками и ресурсами.

Создание административных структур и колониальных правительств также было важной тактикой Великобритании. Это позволяло установить контроль над политической и административной сферами в колониях.

Исследование политических стратегий и практик Великобритании в Африке во второй половине XIX века позволяют понять ее роль в колониальной экспансии и воздействие на современное положение региона. Великобритания стала ведущей колониальной державой в Африке, достигнув контроля над значительной частью региона. Ее политика имела огромную экономическую значимость и оказала влияние на дальнейшее развитие и современное положение Африки.

Список литературы

1. Джонс Т. Империя Англии в Африке. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 420 с.
2. Конан Дойль А. Англо-бурская война (1899–1902). М.: Изд-во Эксмо, 2004. 608 с.
3. Макеев Д. А. Россия – Африка: из истории дипломатических и торгово-экономических отношений (первая половина XX в). Владимир: Владимирский гос. гуманитарный ун-т, 2011. 271 с.
4. Рогов И. И. Колониальная империя: история и современность // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 1. С. 160–165.
5. Рувинский Р. З. Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII – XIX веках.: дис. ...канд. юр. наук: 12.00.01. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. 215 с.
6. Cohen W. B. The Colonized as Child: British and French Colonial Rule // African Historical Studies. 1970. Vol. 3. № 2. P. 427–431.
7. Ochonu M. Colonialism within Colonialism: The Hausa-Caliphate Imaginary and the British Colonial Administration of the Nigerian Middle Belt // African Studies Quarterly. 2008. Vol. 10. № 2. P. 95–127.
8. Whittlesey D. British and French Colonial Technique in West Africa // Foreign Affairs. 1937. Vol. 15. № 2. P. 362–373.

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Оганнисян Г.А.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ПРОВЕДЕНИЕ «ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В США В ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ ЮГА ПО ПЛАНУ ПРЕЗИДЕНТА ДЖОНСОНА

Президентская реконструкция Джонсона – это серия мер, предпринятых президентом США Эндрю Джонсоном, направленных на восстановление Южных штатов. В то же время, реконструкция Джонсона была критикована за недостаточную защиту прав и интересов бывших рабов и недостаточную реформу южных штатов.

Ключевые слова: Эндрю Джонсон; Реконструкция Юга; «президентская Революция»; импичмент; радикальные и консервативные республиканцы; черные кодексы

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Ogannisyan G.A.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

CARRYING OUT A «PRESIDENTIAL REVOLUTION» IN THE UNITED STATES DURING THE RECONSTRUCTION OF THE SOUTH ACCORDING TO THE PLAN OF PRESIDENT JOHNSON

Johnson's Presidential Reconstruction was a series of measures taken by US President Andrew Johnson to rebuild the Southern states. At the same time, Johnson's Reconstruction was criticized for insufficient protection of the rights and interests of former slaves and insufficient reform of the southern states.

Keywords: Andrew Johnson; Southern Reconstruction; «Presidential Revolution»; impeachment; radical and conservative Republicans; black codes

В период после Гражданской войны в США, Реконструкция Юга стала одним из самых сложных и противоречивых периодов в истории Америки. Она была направлена на восстановление Юга после разрушительных последствий войны и осуществление равноправия для бывших рабов. Президентом США в этот период был Эндрю Джонсон, который выступил с планом восстановления Юга, который стал известен как «президентская Революция».

Историки обычно делят реконструкцию на три или четыре этапа. Первым этапом была президентская реконструкция (1863–1867), когда реконструкция контролировалась президентами. Историки иногда делят эти события на два этапа: реконструкция Линкольна и реконструкция Джонсона. Следующим этапом реформации Юга была реконструкция Конгресса или «Радикальная реконструкция» (1867–1869). Заключительной фазой реконструкции была «Реконструкция искупления» («Redemption Reconstruction») (1869–1877), когда южане взяли власть в свои руки и начали отменять изменения, внесенные республиканцами [10, p. 8].

План Джонсона предусматривал амнистию для бывших конфедератов и возобновление их политических прав. Он также предлагал оставить власть в руках бывших конфедератов и не допускать участия в политической жизни Юга бывших рабов и сторонников Севера. Этот план вызвал ожесточенную критику со стороны конгресса, который предложил свой собственный план восстановления Юга [4, p. 2].

В данной статье мы рассмотрим проведение «президентской Революции» в США в период Реконструкции Юга по плану президента Джонсона и его последствия для американского общества. Мы проанализируем причины конфликта между Джонсоном и конгрессом, а также рассмотрим меры, которые были предприняты для улучшения ситуации в Южных штатах.

В период Гражданской войны, когда стоял вопрос о дальнейшей судьбе «мятежных штатов», политические силы были тесно связаны с Республиканской партией, которая в результате выборов в Палату представителей 1860–61 годов, получила контроль над обеими палатами Кон-

гресса [7]. Кроме того, администрация президента США А. Линкольна на тот момент в основном состояла из республиканцев [6, p.11, 811, 1095]. Это означало, что Республиканская партия играла ключевую роль в принятии решений по важным вопросам, связанным с развитием страны и выходом из кризиса.

Республиканская партия была разделена на две основные группы – консервативную и радикальную. Консервативная группа, также известная как «модератные республиканцы», в основном состояла из бывших вигов и демократов, которые перешли на сторону республиканцев. Они поддерживали умеренную политику в отношении вопросов рабства и прав граждан. В то время как радикальная группа, также известная как «радикальные республиканцы», была более радикальной и активной в своих требованиях.

Консервативные республиканцы стремились сохранить права южных штатов, а также сохранить рабство в некоторых формах. Консервативная ветвь Республиканской партии в период Гражданской войны в США опиралась на интересы финансовых и коммерческих кругов американской буржуазии. Эта группа политиков выступала за сохранение стабильности в стране и избежание социальных потрясений, связанных с радикальными мерами по установлению прав граждан и равенства в обществе.

Консервативные республиканцы считали, что формальная отмена рабства и военные поражения рабовладельческого Юга достаточно обеспечивали господство капиталистического Севера в стране. Они ожидали, что плантаторы Юга немедленно воспользуются представившейся им теперь возможностью получать большую прибыль от эксплуатации наемных рабочих, чем от эксплуатации рабов. По их мнению, плантаторские латифундии должны были вытеснить хлопковые фабрики с их большей экономической эффективностью [9, p. 167–169]. Взгляды консервативных республиканцев на свободу чернокожих были таковы, что, на их взгляд, свобода продажи неграми своих рабочих рук является единственной формой свободы, которую могут получить бывшие рабы.

Радикальные республиканцы, с другой стороны, были более активными в своих требованиях. Они стремились к полному освобождению рабов и предоставлению им политических прав, включая право голоса. Они также поддерживали конфискацию земли у бывших владельцев рабов и ее распределение между бывшими рабами. В отличие от консервативных республиканцев, радикальные больше опирались на интересы фермеров и освобождённых негров, а также на интересы крупной промышленности, чтобы в дальнейшей перспективе избавить себя от экономической зависимости от Европы. Они выступали за уничтожение экономической системы рабовладельческого Юга, введение полной свободы развития капитализма, а также подчинение себе всего внутреннего национального рынка [1, с. 126–127].

Радикальные республиканцы были более активными в своей борьбе за права рабов и утверждении принципов равенства. Они были уверены, что только радикальные меры могут привести к полному освобождению рабов и созданию равноправной общественной структуры.

В любом случае, плантаторская экономика Юга во время гражданской войны была значительно разрушена. Так, например, средняя площадь латифундий в Восточной Алабаме сократилась с 48 700 до 15 330 акров [15, p. 12–14]. Сахарные плантации в штате Луизиана, которые до начала войны оценивались в 200 млн. долларов, после её окончания были проданы за 7 млн. долларов. Крупные плантаторы штата Миссисипи были вынуждены продать 6 млн. акров земли, что составляло 20% площади штата, для уплаты налога за земельную собственность. Цена на недвижимость в «мятежных» штатах также упала с своей стоимости в среднем на 40% [2, с. 117–118].

В целом, разделение Республиканской партии на консервативную и радикальную группы отражало различия в подходах к решению важных вопросов, связанных с рабством и правами граждан. Консервативные республиканцы стремились сохранить стабильность и избежать социальных потрясений, в то время как радикальные республиканцы были более активными в своей борьбе за равенство и справедливость.

Эндрю Джонсон (англ. Andrew Johnson) родился 29 декабря 1808 года в Северной Каролине, США. Джонсон никогда не ходил в школу, и никто в его семье умел читать.

Джонсон начал свою политическую карьеру в штате Теннесси, где был избран в собрание штата, затем в Палату представителей США в 1843 году, где прослужил десять лет. В 1853 году он стал губернатором Теннесси и затем был выбран в Сенат США.

Эндрю Джонсон поддерживал Демократическую партию США на выборах 1860 года. Республиканец Авраам Линкольн был избран президентом на платформе борьбы с рабством, из-за чего многие южные штаты отделились от Союза, сформировав своё собственное – КША. Однако штат Теннесси, где политическая власть была у Э. Джонсона, не отделялся до тех пор, пока Конфедерация не обстреляла форт Самтер федерального правительства в Южной Каролине, тем самым начав Гражданскую войну. Пока в самом штате обсуждался вопрос о вступлении Теннесси в КША, Джонсон проводил кампанию против выхода из США.

В 1862 А. Линкольн назначает Джонсона бригадным генералом на должность военного губернатора Теннесси, где тот смог навести порядок. В 1864 году Джонсон успешно баллотировался на пост вице-президента страны [13, р. 133–137]

Будучи кандидатом в вице-президенты, Э. Джонсон, выступая 9 июня 1864 году в штате Теннесси в городе Нашвилл, заявил следующее: «Измена должна быть сделана отвратительной, и изменники должны быть наказаны и разорены. Крупные плантации должны быть захвачены, разделены на мелкие фермы и проданы честным, трудолюбивым людям» [14, р. 47].

Однако в дальнейшем при анализе его действий на посту президента США решительные действий против бывших штатов Конфедерации с его стороны будут напрочь отсутствовать.

Авраам Линкольн был убит 14 апреля 1865 года во время посещения театра «Форд» в Вашингтоне. Во время спектакля «Американский брат» Линкольн был застрелен в голову из пистолета Джоном Уилксом Буттом, симпатизировавшим Конфедерации и считавшим Линкольна врагом. Убийца скрылся с места преступления, однако был позже найден и убит при попытке его задержания [5].

После данных событий 15 апреля Эндрю Джонсон официально становится президентом США. Будучи на посту президента, 10 мая 1865 г. Джонсон признал лояльные правительства в бывших «мятежных» штатах. Среди них были Вирджиния, Теннесси, Арканзас и Луизиана.

В мае 1865 года президент США Эндрю Джонсон выпустил прокламацию, посвященную Реконструкции в Северной Каролине. В рамках этой прокламации был смещен конфедеративный губернатор Зебулон Вэнс и назначен временный губернатор Уильям Холден.

Кроме того, президент Джонсон назначил временных губернаторов в шести других штатах: Миссисипи, Техасе, Джорджии, Южной Каролине, Алабаме и Флориде. Все эти губернаторы, за исключением Парсонса (губернатор штата Алабама), были до войны по партийной принадлежности в основном вигами и во время войны являлись более или менее открытыми противниками сецессии [3, с. 8].

Прокламация президента Джонсона о Реконструкции Юга, изданная в мае 1865 года, была более радикальной, чем план президента Линкольна, предложенный им ранее. Она лишала права на амнистию всех участников мятежа, имевших облагаемое налогом имущество на сумму в 20

000 долларов и выше. Этой мерой Джонсон стремился лишить избирательных и политических прав бывшую рабовладельческую верхушку Юга, которая обладала значительным имуществом. Однако эта мера была, скорее, демагогическим приемом, так как по новому плану Реконструкции Юга президент получал право помилования лиц, входивших в эту категорию. Помилование президента приносило тем, на кого оно обращалось, предоставление всех политических прав и возвращение всего конфискованного имущества.

Президент Джонсон воспользовался своим правом помилования в таких широких размерах, что введенное им лишение права на амнистию всех лиц с имуществом в 20 000 долларов и выше потеряло всякое практическое значение. Из 15 000 просьб о помиловании около 14 000 было удовлетворено президентом, причем более двух третей всех помилованных принадлежало к числу лиц, состояние которых превышало 20 000 долларов.

Таким образом, прокламация Джонсона о Реконструкции Юга была более радикальной, чем план Линкольна, но на практике она оказалась более мягкой, так как президент широко использовал свое право помилования. Это позволило бывшей рабовладельческой верхушке Юга сохранить свое имущество и политические права [1, с. 158–159].

В свете событий становится ясно, что президент США Эндрю Джонсон не был настоящим сторонником равенства прав для негритянского населения, несмотря на то, что его общественные выступления могли создавать такое впечатление. Так в одном из интервью, он заявил следующее: «Если бы я вмешался в голосование в мятежных штатах, чтобы диктовать, что негры должны голосовать, я мог бы сделать то же самое для своих собственных целей в Пенсильвании. Наша единственная безопасность заключается в том, чтобы позволить каждому штату контролировать право голоса по своим собственным законам, и у нас есть власть контролировать мятежные штаты, если что-то пойдет не так. Если они взбунтуются, то у нас есть армия, и мы можем контролировать их с ее помощью, а при необходимости и с помощью законодательства. Если федеральное правительство контролирует избирательное право в штатах, оно может установить такие правила, которые ограничат право голоса небольшому числу лиц и, таким образом, создадут централизованный деспотизм» [12, р. 1]. В своих заявлениях он не высказывал намерения использовать радикальные методы для предоставления политических прав этому афроамериканскому народу, но и явно выразил протест радикальным республиканцам, которые были не прочь использовать более жесткие подходы.

Невмешательство в политику южных штатов и амнистия большинства конфедеративных мятежников привела к тому, что уже к 1865 году данные штаты введут так называемые «Черные кодексы».

Черные кодексы включали в себя такие меры, как расовое разделение в общественных местах, ограничения на право голоса, запрет на браки между расами, запрет на образование и трудоустройство для афроамериканцев, а также другие ограничения, которые препятствовали им получению полноценных гражданских прав [8, р. 197–198].

Между тем, республиканцы, а особенно радикальные, не хотели мириться с новым произволом политической власти «мятежных» штатов и начали предпринимать собственные шаги.

Первым делом начались обсуждения о новой поправке к Конституции. 13 июня 1866 г. был опубликован текст поправки. Категорически против данной поправки были 10 бывших Конфедеративных штатов (Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Флорида, Алабама, Миссисипи, Луизиана, Техас, Арканзас). В итоге 14-я поправка к Конституции США была принята только в 1868 году и была направлена на защиту гражданских прав бывших рабов и других афроамериканцев.

Основное положение 14-й поправки заключается в том, что все люди, рожденные или естественно находящиеся на территории США, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они находятся. Также поправка запрещает штатам ограничивать базовые гражданские права и свободы любого человека без судебного процесса.

14-я поправка была одним из ключевых законов, которые помогли установить равенство перед законом для всех граждан США, независимо от расы. Она также стала основой для многих последующих законов, направленных на защиту гражданских прав и свобод в США [14, p. 191–195].

«Закон о реконструкции Юга», принятый 2 марта 1867 года, был одним из ключевых законов, направленных на восстановление Юга после Гражданской войны. Он был принят Конгрессом США, который на тот момент контролировался Республиканской партией.

Закон предусматривал создание пяти военных округов на территории бывших конфедеративных штатов и назначение генералов-комиссаров для управления этими округами. Каждый из них должен был быть назначен президентом США и утвержден Конгрессом. Комиссары должны были надзирать за проведением выборов в штатах и контролировать деятельность местных правительств.

Закон также предусматривал, что штаты Юга должны были принять новые конституции, которые гарантировали бы равные права для всех граждан, включая бывших рабов. Эти конституции также должны были запретить дискриминацию по расовому признаку и обеспечить всеобщее избирательное право.

Если штаты Юга не могли или не хотели выполнить эти требования, то их правительства могли быть отстранены от власти, а округа могли быть объединены в один военный округ. В этом случае, федеральное правительство могло назначить временное правительство в штате до тех пор, пока не были выполнены все требования закона [11].

Список литературы

1. Блинов А. И. Основные социально-экономические проблемы периода реконструкции юга в истории США: в 2-х томах: Дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.03. Новомосковск, 1968. 884 с.
2. Лисневский Э. В. Клановое движение в США в период реконструкции Юга (1865–1877 гг.): Дисс... кандидата исторических наук: 07.00.03. Ростов н/Д, 1971. 435 с.
3. Исаев С.А. Эпоха Реконструкции и процесс Реконструкции в истории США, 1861–1877 гг: политико-правовой обзор // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. Вып. 8. Курск: Курский государственный университет, 2016. С. 70 – 92.
4. Andrew Johnson: Path to Impeachment. March 2, 2018. By Jessie Kratz, Posted in Civil War, Presidents, U.S. House, U.S. Senate // URL: <https://prologue.blogs.archives.gov/2018/03/02/andrew-johnson-path-to-impeachment/> (дата обращения 23.01.2024).
5. Assassination of Abraham Lincoln // URL: <https://www.britannica.com/summary/assassination-of-Abraham-Lincoln> (дата обращения 23.01.2024).
6. Biographical Directory of the United States Congress 1774-2005: The Continental Congress September 5, 1774, to October 21, 1788 and The Congress of the United States from the first through the one hundred eight congresses March 4, 1789, to January 3, 2005, Inclusive – Closing date of Compilation, January 3, 2005. United States Government Printing Office 2005 // URL: <https://archive.org/details/biographicaldire00unit> (дата обращения 23.01.2024).
7. Dubin M. J. United States Congressional Elections, 1788-1997: The Official Results of the Elections of the 1st Through 105th Congresses // URL: <https://www.librarything.com/work/6782416> (дата обращения: 23.01.2024).
8. Foner E. Reconstruction: America's Unfinished Revolution, 1863–1877. Harper Perennial Modern Classics, 2014 // URL: <https://www.librarything.com/work/13658> (дата обращения 23.01.2024).
9. Glasson W. Economic Needs of the South – The New South (1910) // URL: <https://archive.org/details/jstor-1011503> (дата обращения: 23.01.2024).
10. Marsico K. History of America: The Reconstruction Era. Vero Beach, Fla.: Rourke Educational Media, 2014. 56 p. // URL: <https://archive.org/details/reconstructioner0000mars> (дата обращения 23.01.2024).

11. History.com Editors. (2009, November 9). Reconstruction History // URL: <https://www.history.com/topics/american-civil-war/edwin-m-stanton> (дата обращения 23.01.2024).
12. New-York daily tribune [volume], October 23, 1865 // URL: <https://www.loc.gov/item/sn83030213/1865-10-28/ed-1/> (дата обращения 23.01.2024).
13. Matuz R., Baker L. W. Reconstruction Era Biographies. Detroit: UXL, 2005. 246 p. // URL: https://openlibrary.org/works/OL2655214W/Reconstruction_era (дата обращения 23.01.2024).
14. McPherson E. The political history of the United States of America during the period of reconstruction, (from April 15, 1865, to July 15, 1870). Washington, D.C.: Philp & Solomons, 1871. 670 p. // URL: <https://archive.org/details/politicalhistory00lcmph> (дата обращения 23.01.2024).
15. Wiener J. Social Origins of the New South Alabama, 1860–1885. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1978. 247 p.

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Сидорова М.Ю.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА СССР В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются подходы к формированию внешней политики Советского государства в 1920–1930-е годы. Автор статьи анализирует идейное содержание и организационные формы реализации внешнеполитической стратегии СССР, пропагандистское и реальное содержание советской внешней политики.

Ключевые слова: СССР; внешняя политика; международные отношения; Агитпроп; Коминтерн

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Sidorova M.Yu.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

FOREIGN POLICY PROPAGANDA OF THE USSR IN THE CONDITIONS OF INTERNATIONAL LEGAL RECOGNITION OF THE SOVIET STATE

The article discusses approaches to the formation of the foreign policy of the Soviet state in the 1920s – 1930s. The author of the article analyzes the ideological content and organizational forms of

implementation of the foreign policy strategy of the USSR, the propaganda and real content of Soviet foreign policy.

Keywords: *USSR; foreign policy; international relations; Agitprop; Comintern*

Внешнеполитическая пропаганда – это систематическая деятельность, направленная на формирование и поддержание определенного образа и восприятия государства или политической системы на мировой арене. Она осуществляется путем использования различных коммуникационных и информационных методов и инструментов с целью усиления влияния на международные отношения, добиваясь поддержки, сочувствия или симпатии со стороны других государств и общественности.

Внешнеполитическая пропаганда обычно основывается на использовании идеологических инструментов: распространение информации и комментариев, формирование образа государства через средства массовой информации, дипломатические каналы и другие коммуникации. Целью внешнеполитической пропаганды является служение национальным интересам государства, поддержка его политической позиции, привлечение симпатии и завоевание влияния на другие государства и международные организации.

Внешнеполитическая пропаганда СССР начинала свою деятельность в период, когда Советское государство только выходило на международно-правовую арену. Этот период охватывает события, произошедшие в 1920-ые годы XX века, когда СССР становилась одной из крупнейших сверхдержав мировой арены и серьезным игроком в международных отношениях, с которым в дальнейшем вынуждены были считаться и другие, в том числе капиталистические, страны мира. В эти времена Советский Союз активно использовал пропаганду для продвижения своей идеологии и интересов на глобальной арене.

30 декабря 1922 года – день образования Союза Советских Социалистических Республик. Новая страна выбрала свой, новый вектор идеологического развития – коммунистический. Дело в том, что именно в XX веке «борьба за умы людей стала важной составной частью международной политики» [7, с. 165]. Противоборствующими для СССР идеологическими направлениями стали либерализм, консерватизм, позднее фашизм. Запад воспринимал большевиков как разрушителей по своей сути. Раннюю внешнюю политику советской власти определял принцип пролетарского интернационализма, что было главной причиной недовольства капиталистических стран в отношении СССР. Большевики стремились к мировой революции, свои радикальные идеи они экспортировали в другие страны, лидеры которых считали это грубым вмешательством в их внутренние дела [2].

Именно поэтому главная цель внешнеполитической пропаганды СССР в 1920-х годах была связана с установлением и распространением идеологии коммунизма и постройкой социалистического общества. СССР стремился превратиться в центр притяжения для рабочего класса и бороться с империализмом и капитализмом. Пропаганда была направлена на создание положительного образа советского общества и его достижений, включая улучшение условий труда, социальной защиты и образования. Также СССР в 1920-х годах стремился к повышению собственного престижа и авторитета в глазах международного сообщества, добиваясь признания государственного статуса и установления дипломатических отношений со многими государствами. На международной арене СССР стремился представлять себя как костяк антиимпериалистического фронта, готового к борьбе с капиталистическими силами [4, с. 354]. Таким образом, СССР стремился создать международную коалицию пролетариата и национально-освободительных движений, воззвав к международной солидарности против колониализма и империализма.

Впервые вопрос о необходимости пропаганды, в основном печатной, большевики ставят в 1919 г.: «Тогда же была принята Программа РКП (б) и в рамках нее резолюция «О партийной и советской печати», которая провозглашала главной партийной задачей создание обширной пропаганды коммунистических идей с целью воспитания людей нового типа с коммунистической идеологией» [6, с. 26].

Советская система внешнеполитической пропаганды начала свое формирование с создания в 1920 году Агитпропа. Целью этой организации, согласно резолюции ЦК на IX Всероссийской конференции РКП (б), было полное охватывание и объединение агитационно-пропагандистской и культурно-просветительской работы всех видов. Агитроп становился важным механизмом в воздействии на внешнеполитическую сторону развития страны. В том числе, данный орган имел достаточно много эффективных рычагов воздействия на население: печатные СМИ, устная агитация, подготовка агитаторов, организация митингов, политических кампаний, визуальная агитация. Также в 1922 г. было создано информационное агентство. Данная организация на протяжении 1920-х гг., XX века выполняла достаточно значимую задачу в области внешнеполитической пропаганды: «воздействие на общественное мнение стран Запада и формирование благоприятного имиджа Советского Союза на мировой арене» [6, с. 27].

Одной из основных мер по реализации советской пропаганды за рубежом было создание «Главного политуправления» (ГПУ) в 1922 г., которое стало основным органом по организации и контролю пропагандистской деятельности за рубежом [4, с. 543]. В рамках ГПУ были организованы специальные подразделения по агитации и пропаганде, которые активно осуществляли свою деятельность на международной арене. Деятельность ГПУ в области внешнеполитической пропаганды была многообразной. Основные направления работы включали:

А) Издательская деятельность: ГПУ организовывало выпуск печатных изданий, включая газеты и журналы, которые распространялись за границей. Таким образом, советская пропаганда была доступна широкому кругу читателей и могла влиять на общественное мнение и восприятие Советского Союза. Некоторые известные издания включали газету «Известия СССР» и журнал «Новый мир». Б) Радиовещание: ГПУ активно использовало радиовещание для передачи своих идей и пропаганды. Советские радиостанции регулярно вещали на иностранные страны, представляя коммунистическую идеологию и информацию о событиях в СССР. Кроме того, ГПУ организовывало радиопередачи на иностранных языках, чтобы распространять свои взгляды на политику, экономику и культуру Советского Союза. В) Кино и литература: ГПУ активно поддерживало развитие советского кино и литературы с целью пропагандирования коммунистических идей. Советские фильмы и литературные произведения были переведены на различные языки и распространялись по всему миру. Они отражали советскую жизнь, достижения и идеалы, что позволяло создать представление о Советском Союзе и его достижениях. Г) Речи и дипломатические мероприятия: ГПУ организовывало выступления советских делегаций на международных конференциях, съездах и других мероприятиях. Руководители СССР и высокопоставленные советские дипломаты активно использовали такие возможности для пропаганды коммунизма и солидарности с рабочими и крестьянами СССР. Они аргументировали свои позиции, представляли статистические данные и документальные материалы, чтобы подтвердить свою пропагандистскую кампанию [6, с. 29].

Стоит отметить, что в период международно-правового признания Советского государства одной из целей внешнеполитической пропаганды СССР было желание добиться признания социалистической системы и интересов СССР другими странами. Именно поэтому советское руководство было активно вовлечено в проведение коммунистических кампаний и движений,

таких как «Коминтерн» и «Красная помощь». «Коминтерн» активно поддерживал национальные освободительные движения, а также коммунистические партии, борющиеся с империализмом и колониализмом. Он оказывал их помощь в области печати, организации штабов, обучения и финансовой поддержки [3, с. 227]. Были проведены сессии «Коминтерна», на которых обсуждались вопросы тактики и стратегии, а также разрабатывались рекомендации для коммунистических партий и движений. «Красная помощь», созданная в 1922 г., организовывала международные кампании сбора средств, чтобы помочь коммунистическим партиям и защищать интересы трудящихся [1, с. 227]. Именно поэтому данная организация активно поддерживала жертв политических репрессий, беженцев, борцов за национальное освобождение и коммунистические партии в разных странах. Она оказывала помощь не только финансовую, но и организационную, помогая с организацией медицинских учреждений, пропагандой и обучением.

И «Коминтерн», и «Красная помощь» являлись ключевыми инструментами советской коммунистической пропаганды и влияния в международном масштабе. Оба движения содействовали распространению коммунистической идеологии и оказывали поддержку коммунистическим партиям и движениям в борьбе за свои политические и экономические интересы.

Руководство стран Западной Европы и Америки активно боролось с распространением советской внешнеполитической пропаганды, в общем, и коммунистической идеологии, в частности. Например, Соединенные Штаты Америки, которые установили дипломатические отношения с СССР только 16 ноября 1933 г., на протяжении 1920-х гг. выражали недовольство и беспокойство из-за советской пропаганды. Правительство США было обеспокоено тем, что в Новом Свете оказалось немало поклонников советской республики: «СССР перехватил у Америки лидерство в социальном эксперименте, динамизме развития; о ней говорили как о «громадной лаборатории» [9, с. 63]. Благоприятно на новую страну в штатах смотрели не только рабочие, но и интеллектуалы, побывавшие в СССР в 1920-ые гг.: «Л. Стеффенс, А. Уильямс, Дж. Рид восторженно отзывались об увиденном. «Я был в будущем, и оно работает», — заявил Л. Стеффенс» [9, с. 64]. Именно поэтому у правительства США был дополнительный стимул для того, чтобы следить за распространением советской литературы, фильмов и публикаций. Правительство было крайне озабочено тем, чтобы изолировать профсоюзы от каких-либо левых влияний. Американские газеты писали: «Правительство боится, что, если Советская Россия будет признана, радикальные фракции усилятся и могут захватить в свои руки контроль над рабочими союзами... Американское рабочее движение в результате признания России может занять более воинственную позицию, чем та, которую оно занимает сейчас под контролем Гомперса» [8, с. 44]. Примером реакции США было принятие «Закона об иностранных агентах», изданного в 1922 г. Данный регулятивный акт был направлен на контроль и ограничение деятельности иностранных пропагандистов и организаций в стране. Суть Закона об иностранных агентах заключалась в требовании к представителям иностранных организаций, занимающихся политической или пропагандистской деятельностью, регистрироваться в качестве «иностранных агентов» и предоставлять подробную информацию о своих финансовых и организационных связях. Это включало отчеты о доходах, расходах и активах, а также описания целей и методов их деятельности. Закон был особенно направлен против коммунистической пропаганды, поэтому большое внимание уделялось организациям, связанным с Советским Союзом.

Великобритания, установившая дипломатические отношения с СССР только 1 февраля 1924 г., также принимала меры для противостояния советской пропаганде. Например, Министерство иностранных дел Великобритании создало организацию «Дирекция помощи в визуализации фактов», которая занималась контрпропагандой и созданием антикоммунистической деятель-

ности. Они печатали брошюры, проводили лекции и организовывали выставки, чтобы противодействовать идеологии СССР. Одним из основных методов работы «Дирекции помощи в визуализации фактов» была визуализация фактов и данных, связанных с советской пропагандой. Организация собирала информацию о пропагандистских материалах, распространявшихся в Великобритании, и анализировала их содержание. Затем специалисты «Дирекции» создавали визуальные материалы – диаграммы и графики, которые помогали иллюстрировать и анализировать агитационные методы, использовавшиеся в советской пропаганде. Она публиковала свои отчеты, аналитические статьи и презентации, освещающие темы, связанные с советской пропагандой. Благодаря этим материалам, «Дирекция помощи в визуализации фактов» помогала разоблачить манипуляции и искажения фактов, используемые советской пропагандой в Великобритании.

Несмотря на противодействие советской идеологии, прагматические цели заставили Великобританию вступить в дипломатические отношения с СССР. Прежде всего, этому способствовало несколько факторов: «1) Осознание необходимости установления нормальных дипломатических отношений в связи с победой большевиков в Гражданской войне; 2) Торговые и экономические интересы Великобритании: рынок Советского Союза представлял большой потенциал для британских компаний, и установление дипломатических отношений между двумя странами открывало новые возможности для сотрудничества в области торговли и инвестиций» [10, с. 29].

Французское правительство также пресекало распространение советской пропаганды в своих границах. Особенно, если учитывать то, что советская печать рассматривала Францию, как: «один из главных мировых империалистов. Показывалось вмешательство Франции в дела Греции и Турции, претензии Франции на гегемонию в Средиземном море. В целом подготовка к войне рассматривалась как ключевое направление французской политики» [5, с. 201]. Это стало одной из причин принятия в 1923 году закона, запрещающего коммунистическую пропаганду и «агитацию, направленную на изменение политической и социальной организации страны». Этот закон, известный как «Закон о борьбе с коммунистической пропагандой и обороной республики», был принят 21 марта 1924 года. Согласно его положениям, коммунистическая пропаганда была признана незаконной, и все коммунистические организации и публикации подлежали запрету. Закон также предусматривал наказание для тех, кто распространял коммунистическую пропаганду или принимал участие в коммунистических организациях. Правительство Франции проводило меры по преследованию и подавлению коммунистической пропаганды.

Были осуществлены рейды по домам и офисам, где находились коммунистические литература, печатные материалы и другие доказательства деятельности коммунистических организаций. Судебная система в рамках, изданного закона выносила приговоры и осуществляла наказания в отношении тех, кто нарушал его положения. Коммунистические организации были запрещены, а коммунистическая литература и печатные материалы конфисковались и уничтожались. Хотя и закон был отменён только в 1936 г., дипломатическое признание СССР со стороны Франции было осуществлено уже в 1924 г. Данная мера была необходима для Франции по нескольким причинам: «1) Эти дипломатические отношения были результатом усиления коммунистического движения во Франции и стремления правительства контролировать его влияние. Установление дипломатических отношений с СССР позволило Франции вступить в диалог с коммунистическим правительством и, возможно, смягчить его революционные стремления внутри страны. Это была попытка «голубых» (правых) сил Франции уравновесить влияние «красных» (левых) сил; 2) Установление дипломатических отношений с СССР также имело экономические преимущества для Франции» [5, с. 203]. В этот период СССР нуждался в иностранных инвестициях

и технологиях для своего индустриального развития. Франция, в свою очередь, видела в СССР потенциального торгового партнера. Установление дипломатических отношений могло облегчить торговлю и экономическое сотрудничество между двумя странами.

СССР использовал международное признание для активного распространения своей пропаганды и идеологии не только внутри страны, но и за ее пределами. Признание СССР другими государствами открывало новые возможности для пропаганды и влияния на международную арену. С одной стороны, Советский Союз выступал в качестве примера альтернативной модели развития для народов других стран, особенно во время Великой Депрессии 1930-х годов, когда он предложил свою модель экономического развития и социальные программы в качестве средства преодоления кризиса. С другой стороны, СССР использовал свои внешние связи и дипломатические отношения для создания привлекательного образа в международных СМИ. Он активно распространял информацию о своих достижениях, пропагандируя успехи в экономике, научных открытиях, социальных реформах и прогрессе в культуре и образовании. Это позволяло СССР формировать позитивное представление о своей стране и истории в международной общественности, укрепляя свою пропагандистскую позицию [3, с. 228].

Таким образом, внешнеполитическая пропаганда СССР в условиях международно-правового признания Советского государства играла значительную роль в формировании образа страны в мировом сообществе. Она представляла собой сложную систему инструментов и методов, направленных на формирование позитивного восприятия Советского Союза и его идеологии. СССР активно использовал международно-правовое признание в качестве аргумента для подтверждения своей легитимности и влияния. Пропагандистские кампании, проводимые в рамках внешнеполитической деятельности страны, стремились укрепить представление о Советском Союзе как проявлении социальной справедливости и прогрессивной альтернативы западному миру. Советский Союз успешно использовал инструменты пропаганды, чтобы продвигать свою идеологию, представлять себя в благоприятном свете и привлекать поддержку со стороны других государств.

Список литературы:

1. Бокерия С. А., Диева А. А. Опыт информационной пропаганды в СССР как инструмент мягкой силы // Вестник РУДН. История России. 2015. №3 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-informatsionnoy-propagandy-v-sssr-kak-instrument-myagkoj-sily> (дата обращения 15.01.2024).
2. Норина В. Н. Признание СССР ведущими державами в первой половине 1920-х годов // Образовательный портал «Справочник» // URL https://spravochnik.ru/stranovedenie/priznanie_sssr_veduschimi_derzhavami_v_pervoy_pолоvine_1920-h_godov/ (дата обращения 14.01.2024).
3. Ибраев П. В. «Враждебное капиталистическое окружение» и «опасность войны» как внешнеполитические стереотипы в советской пропаганде 1920-1930-х гг. // Двадцать четвертые Вавиловские чтения: Материалы международной междисциплинарной научной конференции. В 2-х частях, Йошкар-Ола, 03 декабря 2020 года / Под общей редакцией В.П. Шалаева. Том Часть 1. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2021. С. 226–229.
4. Идеология, пропаганда и агитация в СССР: Справочное пособие / Авт.-сост. Д.В. Кузнецов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2019. 924 с.
5. Каменская Е. В. Франция и советско-французские отношения: образы в советской печати первой половины 1920-х гг. // Пичетовские чтения - 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 21 октября 2020 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 200–205.
6. Краснощеков Н. А. Эволюция механизма государственного регулирования советской внешнеполитической пропаганды в печатных СМИ (1917–1963 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2020. №4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mehanizma-gosudarstvennogo-regulirovaniya-sovetskoy-vneshnepoliticheskoy-propagandy-v-pechatnyh-smi-1917-1963-gg> (дата обращения 13.01.2024).

7. Новейшая история стран Европы и Америки XX век / К. С. Гаджиев, Т. А. Закаурцева, А. М. Родригес, М. В. Пономарев. В 2 ч. Ч. 1. М.: ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2001. 464 с.
 8. Рубинштейн Н. Л. История антисоветской политики американского империализма // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 36–55.
 9. Супоницкая, И. М. «Советизация» Америки в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 59–72.
 10. Федякин А. В. Формирование позитивного образа Советского государства в 1920-е—1940-е гг.: официальные документы и политическая практика // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. №2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pozitivnogo-obraza-sovetskogo-gosudarstva-v-1920-e-1940-e-gg-ofitsialnye-dokumenty-i-politicheskaya-praktika> (дата обращения 10.01.2024).
-

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Спасёнок С.В.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853 г.

В статье рассматриваются отношения России и Британии в преддверии Крымской войны 1853–1856 гг. Уделяется внимание противоречиям, которые оформились в отношениях между государствами во второй половине девятнадцатого века. Представлен анализ исторического контекста, который играет важную роль в понимании и анализе отношений между Россией и Великобританией в этот сложный период. Автор приходит к выводу о том, что российско-британские отношения были напряженными, но обе стороны предпринимали дипломатические маневры для урегулирования конфликта. Происходили серьезные политические изменения и пересмотр представлений друг о друге.

Ключевые слова: *российско-британские отношения; Крымская война; причины войны; XIX в.; противоречия*

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Spasyonkova S.V.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

RUSSIAN-BRITISH RELATIONS ON THE EVE OF THE CRIMEAN WAR OF 1853

The article examines relations between Russia and Britain on the eve of the Crimean War of 1853–1856. Attention is paid to the contradictions that took shape in relations between states in the second half of the nineteenth century. An analysis of the historical context is presented, which plays an import-

ant role in understanding and analyzing relations between Russia and Great Britain during this difficult period. The author comes to the conclusion that Russian-British relations were tense, but both sides undertook diplomatic maneuvers to resolve the conflict. There were serious political changes and a revision of ideas about each other.

Keywords: *Russian – British relations; Crimean War; causes of the war; 19th century; contradictions*

Российско-британские отношения в преддверии Крымской войны 1853 года являются одной из ключевых проблем того исторического периода, когда Великобритания и Россия оказались на противоположных сторонах конфликта. Этот период характеризуется напряженностью и ростом антироссийских настроений в Британии, вызванными несколькими факторами: расширением российского влияния на Балканах, стремлением к контролю над Черным морем и конкуренцией за колониальные владения в регионе.

Крымская война выявила многие противоречия и привела к кризису международных отношений в Европе. Поражение в Крымской войне стало для России большим ударом и отчетливо продемонстрировало крупное отставание российской технико-экономической базы от мирового уровня.

Проблемы и кризисы, связанные с экономической отсталостью Российской империи, общим кризисом феодально-крепостнической системы, проблемами с железнодорожным снабжением, информационным обеспечением, в развитии горнозаводской промышленности, наметились и все больше проявились на рубеже 1840–50-х гг. Для решения данных экономических проблем были предприняты определенные усилия уже с середины 1840-х гг., которые заключались, в первую очередь, в целенаправленном приглашении в Россию специалистов из зарубежных стран, и, прежде всего, британцев, на которых возлагались надежды по развитию передовых технологий. Не всегда эти попытки были успешными, однако даже в преддверии военных событий обмен техническими кадрами не прекращался, и во время Крымской войны на Урале работали британские специалисты [5, с. 115].

В начале 1850-х годов Россия активно укрепляла свое присутствие на Балканах, что вызывало тревогу у британских политиков и дипломатов. Они видели это как угрозу для своих интересов в этом регионе, особенно для контроля над стратегически важным Черным морем. Боязнь потерять доступ к этому морскому пути к Индии была одной из главных причин обострения отношений между Россией и Великобританией. Кроме того, конкуренция за колониальные территории, особенно в Азии и Африке, также усиливала антироссийские настроения в Британии. Таким образом, Восточный вопрос в рассматриваемый период стал катализатором для противостояния двух держав и разворачивания Крымской войны.

Кроме того, представляется необходимым более тщательно рассмотреть общую специфику взаимоотношений Англии и России в середине XIX века. Данные отношения, как представляется, определяются во многом экономическим прагматизмом, проявляемым, в первую очередь, со стороны британской короны. Даже обострение международной обстановки и двусторонних отношений далеко не сразу и не всегда приводило к свертыванию экономических отношений Англии с Россией. Взаимоотношения между двумя державами должны были вступить в настолько бескомпромиссную, ожесточенную фазу, чтобы экономические отношения были прерваны.

Надо заметить, что отмеченный экономический прагматизм был постоянной чертой, определявшей британскую внешнюю политику по отношению к России едва ли не с XVI в. Но даже военное противостояние Англии и России могло проходить на фоне локальных фактов сотрудничества в сфере экономики и технологий, примеры чему мы находим и в период Крымской войны [4, с. 31].

Исторический контекст играет важную роль в понимании и анализе отношений между Россией и Великобританией перед Крымской войной 1853 года. Этот период характеризовался сложными политическими и экономическими событиями, которые оказали непосредственное влияние на дальнейшее развитие отношений между двумя странами.

На протяжении всего XIX века они конкурировали друг с другом за влияние на европейской арене, особенно в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Россия стремилась к расширению своих территорий и повышению своего статуса как империи, тогда как Британия стремилась сохранить свое гегемонистское положение и препятствовать возможным вызовам.

Одним из ключевых противоречий был Восточный вопрос – в том числе, проблема контроля над черноморскими проливами. Области, такие, как Османская империя, Крым и Балканы, были в центре внимания обеих стран. В этом контексте Россия стремилась укрепить свое присутствие на Черноморском побережье и получить доступ к теплым морям, что давало бы ей преимущество над Британией. Великобритания, с другой стороны, боялась, что российская экспансия может нарушить ее интересы в регионе и потенциально угрожать ее колониальной империи.

В контексте дальнейшей эволюции Восточного вопроса Крымская война 1853 года стала точкой поворота в российско-британских отношениях. Конфликт начался с обострения спора о правах христиан на Востоке, а затем перерос в полномасштабную войну между Россией и Турцией. Великобритания присоединилась к конфликту, чтобы поддержать Турцию, что привело к дальнейшему обострению взаимоотношений между двумя странами.

Таким образом, исторический контекст играл существенную роль в формировании российско-британских отношений в преддверии Крымской войны 1853 года. Сложные политические и экономические факторы, а также конкуренция за влияние в Восточной Европе и на Ближнем Востоке, создали напряженную обстановку между двумя империями. Это привело к возникновению конфликта, который стал одной из самых значительных точек поворота в истории российско-британских отношений [1, с. 18].

Одной из отправных точек противостояния между Россией и Великобританией в середине XIX века была борьба за господство на Ближнем Востоке. Обе страны стремились установить свое влияние в этом регионе, который был богат природными ресурсами и имел стратегическое значение для контроля над торговыми путями. Россия, расширяющая свою империю на юге, видела Ближний Восток как потенциальную территорию для расширения своих владений. Великобритания же, обладая колониями в этом регионе, не желала уступать своих позиций.

Еще одной причиной напряженности в отношениях была поддержка Россией национально-освободительного движения на Балканах. Россия стремилась использовать этот регион для расширения своего влияния и поддерживала национальные освободительные движения, которые выступали против Османской империи. Великобритания же была заинтересована в сохранении статус-кво на Балканах и не желала увеличения влияния России.

Также поводом для конфликта было нарастание противоречий между Россией и Великобританией по вопросу о контроле над черноморскими проливами. В 1853 году русский флот атаковал турецкий флот в порту Синоп, что вызвало недовольство Великобритании и Франции, которые считали это нарушением международного права. Это стало началом формирования коалиции против России.

Важным фактором нарастания напряженности в отношениях между двумя странами была также роль прессы в обеих странах. Газеты публиковали провокационные статьи, создавая негативные образы России или Великобритании в глазах общественности. Это способствовало

укреплению антироссийских или антибританских настроений в обществе и усугубляло конфликт между двумя странами.

Именно эти проблемы многие историки определяют как причины Крымской войны 1853–1856 гг., а никак не желание Николая I установить господство в регионе и добиться раздела Османской империи, о чем упоминалось в ходе различных переговоров. Более того, в беседе с английским послом Сеймуром от 22 января 1853 г. царь говорил: «Наследовав её (Екатерины II) обширные владения, я не наследовал её видений или, если хотите, проектов. Наоборот, моя страна так обширна и находится в столь счастливом во всех отношениях положении, что с моей стороны было бы безрассудно желать увеличения земель и большего могущества, чем у меня есть. В этой империи живёт несколько миллионов христиан, интересам которых я должен оказывать покровительство, и это право обеспечено за мною трактатами» [2, с. 61].

Таким образом, противоречия в отношениях между Россией и Великобританией в преддверии Крымской войны 1853 года были обусловлены целым комплексом экономических и политических причин. В результате этого конфликта разгорелась Крымская война, которая стала одной из самых кровопролитных и значимых войн XIX века.

В преддверии Крымской войны 1853 года отношения между Россией и Великобританией находились в состоянии напряженности. Обе стороны стремились сохранить свои интересы и предотвратить эскалацию конфликта, поэтому было предпринято несколько дипломатических маневров для урегулирования спора.

В начале 1853 года представители России и Великобритании провели ряд переговоров в Лондоне, в ходе которых обсуждались возможности урегулирования противоречий. Было предложено создание международной комиссии для расследования дипломатических инцидентов и определения возмещения ущерба Турции.

В то же время, Россия предпринимала свои собственные дипломатические шаги для предотвращения эскалации конфликта. Она выступала в поддержку турецкой независимости и целостности, заявляя о своем намерении сохранять мирные отношения с Османской империей. В этот период были проведены ряд встреч между высокопоставленными дипломатами России и Турции, где обсуждались возможности установления долгосрочного мирного сотрудничества.

Однако все эти попытки урегулирования конфликта оказались безуспешными. Напряжение продолжало нарастать, а обвинения и претензии со стороны обеих стран только углубляли разногласия [6, с. 44].

Таким образом, до начала Крымской войны 1853 года российско-британские отношения были напряженными, но обе стороны предпринимали дипломатические маневры для урегулирования конфликта. Однако неприятие предложенных условий и нарастающая враждебность привели к тому, что дипломатический путь оказался неэффективным, и конфликт перерос в открытую войну.

В результате Крымской войны Россия потерпела поражение, что привело к серьезным изменениям в ее политическом и стратегическом положении. Великобритания же получила значительные выгоды и усиление своего влияния на международной арене [3, с. 51].

Однако нельзя сказать, что Крымская война полностью разрушила российско-британские отношения. После окончания конфликта две державы нашли общий язык и продолжили дипломатический диалог. В последующие годы было подписано несколько соглашений о торговле и экономическом сотрудничестве между Россией и Великобританией.

На протяжении всего XIX века российско-британские отношения были подвержены значительным изменениям. В последующие годы два государства находили общий язык в ряде во-

просов и сотрудничали в таких областях, как торговля, культурный обмен и борьба с международной преступностью.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что Крымская война 1853–1856 годов оказала значительное влияние на российско-британские отношения. Она вызвала серьезные политические изменения и пересмотр представлений друг о друге. Несмотря на это, два государства продолжали стремиться к поддержанию равновесия и улучшению своих отношений на основе сотрудничества и уважения.

Список литературы

1. Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4 тт. СПб.: тип. Ф. Сущинского, 1877 // URL: <http://history.scps.ru/crimea/bogdan00.htm> (дата обращения 18.02.2024).
2. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Глава IX // URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai1-09.htm> (дата обращения 18.02.2024).
3. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 287 с.
4. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. 2-е монографич. изд., перераб. и доп. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2010. 480 с.
5. Павленко О. В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 18 (140). С. 9–37.
6. Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. Международная научная конференция 24–28 августа 1994 г. Севастополь: НПО «Югрыбтехцентр», 1994. 89 с.
7. Суитман Дж., Мерсер П. Крымская война. Британский лев против русского медведя. М.: Эксмо, 2011. 213с.

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Шаихова С.Р.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

СЕРБСКАЯ КРАИНА: БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЕЕ ИТОГИ

В данной статье рассматривается кратко становление и существование Сербской Краины, в связи с историей рассматриваются причины конфликта, который формировался не один год. Анализируются основные аспекты борьбы за независимость и причины поражения.

Ключевые слова: Сербская Краина; независимость; борьба; конфликт; операция; югославский конфликт; противостояние борьба за независимость

Abolmasov V.V.,

Scientific Adviser, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Shaikhova S.R.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

SERBIAN KRAJINA: THE STRUGGLE FOR INDEPENDENCE AND ITS RESULTS

This article briefly examines the formation and existence of the Serbian Krajina, in connection with the history, the causes of the conflict, which has been forming for more than one year, are considered. The main aspects of the struggle for independence and the causes of defeat are analyzed.

Keywords: *Serbian Krajina; independence; struggle; conflict; operation; Yugoslav conflict; confrontation; struggle for independence*

Военная операция 1995 года, в которую были вовлечены и Хорватия и ООН и, конечно, Сербская Краина вызывает много вопросов и споров.

Даже по прошествии большого количества лет многие историки и политологи пытаются ответить на вопрос, был ли другой вариант у Сербской Краины, была ли возможность сохранить данное государство.

Появлению республики Сербская Краина и ее недолгому существованию (1991–1995) предшествовала война на Балканах, в результате которой большая часть сербских земель на территории Хорватии провозгласили независимость. Республика не была признана, а ее земли стали хорватскими автономиями.

Сейчас жители страны пытаются оставить позади боль пережитой войны и доказать всему миру, что могут спокойно жить без конфликтов. В последние годы население территорий, которые некогда были непризнанной Республикой Сербская Краина, активно обустривает быт, имея в своем распоряжении земли необычайной красоты. Бывшая республика граничила с Хорватией, Союзной Республикой Югославией, Республикой Сербской и другими странами. К тому же государство было очерчено хорватскими анклавами, занимавшими преимущественно сербские земли в окрестностях городов Книн, Петринья, Осиек и Вуковар в автономной области Восточная Славония. История оставила глубокие отпечатки, как на представителях народа, так и на облике Балкан в целом. Эти территории пережили римское господство, византийское владычество, деление земель между венецианскими синьорами и домом Габсбургов, нашествие османов и господство Австро-Венгерской империи [4, с. 21].

Первопричина войн на Балканах уходит корнями в конец 1980-х годов и связана с другими мощными государствами социалистического блока. Дело в том, что после падения Берлинской стены – первой ласточки развала социалистического объединения и системы в целом – по странам, которые до этого находились под влиянием СССР, прокатилась волна национальных движений. В большинстве случаев идеологической опорой этих движений был этнический национализм.

В российской историографии этот конфликт также часто объединяют с Боснийской войной и используют термин «Югославский кризис», «Войны периода распада Югославии». Более того, по временным рамкам военного конфликта нет единой точки зрения. Самые кровопролитные и ожесточенные бои на территории бывшей Югославии шли с 1992 г. по 1995 г., но некоторые историки раздвигают временные рамки с 1990 г. до 2001 г.

Но последнее время все чаще в сербских источниках встречается термин «Отечественная война 1992–1995 гг.». И войну в Хорватии и Боснии рассматривают как единое явление. В рос-

сийской историографии этот конфликт также часто объединяют с Боснийской войной и используют термин «Югославский кризис», «Войны периода распада Югославии».

В конце 1980-х годов в Югославии идут процессы, схожие с процессами в СССР. Страна разваливается. Одна за другой союзные республики объявляют о своей независимости. Словения и Македония сделали это практически бескровно. Однако на территориях Хорватии и Боснии и Герцеговины разгорелась самая настоящая война. Связано это было с одним серьёзным фактом – в них жило немало сербов. Они не хотели становиться меньшинствами в государствах, где к власти пришли откровенно националистические силы. В результате этого на территории Хорватии и Боснии образовались две непризнанные республики – Сербская Краина и Республика Сербская [3, с. 19].

И если Республике Сербской удалось в конечном итоге отстоять своё право на существование, пусть и в рамках широкой автономии в составе Боснии и Герцеговины, то судьба Сербской Краины оказалась трагичной.

Обе республики на первых порах поддерживала Югославская народная армия (ЮНА), состоявшая преимущественно из сербов. Когда президент Югославии Слободан Милошевич согласился на вывод частей ЮНА с территории Хорватии, немало военной техники, оружия и боеприпасов были преднамеренно оставлены в Сербской Краине. В конце 1991 года краинские сербы провозглашают независимость от Хорватии и начинают создавать собственную полицию и армию. Официальный Белград в лице Милошевича обещает Краине военную помощь в случае масштабного вторжения хорватских войск. С 1992 года между хорватской и краинской армиями начинаются боестолкновения разной интенсивности. В зону конфликта вводятся миротворцы ООН.

Конфликт пытались решить и на политическом уровне. Сербская Краина была готова на широкую автономию в составе Хорватии. Однако президент Хорватии Ф. Туджман с этим был категорически не согласен. Ещё в 1990 году сербы в Хорватии были приравнены к национальным меньшинствам без права пользоваться своим языком в образовании, документообороте и т.д. Эта статья хорватской Конституции, по сути, делала из сербов людей второго сорта.

Главными участниками националистических противостояний в бывшей Югославии стали сербы и хорваты, и разрешить конфликт разных этнических групп было сложно. Европейское сообщество, несмотря на приложенные усилия, не справилось с задачей снятия напряженности в регионе, и в 1991 году в Хорватии разгорелась война, быстро перекинувшаяся на соседнюю Боснию и Герцеговину.

Вооруженные конфликты между наиболее радикально настроенными представителями разных группировок были неизбежны. Так, в стремлении подавить сопротивление хорватских сербов и подчинить их своей воле Франьо Туджман вооружил активно настроенное хорватское население и создал Национальную гвардию Хорватии, которая со временем трансформировалась в Вооруженные силы Хорватии. В свою очередь, преданные Милошевичу люди способствовали созданию сербских сил обороны, которые опирались на югославскую армию, и всячески покровительствовали им. Целью сербских формирований было сохранение целостности Сербской Краины и Восточной Славонии и их отделение от Хорватии.

Движение сербов в Хорватии возглавила Сербская демократическая партия (СДП) Йована Рашковича. 23 мая 1990 г. председателем Скупщины общины Книн был избран Милан Бабич, стоматолог по профессии, член главного комитета СДП, бывший коммунист и делегат на Съезде Союза коммунистов Хорватии. Вокруг него сформировался круг национально ориентированных сербов, которые начали работу по объединению сербских общин в Хорватии. 25 июля 1990 г.

СДП провела съезд, где состоялось учреждение Сербского национального вече, и была принята Декларация о суверенитете и автономии сербского народа. Несмотря на попытки противодействия со стороны хорватских властей, 19 августа в ряде населенных пунктов прошел референдум, на котором сербы подавляющим большинством голосов поддержали создание своей автономии. 21 декабря 1990 г. в Книне представители СДП провозгласили Сербскую Автономную Область Краину (САО Краина, позже Республика Сербская Краина или РСК).

Но, несмотря на постепенное государственное строительство, Краина оставалась самопровозглашенным образованием.

В ходе противостояний пострадало гражданское население Краины, а некоторые города и населенные пункты в ходе войны были практически стерты с лица земли. Справедливости ради нужно сказать, что ущерб наносили не только хорватские группировки. Силы обороны также отличились жестокими преступлениями против хорватского населения и своих боснийских соседей [1, с. 121].

Город Вуковар, «жемчужина барокко», стал свидетелем самой кровавой драмы за всю историю существования Республики Сербская Краина. С августа по ноябрь 1991 года армейские подразделения Югославии при поддержке вооруженных формирований местного населения вели бои с Национальной гвардией Хорватии. В результате затяжного противостояния город был практически полностью опустошен и разрушен, более 3000 человек (в основном гражданское население) были убиты, примерно 30 000 человек депортировали, когда Вуковар пал и перешел в руки сербов.

В январе 1992 года был подписан мирный план Вэнса – Оуэна. ООН признала независимость Хорватии и обязала правительство Франьо Туджмана прекратить военные действия, направленные против сербов Республики Сербская Краина. Для наблюдения за соблюдением договоренностей в местность, где в основном проживали сербы, был отправлен международный миротворческий контингент.

Операция «Олуя» («Шторм») началась утром 4 августа 1995 года. Хорватская армия (на тот момент состоящая в общей сложности из 200 тысяч бойцов) перешла в массированное наступление. Ей противостояла 15-ти тысячная армия краинских сербов. «Голубые каски» миротворческого контингента ООН удивительным образом самоустранились, предварительно пропустив через свои позиции хорватские войска. Несмотря на ожесточенные бои и героическую оборону своей земли, сербы были обречены на поражение. Сербская Краина пала в течение 4 дней.

В течение нескольких дней вооруженные силы Сербской Краины, несмотря на ожесточенное сопротивление, потерпели полное поражение, и хорватская армия заняла столицу непризнанной республики – Книн. Надежда на помощь Югославии и Республики Сербской не оправдалась. Их президенты – Милошевич и Караджич – словно и не заметили массированной атаки на Сербскую Краину. Проблемы были и внутри республики. Есть версия, что руководство Краины заранее готовилось к «сливу», понимая, что помощи ждать неоткуда. Об этом, в частности, говорят следующие факты:

- эвакуация семей высшего руководства республики в Югославию и Республику Сербскую задолго до хорватского вторжения;
- организованно проведенная эвакуация гражданского населения во время операции «Олуя».

Проблемы были и в армии Сербской Краины. Её численность заметно уступала хорватским силам. По оценкам специалистов, с оружием в руках республику защищало от 15 до 27 тысяч сербов. Когда хорваты прорвали оборону Краины в нескольких местах, в рядах сербов началось массовое дезертирство: солдат и офицеров беспокоило теперь только одно – спасение своих семей и их эвакуация на территории Югославии или Республики Сербской.

Больше возможностей помочь Краине было у армии Союзной Республики Югославии. Несмотря на санкции и крайне сложное экономическое положение СРЮ, армия Югославии была мощной силой, намного превосходившей все армии в бывшей СФРЮ.

Из резиденции Слободана Милошевича президенту Республики Сербская Краина Милану Мартичу позвонил Милан Бабич и также потребовал ни в коем случае не бомбить хорватские города. Сначала Мартич согласился, но 5 августа всё же отдал приказ обстреливать Загреб из всех доступных орудий. Тот пообещал выполнить приказ, но в реальности проигнорировал его.

Из вышесказанного очевидно, что Югославия считала вопрос РСК решенным и не ставила своей целью защиту ее суверенитета. Просьбы Мартича о помощи остались без ответа [2, с. 201].

После нескольких дней агрессии из более чем 500 тысяч населения осталось не более 5 тысяч. Остальные, под палящим солнцем, без пищи и воды, двинулись по дороге, ведущей к Баня-Луке и далее к Белграду. За 4 дня погибло около 14 тысяч только гражданских лиц. 12 тысяч пропало без вести. Такое количество людей никогда не гибло в Европе за такой короткий отрезок времени с Второй Мировой войны.

Операция «Олуя» породила невиданный в Европе после Второй Мировой войны поток беженцев – более 250 000 человек. Несколько тысяч гражданских лиц из числа сербов были убиты при попытках покинуть Краину. Те из сербов, кто остался в Краине, не более 5 000 человек, в основном старики, также в большинстве своём были убиты.

Погибло и несколько миротворцев из Чехии, Дании и Непала.

И наконец, 1 ноября 1995 года страны – участницы конфликта подписали Дейтонское мирное соглашение. Подписанный с таким трудом документ положил долгожданный конец противостоянию между балканскими странами.

Республика Сербская Краина развалилась. В 1995 году часть ее территорий отошла к Боснии и Герцеговине, а в 1998-м Славония была присоединена к Хорватии, но с сохранением автономии.

Тем не менее, несмотря на заключенный мир, вооруженное противостояние распространилось на другие территории Балканского полуострова (война в Косово, бомбардировка НАТО Югославии), но в настоящее время в тех автономиях, которые входили в самопровозглашенную Республику Сербская Краина, и в целом в Хорватии выстрелы смолкли.

По нашему мнению, в августе 1995 г. у Сербской Краины не было шансов отстоять свою государственность. Единственным альтернативным сценарием могла быть упорная оборона, но наиболее вероятно, что международное сообщество закрыло бы глаза на тысячи жертв и позволило бы Хорватии захватить Краину, даже ценой больших потерь с обеих сторон. Фактически это и случилось – погибло около двух тысяч сербов, но ни санкций, ни какого-либо давления на Хорватию не последовало.

Сербская Краина погибла не ради амбиций Милошевича или «великосербского империализма». Главная причина трагедии хорватских сербов – попытка повторить опыт соседних народов на самоопределение, на свое будущее, на право жить на своей земле. Однако озверелый неонацизм, поднявший голову в Хорватии и поддержанный Западом, им такого права не предоставил. Это спровоцировало войну с массовыми этническими чистками, которая завершилась полным вытеснением сербов со своей родной земли. И в этот момент им никто не смог помочь, сербы были обречены.

Трагедия Сербской Краины была обусловлена слабостью ее армии, отсутствием людских резервов и экономического потенциала для развития своих вооруженных сил. Также немаловажную роль сыграло отсутствие военной поддержки со стороны Войска Республики Сербской и армии Союзной Республики Югославии.

Список литературы

1. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. М.: Рус. нац. фонд; Соловьев, 2021. 380 с.
 2. Кудров В. М. Югославия: трудный путь. М.: Экслибрис-Пресс, 2001. 84 с.
 3. Падение республики Сербская Краина // Альманах «ОСТРОГ». 2021. №21. С. 19–23.
 4. Соколов В. А. Могла ли Республика Сербская Краина выстоять в августе 1995 г.? // Славяне и Россия. 2017. №7. С. 21–29.
-

Алентьева Т.В.,

*доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*

ОБРАЗ КИТАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРИКАТУРИСТОВ США (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В статье с позиций имагологического подхода проанализировано, как создавался образ Китая и его жителей, как Другого, Чужого и Врага Цивилизации и Прогресса. В ней рассматривается, каким был сформирован образ Китая в американском общественном мнении карикатуристами. Проанализирован ряд карикатур из широко распространенных иллюстрированных журналов «Puck» и «Judge», стоявших на позициях империализма и экспансионизма.

Ключевые слова: конец XIX – начало XX века; США; Китай; имагология; визуальный поворот; образ; карикатуристика; «Puck»; «Judge»

Alentyeva T. V.,

*Dr. Sc. (History), Professor, Professor, Department of General History, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education «Kursk State University»*

THE IMAGE OF CHINA IN THE WORK OF US CARTOONISTS (END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)

The article analyzes from the standpoint of an imagological approach how the image of China and its inhabitants was created as Another, Alien and Enemy of Civilization and Progress. It examines how the image of China was formed in American public opinion by cartoonists. A number of cartoons from the widely distributed illustrated magazines «Puck» and «Judge», which stood on the positions of imperialism and expansionism, are analyzed.

Keywords: late XIX – early XX century; USA; China; imagology; visual turn; image; cartooning; «Puck»; «Judge»

Имагология – сравнительно новое направление междисциплинарных исследований в исторической науке [12, p. 22]. Изучение и анализ этнокультурных образов, стереотипов, национальных идентичностей как конструкторов открывает возможности понимания их внутренней сложности и противоречивости. В то же время визуальный поворот в историописании ставит перед исследователем новые задачи использования не столько привычных нарративов, но и

обращения к образам прошлого, визуализация которых запечатлена в самых разнообразных источниках, в том числе в карикатуре.

Необходимость в имагологическом изучении, по мнению Т.Л. Лабутиной, важна для понимания национальных идентичностей, сформировавшихся национальных образов [6, с. 211–212]. Л.П. Репина совершенно четко определяет, что изучение процессов трансформации образов-представлений «я» и «другой», «мы» и «они», «свои» и «чужие» позволяет как раз более глубоко разобраться в сущности концепта «чужой», который может быть «другим», «иным» в социально-культурном, этно-конфессиональном отношении, но способен превратиться во «врага» под воздействием, прежде всего, пропаганды и манипуляции общественным мнением, а также изменившихся исторических реалий [7, с. 16–18]. При изучении образа «чужого», как и «образа врага» в темпоральном измерении важно учитывать, что в основе его могут лежать и очень давние архетипы сознания, укоренившиеся негативные стереотипы, предрассудки, иррациональные фобии, неосознанные реакции отторжения, груз исторических конфликтов и обид [2, с. 7–9].

Китайская национальная имажема, сложившаяся на Западе, включает негативные константные стереотипы, закрепленные в исторической и культурной памяти европейцев и американцев. В дихотомии свой/чужой это было проецированием глубоких расовых и этнокультурных различий между Европой и США, с одной стороны, и народами Азии, с другой, между Цивилизацией и Варварством. Образ Китая и китайцев формировался под влиянием идей расизма, шовинизма, джингоизма, ставших доминантами в идеологии стран Запада в к. XIX – н. XX вв. Именно тогда сформировалось расистское понятие «желтой опасности» (желтой угрозы), изображающей народы Восточной и Юго-Восточной Азии как экзистенциальную опасность для западного мира [18, р. 359; 5, с. 74–81].

Расистские и культурные стереотипы о «желтой опасности» возникли в период, когда китайские рабочие (люди с другим цветом кожи, чертами лица, языком и культурой) легально иммигрировали в США и другие страны, где их согласие работать за более низкую заработную плату, чем местное белое население, спровоцировало расистскую реакцию против китайских общин [4, с. 121–130]. В США расизм и ксенофобия в отношении «желтой опасности» были легализованы законодательством: закон Пейджа 1875 г., закон об исключении китайцев 1882 г. и закон Гири 1892 г.

Марш «цивилизации» против «варварства» – конструкт конца XIX в., который изображает экспансионизм Запада как моральные крестовые походы. Движимые конкуренцией друг с другом и экономическим давлением внутри страны, крупнейшие державы мира направляли свою экспансию во все более отдаленные страны, чтобы распространять свою власть, получать прибыли, навязывать покоренным народам свою религию, культуру и образ жизни. В нарративе «цивилизации» варвары обычно обозначались как незападные, небелые, нехристианские выходцы из менее развитых стран мира. «Цивилизация», наряду с «прогрессом», противопоставлялись «варварству» и «дикости» при помощи визуальных стереотипов. В Соединенных Штатах иллюстрированные издания «Puck» и «Judge» в превосходно выполненных карикатурах широко растиражировали цивилизаторскую миссию Запада, реализацию «бремени белого человека» в отношении отсталых, по их мнению, народов, к которым относили и китайцев [3, с. 166–172; 1, с. 194–196].

Для Китая со второй половины XIX в., с первой опиумной войны (1839–1842) начинается период, который обозначается термином «век унижения». Он характеризовался вмешательством во внутренние дела и подчинением Китая западными державами и Японией [13, р. 1–5]. Этот

«долгий век» продолжительностью 110 лет (до 1949 г.) начался в 1839 г., когда Британия отправила канонерские лодки вверх по реке Янцзы, чтобы заставить правителей Китая открыть свои порты и рынки для торговли опиумом. Этот опыт и последующие требования других держав о доступе к торговле высветили военную и дипломатическую слабость императорского Китая перед лицом западной мощи. Китай подвергнулся политическому, военному и культурному унижению, а сами его жители воспринимались как варвары

В США образ Китая и китайца складывался во многом под влиянием начавшейся во второй половине XIX в. китайской иммиграции. Образ забитого, раболепного, униженного китайца с длинной косой, варвара в глазах цивилизованного Запада, стал расхожим стереотипом в американском общественном сознании на долгие десятилетия. Это образ был востребован и в английском обществе, чему всемерно способствовал популярный иллюстрированный журнал «Punch».

Китайцы стали продуктами или масштабными репрезентациями расистского образа «Другого». Начиная с 1854 г. карикатуристы представляли различные образы, первоначально лишь подчеркивая «юмористические» этнические различия, которые в последующие годы становились все более расистскими в изображении китайцев как «Других», распространяя сложившийся негативный образ на целую этническую группу, способствуя расовой дискриминации. Визуальные образы, абстрагированные от реальных людей, также были оторваны от реальных сложностей их жизни. Получившиеся в результате абстракции – узконаправленные расовые типы – были легко узнаваемы. Таким образом, репрезентации становились реальностью. Этот след реальности делал негативные стереотипы особенно эффективными, им трудно было противостоять, поскольку они казались точными. Образ китайца в стереотипах: длинная заплетенная коса – знак покорности, узкие глаза, тонкие усы, традиционная одежда и шляпа, два больших передних зуба.

Многие американские карикатуристы удлинляли головы китайцев и преувеличивали раскос их глаз. К наиболее негативным китайским стереотипам относилось наличие крыс на рисунках в качестве компаньонов и как намек на «основной продукт китайского питания». Курение опиума и жизнь в нищете также были распространенными стереотипами. Поскольку присутствие китайцев в США было связано с трудовыми проблемами, их часто изображали прачками, изготовителями сигар, сапожниками, торговцами чаем, шахтерами или железнодорожниками. Мужчин китайского происхождения редко показывали с женами-китайками. Их никогда не рисовали носящими западную одежду как подтверждение их отказа ассимилироваться. В карикатурах, особенно на Западном побережье, было принято показывать китайцев как переносчиков болезней, вторгающихся орд варваров, угрожающих американской идентичности и культуре.

Джон Китаец (или Джон Чайнамен) был обычной карикатурой на китайского рабочего, которую можно увидеть в карикатурах XIX в. Он представлял в западном обществе типичную личность Китая и саму эту страну [10, p. 96].

Опубликованная в журнале «Judge» карикатура *«Будьте справедливы даже к Джону Китаю»* показывает типичный образ жителя Поднебесной и отношение к нему американского общества [8]. На карикатуре изображен китаец, которого сама Колумбия в роли учительницы выгоняет из американской школы («школы мисс Колумбии»). Китаец изображен в типичной одежде и обуви с гладко выбритой головой и неизменной косой, в руках у него гладильная доска, как намек на наиболее распространенную работу в прачечных. Сама карикатура полна сарказма, поскольку другие ученики в классе, это – представители других национальностей: ирландцы, афроамериканцы, индийцы, арабы, которые также подвергались серьезной дискриминации. Однако они могут смеяться над незадачливым китайцем, поскольку их никто

не трогает. «Судья» говорит Колумбии: «Вы позволите этому мальчику ходить в нашу школу, было бы несправедливо выгнать его сейчас. Ведь этого будет достаточно, чтобы в будущем не пускать его собратьев».

Другая карикатура журнала «Puck» под названием «*Исключение внешней торговли. Поклонение 6000-летней Китайской идее*» также представляла Китай, его обитателей и их обычаи в искаженном виде [22]. Она явно указывала американцам, что не стоит уважать эту страну, несмотря на ее древнюю историю. Главный акцент художник делал на странные привычки китайцев в еде. Подпись гласит: «Преклонение перед китайской идеей 6000-летней давности. И если поклонники будут продолжать в том же духе достаточно долго, они наверняка заставят нас всех есть крыс и рис».

Изображение китайцев нацией, неспособной к культурной ассимиляции, к приобщению к благам западной цивилизации, ярко демонстрировала карикатура Луиса Далримпла с весьма символическим заголовком: «*Косичке пора уходить*» [9]. Поскольку новый век сопровождался техническим прогрессом, богиня «цивилизации» была изображена с миниатюрными телеграфными столбами и локомотивами, свисающими с ее талии. Она держит ножницы с надписью «Прогресс XIX века», которыми готова отрезать косичку «изношенных традиций» человеку, символизирующему «Китай». На этот раз это не рядовой житель Китая, а явно высокопоставленный чиновник, на что указывает его богатая одежда и зонтик, он пытается убежать от суровой богини.

На Западе Китай часто характеризовали как одурманенную и архаичную страну под властью деспотичной старухи, вдовствующей императрицы Цыси. Реформы в Китае назрели и они необходимы, таков бы смысл данной карикатуры. Но этот прогресс может быть привнесен только западной цивилизацией.

Отсталость и варварство Китая призвана демонстрировать карикатура: «*Готов к делу*» в журнале «Puck» [20]. Здесь Китай в стереотипном образе китайца находится на скамье подсудимых. Судьей является Джон Буль (символ Великобритании), а его помощником дядя Сэм (символ США), который представлен здесь как «защитник Филиппин». Обвинителем выступает германский кайзер Вильгельм II, свидетелями обвинения: Россия в образе бородатого мужика в мундире и австро-венгерский император. Подпись гласит: «Судья Джон Буль – джентльмены, позвольте мне представить нового помощника судьи. Судебный процесс по этому китайскому делу сейчас продолжится».

Стереотипный образ китайца как символ целой страны представлен и в карикатуре Джона Пью «*Слишком много Шейлоков*», опубликованной в журнале «Puck» [21]. Будучи символом жадности, Шейлок является вымышленным персонажем в пьесе У. Шекспира «Венецианский купец». На этой карикатуре изображены императоры России, Японии и Германии, а также король Великобритании, каждый с весами в руках и списком «претензий». Каждый из них требует «компенсации» («фунт мяса» у Шекспира) для своих стран. Они стоят лицом к лицу с колено-преклоненным, шокированным, униженным китайцем, изображенным в привычном стереотипном образе. Карикатура изображает последствия боксерского восстания, когда на Китай была наложена грабительская контрибуция.

Другим востребованным образом Китая, его символом стал его император, что соответствовало тогдашней практике карикатуристов. Впервые китайский император появляется на карикатуре «*Непредвиденная чрезвычайная ситуация*» на обложке журнала «Puck» [15]. Удо Кепплер изобразил императора династии Цин в роскошных церемониальных одеждах, сидящим на троне. В низком поклоне перед ним склонился его советник Ли Хунчжан, с огромным томом

сочинений Конфуция под мышкой. На заднем плане изображены быстро приближающиеся иностранные корабли из Англии, Германии, Японии, Франции и других стран. Карикатурист высмеивает архаизм и отсталость Китая, когда в момент опасности император прибегает к советам древнего философа. Подпись поясняет, что император говорит: «Скажи мне, мудрейший советник, какой совет высказывает Конфуций по поводу подобной ситуации?» На что Лихунчжан вынужден констатировать: «Я боюсь, ваше Величество, что Конфуций никогда не сталкивался с таким проявлением наглости, как это».

Еще одна карикатура из журнала «Puck» «*Коммерция против завоевания*» Джона Пью также демонстрирует Китай в образе его императора [19]. На рисунке изображены Джон Буль и дядя Сэм, осторожно приближающиеся к испуганному китайскому императору. Каждый из них держит в руках корабль с надписью «Торговля», в то время как Вильгельм II, Николай II и представитель Франции держат в руках смертоносное оружие, стремясь предпринять более агрессивные действия. Подпись гласит: «Дядя Сэм (Джону Булю): Не пугай его, Джон, как это делают другие ребята. Скажи ему, что все, чего мы хотим, – это чтобы он открыл свои порты и рынки для всех!»

Не менее популярным в американской карикатуристике становится символ Китая – дракон. Серия карикатур была посвящена восстанию ихэтуаней 1900 г., направленному против иностранного засилья, которое на Западе именовали боксерским восстанием. В карикатуре под названием «*Первый долг*» художник Удо Кепплер представил альянс восьми наций, участвовавших в подавлении восстания как богиню «Цивилизации» [16]. Войнственная богиня изображена в нагруднике и шлеме, с копьем в руках. Повстанцы-боксеры демонизированы в виде дракона, из пасти которого стекает кровь. На заднем плане вздымаются клубы дыма с надписями «Анархия», «Убийство» и «Бунт», проникающие через полуразрушенную городскую стену в квартал международной миссии. Незадачливый молодой маньчжурский император Китая, одетый в традиционную и экзотическую одежду, пассивно сидит на переднем плане. Подпись к карикатуре недвусмысленна. «Цивилизация» говорит императору: «Этот дракон должен быть убит, прежде чем наши проблемы смогут быть решены. Если ты этого не сделаешь, мне придется сделать это самой». Карикатура показывает веру редакторов журнала в то, что западные державы морально и культурно превосходят Китай.

В таком же ключе нарисована карикатура Виктора Джиллэма «*Кто-то должен поддержать*» в журнале «Judge», 8 декабря 1900 г. [11]. На ней представлена самая выразительная по символической конфронтация между цивилизованным Западом и так называемым варварским Востоком. Перегруженный промышленными товарами и современными технологиями, а главное, оружием «автомобиль цивилизации и торговли» управляется решительным дядей Сэмом. Он освещает путь во тьме, идущий по крутому обрыву, демонстрируя «Прогресс» с красноречивым посланием: «Применяйте силу, если необходимо». Препраждая ему путь в гору, вниз по склону ползет разъяренный китайский дракон. На его спине восседает «Боксер», размахивающий окровавленным мечом, в другой его руке флаг с надписью «400 миллионов варваров». По замыслу автора, США действуют во имя защиты прогресса, цивилизации и торговли от примитивных «варваров». Художник утверждает, что критическая точка столкновения достигнута, а подпись гласит: «Кто-то должен поддержать». Этот образ четко отражает преобладающие в начале XX в. империалистические убеждения.

Образ Китая как дракона присутствует в карикатуре «*Настоящие неприятности придут с пробуждением*» Удо Кепплера [17]. Карикатура была посвящена подавлению боксерского восстания. Над тушей издохшего китайского дракона с головой типичного китайца с длинной

косой ссорятся державы-победители: медведь (Россия), лев (Британия), орел в короне (Германия), галльский петух (Франция), волк (Италия). Леопард (Япония) подкрадывается за куском, в то время как американский орел стоит в стороне и наблюдает за схваткой других.

В период боксерского восстания появляется и неожиданный образ Китая как огромной горы на карикатуре Удо Кепплера *«Не так просто, как кажется издалека»* [14]. На этой карикатуре изображены стоящими перед огромной горой, увенчанной лицом разгневанного китайца, и с надписью «Китайский вопрос», представители альянса 8 наций: дядя Сэм, Джон Буль, Россия (Николай II), Германия (Вильгельм II), Япония (Мэйдзи), Италия (Умберто I), Австрия (Франц Иосиф I) и Франция (Эмиль Лубе). Китай представляется здесь молчаливой, настороженной, непостижимой для Запада страной, завоевать который – непростая задача.

Образ Китая в творчестве американских карикатуристов не отличался большим разнообразием. Чаще всего он сводился к негативному стереотипному образу рядового китайца с очевидным расистским подтекстом. Реже – это был правитель Китая – император в церемониальных парадных одеждах, призванный этим самым подчеркнуть архаичность и отсталость Китая в сравнении с западными критериями. Даже довольно популярный в самом Китае образ дракона использовался, как правило, для подчеркивания варварства страны, сопротивляющейся прогрессу цивилизации. Таким образом, американские карикатуристы в целом создавали представление о Китае как отсталой, погруженной в средневековые стране, чуждой прогрессу, что становилось расхожим мнением в США. Они сумели сформировать в общественном мнении американцев образ Китая и его жителей как Другого, Чужого и Врага Цивилизации и Прогресса.

Список литературы

1. Алентьева Т.В. Англо-американские отношения в последней трети XIX столетия в отражении американской карикатуры // *Американистика: Актуальные подходы и современные исследования*. Вып. 12. Курск: Курск. гос. ун-т, 2020. С. 168–202.
2. Алентьева Т.В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877). СПб.: Алетейя, 2020. 458 с.
3. Алентьева Т.В., Илюхина Е.В. Политическая борьба в США в последней трети XIX века в отражении карикатуры. Курск: Курск. гос. ун-т, 2019. 300 с.
4. Головки-Охременко А.А., Романова М.И. «Изгои или младшие братья?»: восприятие представителями американского рабочего движения образа китайских иммигрантов в 60–90-х гг. XIX в. // *Американистика: Актуальные подходы и современные исследования*. Вып. 10. Курск: Курск. гос. ун-т, 2018. С. 121–130.
5. Коновалова О.С. Формирование термина «Желтая экспансия» относительно образа Китая в средствах массовой информации // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика*. 2011. № 3. С. 74–81.
6. Лабутина Т.Л. Актуальные проблемы имагологии // *Проблемы исторического познания*. М. ИВИ РАН, 2016. Вып. 10. С. 200–214.
7. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // *Диалог со временем*. 2012. № 39. С. 1–19.
8. Be Just–Even To John Chinaman // *Judge*. June 3. 1893.
9. Dalrymple L. The Pigtail Has Got to Go // *Puck*. Oct. 19. 1898. Cover.
10. Frank Leslie's Illustrated Newspaper. Vol. 54. April 1. 1882.
11. Gillam V. Someone Must Back Up // *Judge*. Dec. 8. 1900.
12. Imagology: the Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: a Critical Survey / ed. by M. Beller and J. Leerssen. New York: Rodopi, 2007. 476 p.
13. Kaufman A. The «Century of Humiliation». Then and Now: Chinese Perceptions of the International Order // *Pacific Focus*. Vol. 25. N 1. P. 1–33.
14. Keppler U. A Chinese Kopje: Not so Easy as It Looked from a Distance // *Puck*. July 25. 1900. Centerfold.
15. Keppler U. An Unforeseen Emergency // *Puck*. Jan. 26. 1898. Cover.
16. Keppler U. First Duty // *Puck*. Aug. 4. 1900. Cover
17. Keppler U. The real trouble will come with the wake // *Puck*. Aug. 15. 1900. Centerfold.

18. Odijie M. The Fear of «Yellow Peril» and the Emergence of European Federalist Movement // The International History Review. 2018. Vol. 40. N 2. P. 358–375.
19. Pugh J. Commerce vs. Conquest // Puck. Feb. 2. 1898. Cover.
20. Pugh J. Ready for Business // Puck. Mar. 8. 1899. Centerfold.
21. Pugh J. Too many Shylocks // Puck. Mar. 27. 1901. Centerfold.
22. Taylor Ch. Exclusion of Foreign Trade. The Adoration of the 6000-Year-Old Chinese Idea // Puck. Nov. 5. 1890. P. 168.

Астафьева Е.А.

магистрант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: Шмелев Д.В.

доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО И НАСИЛИЕ (1933–1945 гг.)

Статья посвящена анализу отношения немецкого общества к политическому насилию, проявлявшемуся в деятельности государственных и партийных органов Германии в период нахождения у власти национал-социалистов, а также отношения граждан к насилию на оккупированных Германией территориях в годы Второй мировой войны. Особое внимание уделено вопросу влияния аппарата насилия на общественные настроения, которые находили свое отражение в поддержке и критике режима.

Ключевые слова: Германия; национал-социализм; немецкое общество; насилие

Astafieva E.A.,

*Master Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Kazan (Volga Region) Federal University»*

Scientific adviser: Shmelev D. V.,

*Dr. Sc. (History), Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Kazan (Volga Region) Federal University»*

GERMAN SOCIETY AND VIOLENCE (1933–1945)

The article is devoted to the analysis of the attitude of German society to political violence, which manifested itself in the activities of state and party bodies in Germany during the period when the National Socialists were in power, as well as the attitude of citizens to violence in the territories occupied by Germany during the Second World War. Particular attention is paid to the issue of the influence of the apparatus of violence on public sentiment, which was reflected in support and criticism of the regime.

Keywords: Germany; National Socialism; German society; violence

Проблема политического насилия в жизни немецкого общества периода национал-социализма является одной из важных в изучении его истории и не случайно вызывает дискуссии в современ-

ной историографии. Как произошел всплеск насилия, какова была государственная политика в этом вопросе, как относились рядовые немцы к его проявлениям на уровне государственной политики и в повседневной жизни? Данные вопросы и ответы на них являются важными для понимания природы национал-социализма, специфики репрессивной государственной политики Германии и трансформации немецкого общества. Сами по себе рамки проблематики являются довольно обширными. Поэтому в данной статье раскрываются некоторые ее аспекты и примеры, касающиеся влияния государственной политики и репрессивного аппарата национал-социалистической Германии на повседневную жизнь немцев, их отношение к предпринимаемым актам насилия.

Проблема политического насилия в Германии довольно давно стала предметом изучения и дискуссий в России и за рубежом. Начало этому было положено еще в момент краха национал-социалистического режима в работах Нюрнбергского трибунала. Впоследствии рассматриваемая проблема стала предметом интерпретаций и философского осмысления в работах Ханны Арендт «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме», «Истоки тоталитаризма» и др. [1; 2], а также в трудах немецких историков и публицистов, обращавшихся к проблемам истории национал-социализма. В числе последних можно отметить работы Л. Риса «Холокост. Новая история», «Нацисты. Предостережение истории», «Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса»» и др., посвященных зверствам, совершенным нацистами [7; 8; 9], З. Найтцеля и Х. Вальтцера «Солдаты Вермахта. Подлинные истории боев, страданий и смерти» [5], где авторы выбирают объектом исследования менталитет солдат вермахта, Н. Стартгарда «Мобилизованная нация. Германия 1939–1945» [10], в которой автор делает акцент на то, как граждане воюющей страны восприняли жестокость и насилие на оккупированных территориях и непосредственно в самой Германии, журналиста и публициста О. Ференбаха «Крах и возрождение Германии» [12] с его осмыслением общей истории Германии, в которой уделено пристальное внимание немецкому обществу периода национал-социализма. В отечественной историографии к подобным проблемам обращались такие исследователи, как Д. Мельников и Л. Черная в монографии «Империя смерти» [4], объектом которой стал террор, как часть нацистской политики, или, например, современный исследователь О.Ю. Пленков, описавший механизмы государственной политики насилия и влияние государственных институтов на немецкое общество в книге «Третий Рейх. Нацистское государство» [5]. В перечисленных работах были сделаны акценты на внутреннюю политику нацистов и влияние нацистских государственных органов на общество, были исследованы проблемы сопротивления и поддержки со стороны граждан по отношению к режиму, введены в научный оборот многочисленные источники. Однако проблема остается актуальной в контексте появления новых документов, вызванных открытием архивов и попыток пересмотра существующих оценок в историографии.

Как можно определить феномен политического насилия? В толковом словаре Ожегова одно из определений насилия гласит, что это «Принудительное воздействие на кого-н., нарушение личной неприкосновенности» [11]. Ханна Арендт в политологическом очерке «О насилии» предпринимает попытку переосмысления феномена насилия. Насилие, по ее мнению, это совокупность средств, с помощью которых человек господствует над человеком [3, с. 41].

Как подчеркивали исследователи проблемы восприятия насилия в национал-социалистической Германии З. Найтцель и Х. Вельцер, «исторически насилие только в новейшее время приобрело образ антицивилизационного, которое необходимо вытеснять, а в серьезных случаях – с ним бороться», его «само по себе следует осуждать, но как инструмент оно фактически неизбежно, но тогда оно требует соответствующего оправдания или, если оно где-то случается, объяснения. Применение силы для решения проблем – норма, применение насилия ради него самого – патология» [5, с. 64].

В период господства в Германии нацистского режима насилие и принуждение, методы которых использовались для контроля, манипуляции и влияния на население, стали неотъемлемой частью жизни рядовых немецких граждан. Говоря об атмосфере давления и принуждения, в котором существовало простое немецкое население, необходимо отметить ряд государственных и партийных органов, которые играли важную роль в создании и поддержании перманентного состояния страха. К таким инструментам мы можем относить репрессивные органы власти – СД, СС и Гестапо, которые впоследствии решением Нюрнбергского трибунала отнесены к категории преступных организаций.

Формирование партийных инструментов насилия было заложено еще в период возникновения НСДАП. В 1920 году была создана ее боевая организация СА (от Sturmabteilung – штурмовые отряды). У истоков зарождения штурмовых отрядов стоял Эрнест Рем, бывший капитан кайзеровской армии. «Именно Рем, этот циничный, бессовестный ландскнехт, “открыл” Гитлера» [4, с. 10]. Однако Рем был ликвидирован по приказу Гитлера вместе с рядом других руководителей СА в «ночь длинных ножей». Впоследствии СА попеременно руководили Ф.Пфеффер фон Заломон, Г. Геринг, Г. Гиммлер, В.Лютце, Б. фон Ширах, В.Шепманн. Что касается функций охранных отрядов, то они были строго ограничены – они не должны были вмешиваться в дела партии. После 1934 года в их задачи входили распространение пропаганды, допризывная и после призывная подготовка, гражданская оборона, организация трудовой повинности населения.

В 1925 году по приказу Гитлера охранные отряды НСДАП были реорганизованы и разделены на формирования, которые получили официальное название СС (от Schutzstaffel – *охранные отряды*). Они были созданы с целью обеспечения безопасности партийных учреждений и мероприятий, а также проведения силовых акций против «врагов режима». Как пишут Д.Мельников и Л.Черная, «отряды СС были задуманы как составная часть партии и в какой-то степени как ее особая доверенная часть, то есть ее элита» [4, с. 13]. СС подчинялись непосредственно Гитлеру и Гиммлеру, что давало последнему огромные полномочия в репрессивной политике в нацистской Германии. Солдаты СС служили и в концентрационных лагерях, где злоупотребляли своей властью, самовольно решая судьбы людей и насаждая свою безжалостную волю, данная проблема требует более детального отдельного изучения вопроса, «где заканчивались служебные полномочия и начиналась личная воля солдата?».

Лоуренс Рис в своей книге «Холокост: Новая история» приводит случай избиения штурмовиком К. Бером гауляйтера Франконии Ю. Штрауса и членов его семьи, что в свою очередь было поддержано очевидцами: «Избиения Юлиуса возобновилось, толпа провоцировала штурмовиков криками: “Дай ему, дай ему еще!” Затем всю семью Штраус забрали в полицию, а потом отправили в местную тюрьму» [9, с. 79].

Еще один инструмент политического насилия – СД (от Sicherheitsdienst des Reichsführers SS – служба безопасности СС) – разведывательная служба СС. Была создана в 1931 году и находилась под командованием Р. Гейдриха. В задачи СД входило разоблачение врагов нацистской партии и слежка за ними. «К первым числам ноября 1939 г. СД уже уверенно называла «очевидно, наибольшей проблемой» для законности и порядка в Германии такое явление, как “трудные подростки”» [10, с. 85]. Благодаря опубликованным и изученным донесениям СД, историки могут воссоздать атмосферу общественных настроений и проследить ее изменения до войны и во время Второй мировой войны. Например, после бомбардировки Фрайбурга в СМИ активно напоминали в новостях об этом событии, подавая как «убийство детей во Фрайбурге», что вызвало чувство ненависти среди населения к противнику. «Когда же народ узнал, что самолеты были французскими, СД тут же зарегистрировало реакцию: «*всеобщее негодование... и в конечном счете чувство ненависти к Франции*» [10, с. 118]. Также в 1940 г. в кинотеатрах

Германии были показаны ролики о солдатах из французской Западной Африки. «Если верить данным СД, во многих кинотеатрах зрители кричали: “Пристрелить этих зверей немедленно, как только их возьмут в плен!”» [10, с. 130].

26 апреля 1933 года была основана государственная тайная полиция – **Гестапо** (от Geheime Staatspolizei – тайная государственная полиция). Гестапо стало одним из самых жестоких и подавляющих инструментов репрессий, агенты тайной полиции активно преследовали политическую оппозицию и подавляли ее, но также в круг полномочий агентов входил шпионаж и контроль над обществом. Известны случаи похищения людей агентами тайной полиции, так в одной из немецких газет однажды появился кричащий заголовок «Похищение или политическое преступление? Загадочное исчезновение немецкого журналиста Бертольда Якоба» [16]. Сообщается, что Бертольда особенно ненавидели национал-социалисты за его публикации о вооружениях страны. Случаи похищения были распространены. Так, приведем пример еще одного заголовка немецкой газеты: «Два странных похищения в Эльзасе. Парижанин арестован немецкими жандармами под Ной-Брайсахом – молодого бельгийского врача бросили в Рейн» [16].

Политическое насилие, ставшее правилом жизни немецкого общества периода национал-социализма, затронуло разные его слои – от простых обывателей в тылу до мобилизованных. Н. Старгардт в своей книге «Мобилизованная нация. Германия 1939–1945» пишет о сложившейся ситуации голода к октябрю 1939 года, однако автор отмечает, что вопреки укрепившемуся представлению общества о голоде среди солдат, они вовсе не голодали. Массы были недовольны образом жизни привилегированных должностных лиц нацистского режима, что находило отражение в анекдотах и насмешках: «Так, в Кёльне Йозеф Гроз превратился в мишень для многих острот; в начале октября кто-то вырвал портрет толстощекого гауляйтера из страниц местной газеты и пришил на доску объявлений одного завода, а внизу нацарапал: «Один народ, один вождь, одна страна – / Перед законом все равны, / Гроз от голода все пухнет, – / Коль нация одна, мы все так жить должны». Целых четыре сотрудника гестапо занимались поисками злодея, но безрезультатно» [10, с. 80]. Вероятнее всего при ином исходе «злодей» подвергся бы суровому наказанию и, даже, заключению в концентрационный лагерь. В тылу же в первое время война воспринималась как некая далекая война, которая не касается немцев. Присутствовала и такая категория граждан, которые совершенно нейтрально относились ко всему происходящему, распространено это было и среди молодых людей, которых интересовали совершенно иные вещи, нежели политика и война [14, р. 5–6]. Однако, чем дольше затягивались военные действия, тем больше разнились мнения немцев на этот счет: начинает появляться и критика в адрес режима. В конце 1944 года, когда Германская армия активно отступала, по всей территории Германии собирались аналитические сведения о настроениях народных масс, которые впоследствии переводились в диаграммы, отражавшие «баланс мнений» в обществе. «Одни – как СД в Штутгарте – демонстрировали особенно прочный пессимизм, фиксируя значительную критику в адрес режима; другие – например их коллеги во Фрайбурге, – напротив, изучали ничем не оправданный оптимизм» [10, с. 501]. Что касается информированности граждан о происходящем в концентрационных лагерях и на фронте – немецкие граждане не были лишены возможности слушать радио, откуда они могли получать информацию, отличную от официальной пропаганды. По крайней мере, северные районы страны могли ловить радиоволны английских станций, которые рассказывали о зверствах немцев, и, в частности, о концлагерях. Подтверждением этому служат дневниковые записи Анны Франк [13, с. 27]. Как известно, массовых протестов на этом в Германии не наблюдалось.

Можно констатировать большое влияние насилия на немецкое общество в исследуемый период. В повседневную жизнь немцев вошли многочисленные аресты, допросы, пытки, тюремные

заклучения и доносы. В национал-социалистической Германии широко были распространены так называемые «превентивные» аресты и заключения, в 1944 году Г. Гиммлер в своей речи перед генералами упомянул о своих «заслугах» перед Рейхом: «Сознаюсь, что, несмотря на протестующие крики в Германии и крики во всем мире, я заблаговременно посадил за решетку всех истинных преступников (имеется в виду инакомыслящих), а не ждал, пока эти господа снова совершат преступления. Я и тогда, и сегодня делаю много такого – признаюсь в этом откровенно, – что по писаным законам делать нельзя, а по законам разума и здорового опыта положено делать... Потом у нас появились законы об охранном заключении, согласно которым за определенное преступление после отсидки в тюрьме по судебному приговору преступник еще много лет охраняется в концлагере. Мы это делали и делаем по сию пору» [4, с. 244]. Из данной выдержки из его речи можно сделать вывод, что «протестующие крики в Германии» были протестами простых немецких граждан, которые, по всей видимости, не во всем поддерживали партийных функционеров. Однако нельзя не отметить, что в стране была распространена практика доносов, после которых граждане попадали в концентрационные лагеря. «В Праге, как узнали в СД, чехи начали пользоваться наушниками, чтобы живущие рядом не услышали чего не надо и не донесли» [10, с. 105].

Одним из главных средств аппарата насилия стали концентрационные лагеря, которые в просторечии называли «кацет» [4, с. 242] и являлись важнейшим элементом государственного террористического аппарата [15, S. 149–150]. Они были созданы для подавления оппозиции и изоляции «нежелательных общественных элементов», однако изначально идея концентрационных лагерей преподносилась общественности в виде мест «перевоспитания» социальных девиантов и маргиналов, в число которых входили алкоголики, наркоманы, гомосексуалы. Особенность концентрационных лагерей заключалась в том, что их нельзя рассматривать как сформировавшееся и застывшее явление: по мере ужесточения политического режима количество лагерей возрастало, а меры «перевоспитания» и порядки в лагерях ужесточались.

Таким образом, аппарат государственного политического насилия и принуждения в нацистской Германии был крайне репрессивным, не знающим милосердия. Он отрицал самые базовые принципы человечности и подавлял любые проявления свободы. Но при всей своей ужасности, он также стал свидетельством того, на что способны люди, исповедующие экстремистские идеологии, напоминая нам о необходимости бороться с проявлениями нетерпимости и подавлять зло, чтобы не допустить повторения таких ужасов в будущем. Влияние атмосферы насилия на простых немцев в 1933–1945 годах привело к тому, что они стали соучастниками и свидетелями непредставимых ужасов и нравственного разложения. Безусловно, в Германии в рассматриваемый период присутствовали и оппозиционеры режиму, которые вели подпольную борьбу, однако деятельность их была не столь масштабна, чтобы переломить ситуацию и нивелировать влияние репрессий на жизнь немецкого общества. Этот период истории остается частью болезненной памяти Германии и мирового сообщества, напоминая нам о важности борьбы с насилием и нетерпимостью во всех их проявлениях.

Список литературы

1. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство «Европа», 2008. 424 с.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Арндт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
4. Мельникова Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М.: Политиздат, 1987. 414 с.
5. Найтцель З. Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боев, страданий и смерти. М.: Эксмо, 2013. 368 с.
6. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2004. 478 с.
7. Рис Л. Нацисты. Предостережение истории. М.: Колибри, 2023. 448 с.

8. Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М.: КоЛибри, 2023. 448 с.
9. Рис Л. Холокост. Новая история. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 512 с.
10. Старгардт Н. Мобилизованная нация: Германия 1939–1945. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. 688 с.
11. Толковый словарь Ожегова Онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15969> (дата обращения 23.01.2024).
12. Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М.: Аграф, 2001. 304 с.
13. Франк А. Убежище. Дневник в письмах: 12 июня 1942 – 1 августа 1944. М.: «Текст», 2005. 170 с.
14. Junge T. Until the Final Hour. München: Ullstein Heyne List GmbH & Co, 2002. 166 p.
15. Niederschrift. Derersten Tagungdes Bayersichen Landes ausschusses vom 21 bis 28 Februar in der Universität in München. Bayerische Staats bibliothek Digitale Bibliothek / Münchener Digitalisierungs zentrum // URL: <https://download.digitalesammlungen.de/pdf/1706001890888bsb00025377.pdf> (дата обращения 23.01.2024).
16. Коллекция документов спецслужб Германии 1912–1945 гг. (РГАСПИ, Фонд 458, Опись 9) Д. 416. Л. 54, 57 // URL: <https://rgaspi-458-9.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1-kollektsiya-dokumentov-spetssluzhb-germanii-1912-1945-gg-rgaspi-fond-458-opis-9> (дата обращения 23.01. 2024).

Афанасьев Д.Д.,
студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: Зельницкий А.Д.,
*кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии
и культурологии Востока, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»*

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИРИКИ ЛИ ЦИНЧЖАО В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ XI–XII ВЕКОВ

В статье исследуется влияние историко-культурного контекста эпохи Сун на становление и развитие поэтического творчества Ли Цинчжао. Выявляются основные этапы её творческой биографии и обосновывается связь между событиями политического развития Китая в рассматриваемый период и тематическим содержанием стихов поэтессы. Также исследуется проекция личных переживаний автора, обусловленных событиями как обще-китайского, так и индивидуального значения, на художественные особенности произведений. В заключении делается вывод о факторах формирования поэтического стиля Ли Цинчжао.

Ключевые слова: *Ли Цинчжао; эпоха Сун; средневековый Китай*

Afanasiev D.D.,
*Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saint Petersburg State University»*

Scientific adviser: Zelnitsky A.D.,
*Cand. Sc. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Philosophy and Oriental Cultural Studies, Federal
State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint Petersburg State University»*

HISTORICAL FATES OF WOMEN'S POETRY IN MEDIEVAL CHINA: A STUDY OF LI QINGZHAO'S LYRICS IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL DEVELOPMENT OF CHINA DURING 12TH – 13TH CENTURIES

The article studies the influence of the historical and cultural context of the Song era on the formation and development of Li Qingzhao's poetic creativity. The main stages of her creative biography are revealed and the connection between the events of China's political development in the period under consideration and the thematic content of the poetess's poems is substantiated. The author's personal experiences, conditioned by events of both general and individual significance, are also studied and projected onto the artistic features of her works. The conclusion about the factors of formation of Li Qingzhao's poetic style is made.

Keywords: *Li Qingzhao; Song era; medieval China*

События истории Китая, его культура XI–XII веков стали тем контекстом, из которого во многом и выросло идейно-тематическое содержание стихов Ли Цинчжао.

В традиционной историографии история эпохи Сун подразделяется на два крупных периода: Северную Сун (960–1127) и Южную Сун (1127–1279). С момента своего появления империя Сун оказалась окруженной возникшими на периферии Поднебесной государствами, которые были враждебно настроены по отношению к Китаю [5, с. 134]. Ситуацию усугубило возникновение в северо-восточных землях Китая государства Цзинь, основанного чжурчжэнями. В 1127 году они захватили Кайфын и все северные земли Китая, вынудив императорский двор бежать на юг – так закончился северосунский период истории Поднебесной. Культура эпохи Южная Сун, центром которой стал город Ханчжоу, отличалась мотивами тревоги, надвигающейся угрозы, опасности. Вскоре началось ещё одно бедствие – монгольское вторжение. Монголы двинулись на владения южносунской династии и в 1279 году заняли Ханчжоу, уничтожив китайскую национальную государственность и создав династию Юань (1279–1368). При этом стоит отдельно отметить, что события двадцатых годов XII века знаменательны для жизненного и творческого пути Ли Цинчжао [5, с. 147].

Скачок в развитии культуры эпохи Сун, основанный, прежде всего, на переосмыслении и возрождении более древних культурных форм, имел следствием формирование нового типа личности – цельной, умело сочетавшей в себе и высокую образованность, и художественный талант [3, с. 254]. Деятельность Ли Цинчжао так же может быть рассмотрена в данном ключе: помимо сочинения стихотворений, она проявила себя в коллекционировании старых предметов искусства, в написании искусствоведческих и театроведческих работ [3, с. 15], что говорит о ней как о многогранной творческой личности, во многом являвшейся выражением своей эпохи.

В период правления династии Сун очень отчетливо реализуется культурно-созидательный потенциал китайского этноса: быстрыми темпами развивается живопись (например, художественно-стилистическим своеобразием отличалось творчество так называемой школы «художников-литераторов»), достигает своего расцвета декоративно-прикладное искусство (появляется так называемый жанр «кэсы» – особой росписи по шелку, а изделия из лака, стилизованные под старину, почти не отличаются от оригинала, что затрудняет работу даже современным синологам-искусствоведам), на фоне стремительного роста населения крупных городов происходит оживленный процесс формирования полноценной городской культуры (в пример можно привести оживление культуры уличного театра – актеры развлекали публику уличными фарсовыми представлениями) [6, с. 147].

Важной особенностью культуры периода Сун можно считать утверждение довольно своеобразного эстетического принципа – так называемого «идеала изысканной простоты». Данный эстетический принцип подразумевает под собой основное требование, выдвигаемое по отношению к культурным ценностям: «сухая» или «пресная» лаконичность, скупость изобразительного ряда, внешних форм и проявлений должны были явственно отражать максимально глубокое содержание любого произведения искусства, будь то поэтический текст или произведение живописи. Как будет показано в дальнейшем, этот эстетический принцип, укоренившийся в художественной культуре эпохи Сун, а впоследствии ставший важной вехой в развитии всей духовной культуры Китая [1, с. 75], нашел своё своеобразное выражение и в творчестве Ли Цинчжао, сыграв не маловажную роль в формировании её творческого стиля.

Развитие всего китайского поэтического творчества рассматриваемого периода было сопряжено с довольно стремительным развитием нового жанра, а именно – «цы» (词). Эти стихи кардинально отличались от классического жанра «ши» (诗), который достиг пика своего развития во времена империи Тан (618–907). Уникальное ритмическое своеобразие – вот та черта, которая кардинально отличает эти жанры стихотворного творчества: на фоне по большей части строгих по своей структуре «ши», состоявших из одинакового количества строк по четыре, пять, шесть или семь слога в каждой, легкость восприятия полотна поэтического текста давали «цы», отличавшиеся свободной композицией (сочетание строк неодинаковой длины, различные, зачастую произвольные их комбинации). Именно эти своеобразие, новизна привлекли сунских поэтов к ранее не изведанному жанру: строгость, сухость и лаконичность форм ши явно проигрывали в передаче чувств и эмоций «воздушных» «цы», легкость которой была обусловлена тем, что «цы» состояли в родстве с китайской народной музыкальной традицией и позаимствовали от нее многие ритмические характеристики [5, с. 66]. Именно в жанре «цы» будет творить и сама сунская поэтесса.

И в эпоху Северная Сун (960–1127 гг.), когда «цы» только начали активно набирать популярность среди образованной публики, и в период Южной Сун (1127–1279 гг.), когда этот жанр утвердился и стали появляться произведения высокой художественной ценности, эта литературная форма проходила три основных этапа своего развития. Первый этап характеризовался отчетливой преемственностью между молодым направлением поэтического творчества и поэзией, присущей позднетанскому времени, а также эпохе Пяти династий и десяти царств (907–960 гг.). Огромное влияние на формирование стиля ранних «цы» оказал Фэн Яньсы, поэт танского периода. Первые «цы» действительно напоминали народную песню: мягкий стиль, певучесть, красочность и плавность стали теми особенностями нового жанра, которые во многом определили его тематический круг на раннем этапе развития – большинство стихов относилось к категории любовной лирики. Янь Шу, Чжан Сянь, Лю Юн, Оуян Сю – это имена, навечно вписанные в историю китайской поэзии раннесунского периода.

В сунский период поэзия уходит от сложных и высокопарных форм, присущих танскому времени: на их смену приходит отражение жизненной действительности, словесные изощрения, характерные для поэзии предыдущих эпох, теперь воспринимаются как нечто искусственное, что открывает дорогу простому, обыденному, но чрезвычайно выразительному языку нового жанра «цы». Жизнь обычного человека, разворачивающаяся на фоне глобальных потрясений, его радости и невзгоды, глубинные переживания теперь находятся в центре внимания поэта, служат лейтмотивом многих его произведений [4, с. 127]. Это глубокое личное измерение сунской поэзии найдёт своё отражение и в творчестве Ли Цинчжао.

Значительное расширение тематических рамок, существенные изменения, произошедшие в стилистике поэтического языка, а также воспевание сунскими поэтами простой, обыденной

жизни сыграли значимую роль в истории литературы и культуры Китая. Сунская поэзия стала настоящей репрезентацией этой непростой эпохи: через создание поистине глубоких по своему содержанию и прекрасных по форме стихов поэты выражали настроения, присущие определенным социальным слоям как реакцию на происходившие в их стране события. Ли Цинчжао не осталась в стороне от этого культурного течения: в её стихотворениях мы можем увидеть как личностное измерение, сопряженное с её собственными жизненными переживаниями, так и настроения, характерные для широких образованных слоев той эпохи.

Первая, наиболее счастливая и плодотворная в творческом отношении, половина жизни поэтессы важна для понимания её творчества. Ли Цинчжао, позже известная под именем И Ань, родилась в 1084 году в городе Миншуй (ныне Чжанцзюй) на территории провинции Шаньдун. Это произошло уже в тот момент, когда могущественная империя Сун постепенно впадала в перманентный кризис, приближавший её закат. Впоследствии настроения упадка и декадентства найдут отражение в культуре, в том числе и в творчестве самой Ли Цинчжао [7, с. 20].

Вторая половина жизни поэтессы представляет собой отражение социально-политических реалий, в которых оказалась культура сунского Китая: настроения тревоги, упадка, грусти, скорби и народного унижения пронизывают творчество Ли Цинчжао, разделившей участь всего китайского народа в период бедствий [7, с. 21]. Ли Цинчжао, как и множество её соотечественников, была лишена крова, так как ей пришлось вынужденно переселиться на юг. В 1129 году она с мужем переехала в Чиян, где Чжао Мин-чэн получил новую должность. Он отправляется на аудиенцию в Линьань, но в дороге тяжело заболевает. Во время одной из бесчисленных поездок Чжао Мин-чэн умер, что усугубило положение поэтессы: она осталась одна в чужих краях, без родственников и близких людей, так как её родители скончались незадолго до этого. И Ань, оказавшись в тяжелом материальном положении, была вынуждена повторно выйти замуж за Чжана Жучжоу, товарища её мужа по Императорской Академии. Этот брак не был удачным, поскольку новый муж поэтессы стремился заполучить коллекцию древностей, собранную Ли Цинчжао и Чжао Мин-чэном. Узнав, что почти всё собрание каллиграфических свитков и произведений искусства было потеряно во время бегства на юг, Чжан Жучжоу уже не скрывал корыстных мотивов своего вступления в брак. После этого начинается наиболее тягостный и темный период жизни сунской поэтессы [2]. Эти события жизни сунской поэтессы серьезно повлияли на её творчество: строгость и сдержанность в её стихотворных произведениях приходят на место романтической приподнятости и устремленности в будущее.

Возвышение идеала образованности, поэтического творчества, философствования через наделения лирического героя соответствующими качествами (утонченность, чувственность, умиротворенность) демонстрируют нам, что в мировосприятии Ли Цинчжао интеллектуальная деятельность, сопряженная с духовным совершенством, являются важными чертами думающей, рефлексирющей личности. Уход от материального, земного к чему-то потустороннему, в мир возвышенных чувств и стремлений, возможно, иллюстрирует желание автора абстрагироваться от гнетущей действительности и возвысить принципиально иную ценность – вечное, трансцендентальное, акцентирующее важность и значимость нематериального. Это говорит о том, что ценностное измерение поэзии И Ань наполнено теми идеологическими установками, которые царили как в родственной для нее социальной среде, так и в образованных кругах Китая в целом, что показывает неразрывную связь её поэзии со всей культурной традицией [1, с. 101].

К особенностям творчества Ли Цинчжао можно отнести глубокий психологизм произведений, их яркую эмоциональную окрашенность, перенос личных переживаний автора на лири-

ческого героя, развитую образную систему, появление новых тематических направлений (например, темы «поэта и поэзии»).

К новаторским чертам И Ань в контексте поэзии эпохи Сун можно отнести некоторые характерные особенности, из которых следует выделить две: привнесение в поэзию чего-то личного, наполнение художественного пространства собственными переживаниями и чувствами, а также развитие принципиально новых тем в поэтическом творчестве.

Таким образом, поэтическое наследие Ли Цинчжао является проекцией её жизненного пути и находится в прямой связи с социально-политическим развитием Китая в XII веке. Поэзия Ли Цинчжао в качестве культурного феномена эпохи Сун вобрала в себя как личностные переживания отдельного человека, так и страдания целого народа. Главными условиями формирования поэтического стиля Ли Цинчжао были события как общекитайского значения, так и личного характера.

Список литературы

1. Вельгус В.А. Литература в эпоху Сун (960-1279) // Вельгус В.А. Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М.: Наука, 1987. 199 с.
2. Гун Х. Ли Цинчжао и А.П. Бунина: сложные судьбы женской поэзии // Litera. 2021. №8. С.81. DOI:10.25136/2409-8698.2021.8.36313 (дата обращения 01.02.2022)
3. Филонов С. В. История китайской литературы: Учебное пособие. Благовещенск: Издательство Амурского государственного университета, 2015. 116 с.
4. История Китая; Учебник / Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 2002. 736 с.
5. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. 416 с.
6. Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб.: Лань, 2004. 960 с.
7. Ли Цин-чжао. Строфы из граненой яшмы: Стихи. Пер. с кит. и вступит. ст. М. Басманова. М.: Художественная литература, 1974. 101 с.

Ашмарина Н.В.,
студент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Научный руководитель: Усова Ю.С.,
*кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории,
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ИНСТИТУТА МОНАРХИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1952–2022 гг.)

Автор провела анализ процесса трансформации роли института монархии в Великобритании в эпоху правления королевы Елизаветы II (1952–2022). Были выделены причины, повлиявшие на запуск процесса трансформации, этапы этого процесса, факторы, способствовавшие изменению восприятия королевской семьи в глазах британского и мирового сообщества. В результате проведенного исследования были сделаны выводы о причинах сохранения живого интереса и поддержки королевской семьи и института монархии британскими подданными.

Ключевые слова: Великобритания; институт монархии; Елизавета II; королевская семья

Ashmarina N.V.,

*Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ufa University of Science and Technology»*

Scientific adviser: Usova Yu.S.,

*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Foreign Countries History, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»*

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF THE INSTITUTE OF MONARCHY IN THE UK (1952-2022)

The author analyzed the process of transformation of the role of the institution of the monarchy in Great Britain during the reign of Queen Elizabeth II. The reasons that influenced the launch of the transformation process, the stages of this process, and the factors that contributed to changing the perception of the royal family in the eyes of the British and world community were highlighted. As a result of the study, conclusions were drawn about the reasons for the continued keen interest and support of the royal family and the institution of the monarchy by British subjects.

Keywords: Great Britain; the institution of the monarchy; Elizabeth II; the royal family

Институт монархии воспринимается визитной карточкой британской культуры. Он имеет богатую историю, наполненную различными событиями, под влиянием которых происходила его трансформация [1, с. 331]. Именно за последние 70 лет произошли значительные изменения в восприятии монархии в Великобритании. Поэтому возрастает актуальность проследить трансформацию, произошедшую с институтом монархии во внутренней и внешней политике этой страны.

Более двенадцати столетий королевская власть существует в системе государственного аппарата Великобритании. Сегодня ей удалось сохранить такие важные черты, как наследственность и традиционализм [7]. Но, в тоже время, должность главы государства в условиях конституционной монархии носит формальный характер [5, с. 459]. Уолтер Бэджет выделил формулу, позволяющую охарактеризовать роль монарха в государственных делах. Она включает в себя «право быть проинформированным, право поощрять и право предостерегать» [5, с. 460].

Однако царствование Елизаветы II показало, что деятельность монарха может выходить далеко за перечень закрепленных за ним полномочий, но, в тоже время, не нарушать основные принципы современного устройства и функции органов государственной власти. Около 70 лет она была королевой Великобритании. Чтобы доказать как данный период проиллюстрировал трансформацию роли института монархии в Великобритании в 1952–2022 гг. необходимо проанализировать влияние следующих событий.

2 июня 1953 г. в Вестминстерском аббатстве состоялась коронация Елизаветы II. Население Великобритании и весь мир получили уникальную возможность наблюдать за торжественным процессом с экранов телевизоров. Будущая королева очень сильно сомневалась в необходимости организации восшествия на престол в таком формате, так как считала обряд сакральным. Однако все же согласилась. Данная церемония стала первым медийным событием мирового масштаба в XX в. [6, с. 165]. Именно медийность и будет способствовать значительному росту популярности института британской монархии не только внутри страны, но и вне. Официальная

трансляция коронационного процесса способствовала подъему интереса британского общества к династии Виндзоров и институту монархии.

Рождество является одним из самых популярных праздников в Великобритании. В этот день важно чувствовать поддержку близких и родных людей. Интересен тот факт, что подданные британской короны встречали Рождество в 1957 г. совершенно по-новому. Впервые Елизавета II выступила на телевидении с официальной поздравительной речью, обращенной к своим подданным. Очень важные слова были сказаны ею. «Я очень надеюсь на то, что этот новый посредник сделает мое рождественское послание более личным и прямым» [10]. То есть королева хотела показать своему народу, что он занимает значимое место в ее жизни. Также ею были отмечены положительные черты развития телекоммуникационных технологий. После данного события СМИ стало одним из основных средств инструментов поддержки популярности британской короны среди рядовых граждан.

Сегодня официальные новостные источники сохраняют нейтральность по отношению к королевской семье, никто против нее выступать не может, так как Великобритания является конституционной монархией. Сама же королева никогда не давала поводов для скандальных новостей на тему ее личности и жизни. Однако существует проблема с созданием карикатур. На законодательном уровне допустимо их распространение в печатных изданиях. В результате получается синтез, в котором текст имеет спокойный и нейтральный характер, а картинка отражает скептический и ироничный взгляд на происходящие события [6, с. 166].

Функции королевы в делах внешней политики также имели существенные ограничения. Среди них: общение с подданными стран Содружества, прием представителей органов власти других государств, а также посещение стран мира. Также во время встреч с премьер-министром была возможность обсуждать аспекты международных отношений и высказывать свое мнение [9]. Елизавета II получила большую известность благодаря тому, что являлась единственным монархом, который смог посетить огромную часть планеты и познакомиться с ее народами [8, с. 41]. Список государственных визитов королевы включает в себя более 120 стран [8, с. 38]. Стоит отметить, что у Елизаветы II как у королевы Великобритании никогда не было паспорта. Каждая поездка сопровождалась обязательным приглашением, а также качественной подготовкой. Также всегда учитывались геополитические интересы Великобритании. Использовалось огромное количество разновидностей транспорта, которое постоянно обновлялось. Однако одним из самых популярных является яхта *Britania*, которая сейчас является музеем в Шотландии.

Официальные визиты Елизаветы II в то же время не означали возможность монарха осуществлять руководство экономическими и политическими отношениями Великобритании с другими государствами. Она никогда не принимала личного участия в переговорах. В составе делегации всегда были представители государственного аппарата, которые были наделены полномочиями осуществлять заключение договоров и торговых соглашений. Значение поездок было совсем другим. Они показали мировому сообществу уникальность и самобытность Великобритании, а также уважение к традициям и истории. Кроме того, все мероприятия с участием королевы способствовали укреплению дипломатических и культурных связей со многими странами мира. Что было особенно важно в рассматриваемый период в связи с процессом деколонизации, который тогда проходил. Визиты королевы, в том числе, позволили сохранить британское Содружество. Елизавета II использовала все возможности совершенствования системы транспорта, что позволило ей стать известной далеко за пределами своего государства.

Королева принимала активное участие в поощрении научной и творческой деятельности. Например, проводила личные встречи с людьми, достигшими высоких результатов в научных

исследованиях, а также в области литературы и искусства. В июле 1961 г. Юрий Гагарин, после своего первого в мире полета в космос посетил и Великобританию. Одним из самых ярких событий этой поездки было приглашение на завтрак, организованное по желанию королевы [2]. Прием советского космонавта прошел успешно. Беседа была посвящена полетам в космос, а также обсуждению вопросов спорта, литературы, политики и искусства [2]. Было многое сказано о прошлом и будущем Советского Союза и Великобритании. В результате знакомства они произвели друг на друга хорошее впечатление. Данное событие широко освещалось в средствах массовой информации.

Также стоит отметить, что в 2013 г. Елизавета II учредила специальную денежную награду за «потрясающие технические инновации», которые положительно повлияли на человечество» [8, с. 35]. Стать ее обладателем может каждый человек, вне зависимости от нации и страны проживания. У ученых появилась прекрасная возможность рассказать всему миру о своих изобретениях и получить денежное вознаграждение в размере 1 млн фунтов стерлингов [8, с. 35]. Благодаря этому решению королева смогла расширить свое право «поощрять» международное научное пространство.

На сегодняшний день британская королевская семья и Елизавета II остаются одной из самых популярных тем для обсуждения в мировом интернет-пространстве. Этому способствовала открытость, отзывчивость и известность самой королевы. На официальных аккаунтах королевской семьи публикуются различные фотографии с торжественных приемов, путешествий, праздников и других мероприятий. Также там можно найти много различных материалов, которые дают возможность проникнуться атмосферой королевского дворца. Различные интернет-мемы также стали доказательством неослабевающего интереса всего мира к институту британской монархии. При анализе социальных сетей самыми популярными образами для создания мемов являются Елизавета II, Кейт Мидолтон, Меган Маркл, а также младшие члены королевской семьи [3]. Создатели мемов отображают представителей королевской семьи в положительном ключе. Имеют место быть саркастические шутки и высказывания [4]. Но все же королева и ее семья воспринимаются доброжелательно и вызывает восторг у массовой аудитории. Интернет-пространство с одной стороны позволило стать всему миру с королевской семьей единым целым, а с другой показать, что они тоже люди, имеющие свои проблемы и недостатки. Однако это не мешает им сохранять и передавать семейные ценности и традиции последующим поколениям.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Однозначно можно утверждать, что за период с 1952–2022 гг. произошла трансформация роли института британской монархии. Развитие науки и информационных технологий, а также появления сети интернет можно считать факторами, которые изменили положение монархии не только в Великобритании, но и во всем мире. Вся полнота политической деятельности сосредоточена в руках парламента. Королевская семья стала декоративным элементом в системе органов государственной власти. Но это не мешает ей играть важную роль как внутри Великобритании, так и за ее пределами. Для своих граждан институт монархии является важной частью их жизни, а также олицетворением сохранения традиций и семейных ценностей. Объединяя прошлое и настоящее, королева дала надежду своему народу на светлое будущее. А всему миру она показала, что Великобритания – это могущественное государство, которое всегда будет в центре всех происходящих событий. Период царствования Елизаветы II стал синтезом истории и прогресса, а также популяризацией британской культуры. В этом большая заслуга самой королевы. Именно поэтому ее уход из жизни 8 сентября 2022 г. стал большой потерей для всего человечества.

Список литературы

1. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2018. 544 с.
2. Куприянов В. Н., Лосик А. В. Визит Ю. А. Гагарина Великобритании 11–15 июля 1961 г.: в 2 частях. Часть 2. Встречи с премьер-министром и завтрак у английской королевы Елизаветы II в Букингемском дворце. Вылет на родину. 2022 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizit-yu-a-gagarina-v-velikobritaniyu-11-15-iyulya-1961-g-v-2-chastyah-chast-2-vstrechi-s-premier-ministrom-i-zavtrak-u-angliyskoy/viewer> (дата обращения 17. 01. 2024).
3. Мухутдинова Н. Р. Новые Интернет-мемы как индикаторы популярности образа британской королевской семьи 2022 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-internet-memy-kak-indikatory-populyarnosti-obraza-britanskoy-korolevskoy-semi/viewer> (дата обращения 19. 01. 2024).
4. Мухутдинова Н.Р. Интернет-мемы как новая форма отражения образа Елизаветы II // Доклады Башкирского университета. 2021. Т. 6. № 3. С. 219–225.
5. Овчинников В. В. Сакура и дуб. М.: АСТ, 2023. 608 с.
6. Полякова А. А. Роль монархии во внутренней и внешней политике Великобритании в конце XX – начале XXI века. Дисс. ... канд ист. наук. М.: МГИМО, 2015. 281 с. // URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2014/262822/polyakova_diss.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 29.12. 2023 г.)
7. Полякова А. А. Роль короны в британской конституционной системе. 2013 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-korony-v-britanskoy-konstitutsionnoy> (дата обращения 28.12. 2023).
8. Хардман Р. Елизавета II. Королева мира. Монарх и государственный деятель / пер. с англ. яз. Л. А. Борис. М.: АСТ, 2023. 640 с.
9. Усова Ю.С. Партийно-политическая борьба в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии по проблеме формирования европейских договоров (1997–2007 гг.): монография. Уфа: РИЦБашГУ, 2022. 174 с.
10. The Christmas Broadcast, 1957 // YouTube Channel // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mBRP-o6Q85s> (дата обращения 28.12. 2023 г.)

Васютин И.Д.,

студент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Научный руководитель: Целищев А.О.,

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ БОЛЬШИНСТВА И СВЕРЖЕНИЕ ДИНАСТИИ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ

В статье рассматриваются эволюция политических позиций и подходов к пониманию путей общественных преобразований в среде германской социал-демократии, и анализируются политические позиции и практика политической деятельности германских социал-демократов в годы Первой мировой войны и в ходе Ноябрьской революции 1918 года в Германии и при образовании Веймарской республики.

Ключевые слова: Германская империя; Социал-Демократическая Партия Германии; ревизионизм в германской социал-демократии; Ноябрьская революция 1918 года; Веймарская республика

Vasyutin I.D.,

*Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ufa University of Science and Technology»*

Scientific adviser: Tselishchev A.O.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

SOCIAL DEMOCRACY OF THE MAJORITY AND THE OVERTHROW OF THE HOHENZOLLER DYNASTY

The article discusses the evolution of political positions and approaches to understanding the routes of public transformations among German social democracy, and analyzes political positions and the practice of political activities of Germanic Social Democrats during the years of the World War I and during the November Revolution of 1918 in Germany and in the formation of the Weimar republics.

Keywords: the German Empire; the Social Democratic Party of Germany; revisionism in the German Social Democracy; the November Revolution of 1918; the Weimar Republic

Еще до объединения Германии в 1871 г. в единый рейх 24 мая 1863 г. в Лейпциге произошло важнейшее событие в истории немецкого и мирового рабочего движения. Фердинанд Лассаль – немецкий социалист, который в революционный 1848 г. был посажен в тюрьму на полгода [11] за призыв к восстанию, основывает Всеобщий германский рабочий союз [5]. С этого момента начинается история развития социал-демократического рабочего движения и Социал-демократической партии Германии.

Путь социал-демократии состоял из взлетов и падений, расколов, бесчисленных полемик между однопартийцами и противниками социал-демократического курса. Несмотря на все сложности, противоречия, социал-демократия становится одной из ведущих политических партий в странах Запада, в том числе в Германии. Реформистский курс социал-демократии, заданный в Эрфуртской программе 1891 г., оказался более жизнеспособным на поприще глобальной политики, чем анархические идеи Бакунина и Прудона, и марксизм-ленинизм.

Успехи социал-демократов обостряли отношения между другими более радикальными левыми союзами и партиями, поскольку социал-демократы не стеснялись договариваться с властью, идти на уступки, и занимать антиреволюционную позицию [10]. В полемике между социалистами умеренного и радикального крыла в адрес социал-демократов выдвигается упрек в том, что еще Лассаль, духовный отец социал-демократии, вел беседы с Бисмарком, из которых будущий канцлер Германии вынес решение о введении избирательного права, и формирования социальной системы, которая была бы под опекой государства. Социал-демократы действительно, в отличие от радикальных левых, были готовы пойти на компромисс, уступить, но, как справедливо отмечает немецкий историк Винклер, социал-демократы также усиленно преследовались в Германской империи с введения «Исключительного закона против социал-демократов» в 1878 г. Только в 1890 г. запрет на деятельность партии был снят [3].

В начале двадцатого столетия СДПГ, несомненно, была крупнейшей партией II Интернационала. Доминирование социал-демократов подкреплялось еще и наличием интеллектуалов в рядах умеренно-левой партии [12]. В эти годы Карл Каутский стал самым влиятельным интерпретатором марксистской доктрины не только в немецкой социал-демократической партии, но и в Интернационале в целом. Эдуард Бернштейн стал самым известным идеологом ревизии, и, как Карл Каутский, был сторонником реформистского демократического социализма. Каутский 30 лет проживал в Лондоне, занимаясь социалистической агитацией. В 1880-х годов он сблизился с Энгельсом, и это укрепило его репутацию подлинного выразителя марксизма. Однако он был скло-

нен интерпретировать это довольно механистически, подчеркивая неизбежность окончательного торжества социализма [10]. Его позиция также олицетворяла попытку примирить революционную доктрину с избирательной и парламентской политикой и отражала ключевые противоречия между реформой и революцией, которые характеризовали Интернационал в целом.

Идеи Бернштейна представляли собой последовательный сдвиг в сторону левого реформизма. Бернштейн полагал, что достижение социализма — это реальная перспектива человечества, пусть и отдаленная. Вместо революционного пути необходимо развивать общество в сторону социализма постепенно, совершенствуя уже существующие капиталистические институты, чтобы они все больше приносили пользы рабочему классу. Капиталистическое общество необходимо направлять в сторону социализма и демократии, а не разрушать его. Бернштейн, заявляя о своей преданности Марксу, фактически соглашается с Прудоном о необходимости эволюционного преодоления капитализма [10].

Таким образом, Бернштейн и Каутский выдвигали реформистские идеи, которые пользовались популярностью в рядах Социал-демократической партии Германии. Реформизм Бернштейна и Каутского и традиция сотрудничества с властями Германии, заложенная еще Лассалем, отразились и на действиях социал-демократов в начале Первой Мировой Войны. Во время второго тура выборов в Рейхстаг в 1912 г. СДПГ, заручившись взаимной поддержкой Прогрессивной народной партии и национал-либералов, проходит в парламент [7]. Этот состав социал-демократов через два года примет серьезные решения, которые скажутся на авторитете партии, как в Германии, так и в других странах.

Антагонизм стран Центральных держав с Антантой явил миру и расколы в рядах левых рядах. СДПГ не стала исключением. В самом начале Первой мировой войны 4 августа 1914 г. социал-демократы проголосуют большинством (78 — за, 14 — против) за одобрение военных кредитов. Вильгельм II не без удовольствия скажет знаменитую фразу: «Я не знаю больше партий, теперь я вижу немцев» [3, с. 7].

Социал-демократы проигнорировали решение Штутгартского конгресса II Интернационала, который постановил, что в случае войны социал-демократы должны немедленно выступить с пацифистских позиций [7, с. 12]. Еще в 1907 г. Август Бебель на партийном съезде заявил, что, если Германии будет угрожать опасность, социал-демократы защитят родину. Критиками официального курса партии выступали следующие социал-демократы: Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Эдуард Бернштейн, Карл Каутский, Гуго Гаазе. В декабре 1915 г. количество противников войны среди социал-демократов становится все больше. Себастьян Хаффнер, историк, скорее симпатизировавший левым социал-демократам, констатирует, что факт голосования партийного большинства за военные кредиты — это доказательство изначального оппортунизма СДПГ [6]. Скорее, в оценке действий умеренно левых представителей партий более справедлив Винклер.

К августу 1914 г. Генеральная комиссия свободных профсоюзов была настроена на ведение войны. Многие рабочие — основной электорат партии — были убеждены, что нужно защищать немецкую культуру от угрозы со стороны Антанты. Социал-демократы, как Маркс и Энгельс, опасались Российской империи, которую видели крайне деспотической. Многие социал-демократы оправдывали голосование за военные кредиты как раз из желания противостоять царской России [3]. В работе «Условия и возможности социализма и задачи социал-демократии» Бернштейн не без преувеличения с отвращением говорит о России, как об опасном соседе, из-за крайне низкого уровня жизни крестьян [2]. Сам Бернштейн впоследствии перейдет к созданной 6–7 апреля 1917 года в народном доме в Готе Независимой социал-демократической партии Германии [3].

В июле 1917 г. СДПГ, центристы и либералы приняли резолюцию рейхстага, в которой призывали к миру «по соглашению», в написании которой принимает участие и либерал Макс Эрцбергер, в 1914 г. выступавший с провоенных позиций. Поддержка войны падает в обществе все сильнее, вместе с этим меняется и курс партии социал-демократов большинства [3]. В октябре 1917 г. будущий первый рейхспрезидент Веймарской республики Фридрих Эберт позитивно оценит большевистскую революцию в России [7].

В начале революционного 1918 г., в январе, в Берлине стачки проходят под руководством «революционных старост» предприятий металлообрабатывающей промышленности, которыми руководили представители НСДПГ [4]. Январские беспорядки в определенной степени были связаны с революционными событиями, проходившими в России. Для социал-демократов большинства январские события станут серьезным предостережением против сближения с НСДПГ. Они обвиняли Люксембург и Либкнехта в попытке большевизации страны [3].

Вместе с падением поддержки войны среди местного населения, социал-демократы большинства столкнулись с проблемой роста популярности НСДПГ, и левого радикализма. Эберт, поддержавший в октябре 1917 г. «демократические» стремления большевиков, 23 сентября 1918 г. на заседании фракции скажет: «Тот, кто наблюдал за событиями в России, не может, исходя из интересов пролетариата, желать повторения у нас чего-то подобного. Напротив, мы должны грудью броситься на брешь. Мы должны понять, получим ли мы достаточно влияния, чтобы добиться осуществления наших требований, и, если это возможно, увязать их в единое целое с делом спасения страны, и наш проклятый долг и наша обязанность заключается в том, чтобы сделать это» [3]. Стоит отметить, что большевистские методы осудил и Карл Каутский, призывавший к демократическому социализму.

Летнее наступление немецкой армии заканчивается «Черным днем Амьена» 8 августа 1918 г., когда Антанты начинают контрнаступление против Германской империи [3]. Революционная осень 1918 г. будет проходить под эгидой размышлений социал-демократов о будущем мире. В начале октября 1918 г. формируется новое правительство во главе с принцем Максимилианом Баденским и с участием социал-демократов большинства. Новое правительство направляет ноту президенту США Вудро Вильсону с просьбой о перемирии, рассчитывая на относительный успех в случае заключения мира. 23 октября 1918 г. последовал ответ от американской стороны: мир на основе отречения монарха и отказа кронпринца от престола. Через неделю происходит важное событие для формирования предпосылок революционных дней ноября 1918 г. Флот Германии получил приказ дать последний масштабный морской бой флоту Британии. Приказ был согласован с кайзером, но не с канцлером, несмотря на то, что 28 октября, благодаря усилиям социал-демократов большинства, была выпущена конституция, реформирующая конституционную монархию Германии в парламентскую [3]. В ответ на приказ матросы начали бунт. Воспоминания Шейдеманна о событиях 1918–1922 гг. в Германии содержат ценную информацию о позиции социал-демократов большинства по подводной войне Германской империи [8]. Партия социал-демократов осуждала неограниченную подводную войну, в ходе которой страдали мирные торговые суда. Приказ 30 октября 1918 г. о начале боев с Британией в морях напомнил Шейдеману о том, чем закончились предыдущие морские авантюры немецкого флота.

Социал-демократы ближе к ноябрю все меньше походили на «люляльную оппозицию» его величества Вильгельма II. 5 ноября на заседании военного кабинета Шейдеман озвучивают позицию, характерную для большинства социал-демократов. Фронт должен продолжить сопротивление, поскольку куда более страшный враг для страны – большевизм [3, с. 7]. Преемник Людендорфа Грёнер и глава ОХЛ Гинденбург также опасались большевистской угрозы. В отличие

от военных чиновников, Шейдеман и его единомышленники считали, что для успешной борьбы с большевизмом жизненно необходимо, чтобы династия Гогенцоллернов ушла в историю. В своих дневниках Шейдман указывал на то, что народ требует отречения Вильгельма II [8]. В случае отречения Вильгельма II также предполагалось, что Германии будет проще действовать на мирных переговорах, поскольку, с точки зрения западных демократий, Германия станет демократическим партнером. 4 ноября мятежные матросы захватывают Киль, через два дня под их контролем оказываются еще пять городов. 8 ноября в Кёльне формируется Совет рабочих и солдатских депутатов. К этому моменту рухнула первая немецкая династия – Виттельсбахи в Баварии. Член партии НСДПГ Курт Эйсер объявляет о создании Баварской Советской республики, и конце войны. Германская революция разгорается все сильнее.

Вечером 7 ноября на столе военного кабинета министров лежал ультиматум социал-демократов большинства. Правление СДПГ и фракция рейхстага потребовали от правительства рейха:

1. Снять запрет собраний НСДПГ.
2. Лояльности со стороны армии и полиции.
3. Усиленной парламентаризации государства.
4. Усиления роли социал-демократической партии.
5. Отречение Вильгельма II от престола, и кронпринца [1; 3; 7].

Если требования ультиматума не будут соблюдены, социал-демократы угрожали покинуть кабинет. Макс Баденский расценил действия социал-демократов как предательство, ведь в начале ноября 1918 г. Эберт говорил о полной лояльности семье кайзера. Но политическая ситуация в Германии была такова, что дальнейшая поддержка кайзера была бессмысленной. Население устало от войны и кайзера [3]. Страх перед большевистской угрозой был силен. Макс Баденский в ответ на ультиматум социал-демократов хотел подать в отставку, но его удалось убедить, что социал-демократы большинства не пойдут на разрыв до заключения перемирия. Неизвестный депутат из Прогрессивной народной партии заявил, что без социал-демократов Германия большевизируется и скатится в гражданскую войну. Опасения либерального депутата не были безосновательными.

9 ноября в Берлине появляются агитационные листовки Союза «Спартак», призывающие рабочих выйти на улицы. Полиция не оказала никакого сопротивления [4]. Отто Вельс – берлинский функционер социал-демократии – отдает приказ о начале забастовки. Шейдман объявляет спустя час после начала забастовки об отставке с поста статс-секретаря. Эберт объединил усилия с НСДПГ [3].

В Берлине не было регулярных частей армии. В столице дислоцировался лишь Наумбургский 4-й егерский полк, лояльный монарху. И это было удачей для социал-демократии. Второй удачей стало то обстоятельство, что егерский полк потребовал объяснения обстановки в стране. Берлинский функционер социал-демократов большинства Отто Вельс, благодаря своему ораторскому таланту, смог убедить егерей встать на сторону рабочих [3]. На встрече с Максом Баденским Эберт требует передачи поста рейхсканцлера и командующего столичными постами. Макс Баденский соглашается, социал-демократы большинства получают также поддержку от военных кругов, с которыми они были в консенсусе в вопросе большевистской угрозы. Для СДПГ руководящей идеей было сохранение рейха и экономики, пускай и без кайзера [3]. Государство должно быть все так же собирателем федеральных земель, и экономика не должна идти по большевистскому пути. В духе бернштейнской программы демократизации государства, социал-демократы большинства в дни свержения монархии Гогенцоллернов учитывали реформистский завет. В день свержения монархии 9 ноября погибло 15 человек [4]. СДПГ стала

«революционной партией». Каутский заявил о новом демократическом пути Германии. Фридрих Эберт обращался к чиновникам, убеждая их остаться на своих постах. Эберт репрезентировал новую власть коалиции социал-демократов большинства и меньшинства, и буржуазных партий как власть, способную сохранить единство рейха. Главное стремление Эберта – сохранить дееспособность правительственной машины. Несмотря на серьезные противоречия с НСДПГ, в первые дни Германской революции партии действовали слаженно. [3]

Новое правительство в Германии создается 10 ноября 1918 г. на основе коалиции НСДПГ и СДПГ. Правительство было создано на собрании берлинских рабочих и солдат в цирке Буша. В этот же день формируется Совет народных уполномоченных, в который входят Эберт, Шейдеман от СДПГ, Гуго Гаазе и Вильгельм Диттман от НСДПГ. В процессе собрания радикальные левые большинством не обладали. 10 ноября 1918 г. принимается решение о принятии программы перемирия, выдвинутой Антантой. 11 ноября в 11 часов заканчивается Первая Мировая война [3; 7].

Германия вступает в новую историческую эпоху демократии, расширения избирательных прав, социального обеспечения. Германская революция продолжалась до 1919 г., окончательного утверждения Веймарской республики и конституции, в которой, что характерно, понятие «Reich», означающее державу, собирающую федеральные земли вокруг себя, не исчезло [13]. Ключевой фигурой немецкой социал-демократии первых дней революции был Фридрих Эберт, который был более других заинтересован в сохранении порядка в Германии, и одновременно разворачивания социального курса в экономике, преодоления последствий войны. Винклер справедливо отмечает, что после побега Вильгельма II в стране коллапс не произошел. Общественный транспорт ходил по расписанию, анархии гражданской войны не было [3].

Теоретик социал-демократии Бернштейн посчитал, что германская революция пошла по мирному пути, поскольку Германия была модернизирована в экономике, более демократична в политике [1]. К началу войны социал-демократы были уже популярной партией. Как отмечает А.В. Шубин, элиты Германии стремились к стабилизации индустриального общества на новой основе использования политического плюрализма и государственного регулирования социальной сферы [9].

Социал-демократы большинства сыграли серьезную роль в свержении династии Гогенцоллернов. Интересно то, что партия, проголосовав в 1914 г. за военные кредиты, с одной стороны, вызвала негодование многих международных левых. Но внутри страны партия согласовывала свои действия с мотивацией рабочих. К концу войны социал-демократы также смогли учесть изменения политической жизни Германии и снова вышли победителями, стали соучредителями Веймарской Республики – первой немецкой демократии, которая, несмотря на свой крайне противоречивый характер, местами даже оппортунистический по отношению к революционизму, смогла уберечь страну от революционного хаоса, в условиях, когда старый порядок уже не пользовался популярностью, а новый грозил радикальными экспериментами по переустройству социальной действительности Германии.

Список литературы:

1. Бернштейн Э. Германская революция. История ее возникновения и ее первого периода. Предисл. Александра Штейна. Берлин; Дрезден: Восток, 1922. 331 с.
2. Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб.: Типография А.А. Гольдберга, 1906. 240 с.
3. Винклер Г. А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.
4. Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. М.: Соцэкгиз, 1958. 443 с.

5. Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848–2002. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 560 с.
 6. Хаффнер С. Революция в Германии 1918/1919: как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983. 244 с.
 7. Целищев А.О. Социал-демократическая партия Германии в период становления и утверждения Веймарской республики (1918–1925 гг.): Монография Уфа: РИО БашГУ, 2004. 316 с.
 8. Шейдеман Ф. Крушение Германской империи. Воспоминания первого канцлера Веймарской республики о распаде великой державы. 1914–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2022. 255 с.
 9. Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2020. 773 с.
 10. Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.
 11. Bernstein E. Ferdinand Lassalle as a Social Reformer. Eleanor Marx Aveling, trans. London: Swan Sonnenschein & Co., 1893. 220 p.
 12. Newman M. Socialism: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2005. 171 p.
 13. Die Verfassung des Deutschen Reichs. Weimarer Reichsverfassung, vom 11. August 1919. Document Archive // URL: <http://documentarchiv.de/wr/wrv.html> (дата обращения 15.01.2024).
-

Галямичев А.Н.,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С.М. СТАМА И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

В статье представлено содержание оригинальной концепции истории средневекового города, разработанной в трудах видного советского историка-медиевиста С.М. Стама. Обосновывается мысль о том, что эта концепция сыграла важную роль в истории изучения средневекового городского развития в нашей стране, послужив одним из импульсов к началу научных дискуссий о природе средневекового города и узловых проблем урбанистики в рамках марксистской историографии в СССР в 1960-е – 1980-е годы.

Ключевые слова: С.М. Стам; медиевистика в СССР; историография средневекового города

Galyamichev A.N.,

*Dr. Sc. (History), Professor, Professor, Department of General History,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov National Research State
University Named after N. G. Chernyshevsky»*

S. M. STAM'S URBANISM RESEARCH AND THEIR PLACE IN THE HISTORY OF SOVIET MEDIEVAL STUDIES

The article presents the content of the original concept of the history of the medieval city, developed in the works of the prominent Soviet specialist on medieval history S.M. Stam. The idea is substantiated that this concept played an important role in the history of the study of medieval urban development in our country, serving as one of the impulses for the beginning of scientific discussions about the nature of the medieval city and the key problems of urbanism within the framework of Marxist historiography in the USSR in the 1960s – 1980s. e years.

Keywords: S.M. Stam; medieval studies in the USSR; historiography of a medieval city

Изучение проблематики истории средневекового города долгое время оставалась за пределами исследовательских интересов российских медиевистов. Дореволюционная русская историография, представители которой создали ряд блестящих, вошедших в золотой фонд мировой науки аграрно-исторических исследований по проблематике западноевропейского Средневековья, не уделяла столь же значительного внимания вопросам изучения истории средневекового города. Такое положение вещей видится вполне закономерным: насущные вопросы развития пореформенной России во многих отношениях находили аналогии в аграрной истории средневекового Запада, в отличие от событий и процессов, определявших судьбы западноевропейских городов эпохи Средневековья.

Советская медиевистика со времён своего становления также уделяла преимущественное внимание развитию феодального поместья, прежде всего, по той причине, что именно в нём нашли своё наиболее яркое и полное воплощение особенности феодальной общественно-экономической формации.

Следует при этом отметить, что уже в 1930-е годы в СССР стали появляться первые специальные исследовательские работы по истории средневекового города, внимание которых было направлено на вопросы зарождения капиталистической эксплуатации в ремесленных цехах западноевропейских городов в XIV–XV вв.

Этот вопрос, представлявшийся первостепенно важным в период становления марксистской историографии в нашей стране, занимает далеко не центральное место в истории западноевропейского средневекового города. Осмысление же её коренных проблем имело важное значение для развития советской медиевистики в силу той исключительной роли, которая была сыграна городскими центрами в судьбах средневековой Западной Европы. Трудно не согласиться с размышлениями С.М. Стама на этот счёт [5, с. 5–6], которые были высказаны им на первых страницах главного урбанистического исследования историка: «В истории феодального общества город занимает особое и очень важное место. Хотя его возникновение связано с более широкими сдвигами, охватившими Европу в XI–XII веках, наиболее важным следствием этих сдвигов и, в свою очередь, источником наиболее активных и результативных общественных импульсов дальнейшего развития явился именно город».

Как подчёркивает С.М. Стам, эти импульсы обновления коснулись всех сфер развития средневекового западноевропейского общества: «Можно сказать без преувеличения, что с возникновением городов лицо средневековой Европы изменилось до неузнаваемости. Окончилось многовековое безраздельное господство деревни. Рядом с извечным трудом земледельца появился обособленный промышленный труд. Рядом с натуральным хозяйством – товарное производство, с самого начала рассчитанное на обмен. Возникли многочисленные регулярные рынки, дороги оживились. Развитие города глубоко воздействовало на феодальную деревню, стимулируя её товарную эволюцию и необычайно обостряя внутрипоместные противоречия».

Наряду с обновляющим воздействием на средневековое общество в области экономики город стал источником важных изменений в сфере социально-политического развития: «С возникновением города рядом с феодальными сеньорами и зависимыми крестьянами появился совершенно новый социальный слой – горожане, вскоре сделавшийся важной общественной силой. Феодальное общество потрясла новая, невиданная дотоле, освободительная борьба – коммунальное движение. Неотъемлемые феодальные прерогативы сеньоров в городах были решительно урезаны или вовсе отменены, сеньориальная власть уступили место городским властям, так или иначе выбираемым из среды горожан. У горожан появилось своё право, свой суд, своё войско». К этому хотел бы от себя добавить, что в лице горожан королевская власть обрела надёжного и

действенного союзника в борьбе за преодоление тесно связанной с завершением складывания феодализма политической раздробленности и создание централизованного государства.

Велико, как подчёркивает С.М. Стам, было воздействие городского развития на духовную жизнь средневековой Европы: «Города стали рассадниками новых идей и общественных движений, о каких до тех пор феодальная Европа не имела представления. Безраздельное прежде господство католической церкви заколебалось. Из городов вышли крупнейшие ереси, которые охватили широкие массы народа, целые области и страны. В городах угнезилась критическая мысль. Здесь зародились ростки светского знания, выросли нецерковные школы, стала распространяться грамотность. Здесь началось изучение древней философии, возникла оппозиционная схоластика, открыто или скрыто противопоставленная церковному правоверию».

Средневековый город стал местом рождения выдающихся памятников искусства, являющихся олицетворением творческих исканий людей Средневековья: «В городах стали воздвигаться немыслимые дотоле грандиозные храмы совершенно оригинальной, стрельчатой архитектуры, ещё проникнутой религиозным духом, но уже стремившейся обратиться к природе. Башни городских готических соборов встали над замками феодалов и епископов. Наконец, здесь появилась совершенно новая, городская литература, издевавшаяся над феодалами и церковниками, литература, в которой уже начинал веять дух свободомыслия». Обобщая наблюдения над многочисленными проявлениями обновляющей силы средневекового города, С.М. Стам заключает: «В истории феодального общества наступила новая эпоха. Темп исторического развития резко повысился».

Вслед за этим С.М. Стам формулирует главный вопрос, поиск ответа на который и был целью его монографии: «Где был источник этого взлёта? Какая сила, скрытая в городе, произвела в феодальном обществе этот глубокий сдвиг и придала всему его развитию невиданную дотоле динамичность? Эти вопросы неизбежно встают перед историком, обращающимся к этой эпохе».

В советской историографии к концу 1950-х годов утвердились представления о том, что главной чертой, отличавшей средневековый город от деревни, было обособление в его рамках промышленного (ремесленного) труда от земледелия. Такой взгляд был представлен на страницах наиболее обстоятельных исследований советских медиевистов в области урбанистики – обобщающей работы В.В. Стоклицкой-Терешкович [6] и монографии Я.А. Левицкого о возникновении средневековых городов Англии [1]. Что же касается социально-экономической природы городской жизни, то господствовало мнение о её единственности феодализму, что представлялось достаточно логичным в рамках теории общественно-экономических формаций. В этой связи широкое распространение получил термин «феодальный город», присутствовавший на страницах как научной, так и учебной литературы. В обобщённом виде господствовавший в нашей медиевистике 1960-х – 1980-х годов взгляд на природу средневекового города был представлен в вузовских учебниках и в основательной статье виднейшего представителя отечественной медиевистики Н.А. Хачатурян [7].

Эта точка зрения оставляла в стороне ответ на вопрос о причинах обновляющего воздействия города на средневековое общество. Для С.М. Стама же этот вопрос представлялся первостепенно важным: именно необходимость его решения подтолкнула историка, который в начале своего творческого пути занимался проблемами истории идеологии западноевропейского средневекового общества (в 1947 г. им была защищена кандидатская диссертация «Иоахим Калабрийский. Социальная сущность его учения (Из истории ранних антикатолических и антифеодальных учений в Средние века)»), обратиться к социально-экономическому развитию городов.

Намереваясь на пороге 1950-х годов продолжить изучение истории еретических движений в средневековой Европе, историк столкнулся с проблемой малоизученности их социальных корней. На страницах своих воспоминаний он пишет: «Ведь давно признано, что альбигойство и другие наиболее значительные ереси XII–XIII веков выросли на городской почве. Но что представляла собой эта «почва»? ... Нужно понять средневековый город глубже, особенно на ранней стадии его развития. Меня при этом более всего привлекали южно-французские, собственно, лангедокские города, социально-экономическая почва которых вызвала к жизни широкое еретическое движение альбигойцев» [4, с. 209–210].

Итогом 18-тилетнего упорного труда учёного и стала монография «Экономическое и социальное развитие раннего города», построенная, прежде всего, на материалах истории Тулузы – «наиболее выразительного города региона» [4, с. 213].

Важное место в научном наследии историка занимает статья «Движущие противоречия развития средневекового города», опубликованная на страницах журнала «Вопросы истории» в 1965 году, на завершающем этапе работы над монографией и докторской диссертацией. В этой статье С.М. Стам представил сжатое изложение основных выводов своего исследования о природе средневекового города. Для стиля научного мышления С.М. Стама характерно название статьи. Задача историка-исследователя, как он полагал, состоит в том, чтобы «работать, упорно работать, пока не докопаешься до смысловых корней, пока не сумеешь убедительно, строго обоснованно источниками, ответить на главный вопрос, завещанный науке ещё Аристотелем: ПОЧЕМУ?» [4, с. 179]. А скрытые от поверхностного взгляда движущие силы исторического развития историк искал в единстве и борьбе противоречий, пронизывающих и направляющих ход истории. С.М. Стам не без успеха стремился самостоятельно мыслить в русле марксистской методологии исторического исследования, что особенно ярко проявилось в его работах по истории средневекового города.

Ключ к разгадке секрета преобразующей силы города, как полагал С.М. Стам, можно было найти «на пути анализа экономической основы средневекового городского развития» [2, с. 59]. Этой основой являлся, по мысли исследователя, новый для средневекового общества хозяйственный уклад – простое товарное производство. «Многие черты этого нового хозяйственного уклада, - отмечал историк, - роднили его с хозяйством феодально-зависимого крестьянина: масштабы производства – и там и тут производство мелкое; орудия труда – примитивные, индивидуальные; их развитие, отличавшееся медлительностью, консервативностью; низкая производительность труда; преобладание простого воспроизводства... Нельзя не видеть существенного сходства между хозяйством ремесленника и феодального крестьянина и в том, что и то и другое преследовали потребительские цели» [2, с. 59].

Однако между средневековым городом и деревней имело место принципиальное различие: «Одни и те же потребительские цели достигались различными путями: в деревне – ведением натурального, замкнутого хозяйства, в городе – товарного, непременно – рыночного... Феодализм вырос на натуральном, то есть сельском, земледельческом хозяйстве, только оно является его адекватной основой, его первым необходимым условием... Что же касается городского ремесла, то, как бы слабо оно ни было развито, с самого начала его продукты производились не как непосредственные средства существования для тех, кто произвёл их, а как товары» [2, с. 60].

Вслед за этим историк формулирует важный вывод: «Появление производства, товарного по самой своей природе, было рождением в недрах феодализма принципиально нового экономического элемента, стоявшего в противоречии с хозяйственной основой феодального строя, - рождением нового экономического уклада» [2, с. 60].

Но для того, чтобы найти ответ на вопрос о главном источнике обновляющей силы средневекового города, было необходимо обратить особое внимание на ключевой вопрос – вопрос о собственности на средства производства. С.М. Стам отмечает: «Сопоставляя ремесло в городе и крестьянское хозяйство в поместье в плоскости экономических отношений, нельзя не обратить внимания на несомненное сходство: и тут и там производитель соединён с условиями производства ... Но можно ли сказать, что при феодализме и в деревне, и в городе работник соединён с условиями производства одинаково? Феодально-зависимый крестьянин действительно, как правило, хотя и не всегда, являлся собственником орудий труда, тягловой силы, своего жилища. Что же касается основного условия производства – земли, то она была собственностью помещика; крестьянин мог «владеть», пользоваться ею только на условии присвоения сеньором всей массы его (крестьянина) прибавочного труда. Соединение рабочей силы производителя со средствами производства в городском ремесле обладало существенными отличиями, поскольку здесь не требовалось (или почти не требовалось) наличия земли (в городе земля уже не была основным условием производства). Это вырывало хозяйство ремесленника из экономической зависимости от феодального землевладельца, точнее, устраняло возможность возникновения такой зависимости» [2, с. 60–61].

Подводя итог, С.М. Стам пишет: «Таким образом, отношения собственности, отношения присвоения у городского ремесленника складывались существенно иначе, чем у феодального крестьянина. Собственник условий производства и непосредственный производитель совпадали здесь в одном лице. В рамках простого товарного производства отношения эксплуатации оказывались, в сущности, невозможными. Эти отличия содержали в себе, как в зародыше, то новое, что внёс город в развитие феодального общества в целом и что явилось главным импульсом тех противоречий, которые определяли внутреннее развитие города и его отношения с внешней, феодально-поместной средой» [2, с. 61].

Эти размышления оставляли, однако, открытым вопрос о причинах определённого сходства между жизнью средневекового города и окружавшего его феодального мира. Сам С.М. Стам называет эти черты: «Городское ремесло само опутывает себя сложной системой ограничительной регламентации, призванной строго оберегать его существование и неизменность в качестве мелкого производства. Собственность, основанная на труде и обмене и противостоявшая феодальному землевладению и феодальной, раздвоенной форме собственности, сама в известной степени обволакивается некоторыми феодальными формами, а верхушка горожан обрастает земельными владениями. Черты партикуляризма, местной обособленности, столь свойственные феодальному обществу, в немалой степени свойственны и экономической и политической позиции городских коммун. Политическое сознание средневекового бюргерства в наиболее зрелых своих проявлениях не поднимается выше идеи (правда, глубоко прогрессивной для того времени идеи) королевской централизации и активной поддержки сословной монархии. Его мировоззрение, несмотря на сильную светскую струю и элементы рационалистического мышления, в целом не вышло за пределы религиозной идеологии» [5, с. 6].

Поиск причин особенностей жизни средневекового города, роднивших его с феодальным обществом, учёный ведёт на пути диалектического осмысления движущих сил общественного развития. Прежде всего, он обосновывает мысль о возникновении города как способе не полного, а частичного разрешения основного экономического противоречия феодализма – между крупной земельной собственностью и мелким крестьянским производством [3]. «Это противоречие выражалось, прежде всего, в том, что эксплуатировать труд зависимого

крестьянина помещик не мог, не наделяя его землёй, не предоставляя ему известной самостоятельности в самом производственном процессе. Рост экономических сил при феодализме происходил, прежде всего, в крестьянском хозяйстве – именно оно было хозяйственной основой феодального поместья. Всё это не могло не породить в крестьянине стремления к действительной экономической самостоятельности... Но в условиях феодализма, когда не было «земли без сеньора», крестьянин мог стать свободным собственником, только порвав с помещиком, а значит, и с землёй, то есть сделавшись ремесленником... Разумеется, крестьянство как класс подобным образом освободиться не могло. Через ремесло, путём бегства в города крестьяне освобождались поодиночке, и в этом частичном освобождении реализовались те объективные экономические тенденции, которые были заложены в мелком хозяйстве феодально-зависимого крестьянина» [2, с. 67–68].

По мысли С.М. Стама, «простое товарное производство в городском ремесле не находилось в антагонистическом противоречии с господствующими феодальными отношениями. Хотя совсем по-иному, чем феодальное поместье, но ремесло тоже соединяло производителя со средствами производства. Отделение работника от условий производства, без чего невозможен капитализм и что составляет основу революционности промышленной буржуазии по отношению к феодализму, не диктовалось потребностями простого товарного производства, более того, оно означало бы ликвидацию самых основ этого экономического уклада. Поэтому мелкое товарное производство в ремесле, хотя оно не было явлением специфически феодальным и существовало в различных формациях, могло приспособиться к феодализму и уживалось с ним в течение столетий» [2, с. 61].

Таково существо концепции развития средневекового города, разработанной С.М. Стамом и ставшей методологической основой урбанистических исследований его учеников – представителей саратовской школы историков средневекового города.

Представляется, что присутствие «еретической» в рамках марксистской историографии концепции сыграло положительную роль в развитии советской медиевистики 1960-х – 1980-х годов, тем более, что с 1968 года в Саратовском университете (с 1949 по 1991 год С.М. Стам являлся заведующим кафедрой истории средних веков СГУ) стал издаваться межвузовский сборник научных трудов «Средневековый город» – второе в СССР специальное издание по медиевистике после сборника «Средние века».

Труды С.М. Стама по истории средневекового города могут, на наш взгляд, быть источником плодотворных импульсов и для современных российских медиевистов, избравших темой своих исследований городскую проблематику. Напомнить об этом представляется уместным в связи с 110-летием со дня рождения учёного, который отмечался научной общественностью 21 ноября 2023 года.

Список литературы

1. Левицкий Я.А. Города и городское ремесло в Англии X–XII вв. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1960. 299 с.
2. Стам С.М. Движущие противоречия развития средневекового города // Стам С.М. Избранные труды. Средние века: город, ереси, Возрождение, Реформация. Саратов: Научная книга, 1998. С. 58–72.
3. Стам С.М. К вопросу об основном экономическом противоречии феодализма // Учён. зап. Сарат. ун-та. 1958. Т. 66. С. 264–277.
4. Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2009. 360 с.
5. Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1969. 430 с.
6. Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М.: Соцэкгиз, 1960. 349 с.
7. Хачатурян Н.А. Город в системе феодальной формации // Вопросы истории. 1983. № 1. С. 69–84.

Дударева А.А.,
аспирант, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

Научный руководитель: Васютин С.А.,
*доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*

ВКЛАД А.Г. ВИШНЕВСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

Работа посвящена изучению научного пути А. Г. Вишневого. Рассмотрен его вклад в изучение демографических процессов в странах Западной Европы XX – начала XXI в.

Вклад А. Г. Вишневого в изучение демографических процессов в странах Западной Европы XX – начала XXI века заключается в проведении обширных исследований, анализе факторов, влияющих на демографические изменения, и предложении стратегий для управления демографическими вызовами. Также изучен ряд основных проблем связанных с изучением населения, таких как рождаемость, смертность, миграция, возрастная структура населения, демографические процессы и тенденции.

Ключевые слова: А.Г. Вишневский; демография; население; институт демографии; рождаемость; смертность; миграция

Dudareva A.A.,
*Graduate Student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Kemerovo State University»*

Scientific adviser: Vasyutin S.A.,
*Dr. Sc. (History), Professor, Department of General History and International Relations, Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kemerovo State University»*

CONTRIBUTION OF A.G. VISHNEVSKY TO THE STUDY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN WESTERN EUROPEAN COUNTRIES OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

The work is devoted to the study of the scientific path of A. G. Vishnevsky. His contribution to the study of demographic processes in the countries of Western Europe XX – early XXI century is considered.

A. G. Vishnevsky's contribution to the study of demographic processes in the countries of Western Europe of the XX - early XXI century consists in conducting extensive research, analyzing the factors influencing demographic changes, and proposing strategies for managing demographic challenges. A number of basic problems related to the study of population, such as fertility, mortality, migration, age structure of the population, demographic processes and trends are also studied.

Keywords: A.G. Vishnevsky; demography; population; Institute of Demography; birth rate; mortality, migration.

Анатолий Григорьевич Вишневский родился 1 апреля 1935 года в Харькове. Он получил высшее образование в Харьковском государственном университете, по специальности «Статистика». В 1967 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Городские агломерации и экономическое регулирование их роста (на примере Харьковской агломерации)» в Институте экономики АН СССР, а в 1983 году – докторскую диссертацию. Вишневский работал в различных научных и образовательных учреждениях, включая Отдел демографии Института экономики АН УССР в Киеве. С 2007 по 2021 года Директор Института демографии Высшей школы экономики. Скончался 15 января 2021 года от коронавирусной инфекции.

Для того чтобы создать Институт демографии, Анатолию Григорьевичу пришлось пройти долгий путь. Первая попытка была в 1988 году, но она успехом не увенчалась. Это удалось сделать с четвертой попытки. В 2007 года состоялось открытие Института демографии. В 2009 году была открыта магистерская программа «Демография», началась активная подготовка аспирантов, многие из которых на сегодняшний день являются сотрудниками института.

На этом Анатолий Григорьевич не остановился: с 2014 года издается журнал «Демографическое обозрение», пять номеров в год (один на английском языке). 27 марта 2014 года состоялось первое заседание редакционной коллегии журнала. Журнал вошел в различные международные рейтинги, в 2019 году в список ВАК.

На 2021 год журнал выпустил 33 номера, в которые вошли 238 статей разных исследователей. Анатолий Григорьевич в первый номер журнала включил свою статью «Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*».

На данный момент журнал «Демографическое обозрение» входит в ядро РИНЦ, перечень ВАК РФ и RSCI, а также в базы CrossRef и DOAJ [1].

Свой авторитет ученого А. Г. Вишневский обрел в 1970-е – 80-е годы. Под его авторством вышли такие работы по демографии, как «Демографическая революция» (1976 г.), «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР» (1977 г.), «Воспроизводство населения и общества» (1982 г.), «Воспроизводство населения СССР» (1983 г.) и др.

А. Г. Вишневский внес значительный вклад в изучение демографических процессов в странах Западной Европы в XX – начале XXI века. Он провел обширные исследования по демографическим изменениям, анализировал факторы, влияющие на рождаемость, смертность и миграцию населения. Вишневский активно изучал демографические тенденции в странах Западной Европы, такие, как снижение рождаемости, увеличение средней продолжительности жизни, старение населения и миграционные процессы. Он анализировал социально-экономические и культурные факторы, которые влияют на эти процессы, и предлагал стратегии для управления демографическими вызовами.

А. Г. Вишневский также занимался сравнительным анализом демографических процессов в разных странах Западной Европы, выявлял различия в подходах к демографической политике и их последствиях. Его работы помогли лучше понять демографические изменения в регионе и разработать эффективные стратегии управления населением.

В книге «Время демографических перемен» собраны статьи А. Г. Вишневского, посвященные ключевым вопросам демографии XXI века. Всего в сборнике 31 статья. Глава 3 полностью посвящена глобальным демографическим сдвигам на Западе. Центральное внимание уделено теоретическому осмыслению происходящих в мире фундаментальных демографических перемен и вызываемых ими последствий. Эти последствия имеют универсальный характер и пронизывают все уровни социальной реальности – от семейного до глобального [2, с. 517].

В своей работе «Демографическая революция» 1976 года Анатолий Григорьевич изучал демографическую историю человечества, выделяя в ней два скачка – так называемые демографические революции. Первая революция прошла в эпоху неолита. Связана она была с изменением многих жизненных процессов, но, главное, с изменением воспроизводства населения.

Вторая демографическая революция тесно связана с промышленной революцией XVIII – XIX вв. В ней выделяются два этапа: 1) снижение смертности за счет переход от традиционного типа к переходному; 2) снижение рождаемости за счет транзита от переходного типа к современному [3, с. 368].

А.Г. Вишневский разработал и выпустил учебник «Демографическая история и демографическая теория» и рассмотрел в нем такие важнейшие проблемы, как:

- возобновление поколений и миграций на всех этапах истории;
- неолитическая революция – толчок к воспроизводству населения;
- воспроизводство населения в Европе (до промышленных революций).

Особое внимание уделяется современной демографической революции, становлению современного типа воспроизводства населения, его характерным чертам, социальным, экономическим, культурным, политическим последствиям [4, с. 367].

Раскрывает глобальные демографические перемены работа «Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI века», написанная А. Г. Вишневским в соавторстве с Р. В. Дмитриевым, доктором географических наук. Основная мысль работы заключается в том, что перемены, которые начали назреть еще с конца XVIII века, послужили подготовительным этапом к событиям, которые произошли в XX – начале XXI века. Одна из главных проблем – огромный и быстрый рост населения, который оказал огромное влияние на экономические, социальные и политические процессы во всех уголках Земного шара [5, с. 197–229].

А. Г. Вишневский проводил обширные исследования и является автором более 350 научных работ, включая монографии, статьи и доклады на конференциях. Он также редактировал несколько научных журналов, был членом редакционных советов нескольких научных изданий. Это свидетельствует о его активном участии в научном сообществе и признании его работы. За свои научные достижения А. Г. Вишневский был удостоен нескольких престижных наград и званий. Он получил звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации и был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Это подтверждает признание его работы и значимость его научных достижений.

А. Г. Вишневский до конца жизни продолжал активно заниматься научной деятельностью и внес значительный вклад в развитие демографической науки в России и за ее пределами. Его работы исследуют актуальные демографические процессы и способствуют лучшему пониманию демографических изменений в современном мире.

А. Г. Вишневский подготовил также учеников, которые тоже стали заметными в научном сообществе исследователями. Владимир Михайлович Школьников работал под руководством Анатолия Григорьевича до 2000 года. В своей статье «Анатолий Григорьевич Вишневский и его демографическая система» В. М. Школьников проделал колоссальную работу по рассмотрению и изучению научных исследований и достижений выдающегося демографа Анатолия Григорьевича Вишневского. Все научная деятельность А. Г. Вишневского стала огромным фундаментом для изучения демографической истории и современности. В. М. Школьников выделил новые этапы и процессы, которые А.Г. Вишневский внес в теорию демографического перехода [6, с. 6–15].

Таким образом, вклад А. Г. Вишневого в изучение демографических процессов в странах Западной Европы XX – начала XXI века заключается в проведении обширных исследований, анализе факторов, влияющих на демографические изменения, и предложении стратегий для управления демографическими вызовами.

Список литературы

1. Тимонин С.А. Несколько слов о журнале «Демографическое обозрение» // Демоскоп Weekly. 2021. № 885–886. 1–24 января // URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0885/activity05.php> (дата обращения 21.01.2024).
2. Вишневский А. Г. Время демографических перемен: избранные статьи. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 517 с.
3. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. Т.1. Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. 368 с.
4. Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. 367 с.
5. Вишневский А.Г., Дмитриев Р. В. Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 3: Сборник научных трудов / Под ред. Л.М. Синцера. М.: ООО Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 197–229.
6. Школьников В. М. Анатолий Григорьевич Вишневский и его демографическая система // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 1. С. 6–15.

Ерохин В.Н.,

*доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»*

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматривается проблематика, связанная с осмыслением характера историописания и эвристического потенциала традиционного историзма и междисциплинарных подходов к историческому исследованию. Историописание начинало свое развитие как традиционалистский по характеру нарратив. В развитии методологии истории в XIX–XX вв. значительные исследовательские результаты были достигнуты на основе использования междисциплинарных подходов к историческому исследованию. Во второй половине XX века заметным явлением стала антропологизация изучения истории. С рубежа 1970–1980-х годов в историописании проявилась тенденция возвращения к нарративу. Автор приходит к выводу, что в современной исторической науке, наряду с использованием междисциплинарных подходов к историческому исследованию, сохраняют свое значение также и традиционалистские подходы, классический историзм.

Ключевые слова: *теория и методология истории; классический историзм; традиционализм в историописании; междисциплинарные подходы к историческому исследованию*

Yerokhin V.N.,

*Dr. Sc. (History), Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»*

TRADITIONALISM AND INTERDISCIPLINARITY IN THE METHODOLOGY OF MODERN HISTORICAL SCIENCE

The article examines issues related to understanding the nature of historical writing and the heuristic potential of traditional historicism and interdisciplinary approaches to historical research. Historical writing began its development as a narrative that was traditional in nature. In the development of history methodology in the 19th – 20th centuries, significant research results have been achieved through the use of interdisciplinary approaches to historical research. In the second half of the 20th century, the anthropologization of the study of history became a notable phenomenon. Since the turn of the 1970s and 80s, a tendency to return to narrative has emerged in historical writing. The author comes to the conclusion that in modern historical science, along with the use of interdisciplinary approaches to historical research, traditionalist approaches and classical historicism also retain their importance.

Keywords: theory and methodology of history; classical historicism; traditionalism in historical writing; interdisciplinary approaches to historical research

Понятие «история» для обозначения исследования прошлого, начавшее утверждаться в древнегреческой культуре в первой половине V в. до н.э., переводят с ионийского диалекта древнегреческого языка как «разузнавание», «расспрашивание», «разыскание», и еще один компонент смысла слова «история» переводится как «рассказ», «повествование». Введенный Геродотом термин «история» в итоге и утвердился для обозначения науки об изучении прошлого, хотя в течение нескольких веков с геродотовским термином конкурировало понятие «синграфэ» (совместное описание), использовавшееся для обозначения изучения прошлого еще одним значительным древнегреческим историком Фукидидом (синграфей).

Греческое слово «история» вошло также в латинский язык (*historia est magistra vitae*), и в большинство европейских языков. Наряду с этим, из латинского языка происходит слово «нарратив» (от глагола в неопределенной форме *narrare* «рассказывать»), фактически синонимичное слову «история».

Определение истории как рассказа, повествования в течение долгого времени определяло содержание и стиль историописания, представлявшего собой в древности и средние века именно рассказ, повествование, дополняемое, как правило, той или иной степенью морализаторства с характеристикой пишущим действующих лиц в их личных качествах. В качестве движущих сил развития общества на этой стадии развития историописания рассматривались деяния и воля монархов и других выдающихся политических, военных деятелей, высших сил в мироздании, божественного Провидения, а уместным подходом к периодизации хода истории общества считался династический принцип.

Эпоха Просвещения в XVIII веке с ее культом разума способствовала рационализации историописания. Европейские историки с середины XVIII в. и далее, в XIX в. выполняли также важную задачу конструирования национальных историй, заключавшуюся в создании непрерывного повествования о прошлом своих народов (от истоков до настоящего времени). Национально-государственные нарративы связывали «свои» народы «исторической судьбой» и способствовали формированию национально-государственной идентичности. Метанарративы помогали (и помогают) строить национальные традиции, которые, в свою очередь, оправдывали существующие государства и требовали создания несуществующих государственных образований. Идея нации стала одной из ведущих идей XIX века, для разработки которой были востребованы истолкованные соответствующим образом исторические факты. Двумя другими подобными зажигающими воображение идеями XIX века, повлиявшими на историописание, стали идеи

политической свободы и социальной справедливости, послужившие основой для либерального и социалистического метанарративов. Историописание, соответственно, выстраивалось как нарратив об утверждении национального государства, общества с политическими свободами, как рассказ о борьбе за утверждение общества, где победит идея социальной справедливости. В современной исторической науке нашел отражение кризис социальных идеалов – становится трудно утверждать, в движении к какому социальному идеалу развивается сейчас общество.

В развитии историописания с эпохи Просвещения стала также проявляться и тенденция к определению более широкого круга факторов, влияющих на ход истории. Приходило понимание того, что даже выдающаяся личность действует в том горизонте возможностей, который задан соответствующим временем, и определяющее влияние на происходящее в обществе невозможно свести к действиям великой личности. Среди мыслителей французского Просвещения (например, Вольтер, Монтескье) проявилась тенденция к тому, чтобы рассматривать содержание общественной жизни как результат влияния широкого круга факторов, что, по сути дела, стало прообразом последующего формирования социальной истории, идеи междисциплинарности в исторической науке.

Предпосылкой формирования междисциплинарных подходов в изучении истории стало появление позитивизма. При характерной для позитивизма ориентации научного исследования на получение, в первую очередь, фактического знания как позитивного, что в изучении истории привело к стремлению привлечь как можно более широкий круг источников, собрать как можно больше фактов и пересказать их, на методологию исторического исследования большое влияние оказала также позитивистская теория факторов, которая, в сущности, и стала одной из первых форм реализации междисциплинарного подхода к изучению истории. В позитивистской методологии выделение природно-климатического, географического, экономического, политического, религиозно-культурного, личностного факторов как раз и стало основой обращения к междисциплинарности. В позитивизме как методологическом течении сформировались два направления: социально-экономическое и культурно-историческое, в рамках которых внимание преимущественно было обращено на изучение соответствующих сфер общественной жизни. В рамках позитивистской «теории факторов» был также поставлен вопрос о том, есть ли среди факторов, оказывающих определяющее влияние на общественное развитие, какой-то один, важнейший по своему значению. Позитивистская теория осталась при мнении, что одного такого фактора нет, и, соответственно, изучать и писать историю той или иной страны означает исследование того, как специфически и конкретно проявилось в истории данной страны взаимное влияние всех этих факторов.

Влияние позитивизма стало также решающим для возникновения социологии как науки о развитии общества, способной, как заявлялось, выявить законы общественной жизни. При этом история рассматривалась как поставщик фактов для выявления социологических законов, в известном смысле, как «служанка социологии».

Сама по себе идея о том, что ход общественного развития закономерен, определяется действием доступных для выявления законов, отнюдь не является аксиомой. Не случайно, например, философы-рационалисты XVII века, когда в этом веке под влиянием развития естественных наук разворачивался процесс, в истории науки называемый научной революцией, высказывали мнение, согласно которому ход истории общества – это какой-то хаос, набор случайностей, не укладывающийся в схематизацию, не дающий возможности установить какие-то достоверные взаимозависимости. Но в рамках исторической науки такие оценки не воспринимались как принижающие познавательное значение исторического знания. Напротив, на этой основе

в полемике с позитивизмом во второй половине XIX века стала формироваться позиция, согласно которой в рамках истории должен быть сформулирован свой стандарт научности, не тождественный естественнонаучному. Это в естественных науках установление законов, сама способность науки выявить закономерности рассматривались как основание для того, чтобы считать ту или иную отрасль знания наукой. В гуманитарных же науках – своя специфика. Была поставлена под сомнение идея исторической закономерности.

Специфика исторического познания стала предметом специального внимания в рамках неокантианства. В рамках Баденской (Фрайбургской) школы неокантианства ее представители (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) сформулировали свою классификацию наук, включающую идею о том, что естествознание в изучении своей проблематики пользуется номотетическим методом, позволяющим выявить закономерности, а история, гуманитарное познание изучают единичное в его исторической неповторимости, пользуясь при этом идиографическим методом, описанием особенностей. История изучает духовную жизнь, которая непосредственно связана с ценностями, определяющими духовные различия, так что Г. Риккерт даже предлагал переименовать историю в науку о культуре, которая и изучает ценности. Согласно неокантианской точке зрения, только путем описания специфики исторических событий и можно понять ход истории во всей его конкретике. Говоря более конкретными словами, что имеется в виду при различении номотетического и идиографического методов, можно привести такой пример, рассмотрев какой-нибудь процесс, находящийся в поле изучения естественных наук, и в области истории. История – дисциплина контекста и процесса. Если чайник в любую дату может вскипятить любой человек с одним и тем же результатом в любое время суток, на любом континенте, вне зависимости от своих личностных характеристик, в истории общества важен контекст, видимый, например, во фразе «перейти Рубикон». Переход Рубикона сейчас уже ничего не воскресит, и в этом смысле дважды с теми же последствиями не смог бы перейти Рубикон также и сам Гай Юлий Цезарь. В естественных науках, если выявлены физические свойства изучаемого вещества, элемента (например, железа), о нем выяснено все существенное, а в изучении истории если, например, кто-то установил причины Первой мировой войны, это не означает, что поняты причины и природы войн вообще. В каждом конкретном случае историку приходится вникать во все детали и обстоятельства того исторического контекста, в котором развивались изучаемые события.

В первой половине XX века идея междисциплинарности активно пропагандировалась французской исторической школой «Анналов», что принесло значительные исследовательские результаты. Но позиции историков-традиционалистов так и остались всерьез не поколебленными. Сам основоположник школы «Анналов» Марк Блок видел своеобразие истории как науки. История – «это наука о людях во времени» (Марк Блок). Исторический феномен не может быть понят вне своего времени. При этом понимание прошлого невозможно без понимания настоящего. Определенные явления современности можно уяснить, лишь зная их истоки в прошлом, причем иногда весьма далеком, а понять прошлое помогает наблюдение настоящего. Для того, чтобы объяснить то или иное явление, необходимо понять его природу, а это возможно лишь при знакомстве с ним в наиболее зрелом виде. Поэтому, прежде чем погружаться в изучение происхождения, нужно определить свойства изучаемого явления в его законченном виде.

Опора на междисциплинарность в историческом исследовании в современной исторической науке так и не принесла каких-то кардинальных прорывов на пути решения вопроса о причинах исторических событий. Очевидно, существуют фундаментальные эпистемологические проблемы, мешающие историкам, независимо от периода или тематики их занятий, уверенно называть причины происходивших событий, явлений и процессов.

Эти проблемы были хорошо известны еще, например, Джону Стюарту Миллю в 40-е гг. XIX в., известному философу и логичу, разрабатывавшему методы индукции, нацеленные на установление причин наблюдаемых явлений в естественных (экспериментальных) науках. Милль пришел к выводу, что эти методы не подходят для нужд социальной науки потому, что общественная жизнь очень сложна, в ней действует множество факторов, и одно и то же явление может вызываться разными причинами, а также потому, что над людьми невозможно поставить искусственный эксперимент с научными целями. Поскольку в распоряжении историка нет прямого эксперимента, он, в отличие от химика или физика, не может установить причины изучаемых явлений индуктивным путем, поэтому исторические объяснения по форме являются умозаключениями от следствий к их предполагаемым причинам, а по своей логической природе – гипотезами, требующими обоснования. Кроме того, будучи плодом дедукции и фактически, знания историком изучаемого периода, выстраиваемые историком цепочки причин и следствий неизбежно носят дискурсивный характер и неразрывно связаны с той или иной теорией или концепцией. Научные и мировоззренческие установки автора во многом определяют выбор тех факторов, которым он отдает предпочтение в причинно-следственном анализе изучаемого события или явления. В результате, например, предысторию российской революции 1917 г. можно связать с влиянием событий Первой мировой войны, и с восшествием на престол не самого способного как политиком последнего императора Николая II, но историю крушения капитализма в России можно возводить и к истории пореформенного периода после отмены крепостного права в 1861 г., а остроту социального конфликта между народом и дворянством, недоверие народа к чуждой ему социальной верхушке, проявившиеся в революции, исследователи возводят даже к обстоятельствам религиозного раскола середины XVII века, к европеизации России в результате петровских реформ. Такое обширное причинно-следственное объяснение немыслимо в естественных науках, а в исторической науке оно вполне правомерно.

Каузальный анализ труден в применении к самому предмету истории – процессу развития общества. О развитии мы можем говорить применительно к открытым неравновесным сложным системам. Методология причинного анализа сформировалась при изучении совсем иных систем – замкнутых, равновесных, относительно простых. В таких простых процессах, как соударение бильярдных шаров, причина влечет за собой следствие. Такие процессы издавна изучала механика, на подобной познавательной базе была построена почти вся физика до начала XX в. Но применительно к процессам развития простой каузальный метод не работает. Когда мы имеем дело с развивающимися системами, выявление цепочек причин и следствий – довольно сложный процесс. Явных ошибок причинный метод не дает: у причин имеются следствия, происходящее *можно описать* как процесс производства следствий причинами. Однако это описание не является достаточно полным, поскольку специфика конечного результата в чрезвычайно слабой степени зависит от специфики причины. Причинное объяснение явлений истории оказывается лишь частично адекватным историческому процессу [1].

К настоящему времени не только в исторической науке, но и в социологии можно заметить некоторые признаки кризиса каузальности, и появляются утверждения, что каузальность, отнюдь не является единственной формой объяснения, и может быть дополнена описанием.

Каузальность не является единственной формой научного и, в частности, исторического объяснения. Чаще всего историки прибегают к контекстному объяснению, полагая, что изучаемые ими события или явления были обусловлены исторической обстановкой, в которой они имели место. Формами объяснения могут выступать также рассказ и описание. Словом, отказ

от причинности или ограничение использования этого вида анализа не будут означать потерю историей ее научных функций и вырождение в некую развлекательную беллетристику.

В настоящее время существуют направления исследований – микроистория, история повседневности, новая культурная история и другие разновидности несобытийной истории, — сторонники которых не проявляют интереса к поиску причин и не пользуются каузальным анализом в своих работах.

Некоторые историки не замечают никакого кризиса причинного объяснения и продолжают называть «причинами» свои предположения о мотивах поступков того или иного деятеля или о движущих силах тех или иных событий.

Исследование причин тех или иных событий в рамках исторического исследования возможно ещё также детальным исследованиям отдельных случаев (case-studies).

Такие дисциплины, как антропология, социология, криминология, в сущности, являются неисторическими: они, исходя из определенной фактической базы, переходят к слишком широким обобщениям. С этим и связана противоречивая и спорная природа многих социологических концепций.

Историки-традиционалисты утверждали даже, что все, что может быть измерено, не является достаточно важным, чтобы его стоило познавать. Как считал Дж. Элтон, «воображение, контролируемое учёностью и эрудицией, учёность и эрудиция, приобретающие значение благодаря воображению – вот инструменты исследования, находящиеся в распоряжении историка» [2, р. 87]. Следование требованиям традиционного классического историзма означало, прежде всего, глубокое погружение в первоисточники с интенсивной внутренней и внешней критикой этих источников. Этот поиск подлинных свидетельств, опиравшийся, в том числе, на методы, разработанные классической филологией, палеографией, дипломатикой, привёл к утверждению представления о том, что результатом исторического исследования должна быть монография, снабжённая подробными примечаниями. При этом также сложилось представление об уникальной и особой природе истории, а также мысль о том, что в изучении истории невозможно выявить какие-либо законы и закономерности [2, р. 9]. И. Г. Дройзен стремился определить этот исторический подход как историю идей, *Ideengeschichte*, называя его также еще имажинативным пониманием [2, р. 11–12].

Большинство историков-традиционалистов придерживаются эклектических взглядов, считая, что нет какого-либо фактора, который бы оказывал всеохватывающее влияние на человеческое поведение и развитие человеческого общества. В основе исторического исследования для историков-традиционалистов до сих пор лежит интуитивное понятие о необходимости «имажинативного понимания», «исторического воображения», которое и должно дать возможность общего тематического синтеза в работе историка. Несмотря на то, что историки-традиционалисты уже реально пользуются подходами и выводами социальных наук, в понимании вопроса о том, насколько возможны обобщения, генерализации в истории, они относятся к познавательной ценности обобщений очень осторожно и избирательно [3, р. 19].

С середины 1970-х годов стала наблюдаться общая тенденция отхода от объективистской к субъективистской концепции науки, от позитивизма к герменевтике, от количественных методов к качественным. Вновь пришло осознание того, что историческая реальность не является и не может быть столь непосредственно наблюдаемой и измеряемой, как считали многие социальные историки, и также невозможно устранить креативность исследователя «в процессе изучения того, что только кажется объективным свидетельством» [4, р. 239–254]. Жёсткие всеобъемлющие социологические модели не принесли значительного прорыва в познании. Историки-тради-

ционалисты по-прежнему высказывались за создание динамичных моделей, способных учесть специфику различных исторических эпох [5, p. 147].

На рубеже 1970-80-х гг. после острой полемики между «новой» и «традиционной» историографией, характерной для 1960-х годов, вновь начинается их сближение под влиянием разочарования в социологических теориях как фундаменте для «нового исторического синтеза». В середине 1970 – начале 1980-х гг. на авансцену междисциплинарного взаимодействия выходят культурная антропология и социальная психология. Происходит явный сдвиг интересов социальных историков от исследования объективных структур и процессов к культуре в ее антропологической интерпретации, к изучению реального содержания обыденного сознания людей прошлых эпох, к отличающимся массовым характером и большой устойчивостью ментальным представлениям, символическим системам, обычаям и ценностям, к психологическим установкам, стереотипам восприятия и моделям поведения. Предпочтительным становится взгляд на прошлое с точки зрения самих действующих в нем лиц. Социально-научные теории, облегчающие анализ структур и процессов, оказались неспособны связать его с изучением деятельности индивидуальных и коллективных субъектов истории. Признавалась также социальная дифференцированность культурного поведения и субординация ментальных комплексов, а также отрицалась их автономная динамика и требовалось соединение истории ментальностей с историей структур посредством нахождения взаимосвязей между объективными условиями жизни и способами их осознания. Формировалась социальная история ментальностей [5, с. 21].

Начав с народных низов, антропологическая история постепенно включила в свой предмет поведение, обычаи, ценности, представления, верования всех социальных классов и групп, независимо от их положения в общественной иерархии, поставив перед собой задачу синтеза всей исторической действительности в фокусе человеческого сознания. Разрабатывалась мысль о том, что поведение людей соответствует не столько объективным условиям их существования, сколько картине мира, навязанной им культурой [6, с. 21–36].

Важную статью обобщающего характера под названием «Возрождение нарратива: размышления о новой старой истории», в которой были охарактеризованы тенденции, проявившиеся к концу 1970-х годов в западноевропейской, в том числе и в британской историографии, опубликовал известный британский историк Лоренс Стоун (1919–1999) [7, p. 3–24]. Л. Стоун фактически утверждал, что в современной историографии возрождается в новом обличье традиционное по методологическим подходам историописание, которое вобрало в себя и переосмыслило аналитические тенденции «новой научной истории». Нарратив понимается здесь автором как организация материала в хронологически последовательном порядке с фокусированием содержания в единый связный рассказ, хотя и с включением в него побочных сюжетов. Двумя существенными отличиями нарративной истории от структурной истории Л. Стоун определял то, что нарративная история является скорее описательной, чем аналитической по характеру и содержанию, а также то, что нарративная история сосредоточивает свое внимание скорее на человеке, а не на сопутствующих социальных обстоятельствах, обращает внимание на частное и специфическое, а не на коллективное и статистическое. Современный нарратив отличается от простого стиля анналистов и антиквариетов древней и средневековой историографии и раннего нового времени, поскольку в нём есть тематическая заданность и аналитическая нагруженность. Современные историки-нарраторы полностью не избегают и не отказываются от анализа того, о чём они пишут, но изложение в их работах не строится вокруг той или иной аналитической конструкции,

выполняющей функцию скелета для организации историописания. Современные нарраторы также специально заботятся о риторических аспектах репрезентации своей темы, и, удаётся это им или нет, но они стремятся к стилистической эlegantности, афористичности и остроумию [7, p. 3–4].

Многие историки теперь считают, что культура той или иной группы, даже воля отдельной личности, по крайней мере, потенциально, могут оказаться столь же важным каузальным фактором общественной жизни, как и изменения в материальном производстве или демографический рост. По мнению Л. Стоуна, нет каких-либо теоретических причин, которые заставляли бы считать, что объективные безличные факторы в развитии исторического процесса всегда оказывают решающее влияние на отдельную личность или группу, а не наоборот: напротив, историки приводят всё больше примеров того, когда личность и группа, а не безличные факторы исторического процесса оказывали на общественное развитие влияние решающего характера. Характерное для современных историков, по словам Л. Стоуна, несколько запоздалое признание важности той роли, которую играют действия государственной власти, персональные политические решения, принятые отдельными лицами, влияние удачного или неудачного исхода сражения заставляет историков возвращаться к нарративному модусу историописания даже вне зависимости от того, нравится это историкам или не нравится [7, p. 10].

Под влиянием неопределённости результатов, полученных клиометристами, историки опять осознали неопределённость в происхождении исторических событий, вынуждены были признать, что переменные, влияющие на ход исторического процесса, чрезвычайно многочисленны, и поэтому в истории возможны только обобщения среднего уровня, а не генерализации всеобщего характера. Поэтому всё большее количество историков пытаются понять, какие мыслительные процессы совершались в головах людей прошлого, и что это означало – жить в прошлом, а такие подходы неизбежно побуждают обращение к нарративу. В методологических подходах историков влияние социологии и экономической теории стало вытесняться влиянием антропологии. Традиционная история идей стала обращаться к исследованию культурного сообщества, средств культурной коммуникации в различные исторические периоды, признав необходимость изучать мыслителей прошлого и используемые ими понятия в историческом контексте [7, p. 13–14].

В методе работы историков-нарраторов анализ по-прежнему занимает существенное место, но в целом исследовательский подход сторонников «возвращения к нарративу» стал базироваться на антропологической интерпретации культуры, который притязает на то, чтобы быть систематичным и научным. Историков-нарраторов интересует также изучение менталитета. «Новые нарраторы» предпочитают статистическим моделям объяснения человеческого поведения попытку понимания, основанную на опыте, наблюдении, оценке, интуиции. Наряду с деятельностью «новых нарраторов», продолжают свою работу и те, кого Л. Стоун относит к историкам-традиционалистам, работающим в жанре дескриптивного политического нарратива [7, p. 19].

Происходят широкие комплексные изменения в характере исторического дискурса. К этим изменениям относятся: переход от изучения обстоятельств, окружающих человека, к изучению человека в исторических обстоятельствах; от экономических и демографических проблем к изучению культурных и эмоциональных проблем; от преимущественной ориентации на социологию, экономику и демографию к ориентации на антропологию и психологию; от изучения группы к изучению личности; от механистического и монокаузального к комплексному и поликаузальному, от аналитического к дескриптивному; от использования статистических,

количественных подсчетов к сосредоточению внимания на индивидуальных примерах; изменения в понимании роли историка – от позиционирования его роли как учёного к выявлению сходства историка с литератором [7, р. 24]. Идеальным для исторического исследования был бы синтез социально-структурного и историко-антропологического подходов, который мог бы обеспечить рассмотрение социально-исторической реальности в её целостности и многообразии, в непрерывном изменении и развитии. Предельно широко понимаемая социальная история превращается сейчас в своей основе в социокультурную – это новая стадийная форма социальной истории [5, с. 72].

Список литературы

1. Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты»—III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 25–26 апреля 2014 г. / Г.Г. Ершова (отв. ред.), М.М. Кром, Б.Н. Миронов, И.М. Савельева, В.А. Шкуратов, Е.А. Долгова; Центр междисциплинарных гуманитарных исследований РГГУ. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 41–53.
2. Elton G. R. The Practice of History. London: Methuen, 1967. VIII, 178 p.
3. Fogel R. W. Elton G. R. Which Road to the Past? Two Views of History / R. W. Fogel, G. R. Elton. New Haven and London: Yale University Press, 1983. 136 p.
4. Fitch N. Statistical Fantasies and Historical Facts: History in Crisis and its Methodological Implications // Historical Methods. 1984. Vol. 17. № 4. P. 239–254.
5. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 278 с.
6. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–36.
7. Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past & Present. 1979. № 85. P. 3–24.

Зотов С.А.,

кандидат исторических наук, доцент, Арзамасский филиал, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ (ПО РАННИМ ЭССЕ 30-х гг. XIX ВЕКА)

В статье раскрываются философские подходы к изучению истории выдающегося представителя Викторианской Британии Томаса Карлейля, которые он изложил в ряде эссе раннего периода своего творчества. Высказанные в очерках идеи нашли свое развитие в последующих сочинениях исторического и публицистического содержания, сделавших имя автора известным на родине и за рубежом.

Ключевые слова: Томас Карлейль; философия истории; романтизм; 30-е гг. XIX века

Zotov S.A.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Arzamas Branch, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Nizhny Novgorod State University Named after N.I. Lobachevsky»

PHILOSOPHY OF HISTORY OF THOMAS CARLYLE (BASED ON EARLY ESSAYS OF THE 30s OF THE 19TH CENTURY)

The article reveals the philosophical approaches to the study of the history of Thomas Carlyle, an outstanding representative of Victorian Britain, which he outlined in a number of essays from the early period of his work. The ideas expressed in the essays found their development in subsequent writings of historical and journalistic content, which made the author's name famous at home and abroad.

Keywords: Thomas Carlyle; philosophy of history; romanticism; the 30s of the XIX century

Интерес к творческому наследию знаменитого британского историка и публициста Викторианской эпохи Томаса Карлейля (1795–1881) в странах Запада постоянен [см. напр.: 1, с. 658–659], и в России за последние десятилетия он заметно возрос, судя по переизданию многих его сочинений или созданию русских сайтов, посвященных его творчеству, в сети Интернет. В современной отечественной историографии этот автор причисляется к представителям школы романтизма [2, с. 158], к сторонникам «биографической школы» [6, с. 47], или он не идентифицируется с каким-либо конкретным направлением в историографии [5, с. 46].

Становление Карлейля как историка, определение его теоретико-методологических позиций пришлось на начало 30-х гг. XIX в. В этот период на основе прежнего увлечения немецкой романтической литературой (исследователи называют имена Гёте, Новалиса, Фихте, Шиллера, Рихтера [13, р. 21–34; 14, р. 33–34]) он переходит к определению собственных глубоко оригинальных взглядов [3, с. 130]. Среди произведений, касавшихся теоретических проблем истории, выделялись три эссе: «Об истории», «Биография» и «Снова об истории» (Очерки включены в состав 30-ти томного собрания сочинений Карлейля: эссе «Об истории» вошло в 27 том, остальные два – в 28 том; по этому изданию приводятся ссылки). Они практически не рассматривались среди отечественных исследователей работ Карлейля, за исключением Т.А. Синельниковой [4]. В то время как среди англоязычных карлейлеведов им придают серьёзное значение в переходный период творчества британского учёного от литературоведения к истории [15, р. 15–16].

Очерк «Об истории» впервые увидел свет в ноябрьском номере журнала «Fraser's Magazine» за 1830 г. В нём нашли отражение размышления, появившиеся во время работы над оставшейся незаконченной в 1829–1830 гг. и позднее книгой «История германской литературы» [11, р. 55].

Тридцатипятилетний автор, прежде всего, высказался о значении Истории. Музе Клио, считавшейся древними «старшей дочерью Памяти (заглавные буквы здесь и далее применял автор. – С.З.) и главной среди муз», мы должны «воздавать соответствующие почести». История лежит «в основе всей науки» и является «первым определённым продуктом духовной природы человека, самым ранним отражением того, что можно назвать Мыслью». «Во всём человечестве нет такого дикого племени», которое, «воюя против Забвения» и «живя между двух вечностей» – Будущим и Прошлым, не пыталось бы создавать Историю. На этом строится «вся наша духовная жизнь». Более того, «всё Знание» есть «продукт Истории». Для всех пытливых умов независимо от сферы деятельности она имеет практический смысл: «И Сентименталист, и Утилитарист, Скептик и Теолог в один голос советуют нам: изучайте Историю, ибо она есть “Философия, обучающая Опыт”». В первую очередь, «Философия Истории» (термин Карлейль применял неоднократно – С.З.) ставит фундаментальные вопросы, «вообще не замеченные» кроме философствующих историков. Среди них: «В чём цель и значение удивительной изменяющейся жизни...? Откуда происходит причина человеческих судеб на этой Земле, и куда они стремятся?» [9, р. 83–85].

Выполнение Историей своей практической функции требует правильного видения её предмета – «социальной жизни». Под ней Карлейль понимал «совокупность всех индивидуальных человеческих Биографий». Размышляя о людях в истории, он выступил против увлечения военной и политической историей: «Битвы и военное буйство... запоминаются случайно, а не по достоинству», «политические Конституции... лишь оболочка, в которую наша жизнь помещена». Поэтому наиболее важные персонажи в человеческой истории «не Драконы и Гемпдены», а «Финикийские моряки, Итальянские каменщики и Саксонские металлурги, философы, алхимики, пророки и многие забытые художники, и артисты» – все те, «кто учил нас сообщать мысли и действовать», «как управлять духовной и физической Природой». Можно утверждать, что главной для Карлейля выступала, применяя современный термин, история повседневности: «наше существование» регулируют и поддерживают «приспособления и традиции, ежедневные занятия». Однако, эта «наиболее важная часть из нашей истории утеряна безвозвратно». Событиями, «которые остались записанными» и по которым появилось «некое общее мнение», стали: «Пересечение Рубикона», «Смещение Страффорда», «Конвокация Нотаблей». Они большинством голосов приняты за «эпохи в мировой истории, кардинальные точки, в которых происходят великие всемирные революции». Однако ставится под сомнение правильность этих мнений: «реальные кардинальные точки лежат намного глубже и остались незамеченными», «в Часах Времени нет молота, когда происходит смена Эр», поэтому «наиболее весомые события могут быть наиболее тихими» [9, p. 86–88].

Вполне актуально выглядят авторские рассуждения относительно проблемы исторического нарратива. В постижении исторических фактов существует «фатальное противоречие». «Наиболее одарённый человек» может описать «только последовательность своих собственных ощущений», и факты выглядят как определенная последовательность. Однако реальные события «не так легко взаимодействуют, как родитель и потомок». Каждое событие «является результатом не одного, а многих событий, предшествующих или происходящих в одно время, и будет в свою очередь взаимодействовать со всеми остальными, чтобы дать жизнь новому». В этом заключается действие «всегда живущего Хаоса Бытия», «безграничной» и «непостижимой» силы в истории. Правильнее поэтому представлять любое действие «как простирающееся в ширину, и в глубину, как и в длину». Получается, что «Нарратив линеен», но «Действие пространственно». Выход из явного противоречия предлагается вполне в духе романтизма: «земным историкам» необходимо снять претензии на «Всеведение» и признать наличие непостижимого человеческим разумом – «мистических признаков Его (Бога – С.З.), чей путь лежит в великой глубине Времени». Карлейль и в этом случае проявляет оригинальность подхода, призывая активизировать исторические изыскания. Приведем обширную цитату, комментарии к которой излишни: «Давайте более и более обращаться к Прошлому; ибо все люди воспринимают его как настоящий фонтан знания; только при свете которого... возможно интерпретировать Настоящее и предугадывать Будущее. Хотя общий смысл лежит далеко вне нашего понимания; в этом сложном Манускрипте, ... –который есть Палимпсест и имел однажды пророческую запись, пока еще слабо разборчивую, – некие буквы, некие слова могут быть разобраны;... хорошо понимая,... что это только малая толика, которую мы разобрали...; что история есть действительный пророческий Манускрипт, который не может быть полностью понят ни одним человеком» [9, p. 88–90].

Британский мыслитель различал два типа историков. Те исследователи, кто трудятся «механистически», «без представления о Целом», названы «ремесленниками». Они, исследуя некий (политический, экономический или моральный) аспект истории и делая применимые на прак-

тике выводы, тем самым, ограничиваясь исключительно рационалистическим подходом, считают вопрос «исчерпанным». Вторую группу составляют «мастера в истории» – те, кто знает, «что только в Целом Частное действительно познается». «Идеей о Целом» они облагораживают самую скромную сферу исследования. В противовес первым при каждом успешном шаге они признают ограниченность человеческого понимания, неисчерпаемость и неопределенность «природы Истории». Достижение уровня «мастера» возможно через расширение и углубление проблематики исследований. «Политическому Исторiku», «почти единственному земледельцу на ниве Истории» следует пролить свет на другие сферы человеческой жизни и оставить увлечение «кулурами Сената, полями Сражений и даже Королевскими Покоями». Описание «как солдаты обучались строю и стрельбе» или «как один министерский фокусник изгнал других» подходит для «поучительного Репортера, который не может быть назван Историком». Но, даже если достичь совершенства в работе, «Политический историк» может совершить только часть и оставляет место для остальных. Среди них – «Церковный Историк», стремящийся «с католической или сектантской позиции проследить прогресс Церкви». Это «социальное учреждение» более важно для человека, чем «форма правления, при которой он живёт, и власть, которой он может обладать». Первостепенную важность имеет «степень нравственной Высоты, которую он может достичь посредством её (Церкви – С.З.) инструкций». «Церковному Исторiku», как и «Политическому собрату по ремеслу», не следует ограничиваться «внешним механизмом». «Правильно понятая» Церковь заключается не столько в «Экуменических советах и Кардинальских конклавах», сколько «в сердцах Верующих Людей, в чьих поступках и разговорах... должен быть признан её прогресс или падение». Далее «по достоинству и сложности» идёт история философии. Она изучает мнения и теории относительно природы человеческого существования, отношений с «Вселенной, Видимой и Невидимой». По содержанию она была бы наиболее подходящей для области «Церковной Истории». Но «почитание божественных фактов» и «научное исследование божественных фактов» находятся во «враждебных» взаимоотношениях. «История Поэзии» также близка к «высшей вершине в нашем внутреннем мире». Она формирует представление «о невыразимой словами Красоте, которая в высшей чистоте есть Религия, есть вдохновение для Пророка, ...любого истинного Певца». Историк этого направления наиболее понятен: он даёт представление о том, «какими путями люди достигли Храма», идеала совершенства или «по какой причине отвернулись от него» и «кроваво пробивались по направлению к другим высотам». В конце очерка автор делает вывод, что через «многообразные направления» История стремится «обеспечить некое видение Целого», и старания каждого историка не окажутся безуспешными [9, р. 90–95].

Очерк «Биография» появился в апрельском номере журнала «Fraser's Magazine» за 1832 г. и представлял собой рецензию на переизданную в 1831 г. книгу Дж. Босвелла «Жизнь Сэмюэля Джонсона». Наряду с высокими оценками пятитомного сочинения английского биографа, рецензент представил собственные размышления о предмете Истории. Нашего внимания заслуживает факт, что именно здесь тезисно изложены основы известной карлейлевской концепции героев.

«Природа человеческого социального инстинкта» проявляется в «невыразимом влечении» к биографии. Интерес к этому жанру естественен, т.к. «истинное изучение человечества есть изучение человека», «человек постоянно интересен человеку, ... нет ничего интереснее этого». Обращение к биографии имеет «и научный, и поэтический» смысл. Научный состоит в том, что «каждый смертный» сталкивается с главной «Проблемой Бытия» – «Проблемой поддержания души и тела вместе». Её индивидуальное решение «оригинально» и «поучительно», поэтому

остальные начинают жить «не с красной строки». Поэтический смысл состоит в том, что «каждая человеческая Жизнь», «более или менее победоносно» демонстрируя «борьбу человеческой Свободной воли против материальной Необходимости», вызывает «Симпатию сердец к действию», к социальной активности. А это выступает как «основание Поэзии». Тем самым из миллионов живущих людей каждый индивид для остальных «есть зеркало... и естественное, и магическое». Вглядываясь в него, любой человек «различит образ собственного настоящего лица и сверхъестественные секреты, которые пророчески лежат перед ним». Особенно наглядно интерес «биографического сорта» проявляется в «лучших работах Искусства»: наслаждаясь картиной или поэмой, «Художник или Поэт предстают перед нами, мы отчасти и на время становимся этим Художником или этим Поэтом». С этих позиций История, как утверждал автор, представляется как «эссенция многочисленных Биографий» [7, р. 44–46].

Последнее рассматриваемое нами эссе «Снова об истории» было опубликовано в 1833 г. в майском номере журнала «Fraser's Magazine» и являлось, по признанию самого Карлейля, второй частью статьи «Об истории» [12, р. 119]. В это время автор занялся изучением темы Великой Французской революции, поэтому продолжение теоретических изысканий в области истории оказалось необходимым. По стилю и структуре этот (как и предшествующий) очерк напоминал его философический роман, законченный к 1831 г. и названный «Sartor Resartus» [11, р. 104] (в одном из переводов – «Перелицованный портной» [3, с. 136]), а по форме представлял публичную речь перед неким общественным собранием (В скобках отметим, что этот приём непосредственного обращения к читателю автор использовал в своих публицистических статьях [см. напр.: 8, р. 670–679]).

Карлейль снова подчеркнул исключительное место исторической науки в системе знаний. «История показывает себя как наиболее полезная из всех наук» для человека, который позиционирует себя «живущей частичкой Человечества». Она выступает как «Письмо Инструкций, которое старые поколения пишут и посмертно передают новым», или более обобщённо – как «Послание, устное или письменное, которое всё Человечество вручает каждому человеку». Поэтому все книги, будь они «книгами Песен или трактатами по Математике» есть «исторические документы». Далее делается вывод, что История «единственная наука и включает в себя все остальные». Ибо её полнота заключается в том, что «вся Семья Адама сделала до сих пор и чем была», в изучении «всего сохранившегося или возможного» [10, р. 167–168].

Однако изучение прошлого встречает серьёзные препятствия: «Наше “Письмо Инструкций” доходит до нас в самом печальном состоянии; фальсифицировано, запачкано, порвано, утеряно все, кроме клочка от него; оно слишком трудно для чтения или произношения». Встаёт проблема интерпретации этого «испорченного клочка». В очередной раз британский автор подчёркивает нравственный элемент в деятельности «исторического пера»: «Истина означает то, что просто факту верят (курсив автора. – С.З.), в факт верят...; без Разума Вера сама по себе не принесёт много пользы: но как может твоя публикация принести пользу, когда нет её видения, одна слепота?» [10, р. 171].

«Всеобщая История» у Карлейля уподобляется «сказочной паутине». Она как «постоянно действующая фабрика, сплетающая сама себя из запутанной неизмеримой массы нитей и брелков (так мы называем мемуары); кроме того, в каждом новом измерении (в каждую новую эпоху) меняющая все свои пропорции, свои оттенки и структуру вплоть до основания». Этим объясняется необходимость постоянного переосмысления исторического материала. Но неизменно понимание Истории как «всеобщего Божественного Писания», чьё влияние на каждого человека «не может быть поставлено под вопрос» [10, р. 175–176].

Кратко подводя итоги, следует отметить, что многие проблемы философии истории, затронутые в ранних очерках, Томас Карлейль развивал в последующем творчестве, в сочинениях, принесших ему всемирную славу. Среди важнейших идей в его философском подходе отметим рассмотрение истории как целостной и мистической системы, акцентирование на её гуманистическом и нравственном (религиозном) измерении, выступление против механистического понимания человека и общества.

Список литературы:

1. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / Пер. с англ. М. Колопотина. М.: Изд-во АСТ, 2019. 604 с.
2. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
3. Саймонс Дж. Карлейль / Пер. с англ. и коммент. Е. Сквайрс. М.: Мол. гвардия, 1981. 288 с.
4. Синельникова Т.А. Формирование теоретико-методологических взглядов Томаса Карлейля как историка («Об истории», «Биография», «Снова об истории»). Томск, 1989 (статья была депонирована в ИНИОН РАН № 39039).
5. Соколов А.Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. 241 с.
6. Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 238 с.
7. Carlyle Th. Biography // The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition / Ed. by H.D. Traill. L.: Chapman and Hall, 1896–1899. Vol. 28. P. 44–61.
8. Carlyle Th. Occasional Discourse on the Negro Question // Fraser's Magazine. 1849. Dec. (Vol. 40). P. 670–679.
9. Carlyle Th. On History // The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition / Ed. by H.D. Traill. L.: Chapman and Hall, 1896–1899. Vol. 27. P. 83–95.
10. Carlyle Th. On History Again // The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition / Ed. by H.D. Traill. L.: Chapman and Hall, 1896–1899. Vol. 28. P. 167–176.
11. A Carlyle Reader. Selections from the Writings of Thomas Carlyle / Ed. by G.B. Tennyson. Cambridge: Cambridge university press, 1993. 497 p.
12. Dyer I.W. A Bibliography of Thomas Carlyle's Writings and Ana. N.Y.: Octagon Books, inc., 1968. XIII, 587 p.
13. Moore C. Carlyle and Goethe as Scientist // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of Charles Richard Sanders / Ed. by J. Clubbe. Durham (North Carolina), 1976. P. 21–34.
14. Rosenberg J.D. Carlyle and the Burden of History. Cambridge: Cambridge university press, 1985. VIII, 209 p.
15. Rosenberg Ph. The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1974. XI, 235 p.

Иванов М.А.,
аспирант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828–1829 гг.

В данной статье был проведён анализ британско-российских отношений во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В статье отражена реакция Великобритании на российскую политику по Греческому вопросу и дан анализ реакции кабинета герцога Веллингтона на политические изменения, к которым привела русско-турецкая война. При подготовке материала автор

исследовал материалы крупнейших архивов России: АВПРИ и РГАДА. Новизна статьи заключается в публикации архивных документов, некоторые из которых публикуются впервые.

Ключевые слова: Лондонская конференция; дипломатическое урегулирование; переговоры; Восточный вопрос

Ivanov M.A,

Graduate Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

RUSSIAN-BRITISH CONTRADICTIONS DURING RUSSIAN-TURKISH WAR 1828–1829

This article analyzed British-Russian relations during the Russian-Turkish War of 1828–1829. The article reflects Great Britain's reaction to Russian policy on the Greek issue and provides an analysis of the reaction of the Duke of Wellington's cabinet to the political changes that the Russian-Turkish war led to. When preparing the material, the author examined materials from the largest archives in Russia: AVPRI and RGADA. The novelty of the article lies in the publication of archival documents, some of which are published for the first time.

Keywords: London Conference; diplomatic settlement; negotiations; Eastern Question

6 июля 1827 году Россия, Великобритания и Франция подписали Лондонское соглашение, призванное умиротворить греков. К этому моменту греки воевали против турецкого владычества с 1821 года. Три державы сошлись во мнении, что Греции должна стать автономией в составе Османской империи. Российский император Николай I в июле 1827 года сообщил одному из лидеров греческого восстания Иоанну Каподострии о том, что Россия будет помогать Греции только на условии Лондонского соглашения от 1827 года. Если лидеры греческого сопротивления откажутся от этих принципов, то Россия не будет оказывать политическую поддержку Греции, за исключением гуманитарных миссий [15, с. 35–42 об.].

На этом этапе дипломатической истории греческого кризиса для России была более важной не возможная война с Османской империей, а возможность иметь беспрепятственные и безопасные торговые маршруты в Средиземном море. Великобритания также не планировала участвовать в боевых действиях против Османской империи, стремясь сохранить турецкий флот, рассматривая его как одно из ключевых противодействий на море российскому влиянию в Средиземном море. Франция планировала вернуть утраченное влияние в Средиземноморском регионе, которое было потеряно после эпохи Наполеоновских войн [20, с. 47–50].

Таким образом, имея разные геополитические цели, три державы стремились воздержаться от разгрома Османской империи. Однако упрямство султана Махмуда II и нежелание идти на компромисс, рассматривая данные действия как вмешательство во внутренние дела, привели к разгрому османско-египетской флотилии 20 октября 1827 года в битве при Наварине. Победа союзного флота под командованием британского адмирала Эдварда Кодрингтона привела к обострению отношений между союзниками.

В Великобритании расценивали данные события как провал политики сдерживания России. Эти мысли отражал новый премьер-министр герцог Веллингтон, который 22 января 1828 года сменил на посту премьер-министра виконта Годерича. Британский монарх Георг IV также поддерживал мнение о том, что битва при Наварине была ошибкой [10, с. 322–343]. В парламентской речи от 29 января 1828 года герцог Веллингтон заявил о том, что поддерживает мнение

британского монарха о том, что сражение при Наварине было ошибкой, и он искренне рад, что удалось избежать войны между Великобританией и Османской империей. По данным консервативной лондонской газеты «The Morning Post», эта речь поразила султана, и он приказал перевести её на турецкий и арабский языки [22].

Об изменениях настроений в Великобритании докладывал в феврале 1828 года командующий российской частью эскадры в Наваринском сражении Л. П. Гейден. Российский адмирал сообщал о том, что британская сатирическая пресса настроена крайне негативно по отношению к России, а само сражение выставляется как «пустышка» [14, с. 1–10]. В отличие от английского кабинета, российский император Николай I одобрял уничтожение турецкого флота, считая это важным шагом на пути к автономии Греции. Султан Махмуд II рассматривал Наваринское сражение как повод для будущей войны с Россией, и Османская империя практически полностью перестала соблюдать принципы Аккерманского соглашения.

В конце 1827 года султан Махмуд II издал фирман о том, что призывает всех мусульман участвовать в религиозной войне против России. По воспоминаниям главы прусской дипломатической миссии в Константинополе Карла Вильгельма фон Каниц и Даллвица, данный манифест не означал объявление войны России и предназначался только для успокоения пашей, но был украден французскими шпионами и доведён до сведения Николаю I, что привело к неизбежности войны [18, с. 99–133].

Боевые действия между Россией и Османской империей начались 26 апреля 1828 года, и основными целями России в Европе было принуждение Османской империи к исполнению требований Лондонской конвенции и разрешение российским кораблям свободно пересекать проливы Босфор и Дарданеллы, что являлось одним из главнейших задач для российской торговли. По К. О. Поццо ди Борго, занимавшему в 1828 году пост посла России во Франции, главной геополитической целью России в новой войне является контроль над столицей Османской империи Константинополем, что обеспечило бы российскому флоту свободу действий в проливах Босфор и Дарданеллы и Мраморном море, а также обеспечит защиту от морского превосходства Великобритании [7, с. 79–89].

Великобритания рассматривала политическую линию России как угрозу. Герцог Веллингтон практически сразу же после начала боевых действий приостановил консультации по греческому вопросу. Данные консультации были восстановлены только к августу 1828 года при влиянии министра иностранных дел Великобритании графа Абердина.

После приостановки лондонских конференций целью российской дипломатии было восстановление дипломатических контактов с Великобританией. Накануне конференции в августе 1828 года, в июле 1828 года в одном из донесений к российскому послу в Австрии Д. П. Татищеву сообщалось, о том, что самой главной целью является ведение диалога между Россией и Великобританией по умиротворению Греции, и это является более важным, чем существующие разногласия между державами на данный момент между державами [4, с. 3–4].

Другим шагом Великобритании стало прекращение сотрудничества между английским Королевским флотом и российским императорским флотом в Средиземном море. Российский император Николай I предлагал разделить российскую эскадру на нейтральную и ведущая боевые действия, но это предложение было отклонено герцогом Веллингтоном. По мнению британского премьер-министра, у воюющей стороны не может быть нейтральной эскадры. Однако, с другой стороны, Великобритания дала согласие на рейд российских кораблей в порт Бристоль в декабре 1828 года: фрегата «Княгиня Ловичь», а также бригов «Уилис», «медик Альметьев» и «Телемак» [2, с. 16–16 об.].

После пополнения провианта в Великобритании эти корабли в дальнейшем приняли участие в блокаде Константинополя, что было одним из самых серьёзных разногласий между Россией и Великобританией во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Блокада Константинополя российским флотом началась ещё в мае 1828 года, но достигла своего пика к концу 1828 года. Целью России было нарушить логистические морские маршруты для скорейшего истощения Османской империи и заключения мира на российских условиях. Великобритания рассматривала данные шаги со стороны России как нарушение принципов свободной торговли, и в конце 1828 года усилила численность собственной средиземноморской эскадры, в том числе, и для возможной войны с Россией [19].

О трудностях во взаимоотношениях между Россией и Великобританией в апреле 1829 года сообщалось в копии депеши к российскому послу в Лондоне А. Х. Ливену. В депеше предписывалось, что герцог Веллингтон поднимает большие скандалы по незначительным моментам, и одним из таких поводов стала блокада российским флотом египетских портов [9, с. 208–211].

На момент 1828–1829 гг. Египет был частью Османской империи, но контролировался султаном номинально, и в Великобритании при выстраивании восточной политики с представителями в Египте велись отдельные переговоры. Поэтому блокада со стороны России египетских портов рассматривалась Лондоном, как выходящая за рамки русско-турецкой войны [8].

Султан Махмуд II пытался использовать российско-британские противоречия для упрочнения международного положения Османской империи, и сделал ставку на налаживание дипломатических отношений с Великобританией и Францией. 1 июля 1829 года в Константинополь прибыл британский посол Роберт Гордон и потребовал от Махмуда II первым предпринять усилия для поиска мира с Россией, что было негативно воспринято в турецком истеблишменте [18, с. 99–133].

При налаживании контактов с Османской империей целью Великобритании было сохранение контроля Порты за проливами Босфор и Дарданеллы. Для недопущения подобного развития событий Роберт Гордон предлагал султану принять российские условия по свободному судоходству в проливах, но эти предложения были отвергнуты. В России окружение Николая I также опасалось от прямого захвата Босфора и Дарданелл. Российский дипломат А. Я. Дашков в 1829 году сообщал Николаю I о том, что обладание проливами будет иметь высокую цену для России и приведёт к образованию серьёзной антироссийской военной коалиции и что может в конечном итоге привести к военному конфликту. Мирный раздел Османской империи, по мнению А. Я. Дашкова, также не отвечает интересам российской стороны: Австрия будет требовать единоверные России Герцеговину, Боснию и Албанию, а Архипелаг, Кандия, Морея и Египет попадут под британский и французский протекторат. Подобное развитие событий не приведёт к улучшению положения России на мировой арене, несмотря на обладание проливами. Для России подобное соседство будет более опасным, чем соседство с ослабленной Османской империи. Слабо укреплённый Константинополь не сможет стать щитом России от возможного морского вторжения со стороны Великобритании, в то время как Османская империя не обладает подобной морской мощью, чтобы угрожать России. Таким образом, обладание проливами, по мнению А. Я. Дашкова, не принесёт выгод России. Николай I был согласен с позицией А. Я. Дашкова [13, с. 24–38].

Поэтому, несмотря на успехи на поле боя, на протяжении всей военной кампании 1829 года, Николай I искал мира с Османской империей, в том числе и из-за опасений увеличения количества стран-участниц военного конфликта, включая вступление Великобритании в войну. Для предотвращения подобного развития сценария, Николай I обратился за поддержкой к прусскому

королю Фридриху Вильгельму III, который ещё в конце 1828 года дал согласие на посредническое участие Пруссии в урегулировании конфликта [11, с. 111–123].

В конце июля 1829 года в Константинополь для переговоров с султаном от имени России прибыл фельдмаршал прусской армии барон Мюффлинг. Российский дипломат К. О. Поццо ди Борго в беседах с королём Франции Карлом X в августе 1829 года указывал, что данная миссия свидетельствует об искреннем желании России к восстановлению мира, и у России отсутствуют планы по подчинению Османской империи, так как подобные слухи получили широкое распространение в Европе. При этом, по словам Поццо ди Борго, Россия не несёт ответственность за успех миссии [7, с. 79–89].

Переговоры между бароном Мюффлингом и рейс-эфенди, а позднее с султаном проходили на фоне катастрофического положения Османской империи. 8 августа 1829 года российские войска без боя заняли Адрианополь, который являлся второй столицей Османской империи. Командующий российской армии в Европе И. И. Дибич в письмах к вице-канцлеру Российской империи Кочубею сообщал о том, что он готов отдать приказ российской армии на штурм Константинополя, если Махмуд II не подпишет мирное соглашение. В инструкциях к И. И. Дибичу от Кочубея сообщалось, что подобное развитие событий возможно, и Николай I готов к такому развитию событий, если Османская империя не заключит мир с Россией. В отчёте сообщалось, что российские представители уже выехали для подписания мирного соглашения [5, с. 16–23].

Письма к И. И. Дибичу свидетельствуют об успешности миссии барона Мюффлинга в Константинополь, которому удалось убедить ближайшее окружение султана в необходимости прекращения огня. Сложность миссии барона Мюффлинга состояла в том, что Махмуд II стремился заручиться поддержкой Великобритании дипломатически или на поле боя с целью смягчить условия мирного соглашения с Россией. По данным газеты «Le Moniteur», Османская империя предложила значительную денежную сумму и остров Кандию Великобритании в обмен на вступление в войну с Россией [23].

Перспектива возможного вступления в войну с Россией со стороны Великобритании в 1829 году является дискуссионной. В июле 1829 года лорд Пальмерстон выступил в Парламенте с большой критикой в адрес политики герцога Веллингтона по сближению с Османской империей, настаивая на сближении с Францией для создания независимого Греческого государства [17, с. 242–263]. Данная речь нашла большую поддержку среди членов британского Парламента. Также в августе 1829 года в ходе беседы с министром иностранных дел Великобритании графом Абердином российские дипломаты А. Х. Ливен и Адам Матушевич получили гарантии от британской стороны, что она не будет препятствовать России, если Николай I не будет подчинять Османскую империю [6, с. 12–15]. Итоговый вариант мирного соглашения между Россией и Османской империей был подписан 14 сентября 1829 года. По данному соглашению России отходили территории на Кавказе и в Закавказье, а также Османская империя брала на себя обязательства по обеспечению автономии Греции [1, с. 1–22].

Великобритания не признала данный пункт, который герцог Веллингтон рассматривал как подчинение Османской империи со стороны России, так как данный вопрос должен был, по его мнению, прописываться в отдельном соглашении. Положение Греции в Адрианопольском мирном соглашении было прописано в X статье и подтверждало итоги Лондонской конференции, которая прошла в марте 1829 года, где Россия, Франция и Великобритания согласовали границы будущей греческой автономии. Граница Греции с Османской империей была установлена по линии Арта-Волос. Однако на официальном уровне Великобритания не признавала условия Адрианопольского мирного соглашения, считая его выходящим за рамки Лондонских

соглашений. Однако, несмотря на то, что в Лондоне официально не признавали Адрианопольский мирный договор, для герцога Веллингтона становилось очевидно, что Османская империя утрачивает влияние и не может эффективно выполнять роль противовеса российскому влиянию в Европе и в Средиземном море. В 1830 году герцог Веллингтон меняет внешнеполитический курс и выступает за создание независимого греческого государства. 3 февраля 1830 года совместным решением с участием представителей России и Франции Греция была объявлена независимым государством [16].

Таким образом, завершение русско-турецкой война 1828–1829 гг. стало ключевым фактором в изменении риторики в адрес Греции. Независимость Греции демонстрировала, что Османская империя будет переживать дальнейший упадок, что в скором времени будет видно на примере восстания египетского паши Мухаммеда Али в 1833 году, который едва не захватил Египет и был остановлен благодаря действиям российской армии. После падения кабинета герцога Веллингтона в 1830 году, новый премьер-министр Чарльз Грей продолжил политику по сохранению территориальной целостности Османской империи, как важного центра силы по противодействию российского влиянию. Именно данная политика по сохранению целостности Османской империи стала одним из ключевых факторов вступления Великобритании в Крымскую войну в 1854 году [8].

Список литературы

1. Адрианопольский мирный договор // АВПРИ Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502 а. Д. 2239. Л. 1–22.
2. Ведомость, отправленная на имя российского вице-консула в Бристоле // АВПРИ Ф. 256. Генеральное консульство в Лондоне. Оп. 555 а. Д. 1514 Л. 16–16 об.
3. Виноградов В. Н., Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М.: Наука, 1985.
4. Деша на имя Д. П. Татищева, написанная 18 (30) июля 1828 года // АВПРИ Ф. 133. Канцелярия. Оп. 468. Т. II. Д. 6989. Л. 3–4.
5. Деша на имя И. И. Дибича, написанная 1 (13) сентября 1829 года // РГАДА Ф. 3. Разряд III. Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России – (коллекция) Государственного архива Российской империи. Оп. 1 м. Д. 86 а. Л. 16–23.
6. Доклад от 16 (28) августа 1829 года о беседе князя Ливена и графа Матушевича с графом Абердином // РГАДА. Ф. 3. Разряд III. Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России – (коллекция) Государственного архива Российской империи. Оп. 1 м. Д. 86 а. Л. 12–15.
7. Запись двух бесед Поццо ди Борго с королём Франции Карлом X // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 462. Т. II. Д. 7015. Л. 79–89.
8. Зеленов Е. И. Египет. Средние века. Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 339 с.
9. Копия конфиденциальной депешы на имя Ливена // АВПРИ. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 541. Т. I. Д. 83. Л. 208–211 об.
10. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией и иностранными державами: Трактаты с Англией. 1801–1831. СПб: Тип. М-ва путей сообщения, 1895. Т. 11. С. 322–343.
11. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией и иностранными державами: Трактаты с Германией. 1825–1888. СПб: Тип. М-ва путей сообщения, 1888. Т. 7. С. 111–123.
12. Мнение К. О. Поццо ди Борго о преждевременности рассмотрения послевоенного устройства Османской империи // РГАДА. Ф. 3. Разряд III. Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России – (коллекция) Государственного архива Российской империи. Оп. 1 м. Д. 86 а. Л. 38–42.
13. Обзорение главнейших отношений Россией с Турцией начал, на коих условиях должны быть установлены на будущее время // РГАДА. Ф. 3. Разряд III. Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России – (коллекция) Государственного архива Российской империи. Оп. 1 м. Д. 86 а. Л. 24–38.
14. Отчёт генерального консульства в Лондоне к К. В. Несельроде // АВПРИ. Ф. 256. Генеральное консульство в Лондоне. Оп. 555 а. Д. 27. Л. 1–10.
15. Письма графа Каподострии к Николаю I летом 1827 года // РГАДА. Ф. 5. Разряд V. Переписка высочайших особ с частными лицами – (коллекция) Государственного архива Российской империи. Оп. 1. Д. 223. Л. 35–42 об.

16. Речь виконта Пальмерстона от 1 июля 1829 года // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 468. Д. 6998. Л. 242–263.
 17. Canitz und Dallwitz von K. Des Freiherrn Carl Ernst Wilhelm von Canitz und Dallwitz Königl. Preuß. General-Lieutenant und General-Adjutant König Friedrich Wilhelms IV., Staats-und Cabinets-Minister und Minister der auswärtigen Angelegenheiten Denkschriften: Aus dem Nachlaß herausgg. von seinen Kindern. Band 1. Berlin: W. Hertz, 1888. P. 99–133.
 18. Colonial Times. 1829. April 3. Vol. 14. № 674
 19. Crawley C. W. Anglo-Russian Relations 1815–40 // The Cambridge Historical Journal. 1929. Vol. 3. № 1. P. 47–73.
 20. Goldsmith T. The Duke of Wellington and British Foreign Policy 1814–1830. Ph. D. Diss. University of East Anglia, 2016 // URL: <https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/67722/1/2016GoldsmithTBOPhD.pdf> (дата обращения 21.02.2024).
 21. Le Moniteur Universel. 1829. 31 Août № 245.
 22. The Morning Post. 1828. April 15. № 17, 888.
-

Иванов П.А.,
*преподаватель кафедры всеобщей истории, философии и культурологии,
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»*

ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ ФРИТЬОФА НАНСЕНА В РОССИИ И ЕЕ ОЦЕНКА СО СТОРОНЫ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматривается гуманитарная миссия Фриттьофа Нансена в России в 1921–1923 гг. и оценка ее деятельности со стороны советской власти. В статье анализируется организация «Миссии», ее проведение, а также особое внимание уделяется оценке деятельности Нансена. Ученый был приглашен советским правительством для организации помощи голодающему населению, однако столкнулся с противодействием со стороны властей. Миссия Нансена была важным этапом в истории гуманитарной помощи России, норвежец смог преодолеть недоверие стран запада к коммунистам. Но его деятельность была осложнена политическими противоречиями и идеологическими разногласиями.

Ключевые слова: *благотворительные организации; голод; гуманитарная миссия; «Миссия Нансена»; Фриттьоф Нансен*

Ivanov P.A.,
*Lecturer, Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Blagoveshchensk State Pedagogical University»*

FRIDTJOF NANSEN'S HUMANITARIAN MISSION IN RUSSIA AND ITS EVALUATION BY THE CURRENT SOVIET AUTHORITY

The article examines the humanitarian mission of Fridtjof Nansen in Russia in 1921–1923 and assessment of its activities by the Soviet government. The article analyzes the organization of the «Mission», its implementation, and also pays special attention to the assessment of Nansen's activities. The scientist was invited by the Soviet government to organize assistance to the starving population, but faced opposition from the authorities. Nansen's mission was an important stage in the history of hu-

manitarian assistance to Russia; the Norwegian was able to overcome the mistrust of Western countries towards the communists. But his activities were complicated by political contradictions and ideological differences.

Keywords: Charitable organizations; famine; humanitarian mission; «Nansen Mission»; Fridtjof Nansen

Минувший 2023 год отметился столетием окончания одного из страшных событий в отечественной истории – голода 1921–1923 гг. Трагедией были охвачены территории Северного и Нижнего Поволжья, Южного Урала, Крыма, а также Запорожье, Самарская, Саратовская губернии и ряд других областей – огромные территории с населением более 40 млн. человек. По официальным данным на тот момент голодало больше половины населения (22,5 млн. человек). Страшная страница истории являлась результатом засухи 1921 года и катастрофическими последствиями Первой мировой войны.

В первые годы советское правительство не акцентировало внимание на этом факте, а если и освещало его, то наибольшее внимание уделялось помощи голодающим, организованной через собственный комитет (правительственная Центральная комиссия помощи голодающим). Недоверие к иностранным организациям было обусловлено возможными попытками диверсии и шпионажа.

В 1921 г. последствия стали катастрофическими, и молчать было невозможно. 2 августа В.И. Ленин обратился к международному пролетариату в Европе, а 6 августа мир официально узнал о трагедии. В своем обращении советское правительство просило разрешение оказать поддержку населению, в частности на закупку хлеба и его беспрепятственный провоз через блокадные пункты, установленными странами Антанты [7, с. 1–2].

Иностранные государства неохотно шли на контакт с большевистской властью, но иностранная помощь в Россию все же поступала.

Одной из организаций, осуществляющей помощь пострадавшим районам, стал Международный Комитет Помощи России (МКПР). Созданный в 1921 г. на заседании Лиги Наций, он был возглавлен норвежским ученым, полярным исследователем, гуманистом и филантропом Фритьофом Нансеном. Роль МКПР в оказании помощи пострадавшим от голода стала одной из самых существенных, наряду с уже действовавшими на территории Советской России благотворительными организациями, такими, как Американская администрация помощи (АРА) и Международный Красный Крест.

Личность Нансена еще до начала его деятельности на территории России была известна широким массам. В конце XIX в. (1893–1896 гг.) он обрел мировую известность, организовав научную экспедицию через Северный Ледовитый океан на Северный полюс, тем самым став главным специалистом по полярным исследованиям. Помимо научной деятельности, он показал себя как успешный политический деятель, сыграв свою роль в обретении Норвегией статуса независимого государства. В том числе, благодаря поддержке зарубежных политиков, участием которых содействовал ученый, в 1905 г. Норвегия избавилась от протектората Швеции.

На этом его политическая деятельность не закончилась. Последующие два года Нансен занимал должность посла Норвегии в Великобритании, и после образования Лиги Наций стал представителем своей страны на заседаниях организации. Это позволило ему в 1920 г. взять на себя ответственность за судьбы военных, оставшихся вне родины после Первой мировой войны и не имеющих возможности вернуться домой.

Познакомился с Россией ученый в 1898 г. Осенью 1913 г., уже будучи почетным членом Российской академии наук (за вклад в изучении Арктики), Нансен посетил страну в составе

торговой экспедиции и, исследовав путь от Карского моря до устья р. Енисей, проследовал в Санкт-Петербург. Радужный прием, поразительная красота природы и колорит народов сформировали у гостя особое мнение о принимающей стороне, как о стране с большим будущим и полноправном партнере западных государств [10, с. 5–7].

Весной 1919 г. норвежец узнал о том, что России требуется продовольствие. Он предполагал, что международная изоляция может привести к голоду, и поэтому была предпринята первая попытка международной помощи. В ней Фритьоф играл посредническую роль между штатами и большевиками. США готовы были предоставить кредиты для организации помощи, но с условием остановки военных действий на территории России. Ответ советской стороны был незамедлительным: посчитав данное предложение за попытку ангажирования, поступил отказ.

В 1920 г. Нансен приезжает в Россию снова. Целью его визита стало обсуждение совместного сотрудничества Лиги Наций и Москвы в сфере обмена военнопленными. Стороны пришли к соглашению, и таким образом 250 тыс. русских военнопленных смогли вернуться домой [2, с. 11–12].

Следующий этап гуманитарной поддержки состоялся в 1921 году. 16 августа Женевская конференция Лиги Наций приняла решение об оказании помощи. Исследователь играл ключевую роль, став Верховным комиссаром Международного Комитета Помощи России, известного также как «Миссия Нансена».

Охват деятельности «Миссии» был изложен в основных целях организации. К ним относились: упрощение снабжения, поставка голодающим районам сельскохозяйственных машин, составление и распространение воззваний всем правительствам о поддержке усилий добровольных обществ, составляющих часть МКПР.

Несмотря на открытый гуманизм, Нансен понимал пользу оказываемой поддержки коммунистам и предполагал, что это может положительно сказаться на установлении дальнейших контактов стран Европы с молодой Советской Россией. Однако стремлений и амбиций норвежского ученого было недостаточно. Отсутствие опыта подобной деятельности делало его дилетантом, о чем свидетельствует решение делегатов Лиги Наций предложить разделить управление МКПР с Г. Гувером, являвшимся членом правительства США и напрямую связанным с АРА.

Своего мнения придерживалась и советская сторона. Согласно документам 1920–30 гг., советское партийное руководство не до конца понимало мотивы деятельности и глубокий интерес к происходящему со стороны норвежского филантропа.

Независимо от мнений, кандидатура Нансена была подходящей, т.к. для работы с коммунистами был необходим человек политически нейтральный. Нансен не высказывался негативно о действующем характере власти и считал это делом самого государства. Таким образом «Миссия» являлась не более чем организующим началом множества зарубежных актов помощи.

Огромную роль сыграло и установление доверительных отношений норвежца с представителями партийной верхушки государства. Нейтральный статус и аполитичность позволили ему получить относительную поддержку в лице В.И. Ленина и наркома иностранных дел Г.В. Чичерина.

В мае 1919 г. после отказа советской стороны принимать помощь от Соединенных Штатов на указанных условиях, Нансену лично поступила радиограмма Чичерина. В ней нарком сообщал о желании получить помощь: по его мнению, условный характер договоренностей носил не только гуманистический характер [6, с. 214].

До 1921 г. личных контактов между сторонами не происходило. Возможно, этому мешала связь Нансена с представителем белой эмиграции, благодаря которой вопрос о полном доверии оставался нерешенным. Однако интерес к личности ученого продолжал сохраняться.

Положительно отзывался о деятельности Нансена и М.И. Калинин, возглавлявший Государственный комиссию по борьбе с голодом. С ним у филантропа сложилась частная переписка. Установленный уровень доверия позволял гуманисту напрямую обращаться к Калинин по вопросам розыска бывших военнопленных и лиц, подверженных аресту со стороны действующей власти.

Таким образом, общая оценка личности Нансена способствовала благосклонному отношению властей к его деятельности на всём протяжении работы «Миссии». Неоспоримый авторитет ученого позволял ему организовать не только процесс оказания помощи, а также сбор необходимых средств и за пределами России. Все это было бы невозможно без личного участия организатора, т.к. недоверие к коммунистам со стороны стран Запада сохранялось.

Так к МКПР примкнули организации европейских государств: Международный союз помощи детям (МСПД), Международный Красный Крест (10 отделений), Швейцарский и Итальянский комитеты помощи детям, а также организация Папы Римского; баптистская и менонитская религиозные организации. В общем счете количество отделений, содействующих «Миссии», составляло 32 организации [1, с. 101].

27 августа 1921 г. советским правительством был подписан договор, в котором Нансену предоставлялся спектр полномочий о предоставлении кредита в размере 10 млн. фунтов стерлингов на оказание помощи и восстановление хозяйства. Женева выразила отказ, опасаясь злоупотреблений средствами или их использования большевиками для удовлетворения дальнейших политических амбиций. Норвежец потерял доверие делегатов, а условия были пересмотрены: перед представлением суммы пострадавшую территорию должна посетить делегация, оценив реальный масштаб трагедии и размер оказываемой помощи, а власть — признать долги царской России, что во втором случае не считалось неприемлемым.

По данным советских отчетов, миссия Нансена была развернута в 15 регионах России, в состав которых, помимо 5 губерний Украинской ССР, вошли Астраханская губерния, Донецкая губерния, Казанская губерния, Калмыцкая автономная область, Кубано-Черноморская область, Самарская губерния, Саратовская губерния, Немкомунна, Томская и Царицынская губернии.

По масштабам оказываемой помощи МКПР занимала второе место (5–7% вклада) после правительственной организации АРА, снабдив голодающие районы в первый год работы более 4,5 млн. пудов продовольствия. С октября 1922 г. до начала мая 1923 г. Нансеном было выдано 27 млн. дневных рационов, а количество ввезенного продовольствия составляло 195 тыс. пудов. Основной организацией, осуществляющей поддержку МКПР, являлся МСПД, организовывая транспортировку порядка 210 стационарных кухонь, и обеспечивая питание населения на территориях заводов, школ, детских домов и больниц Саратова и Саратовской губернии [1, с. 101].

Основной проблемой оставалась нехватка финансовых вложений — ресурсов, необходимых для оказания помощи голодающим. Их отсутствие повлекло за собой снижение количества поступающих грузов и дефицит средств для поддержания организации гуманитарной помощи. Нансен окружил себя командой профессионалов, ранее занимавшихся благотворительной деятельностью. Сотрудники работали в экстремальных условиях, в зонах постоянных эпидемий, но в связи с отсутствием необходимой финансовой и материальной поддержки, качество их работы постоянно снижалось.

Соглашение на оказание гуманитарной помощи было подписано Нансеном с учетом ожиданий кредитной поддержки государствами, входящими в Лигу Наций, но средства не поступали. Выступления ученого с трибуны организации еще в сентябре 1921 г., публичные лекции в странах Европы и США и предоставленные вещественные доказательства ужасной трагедии (фо-

тографии, сделанные осенью того же года в Самарской и Саратовской губерниях) не привели к ожидаемому эффекту. Но его пламенные речи повлияли на западную общественность: ученый получил поддержку от различных слоев общества и в различных объемах. Стоит отметить, что полученных средств было недостаточно.

Таким образом, оказанию материальной поддержки препятствовало негативное отношение и открытое недоверие к советскому государству. Мировая общественность препятствовала предоставлению кредитов, поступающая помощь от частных лиц не была столь масштабна.

В сентябре 1922 г. МКПР был распущен, до лета 1923 г. организация существовала под наименованием «Работа помощи России профессора Нансена». В июне из ее состава уже были выведены все зарубежные организации Красного Креста и МСПД (вышла в сентябре 1922 г.), которые продолжали свою работу самостоятельно.

Помимо зарубежной помощи, соглашение с советской стороной предполагало покрытие части расходов миссии. Советская сторона брала на себя данные обязательства, но средства также не поступали, что приносило дополнительный ущерб. Дефицит средств не позволял организаторам вовремя оплачивать погрузку и разгрузку прибывавших составов с материальной помощью, в связи с чем правительство задерживало доставку грузов. В стране, объятой гражданской войной, вопрос о распределении ресурсов и их эксплуатации стоял наиболее остро.

Результатом неисполнения обязательств советской стороной стали критика и призывы со стороны не только иностранцев, но и местной исполнительной власти. «Непосильное и исключительно трудное положение... приходится оказывать представителям заграничных организаций...», – так охарактеризовала сложившуюся ситуацию власть на местах. В письмах, отправленных анонимными лицами, были указаны наиболее острые проблемы, такие, как урезание расходов, отсутствие материальной оснащенности и несоответствующее состояние транспортных путей. Последний вопрос встал наиболее остро, т.к. происходящие простои приводили не только к потере времени, но и к последующей порче продуктов [3].

Несмотря на личную вовлеченность профессора в решение финансовых и продовольственных вопросов, результат не всегда был в его пользу. Многозадачность ученого приводила к замедлению переговоров с советской стороной. Но все же, благодаря его личной активности, обсуждение актуальных проблем происходило быстрее.

В отчетах советского представительства за 1923 г. содержатся нелестные отзывы деятельности Нансена. Согласно данным, оценка деятельности организации сложно поддавалась общей характеристике, т.к. «общих принципов работы Миссия Нансена не имеет». Это аргументируется тем, что все входящие подразделения организации действуют независимо от Москвы, подчиняясь только собственному аппарату. Отчеты о проделанной работе московское правительство не получало [4].

Материальная поддержка от власти, не связанной непосредственно с нейтрализацией голода в регионах, в количественном соотношении существенно сократилась, а основная работа была направлена на согласование существующих вопросов логистики.

С другой стороны представительства на местах положительно оценивали результаты гуманитарной помощи. Отчет, датированный летом 1922 г., указывает на полное снабжение мест оказания помощи продуктами питания и безупречную организацию МСПД аппарата питания детей [3].

Стоит отметить, что организации, входящие в состав Миссии, руководствовались внутренними правилами оказания помощи голодающим и подчинялись собственным ведомствам. Данный

факт указывает на отсутствие у Нансена налаженного механизма, что не могло удовлетворять аппарат центральной власти. Свидетели со стороны местных органов власти положительно оценивали результат оказываемой помощи.

Негативная оценка иностранной помощи не помешала правительству РСФСР в 1922 г. досрочно объявить о победе в борьбе с голодом и начать подготовку к экспорту «излишков» зерна. Но миссия действовала вплоть до официального расторжения договора в июне 1923 г., оказывая помощь пострадавшим Саратовской губернии, в которой к январю этого же года голодали еще 30% населения [5].

Понимая слабость разрушенной экономики государства, Нансен предполагал вероятность повторения голода. Прибыв в столицу в январе 1923 г., он предложил рассмотреть условия оказания дальнейшей помощи. Представленный в Наркомат земледелия вариант предусматривал кредитование населения выдачей семян, скота, орудий труда, но самым важным пунктом проекта договора являлось создание двух показательных сельскохозяйственных станций. Тракторные отряды, по мнению норвежца, должны были стать одним из факторов экономического восстановления России.

Оттягивая решение до июня, правительство с подозрением относилось к инициативе. После полугодичного простоя решение было принято в пользу Нансена, и был подписан пятилетний договор на условиях строгого соблюдения инструкций Наркомзема и контроля через постоянные обследования.

Работа станций в Саратовской губернии шла крайне медленно. В центре и на местах были зафиксированы постоянные нарушения договора. Затраты концессий увеличивались, коммунисты пытались взимать арендную плату. В 1925 г. комиссия установила неудовлетворительные нормы продовольствия. Причиной этому, по мнению проверяющих, послужило отсутствие у организаторов опыта содержания подобных станций.

В 1927 г. средства на содержание были полностью исчерпаны, и в мае станция была ликвидирована по причине невыполнения своего показательного назначения. Хозяйство станции отошло в ведомство Саратовского губернского сельхозтреста [1, с. 102].

Подводя итог вышесказанному можно прийти к выводу, что гуманитарная миссия Фритьофа Нансена оценивалась советской властью неоднозначно: неоспорима была важность миссии и ее необходимость, но вызывала опасения со стороны внутренней безопасности.

Организация Нансена на территории пострадавших регионов оказала большое влияние на жизнь миллионов людей. Деятельность организации и сегодня является примером предоставления гуманитарной помощи в условиях политических и социальных потрясений.

Список литературы

1. Бондаренко Т.Ю., Николаева Н.И. Миссия Фритьофа Нансена по спасению голодающих Поволжья // Власть. 2011. № 3. С. 100–103.
2. Бочарова З.С. Ф. Нансен: между двумя Россиями // Материалы I международной конференции «Нансеновские чтения». СПб: ИКЦ «Русская эмиграция», 2008. С. 7–15.
3. ГАРФ. ф. Р-1058 оп. 1 д. 426. Рапорт особоуполномоченного о поездке в Поволжье Ф. Нансена; доклады и докладные записки уполномоченного по Саратовской губернии в тяжелом экономической состоянии района, деятельности заграничных организаций АРА, МСПД и по др. вопросам помощи населению губернии.
4. ГАРФ. ф. Р-1058 оп. 1 д. 485. Отчет о деятельности представительства с начала кампании по 1 сентября 1922 г.; план работы ЦК Помгол на октябрь 1922 г.; доклады уполномоченных и обзоры деятельности миссии Нансена, Европейского комитета помощи студентам и др. заграничных организаций на Украине в 1922-23 гг., сведения о грузах заграничных организаций и их движении.
5. ГАРФ. ф. Р-8350 оп. 3 д. 288. Проект соглашения о прекращении договора с миссией проф. Нансена от 16.07.1923 г.

6. Калоева Е.Б. Нансен и Россия: прошлое и настоящее // Россия и современный мир. 2000. № 3(28). С. 214–217.
7. На помощь голодающим. Воззвание Центральной комиссии голодающим к крестьянам и ко всем трудящимся гражданам РСФСР // Правда. 1921. № 168. С. 1–2.
8. Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: автореф. дис...дра ист. наук: 07.00.02; ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского». Саратов, 2010. 43 с.
9. Репневский А. В. Четыре образа Фритьофа Нансена в России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 7 (81) // URL: <https://history.jes.su/s207987840006221-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006221-2 (дата обращения 12.04.2024).
10. Нансен Ф. Россия и мир / Фритьоф Нансен пер. с франц. С. Бронского с предисл. Н. Мещерякова. М. -Л.: Гос. изд-во, 1923. 146 с.
11. Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 171 с.

Ковалёв М.А.,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и краеведения,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых» ВлГУ
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Волков А.А.,

*магистрант, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых» ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

ЛАТИНО-ПОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ В XVII ВЕКЕ В РАБОТЕ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В статье рассматриваются результаты исследований известного русского историка А.С. Лаппо-Данилевского в области изучения европейского влияния на развитие русской общественно-политической мысли. Авторы статьи отмечают, что А. С. Лаппо-Данилевский связывал источники проникновения европейских политических и правовых идей в Россию XVII века, главным образом, с малороссийским каналом влияния и деятельностью в русской культуре выходцев из Малороссии.

Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский; русская общественно-политическая мысль; XVII век; идеи естественного права; малороссийское влияние*

Kovalyov M.V.,

*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History, Archaeology and Local Studies,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vladimir State University Named
after A.G. and N.G. Stoletovs»*

Volkov A.A.,

*Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vladimir State
University Named after A.G. and N.G. Stoletovs»*

LATIN-POLISH INFLUENCE ON RUSSIAN SOCIO-POLITICAL THOUGHT IN THE 17TH CENTURY IN THE WORK OF A.S. LAPPO-DANILEVSKY

The article discusses the results of research by the famous Russian historian A.S. Lappo-Danilevsky in the field of studying European influence on the development of Russian socio-political thought. The authors of the article note that A. S. Lappo-Danilevsky connected the sources of penetration of European political and legal ideas into Russia in the 17th century, mainly with the Malorossiya channel of influence and the activities of immigrants from Malorossiya in Russian culture.

Keywords: *A. S. Lappo-Danilevsky; Russian socio-political thought; 17th century; ideas of natural law; Little Russian influence*

Хорошо известно, что вестернизация России началась задолго до реформ Петра Великого. В период формирования Московского государства имели место широкие русско-итальянские связи. Новгород испытывал заметные влияния Европы в духовной сфере, что приводило, в частности, к образованию еретических учений. С 1553 г. берёт начало архангельская торговля с Англией. Но особое место в числе культуртрегеров допетровской эпохи занимало Польско-Литовское государство.

Поэтому разговор о появлении Просвещения в России XVIII в. обязательно должен быть предварён экскурсом в вопрос о русско-европейских связях предшествующего столетия. Именно такая постановка вопроса содержится в работах видного дореволюционного историка А. С. Лаппо-Данилевского.

Докторская диссертация учёного «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики», не будучи опубликованной в своё время, на протяжении всего советского периода оставалась практически забытой. Вся работа состоит из трёх книг, и на сегодняшний день она по-прежнему не издана в полном объёме. В данной статье предпринята попытка проанализировать предложенное в первой книге [2] работы А. С. Лаппо-Данилевского исследование о влиянии на российскую морально-политическую мысль XVII века идей, привносимых из Польши: об их сути, о путях их проникновения и распространения, а также о степени их усвоения в русском обществе того времени.

Обращаться к «Истории политических идей» стали с момента её первого издания в 1990 году. Некоторые выводы о результатах работы Лаппо-Данилевского представлены во вступительных статьях изданий 1990 [2, с. 4–10] и 2005 [1] годов, в помещённой в послесловии издания 1990 года статье А. И. Клибанова, диссертациях Н. А. Трапша [6] и В. Д. Черных [8], а также в монографии Е. А. Ростовцева [3].

Авторы, главным образом, останавливаются на вводном разделе труда учёного, лишь иногда касаясь отдельных сторон основной части работы. Их утверждения сводятся к следующему: результаты исследования Лаппо-Данилевского сводятся к тому, что в XVII веке в России особое распространение получают западные идеи, идущие в основном через Польшу, где видоизменяются под воздействием господствующих в ней позднесхоластических традиций, после чего они ещё раз видоизменяются, но уже при восприятии их на русской почве. Идеи эти оседали в России, больше сохраняя при этом свои религиозные элементы в ущерб светским, но, всё же, именно они подготовили почву для петровских реформ и развития политической мысли уже в XVIII веке. Более широкое обращение к тексту работы учёного позволит раскрыть и конкретизировать данный тезис.

Российская политическая мысль вплоть до XVII века основывалась на религиозно-православной точке зрения, согласно которой земной царь поставлен царём небесным, следовательно, служба царю – это служба Богу, задача подданных, таким образом, «промышлять делом Божиим и царским» [2, с. 28]. О том же говорят учения «о едином во всей поднебесной христианском царе» и о Москве – Третьем Риме. Между тем, было бы неправомерно считать последнюю концепцию традиционно московской. Как показал историк А. С. Усачёв, послания Филофея, написанные в 1520-е гг., оставались не востребованными до правления Алексея Михайловича. Дело в том, что в XVI в. для Российского государства на повестке дня стояла «борьба за древнерусское наследство» с Литвой и Польшей, а не мифическое византийское преемство [7, с. 73]. Таким образом, XVII век в истории общественно-политической мысли в России демонстрирует не только сложное переплетение традиционных и модернистских начал, но и элементы актуализации «забытых» идей.

Аналогичная ситуация обстоит и с фигурой царя. В Соборном уложении 1649 г. впервые официально зафиксирован статус главы государства, введён придворный этикет. Но самое главное – изменился объектный титул, а вместе с ним по существу и название государства. Переяславская рада, означавшая переход «под руку» московского царя Левобережной Украины и Киева, дала тому основание считать себя государем всех древнерусских земель. В соответствии с этим распространяется новое название страны – «Россия», состоящее из частей – Великой (московской), Малой и Белой (польско-литовской) [5, с. 37]. Унификация богослужения на всех объединённых «русских» территориях стала одним из факторов никоновской церковной реформы. Православное духовенство на вновь присоединённых территориях оказало огромное влияние на всю духовную жизнь России не только XVII, но и XVIII вв.

Лаппо-Данилевский выделяет несколько путей проникновения и распространения западных морально-политических идей, действующих на протяжении века.

Одним из них стала Киево-Могилянская коллегия. Малороссияне, стоявшие у её истоков, зачастую сами учились в польских школах и перенесли оттуда модель образования в ново-созданную коллегию. Это была иезуитская позднесcholастическая образованность, в коей темы морали и политики находились в подчинённом по отношению к богословию положении и не преподавались в качестве особых предметов. Они достаточно слабо и в scholастической интерпретации затрагивались в философских и богословских курсах.

Курс философии Иоасафа Кроковского, читанный в 1686–1687 годах, вслед за Иоанном Дамаскином предполагал деление философии на спекулятивную и практическую. В рамках последней выделяются темы этики, экономики и политики. Однако, Лаппо-Данилевский не находит указаний на то, что Кроковский читал особый курс по практической философии. Киевский преподаватель, по-видимому, остановился на обозначении широкой области её вопросов, не углубляясь в рассуждение о них [2, с. 72–74].

В рамках богословских курсов киевские профессора вслед за «Богословскими Суммами» в духе Фомы Аквинского вводили в курс богословия учение о добродетелях, в рамках которого изучалась темы права и справедливости. Составитель чтений по данным темам сообщал студентам ряд правовых понятий, о принципах права и некоторых его видах, но «он всё ещё далек был от естественно-правовых понятий» [2, с. 78].

Киевская коллегия, таким образом, предоставляла лишь зачатки морально-политических идей. Тем не менее, она оказала некоторое влияние на русскую общественно-политическую мысль. О непосредственном влиянии коллегии судить сложно в силу общего характера его

фактов. Так, известно, что Стефан Яворский, бывший преподавателем в Киевской академии, прилагал усилия для перенесения её начал в Московскую академию или что персонал и студенты Киевской академии привлекались князем Д. М. Голицыным для перевода трактатов, касающихся политики и права, но, по мнению Лаппо-Данилевского, этого недостаточно, чтобы оценить значение прямых контактов с московской образованностью [2, с. 81].

Более осязаемым представляется влияние опосредованное. Киевская коллегия предопределила ход мыслей малорусских писателей, сочинения которых получали некоторую известность в великорусском обществе: некоторые из них преподносились русским правителям, выдерживали несколько изданий в России, продавались в Москве и попадали в частные библиотеки.

Речь идёт о работах «Мир с Богом человеку» И. Гизеля, «Книга» Л. Барановича, «Феатрон нравоучительный» архимандрита Максимовича и «Ифика иерополитика» А. Миславского. Опираясь на авторитетов схоластики и даже затрагивая авторов Возрождения («Феатрон нравоучительный» архимандрита Максимовича, представлявшего собой перевод морально-политического трактата «Театр политический» Амвросия Марлиана, а в «Ифике иерополитике» присутствуют ссылки на Эразма Роттердамского), малороссийские авторы развивают ряд новых для русской общественно-политической мысли идей.

Прежде всего, это концепция естественного закона, отличного от Божественного и происходящего из наличия разума у человека. Разум посредством естественного закона склоняет «предпочитати добро общее над уединённое», творить «полезное всем и всему царству». На деле это означает, что «начальник» обязан «о всех промышлять», взирать «на дело», а не «на лице» и всем давать равный суд [2, с. 89]. Если власть хотя бы и частично, но происходит из естественного устройства людей, когда властителя «избирают», дабы защитить себя и своё имущество от брани, то и властитель должен помнить, что избравшие его отдаются ему «в сохранение», а «не в работу и плен». Более того, царь ради общего добра может «от тела отсекаль части, угрожающие ему согниением». По мнению Лаппо-Данилевского, эти идеи о необходимости правителю стремиться к «общему благу» уже приближены к тому понятию о государстве, которое сложится в России в эпоху преобразований.

Конечно, во времена Лаппо-Данилевского даже в западной исторической науке не проводилось разграничение между просветительским и допросветительским «естественным правом». В конце XX в. представители Кембриджской школы интеллектуальной истории (Кв. Скиннер, Дж. Покок и др.) «открыли» XVII век в интеллектуальной истории Европы. В частности, они постулировали, что источником прав и свобод признавалась тогда не индивидуальная личность гражданина, а государство как составная коллективная личность [4, с. 17]. Поэтому российский учёный не всегда мог учитывать разноплановость европейских влияний на отечественную мысль.

Из тех же идей вытекают соображения о границах власти господина в отношении слуг, имея в виду «действия душевные» и дела, «прислушающие самому естеству тела». Слуга не обязан повиноваться, если от него требуют мыслить, хотеть, верить определённым образом, жениться или жить «безженно», «противу естества в явственную беду смерти вдастся», а также того, что противно «заповеди Господней или церковной».

Интерес к распространению латинской образованности в России был присущ не только малорусским ученым. Москва и сама проявляла инициативу, что особенно обнаружилось после смерти яркого противника латинства патриарха Филарета. Пригласить «еретиков» в качестве учителей непосредственно из Польши правительство не решалось, но с присое-

динением Левобережной Украины эта проблема отпала. Действиями властей в столице из приглашённых малороссийских книжников постепенно образовалась латинская партия, коей покровительствовали при дворе.

Симеон Полоцкий стал предводителем этой отстаивающей латинскую образованность партии. В своём «Вертограде многоцветном» он вслед за вышеуказанными авторами отталкивается от идеи о существовании естественного права, но не развивает её. Вслед за Аристотелем и Фомой Аквинским он признаёт естественный характер совместного жительства для людей и, следовательно, естественное происхождение власти, но основной упор, всё же, делает на божественном её установлении. Хотя Полоцкий и указывает, что «ежели велит начальник не противно Богу, то без рассуждения да кладеши ногу», но не входит в рассуждения о том, что делать в противном случае, указывает, что «в благих велениях им не пререкати», не задаваясь вопросом о не «благих велениях». Он вовсе не касается права свержения «злого властелина» или тирана, указывая лишь, что Бог и «злых властелинов за грех попускает». Обязанности правителя ограничиваются приведением подданных к небесному блаженству, в соответствии с «божественным законом» и соблюдением нравственных правил схожих с указанными в «Главизнах» Агапита: быть благочестивым, смиренным, рассудительным во всех делах и не противящимся «вопрошать умных совета» и тому подобное. Строки об «общей всему православию пользы» как цели правления встречаются лишь мимоходом.

Дело Симеона Полоцкого продолжил его ученик Сильвестр Медведев. Он не составил особого морально-политического сочинения, но, тем не менее, сохранились некоторые его записи, где он касался соответствующих вопросов. Вслед за учителем он говорит о Божьей воле, как о залого целостности государства и благополучия общественной жизни, как о пути к «общему христианскому добру». Раскрывая эту мысль, Медведев обращается к учению о четырёх основных моральных добродетелях: правде, целомудрии, мудрости и мужестве, - соблюдение которых и означает «соединение между человеки». Лаппо-Данилевский отмечает, что хотя остаётся не ясным, делал ли С. Медведев подобно Ф. Аквинскому из этой идеи дальнейшие выводы о законе, регулирующем все человеческие действия и направленном на достижение того самого «общего блага», всё же сама по себе мысль о «добре общем» могла быть воспринята, в частности, К. Истоминым, учителем будущего преобразователя России. То же «добро общее» слышится и в одном из крупнейших законодательных актов того времени и, возможно, оказалась оно там не без участия близкого к царскому двору С. Медведева [2, с. 141].

Таким образом, Лаппо-Данилевский видит значение малорусской образованности в том, что при её посредничестве в Россию проникали характерные для латино-польской схоластики XVII века размышления о естественном происхождении власти, о её стремлении к общей пользе, о некоторых ограничениях, накладываемых в связи с ними на правителя. Возможно, добавляет автор, в связи со знакомством с разделами «философии нравной» в рамках общего курса философии в коллегиях, в связи со схоластическими упражнениями по риторике русские люди стали интересоваться соответствующими книгами, вроде той, что была известна под названием «Образ царского, риторика, выбрана из Аристотеля, Кикерона и Квинтилиана».

Ещё один путь распространения латино-польского влияния, по мнению, Лаппо-Данилевского заключается в проникновении польских переводов западных сочинений или произведений польских и «латинских» авторов, впоследствии переведённых на русский, непосредствен-

но из Польши в Россию. Русская переводная литература о морали и политики не отличалась единством направления. Одновременно в ходу были и тексты, стоящие ближе к средневековому мистицизму, чем к схоластике, вроде «Десидерия», и тексты, переведённые ещё во времена жидовствующих, вроде «Врат Аристотеля», и, наконец, тексты, написанные не без влияния Возрождения. Наибольшую распространённость получили разного рода сборники морально-нравоучительного содержания, не предлагавшие систематического учения, новизны и глубины идей. К таковым относятся «Великое зеркало», рассказывающее о добродетелях государя, в особенности о любви к Богу и других качествах, связанных с христианскими обязанностями [2, с. 174–175], или «Апофегмата», представляющая компиляцию повестей о разговорах и мыслях древних философов. В ней хоть и присутствуют некоторые сентенции о необходимости самопознания, управлении своими страстями, о том, что град «добре правим», когда правители по закону живут, но они теряются в массе прочих, более привлекательных для читателей. Подобные сборники наставлений и повестей сыскали в России известность куда большую, чем трактаты, предполагавшие систематическое политическое учение.

В конце концов, из переводной литературы по морально-политическим вопросам в российском обществе XVII века, по мнению Лаппо-Данилевского, больше интересовались средневековыми взглядами. Сложно было воспринять идеи Возрождения, плохо переиначенные посредственным компилятором, а после не систематично и не точно переведённые на русский язык. Целостные работы были известны узкому кругу частных лиц, а потому их содержание не претерпевало длительного органического восприятия и развития. Всё это приводит исследователя к выводу о том, что едва ли идеи Возрождения могли оказать сколь-нибудь заметное влияние в России в то время.

Насколько привнесённые в российскую общественно-политическую мысль идеи были усвоены? Лаппо-Данилевский считает, что возможно они нашли отражение в московском законодательстве 80-х гг. XVII века. Отмену местничества ученик Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева царь Фёдор Алексеевич мотивировал в соответствии с учением о том, что царь – Божий наместник на земле, обязанный заботиться об общем добре. Местничество было уничтожено как дело «вредительное и пагубное» для «общаго государственного добра», а от последнего, по мысли Лаппо-Данилевского, можно было перейти и к понятию о государственном интересе, получившим значение в политических конструкциях эпохи петровских преобразований [2, с. 193]. Не случайно сподвижник Петра I Феофан Прокопович, считающийся одним из предтеч просвещённого абсолютизма, также был выходцем из Малороссии, знакомым как с идеями схоластики, так и «естественного права».

Список литературы

1. Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики / предисл. М. Ю. Сорокиной. KÖLN: BÖHLAU VERLAG, 2005. XXXII, 462 с.
2. Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры, XVII–XVIII вв. / предисл. Л. А. Черной, М. Ю. Сорокиной, послесл. А. И. Клибанова. М., Наука, 1990. 290 с.
3. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: б/и, 2004. 352 с.
4. Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.
5. Соловьёв А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.
6. Трапш Н. А. Эволюция научных взглядов А. С. Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII–XVIII вв.: автореф... дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2001. 28 с.
7. Усачев А. С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.

8. Черных В. Д. Проблемы взаимоотношений и историко-политической идентификации Русской Православной Церкви и государственной власти в России во II половине XVII века...: автореф... дис. канд. ист. наук. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2012. 23 с.

Креленко Н.С.,

*доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории,
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского»*

«ОБЩЕСТВО ДИЛЕТАНТОВ» КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена характеристике одного из многочисленных «клубов по интересам», возникших в XVIII веке в Англии. «Общество дилетантов» объединило тех, кто после окончания университета посетил Италию и интересовался античностью. Постепенно застольные беседы об искусстве были дополнены изучением памятников древности на юге Италии, в Греции и Малой Азии. Тогда же начался вывоз художественных артефактов в Англию.

Ключевые слова: Просвещение; клубы; «Общество дилетантов»; «Большое путешествие»; игровые практики; античное искусство

Krelenko N.S.,

*Dr. Sc. (History), Professor, Professor, Department of General History,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov National Research State
University Named after N.G. Chernyshevsky»*

«SOCIETY OF DILETANTY» AS A CULTURAL PHENOMENON

The article is devoted to the characteristics of one of the many «interest clubs» that arose in the 18th century in England. The «Society of Amateurs» united those who, after graduating from university, visited Italy and were interested in antiquity. Gradually, table conversations about art were supplemented by the study of ancient monuments in southern Italy, Greece and Asia Minor. At the same time, the export of artistic artifacts to England began.

Keywords: Enlightenment; clubs; «Society of Diletanty»; «Grand Tour»; gaming practices; ancient art

Изменения, происходившие в европейском обществе XVIII века, затронули многие сферы социально-культурной жизни. В частности, вместо различных средневековых сообществ, объединявших людей по профессиональным или социальным признакам, стали возникать объединения, ориентированные на межличностное общение «по интересам» вне сословных, а иногда и вне гендерных рамок. К числу последних относились салоны, получившие распространение, прежде всего, во Франции.

В Англии популярностью пользовались общества, куда допускались только мужчины. Это означало, что собираться желательно вне дома, «без жены, без детей». С другой стороны, неформальное общение предполагало совместное застолье, создающее чувство непринужденности. Идеальным местом для такого рода общения стали кофейни, получившие популярность

со времен реставрации Стюартов. В последние десятилетия XVII века в кофейнях собирались люди, которых сближали разные интересы: от политического сотрудничества или литературных изысканий до спортивных или оргиастических забав.

Деятельность этих сообществ (клубов) оформлялись определенными правилами, носившими игровой характер. Эту общественную атмосферу исчерпывающе характеризует следующее высказывание Й. Хейзенги: «Искусство управления государством: политика кабинетов, политические игры и авантюры – поистине все это никогда еще не было настолько игрою... На каждой странице жизни культуры XVIII в. мы встречаем наивный дух ревнивого соперничества, клубной активности и таинственности...» [4, с. 258].

Одни клубы объединяли людей по политическим пристрастиям («Уайт клуб», «Кит Кат», Антигалльское общество»), другие – по спортивным увлечениям («Крикетный клуб», «Клуб охотников за зайцами с гончими»), третьи – по научным интересам («Лондонское королевское общество», «Общество антиквариев или Королевское общество древностей», «Общество дилетантов», «Литературное общество», «**Лунное общество Бирмингема**»).

В данной статье внимание сосредоточено на созданном в 30-е гг. XVIII века «Обществе дилетантов». Каждое из вышеперечисленных научных сообществ имело свою специализацию. Члены Лондонского королевского общества занимались естественными и точными науками, антиквары были сосредоточены на изучении английского прошлого, а участники «Лунного общества» собирались для обсуждения технических изобретений.

«Общество дилетантов» объединило тех, кто после окончания университета совершил Гранд тур, посетил Италию, кто считал себя любителем античного искусства и был рад пообщаться в неформальной обстановке с такими же знатоками непрофессионалами. Убедительно выглядит следующее объяснение выбора названия. В основе лежит итальянский глагол *dilettare* – наслаждаться, восхищаться. В тоже время в обиходе Флорентийской академии рисунка дилетантами принято было называть тех, кто рассматривался, как «серьезный студент факультета изобразительных искусств, который не является практикующим художником» [2, с.165].

Обязательное посещение Италии в качестве условия для вступления в общество четко обозначило круг участников. Большое путешествие могли совершать почти исключительно молодые аристократы. Первые встречи дилетантов состоялись, по видимому, в 1732 году в Италии, но только с весны 1736 года появились записи того, где происходила встреча, кто в ней участвовал и о чем шел разговор. На этом этапе в общество входило 46 человек.

Все они принадлежали к сторонникам вигов, называвших себя «молодыми патриотами», все вращались в кругу оппозиционно настроенного Короне Фридриха, принца Уэльского. На тот момент возраст дилетантов был от 25 до 30 лет. Исключением среди этих молодых и богатых выходцев из дворянской среды представлял художник Джордж Нэптон (1698–1778), ставший первым официальным портретистом Общества. Но главным требованием – посещение Италии и служба при дворе принца Уэльского – он соответствовал [6, р. 5–6].

Клуб создавался как «обеденный», то есть организующим началом было веселое застолье, сопровождаемое разговорами о знакомых каждому из них сюжетах, связанных с античностью. Для англичан, как и всех европейцев классической эпохи, античность была не просто объектом интереса, они воспитывались, росли на изучении латыни, римских поэтов, античной мифологии и древней истории, преимущественно римской. Хотя с последних десятилетий XVI века делались переводы Гомера [1, с.104–107], на уровне массового восприятия античное означало римское. Судьбы, характеры, высказывания деятелей Древнего Рима были важной составляющей их менталитета образованного англичанина.

Что касается финансовых правил, члены «Общества» вносили различные регулярные платежи, кроме того, фонды пополнялись за счет отчислений с различных «сверхприбылей», будь то полученное наследство, удачная женитьба или карьерный рост. Для регулирования различных организационных вопросов избирались казначей и секретарь. Постепенно «обеденное общество» обрело определенную организованность при сохранении игрового начала.

Собирались в первое воскресенье месяца, места проведения застольных заседаний периодически менялись. Избирали председателя, который должен был облачиться в римскую тогу, о цвете которой долго спорили. Без разрешения председателя никто не мог уйти из-за стола. В противном случае ослушника подвергали штрафу. До обеда о делах говорить не полагалось. Обеды оплачивались на год вперед. Столь серьезное отношение к процессу застолья дало повод светскому интеллектуалу Х. Уолполу, знавшему «все про всех», написать следующее: «клуб «Дилетантов», объединяющий номинально тех, кто побывал в Италии, а фактически – совместной выпивкой, два руководителя – лорд Миддлсекс и сер. Фрэнсис К. Дэшвуд, бывали трезвыми за все время своего пребывания в Италии» [8, р. 277].

Если обратиться к визуальным образам, то Чарльз Секвилл лорд Миддлсекс на пастельном портрете, выполненном венецианской художницей Р. Карьеррой смотрится таким эталонным «юным лордом». Что касается Френсиса Дэшвуда, его внешность трудно назвать респектабельной, как на парадных, так и шутовских портретах, написанных У. Хогартом.

На первый взгляд, непонятно, что так отталкивало типичного дилетанта Х. Уолпола, любителя и знатока изящных искусств, от «Общества дилетантов». Его круг интересов соответствовал тому, как воспринимали дилетанта в XVIII веке: «это человек хотя бы отчасти праздный..., довольно свободный в средствах... дилетант может вообще не обладать профессиональными навыками ни в одной из областей искусства, но,... он... активнейшим образом участвует в художественной жизни...» [3, с. 50–51].

Объяснить неприязнь Х. Уолпола к «дилетантам» только тем, что он был человеком малопьющим нельзя. Совместные застолья были обычной практикой клубных заседаний. Например, на картине Д. Рейнолдса члены «Литературного клуба» сидят вокруг стола, заставленного бутылками. То есть совместные трапезы были обычной клубной традицией в то время. Скорее всего, неприязнь Уолпола к «Обществу дилетантов» вызвана тем, что Ф. Дэшвуд, позиционировавший себя ключевой фигурой «Общества», был среди активистов, боровшихся против премьер-министра Р. Уолпола.

Культ винопития театрально обыгрывался членами ученого сообщества. Например, на портрете, написанном Д. Наптоном в 1744 году, баронет Боушер Рэй держит в руках чашу для пунша, по ободку которой написаны слова Горация *«Иногда приятно подурачиться»*.

Это игровое начало, театральность поведения объясняются вкусами времени и тем, что вдохновителем создания общества позиционировал себя Френсис Дэшвуд барон Деспенсер (1718–1781). Этот человек умел привлечь к себе внимание. Гранд тур Дэшвуда запомнился не только ему, но и тем, кого он посетил. Находясь в Сикстинской капелле, он набросился с плеткой на алтарь, за что был изгнан из Папского государства. В Петербурге он явился на маскарад в костюме шведского короля Карла XII и начал оказывать знаки внимания императрице Анне Иоанновне [6, р. 9].

Тяга к игровым представлениям в духе вольномыслия подтолкнула Дэшвуда, не удовлетворенного застольями «Общества дилетантов», организовать на территории своего загородного поместья Уэст Уиком «Клуб адского пламени». Распространенные в интернете обвинения в сатанизме в отношении этого сообщества кажутся не оправданными. Для Дэшвуда и его коллег

действия «Клуба адского пламени» позволяли практиковать «свободную» любовь, оформленную под квазиритуальные ритуалы, да еще прикрытую разоблачением католицизма. Скульптурные изображения Флоры, Венеры, Вакха украшали парк, оформленный в духе неоклассицизма. Стоит вспомнить, что при оформлении сервиза «зеленая лягушка», выполненного Д. Веджвудом для Екатерины II, использованы были четырнадцать видов парка Уэст Уиком [5, с. 110].

Ф. Дэшвуд занимал весьма значимые государственные посты, проявляя при этом полную некомпетентность, он был проницательным меценатом и тонким знатоком искусства, он грубо нарушал нормы общественного приличия, он связывал свою строительную деятельность с благотворительностью, желанием обеспечивать работой бедняков. Его участие в деятельности «Общества дилетантов» проявлялось не только в полувековом участии в ученых застольях, но и в финансировании серьезных мероприятий, связанных с изучением античности. «Искусство управления государством: политика кабинетов, политические игры и авантюры – поистине все это никогда еще не было настолько игрою» [4, с. 258]. Эти слова многое объясняют круг интересов Ф. Дэшвуда.

Напрашивается предположение, что поведение Дэшвуда и других лидеров раннего периода деятельности «Общества дилетантов», таких, как лорд Миддлсекс и граф Сэндвич, можно связать с традицией либертинажа времен реставрации Стюартов. Либертены (остроумцы) старались шокировать общественность, пренебрегали требованиями морали. Либертинаж стюартовских кавалеров сводился к отрицанию, в нем отсутствовало созидательное начало.

Демонстративное пренебрежение общественными нормами поведения со стороны некоторых дилетантов было проявлением просвещенческого индивидуализма. Дэшвуд, Миддлсекс, Сэндвич, будучи никчемными политиками и чиновниками, проявили себя как меценаты и покровители целого ряда общественно полезных начинаний. В их деятельности присутствовали определенные созидательность.

В тоже время, важно заметить, что некоторые члены «Общества дилетантов» с самого начала последовательно действовали «ради Италии», причем их влияние со временем становилось заметнее. Они не только собирали коллекции антиков, но старались способствовать изучению древности. Тут следует выделить деятельность Джеймса Грея (1708–1773), который долгое время был английским представителем в Венеции. Он почти все время жил в Италии и старался помогать английским художникам, которые учились или работали там. Эта сторона деятельности Д. Грея способствовала переходу «Общества дилетантов» от разговоров на темы античности к изучению античного искусства.

В 1740-х годах в Риме познакомились два художника, Джеймс Стюарт (1713–1788), сын шотландского моряка, художник-самоучка, и сквайр Николас Реветт (1720–1804), приехавший в Италию учиться живописи. Оба увлекались классическим искусством. В 1748 г. они подготовили «Предложения о публикации точного описания древностей Афин» и сумели заинтересовать этим проектом Джеймса Грея, а тот организовал избрание двух художников в «Общество дилетантов». Кроме того, в качестве официального представителя Великобритании Д. Грей обеспечил разрешение турецких властей на изучение памятников Афин. В течение двух лет (1751–1753) члены экспедиции занимались обмерами и зарисовками ряда афинских построек, в том числе, Парфенона, но не закончили всего намеченного из-за начавшейся эпидемии чумы.

Д. Стюарт и Н. Реветт приехали в Лондон в марте 1755 г., и приступили к работе над подготовкой предполагаемого издания. В 1762 г. вышел в свет первый том работы «Древности Афин и другие памятники Греции», озаглавленный «Древности Афин, измеренные и очерченные Джеймсом Стюартом и Николасом Реветтом, художниками и архитекторами». Предисловие

первого тома содержало краткое, но весьма важное заявление: «Греция была настоящей хозяйкой искусств, и Рим в этом отношении был только её учеником» [7, р. I]. Это было сказано за два года до появления знаменитой книги И.И. Винкельмана «История искусства древности», в которой этот подход стал основополагающим. Интересно, читал ли И. Винкельман книгу Д. Стюарта и Н. Реветта?

Позднее были опубликованы еще три тома (1787, 1794, 1815). Роскошные альбомы большого формата снабжены чертежами и гравюрами. Со временем многие памятники, представленные в этих книгах, были утрачены или повреждены. Книга Д. Стюарта и Н. Реветта – это завершение одного из эпизодов исследовательской деятельности, руководимой «Обществом дилетантов».

И это было не единственное издание, подготовленное при поддержке «Общества дилетантов». Стипендиатами «Общества» стали также Роберт Вуд и Чарльз Чендлен, изучавшие и описавшие руины Баальбека и Пальмиры и издавшие книги, посвященные своим исследованиям. Успех публикаций «Руин Пальмиры» (1753) и «Руин Баальбека» (1757), «Древностей Афин» (1762–1815) подтолкнул «Общество дилетантов» к организации новых экспедиций.

Интересно сравнить, как изменилось визуальное отражение поведенческих практик на групповых портретах, написанных в 1779 году Д. Рейнолдсом (1723–1792), новым штатным художником Общества. На двух портретах изображены сцены застолья. Стол на переднем плане занят огромным роскошно оформленным фолиантом. Слева в пурпурной мантии председателя сэра Т. Уинн обращается к коллекционеру У. Гамильтону, одной рукой указывая на изображение античного сосуда, а другой на амфору, стоящую на столе. Вокруг них с бокалами вина сидят и стоят еще пять собеседников. Таким образом, акценты заметно смещены. Эти люди собрались не просто «приятно подурочиться», но рассмотреть и обсудить древние артефакты, памятники художественной культуры.

Фактически с 1750-х годов деятельность «Дилетантов», сохраняя привычные формы организации и прежний состав (правда, увеличиваясь численно), обретает новый стержень деятельности – ориентацию на изучение прежде неведомых граней античного искусства – древнегреческого, послужившего основой для римского искусства. Кроме того, намечается тенденция к тому, чтобы вывозить древние артефакты в Англию. Фактически усилиями дилетантов начал формироваться, стремительно увеличиваясь, античный отдел Британского музея.

Список литературы

1. Кирюшкина В.В. Ранняя история «английского» Гомера: перевод Илиады Александра Поупа и его предшественники // Британские чтения: материалы II Всеросс. с междунар. участием науч. конф., посвященной 90-летию проф. М.М. Ябровой (Саратов, 19–20 сентября 2013 г.) / под ред. Л. Н. Черновой. Саратов: «Издательский центр “Наука”», 2014. С. 102–109.
2. Михайлова Ю.Ю. Общество дилетантов и его влияние на распространение знаний об искусстве в Англии XVIII века // Вестник СПбГИК. 2020. № 4 (45). С. 163–167.
3. Соколова М. Феномен дилетанта в английской художественной жизни XVIII века // Любительство XVIII – XXI вв. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов. М.: ГИИ, 2010. С. 50–51.
4. Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409 с.
5. Швидковский Д.О. «Общество дилетантов» и развитие английского неоклассицизма // Актуальные проблемы истории и теории искусства. Вып. 10. СПб.: Принт, 2020. С. 109–119.
6. Cust L. History of Society of Dilettanty. L.: Macmillan, 1914. 336 p.
7. Stuart J., Revett N. The Antiquities of Athens Measured and Delineated by James Stuart FRS and FSA and Nicolas Revett, Painters and Architects. Vol. I. L.: Printed by J. Haberkorn, 1762. 216 p.
8. Walpole H. The Letters of Horace Walpole, earl of Orford. 4 vols. Vol 1. 1738–1748. Philadelphia: Lea and Bradhard, 1842. 593 p.

Маруков А.Ф.,

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор Института истории, философии и политических наук, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»

Смоляков К.Д.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В статье с разных ракурсов рассматриваются понятия «национализм» и «нацизм». Анализируется трансформация терминов в историческом контексте. Изучаются причины и факторы радикализации национализма. Особое внимание уделяется нацизму первой половины XX в. Раскрываются правовые аспекты национализма.

Ключевые слова: нацизм; национализм; фашизм; радикализация национализма; Нюрнбургский процесс

Marukov A.F.,

Scientific Adviser, Dr. Sc. (Law), Cand. Sc. (History), Professor, Director, Institute of History, Philosophy and Political Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Smolyakov K.D.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S. A. Yesenin»

NATIONALISM AND NAZISM IN MODERN SOCIETY (HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH)

The article examines the concepts of «nationalism» and «Nazism» from different angles. The transformation of terms in the historical context is analyzed. The causes and factors of radicalization of nationalism are being studied. Special attention is paid to Nazism in the first half of the 20th century. The legal aspects of nationalism are revealed.

Keywords: Nazism; nationalism; fascism; radicalization of nationalism; the Nuremberg trials

С каждым днем тема национализма становится все актуальнее в связи с проявлением данного феномена в большинстве стран, различающихся в политическом, экономическом, социальном и религиозном отношении. В настоящее время существует опасность возрождения нацизма в классическом или видоизмененном формате. Подмена понятий приобретает грандиозный размах. Национализм принимает крайне радикальные черты, проникая как во все структуры власти, так и в гражданское общество. Как показывает историческая практика, самая жестокая форма национализма проявилась в Германии во времена правления Гитлера, в результате чего прои-

зошла трансформация идеологических установок, приведшая к дискриминации личности. В настоящее время наблюдается тенденция к героизации проявления нацизма.

Взаимодействие наций в мировой практике представляет собой довольно сложную сеть отношений, включающую в себя этническую, экономическую, политическую, культурную и иные составляющие. Чем больше составляющих, тем более вероятно возникновение противоречий и увеличения проявления радикализации националистических установок.

В словаре Ушакова дается следующее определение национализма: «Буржуазная идеология и политика, ставящая свою, господствующую нацию в привилегированное положение и направленная на угнетение других национальностей, на создание вражды между ними» [8].

Энциклопедический словарь интерпретирует национализм **как** «идеология и политика в национальном вопросе, основа которых – трактовка нации как высшей ценности и формы общности» [2].

В трудах многих ученых национальный вопрос оказывается в самом центре дискуссий. Долгое время рождение национализма связывали с буржуазными революциями нового времени, так как они не только закладывали основания демократического правления, но и вводили в политический лексикон новую абстракцию: «народ» или «нация».

В классическом варианте национализм возникает в XIX веке. На это же столетие приходится пик развития национализма в ряде крупных европейских империй, который был тесно связан с возникновением национальных революций (Европейская «Весна народов»). Будучи идеологией, возникшей как ответ на действие абсолютистских монархий в Европе и их империалистической политики, национализм уже в конце XIX века терпит ряд существенных изменений. Если в конце XVIII – начале XIX вв. теоретики национализма выдвигали на первый план идеи построения национальных государств и выступали с откровенно сепаратистскими идеями о выходе своих народов из состава крупных европейских империй (венгры в Австрийской империи), то уже в конце XIX в. национализм тесно связывается с идеологией крупных европейских государств того времени, и становится обоснованием их экспансионистской политики (Германская империя, частично Австро-Венгрия, Италия и Франция). Идеи «классического» национализма XVIII – начала XIX вв. тесно связаны с зарождающимися в то же время идеями либерализма и отчасти даже раннего социализма. Однако уже к концу XIX – началу XX вв. идеи национализма в ряде Европейских держав, а также и в ряде Азиатских, становятся более реакционными, а также начинают тесно переплетаться с идеями научного расизма и различными оккультно-мистическими учениями того времени.

Философское обоснование националистических теорий возникло и развивалось ещё с XVII в. Идеи, схожие с идеями более поздних националистов, можно найти как у сторонников Реформации, так и у сторонников Английской революции. Дальнейшее развитие эти идеи получают в годы Французской революции, но опять же, хоть ряд идей и был развит идеологами революционной Франции, но они не имели такого существенного влияния, как в более поздние эпохи, и являлись скорее частью либерально-буржуазной идеологии.

Серьезные исследования национализма начинаются в 1920-х – 1930-х гг. (хотя отдельные работы, например, Э. Ренана, относятся к концу XIX в.). Первыми исследователями национализма в 1920-е – 1950-е гг. были К. Хайес, Х. Кон, К. Дойч.

Совершенно в альтернативном ключе происходило толкование «национализма» в более поздних трудах у Э. Геллнера «Нации и национализм» и Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества». В своих трудах авторы выходят за рамки стандартных подходов. Если в

классическом понимании причинами проявления национализма считались такие явления, как обострение экстремистских сил, ухудшение экономической ситуации, деформация идеальной концепции национальной гармонии и т. д., то в трудах Э. Геллнера «национализм» рассматривается как исторический феномен, включающий в себя сложную концепцию национальных отношений, неизбежную в определенный исторический период. «Национализм – движение больших городов и индустриализирующихся масс» [3, с. 314]. Национальное пробуждение, по Геллнеру, обостряется в тот момент, когда возникает несоответствие между возможностями и фактическим состоянием национальной культуры и средствами политической власти, т.е. «идет борьба за контроль над системой национально-культурного воспроизводства, за создание новых или «очищение» старых политических институтов для обеспечения реального суверенитета наций» [3, с. 315].

Бенедикт Андерсон термины «нации» и «национализм» исследует в социально-антропологическом аспекте. В конце XX в. существовало мнение, что национализм как политическая идеология изживет себя и уступит место транснациональному, тем самым преодолев националистическую ограниченность. Однако автор предвидел, что в свете грядущих политических событий националистические идеологии не только не изживут себя, но приобретут новые формы с учетом существующих реалий. Андерсон считает национализм неотъемлемой частью жизненного опыта сообществ, размывая границы между обществом и государством, он идентифицирует общество в целом как совокупность «воображаемых сообществ», выступающих как особые культурные артефакты, а не как идеологии.

На основании имеющихся данных можно сделать выводы, что тема национализма сложна и дискуссионна. Нельзя выделить какую-либо определенную универсальную модель трактовки и проявления национализма. Национализм многогранен.

Одним из самых существенных вопросов, по нашему мнению, является вопрос радикализации национализма, ощутимые проявления которого можно отнести ко второй половине XIX в. Однако стоит отметить, что радикальные идеи существовали и ранее. Стоит вспомнить Японию и отношение японцев к иностранным гражданам как к варварам и дикарям и веру, как японских обывателей, так и японских властей в избранность своей нации (своего народа).

В XX в. радикализация националистических теорий достигает своего апогея, появляется фашизм, национал-социализм и ряд других радикальных направлений.

Идеологи итальянского фашизма призывали к объединению народа Италии, по их мнению, расколотого классовыми противоречиями вокруг идей корпоративизма, солидаризма, национального патриотизма и, что главное, вокруг фигуры сильного политического лидера, который поведёт народ Италии к грядущему процветанию.

Немецкий национал-социализм на ранних этапах отличался более социалистической программой, которая предусматривала ряд социальных преобразований в немецком обществе, но, в то же время, включал ряд откровенно националистических пунктов. В ходе дальнейшей радикализации в национал-социализме стали доминировать более ксенофобские и расистские идеи. В данных пунктах проявляется отличие итальянского фашизма от немецкого национал-социализма.

Изначально существовавшие параллельно, впоследствии фашизм и нацизм на разных исторических этапах заимствовали друг у друга некоторые идеи и модели поведения.

После поражения в Первой мировой войне в Германии приходят к власти социал-демократические партии, но впоследствии они быстро уступают свое влияние консервативным.

В ходе ряда экономических кризисов и в связи со сложным положением страны, в Германии происходит падение уровня жизни. В связи с этим начинают набирать популярность радикальные идеологии, такие, как коммунизм и национал-социализм. В их программах были как ряд схожих моментов, так и ряд существенных различий. Обе партии пополняли свои ряды преимущественно за счет низших и средних классов и выступали за значительные социальные реформы. Однако если коммунисты призывали к интернационализму, социалистической революции и в экономическом и политическом плане подражанию России (на тот момент самой значимой социалистической страны), то нацисты выступали за права исключительно немецких рабочих, а также представителей мелкой и средней буржуазии, совершению «консервативной» революции (позже это пункт был существенно видоизменён) и высказывали идеи об исключительности немецкой нации и невозможности для Германии следовать как путём буржуазной демократии (навязанной, по их мнению, немецкому обществу странами победительницами), так и путём Советского Союза.

Германское общество не готово было полностью принять коммунистические лозунги. Национал-социалисты предлагали, как казалось, более приемлемую программу, с сохранением религиозных отношений и без кардинальных изменений в гендерной политике государства, что было важно для немецкого народа. Женщине, как и раньше, отводилась роль хранительницы домашнего очага, а не активного члена политической жизни страны. Религиозные отношения носили своеобразный характер. Сохраняя религию, национал-социалисты негативно относились к ряду религиозных конфессий и организаций.

Со временем нацисты сумели полностью вытеснить и уничтожить коммунистов. Впоследствии ряд откровенно «социалистических» пунктов в нацистской программе был, по сути, отменён, хотя и сохранялся в программных документах. Национал-социалистическая программа возродила в народе уверенность в собственных силах и сподвигла его на осознание собственной исключительности. Зерно радикализации националистических идей было заложено и впоследствии успешно проросло.

К. Кунц в своем труде «Совесь нацистов» возлагает ответственность за проникновение радикальных националистических идей в массы на социальные институты, такие, как система образования, академическая элита, бюрократический аппарат и армия. Действительно, без четкой слаженной программы взаимодействия радикальные националистические теории не имели бы и половины своего размаха.

Ф. Л. Нойманн в монографии «Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944» основной причиной радикализации видит само существование капиталистического строя, неизбежно ведущее к фашизму, нацизму, тоталитаризму, считая, что капитализм, строго говоря, уже является фашизмом.

Если рассматривать этапы развития национализма в Германии, то следует выделить три фазы развития нацистского государства: фазу формирования, фазу консолидации и фазу радикализации. Границы между фазами, естественно, носят весьма условный характер.

Германский нацизм в мировой истории является ярким примером того, как националистические теории приняли жестокую форму, приведшую к дискриминации личности.

После прихода Адольфа Гитлера к власти нацисты почти сразу начинают организацию сети концентрационных лагерей и переходят к репрессиям по отношению к деятелям коммунистической, социал-демократической и ряда других оппозиционных партий и движений. Если на начальном этапе концентрационные лагеря контролировались не только партией нацистов, но и государственными органами, то впоследствии они были полностью переда-

ны в полное распоряжение организаций SS и отчасти SA. Нацистские лидеры воплощали в жизнь завуалированный план радикализации национальных идей.

Состав партии существенно меняется, она активно пополняется представителями аристократических семей и золотой молодёжи (в частности, организация SS), что, в свою очередь, повлекло её дальнейший отход от тех пунктов в своей программе, что обещали социальные гарантии обширным слоям пролетариата и мелкой буржуазии. Однако стоит отметить, что после начала Второй Мировой войны жизнь среднестатистического немецкого гражданина стала лучше за счёт притока в Германию награбленных ресурсов из оккупированных стран и дешёвой рабочей силы в виде абсолютно бесправного населения и военнопленных из тех же государств. С этого времени идеология нацистской партии окончательно скатилась к агрессивному милитаризму, расизму, антикоммунизму и шовинизму и более не несла в себе даже тех социальных пунктов, что в ней были ранее. Завершился процесс радикализации национализма.

После завершения Второй мировой войны необходимо было на законодательном уровне закрепить степень ответственности и меру наказания за международные преступления и агрессию, направленные против человечества, избавить мир от фашистской идеологии, на международном и внутригосударственном уровнях осудить состав международных преступлений, совершаемых гитлеровцами на оккупированных территориях, рассмотреть процесс формирования международного права, Организацией Объединённых Наций.

Первые положения об уголовной ответственности отдельных лиц были сформулированы и закреплены в решениях Московской (1943 г.), Крымской (1945 г.) и Потсдамской конференций (1945 г.). 8 августа 1945 г. были установлены нормы об уголовной ответственности отдельных физических лиц и сформулированы в уставах и приговорах международных военных трибуналов для суда над главными немецкими преступниками. Так, статья 6 Устава Международного военного трибунала, прилагаемого к Соглашению между правительствами СССР, США и Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран обозначила уголовную ответственность за международно-правовые преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Самым значимым, на наш взгляд, пунктом в уставе международного военного трибунала было отсутствие срока давности к военным преступлениям. В дальнейшем это положение было развито и закреплено в специальной конвенции 1968 г.

Решению данных задач должен был способствовать Нюрнбергский военный трибунал. Нюрнбергскому суду были преданы 24 главных военных преступника. Двенадцать из них были приговорены к смертной казни. Слушание дела началось 20 ноября 1945 г. Приговор огласили 1 октября 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания.

С правовой точки зрения Нюрнбергский процесс послужил отправной точкой для развития международного права.

На сегодняшний день борьба с расовой нетерпимостью и иными формами ксенофобии является одним из наиважнейших вопросов почти для каждого государства мира. Открытие государственных границ и ослабление миграционных ограничений обуславливают распространение практики внешней миграции и формирование на территории множества государств мультикультурной среды. Законодательства множества государств предусматривают строгую ответственность за пропаганду радикальных националистических идеологий и проявление любых форм расовой нетерпимости. Однако в настоящее время в системе международных отношений не сложился консенсус относительно проблемы героизации

нацизма. Отдельными государствами предпринимаются попытки реабилитировать идеи, ставшие причиной множества кровавых конфликтов прошлого, использовать эти идеи в своих политических целях.

На базе фундаментальных исследований выявлено, что на сегодняшний день существует угроза повышения проявления радикального национализма до пиковых значений. Развитие агрессивно-националистических и неонацистских тенденций чревато значительным понижением уровня общественной стабильности, расколом общества не только по политическому, но и по этническому и даже по религиозному признаку, гражданскими волнениями и усилением международной напряженности. Все это не может не отражаться на социально-экономическом развитии страны, ее инвестиционной привлекательности и т. д. [1, с. 4]. К основным факторам, влияющим на радикализацию национализма, можно отнести:

- экономическое положение страны;
- уровень глобализации и привлекательности рынков;
- готовность государства отказаться от старой унификационной (ассимиляторской) политики в отношении своих, в том числе «новых», национальных меньшинств и удовлетворить их культурные, прежде всего, образовательные, и религиозные интересы;
- понимания властями остроты проблемы и желание противостоять совместно с институтами гражданского общества проявлениям неонацизма и агрессивного национализма и др. [1].

В сложившейся ситуации необходимо, чтобы существовали независимые международные организации, основными действиями которых были мониторинг и контроль состояния государства и общества, отслеживание фактов дискриминации демократических принципов и развития радикального национализма.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что тема национализма никогда не перестанет существовать, так как в историческом аспекте проявления национализма носят циклический характер. С развитием общества меняются факторы влияния, степень проявления и причины возникновения националистических установок. Нельзя рассматривать проявление национализма только в негативном ключе, хотя в ходе исторических событий первой половины XX в. в большинстве случаев он трактуется отрицательно, за счет искажения понятия фашистской Германией. Национальная идея должна сохранять вечные ценности, развивать культуру народа, а не угрожать демократическим свободам граждан.

Список литературы

1. Белая книга нацизма. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 1272 с. // URL: <http://pravua.info/wp-content/uploads/2021/11/belaya-kniga-naczizma-2015.pdf> (дата обращения 26.01.2024).
2. Большой энциклопедический словарь // URL: <https://gufo.me/dict/bes/НАЦИОНАЛИЗМ> (дата обращения 26.01.2024).
3. Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. / Рец. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 320 с. // URL: https://vk.com/wall-8060100_3784 (дата обращения 26.01.2024).
5. Кунц К. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. 400 с. // URL: https://vk.com/wall-163161602_168 (дата обращения 26.01.2024).
6. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. 416 с. // URL: https://vk.com/wall-8060100_3784 (дата обращения 26.01.2024).
7. Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944. Пер. с. англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 591 с. // URL: https://vk.com/doc109556223_496929025?hash=7NDTabbvG6Ec3IrVfRxd057lc3FZngqNx2pL44YS3Zz (дата обращения 26.01.2024).
8. Толковый словарь Ушакова // URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения 26.01.2024).

Мостяев Ю.Н.,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»*

Мостяева О.И.,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»*

УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЙСК В ИНДИЮ ВЕСНОЙ–ЛЕТОМ 1942 Г.

Данная статья поднимает вопрос о вероятности вторжения японских войск в Индию весной – летом 1942 года. Авторы анализируют различные позиции японского командования и варианты планов вторжения. Особое внимание уделяется роли подъема национально-освободительного движения в Индии на организацию отпора завоевателям. Также авторы акцентируют внимание на создавшейся социально-экономической и военной ситуации в Бенгалии, ставшей прифронтовой зоной.

Ключевые слова: Британская Индия; Тодзио; японское командование; Александер; Бирманская кампания; Имфал; Бенгалия; Ассам

Mostyaev Yu.N.,

*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of General History
and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan
State University Named after S.A. Yesenin»*

Mostyaeva O.I.,

*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of General History
and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan
State University Named after S.A. Yesenin»*

THREAT OF INVASION BY JAPANESE TROOPS TO INDIA IN SPRING–SUMMER 1942

This article raises the question of the likelihood of Japanese troops invading India in the spring–summer of 1942. The authors analyze various positions of the Japanese command and options for invasion plans. Particular attention is paid to the role of the rise of the national liberation movement in India in organizing resistance to the conquerors. The authors also focus on the current socio-economic and military situation in Bengal, which has become a front-line zone.

Keywords: British India; Tojo; Japanese command; Alexander; Burma campaign; Imphal; Bengal; Assam

Британская Индия на протяжении длительного времени оставалась на периферии предвоенного японского стратегического планирования. Однако по мере продвижения Японии в сторону военного и экономического проникновения в Юго-Восточно-Азиатский регион Индия

приобретает все более важное значение, особенно в условиях быстро разворачивающегося в стране широкого движения за приобретение независимости. Со стороны японского командования происходит серьезное изменение стратегической оценки Индии для японской экспансии в этом регионе.

Относительно плана завоевания Индии к началу 1942 г. среди японской верхушки отсутствовало единство в понимании операции. С одной стороны, ярким сторонником индийской операции являлся премьер-министр страны Тодзио, которому противостояла большая группа военных в лице как главнокомандующего Южной Армии со штаб-квартирой в Сайгоне генерала Хисаиши Тероши и руководителя Генерального штаба армии Ходзимэ Сутияма, так и значительного представительства разведки. Помимо доводов относительно успеха данного стратегического направления, они проявляли беспокойство по поводу возможностей индийцев создать эффективное государство в случае ухода англичан из страны. Оппоненты Тодзио выражали серьезное недоверие даже созданной по приказу премьер-министра Индийской национальной армии.

По окончании Бирманской кампании 17 мая 1942 года, сразу после начала сезона дождей, Александр доложил верховному командованию о сосредоточении своих войск в Имфале [12, с. 387]. Официальная британская пресса откликнулась крайне положительными отзывами на сложные по своим последствиям результаты английской военной политики, отметив что «войска генерала Александра смогли в полном порядке отойти из Центральной Бирмы к границам дружественной Индии. Кампания не закончилась для него провалом или поражением... войска, состоявшие главным образом из индусов, мало отдыхали, так как, когда они не принимали участие в боевых действиях, они находились на марше. В чужой стране, среди отнюдь не дружественного населения, не оказывавшего никакой помощи, эти люди делали своё дело, и когда они теряли территорию, то оставляли на ней много убитых японцев... Поведение войск не несло никаких признаков о том, что произошло поражение...» [21; 8, с.156].

Схожая оценка прозвучала и у генерала Уэйвелла, подчеркнувшего что: «Отступление не является результатом поражения: оно произошло потому, что мы не смогли закончить дорогу доставки снабжения в Бирму до начала муссона. Армия генерала Александра не была разбита, наоборот, она находится в хорошем состоянии. Армия в Бирме сражалась с выдающимся мужеством, не получая помощи и не отдыхая; она спасла Индию от большой опасности – от угрозы японского нападения раньше чем она была подготовлена для защиты» [8, с.156–157].

Выглядит достаточно очевидным тот факт, что в ходе Бирманской кампании японским войскам не удалось одержать такую же блестящую победу, как в Малайе. Однако всё равно это было серьезное поражение британцев. Несмотря на то, что их союзные войска, в основном состоящие из индийских частей, к концу данной кампании смогли овладеть навыками современной войны и уже не уступали противнику столь катастрофически, ситуация складывалась в пользу противника. Войска, защищавшие Бирму, состояли из 5 тыс. английских, 10 тыс. индийских и около 20 тыс. человек из местного населения [17, р. 75]. В ходе боев данные воинские части понесли потери в виде более 13 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, многие тысячи из них оказались в военных госпиталях с тяжёлыми болезнями, из 150 орудий осталось всего 28, и всего лишь несколько грузовиков из нескольких тысяч. По другим сведениям, до самой Индии смогли добраться только 12 тыс. человек, т.е. всего примерно треть англо-индийских войск, принимавших участие

в боях за Бирму [2, с. 403; 18, р. 52]. Японцы же потеряли в этих боях всего 4 600 человек ранеными и убитыми [20, р. 334].

Однако самой трагичной страницей для индийского народа в Бирме стал массовый исход гражданского населения на родину. После отступления из Рангуна десятки, а в скором последствии и сотни тысяч индийцев постарались добраться до Индии через северные горные перевалы. Сам известным из них стал перевал Таму, до которого можно было добраться только из Мандалая, в районе которого скопились тысячи палаток и навесов. Чтобы поток беженцев не мешал передвижению войск, английские военные власти в день пропускали не более 600 человек. Даже по официальным неполным данным, в начале апреля здесь скопилось более 100 тыс. человек, из которых 500 ежедневно умирало только от холеры [19, р. 150]. Примерно около полумиллиона индийцев стали в этих условиях вынужденными беженцами, из которых едва ли не половина погибла на прозванной ими «Чёрной тропе». Но истинного числа потерь никто никогда точно теперь подсчитать не сможет [4, с. 175–176]. По данным индийского историка В.С. Десаи, из Бирмы в Индию основными наземными путями двинулось около 400 тыс. индийцев, 10 тыс. европейцев и 30 тыс. бирманцев, из которых по дороге примерно 15–20 тыс. умерло, пропало без вести или заболело [17, р. 75].

Наплыв такого количества беженцев в страну до крайности осложнил и без того тяжелое экономическое положение в Бенгалии. Во всем регионе возник острый недостаток жилья для вновь прибывших, не хватало продовольствия и медикаментов [14, р. 55]. Ситуация во многом усугублялась тем, что напуганное таким быстрым продвижением японской армии, потерявшее всякую надежду на свою способность удержать Северо-Восточную Индию, английское командование совместно с гражданской администрацией начало фактическую подготовку к эвакуации населения Бенгалии. Согласно приказу британской администрации были предприняты экстренные меры по выведению вглубь страны всего подвижного состава железных дорог и автотранспорта, уничтожению речного флота вплоть до маленьких рыбацких лодок, вывозу продовольствия. Однако везде царил полный хаос. Отсутствовала элементарная организация мероприятий. К тому же сумятица и неразбериха в огромной мере усиливались из-за постоянных бомбежек со стороны японской авиации, которая методично бомбила ключевые города, морские и речные порты, железные и шоссейные дороги на территории всей Бенгалии.

Следует отметить, что к этому времени Япония смогла захватить огромную территорию общей площадью 4242 тыс. кв. км., на которой проживало около 204 млн. человек. А если к этим данным добавить и часть территории Китая, оккупированной раньше, то в целом под контролем Японии находилось примерно 400 млн. человек и 9801 тыс. кв. км. [9, с. 104].

Бенгалия практически оказалась в прифронтовой зоне военных действий. Основной линией фронта на данном участке стала река Наф. Тем временем японская авиация постоянно наносила мощные бомбовые удары по Читтагонгу, Калькутте, Дакке, одновременно подвергая обстрелу из пулемётов ключевые порты и аэродромы. Британское командование, совсем деморализованное военными неудачами и потерями в Юго-Восточной Азии, по мнению бангладешского историка Камруддина Ахмада, «потеряло всякую надежду оборонять Бенгалию и увело свои главные силы за Бихар» [1, с. 210–211].

К этим всем проблемам прибавилось и то, что когда потрепанная армия Александера, обремененная многочисленными беженцами, наконец, вышла к Ассаму, их здесь смогла укрепить только одна бригада, да и то наспех тренированной индийской пехоты. Самым неприятным для командования стало то, что моральный дух отступавших частей, уже по-

лучивших опыт военных действий с японцами и научившихся воевать с ними, оказался намного выше, чем у тех, которые не сталкивались напрямую с противником, только слышали о его победах [20, р. 334–335].

Одновременно к Имфалу подошли и остатки 38-й китайской дивизии – единственного воинского соединения, сохранившего порядок и оружие. В течение июля – августа 1942 года из Северной Бирмы в штат Ассам прибыла и 22-я китайская дивизия. Именно эти два соединения явились основой для формирования китайской группы войск под командованием генерала Стилуэлла, которая в последующие месяцы начала подготовку к союзному наступлению на Бирму [2, с. 403].

С целью укрепления дисциплины и стойкости своих солдат командир 23-й индийской дивизии, одна из бригад которой располагалась в Ассаме, генерал-майор Реджинальд Савори 6 мая 1942 г. опубликовал свой первый оперативный приказ, согласно которому предполагалось, что «дивизия а) остановит японское вторжение в Индию и б) разгромит их, если они это сделают». К сожалению, не уточнялось, как она сможет это осуществить в условиях отсутствия даже у передовой бригады танков, артиллерии, противотанковых мин, и хоть каких-то серьезных укреплений [16, Р.1–2]. В этих условиях у многих ожидания вторжения японских войск в Индию становились все более реальными.

В сложившейся ситуации для Великобритании жизненно необходимым стало быстрее решение так называемого «индийского вопроса». Страна находилась на грани начала новой массовой сатьяграхи, объявленной лидерами ИНК и самим Махатмой Ганди и поддержанной большинством населения, которая могла в значительной мере подорвать усилия по обороне и обеспечению тылов Южной Азии в условиях угрозы возможной японской агрессии с востока и германских войск со стороны запада. Положение выглядело настолько угрожающим, что даже союзники Великобритании попытались оказать серьезное воздействие на правительство У.Черчилля с целью решения данной проблемы. На уступках индийцам серьезно настаивал и сам президент США Ф. Рузвельт [6, с. 48]. Президент Чан-Кайши, проявляя беспокойство относительно состояния и защищенности тылов союзников в Южной Азии, даже выступил с предложением ввести отдельные китайские части в Бирму с целью предотвращения вторжения и японской оккупации данной территории. Подобные опасения китайской стороны поддерживал и исполнительный секретарь Китайского отделения Международной Кампании за мир Чен Йин-Фан, который задолго до этого в своем письме к Дж. Неру еще 21 августа 1940 г. предполагал перекрытие Бирманской дороги, и серьезные последствия этого как для Британской империи, так и для других государств региона [13, р. 447–449]. Вполне вероятно, что подобные предложения проводились, в том числе, и с прицелом на будущее проникновение в Индию [5, с. 266].

Практически сразу после захвата японскими войсками территории Бирмы командующий 15-й армией генерал Иида выдвинул собственный разработанный план вторжения в Индию его частей из Северной Бирмы [15, р. 152].

Среди командования Южной группы войск сформировалась идея осуществления операции «21» по вторжению в Индию в условиях практически полного отсутствия оборонительных сооружений на границе и сколь-нибудь значительных военных сил Британской империи. Планировалось осуществление неожиданного вторжения японских войск в Восточную Индию с целью нарушения линий воздушного сообщения с Китаем и оказания серьезного влияния на внутрисполитическую ситуацию в целом во всей Индии. Согласно данному плану предполагалось силами до двух дивизий захватить княжество Манипур со столицей в

Ипхале, пройти через долину Хукаун, закрепится в Восточном Ассаме, где вступить в решающее сражение с основными силами англо-индийской армии, которая с большой вероятностью должна будет перейти в контрнаступление.

Однако, на этом этапе даже Матагучи, впоследствии один из самых горячих сторонников данного плана, в сложившейся ситуации проанализировав это предложение глубоко и практично, отметил, что местность в Северной Бирме с её бесконечными труднопроходимыми джунглями и горами мало подходит для широких наступательных операций, и что в таких условиях крупные японские силы вряд ли смогут прорваться без значительных потерь на территорию Ассама. Стоит отметить при этом, что всё же японские генералы серьезно продолжали обсуждение возможности наступления на Имфал и даже предприняли ряд подготовительных мер, вплоть до 25 октября, когда Ииде сверху официально не был спущен приказ приостановить любую подготовку наступления на этот город [7, с. 217].

13 марта 1942 г. японский премьер-министр и начальники генеральных штабов армии и флота обратились к самому императору с докладом, в котором прямо ставился вопрос о реальности захвата Индии и Австралии [10, с.191–193]. По мнению ряда известных японских историков, «...на повестку дня встал вопрос о завоевании или подчинении стратегических пунктов за пределами оккупированной территории» [3, с. 273]. На рассмотрение были представлены два основных варианта возможной дальнейшей японской экспансии. Согласно первому плану, предполагалось направить основные усилия в сторону Индийского океана с целью захвата Цейлона, а затем и всей Индии, затем пройти через Красное море для объединения с немецкой армией на Ближнем Востоке. Второй вариант предусматривал продолжение основного наступления на Тихом океане с целью захвата Австралийского континента [2, с. 387]. Однако в силу сложившихся обстоятельств японскому руководству пришлось отказаться от обоих вариантов. Окончательный вывод, сделанный верховным командованием, состоял в следующем: в отношении Гавайских островов, Австралии и Индии проводить только ограниченные действия, избегая крупных наступательных операций. Данное решение шло в русле основного курса ведения военных действий, принятого ещё в самом начале войны [10, с. 194].

В июне 1942 г. разрабатывался план, согласно которому предполагалось сформировать штаб 3-й воздушной армии с переданными ему пятью авиагруппами для проведения наступательных операций против Индии и Китая и оборонительных действий в ключевых районах островов Суматра и Ява. Также японское командование полностью не отказалось от рассмотрения плана Цейлонской операции, в рамках которой планировалось захватить остров Цейлон с целью ослабления возможностей противника на индийском направлении. Для этого предусматривалось выделение от сухопутной армии сил в виде одной-двух дивизии, а большая часть должна была предоставлена от Объединённого Флота. Сами сроки операции японских войск ставились в зависимость от успешности военных действий Германии в Западной Азии, которые должны были сковать там дислоцирующиеся в Индии силы союзников. Пока же в отношении будущих наступательных действий относительно собственно Индии, Австралии и других возможных районов планировался только сбор оперативных материалов [10, с. 221–223].

В августе 1942 г. по мере поступления в Токио известий о начавшемся успешном наступлении немецко-фашистских войск в горах Кавказа, Тодзио встретился с немецким послом в Японии Оттом и военным атташе Кречмером с целью прозондировать возможность войск вермахта прорваться через Кавказские горы в направлении Индии. Стороны обсудили вари-

ант, согласно которому немецкая армия смогла бы продвинуться в своем секторе до Адена и Басры, а японская, в свою очередь, прошла через Бирму в Индию и на Цейлон с таким расчётом, чтобы граница сфер интересов двух союзных стран в соответствии с двусторонним соглашением от 18 января 1942 г. пролегла бы по 70 градусу восточной долготы. В результате этих действий к Японии отошла бы практически вся территория Индии по линии западнее Карачи и восточнее Ахмадабада [9, с. 134].

Хотя в августе Ставка японского командования признала план вторжения в Индию недо- работанным, 22 августа 1942 г. был отдан приказ о подготовке к началу военных действий в Восточной Индии с прицелом на середину октября 1943 г. Хотя осенью 1942 г. очередной план вторжения в Индию был снова неофициально предложен штабу 15-й армии, однако его разработку приостановили прежде, чем он приобрёл хоть сколько-нибудь конкретизи- рованную форму. В частности были признаны крайне недостаточными оперативные воз- можности 15-й армии для его осуществления [11, р. 92].

Однако Тодзио никогда полностью не оставлял своих планов в отношении захвата Индии вплоть до явного перелома в военных действиях на данном фронте. Так, даже осенью 1943 г. в беседе с главой бирманской администрации Ба Мо он утверждал, что «меры, которые мы принимаем в отношении Бирмы – это шаг в нашей политике в отношении Индии. Я должен подчеркнуть, что наша главная цель находится там, в Индии» [15, р. 154]. Данная позиция нашла свое отражение в дальнейшем.

Список литературы

1. Ганковский Ю.В., Компанцев И.М., Москаленко В.Н. Японская агрессия и антифашистское движение в Северо-Восточной Индии // Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977. С.209–214.
2. История второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1973–1982. Т. 5, 1975. 511с.
3. История войны на Тихом океане в 5-ти томах (под общей ред. Усами Сэйдзи, Эгути Бакуро, Тояма Сигеки и др.). М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. Т.3. 360с.
4. Можейко И.В. «Западный ветер – ясная погода». Юго-Восточная Азия во второй мировой войне. М.: Наука, 1984. 352с.
5. Поддубный В.К. Апостол ненасилия в насильственном мире: жизнь и смерть Махатмы Ганди. Монография. Владимир: Владимирский государственный гуманитарный университет, 2010. 410с.
6. Пономарева И.В., Смирнова Н.А. Англо-американские противоречия в Индии в 1942–1948 годах // Вопросы истории. 1987. №4. С.40–55.
7. Райков А.В. Опаснейший час Индии. Липецк: Липецкое издательство Госкомпечати РФ, 1999. 294 с.
8. Рован-Робинсон Г. От Окинлека до Александра. Лондон: Хатчинсон и Ко, 1942. 287с.
9. Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939 – 1945 гг. М.: Наука, 1979. 239 с.
10. Хаттори Т. Япония в войне 1941 – 1945. М.: Воениздат, 1973. 629с.
11. Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М.: Воениздат, 1964. 174 с.
12. Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1991. Кн.2. Т.3–4. 671 с.
13. A Bunch of Old Letters written mostly to Jawaharlal Nehru and some written by him. N.Y.: Asia Publishing House, 1960. 523 p.
14. Ahmad Kamruddin. A Social History of Bengal. Dacca: Raushan Ara Ahmed, 1967. 205 p.
15. Allen L. Burma: The longest war 1941 – 1945. L. – Melbourne: Dent, 1984. 686 p.
16. Carew T. The longest retreat. The Burma campaign, 1942. L.: Hamilton, 1969. 276 p.
17. Desai W.S. India And Burma. A Study. Bombay–Calcutta–Madras: Orient Longmans Ltd., 1954. 111p.
18. Dupuy T. Military History of World War Two. N.Y., L.: Wattz, 1963. 68 p.
19. Kirby S.W. The war against Japan. L.: H.M.S.O., 1958. Vol. II. 541 p.
20. Maule H. The Great battles of World War II: The story of 13 crucial engagements with over 400 ill. incl. maps. London etc.: Hamlyn, 1972. 448 p.
21. The Times. 1942. 25 May.

Сафронов Б.В.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена истории взаимоотношений между государством Израиль и Палестиной. После образования государства Израиль в 1948 году не была выполнена резолюция Генеральной Ассамблеи ООН об образовании двух государств. Часть палестинского населения покинула свои территории и стала народом-изгоем. Конфликт, который возник между израильянами и палестинцами, не может быть решен военными средствами. Он может быть решен только в рамках принятой резолюции ООН.

Ключевые слова: территория; терроризм; резолюция; война; конфликт; народ; арабская солидарность; Сектор Газа; помощь; мир

Safronov B.V.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of General History
and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan
State University Named after S.A. Yesenin»

PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT AS A FACTOR OF INSTABILITY IN THE MIDDLE EAST

The article is devoted to the history of relations between the state of Israel and Palestine. After the formation of the state of Israel in 1948 the UN General Assembly resolution on the formation of two states was not implemented. Part of the Palestinian population left their territories and became an outcast people. The conflict that has arisen between Israelis and Palestinians cannot be resolved by military means. It can only be resolved within the framework of an adopted UN resolution.

Keywords: territory; terrorism; resolution; war; conflict; people; Arab solidarity; Gaza Strip; help; peace

7 октября 2023 года палестинская организация ХАМАС (Исламское движение сопротивления), основанная в 1987 году, базирующаяся в секторе Газа, нанесла внезапный удар по Израилю. Началась очередная война между Израилем и террористическим крылом движения сопротивления палестинского народа. Это сопротивление продолжается на протяжении 75 лет.

7 ноября 1947 года Генеральная ассамблея ООН приняла решение по разделу территории Палестины и образованию на этих территориях двух государств – Палестины и Израиля. Территория Израиля должна была включать Восточную Галилею, Приморскую равнину и большую часть пустыни Негев. Иерусалим должен был представлять отдельное образование. Это решение было неоднозначно воспринято во всем мире, особенно это вызвало резкую негативную реакцию со стороны арабских государств.

Израиль объявил о создании своего государства 14 мая 1948 года. Выступая на торжественном собрании, лидер государства Д. Бен-Гурион заявил: «Протягиваем руку мира и

предлагаем добрососедские отношения всем соседним государствам и их народам и призываем их к сотрудничеству с еврейским народом, обретшим независимость в своей стране. Государство Израиль готово внести свою лепту в общее дело развития всего Ближнего Востока» [3, с. 276].

На следующий день 15 мая началась война арабских государств против Израиля. Египет, Сирия, Иордания напали на Израиль. Палестинцы, надеясь на обещание арабских государств уничтожить новое государство, покинули свои территории. «Массы беженцев в 1948 году поверили рассказам своих лидеров о том, что армии арабских стран прогонят нас из Эрец-Исраэль силой оружия, и беглецы вернуться в дома» [4, с.122–123].

Первая арабо-израильская война не принесла арабам желанной победы, и палестинский народ лишился возможности получить свое государство, стал народом-беженцем. Началось противостояние между Израилем и Палестиной. Все попытки решить проблему вооруженным путем провалились. «Шестидневная война» 1967 года привела только к увеличению территории государства Израиль. Объявленная «война на истощение» не принесла результатов и закончилась в 1970 году.

Палестинский народ создал свою политическую силу – Организацию Освобождения Палестины (ООП), которая имела военное крыло, и начала террористическую войну против Израиля. Лагерь палестинских беженцев разместились на территории Иордании. Иордания страдала от их присутствия, и в 1970 году начались события, которые получили название «Черный сентябрь» Иордания вытеснила палестинцев со своей территории. Те перебрались в Ливан.

Война «Судного дня», начавшаяся в октябре 1973 года, показала арабам, что военной победы не будет. Западные страны, в первую очередь, США оказали необходимую помощь Израилю. Но ООП продолжала свою террористическую деятельность.

Это приводило только к тупику в переговорах о возвращении палестинцам утерянных земель. Лидер ООП Ясир Арафат в 1974 году на сессии Генеральной ассамблеи ООН предложил создать палестинское государство на территории Западного берега реки Иордан и секторе Газа.

Палестинские лагеря разместились на юге Ливана, и ООП продолжала свою террористическую деятельность. В 1982 году началась первая ливанская война. В результате войны штаб-квартира ООП была перенесена в Триполи, а палестинские беженцы перебрались в Тунис. Внутри ООП начались разногласия, и организация начала терять своих союзников. Руководству ООП стало понятно, что нужно искать какой-то новый выход из сложившегося положения. В 1987 году возникла организация ХАМАС, имеющая собственное военное крыло – бригады «Изз ад Дин аль-Кассам». Оно было создано с целью расколоть палестинское движение сопротивления и создать конкуренцию ФАТХ. Но эта организация с самого начала заняла непримиримую позицию по отношению к Израилю, считая своей задачей его уничтожение.

13 сентября 1993 года премьер-министр Израиля Ицхак Рабин (1922–1996) и Ясир Арафат в Осло подписали Декларацию о принципах, которыми предусматривалось, что палестинское самоуправление устанавливается на пятилетний срок, а через три года начнут переговоры об окончательном урегулировании. ООП отказывалась от силовых приемов в политике, и осудила терроризм.

Была создана Палестинская национальная администрация (ПНА), получившая контроль над частью Западного берега р. Иордан и Сектором Газа.

Израиль признал ООП в качестве представителя палестинского народа. В 1994 году Я.Арафат и И. Рабин получили Нобелевскую премию мира.

В июле 2000 года премьер-министр Э. Барак проводил переговоры с Ясиром Арафатом (1929–2004) на саммите в Кэмп-Дэвиде при посредничестве президента США Билла Клинтона (р. 1946). На этом саммите Э. Барак предложил план создания палестинского государства на 97% территории Западного берега реки Иордан и Сектора Газа. При этом он предлагал немедленно передать палестинскому государству весь сектор Газа и 73% территории Западного берега, а в течение 10–25 лет перевести под палестинский контроль ещё 20% территории Западного берега. В случае реализации такого предложения на первых порах Палестинское государство состояло бы из 4-х несвязанных частей, между которыми были бы территории, подконтрольные Израилю, и не имело бы внешних границ ни с одним государством, кроме Израиля. Согласно израильским предложениям, большая часть Иерусалима, включая Восточный Иерусалим, осталась бы под израильским суверенитетом. Палестинское государство должно было быть демилитаризованным. Я. Арафат отверг эти предложения. После провала переговоров и провокационного с точки зрения многих палестинцев визита Ариэля Шарона (1928–2014), лидера партии Ликуд, на Храмовую Гору, палестинские арабы начали Интифад Аль-Аксы.

В 2005 году правительство А. Шарона осуществило план одностороннего выхода из Сектора Газа, в результате которого были разрушены 25 еврейских поселений. А. Шарон также начал строительство Забора Безопасности между израильской территорией и Западным берегом.

В январе 2006 года на парламентских выборах на территориях, контролируемых ПНА, победу одержало движение ХАМАС.

Победа на выборах в секторе Газа ХАМАС привела к тому, что обстановка на границе с Израилем обострилась.

Летом 2007 года между сторонниками ФАТХ и ХАМАС произошёл вооруженный конфликт, в результате которого сектор Газа оказался под контролем группировки ХАМАС, а части Западного берега, находящиеся под управлением ПА, оказались под контролем ФАТХ.

21 марта 2007 года началась вторая ливанская война, которая продлилась 34 дня. С лета 2007 года Израиль начал блокаду сектора Газа.

27 декабря 2008 года Израиль в секторе Газа начал операцию «Литой Свинец», направленную на уничтожение группировки ХАМАС. Израиль объяснял проведение операции «Литой Свинец» необходимостью прекратить многолетние ракетные обстрелы из Газы. В результате операции погибло более 1300 палестинцев и 14 израильтян. Но достичь своих целей тогда Израилю не удалось. ХАМАС изменил тактику войны против Израиля, подвергая израильскую территорию ракетным обстрелам и проводя террористические вылазки.

Израиль с целью уничтожения влияния ХАМАС и прекращения ракетных атак провел в 2012 году операцию «Облачный столп». Она началась 14 ноября и закончилась 21 ноября. Армия Израиля не входила на территорию Газы. Все ограничилось воздушными атаками и артиллерийскими обстрелами. 21 ноября 2012 года при посредничестве Египта было заключено перемирие. Противостояние продолжалось: ХАМАС не отказывался от своих планов уничтожения Израиля и не шел на компромиссы.

7 июля 2014 года Израиль начал новую военную операцию «Несокрушимая скала», направленную на уничтожение военной инфраструктуры ХАМАС. В этот раз израильтяне подвергли территорию Газы не только бомбо-штурмовым и артиллерийским ударам, но попытались также провести наземную операцию, которая не принесла ожидаемого успеха, и 26 августа 2014 года в Каире было подписано соглашение о прекращении огня. ХАМАС использовал перемирие для наращивания своего военного потенциала и создания военной инфраструктуры. При этом использовались объекты гражданского назначения.

Атака ХАМАС 7 октября 2023 года привела к тому, что Израиль заявил о решимости покончить с этой организацией. Израиль применил авиацию и артиллерию, сделав заложниками гражданское население. Применение военной силы в нарушение законов ведения военных действий привело к массовой гибели гражданского населения, что вызвало негативную реакцию со стороны мирового сообщества. Израиль возложил коллективную ответственность на все мирное население, что привело к большим потерям. На этот раз правительство Израиля решило идти до конца и ликвидировать ХАМАС полностью. Но, несмотря на поддержку со стороны США и его союзников, Израилю уничтожить ХАМАС не удастся – нужно будет уничтожить все население сектора Газа. Нужно каким-то образом договариваться. Решение может быть только одно: выполнить резолюцию ООН о создании двух государств. Если это не будет сделано, этот конфликт никогда не закончится, потому что военное уничтожение ХАМАС не решит проблему. Появятся новые бойцы палестинского сопротивления, и этому не будет конца. Военного решения здесь нет – только дипломатия и политическая воля конфликтующих сторон приведет к миру в этом регионе.

Список литературы

1. Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев. М.: Захаров, 2003. 574 с.
2. Кедми Я. Безнадежные войны. М.: Яуза: Эксмо, 2016. 480 с.
3. Меир Г. Моя жизнь. Чимкент: Аурика, 1997. 560 с.
4. Перес Ш. Мой Бен-Гурион. М.: Киото ГАММА-ПРЕСС, 2013. 280 с.

Терехов О.Э.,

*доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*

Терехова О. Н.,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*

ОБ ОДНОЙ НЕУДАВШЕЙСЯ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье рассматриваются проблемы изучения истории германского консерватизма 1920–30-х годов, поднятые в монографии гейдельбергского историка и политолога Раймунда фон дейм Буше «Консерватизм в Веймарской республике: политизация аполитичных», опубликованной в 1998 году и стимулировавшей дебаты об идейном содержании германского консерватизма периода между двумя мировыми войнами. Хотя, как отмечают авторы статьи, попытка немецкого историка оспорить понятие «консервативная революция» следует признать неудачным, в целом его вклад в изучение идейного содержания германского консерватизма межвоенного периода значителен.

Ключевые слова: германский консерватизм; Веймарская республика; «консервативная революция»; антилиберализм

Terekhov O.E.,

Dr. Sc. (History), Professor, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kemerovo State University»

Terekhova O.N.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kemerovo State University»

ABOUT ONE FAILED CONCEPT OF GERMAN CONSERVATISM IN THE REPUBLIC OF WEIMAR

The article examines the problems of studying the history of German conservatism of the 1920s – 30s, raised in the monograph of the Heidelberg historian and political scientist Raimund von dem Bussche «Conservatism in the Weimar Republic: the politicization of the apolitical», published in 1998 and stimulating debates about the ideological content of German conservatism between the two world wars. Although, as the authors of the article note, the German historian's attempt to challenge the concept of «conservative revolution» should be considered unsuccessful, in general his contribution to the study of the ideological content of German conservatism of the interwar period is significant.

Keywords: *German conservatism; Weimar Republic; “conservative revolution”; anti-liberalism*

История первой немецкой республики изобилует кризисами и трагедиями общенационального и локального масштаба. Дух Веймара, родившегося после поражения Германии в мировой войне и Ноябрьской революции, был пронизан несбывшимися надеждами различных слоев общества. Веймарская демократия развивалась в русле драмы идей и всевозможных, зачастую противоположных, концепций общественного устройства. Ни одна из ведущих политических сил Веймарской Германии не обнаружила себя в должной мере для того, чтобы провести демократию между Сциллой собственных интересов и Харибдой общенациональных политических проектов.

Немецкий консерватизм сыграл едва ли не главную роль в этой драме идей. Германские консерваторы 1920-х – начала 1930-х годов, за некоторым исключением, так и не смогли преодолеть антилиберальный и антидемократический синдром и сформировать современные и динамичные взгляды на общественно-политическую ситуацию в Германии.

Германские историки и политологи неоднократно обращались к изучению проблемы немецкого консерватизма в Веймарской республике [6; 8]. Несмотря на, казалось бы, изученность различных аспектов «веймарского консерватизма», новые исследования этой проблематики продолжают выходить. В 2023 г. исполнилось двадцать пять лет со дня выхода в свет монографии гейдельбергского историка и политолога Раймунда фон дейм Буше «Консерватизм в Веймарской республике: политизация аполитичных» [3]. Он предпринял попытку пересмотреть основные концепции немецкого консерватизма в Веймарской республике, сложившиеся в западногерманской историографии и предложил свой взгляд на изучаемый феномен. Этот взгляд был настолько нестандартен, что вызвал волну непонимания со стороны немецкой академической среды и общественности. Так, в газете правых «Молодая свобода» Петер Босдорф, отмечая эрудицию автора, тем не менее, сомневается в исторической правомерности концепции, предложенной Буше [1]. Одна из ведущих либеральных газет ФРГ «Франкфуртер альгемайне цайтунг» вообще охарактеризовала концепцию Буше

как своеобразную интерпретацию веймарского консерватизма. Более подробный анализ работы Буше предпринял на страницах популярного журнала рецензий по гуманитарным и общественным наукам «История, социология, культура» Йенс Хакке [5]. Подход Буше к изучению истории немецкого консерватизма в Веймарской республике, он назвал не совсем удачной попыткой создания конкурирующей историографической концепции.

Однако, как показало время, концепция Буше обладала определенной эвристической ценностью. И, на наш взгляд, совершенно напрасно не была в той или иной мере использована в исследованиях по немецкому консерватизму в Веймарской Германии. Рассмотрим ее основные положения. Буше предпосылает своей работе с обширное введение, в котором подвергает тщательному анализу и критическому разбору основополагающие труды по истории германского консерватизма в Веймарской республике, главным образом, труды по «консервативной революции». Следуя формуле М. Грейффенхагена «дилемма консерватизма в Германии», Буше полагает, что обращение западногерманских авторов к проблеме изучения немецкого консерватизма в Веймарской Германии необходимо трактовать как дилемму исследования консерватизма [3, s. 1–2], Ученые ФРГ, изучая германский консерватизм, находились в плену его мифологем. Применительно к консерватизму в Веймарской республике это означало выделение ряда его направлений, что, по мнению Буше, не соответствовало исторической действительности. Таким образом, западногерманские историки и политологи так и не дали утвердительного ответа на вопрос: что же представлял собой немецкий консерватизм в Веймарской республике [3, s. 1],

Особое неприятие вызывает у Буше акцент западногерманской гуманитарной мысли на выделении феномена «консервативной революции», разделение германских консерваторов в Веймарской республике на так называемых «старых» и «молодых» [3, s. 3], Буше отвергает не только термин «консервативная революция», но и существование этого феномена в идейной и общественно-политической жизни Веймарской Германии. Объектом его критики стали основные концепции «консервативной революции» в западногерманской историографии. В частности, серьезной критики подвергается концепция А. Молера, которого Буше считает главным творцом ложного мифа о «консервативной революции» [7],

Наиболее благожелательную оценку вызывают у Буше работы К. Зонтхаймера и Ш. Бройера [2; 8], По существу, книга Буше является полемическим ответом Ш. Бройеру, который в своём труде поставил цель произвести деконструкцию понятия и феномена «консервативной революции», но так и не смог довести задуманное до конца [3, s. 7–8], Тезису Ш. Бройера о том, что «консервативная революция» могла быть чем угодно, только не «консервативной революцией» [2, s. 5], он противопоставляет следующее высказывание: «консервативная революция» могла быть чем угодно, но она не являлась автономным, значительно отличающимся от других консервативных групп движением, тем более революцией» [3, s. 15],

Основополагающая идея работы Буше заключается в том, что он отрицает наличие в германском консерватизме в Веймарской республике существование различных идейных течений и групп (особняком в этом ряду стоит национал-социализм). Другой важной мыслью Буше является признание континуитета между консерваторами кайзеровского рейха и Веймарской республики на основе общих мировоззренческих ценностей. Сущность германского консерватизма после 1918 года не изменилась, иной стала его политическая тактика. Эту новую форму выражения идеологии и политики германского консерватизма Буше называет феноменом политизации аполитичных [3, s. 18].

По мнению Буше, основу мировоззренческой и идеологической позиции германских консерваторов составляла их вера в возможность существования аполитичного общественного порядка, в котором политика была бы изгнана из бытия или, по крайней мере, отдана в руки государства и его руководящей элиты [3, s. 18]. Такой подход германских консерваторов к пониманию политического свидетельствует, по утверждению автора, об изначальной иррациональности их мировоззренческих, идеологических и политических взглядов. В этом моменте своих рассуждений Буше солидаризируется с точкой зрения К. Зонтхаймера [3, s. 21]. Таким образом, в германском консерватизме после 1918 года происходит процесс политизации иррациональности, которая была вызвана объективными условиями исторического развития Германии.

Общая схема эволюции германского консерватизма в Веймарской республике, начертанная Буше, такова. Политизация немецкого общества в ходе Первой мировой войны и Ноябрьской революции способствовала вторжению в общественно-политическую жизнь широких народных масс. Традиционные идеологические и политические устои, на которых держался консерватизм в кайзеровском рейхе, потерпели крушение. Поэтому консерваторы в Веймарской республике были вынуждены выработать новые методы идеологической и политической борьбы с целью восстановления мифа об аполитичном обществе и утраченной аполитичной гармонии кайзеровского рейха. Буше выделяет три стадии развития консервативного сознания в Веймарской Германии: политику национального протеста, создание метаполитических теорий (спекуляций, по терминологии автора) и формирование на их основе новых консервативных архетипических символов. Эти задачи являлись общими для всех консерваторов Веймарской республики. Противопоставление «старых» и «новых» консерваторов, вильгельмовской реакции и «консервативной революции» не имеет смысла.

Под политикой национального протеста Буше подразумевает вынужденное встраивание германских консерваторов после 1918 года в реалии государства партий, коим, несомненно, была Веймарская республика. Новый подъём консерватизма и национализма стал возможен благодаря тому, что политические и экономические позиции старой элиты остались неизменны [3, s. 58]. Буше отмечает также политический эгоизм правой элиты Веймарской Германии, ее неспособность учиться на ошибках прошлого, роль правоконсервативной прессы в нагнетании националистической истерии в стране. Отправной точкой оживления консерватизма в Веймарской республике стала, по мнению Буше, «легенда об ударе кинжалом в спину», которая способствовало началу процесса его радикализации [3, s. 55].

Изменение политической структуры германского консерватизма произошло в 1918 году после создания Немецкой национальной народной партии (НННП). Вслед за крахом идеологии немецкого консерватизма кайзеровской эпохи, происходит крах его политических структур. Дойчнационалы сумели перестроиться из партии кастовых интересов в партию, выражавшую интересы различных консервативных слоёв населения. Это привело к расширению социальной базы германского консерватизма, его отказу от политики защиты исключительно интересов юнкерства. Говоря об идеологии НННП, Буше отмечает, что именно в программных заявлениях дойчнационалов появились первые элементы метаполитического мышления. НННП представляла собой причудливую смесь. С одной стороны, строго сформированной партийной структуры, с другой – желанием опрокинуть систему партий. Однако НННП так и не сумела решить проблему формирования динамичной консервативной политики, что послужило причиной её дальнейшего упадка и последующего замещения в

консервативном лагере национал-социализмом. НСДАП в политическом отношении являлась партией идейного разрыва со старой консервативной традицией.

Центральным сюжетом книги Буше является анализ метаполитических теорий германских консерваторов в Веймарской республике. Обращение германской консервативной мысли к разработке метаполитических теорий было вызвано необходимостью политического обоснования аполитичной позиции для того, чтобы иметь весомые аргументы в идеологических спорах с противниками. Метаполитическая точка зрения расширяла возможности обобщения политического опыта [3, s. 106]. Одновременно переход консервативной мысли к конструированию метаполитических теорий был явным признаком трансформации аполитичной позиции в новое консервативное понимание политики [3, s. 107]. Иными словами: германские консерваторы искали в метаполитических теориях «архимедову точку аполитичной политики» [3, s. 106], которая могла бы выразить политическую философию «неполитичных наблюдателей» [3, s. 108].

Буше полагает, что ведущим консервативным метаполитическим теоретикам не удалось отыскать общую мировоззренческую основу для определения политики. Это обусловлено двумя факторами: 1) различными подходами к пониманию политики и будущим сценариям устройства общества (в этом отношении Буше противоречит своему же тезису о гомогенности немецкого консерватизма в Веймарской республике); 2) несоответствием между идеальными-типическими представлениями консерваторов с действительностью. «Дилемма метаполитических спекуляций заключалась в существовании имманентного противоречия между их фундаментальной интенцией и реальностью ее воплощения...», – пишет Буше [3, s. 231].

Рассматривая политическую мысль «веймарского консерватизма», Р. Буше выходит за рамки декларируемой концепции, так как к числу крупнейших метаполитических теоретиков он причисляет ведущих представителей «консервативной революции» О. Шпенглера, А. Мёллера ван ден Брука, К. Шмитта, Э.Ю. Юнга, В. Штапеля. Особое место занимает Э. Юнгер, который в своих трудах, как полагает Р. Буше, вышел за пределы традиционного консервативного сознания. Таким образом, как ни старается Буше отрицать существование «консервативной революции», этого ему не удаётся сделать.

Наличие в германском консерватизме после 1918 года различных метаполитических конструкций Буше определяет как плюрализм фундаменталистов [3, s. 231]. Среди плеяды метаполитических теоретиков главенствующую роль Буше отводит О. Шпенглеру и А. Мёллеру ван ден Бруку. Другие варианты консервативной метаполитической мысли веймарского периода были, по его мнению, эклектичным синтезом идей вышеназванных авторов [3, s. 203]. На наш взгляд, этот тезис Буше не верен, так как он не учитывает всей интеллектуальной сложности консервативной мысли в Веймарской Германии.

Другим составным элементом идеологии и политики германского консерватизма в Веймарской республике Буше называет архетипическую стилизацию, которая в процессе политизации аполитичного консервативного сознания выполняла функцию гипостазирования образа аполитичного прошлого и являлась конкретным выражением метаполитических мотивов. В этом отношении главными мировоззренческими и политическими архетипами выступали для германских консерваторов дворянство и крестьянство как истинные носители идеи и образа аполитичного общественного порядка и представители преддемократической политической культуры.

Что же касается национал-социализма, то Буше, в конечном итоге, относит его теорию и практику к одной из разновидностей политизации аполитичных, не выводя его тем самым за рамки германского консерватизма. Национал-социализм Буше считает наиболее успеш-

ным воплощением политизации аполитичных и одновременно вульгарным выражением ее духовной завершающей стадии. «Он интегрировал центральные мотивы консервативной мысли и перенес их на примитивный знаменатель антисемитизма» [3, s. 361],

В итоге Буше предлагает отказаться от термина «консервативная революция» как исторически не совсем точного. Хотя этот термин придает, по мнению Буше, некоторую содержательность хаотичности германского консерватизма после 1918 года, он ни в коем случае не должен выступать как всеобщая категория, характеризующая его в целом. Само словосочетание «консервативная революция» относится более к парадоксальным лексическим изобретениям, чем к научно обоснованному понятию. Термин «консервативная революция» Буше заменяет определением «консервативный утопизм», как более соответствующим историческому содержанию немецкой консервативной мысли периода Веймарской республики [3, s. 382–383],

Как показало время, книгу Буше можно причислить к числу значительных работ, посвященных исследованию столь сложного и неоднозначного идеологического и политического феномена как германский консерватизм в Веймарской республике. Автору удалось, на наш взгляд, выделить ряд идеально-типических черт немецкого консерватизма 1918 – 1933 гг. Плодотворным представляется подход Буше рассматривать идеологию германских консерваторов с точки зрения анализа их метаполитических теорий как, собственно, удачен, на наш взгляд, и сам термин.

Тем не менее, как нам представляется, избранный автором подход, превращает германский консерватизм в некий статичный и застывший в своем развитии феномен. Буше как бы не принимает во внимание того факта, что политические цели, мировоззренческие основы социально-политических взглядов О. Шпенглера, К. Шмитта, А. М. Ван ден Брука и др., несмотря на их определенную общность, отличались друг от друга. Говорить о единстве германского консерватизма в первой немецкой республике весьма проблематично. Слишком велик был идейный и политический разброс в рядах «веймарских консерваторов». Безуспешное отрицание самого Буше идейного наследия «консервативной революции» тому пример.

Рассматривать идеологию германского консерватизма, исходя только из ее утопических и иррационалистических черт, проблематично. Неудивительно, что в работе Буше вне поля зрения автора фактически остаются другие консервативные течения помимо «консервативной революции». Малоубедителен также вывод Буше о политизации якобы аполитичных германских консерваторов в Веймарской республике. Как известно, идеологи германского консерватизма со времени его возникновения, несмотря на свои увлечения метафизическим проблемами, никогда не забывали о брэнности политического бытия.

Список литературы

1. Boßdorf P. Kaum mehr als ein Rinnsal // Junge Freiheit. 05/99 29. Januar 1999.
2. Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. 232 S.
3. Bussche R. von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. 428 S.
4. Greiffenhagen M. Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. München: Piper, 1971. 425 S.
5. Hacke J. Review of von dem Bussche, Raimund. Konservatismus in der Weimarer Republik: Die Politisierung des Unpolitischen. H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. February, 04.02.2000.
6. Lenk K. Deutscher Konservatismus. Frankfurt am Main: Campus-Verlag, 1989. 330 S.
7. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart: Vorwerk, 1950. 287 S.
8. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918–1933. 3. Aufl. München: Beck, 1992. 336 S.

Толмачев Ю.О.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В СФЕРЕ КООРДИНАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СУБЪЕКТОВ РФ

В статье рассматриваются теоретические концепции управления в сфере международных и внешнеэкономических связей.

Ключевые слова: управление; международные отношения; внешнеэкономические связи

Tolmachev Yu.O.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of General History
and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

THEORETICAL CONCEPTIONS IN THE SPHERE OF COORDINATION OF INTERNATIONAL AND FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS

The article examines theoretical concepts of management in the field of international and foreign economic relations.

Keywords: management; international relations; foreign economic relations

Методология рассмотрения проблемы координации международных и внешнеэкономических связей детально проработана. Связано это с тем, что в 90-е гг. XX века возникла серьезная необходимость теоретического осмысления данного вопроса в связи с распадом СССР. Советская модель координации международных связей в новых геополитических условиях оказалась несостоятельной.

Условно все модели анализа системы управления подобных процессов можно поделить на несколько групп: правовая, политологическая, экономическая. Критерий для выделения отдельных подблоков исследования – это степень используемости автором методов конкретной отрасли знания.

Правовые исследования строятся по следующей схеме. Автор исследует большой объем нормативного материала, на основе которого делает выводы, исходя из правовой практики.

Некоторые исследователи стремятся оперировать исключительно нормативно-правовой базой без анализа проблемных моментов при реализации тех или иных направлений деятельности субъектов РФ. К такому типу работ относятся труды И.В. Логвиновой. Проведенный системный анализ автора, показал, что в РФ отсутствует полностью разработанный механизм координации внешних связей. Ряд нормативных актов, указанных в исследовании, уже утратили свою силу. К примеру, распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р. Автор настаивает на том, что координация международных и внешнеэкономических связей – это исключительно конституционно-правовой институт. Среди прочего, выделяется несколько групп факторов, влияющих

на эффективность деятельности в сфере управления международной деятельностью. Первая классификация автора предлагает разделение по степени влияния: внешние, внутригосударственные; внутрирегиональные. Несмотря на все достоинства и большой вклад в исследование разработанной темы, предложенная классификация является спорной. Если в стране происходит революция, то степень влияния внутригосударственного фактора будет выше, чем внешнего, так как рушится вся система конструирования дипломатического взаимодействия. Наибольший интерес представляет классификация моделей государственного управления.

Первый подход включает в себя создание государственных структур, занимающихся данной деятельностью. Такое направление полноценно реализовано в Свердловской, Оренбургской областях, Республике Чечня и других регионах.

В Амурской, Липецкой областях координация деятельности в сфере международных отношений предполагает включение в комплекс других направлений деятельности, таких, как культура и туризм [8].

Третья модель государственных органов, как считает автор, предусматривает выделение международного сотрудничества и внутрифедеративных связей в качестве отдельной функции. На примере таких органов, как Управление Алтайского края по обеспечению международных и межрегиональных связей, Департамент международных и региональных связей Томской области, Управление инновационного развития, международного и межрегионального развития Тамбовской области, Министерство по федеративным отношениям и внешним связям Республики Саха (Якутия) и Агентство по международным и межрегиональным связям Калининградской области, можно увидеть, как они осуществляют данную функцию [8].

Четвертая модель, по мнению Е.В.Логвиновой, включает в себя возложение на государственный орган отраслевой компетенции полномочий по осуществлению международной и (или) внешнеэкономической деятельности. В рамках такого органа создается отдел или департамент, отвечающий за эти вопросы. Обычно такая модель применяется в отношении государственных органов субъектов, которые специализируются на управлении в сфере экономики или инвестиций. Однако существуют и другие примеры, например, в республике Дагестан создано Министерство по национальной политике, в составе которого есть Управление международных, межрегиональных связей и работы с институтами гражданского общества [8].

Модельный анализ ключевых направлений деятельности субъектов РФ по управлению международной и внешнеэкономической деятельностью имеет свои положительные стороны. Ключевая проблема исследований И.В.Логвиновой – это стремление одновременно охватить все субъекты РФ без детального рассмотрения хотя бы одного региона. Поэтому работа все же не получилась полной. Управленческий механизм координации внешнеэкономических и международных связей в рамках всей России выстроен не был. В конце автор приходит к выводу о необходимости скорректировать законодательство. Исследование не отвечает на вопрос, как соотносится идеальная норма закона и реальная практика управления. Несмотря на данный недостаток, все же стоит отметить, что много внимания уделяется международно-правовому аспекту.

Данной проблемой также активно заинтересовалась Э.Л. Садыкова. Она в своей статье ставит вопрос о том, что любое соглашение, заключенное между субъектом РФ и иностранным государством, по своей природе не является международным договором. Американское и европейское законодательство также не наделяют свои регионы правом самостоятельно определять систему связей. Защитить такую конструкцию в рамках международного права становится очень сложно, и при реализации таких сделок именно российская сторона может понести серьезные убытки. Существующее законодательство разделяет понятия международные связи

и внешнеэкономические связи. Автор критикует подобный подход, как и включение понятия «иное» в отдельную категорию. Такая размытая формулировка, как считает Э.Л. Садыкова, делает процесс управления международными и внешнеэкономическими связями весьма сложным ввиду разного его толкования всеми заинтересованными сторонами [11].

Схожая методологическая парадигма развивается в учебнике А.А.Вологодина. Международно-правовой анализ управленческой деятельности становится первичным элементом в его работе. Управление тем или иным процессом осуществляется через заключение договоров, которые автор анализирует с учетом как норм Гражданского Кодекса РФ, так и международного законодательства. Судебная практика и проблемные вопросы в исследовании не представлены. В основном создается идеальная методологическая картина управляемости тем или иным процессом посредством обращения к условиям заключенного соглашения. Из существенных методологических плюсов издания следует отметить комплексный анализ условия базисных поставок в рамках ИНКОТЕРМС 2020 г. [4].

Политологические исследования строятся по принципу рассмотрения проблемных моментов в законодательном регулировании для решения комплекса задач в сфере координации международных и внешнеэкономических связей. К примеру, А.А. Зотов среди основных проблем при выстраивании системы управления считает тенденцию к децентрализации регионов из-за стремления элит получить политическую автономию. Данная установка использовалась рядом регионов для выстраивания системы связей, которая формально была независима от центра. Институт президентства в двух из трех субъектах РФ также сыграл негативную роль. Среди проблем он отмечает также и то, что существующие нормативно-правовые документы не отличаются согласованностью, и изменение международной обстановки сделало все эти акты труднореализуемыми в связи с изменившейся ролью РФ в системе международных отношений [7].

А.Ю. Дубровина механизм реализации международных связей подразделяет на международный, государственный, региональный уровень. На каждом из них действуют составные элементы, такие, как регулятивный, организационный и функциональный компонент. Под первым понимается комплекс нормативно-правовых документов, которые централизуют систему международного взаимодействия между субъектами РФ и более крупными инстанциями. Функциональный аспект понимается как сформировавшаяся система связей, определяющих структуру меняющегося мира. Модель как таковая – это совокупность деловых связей между различными участниками, которая помогает определить общий вектор взаимодействия и сотрудничества. В основном параметры, заданные для подобной структуры, носят в целом абстрактный характер. Весьма тяжело выделить, являются ли те или иные связи достижением одного субъекта или конкретного чиновника, который на том или ином этапе установил всю систему контактов. Если его заменить, то постепенно отношения будут ухудшаться. Сильной стороной в исследовании является весьма серьезная терминологическая база [6].

М.Ш. Джанталеева в качестве основы для управления приграничными связями предлагает использовать политико-культурный подход. Культурно-историческое прошлое, по мнению исследователя, позволяет выстраивать долгосрочную систему сотрудничества. Русский язык также является интегрирующим началом, о чем свидетельствует взаимодействие между Астраханской и Атырауской областями. Субъекты РФ должны получить специальные полномочия для комплексного осуществления взаимодействия с приграничными территориями [5].

Региональные органы власти должны обладать особыми полномочиями с целью осуществления приграничного сотрудничества и быть полностью вовлечены в реализацию инициатив по наращиванию данного процесса. Проводить подобные решения необходимо через Совет

Федерации посредством обращения чиновников в данную структуру. Наиболее оптимальный вариант по моделированию данного процесса, как считает автор, предоставляет российско-казахстанское сотрудничество.

О.Б. Александров использует комплексность факторов для рассмотрения роли регионов Северо-Западного округа во внешней политике России. По его мнению, модель взаимодействия субъект – иностранное государство – это, прежде всего, опыт Евросоюза и США, где территориальному образованию выделяют широкий комплекс полномочий для установления деловых отношений по неформальным каналам. Исследование строится на методах сравнительной политологии и может использоваться как элемент для рассмотрения тех или иных процессов планирования сотрудничества между регионами [1].

М.И. Полякова, рассматривая механизм развития международных связей конкретного субъекта РФ, указывает на то, что во многом успешность самого региона зависит от совокупности предпосылок, определяющих степень его вовлеченности в дипломатию. Именно данное обстоятельство определяет дипломатическую специфику выстраивания международного сотрудничества. Реальные результаты диалога выражаются посредством учреждения предприятий совместно с иностранными гражданами, поддержанием устойчивых торгово-экономических связей, созданием и реализацией совместных культурных инициатив. Главная цель властей региона – это обеспечить стабильность функционирования деятельности иностранцев на территории РФ. Центральной проблемой для выстраивания системы связей между субъектами автор называет стремление регионов к автономной внешнеэкономической политике и разные подходы к реализации стратегических инициатив [10].

Заключительную группу исследователей объединяет экономический подход. Исследователи оценивают управленческий процесс с точки зрения четких экономических критериев, когда степень успешности того или иного региона в процессе выстраивания международных и внешнеэкономических связей оценивается, исходя из количества заработанных денежных средств. Подход носит чисто прагматический характер.

А.В. Варичев центральным элементом внешнеэкономических связей считает управленческую структуру, где функциональные и организационные характеристики тесно связаны друг с другом. Производственно-инвестиционная модель ВЭС выступает наиболее оптимальным вариантом для организации полноценного взаимодействия. Автор подробно описывает виды внешнеэкономической деятельности и предлагает оценивать всю систему управления по следующим параметрам: ресурсный, производственно-технологический, организационно-управленческий, кадровый, инновационный, маркетинговый и инвестиционный. Именно на их основе составляется рейтинг регионов, где лучше всего реализована та или иная управленческая функция [3].

Схожую проблему в рамках своих исследований рассматривает С.В. Бакшин [2]. Степень управляемости деятельности органов государственной власти регионов он предлагает оценивать в рамках следующих ключевых показателей: численность международных организаций, городов-побратимов, иностранных фирм на территории того или иного субъекта; количество инвестиционных вложений в проектные решения, переходов таможенных грузов; уровень загрязненности. Все критерии являются хорошо верифицируемыми, за исключением последнего, так как, если условия для ведения бизнеса будут выгодными, то экологический вопрос не будет решающим при принятии решения об организации совместного внешнеэкономического проекта между различными регионами. Жесткие критерии не всегда являются залогом для успеха внешнеэкономических связей. Уровень регионов РФ является разным, как и возможности организовать идеальное управление данным видом деятельности.

На первый план выходит экспертно-аналитическая деятельность современного управленца, о чем свидетельствует работа В.С. Лысенина [9].

Он рассмотрел проблему управления международными контактами в сфере экономической дипломатии через фактор глобализации и статистику. Концепция продвижения внешнеэкономических связей базируется на 4 этапах: подготовительный; аналитический; организационно-экономический; оценка эффективности ВЭД. Субъекты Российской Федерации было предложено ранжировать на основе активности в сфере международной торговли на основе конкретных результатов по координации внешнеэкономического взаимодействия. Автор также полагает, что полноценное развитие экспорта невозможно без формирования алгоритма его прогнозирования. Использование зарубежного опыта при формировании внешнеторговой деятельности субъекта является оптимальным вариантом. Ученый предлагает использовать нормы международного права как универсальные для заключения торгово-экономических соглашений. Заключение торгово-экономических соглашений должно базироваться на нормах международного права.

Таким образом, проведенное исследование показало, что каждый из авторов стремился в рамках своего направления представить определенный механизм для анализа процесса управления.

Список литературы

1. Александров О.Б. Роль регионов во внешней политике России: На примере регионов Северо-Западного федерального округа 1991–2002 гг.: дис. ... кандидата политических наук 23.00.04. М.: Московский государственный институт международных отношений (институт) МИД Российской Федерации, 2003. 247 с. // Электронная библиотека диссертаций РГБ (дата обращения 10.12.2023).
2. Бакшин С.В. Управление развитием приграничного экономического сотрудничества территорий (на материалах Приморского края): дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. М.: ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2015. 147 с. // Электронная библиотека диссертаций РГБ (дата обращения 10.12.2023).
3. Варичев А.В. Управление развитием внешнеэкономического комплекса региона: дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Орел: Орловская региональная академия государственной службы, 2006. 185 с. // Электронная библиотека диссертаций РГБ (дата обращения 10.12.2023).
4. Вологдин А. А. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 420 с. // URL: <https://urait.ru/bcode/509648> (дата обращения 18.01.2023).
5. Джанталеева М.Ш. Государственная политика приграничного сотрудничества России (на примере Астраханской области): дис. ... кандидата политических наук 23.00.02. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2015. 240 с. // Электронная библиотека диссертаций РГБ (дата обращения 10.12.2023).
6. Дубровина О.Ю. Международные связи регионов России: политический механизм реализации: дис. ... кандидата политических наук : 23.00.04. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2011. 160 с. // Электронная библиотека диссертаций РГБ (дата обращения 10.12.2023).
7. Зотов В.С. Приоритеты международных связей субъектов Российской Федерации: дис. ... кандидата политических наук: 5.5.4. М.: ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет, 2023. 219 с. // Электронная библиотека диссертаций РГБ (дата обращения 10.12.2023).
8. Логвинова И. В. Координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. 238 с.
9. Лысенин В.С. Развитие системы управления внешнеэкономическими связями российских регионов в условиях глобализации: дис. кандидата экономических наук 08.00.05. Чебоксары: Ун-т упр. «ТИСБИ», 2012. 162 с. // Электронная библиотека диссертаций РГБ (дата обращения 10.12.2023).
10. Полякова М.И. Международные связи субъектов РФ: механизм реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. №2. С.111–117.
11. Садыкова Э. Л. Правовые аспекты регулирования международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 534–536.

Третьякова М.В.,

кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, г. Арзамас

ПИРОГИ (TORTEN UND BASTETEN) В ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА (ПО ДАННЫМ РЕЦЕПТАРИЯ САБИНЫ ВЕЛЬЗЕР 1553 ГОДА)

В данной статье рассматриваются рецепты пирогов из поваренного сборника 1553 года Сабины Вельзер. Отмечается, что из 205 рецептов коллекции приготовлению пирогов отведено 65 рецептов. В рецептаре Сабины Вельзер пироги обозначаются разными терминами, одними из которых будут Torten und Basteten. Torten – это открытые пироги, а Basteten – закрытые пироги, но в обоих случаях есть исключения. Сабина Вельзер пишет о пирогах с разнообразной начинкой. Пироги могли быть сладкими, и нет. В состав начинки пирогов входили разнообразные специи. Автор статьи полагает, что рецептура пирогов Сабины Вельзер могла отличаться как простотой, так и сложностью их приготовления, что большей частью пироги предназначались для представителей патрициата, к которому принадлежала и сама Сабина Вельзер, и для состоятельных слоев населения германского города XVI века.

Ключевые слова: Сабина Вельзер; рецептарий; XVI век; Германия; гастрономическая культура; пироги

Tretyakova M.V.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, independent researcher, Arzamas

PIES (TORTEN UND BASTETEN) IN THE GASTRONOMIC CULTURE OF THE HOLY ROMAN EMPIRE OF THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY (ACCORDING TO THE RECIPE OF SABINA WELSER IN 1553)

This article discusses pie recipes from the cookbook of 1553 by Sabine Welser. It is noted that out of 205 recipes in the collection, 65 recipes have been allocated for making pies. In Sabine Welser's recipe, pies are designated by different terms, one of which will be Torten und Basteten. Torten are open pies and Basteten are closed pies, but there are exceptions in both cases. Sabine Welser writes about pies with a variety of fillings. The pies could be sweet, and they weren't. The filling of the pies included a variety of spices. The author of the article believes that the recipe of Sabine Welser's pies could differ in both simplicity and complexity of their preparation, that for the most part the pies were intended for representatives of the patrician class, to which Sabine Welser herself belonged, and for the wealthy segments of the population of the German city of the XVI century.

Keywords: Sabine Welser; recipe; XVI century; Germany; gastronomic culture; pies

Каждый, кто пишет о гастрономической культуре Германии, считает обязательно упомянуть об огромном количестве разнообразной выпечки: хлеба, булочек, кондитерских изделий, пирогов. Автор тоже решила внести свою лепту в изучении кулинарных традиций Германии как в силу любви к быстрым углеводам и лакомствам, так и в силу своего профессионального

интереса к рецептариям Западной Европы XIV–XVII вв. Нами был взят сборник 1553 года поваренных рецептов Сабины Вельзер [2, р. 536; 3].

Огромное место в рецептарии Сабины Вельзер отведено рецептам разнообразной выпечки – 100 рецептов из 205, это и рецепты пирогов (*torten*, *pasteten*), различных булочек, *holliplen*, лебкхенов, пончиков, и т. п. Значительное место среди рецептов выпечки занимают рецепты пирогов – самых разнообразных – их 63 и 2 рецепта теста для этих пирогов, т. е. чуть более половины от количества рецептов выпечки и чуть больше четверти от общего количества рецептов ее сборника. Пироги вошли в гастрономическую практику давно. Фактически, пирог – тесто с начинкой. Чаще всего пирог – это изделие из теста, у которого есть корочка из теста снизу и корочка из теста сверху, посередине которых находится разная начинка. У многих же блюд, приготовленных как пирог, могло и не быть верхнего слоя теста. Оговоримся сразу, что под пирогами у Сабины Вельзер будем понимать то, что она именует в своих рецептах как *torten* и *Basteten/pasteten*. Ибо под словом «пирог» могут скрываться разные изделия из теста. Это касается как русскоязычной, так и англоязычной, и франкоязычной и немецкоязычной кулинарной традиции. Отметим, что *torten*, *Basteten/pasteten* – это все и есть пироги, но разные пироги. Сабина Вельзер использует два определения для этих видов изделий из теста. Первое – *torten* (1. круглый хлеб, 2. хлебное тесто, 3. пирог, 4. торт) [6, s. 1250; 1, с. 591]. Второй термин – *pasteten/pastete* (1. паштет, 2. пирог, пирожок, 3. пирожок с мясом, 4. слоеный пирожок) [5, s. 338]. В средние века термин *râté* обозначал любое блюдо, запеченное в тесте. Начиная с XV в. стали готовить *râtés*, запекая их не в тесте, но в специальных формах. Особое место среди этих видов пирогов занимали пироги с птицей/птицами, которые иногда могли выпорхнуть из пирога. У Сабины Вельзер такого рецепта нет. Самыми известными типами таких пирогов (паштетов) считаются пирог с жаворонком из Шартра, бекасовый пирог из Аббевиля (*Pâté D'Abbeville*), утиный пирог из Амьена и пирог с угрем из Мелуна (*Le Pate d'Anguilles*), страсбургский пирог (паштет из фуа-гра). В «Большом кулинарном словаре» А. Дюма рецепты этих видов блюд имеют двойное название и паштетов, и пирогов [1, с. 440–441]. Сейчас подобные изделия именуются паштетом, понимая под паштетом, паштет, запеченный в тесте (*râté en croûte*), а если паштет не имеет тестяной корочки, а запечен в форме, то это – уже террин (*Terrine*).

По рецептам поваренного сборника Сабины Вельзер видно, что, если в рецепте говорится, что нужно приготовить *torten* – то сверху нет корочки из теста, это изделие – сейчас может называться тарт, но этот *torten* может быть залит яйцами, сливками, напоминая киш французской кухни, или наливной пирог. Или по-другому можно сказать, что это – открытый пирог. Хотя *Torten* – это пирог без корочки сверху, но есть исключения: например, рецепт «70. Пирог со свежими/сушеными сливами», у этого пирога есть верхний корж, или рецепт «71. Еще один пирог со свежими сливами (71. *Ain andere torten von grenen pflamen*)», где тоже есть верхняя корочка, или рецепт «188. Как приготовить пирог с финиками (188. *Dattlentorten zú machen*)» [3], где тоже есть корочка сверху из теста. Иногда коржами могли быть вафли, как в рецепте «143. Миндальный пирог» [3]. Еще одним исключением будет блюдо, приготовленное по рецепту «129. Пирог из взбитых яиц» [3]. По способу приготовления напоминает бланманже, поскольку здесь используется рис, яйца, сахар, корица, но в названии рецепта написано, что это – *torten*. То же можно сказать и о рецепте «77. Печеночный пирог (77. *Ain dorten von ainer leber*)», где печень теленка или ягненка варят до готовности, измельчают, добавляют соль, имбирь, перец и запекают [3]. Это скорее, с нашей точки зрения, *pasteten* без корочки, современный террин, но в названии рецепта указано, что это открытый пирог (*torten*). И есть еще одно исключение. Это рецепт «176. Как приготовить хороший майский пирог (176. *Ain gúten mayenkúchen zú machen*)».

«Kúchen» переводится как пирог, торт, пирожное [4, s. 497–498]. Термин Kuchen можно отнести практически к любому продукту питания, который готовится из теста, выпекается на сковороде или в духовке и считается пригодным для употребления сам по себе (в отличие от хлеба). Прототип Kuchen – довольно крупное сладкое тесто, похожее на английский пирог (cake – кекс, пирожное, торт, синонимы – *pie* (пирог, торт), *pastry* (тесто) и киш (открытый пирог с начинкой из взбитых яиц, сыра и других ингредиентов). *Mayenkúchen* (майский пирог) можно отнести к *torten* из-за последней фразы: «Для корочки (коржа) – два яйца, которые готовятся так же, как для пирога (*daraús gemacht wie zú ainem torta*)». Речь, видимо, идет о нижней стороне этого пирога. Хотя, строго говоря, это – все-таки разновидность выпечки типа *kúchen*.

Второй вид пирога – *Basteten/pasteten*. В этом случае есть начинка между двумя корочками теста, т. е. это то, что обычно называется просто пирогом, или закрытым пирогом. В рецептах *Pasteten* у Сабины Вельзер есть (почти всегда) две корочки теста и начинка, но тоже есть исключения. Например, рецепт «60. Как приготовить пирог с телятиной (60. *Ain pasteten von kalbflesch zú machen*)», в нем нет тестовой корочки, по способу приготовления это напоминает современный паштет, который готовят из уже готовых продуктов, перемалывают до однородной консистенции, и едят, намазывая на хлеб, либо террин холодного приготовления. Правда, можно предположить, что в этом рецепте Сабина Вельзер давала совет, как делать начинку к мясным пирогам, поскольку следующим шел рецепт 61, где рассказывалось о том, как нужно делать тесто для пирогов вида *pasteten*.

Например, рецепт «114. Как приготовить маленьких птичек в тесте (114. *Aingemachte vegellen zú machen*)» [3]. Это очень сложное по приготовлению блюдо. Фактически, это обычный пирог (*pasteten*), хотя то, что это *pasteten* не написано, но принцип тот же. Птички запекались в хлебе, да еще и в кляре, как в двойной корочке из теста. Сейчас (без корочки из кляра) так подают первые блюда. Или делают шарлотку. Или рецепт «91. Еще один пирог с дичью (91. *Ittem ain andere pasteten von wilbret*)» [3]. По этому рецепту, запекали кусок дичи, напичгованный салом, посолив и поперчив его, в тесте, наподобие современной говядины «Веллингтон».

Итак, всего у Сабины Вельзер рецептов пирогов 65. Эти 65 рецептов пирогов делятся на три категории. Первая – их всего 2 рецепта – это рецепты теста для пирогов – рецепт 61 (для пирогов вида *pasteten*) и просто теста (рецепт 100). Вторая – это рецепты *Torten* – их 51, из них: сладкие – 46; несладкие – 5. Третья – это рецепты *Pasteten* – их 12, из них: сладкие – 2; несладкие – 10. Начать нужно с теста. Всего два рецепта. Первый рецепт «61. Как приготовить тесто для всех пирогов (*pasteten*) (61. *Ain pastetentaig zú machen zú allen auffgesetzten pasteten*)» [3]. Это рецепт теста из муки, жира, воды. Сабина Вельзер пишет, что когда из теста делают форму для выпечки таких пирогов/паштетов, то при соединении верхнего и нижнего коржей используют для их склеивания воду и оставляют небольшое отверстие («трубу [1, с. 441] /дымоход»). Рецепт этого теста похож на рецепт современного несладкого песочного теста – теста бризе. В современной рецептуре – пшеничная мука, сливочное масло, вода, соль. Тесто бризе обычно служит основой для несладких тарталеток, тартов и кишей, а также для паштетов, запеченных в тесте. Второй рецепт – рецепт 100. Он идет без названия, но рядом с номером приведена рецептура [3]. Скорее всего, по такому принципу делалось тесто для *torten* с миндалем.

Теперь о рецептах *torten*. Их было 51 рецепт. Они могли быть сладкими, и нет. Рецепты сладких *torten* преобладали, их было 46, против 5 рецептов несладких *torten*. Сладкие *torten* делали с яично-молочной смесью (яйца, сливки, жир, розовая вода, сахар), а также с начинкой из ягод, фруктов, сухофруктов, трав. На первом месте по количеству рецептов идут рецепты, где есть яично-молочная смесь (яйца, сливки/молоко, сахар). Таких рецептов было самое большое ко-

личество 10 из 46. Из этих 10 рецептов 6 рецептов, где нет корочки/коржа внизу пирога (torten). Как если бы это был torten без начинки, хотя это условное обозначение, начинка была, но она являлась частью самого теста, т. е., как обычный современный кекс, или, скорее, это блюдо похоже на английский густард (английский заварной крем). В состав теста в этом случае входили в разных рецептах: яйца, сливки, жир, розовая вода, сахар, либо сладкое вино, сахар, мелкий изюм, соль. С коржом внизу пирога было 4 рецепта. К составу смеси из яиц, сливок, жира, розовой воды, сахара, либо смеси из яиц, сливок, жира, розовой воды, сахара, сладкого вина, мелкого изюма, соли полагались еще нижние коржи из теста для пирогов.

На втором месте по количеству рецептов идут torten с миндалем, их – 9. Чаще всего в виде добавок выступала розовая вода, в двух рецептах корица (рецепт 129, 132), еще в одном рецепте – миндаль, розовая вода, рис, корица, имбирь (129). На третьем месте – рецепты пирогов (torten) с яблоками (их 6). Здесь добавками могли быть корица, сахар, имбирь, либо корица, сахар, изюм, либо изюм, сахар, корица, либо просто корица (2 рецепта), либо тертый сыр, гвоздика, имбирь, корица. Затем идут рецепты torten с грушами, их 5, в тесто добавляли говяжий мозг, корицу, сахар, изюм, либо сахар, корицу, гвоздику, изюм, либо корицу, сахар, изюм, мальвазию (с сахаром и корицей) («ей полейте пирог и дайте ему немного настояться» (рецепт 87), либо сахар, корицу, либо розовый сахар, розовую воду, имбирь, гвоздику, корицу, сахар.

На пятом месте – рецепты пирогов с травами, их 4, в них добавляли сахар, майское масло (Maibutter), корицу, коринку, иссоп, будру плющевидную, шалфей, тимьян, мяту, бальзамическую пижму (рецепт 176), либо шалфей, майоран, лаванду, розмарин, мангольд, сахар, корицу, гвоздику, изюм, розовую воду, иссоп, мяту, либо мангольд, шалфей, изюм, коринку, сахар, либо мангольд, петрушку, шалфей, майоран, тертый хлеб, сахар, специи (какие конкретно, не указано). На шестом месте рецепты torten с разными сортами вишен, их 3. В эти пироги к вишне добавляли корицу, сахар, либо сахар, имбирь, или корицу, но без имбиря. На седьмом месте (рецептов по 2) идут пироги со сливами и с Semmel (Semmel – булочка, булка, плюшка, сайка) (semeltorten). К пирогам со сливами полагалось добавлять корицу, сахар. В одном рецепте рекомендовали сливы настоять в вине. В semeltorten добавляли сахар, специи (какие именно, не конкретизировали).

На восьмом (последнем) месте идут рецепты, их по одному, torten с земляникой (садовой), с финиками, с изюмом, с виноградом, с айвой. Пирог с земляникой после того, как он испечется, нужно было «полить мальвазией». Финики следовало отварить в сладком вине, перед тем, как их добавлять в пирог, в тесто добавляли сахар, корицу. В пирог с изюмом клали сахар и корицу. Если нужно было испечь пирог с виноградом, то, по мысли Сабины Вельзер, его следовало приправить изюмом, сахаром, корицей, добавить мальвазию. В torten с айвой добавляли сахар, корицу, вино. Какое именно, не написано.

Следующий вид torten – несладкие torten. Таких рецептов всего 5. На первом месте по количеству рецепты с начинкой из трав и сыра, их 2. На втором и последнем месте torten с яично-молочной смесью, с субпродуктами, с рисом, каждого по одному. В torten с травами и сыром добавляли мангольд/шпинат, тертый сыр, оливковое масло, свежий сыр (рикотта?), либо шпинат, сыр пармезан, перец, коринку, сливочное масло, соль. Torten с яично-молочной смесью делался так же, как и сладкий torten (яичные белки, сливки, розовая вода), но без добавления сахара. В torten с субпродуктами добавляли печень телянка/ягненка, густой мясной бульон, соль, имбирь, перец. В torten с рисом особую изюминку придавала помимо миндаля, горячего жира, твердая корочка.

Теперь о пирогах вида pasteten. Их значительно меньше. Сложнее готовить, и дольше, возможно. В этой категории преобладают пироги несладкие, их 10, сладких же всего 2 рецепта. Больше всего из дичи, есть и из пернатой дичи. И рыбы. Среди рецептов несладких pasteten

преобладают рецепты пирогов из дичи. Их 4. Они сложны по технике и технологии приготовления. Требуют значительного времени для приготовления. В состав добавок к тесту/в тесто входят, если готовят пирог из дичи, розмарин (свежий/сушеный)/майоран/анис/шалфей, гвоздика, перец, имбирь, соль, все это добавляется по вкусу, вино. Можно еще в такие пироги добавить консервированные лаймы, палочки корицы, коринку, говяжье сало, мальвазию. Если для пирога берется задняя нога благородного оленя, то ее кости идут для супа из дичи. Можно печь либо один большой пирог, либо несколько небольших пирогов. Иногда требуется мясо мариновать ночь (рецепт 67), иногда для теста нужна ржаная мука (рецепт 65, рецепт 67). Один пирог лучше подавать холодным (рецепт 91), другой пирог лучше подавать наоборот, теплым (рецепт 120).

На втором месте по количеству рецептов идут *pasteten* с пернатой (мелкой) дичью и рыбой, в обоих случаях по 2 рецепта. В рецептах пирогов с мелкой пернатой дичью пишется о «маленьких птичках», правда, конкретно, не указано, что это за птички. Эти пироги готовятся сложно и отличаются красивой подачей. В рецепте (98) кроме птичек нужны ломтики бекона, несколько виноградин, немного хорошего вина (для пропитки), свежее сливочное масло/говяжье сало. Почти так же сложно готовится и рыба. В рецепте 64 (форель, карп, *Selbingen/Sailbingen* (Не смогла определить породу рыбы – М. Т.), лещ), рыба должна остаться целой, из приправ к ней идут перец, имбирь, гвоздика, соль, плюс сливочное масло/другой жир. В рецепте (65) нужно тесто из ржаной муки, рыбу выкладывают на нижний корж, прикрывают верхним коржом, придавая выпечке форму рыбы, и перед тем как отправить в печь смазывают яйцом. Причем, нужно показать на тесте, что у этого пирога-рыбы – есть чешуя, плавники.

На третьем месте по количеству рецептов (каждый по одному) находятся рецепты *pasteten* из домашней птицы и телятины. В рецепте *pasteten* с каплуном (рецепт 69) каплуна нужно сварить, удалить кости, добавить «хорошее вино», бульон, перец, имбирь, гвоздику, молотый мускатный орех, лимон/лайм, тесто делается по рецепту 61. Рецепт завершается фразой: «Таким образом, вы можете приготовить цыплят, голубей и других птиц всех видов для пирогов». В состав *pasteten* с телятиной входит отварная телятина, почечное сало, вино, бульон, перец, мускатный орех, изюм, шафран, корица.

Рецептов сладких *pasteten* всего два, один с айвой, второй с начинкой из яично-молочной смеси. В рецепте *pasteten* с айвой нужна коринка, сахар, корица, гвоздика, говяжьи мозги, почечный жир/сало, *Malavosia/Reinfal* (для пропитки), сахар, корица, гвоздика (для посыпки). И здесь пишется, что после того, как пирог будет готов, его нужно посыпать корицей. В рецепте *pasteten* с яично-молочной смесью, который называется «134. Пирог с кремом (134. *Ain basteten mit ram*)» нужны сливки, яйца, сахар, корица, горошек, миндаль, топленое масло.

Таким образом, значительная часть рецептов Сабины Вельзер – это рецепты пирогов, которые трудно отнести к простой пище. Они в своей рецептуре имели весьма дорогостоящие ингредиенты, миндаль, специи, розовую воду, сахар, мясо дичи и пернатой дичи, что фактически делало эти пироги пафосным и статусным блюдом. Сабины Вельзер предлагала рецепты двух видов пирогов – *torten* и *pasteten*, открытых и закрытых пирогов, первых было значительно больше, поскольку по технике и времени приготовления они были менее сложными и затратными (при выпечке открытого пирога (*torten*) нужно было просто смешать все ингредиенты и запечь), чем закрытые пироги (*pasteten*) (когда нужно делать отдельно тесто и начинку). Кроме того, пироги всегда выигрышно смотрелись при любом типе трапезы, что в повседневном обиходе, что на званом приеме, торжественном мероприятии. Многие рецепты Сабины Вельзер, или, во всяком случае, идеи пирогов сохранились до сей поры, являются частью гастрономической культуры не только современной Германии, но и любой другой страны мира.

Список литературы

1. Дюма А. Большой кулинарный словарь. М.: АСТ: Астрель, 2007. 735 с.
 2. Glaser E. Die Kochbücher der Philippine und Sabina Welser Philologischlinguistische Betrachtungen zu zwei frühen Frauenkochbüchern // Die Welser: Neue Forschungen zur Geschichte und Kultur des oberdeutschen Handelshauses. Berlin: Walter de Gruyter Akademie Forschung, 2002. 657 s. S. 511–551.
 3. Das Kochbuch der Sabina Welserin / Hg. von Hugo Stopp. Mit einer Übersetzung von Ulrike Gießmann. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter Heidelberg, 1980. 173 s. // URL: <https://www.uni-giessen.de/de/fbz/fb05/germanistik/absprache/sprachverwendung/gloning/tx/sawe.htm> (дата обращения: 01.01.2024).
 4. Kuchen // Heyse K. W. L., Heyse J. C. Handwörterbuch der deutschen Sprache. Magdeburg: Wilhelm Heinrichshofen, 1833. 1 vol. in 3. 1. teil. A bis K. XX, 964 s. S. 497–498.
 5. Pasteten // Heyse K. W. L., Heyse J. C. Handwörterbuch der deutschen Sprache. Magdeburg: Wilhelm Heinrichshofen, 1833. 2 vol. in 3. 2. teil. L bis Steg, VI, 1056 s. S. 338.
 6. Torten // Heyse K. W. L., Heyse J. C. Handwörterbuch der deutschen Sprache. Magdeburg: Wilhelm Heinrichshofen, 1849. 3 vol. in 3. 3. teil. stehen bis Z. 1138 s. (1057–2195). S. 1250.
-

Усова Ю.С.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории,
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1979–2010 ГГ.)

В представленной статье автор провела анализ развития евроскептического подхода в британской политике в период с 1979 г. по 2010 гг. В результате проведенного исследования были сделаны выводы, что идеи евроскептицизма были присущи обоим ключевым политическим партиям Великобритании, обе они прошли через период трансформации своих подходов касательно европейской интеграции.

Ключевые слова: Великобритания; консерваторы; лейбористы; евроскептицизм; европейская интеграция

Usova Yu.S.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Foreign Countries History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

EUROSCEPTICISM IN BRITISH POLITICS (1979–2010)

In the presented article, the author analyzed the development of the Eurosceptic approach in British politics in the period from 1979 to 2010. As a result of the study, it was concluded that the ideas of Euroscepticism were inherent in both key political parties in Great Britain; both of them went through a period of transformation in their approaches regarding European integration.

Keywords: Great Britain; Conservatives; Labour; Euroscepticism; European integration

На волне роста евроскептических настроений в 2010-е гг. в Великобритании был проведен референдум о выходе страны из ЕС, а также вся процедура выхода [2]. Однако невозможно изменить географическое положение Британских островов, тем самым навсегда отделив эту

страну от Европы. А раз невозможно, то Европа была и будет одним из ключевых Британских партнеров, вопрос только в условиях. После Брекзита вновь звучат предложения об углублении сотрудничества с Европой, однако важно разобраться, что послужило причиной роста евроскептических настроений в стране, почему политические силы поддержали такую идею, и как ранее проходили подобные кризисы в политических партиях страны [1].

Одна из самых ярких особенностей британской политики второй половины XX – начала XXI вв. и отношение Великобритании к вопросам европейской интеграции связано с формированием явления, получившего название «евроскептицизм». Этот «тренд» британской политики сначала глубоко разделил две ключевые британские политические партии, а затем, в разные периоды, доводил и сами партии чуть ли не до раскола и потери единства на британской политической арене. В частности, лейбористская партия раскололась по поводу вопросов европейской политики в 1980-е гг., и переживала серьезнейший кризис [6], который смогла преодолеть лишь к 1997 г. Консервативная партия же пришла к подобному же положению в начале 1990-х, в результате чего понесла серьезные потери политического имиджа и доверие избирателей [4].

Существует значительное количество определений термина «евроскептицизм»: от «крайне консервативного отношения к идеям формирования наднационального образования» до «особого проявления школы скептической мысли о ценности участия Великобритании в движении к наднациональной европейской интеграции». Все эти определения схожи в одном: они подразумевают негативное отношение сторонников указанной идеи к ускорению процесса европейской интеграции, а также отстаивают сохранение независимых суверенных государств как ключевых акторов международных отношений в Европе и их национальной идентичности. В то же время нельзя сказать, что подобной идеи придерживаются исключительно консерваторы или исключительно лейбористы. Идеи евроскептицизма на разных исторических этапах были характерны обеим партиям.

Многогранность понятия «евроскептицизм» была продемонстрирована на протяжении развития осмысления этой идеи в период 1945–2007 гг. Спектр понимания «евроскептицизма» варьируется от относительно скрытого сомнения в ценности участия страны в проекте европейской интеграции к сомнениям относительно преимуществ членства ЕС до активного скептицизма – выступления за выход страны из состава ЕС. В представленном исследовании мы остановимся на двух этапах развития евроскептицизма в Великобритании: в 1980-х гг. внутри лейбористской партии и в 1990-х гг. внутри консервативной партии.

Первый этап начался с поражения лейбористской партии на парламентских выборах 1979 г. К власти пришли консерваторы во главе с М. Тэтчер. Лейбористы на долгие семнадцать лет ушли в оппозицию. Одним из вопросов актуальной повестки, отношение к которому активно пересматривалось в партии в это время, был вопрос об участии страны в европейской интеграции.

Однако в рассматриваемый период трансформировалось и отношение консервативных политиков к вопросу евроскептицизма. Условно можно выделить два этапа. Первый – с 1979 по 1988 гг., когда премьер-министр проводила европейскую политику под лозунгом активного взаимодействия с европейскими партнерами. Наибольшим достижением в рамках этого периода стало подписание Единого европейского акта в 1986 г. Однако именно это событие и стало водоразделом в европейской политике консервативной партии [3]. После подписания этого договора М. Тэтчер перешла на более скептическую позицию, конкретизировала свои аргументы и требования в своем выступлении в Брюгге 20 сентября 1988 г., в котором открыто изложила свое весьма скептическое отношение к перспективам развития единой Европы и европейской интеграции в целом.

В период с 1979 по 1988 гг. дебаты касательно вопросов европейского сотрудничества в рамках внутренних площадок сознательно и вполне эффективно ограничивались обсуждением внутри парламента. Здесь подавляющее большинство мест в палате Общин, занятых представителями тори, позволяло поддерживать политику консервативного правительства. Тори выжидали, правительство хотело посмотреть, сможет ли политика более активного взаимодействия принести результаты. Именно эта тактика привела к тому, что Единый европейский акт был ратифицирован парламентом без широкой огласки и всенародного референдума. В это время лишь горстка скептиков-фундаменталистов выступала против ратификации Великобританией этого договора. Большая же часть консерваторов поддерживали М. Тэтчер и была готовы игнорировать последствия для британского суверенитета, которые нес принятый договор, пока политика, направленная на углубление интеграции с европейскими странами, приносила значительную экономическую выгоду. Только небольшая часть тори считала вопрос сохранения британского суверенитета более насущным, и не желала идти на компромисс.

Речь М. Тэтчер в Брюгге положила начало новому этапу взаимоотношений консервативных правительств и партнеров по европейской интеграции [3]. Этот переход характеризуется переходом от инструментальной к прагматичной позиции по вопросу европейской интеграции. Отношение М. Тэтчер к участию в ЕС изменилось: с 1979 г. она воспринимала это участие как возможность развития и стабилизации британской экономики, с 1988 г. – как угрозу суверенитету, национальной идентичности и государственной независимости. После 1988 г. внутри консервативной партии активно начало развиваться евроскептическое отношение, апогей же кризиса пришелся на 1990 г., когда на выборах нового лидера партии был представлен один из наиболее серьезных консервативных политических тяжеловесов – Майкл Хезелтайн, в то же время активно поддерживавший активизацию участия страны в ЕС. Однако выборы лидера партии показали, что тори более евроскептичны, а Д. Мейджор попытался одновременно задабривать и евроскептиков и еврооптимистов своей партии, что не спасло партию от поражения на выборах 1997 г. Вопрос об отношении к европейской интеграции был одним из ключевых, который практически расколол консервативную партию Великобритании в то время [5].

В дальнейшем в период с 1997 по 2010 г. консервативная партия пережила значительную трансформацию, связанную с переходом на исключительно евроскептические позиции в отношении европейской политики. Это было функционально и выгодно, пока партия находилась в оппозиции, однако привело к появлению проблем, когда партия победила на выборах в 2010 г.

В лейбористской партии период с 1979 по 1990 гг. также можно разделить на два этапа. В первый период с 1979 по 1988 гг. евроскептицизм был, безусловно, доминирующим в политике партии. Можно сказать, что поддержка подобной идеи демонстрирует смещение лейбористской партии влево. Оппозиция участию Великобритании в процессе европейской интеграции достигла пика в 1983 г., когда лейбористы объявили о намерении выйти из ЕС [6]. После этого и множества неудачных попыток улучшить результаты партии по итогам национальных парламентских выборов и провала на них, новый лидер лейбористов – Нил Киннок начал трансформацию и партии, и отношения лейбористов к ЕС. Эти изменения произошли на втором этапе – с 1988 по 1990 гг. Однако, несмотря на успешно проведенную трансформацию партии, Н. Киннок не смог одержать столь желанную победу на выборах 1992 г. После этого лидер в партии лейбористов сменился [7], а сама партия на позициях еврооптимизма пришла к власти в 1997 г. под руководством Т. Блэра. Блэр проводил наиболее еврооптимистичную политику относительно евроинтеграции, которую продолжил его преемник – Г. Браун (2007–2010 гг.).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Евроскептицизм был присущ обеим ключевым политическим партиям Великобритании в рассматриваемый период. Обе партии столкнулись с необходимостью трансформировать свой подход к вопросам европейской интеграции и, пройдя сквозь долгий и турбулентный период партийного кризиса, смогли изменить свои предвыборные программы и подходы к сотрудничеству с европейскими партнерами. Обе были и на высоте, и терпели политические поражения. Нельзя сказать, что вопрос евроскептицизма ушел в прошлое вместе с выходом Великобритании из ЕС. Скептическое отношение к соседям и их проектам интеграции продолжает существовать, однако уже не столь сильно задевает политические интересы страны.

Список литературы

1. Усова Ю. С. Британские консерваторы и Европа (1997 – 2001 гг.) // Мир Евразии: от древности к современности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 23 марта 2023 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 113–119.
2. Усова Ю. С. Британское общество и вопрос участия в процессе европейской интеграции: солидарность или раскол? // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 16 марта 2023 года / Отв. редакторы Р. Х. Лукманова, И. В. Фролова. Уфа: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», 2023. С. 143–150.
3. Усова Ю. С. Европейская политика Маргарет Тэтчер (1979–1990 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12 (104). С. 215–219.
4. Усова Ю. С. Особенности перехода консервативной партии Великобритании от умеренного еврооптимизма к евроскептицизму (1990 – 2005 гг.) // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 11. С. 299–303.
5. Усова Ю. С. Специфика подходов ключевых стран ЕЭС к разработке Маастрихтского договора // Интеграционные и дезинтеграционные процессы. Историческая ретроспектива и современность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 12 ноября 2021 года. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. С. 115–122.
6. Усова Ю. С. Трансформация лейбористской партии в 1983 – 1997 гг. // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории и международных отношений: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 12–13 мая 2021 года. Рязань: ИП Коняхин А. В. (BookJet), 2021. С. 113–121.
7. Усова Ю. С. Эволюция отношения ведущих британских политических партий к расширению состава ЕС (1997–2010 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12(116). С. 258–262.

Филимонова М.А.,

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*

БРИТАНСКАЯ ПРОПАГАНДА В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЕЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ)

Статья посвящена исследованию британской пропаганды накануне и во время Семилетней войны. Источниковая база включает прессу разных регионов Британской империи: Шотландии, Новой Шотландии, Нью-Йорка, Виргинии. Это позволяет оценить, каким образом создаваемые в метрополии пропагандистские клише распространялись на периферии империи. Раскрыты

механизмы формирования образа врага, в роли которого выступала Франция. Автор приходит к выводу о том, что пропаганда времен Семилетней войны была эффективной.

Ключевые слова: история журналистики; история пропаганды; Семилетняя война; Британская империя; Шотландия; Северная Америка

Filimonova M.A.,

*Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Kursk State University»*

BRITISH PROPAGANDA IN THE SEVEN YEARS WAR (ACCORDING TO MATERIALS OF THE PRESS OF GREAT BRITAIN AND ITS NORTH AMERICAN COLONIES)

The article is devoted to the British propaganda study on the eve and during the Seven Years' War. The source base includes the press from different regions of the British Empire: Scotland, Nova Scotia, New York, and Virginia. This allows assessing the way the propaganda clichés created in the metropolis spread to the periphery of the empire. The mechanisms of forming the enemy image, which was France, are revealed. The author concludes that propaganda during the Seven Years' War was effective.

Keywords: the history of journalism; the history of propaganda; the Seven Years' War; the British Empire; Scotland; North America

XVIII век вошел в историю англо-французских отношений как «вторая столетняя война». От Войны за испанское наследство до наполеоновских войн две сверхдержавы соперничали из-за влияния в Европе и колониальных владений. По крайней мере, с английской стороны на фоне бесконечных конфликтов велась активная антифранцузская пропаганда. Исследователи отмечают, что накал франкофобии в Великобритании в середине XVIII в. был беспрецедентным [13, p. 180]. Соответствующие настроения господствовали не только в метрополии, но и в североамериканских колониях. Столкновения английских и французских поселенцев происходили главным образом в долине реки Огайо. Чтобы закрепиться в этом регионе, французы начали строить там свои форты. Английские власти Виргинии (западной границей которой теоретически являлось тихоокеанское побережье), в свою очередь, старались изгнать соперников из облюбованных мест. Самые известные конфликты между ними имели место в 1754 (сражение за Форт-Несессити) и 1755 гг. (экспедиция Брэдокка) [см. об этом, напр.: 2]. Интересно, что именно благодаря этим событиям в газетах впервые появилось имя Джорджа Вашингтона, участвовавшего в них как офицер виргинского ополчения.

Цель данной статьи – выявить основные элементы антифранцузского дискурса в британской и американской периодике. Статья базируется главным образом на прессе Шотландии («Edinburgh Chronicle»), Новой Шотландии («Halifax Gazette»), Нью-Йорка («New York Mercury») и Виргинии («Virginia Gazette»). Это позволяет судить о распространенности соответствующей риторики не только в Лондоне, но и на окраинах Британской империи; проанализировать идеологическую подготовку общественного мнения накануне Семилетней войны и во время нее.

Конструирование образа врага начиналось с религиозного аспекта. Со времен Реформации британские протестанты не могли преодолеть страх перед возвращением католицизма, к XVIII в. ставший уже совершенно иррациональным. «Edinburgh Chronicle» убеждала читателей: «Паписты... готовы обогреть руки кровью всех, кто отказывается разделить их безумные суеверия и отвратительное идолопоклонство. Их соотечественник аббат Дюбо говорит, что католики презирают нас, как глупцов, смотрят на нас с ужасом, как на атеистов... [Их] неумирающие отвращение и ненависть к

нам нельзя исцелить» [15, Jan. 28–30, 1760]. На какую именно работу Ж.Б. Дюбо ссылается автор статьи, неясно. Возможно, речь идет о трактате «Интересы Англии, которые были неправильно поняты в нынешней войне» (1703), в котором, в частности, критиковался протестантизм [8, p. 276–285].

Ту же тему развивала «Halifax Gazette». Газета так писала о французах: «Их национальная религия – папизм... Эта религия главным образом создана для того, чтобы поддерживать тираническую власть и ненасытную жадность клира» [16, Febr. 15, 1755].

Вторым важным элементом негативного образа Франции был деспотизм. Подданные Британской империи гордились превосходством собственной конституционной монархии над абсолютизмом Людовика XV. Некий массачусетский проповедник риторически вопрошал: «Где старинные парламенты Франции?.. Их нет более. Туда протянулась железная длань власти, там обитает недостойное мужчин, подлое рабство» [6, p. 35]. Тут же возникала дихотомия, выставившая британскую монархию в выгодном свете. «Halifax Gazette» рассуждала о «свободных британцах, каждый из которых является монархом в сравнении с французским рабом» [16, Febr. 15, 1755]. «Edinburgh Chronicle» противопоставляла англичан французам как «великую, богатую и независимую нацию» [15, Jan. 28–30, 1760].

Отсюда выводились цели войны с Францией: «Будем защищать нашу святую религию, наше превосходное правление, нашу бесценную свободу до последней капли крови» [16, Febr. 15, 1755].

И британские, и колониальные газеты с равным пылом обвиняли французов в стремлении установить всемирную монархию. «New York Mercury» разъясняла, что именно этой цели Франция якобы добивалась вот уже восемьдесят лет [17, June 27, 1757]. «Virginia Gazette» считала, что вся Европа должна объединиться против предполагаемой французской экспансии: «По отношению к тем, кто являются врагами всего человечества, все человечество должно быть вечным врагом» [19, Mar. 21, 1755].

«Edinburgh Chronicle» ставила под вопрос легитимность существования французской колониальной империи и задавалась вопросом, законно ли французский король владел Канадой: «Приобрел ли он эти земли у туземцев, подобно тому, как мы приобрели многие наши земли в Америке?» [15, Mar. 5–8, 1760]. Газета не стеснялась представлять англо-индейские отношения гораздо более безоблачными, чем они были в действительности. При этом все возможные конфликты англичан с индейцами интерпретировались как результат французского влияния. «Virginia Gazette» рассказывала, будто индейцы долины реки Огайо были принуждены оставить англичан, т.к. «это было единственное условие, на котором французы позволяли им охотиться» [19, Apr. 4, 1755]. Только так пропаганда могла объяснить неудобный факт: хотя могущественная лига ирокезов была в союзе с Великобританией, многочисленные племена, такие, как алгонкины, делавары, вайандоты, шауни и др., выступили на стороне Франции [11, p. 217–218; 20, p. 188, 241–242, 245; 10, p. 106]. Этот посыл британской пропаганды использовался настолько активно, что его отголоски дошли даже до России [3, с. 230].

Французов обвиняли в жестокости и коварстве. В 1755 г. «Virginia Gazette» поместила на своих страницах речь губернатора колонии, в которой, в частности, говорилось: «Поселения на фронтире почти обезлюдели по причине великого ужаса тамошних обитателей, внушенного отчасти ужасными зверствами наших бесчеловечных врагов, отчасти несправедливыми деяниями многих из нашего собственного народа» [19, Oct. 31, 1755]. «New York Mercury» убеждала: французы, «при всех своих претензиях на превосходство в учтивости и гуманности... усовершенствовали варварство своих предков галлов». В качестве примера приводились сожжение городов по приказу Людовика XIV и бомбардировка Брюсселя в 1695 г. Далее рассказывалось о судьбе форта Уильям-Генри, где французский генерал Монкальм допустил убийство англичан из гарнизона форта после его капи-

туляции [17, Apr. 24, 1758]. О резне после капитуляции форта Уильям-Генри см.: [7; 14]. Последнее событие надолго сохранилось в памяти американцев. Джеймс Фенимор Купер не пожалел красок для его описания: «Соппротивление только распаляло убийц; дикари продолжали наносить удары даже мертвым. Кровь текла потоками. Гуроны все больше и больше воспалялись видом этой крови... Пленники металась по всей равнине перед своими безжалостными врагами, в то время как солдаты французской армии стояли в бездействии, которое никогда не было объяснено и которое оставило несмываемое пятно на блестящей репутации Монкальма» [1, гл. XVII].

Зловещая репутация французов в англоязычном мире сложилась задолго до Семилетней войны, что позволяло прессе нагнетать истерию. «New York Mercury» предупреждала, что французы – «беспощадный враг, нарушающий договоры», «враг всего человечества». Людовик XV представал в образе чудовищного вампира; по убеждению «New York Mercury», король «пил кровь собственных гонимых подданных». Его цель виделась глобальной: «уничтожение протестантской религии и полное искоренение британской нации» [17, Aug. 11, 1755]. Соответственно, расширение французских владений трактовалось не как колониальная экспансия, свойственная и Великобритании, но как коварный план, призванный уничтожить Британскую империю. Газета предупреждала, что французы давно уже создали проект, как ограничить английские колонии узкой полосой по берегу океана. Именно для этого были созданы Канада и Луизиана. Автор статьи был убежден: «Очевидная цель их действий – не дать англичанам проникнуть вглубь континента далее того, чем они уже владеют; монополизировать меховую торговлю для самих себя; и нанимать индейцев, чтобы те скальпировали наших людей и брали их в плен». В статье отмечалось, что французский форт Краун-Пойнт находился всего в 110 милях от Олбани, бывшего в это время важнейшим центром нью-йоркской мехоторговли. Шведский путешественник Пер Кальм отмечал, что «во всех британских колониях нет места, куда индейцы свозили бы столько мехов и шкур, как в Олбани» [12, vol. 1, p. 342]. Равным образом форт Дюкен угрожал Пенсильвании, Мэриленду и Виргинии.

Фактически любые действия французов воспринимались как очередное свидетельство их агрессивных замыслов. Например, «Virginia Gazette» рассказывала о географах короля Франции, которые переделывали карты в угоду французским интересам и в ущерб английским. Они картографировали западное побережье Америки без учета английских претензий в этом регионе. В свое время «Золотая лань» Фрэнсиса Дрейка прошла вдоль побережья современной Калифорнии и Орегона. Дрейк объявил эту территорию английским владением под названием «Новый Альбион», хотя никаких попыток реально завладеть открытыми землями Великобритании не предпринимала. На французских картах 1750-х гг., как с возмущением отмечали виргинцы, никакого Нового Альбиона не значилось, а Порт-Фрэнсис-Дрейк был превращен в порт Сан-Франциско [19, Mar. 7, 1755]. Это не мог быть город, который сейчас известен под тем же названием. Собственно Сан-Франциско был основан лишь в 1776 г. испанцами.

Сатирики доводили антифранцузскую риторику до невероятных высот. Лондонская сатирическая газета «World», с которой, кстати говоря, сотрудничали такие выдающиеся литераторы, как лорд Честерфильд и Гораций Уолпол, рассуждала о разнице между разбойными нападениями во Франции и в Англии. Автор статьи объяснял, что в Англии ремесло грабителей превратилось «в такое же цивилизованное занятие, как игра в карты, посредничество в земельных сделках, подхалимство, сводничество и другие способы зарабатывания денег, которые уже прочно установились в свете. Разбойника можно было бы назвать зверем, монстром, если бы он не уделял такого большого внимания тому, чтобы не напугать дам. Ни один из законов великого мистера Нэша (Нэш – видимо, «Щеголь Нэш», знаменитый денди, бывший церемониймейстером в Бате) не соблюдается так строго, как неременный возврат любой безделушки, к

которой особенно привязана ограбленная леди». Иное дело во Франции: «Ни один татарин не ведет себя менее мягко, чем французский разбойник. Он отнимает у вас деньги, не сделав вам поклона, и убивает вас, не извинившись перед вами» [18, Dec. 19, 1754].

На этой основе пропагандистам легко было формировать страх перед возможным французским нападением. Просмотр колониальных газет за предвоенные годы приводит к любопытному выводу: каждая из британских колоний в 1754–1755 гг. ждала французского вторжения, причем именно на своей территории. Например, в начале 1755 г. «New York Mercury» предупреждала читателей, что «эта прелестная столица», т.е. Нью-Йорк, станет «первой жертвой наших безжалостных врагов» [перепечатка: 19, Mar. 28, 1755]. В свою очередь, в «Halifax Gazette» можно было прочесть, что вторжение начнется с Новой Шотландии. Автор статьи давал волю воображению: «Какие сцены ужаса и бедствия встают перед моим взором! Город разграблен жестокими и безжалостными врагами!.. Наши бойцы убиты или взяты в плен! По улицам струятся потоки крови! Наши дома в огне! Наших стариков попирают ногами! Женщины стали добычей сладострастия!.. Младенцев отрывают от материнской груди и бесчеловечно разбивают об стены!» [16, Febr. 15, 1755]. Кстати говоря, Новая Шотландия действительно стала одним из театров Семилетней войны, но нападающей стороной выступили англичане [9, p. 177–215].

При таких настроениях военные провокации англичан, подобные экспедиции Брэддока, можно было представить как превентивное осуществление права на самозащиту. «Virginia Gazette» была категорична: «Ничто, кроме войны, не может привести французов в разум» [19, Sept. 12, 1755].

По мере действительного приближения Семилетней войны у антифранцузской пропаганды появлялось все больше материала. «New York Mercury» весной 1756 г. печатала отрывок письма из Гааги, где говорилось о французских военных приготовлениях: «Циклопы день и ночь заняты изготовлением орудий уничтожения человеческого рода» [17, May 3, 1756].

Развивалась на этом фоне и шпиономания. Та же «New York Mercury» рассказывала, как на дептфордском мосту задержали двух французов в париках с косичкой, забранной в мешочек. В этих мешочках у них нашли какие-то письма, а в подкладке одежды – кокарды. Французы были задержаны до выяснения [17, May 10, 1756]. История не получила продолжения, и неясно, каковы были цели предполагаемых шпионов.

Людовика XV объявляли главным виновником Семилетней войны. Автор одной из статей в «Edinburgh Chronicle» пространно объяснял: «Французский король первым нарушил братские узы дружбы, захватив часть владений своего брата. Я имею в виду территории его британского величества в Северной Америке. Если бы этот беспокойный и амбициозный брат просто отказался от всех своих покушений там до объявления войны, тогда, я совершенно уверен, его милостивое британское величество удовольствовался бы этим и не стал вовлекать верноподданных в дорогостоящую и бедственную войну» [15, Mar. 5–8, 1760]. При этом Великобритания объявила войну Франции, а не наоборот.

Несомненно, усилия пропагандистов дали толчок известным колониальным инициативам предвоенного времени. Б. Франклин принимал французскую угрозу всерьез. В 1754 г. он предлагал для вящей безопасности колоний основать еще две, между рекой Огайо и озером Эри. По мнению философа, это не только защитило бы приграничные районы Пенсильвании и южных колоний, но и позволило бы угрожать Луизиане [4, с. 84–85]. В том же году он добился созыва конгресса шести колоний в Олбани. Это был первый пример межколониального объединения для общей цели, и там же были предложены первые проекты союза между колониями [5, с. 45–47].

В итоге у британских подданных, как в метрополии, так и в колониях сформировался пози-

тивный образ Семилетней войны как войны за торжество свободы и протестантской веры, даже отечественной войны (national war). «Изгнать французов от наших границ, поддержать законные права короны, восстановить спокойствие Британской империи в Северной Америке – вот что должно согревать сердце патриота», – провозглашала «Virginia Gazette» [19, May 9, 1755]. Победа Великобритании представлялась событием всемирно-исторического значения. Массачусетский проповедник ликовал: «Именно Георг III даровал мир половине мира» [6, р. 42]. Он же рисовал утопическую картину ближайшего будущего, раскрывающую ожидания британских подданных от послевоенного мира. Он живописал: «Ныне для нас начинается эра спокойного наслаждения теми свободами, которые наши отцы приобрели тяжким трудом всей своей жизни, своими сокровищами, своей кровью. В безопасности от врага из чащи, в безопасности от цепкой руки произвола и жестоких суеверий. Здесь будет основанное в последнее время средоточие мира и свободы. Здесь нашей снисходительной матери, которая самым великодушным образом спасла и защитила нас, будет служить все большее число людей с сознанием долга перед ней, с любовью и благодарностью, до конца времен» [6, р. 44]. История жестоко обманула ожидания таких, как этот безвестный священник. Всего через двенадцать лет после его восторженной проповеди Великобритания и ее североамериканские колонии оказались втянуты в новую войну, теперь уже между собой.

Подводя итог, можно констатировать, что британская антифранцузская пропаганда в метрополии и в колониях использовала одни и те же образы, страхи, приемы. Образ врага строился на основе стандартного для эпохи просвещения описания деспотического государства: тираническая власть в сочетании с агрессивной внешней политикой. Узнаваемость стереотипа способствовала его укоренению в общественном мнении. Можно сделать вывод, что пропагандисты в данном случае полностью выполнили свою задачу: они обеспечили мобилизацию общественного мнения в поддержку войны.

Список литературы

1. Купер Дж.Ф. Последний из могикан, или Повествование о 1757 годе // Избранные сочинения в 9 томах. М.: Терра, 1992–1993.
2. Макаров Е.П. Контекстуальные особенности британо-французских колониальных противоречий накануне Франко-индейской войны 1754–1763 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 2 (6). С. 52–58.
3. Ушаков В.А., Бродская К.М. Первые сведения о Джордже Вашингтоне в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 230–237.
4. Франклин В. Избранные произведения / под ред. М.П. Баскина. М.: Гос. издательство политической литературы, 1956. 632 с.
5. Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. Л.: Наука, 1978. 415 с.
6. Barnard Th. A Sermon preached before his Excellency Francis Bernard... May 25th, 1763. Boston: Richard Draper, 1763. 45 p.
7. Dodge E.J. Relief is Greatly Wanted: the Battle of Fort William Henry. Bowie, MD: Heritage Books, 1998. 222 p.
8. Dubos J.-B. Les interets de l'Angleterre mal-entendus dans la guerre presente. Amsterdam: chez J.L. de Lorme, 1703. 302 p.
9. Grenier J. The Far Reaches of Empire. War in Nova Scotia, 1710–1760. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 2008. 286 p.
10. Hinderaker E. Declaring Independence: The Ohio Indians and the Seven Years' War // Cultures in Conflict: The Seven Years' War in America / ed. W.R. Hofstra. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2007. P. 105–126.
11. Jennings F. Empire of Fortune: Crowns, Colonies, and Tribes in the Seven Years War in America. New York: W.W. Norton, 1988. 548 p.
12. Kalm P. The America of 1750: Peter Kalm's Travels in North America: 2 vols. / ed. A.B. Benson. N.Y.: Dover Publications, 1964.

13. Robinson D.H. The Idea of Europe and the Origins of the American Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2020. 433 p.
 14. Starbuck D. Massacre at Fort William Henry. Hanover, NH: University Press of New England, 2002. 152 p.
 15. The Edinburgh Chronicle. 1760.
 16. The Halifax Gazette. 1755.
 17. The New York Mercury. Aug. 11, 1755–1758.
 18. The World (London). 1754.
 19. Virginia Gazette (Hunter). 1755.
 20. White R. The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991. 576 p.
-

Филиппова А.И.,

аспирант, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Научный руководитель: Евсеев В.А.,

доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЭПОХИ ВОЙНЫ РОЗ В ПИСЬМАХ АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕЙ XV ВЕКА

В статье ставится проблема изображения событий Войны Роз в письмах королей – основных участников этой политической борьбы. Процесс научного осмысления эпистолярных источников рассматривается в контексте особенностей восприятия авторами писем политической борьбы XV века. Основные адресаты – ближайшие соратники королей или их потенциальные союзники: шерифы, олдермены, епископы, горожане, воины. События эпохи Войн Роз практически не отражены в письмах Генриха VI, а у Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха VII эта тема является преобладающей. Содержание источников отражает, как короли искали поддержку своих союзников и пытались обрести новых сторонников. Кроме того, письма королей Эдуарда IV Йорка и Генриха VII Тюдора можно рассматривать в качестве примеров политической пропаганды. Оба монарха считали борьбу за власть – праведным делом, а действия их противников – злодеяниями. Эдуард IV и Генрих VII, чтобы унижить своих врагов, именовали их мятежниками, узурпаторами, также, утверждали, что действия их противников грозят всему английскому народу, так образом, намеренно преувеличивая исходящую опасность. Короли воспринимали Войны Роз как трудное время, при этом видели свою решающую роль в этих событиях, что отражали в текстах своих писем.

Ключевые слова: Англия; Войны Роз; эпистолярные источники; письма королей; особенности изложения; Генрих VI; Эдуард IV; Ричард III; Генрих VII; примеры политической пропаганды

Filippova A.I.,

*Graduate Student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Ivanovo State University»*

Scientific adviser: Evseev V.A.,

*Dr. Sc. (History), Professor, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Ivanovo State University»*

REFLECTION OF THE POLITICAL STRUGGLE OF THE ERA OF THE WAR OF THE ROSES IN THE LETTERS OF THE ENGLISH KINGS OF THE 15TH CENTURY

The article poses the problem of depicting the events of the War of the Roses in the letters of kings – the main participants in this political struggle. The process of scientific understanding of epistolary sources is considered in the context of the peculiarities of the authors' perception of the political struggle of the 15th century. The main addressees are the closest associates of the kings or their potential allies: sheriffs, aldermen, bishops, townspeople, warriors. The events of the era of the Wars of the Roses are practically not reflected in the letters of Henry VI, but in Edward IV, Richard III and Henry VII this theme is predominant. The content of the sources reflects how the kings sought the support of their allies and tried to gain new supporters. Additionally, the letters of Kings Edward IV of York and Henry VII Tudor can be seen as examples of political propaganda. Both monarchs considered the struggle for power a righteous cause, and the actions of their opponents as atrocities. Edward IV and Henry VII, in order to humiliate their enemies, called them rebels, usurpers, and also argued that the actions of their opponents threatened the entire English people, thus deliberately exaggerating the emanating danger. The kings perceived the Wars of the Roses as a difficult time, but they saw their decisive role in these events, which they reflected in the texts of their letters.

Keywords: *England; Wars of the Roses; epistolary sources; letters of kings; features of presentation; Henry VI; Edward IV; Richard III; Henry VII; examples of political propaganda*

Политическая борьба между династиями Йорков и Ланкастеров за трон, получившая в историографии наименование Войн Роз, несомненно, является одним из самых значимых событий в истории Англии. Современники событий не думали о том, что всё происходящее является единым конфликтом, также они не связывали борьбу между знатью с алой и белой розами [10]. Войны Роз появились благодаря пропагандистам Генриха VII и Генриха VIII Тюдоров: историков, поэтов.

События политической борьбы XV века наряду с хрониками, актами парламента, королевскими статутами, отражают и эпистолярные источники. Письма королей, адресованные не только своим сподвижникам, а также и сторонникам противоборствующей династии, обладают ценностью, поскольку раскрывают намерения и мнения их авторов относительно происходящего. Разглашение содержимого писем было нормой, поэтому в них никогда не сообщались секретные сведения [7, с. 372]. Поводом для написания письма была необходимость сообщить корреспонденту информацию, поэтому основными темами писем периода Войн Роз были перипетии, связанные с политическими катаклизмами. В основном эти письма предназначались герцогам, мэрам городов, епископам. Большинство исследованных нами писем носят «агитационный» характер. С их помощью короли призывали адресатов оказать им помощь в борьбе с врагами.

Краткий обзор королевских писем XV века содержится в сборнике «English Historical Literature in the Fifteenth Century» [1]. В трудах отечественных исследователей письма королей – участников Войн Роз не стали объектом изучения, в некоторых работах они упоминаются лишь в качестве источников [9].

Короли – центральные участники политической борьбы. Данный факт объясняет особую важность этих источников и необходимость изучения того, как короли писали о происходящем, а также насколько в этих письмах отобразены события Войн Роз.

Одно из собраний Королевских писем «Письма королей Англии, впервые собранные из Королевских архивов, и других достоверных источников, как частных, так и публичных: отредактированные, с историческим введением и примечаниями Джеймса Орчарда Холливелла», было

опубликовано в 1848 году [2]. По интересующему нас периоду в первом томе содержится более пятидесяти писем английский монархов, включая письма королей периода Войн Роз: Генриха VI, Эдуарда IV, Ричарда III, Генриха VII. Данное собрание создавалось для широкой аудитории читателей, в том числе, не обладающей знаниями среднеанглийского языка, поэтому орфография была приведена в соответствие с современным употреблением для XIX века» [2, р. 22].

Несколько королевских писем, относящихся к интересующему нас периоду, содержится в собрании сэра Генри Эллиса: «Оригинальные письма, иллюстрирующие английскую историю, включая многочисленные королевские письма», опубликованном в 1827 году [4].

Продолжительное правление Генриха VI (1422–1461, 1470–1471), неоднозначно оценивается как современниками, так и историками. Личность этого короля с трудом можно разгадать через множество преднамеренных пропагандистских искажений. Несколько посланий демонстрируют стремление Генриха пойти по стопам своего отца: проведение гонений на лоллардов [2, с. 109–113]. Если ему это не удавалось, он не пренебрегал проявлением своего фанатизма, приказывая «сжечь» всех еретиков. Одно из писем Генриха – образец того, того, что эти действия даже считались праведным подношением справедливому и милосердному Создателю [2, р. 119]. Сюжеты о борьбе с лоллардами во второй четверти XV в. достаточно подробно рассматриваются в монографии известного отечественного медиевиста Е.В. Кузнецова [8].

Ордерное письмо короля Генриха VI епископу Батскому, своему канцлеру, в 1441 году с просьбами и поручениями способствовать сопровождению во время ссылки Элеонору, герцогиню Глостерскую, обвинённую вместе с родственниками в заговоре [4, р. 107] свидетельствует о назревающем недовольстве знати.

В исследуемых нами сборниках писем, к сожалению, отсутствуют свидетельства самого Генриха VI о конфликте. Безусловно, возникает вопрос, чем можно объяснить фактическое отсутствие опубликованных писем Генриха VI, в которых могла быть изложена точка зрения самого короля на потерю власти и попытки её возвращения. Мы можем предположить, что данный факт связан с несостоятельностью Генриха как правителя и его неспособностью активно действовать в подобных обстоятельствах.

В исследуемом нами собрании Джеймса Орчарда Холливелла 13 писем принадлежит перу Эдуарда IV, а в собрании Эллиса 3 письма. Практически во всех из них отражена политическая борьба между кланами Йорков и Ланкастеров.

В письме, написанном Эдуардом IV в 1461 году, мы находим информацию о союзе Маргариты Анжуйской с королём Шотландии, которого Эдуард называет великим врагом. К сожалению, в письме нет информации об адресате. Однако, по стилю обращения, письмо король писал своим союзникам, которые ему оказали помощь: «Верные и горячо любимые, мы приветствуем вас и благодарим за доброту, проявленную к нам во время нашей великой необходимости в защите нашей земли и подданных» [2, р. 123]. Король указывает на незаконность власти Генриха VI, именуя его прозванным королем, предателем. Главным действующим лицом в заговоре Эдуард называет Маргариту Анжуйскую, действующую от лица неспособного Генриха VI, которая абсолютно незаконно «даровала упомянутому королю Шотландии, его наследникам и преемникам семь земель нашего королевства Англии» [2, р. 124]. Эдуард IV отмечает, что Маргарита, преследуя корыстные цели, навлекла беду на народ Англии: «взбудоражила и спровоцировала величайшую жестокость и тиранию против наших подданных, для осуществления конца ее ненасытной злобы» [2, р. 124]. Фактически эти слова Эдуарда IV о потере земель, жестокости и тирании говорят о пропагандистском тренде их содержания.

В своём обращении к королю Шотландии, Эдуард также подчёркивает незаконный характер действий Генриха VI и Маргариты Анжуйской, именуя их узурпаторами. Также новоиспечённый английский король пытается воздействовать на шотландского монарха и требует «во имя Бога, безотлагательно выдать нам наших упомянутых предателей и мятежников» [2, р. 125].

Власть Эдуарда IV была достаточно шаткой, поэтому он предпринимал попытки для укрепления своего положения. Об этом свидетельствует Тайная грамота короля Эдуарда Томасу Куку, одному из олдерменов Лондона, отправленная в 1462 году. Текст этой грамоты содержится как в сборнике Холливела [2, р. 126], так и в собрании Эллиса [4, р. 126]. 27 марта 1462 года король Эдуард отправился на север до Стэмфорда, где ему сообщили, что король Генрих убедил французов и шотландцев вступить в Англию; сопротивляясь этому, король Эдуард отправил писем Лондон, «чтобы убедить олдермена выделить определенную сумму денег» [4, р. 126].

Также Эдуард Четвертый приложил немало усилий, чтобы привлечь папу на свою сторону. Он направил в Рим заявление о своей генеалогии, подтверждающей право на английский трон [4, р. 126]. Многократно в письме, адресованном Томасу Куку, олдермену Лондона, Эдуард IV показывает, насколько опасны для подданных замыслы его противников: «внешние враги в большом количестве должны войти в Англию, чтобы совершить там такую жестокую, ужасную, смертельную войну и всеми возможными способами полностью уничтожить людей, имя, язык и всю кровь англичан» [4, р. 124]. Опять в этих фразах чисто пропагандистская уловка. Беспокоит короля и факт привлечения французов Генрихом VI: «в случае, если они смогут осуществить свою злую и жестокую цель, тогда его дядя Карл Анжуйский вместе с французами будет править нашим королевством» [4, р. 128]. В этих словах короля опять звучит пропаганда. Якобы угроза всему королевству. Однако виновником во всех своих бедах Эдуард IV называет не самого Генриха, а Маргариту Анжуйскую: «наш упомянутый противник Гарри, движимый к этому злонамеренным и тонким внушением и соблазнением упомянутой злонамеренной женщины, Маргарет, его жены» [4, р. 128]. Подобное сравнение опасных для английского народа действий мятежников в лице Маргариты Анжуйской и Генриха VI и праведной миссии по защите своих подданных истинным, законным королём Эдуардом IV показывает явную пропагандистскую направленность на легитимацию его власти. Эдуард указывает и на средства, которые использовала Маргарита Анжуйская, чтобы привлечь на свою сторону французов: «наш противник предоставил и послал нашему противнику Луи де Валуа отказ и освобождение от прав и титулов, которые английская корона имеет на корону и королевство Франции, а также на герцогство Гиена» [4, р. 128].

Естественно, своим предназначением Эдуард IV считает защиту своих земель и изгнание врагов, о чём сообщает в письме 1463 года своему Канцлеру: «с тайной могущества Божьего, чтобы встретить, противостоять и подавить их намерения законной защитой нашего королевства, и устранить опасность жестокой тирании мятежников» [2, р. 131]. Под жестокой тиранией подразумевается возможное возвращение представителей партии Ланкастеров в Англию с французскими и шотландскими воинами.

После женитьбы на Елизавете Вудвилл, которую не приняла большая часть королевского окружения, Эдуарду IV пришлось искать союзников среди своих бывших врагов. С этой целью Эдуард возвращал конфискованные земли их прежним владельцам или их потомкам. Так, в письме Джону Пастону от 1464 года король обещает вернуть ему земли и свою поддержку [2, р. 132].

В 1470 году с помощью французского короля Маргарита Анжуйская заключила союз с бывшими сторонниками Эдуарда – Ричардом Невиллом и Джоржем Кларенсом. Узнав об этом, Эдуард в письме сообщил, что осведомлён о предательстве и намерен «перейти к наказанию,

к тяжкому наказанию как пример для всех других наших подданных» если Кларенс не явится к нему со смирением [2, р. 137].

Период недолговременного изгнания Эдуарда IV и возвращения Генриха VI на трон не освещён в эпистолярных источниках, автором которых был сам Эдуард. В 1471 году Эдуард вернулся в Англию и одержал ряд побед над противниками. Генрих VI был заключён в Тауэр. Военные действия в рамках политической борьбы прекратились до 1483 года. Вторая часть правления Эдуарда, продолжавшаяся 12 лет, стала временем относительного спокойствия в государстве. 9 апреля 1483 года король Эдуард IV скончался, следующим королём должен был стать его сын Эдуард V, а брат умершего короля Ричард был назначен лордом-протектором. В июле 1483 Ричард был коронован.

Ричарда III небеспочвенно многие исследователи называют самым оболганным королём Средневековья. Историки первой половины XVI в. зафиксировали, что последний король из династии Йорков был тираном, совершил множество страшных преступлений [6].

Сохранилось несколько писем Ричарда III, которые, бесспорно не лишены интереса, но по ним невозможно составить достоверную оценку его характера. О своих намерениях выступить против восставшего Бекингема Ричард III сообщает в письме, адресованном корпорации Йорка и просит оказать ему помощь: «Мы искренне желаем и молимся вам, чтобы вы прислали к нам столько людей, надежно выстроенных на лошадях, сколько вы сможете дать, в наш город Лестер 21-го числа текущего месяца, в обязательном порядке» [2, р. 157]. Данное письмо является подтверждением того, что Ричард оказался в крайне затруднительном положении и нуждался в союзниках. Непопулярность Ричарда III иллюстрирует письмо мэру и его собратьям города Йорка: «различные мятежные и злонамеренные люди, как в нашем лондонском Сити, так и в других местах в королевстве, заставляют себя ежедневно сеять семена шума и разоблачения против нашей личности, а также против многих лордов, чтобы оскорбить множество наших подданных и отвратить их мнение от нас» [2, р. 158]. Речь Генриха VII накануне битвы при Босворте, похоже, не была преувеличена: «Вот Ричард, который одновременно Тарквиний и Нерон! да, тиран больший, чем Нерон, ибо он не только убил своего племянника и опорочил свою добродетельную и женственную мать, использовал все средства и способы, чтобы одурманить свою собственную племянницу под предлогом скрытого супружества» [2, р. 168].

Обращения Генриха VII к своим сподвижникам в период его борьбы за власть и накануне выступлений против Ричарда III, содержащиеся в письмах будущего короля, заслуживают особого внимания. Генрих безоговорочно считает Ричарда III узурпатором и убийцей и обозначает своей миссией его свержение с английского трона: «Поняв вашу добрую благосклонность и просьбу поддержать меня для продвижения моих законных притязаний, должного и прямого наследования этой короны, а также для справедливого лишения этого убийцы и противоестественного тирана, который теперь несправедливо властвует над вами» [2, р. 162]. В словах будущего короля явно прослеживается пропагандистский умысел.

Чтобы унизить своего соперника, Генрих применяет в отношении Ричарда такие эпитеты и сравнения, как противоестественный тиран, убийца. С этой же целью в циркулярном письме своим поданным после битвы при Босворте от 1485 года Генрих VII сообщает о смерти своего противника Ричарда III: «король удостоверяет вас, что Ричард, герцог Глостерский, недавно прозванный королем Ричардом, недавно был убит в графстве Лестер, и там был положен открыто, чтобы каждый мог смотреть на него» [2, р. 171].

Несколько писем Генриха VII, которые написаны в 1487 году мэру и гражданам Уотерфорда и содержат просьбы короля о непрерывном докладе новостей в городе, чтобы контролировать

ситуацию в отношении самозванца Перкина Уорбека [2, р. 174] (называл себя внебрачным сыном короля Ричарда), свидетельствуют о сохранении опасности, несмотря на окончание борьбы между Йорками и Ланкастерами.

Письма, авторами которых были короли – непосредственные и центральные участники Войн Роз, представляют особую ценность для изучения политической борьбы в Англии во второй половине XV века. Их количество значительно меньше, чем посланий ближайших сторонников самих королей. Нельзя не отметить, что письма XV в., в особенности, письма коронованных особ – это документы в высшей степени формальные, к ним невозможно относиться как к источникам, фиксирующим личные взаимоотношения. Также в письмах, как эпистолярных источниках, наряду с фактическим материалом в большом объеме содержится и субъективная информация – точка зрения самих авторов на происходящие события.

Изучив письма английских королей – участников политической борьбы, опубликованные в собраниях Д.О. Холливелла и Г. Эллиса, мы можем прийти к выводу, что основными адресатами были ближайшие сподвижники или потенциальные союзники: шерифы, олдермены, епископы. Также несколько писем являются обращения к воинам накануне битв и горожанам.

События эпохи Войн Роз отражены в письмах разных королей в разном объеме. Так, практически не говорит о событиях политической борьбы Генрих VI, а в письмах Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха VII, напротив, эта тема является преобладающей. Их письма – наглядный пример того, как короли искали поддержку своих союзников и пытались обрести новых сторонников для укрепления своих позиций.

Примечательно, что исследуемые нами письма королей можно рассматривать в качестве примеров политической пропаганды. Особенно ярко черты пропаганды проявились в письмах Эдуарда IV Йорка и Генриха VII Тюдора. Оба монарха считали борьбу за свою власть – праведным делом божьей волей. В то время, как действия их противников – злодеяниями. Для того, чтобы унижить своих врагов Эдуард IV и Генрих VII использовали определённые наименования, такие, как мятежник, узурпатор, названный король – например, в отношении Генриха VI, злонамеренная женщина – Маргарита Анжуйская, или же убийца, тиран – в отношении Ричарда III. Короли единогласно воспринимали Войны Роз как очень трудное время, период практически постоянных беспорядков, при этом видели свою решающую роль в событиях этой политической борьбы, что отражали в текстах своих писем.

Список литературы

1. Kingsford C.L. English Historical Literature in the Fifteenth Century. New York, 1913, p. 163–227.
2. Letters of the Kings of England. Vol.1 / Ed. J.C. Halliwell. L.: H. Colburn, 1848. 453 p.
3. Macfarlane A. A Guide to English Historical Records. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. IX, 134 p.
4. Original letters, illustrative of English history: Vol. 1: including numerous royal letters: from autographs in the British Museum, the state paper office, and 1 or 2 other collection / with notes and illustration by Sir Henry Ellis. London: Richard Bentley, 1866. 381 p.
5. Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
6. Браун Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. М.: Вече, 2016. 432 с.
7. Кирюхин Д.В. Развитие эпистолярного жанра при дворе первых Тюдоров // Преподаватель XXI век. 2016. №4. С. 378–385.
8. Кузнецов Е.В. Движение лоллардов в Англии (конец XIV–XV вв.). Арзамас: АГПИ, 2011. 364 с.
9. Праздников А. Г. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. Автореф. дис. ... док. ист. наук / Нижний Новгород: ННГУ, 2021. 43 с.
10. Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб.: Алетейя, 2000. 187 с.

Франк Е.К.,
магистрант, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Научный руководитель: Усова Ю.С.,
*кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории,
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ НА РАЗВИТИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ПЛИМУТЕ В 1620–1636 гг.

В данной статье дан подробный разбор предпосылок, особенностей и результатов социально-экономического и культурного влияния североамериканских индейцев на развитие колониальной общины отцов-пилигримов в Новой Англии на территории Нового Плимута в 1620–1636 гг. В результате данного анализа выявлены причины и закономерности постепенного перехода со стороны европейских колонистов от равноправного сотрудничества, присущего периоду основания Нового Плимута (вызванного как малочисленностью отцов-пилигримов, так и потребностью в получаемых от индейцев сведениях и навыках выживания на незнакомом материке с непривычными для европейцев условиями жизни) к вмешательству во внутренние дела коренных жителей Северной Америки и к уверенности в моральном праве на это как представителей более «гуманной» и высокоразвитой цивилизации.

Ключевые слова: европейская колонизация; Северная Америка; Новая Англия; Новый Плимут; XVIII век; отцы-пилигримы; индейцы; социально-экономическое влияние; культурное влияние

Frank E.K.,
*Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»*

Scientific adviser: Usova Yu.S.,
*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Foreign Countries History, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»*

FEATURES OF THE SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL INFLUENCE OF NORTH AMERICAN INDIANS FOR THE DEVELOPMENT OF COLONIAL SOCIETY IN NEW PLYMOUTH IN 1620–1636

This article provides a detailed analysis of the prerequisites, features and results of the socio-economic and cultural influence of North American Indians on the development of the colonial community of the Pilgrim fathers in New England on the territory of New Plymouth in 1620–1636. As a result of this analysis, the causes and patterns of the gradual transition on the part of European colonists from the equal cooperation inherent in the period of the founding of New Plymouth (caused by both the small

number of pilgrim fathers and the need for information and survival skills received from Indians on an unfamiliar continent with unusual living conditions for Europeans) to interference in the internal affairs of the indigenous inhabitants of Northern America and confidence in the moral right to do so as representatives of a more «humane» and highly developed civilization.

Keywords: *European colonization; North America; New England; New Plymouth; XVIII century; Pilgrim fathers; Indians; socio-economic influence; cultural influence*

В современном мире на территориальном пространстве бывших колоний, включая США, является чрезвычайно актуальной проблема борьбы за свои гражданские права этнических меньшинств, зачастую представляющих собой изначально коренное население данных территорий. Причины такой трансформации в собственно меньшинство изначально хозяев той или иной земли лежат в колониальном прошлом, которое применительно к каждому региону обладает собственной спецификой, однако, как правило, колониальная политика европейских государств не являлась сугубо филантропичной по отношению к коренному населению [6, с. 31–33].

Наглядным примером данной ситуации может служить существующее в современных США (в основе которых лежат территории 13 бывших британских колоний) положение, при котором по сей день продолжается активная общественная деятельность афроамериканцев и североамериканских индейцев в борьбе за достижение равных прав с американцами европейского происхождения. Однако данные требования выдвигают встречный вопрос: существовали ли исторически когда-либо ранее аналоги данного равноправия в практике общения европейских колонизаторов и коренного населения Нового Света?

В связи с этим представляется верным обратиться к истокам колонизации англичанами североамериканского материка и зарождению взаимоотношений между колониальным обществом Новой Англии (на тот момент – в пределах первого крупного поселения на данной территории, основанного в ноябре 1620 г.). Данное поселение, получившее название Новый Плимут, было основано т.н. отцами-пилигримами – пуританами-сепаратистами, первоначально в 1607 г. из-за религиозных преследований вынужденных отправиться в Голландию. Однако в новой стране пуритан ждали существенные проблемы, не покрывавшие положительного фактора терпимости голландских властей к их религиозным взглядам: с учетом различий в экономической жизни двух государств, многие отцы-пилигримы не смогли найти работу в Голландии, вследствие чего примерно треть из них вернулись в Англию. Для оставшихся возникала закономерная проблема постепенной ассимиляции: новое поколение, выросшее в Голландии, уже придавало бы не столь большое значение принципам, принудившим самих отцов-пилигримов покинуть Англию [2, с. 10].

Выход из этой ситуации был найден в 1620 г., когда отцы-пилигримы получили возможность отправиться в Северную Америку вместе с группой английских переселенцев на корабле «Мэ-йфлауэр» с расчетом на основание собственного поселения, которое формально находилось бы под властью английской короны, однако позволило бы самим отцам-пилигримам приобрести религиозную и финансовую независимость.

Стоит уточнить, что взаимоотношения с коренным населением североамериканского материка во многом определяли развитие колониального общества Новой Англии в XVII в. и, вопреки распространенным заблуждениям, существовали далеко не только в формате конфликта между аборигенами и колонизаторами. Это было обусловлено рядом причин. Первые десятилетия колонизации североамериканского материка английские переселенцы (в историографии за которыми прочно закрепилось название отцов-пилигримов) представляли собой чрезвычайно

малочисленную по отношению к индейским племенам группу (община отцов-пилигримов по состоянию на 1617 г., т.е. за три года до отплытия, составляла не более 300 человек, из которых на «Мэйфлауэр» отправились 37; всего же численность колонистов составила 102 человека на момент отбытия [4, с. 108]), вследствие чего существование стабильной угрозы нападения со стороны индейцев изначально означало бы невозможность основания мирного поселения.

Кроме того, переселенцы, в особенности в первые годы после основания Нового Плимута, слишком плохо представляли себе специфику незнакомых земель, чтобы самостоятельно осваивать их и успешно вести хозяйство. В частности, прибывшим на материк только в конце ноября и официально заложившим фундамент Дома собраний только 25 декабря 1620 г. (именно эта дата в американской историографии считается днем основания Нового Плимута) отцам-пилигримам пришлось первую зимовку проводить на корабле и в условиях постоянной нехватки продовольствия, поскольку «Мэйфлауэр» был нагружен припасами из расчета на то, что колонисты будут на нем около четырех-пяти месяцев, а после их высадки должен был отправиться назад.

В этих условиях произошло первое мирное взаимодействие коренного населения и переселенцев: представитель местного племени патуксетов Тискуантум (в воспоминаниях пилигримов сохранившийся под именем Скванто), ранее захваченный английскими моряками в плен для продажи в рабство, некоторое время проживший в Лондоне и знавший английский язык, предложил переселенцам показать им места, подходящие для охоты и рыболовства, а также объяснил, как выращивать незнакомые отцам-пилигримам с/х культуры, такие, как тыква, фасоль и кукуруза, удобряя почву методом, незнакомым европейцам (в состав использовавшейся индейцами смеси входили рыбы внутренности) [7, р. 247–248].

Учитывая то, что патуксеты, входившие в состав алгонкиноязычной народности вампаноагов, являлись полуседлыми охотниками и рыболовами, а из земледельческих выращивали преимущественно именно эти культуры, можно сказать, что данные сведения обеспечивали, с точки зрения индейцев, жизнь для английских колонистов. Более того, согласно сделанным позднее записям в хронике «История поселения в Плимуте» губернатором Уильямом Брэдфордом, именно эти сведения позволили колонистам уже спустя год собрать урожай зерна, достаточный для того, чтобы пережить следующую зимовку уже в построенном на суше поселении. Стоит отметить, что значение данного поступка колонисты, по всей видимости, хорошо понимали, и даже в целом в американской культуре, несмотря на последующую политику вытеснения в резервации коренного населения материка, сохранилась особая память о нем, наиболее ярко выразившаяся в виде общенационального праздника Дня Благодарения, отмечаемого ежегодно в США в четвертый четверг ноября [7, р. 254].

Таким образом, на начальном этапе залогом успешного развития Нового Плимута стала гибкая тактика, позволявшая достигнуть взаимного компромисса интересов путем постепенного налаживания культурных и экономических контактов с коренным населением региона. Посредником в данном вопросе первоначально также послужил Тискуантум, при помощи которого в 1621 г. посланцы переселенцев Эдвард Уинслоу и Стивен Хокинс встретились с сахемом (верховным вождем) вампаноагов Массасойтом. В ходе данной дипломатической миссии представителями колонистов было проявлено заметное уважение к традициям индейцам и соблюдение соответствующих обрядов, таких, как, например, раскуривание «трубки мира» и обмен подарками, что требовалось для подчеркивания мирных намерений и готовности к диалогу.

Схожим образом колонисты принимали и в дальнейшем правила игры на чужой территории, даже в случае более враждебных действий со стороны коренного населения. Например, в 1624 г. племенной союз наррагансеттов, в отличие от вампаноагов, относившийся к общине евро-

пейских колонистов чрезвычайно настороженно, прислал им связку стрел, обвязанную змеиной кожей – знак, который сам по себе не являлся объявлением войны, т.к. стрелы не были обмазаны кровью, но означал «вызов и угрозу» [3, с. 146]. Жители Нью-Плимута, верно истолковав этот символ, ответили довольно остроумным образом: с честью приняв посланника наррагансеттов, они вручили ему перед возвращением к племени ту же кожу, вместо стрел наполненную пулями.

Такой подход к решению дипломатических вопросов со стороны колонистов имел особое значение потому, что в результате им удалось достичь цели: с точки зрения коренного населения материка, англичане воспринимались не как представители совершенно чуждой враждебной цивилизации, по развитию значительно превосходящей индейскую, а, скорее, как представители незнакомого нового племени со своими обычаями и традициями, которые, тем не менее, при взаимных уступках не служили принципиальным препятствием для сотрудничества. Кроме того, имеющиеся технологии европейцев не вызывали у индейцев никакого мистического страха: например, к огнестрельному оружию они относились примерно так же, как и к любому другому, но далеко не как к сверхъестественному предмету.

Доказательством такого положения дел может служить, например, ситуация, описанная Брэдфордом в хронике применительно к одной из стычек с представителями племени наусетов: «...крепкий и отважный индеец, укрывшись за деревом, на расстоянии половины мушкетного выстрела, пускал оттуда стрелы... В него трижды стреляли из мушкета, пока выстрел не угодил в дерево, так что его осыпало обломками; тогда издал он пронзительный крик, и все они убежали» [3, с. 113]. Данный эпизод примечателен тем, что показывает отсутствие какого-либо серьезного психологического эффекта на индейцев огнестрельного оружия (это может объясняться тем, что наусеты к тому моменту уже успели познакомиться с английскими моряками, периодически делавшими вылазки на материк для захвата небольших групп представителей племени в рабство [4, с. 204–205]): крик, о котором идет речь в тексте, очевидно, являлся общим сигналом к отступлению, поскольку в противном случае той же цели достигли бы уже первые выстрелы со стороны колонистов.

Даже наиболее близкая к завоевательным планам идея, существовавшая в программе отцов-пилигримов еще до переселения в Северную Америку и связанная с проведением миссионерской деятельности, оставалась в течение первых полутора десятилетий их пребывания на новом материке более чем неоднозначной. Если рассматривать деятельность Джона Эллиота, одного из наиболее выдающихся представителей этого периода в данной сфере, прибывшего в Северную Америку в начале 1630-х гг. и получившего прозвище «апостола индейцев», то и его проект создания особых «молельных городков», не имевших существенной поддержки как со стороны английского правительства, так и колониальных поселений, преимущественно оказался реализован благодаря тесному сотрудничеству колонистов с индейцами. Последние использовали данную возможность как способ сближения с колониальным социумом: помимо религиозного просвещения (проводившего также в духе общей политики взаимного компромисса, охарактеризованной выше: индейцам полагалось на время пребывания в поселении носить одежду европейского покроя и не совершать языческих ритуалов, в то время как обучение и проповеди читались полностью на местном наречии при посредничестве переводчика, а решение о принятии христианства само по себе оставалось сугубо на усмотрение самих индейцев и не предполагалось закономерным итогом деятельности миссионера) [1, с. 63–65]. При этом обращенные индейцы получали возможность занять административные должности в самоуправлении городка, и свободное использование ими собственного языка не запрещалось, хотя одним из элементов обучения было освоение английской грамоты, как устной, так и письменной.

Однако нельзя сказать, чтобы данная политика взаимоотношений английских колонистов и коренного населения материка продержалась достаточно долго: период ее существования ограничивался первыми двумя десятилетиями существования Нового Плимута. Во многом это было обусловлено тем, что изначально колонизация Северной Америки была связана с надеждами на построение идеальных политических институтов и возрождение «истинной церкви», из-за чего данные территории прямо назывались новым Иерусалимом. Этой точки зрения, в частности, придерживался и руководитель «пуританского эксперимента» Джон Уинтроп, который утверждал: «Что касается туземцев Новой Англии, они не владеют землей и не имеют постоянного местожительства... и если мы им оставим достаточно земли для их нужд, то сможем законно забрать всю остальную...» [10, р. 34–36] (при этом не уточнялось, на чье усмотрение оставалось раскрытие довольно зыбкого понятия «достаточности»).

О многом свидетельствуют также оговорки в колониальных памфлетах 1620-х гг., в которых (даже в наиболее ранних, как, например, знаменитое «Сообщение Морта», написанное в 1621 г., т.е. к периоду, когда английские переселенцы из Нью-Плимута активно стремились сотрудничать с коренным населением колонизируемой территории), содержатся неоднозначные элементы, в частности, рисуется карикатурный образ сахема Массасойта. К примеру, в памфлете несколько раз подчеркивается, что вождь не может запомнить и верно произнести имена англичан, переименовая их таким образом, что происходящее с точки зрения английской грамматики превращается в игру слов (хотя общение через переводчика свидетельствует, что Массасойт не знает английского языка и явно не способен случайно оговариваться таким образом несколько раз подряд) [9, р. 16–19]. Очевидно, что данная ситуация выдумана составителями памфлета с целью представить сотрудничество с индейцами для метрополии как некую забавную случайность и вынужденную необходимость; это служит доказательством, что данное сотрудничество рассматривалось как временное.

По хронике «История поселения в Плимуте» можно проследить схожие тенденции и даже определить их периодичность: хотя сам документ был создан уже в 1640-х гг., однако в нем записи, содержащие негативные описания характера и поступков индейцев, начинают появляться со второй половины 1620-х гг. и идут с тенденцией к усилению: от беглых упоминаний о том, что вампаноаги, дающие советы колонистам по вопросам земледелия и охоты, «коварны и ненадежны» (причем нередко такие эпитеты даются без каких-либо пояснений) и «рыщут в лесах подобно диким зверям» до встречающихся в записях 1630-х гг. подробных описаний их жестокости: «не довольствуясь умерщвлением врага, они с наслаждением подвергают его кровавым пыткам... с живых сдирают кожу острыми раковинами, отрезают понемногу конечности, поджаривают их на углях и поедают на глазах у еще живой жертвы».

Очевидно, что подобные образы были призваны оправдать действия самих колонистов, в ряде случаев поступающих по отношению к представителям индейских народностей как минимум неоднозначно. Одним из примеров служит описанная в еще одном колониальном памфлете «Добрые вести из Новой Англии», составленном в 1624 г. после загадочной истории конфликта между Новым Плимутом и конкурирующей с ним английской факторией в Уэссагасетсе и проживающим рядом племенем коренных жителей. Согласно памфлету, последние планировали нападение на Новый Плимут, однако предупрежденные союзниками-вампаноагами отцы-пилигримы организовали превентивное нападение вооруженного отряда (при этом в памфлете особо подчеркивается вынужденный характер данной меры и нежелание жителей Нью-Плимута до последнего момента проливать кровь) [8, р. 12–13]. В настоящее время в историографии существуют различные мнения относительно того, было ли данное нападение действительно вызвано внешней угрозой для Нового Плимута, оказалось результатом соперничества двух ко-

лоний за территории или, наоборот, двух индейских племен, одно из которых прибегло к помощи европейцев для уничтожения врага. Однако можно сказать с уверенностью, что это событие являлось нападением со стороны колонистов на коренных обитателей материка и тем самым из людей, ранее сотрудничавших с индейцами исключительно в целях обеспечения собственного мирного существования, сделало их стороной в конфликте.

Таким образом, если подытожить данные материалы и умозаключения, мы можем на их основе сделать несколько развернутых выводов.

Во-первых, при том, что с немалой долей вероятности в событиях в Уэссагасетсе именно европейцы стали орудием политики индейских союзников, но сочетание самого конфликта и столь резкий акцент на жестокости и коварстве как присущих индейцам чертам свидетельствуют о постепенном переходе от равноправного сотрудничества, присущего «политике компромисса» начала 1620-х гг., к вмешательству европейцев во внутренние дела последних и их уверенности в моральном праве на это как представителей более «гуманной» при ведении войны цивилизации.

Во-вторых, вследствие этого с началом 1630-х гг. рост количества поселений в Новой Англии (где к тому моменту проживало уже почти 10 тыс. человек, что также вовлекало колонистов в более серьезное взаимодействие с коренным населением) и конфликты на этой почве как с индейскими племенами, так и между последними привели к нестабильной ситуации в регионе.

В-третьих, положение достигло кризиса, когда 20 июля 1636 г. с целью ослабления торговли между колонистами и племенем пекотов конкурентами последних, наррагансеттами, был убит англичанин Джон Олдем, пользовавшийся большим уважением в Нью-Плимуте. Доследствие того, что полноценного расследования проведено не было, обвинения оказались возложены на самих пекотов, а последовавшая за этим карательная экспедиция спровоцировала ответную агрессию пекотов и нападения на поселенцев [1, с. 74–75].

В-четвертых, результатом данных событий стала Пекотская война 1636–1638 гг., ставшая первой войной, в ходе которой произошло массовое истребление одного из коренных народов Северной Америки колонистами, и завершившаяся практически полным исчезновением пекотов [5, с. 218]. Данная война изменила положение дел и для европейцев, осознавших, что время «политики компромиссов» оказалось утрачено: поселенцам требовалось объединяться против общей угрозы в лице коренных обитателей материка, для чего еще в конце 1630-х гг. начались переговоры, а в 1643 г. в Бостоне была организована встреча лидеров британских колонистов Новой Англии, создавших союз, получивший название Конфедерации Новой Англии.

Список литературы

1. Александров Г.В., Хрулева, И.Ю. Территориальная и духовная экспансия пуританской Новой Англии и Пекотская война 1636–1638 годов // Исторические исследования. М.: Журнал ист. фак-та МГУ. 2014. № 1. С. 61–77.
2. Белан М. А. Колониальные идеи в общественно-политической мысли Англии второй пол. XVI – первой четверти XVII вв. / автореферат дис. ... к. и. н. М.: МГУ, 2014. 23 с.
3. Брэдфорд У. История поселения в Плимуте / Пер. с англ. А.С. Старцева. М.: Худож. лит., 1987. 749 с.
4. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. 1606–1642. М.: Наука, 1978. 335 с.
5. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630–1642. М.: Наука, 1980. 344 с.
6. Усова Ю.С. Партийно-политическая борьба в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии по проблеме формирования европейских договоров (1997–2007 гг.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 174 с.
7. Adolf L. Squanto's Role in Pilgrim Diplomacy // Ethnohistory. Vol. 11. No. 3 (Summer, 1964). P. 247–261.
8. Winslow E. Good Newes From New England. London: Amherst, 1996. 19 p.
9. Winslow E. Mourt's Relation. Boston: Creative Media Partners. 2018. 23 p.
10. Winthrop J. Reasons to be Considered for the Intended Plantation in New England (1629) // Winthrop Papers. 6 vols. Boston: Massachusetts Historical Society, 1929–1992. Vol. II. 103 p.

Шмелев Д.В.,

доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО КАТОЛИКА (ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ АББАТА ПИКARA ДЕ ЛЯ ВАКЕРИ)

На примере текста аббата Пикара де Ля Вакери рассматривается проблема репрезентации образа Советской России в католическом общественном мнении межвоенного периода. В центре внимания находятся проблемы повседневной жизни советских людей, культурная политика власти, отношение к религии. В рассказе Пикара де Ля Вакери преобладает умеренно негативное восприятие советской действительности, подчеркивающее контраст между дореволюционным периодом русской истории и новой материалистической реальностью, рожденной революцией. В то же время данное восприятие вписывается в критический подход, изначально возникший среди католиков относительно интерпретации революции и создания нового общества в России, что затрудняет объективное понимание происходивших процессов.

Ключевые слова: Франция; СССР; католицизм; коммунизм; репрезентация

Shmelev D.V.,

Dr. Sc. (History), Professor, Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «Kazan (Volga Region) Federal University»

SOVIET RUSSIA THROUGH THE EYES OF A FRENCH CATHOLIC (LENINGRAD IMPRESSIONS OF ABBOT PICARD DE LA VAQUERY)

Using the text of Abbé Piccard de La Vaquerie as an example, the problem of representing the image of Soviet Russia in Catholic public opinion of the interwar period is examined. The focus is on the problems of everyday life of Soviet people, the cultural policy of the authorities, and attitudes towards religion. In Piccard de La Vaquerie's story, a moderately negative perception of Soviet reality prevails, emphasizing the contrast between the pre-revolutionary period of Russian history and the new materialist reality born of the revolution. At the same time, this perception fits into the critical approach that initially arose among Catholics regarding the interpretation of the revolution and the creation of a new society in Russia, which makes it difficult to objectively understand the processes that took place.

Keywords: France; USSR; Catholicism; communism; representation

«Открытие» Советской России французскими католиками стало важным фактором их общественно-политической жизни, а также адаптации их дискурса к вызовам времени. Победа революции в России положила начало политическому и идеологическому противостоянию католицизма и коммунизма, способствовала появлению критических публикаций и осмыслению процессов в нашей стране.

В начале 1930-х годов Ватикан, после ряда безуспешных попыток наладить отношения с советским руководством и получить преференции для католицизма в рамках провозглашенной свободы вероисповедания, предпринял ряд демонстративных шагов, призванных убедить

верующих в порочном характере советского режима, диктатуры пролетариата и коммунизма в целом. В политическом контексте на фоне начавшегося экономического кризиса и дестабилизации международной обстановки речь шла об усилении антикоммунистической пропаганды в различных слоях западного общества, реализации т.н. «крестового похода молитв» в память о преследовании верующих в Советской России, участии католиков в различных манифестациях (для чего активизируются сети «католического действия»), но также о тщательном изучении природы советской власти [2; 6].

По инициативе Ватикана прошла серия конференций по разоблачению действий «Союза безбожников» в СССР. 1 ноября 1929 г. был учрежден *Russicum*, папский институт для подготовки молодых людей русской национальности и византийско-славянского обряда, а также других национальностей, которые практиковали византийско-славянский обряд, предназначенных для осуществления миссии священства в России. Учреждение его сопровождалось пристальным и враждебным вниманием со стороны советских органов, которые считали его «гнездом змей и шпионов». Тогда же по инициативе куратора русских католиков в Париже Э. Шапталя было предложено организовать неделю молитв за Россию [1]. Впрочем, эффект от пропагандистской кампании Ватикана оказался небольшим, и она к осени 1930 года сошла на нет.

В последующий период активность Ватикана переносится в социокультурную плоскость. Например, последовала активизация деятельности сети «народного действия» («action populaire»): конференции, исследования, курсы образования по различным аспектам советской действительности [2, р. 90–91]. В феврале 1933 г. по инициативе папы в рамках борьбы с «безбожниками» проводится конкурс антисоветских романов, победителем которого стала книга Алии Рахмановой «Фабрика новых людей» (1936) [6]. Католические газеты (например, «La Croix», «L'Aube», «Sept») публикуют сводки и репортажи о происходящем в Стране Советов, совершаются поездки религиозных деятелей в СССР (Ф.-А. Крамер, А. Шантеруа и др.), свидетельства которых служат важным подспорьем в интерпретации советского опыта строительства социализма.

Одним из таких путешествий стала поездка аббата Пикар де Ля Вакери (Picard de La Vacquerie) в Ленинград осенью 1933 года, по итогам которой во французской католической газете «La Croix» были опубликованы его впечатления. Его поездка и рассказ о ней являются важным свидетельством католика, побывавшего в СССР, опубликованного в ведущем французском католическом издании и внесшего свой вклад в дело репрезентации образа советского режима в католическом общественном мнении.

Робер Пикар де Ля Вакери (1893–1969) был одним из крупных французских католических деятелей прошлого столетия, епископом Орлеана и членом Французской спортивной федерации, а также участником Второго Ватиканского собора в октябре – декабре 1962 года. На момент поездки в СССР он служил в Парижской епархии и был членом Исторического общества Парижа и Иль-де-Франса.

Каковы были причины поездки аббата в Советскую Россию? Из опубликованного рассказа не совсем понятно, была ли она его личным решением или стимулирована католической иерархией. Сам он указывает на советскую рекламу за границей и пишет о возникшем желании воспользоваться «русским туризмом»: «Советские руководители использовали в этом деле человеческую психологию. Действительно, добрые буржуа старого и нового мира, в своей собственной стране боящиеся большевистской пропаганды, испытали сильное желание вкусить запретный плод» [3, р. 1–2].

Под влиянием активной советской пропаганды на рубеже 1920–30-х годов, стремящейся сформировать позитивный облик родины социализма, у многих западных интеллектуалов, по-

литиков и простых обывателей возникло желание на деле увидеть «советский рай», изучить его, восполнить недостающие пробелы в информации, которая пока еще скупо поступала из Советского Союза. «Полные элементы информации невозможно собрать воедино. С одной стороны, страна, занимающая одну шестую часть суши и насчитывающая 163 миллиона жителей, плохо освоена, дороги и железнодорожное сообщение не достигает даже всех ее концов, а с другой стороны, информация в целом поступает из вторых рук, а первичная является той, которую держит при себе правительство», – пишет аббат Пикар де Ля Валери. Но в причинах поездки в СССР у католического священника есть еще и вполне религиозный мотив: «Для христианина эмоциональное переживание коренится в самых сокровенных источниках его бытия. Он переживает это в себе словно стон распятого Христа. Является ли Россия страной мучеников? Остается ли она верной своей преследуемой Церквью?» [3, р. 1–2].

Вполне естественно, что путешественник должен описать и опубликовать свои впечатления, в которых также будет, несомненно, присутствовать его «личный выбор», соотносящийся с его идеалами, политическими предпочтениями и чувствами. Итак, что увидел в Советской России аббат Пикар де Ля Валери? Свидетельства, опубликованные на страницах газеты «La Croix», разбиты на три части: улицы, музеи и религия.

Как пишет сам аббат, его поездку и сопровождение организовывал «Интурист», предоставивший ему проживание и средства передвижения. Будучи хотя и предвзятым, но внимательным путешественником, аббат увидел в Ленинграде типичный «промышленный город», в котором преобладает рабочее население, «огромная толпа пролетариев», передвигающаяся между домом и работой. Облик этих рабочих он описывает в серых тонах: однообразный и стандартизированный стиль одежды, отсутствие какой-либо индивидуальности и свободы личности, плохое питание («кусочек черного хлеба» и «несколько граммов говядины сомнительной свежести»), молчаливость и нелюбезность. Среди них много бедных, но это «всеобщая бедность, не слишком очевидная». При скудном питании люди не выглядят совсем уж изможденными и «нездоровыми». Пикар де Ля Валери отмечает почти повсеместное упразднение свободы торговли. Но вместе с тем: «Множество прилавков, витрин магазинов, мелких ремесленников, продающих свою продукцию, много местного колорита. Каждый движется по своим делам с мелкой сумкой в руках, пешком, или, заняв место в грязном старом трамвае, откуда свисают человеческие грозды». Приезжие буржуа привлекают попрошайек и любопытных, которых разгоняет милиция. В целом, «улица» производит на него тоскливое впечатление. «Огромная грусть исходит от этой толпы», – пишет он, отметив в качестве ее причины «славянский темперамент» и пережитые невзгоды при «старом режиме» [3, р. 1–2].

Но «старый город Петра», несмотря на царящую вокруг нищету, поражает воображение, сохранив несмотря на революцию и упадок свою величественность. Цари «с невозмутимостью бронзы или камня созерцают разрушение их дела». Пикар де Ля Валери пишет о намерении Троцкого в годы революции разрушить Петроград, но отмечает, что он был сохранен благодаря Сталину, сторонники которого, хотя и такие же фанатики, показывают теперь иностранцам «богатства церквей, роскошь Зимнего дворца и Эрмитажа, элегантность частных малых дворцов, расположенных по берегам Невы» [4, р. 1–2].

Пикар де Ля Валери с удивлением отмечает, что у сопровождавших его гидов «любовь к русской нации» гораздо более живуча, чем «любовь к коммунизму», и они обижаются, когда иностранцы недостаточно восхищаются историей города и его памятниками. «Национализм этого народа, – пишет аббат, – более очевиден, чем его повсюду афишируемый интернационализм. Мистика расы, крови инстинктивно переплетаются с интернациональной мистикой». Но

как бы этого не хотелось, время и нищета действуют разрушительно. Фасады домов ветшают, многие окна и витрины разбиты, дворцы похожи на поблекшую, но сохранившую статью «старомодную даму» [4, р. 1–2].

Определенные впечатления аббат Пикар де Ля Валери вынес из посещения русских музеев (особенно Эрмитажа), которые для него были интересны с двух сторон: как коллекции предметов искусства и как инструмент коммунистической пропаганды. «Картины и объекты искусства, сгруппированные по эпохам, сопровождались революционными объяснениями. Средневековому искусству соответствовали образы мощных замков, крестьян, склонившихся на работе в поле. В залах французского XVII века мы видим раздутого тщеславием Людовика XIV, провозглашающего: “Государство – это я!” Рядом с полотнами, современными Революции, виды взятия Бастилии, портреты Дантона, Демулена, Робеспьера. Чуть далее борьба классов XIX века объясняется через рисунки Гаварни. Среди прочего классическая карикатура на Луи-Филиппа в форме груши. Повсюду гравюры, напоминающие о различных восстаниях царской эпохи», – рассказывает о своих впечатлениях аббат. Точно также, по его словам, для большевистской пропаганды используют бывшие царские резиденции, правда, различая тех царей, кто вел страну к славе, и тех, кто совершил серьезные ошибки. Пикара де Ля Валери потрясла масштабная реставрация Петергофа на фоне низкого уровня жизни людей. «Народ, умирающий с голоду, сумел найти деньги, чтобы заново озолотить царские дворцы», – отметил он [4, р. 1–2].

Разочарование Царским селом. «Последний дворец, где жил Николай II, шокирует своей банальностью и уродством», – пишет аббат, отметив «ужасный стиль» начала 1900-х годов, убогость библиотеки. Ему вспомнился при этом образ Екатерины II, которая переписывалась с Дидро и Вольтером, и в сравнении с которой образ последнего русского царя явно проигрывает. В то же время он пишет о «претензии на подлинность» и объективность в обстановке комнат дворца, воссоздающих последние дни жизни царя и его семьи (детские игрушки, семейные предметы). В целом, «мы лучше понимаем в этой обстановке всю дискредитацию павшей монархии, успех Керенского и Ленина», но одновременно «думаем о страданиях, перенесенных царской семьей» [4, р. 1–2].

Будучи католиком и служителем Церкви, аббат Пикар де Ля Валери не мог пройти мимо положения религии и Церкви в России. Основной его тезис, который часто повторялся вслед за папской позицией во французской католической печати, писавшей о советской действительности, гласит, что «русский народ остается глубоко религиозным». Вместе с тем большевиками, по его признанию, были предприняты серьезные попытки изменить ситуацию. «Для советской рабочей массы сменился культ, религиозная мистика заменилась другой, но религия осталась. На деле, очень человеческая религия. Культ, воздаваемый сверхчеловеку, современному богу, Ленину. Ленинизм в Ленинграде, Москве, в крупных промышленных городах и вероятно в некоторых деревнях заменил христианство», – пишет он. Этот культ сопровождался ритуалами, например, «дефиле перед гробницей диктатора» на Красной площади, что интерпретируется аббатом как «проявление веры пролетариата» в своего «спасителя». Ему бросается в глаза большое количество статуй Ленина, его портреты в каждом доме («бог у очага»), заменившие «византийские иконы», но порой соседствующие с образом Девы Марии (Богородицы) [5, р. 1–2].

Пикар де Ля Валери отметил, что советская религия (ленинизм), как и всякая религия, имеет своих последователей, служителей и мучеников. Его последователи день и ночь маршируют перед его гробницей в Москве. Его служители присутствуют во всех ячейках общества в виде миллионов мужчин и женщин. Его мученики также повсюду из числа тех, кто добровольно присуждает себя на крайнюю бедность во имя будущего счастья «самой великой и прекрасной

России». Они готовы пожертвовать собой и нельзя не восхищаться их смелостью. Но при этом виден разрыв между поколениями. Молодежь больше вовлечена в коммунизм, чем старое поколение. Но у последнего на самом деле нет выбора: «если они хотят не умереть с голоду, то должны обратиться в веру нового режима», но даже в этом случае их продовольственный рацион остается скудным. Молодежь же знает лишь «советский рай». Но ей запрещено уезжать из СССР, читать книги, газеты, письма, смотреть фильмы, кроме разрешенных партией [5, р. 1–2].

Не случайно обучению и воспитанию детей советское правительство уделяет «первостепенное внимание». «Детство принадлежит государству, – констатирует Пикар де Ля Валери, – и чтобы поддерживать в детях коммунистическую веру, государство использует все средства. Программы обучения на всех ступенях характеризуются одним главным понятием – классовое пролетарское образование», то есть коммунизм, навязанный умам как государственная религия вместо православия, которое строго запрещено». При этом в начальной школе большое внимание уделено естественным наукам – химии и биологии, теории Дарвина, экономической истории (соответствующими марксистскому материализму) и доктрине классовой борьбы. Классическое школьное обучение дополняется другими формами – вечерними рабочими школами, рабочими университетами, с целью быстрого формирования образованных рабочих кадров и пропаганды коммунизма [5, р. 1–2].

Но есть ли какое-то сопротивление этому процессу? Пикар де Ля Валери отвечает утвердительно, упоминая адептов и мучеников «божественной России», рассказы репрессированного «епископа-мученика» магистра Слоскана, преследования православных и католиков. Их жизнь, по его словам, является каждодневным мученичеством», как и жизнь простых людей в условиях нищеты и дороговизны, постоянного надзора и шпионажа, рассматриваемого как «коммунистическая добродетель». Тем не менее, церкви наполнены верующими [5, р. 1–2].

Завершается описание поездки довольно эмоциональным призывом к поддержке действий папы и верующих со всего мира в противостоянии коммунизму и молитвам за «мученическую русскую церковь», что возвращает к описанному вначале политическому контексту поездки аббата Пикар де Ля Вакери в Ленинград.

В целом, данный рассказ вписывается в общий стереотип восприятия католиками советской реальности, сложившийся в 1920–30-е годы, когда упор делался на низкий уровень и качество жизни населения, внедрение коммунистических идей в сознание русского человека, религиозные преследования и искоренение христианской веры. Очевидно, что многие аспекты советской действительности вольно или невольно остались вне поле зрения аббата. Но учитывая, что аббат Пикар де Ля Вакери, по всей видимости, посетил только Ленинград, его рассказ о советской жизни является фрагментарным и неполным, но, тем не менее, важным средством, среди прочих, репрезентации Советской России во французском католическом общественном мнении.

Список литературы

1. Петракки Д. Невозможное сосуществование: Святой Престол и религиозный вопрос в России между конкордатом и крестовым походом, 1924–1934 // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 4 (68) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей // URL: <http://history.jes.su/s207987840002212-2-1> (дата обращения: 24.01.2024).
2. Chenu Ph. L'Eglise catholique et le communisme en Europe (1917–1989). P.: Cerf, 2009. 383 p.
3. Léningrad. Impressions de voyage par l'abbé Picard de La Vacquerie // La Croix. 1933. 9 novembre. P. 1–2. 11 novembre. P. 1–2.
4. Léningrad. Impressions de voyage par l'abbé Picard de La Vacquerie // La Croix. 1933. 10 novembre. P. 1–2.
5. Léningrad. Impressions de voyage par l'abbé Picard de La Vacquerie // La Croix. 1933. 11 novembre. P. 1–2.
6. Pettinaroli L. La politique russe du Saint-Siège (1905–1939). Rome, 2015. 937 p.

Ягафарова А.Р.,
магистрант, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Научный руководитель: Усова Ю.С.,
*кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории,
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»*

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА НА ПРИМЕРЕ ВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ В США

В статье рассматриваются вопросы изучения возникновения и развития социальной фотографии в США в период Великой Депрессии. Автор показала, при каких обстоятельствах стала развиваться в то время социальная фотография, и какую роль она сыграла в практической деятельности по преодолению последствий Великой Депрессии, став попутно важным источником для изучения истории США этого времени.

Ключевые слова: визуальные источники; социальная фотография; история Великой Депрессии в США

Yagafarova A.R.,
*Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»*

Scientific adviser: Usova Yu.S.,
*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department
of Foreign Countries History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ufa University of Science and Technology»*

DEVELOPMENT OF SOCIAL PHOTOGRAPHY AS A STATE ORDER BY THE EXAMPLE OF VISUAL MATERIALS ON THE HISTORY OF GREAT DEPRESSION IN THE USA

The article examines the issues of studying the emergence and development of social photography in the United States during the Great Depression. The author showed under what circumstances social photography began to develop at that time, and what role it played in practical activities to overcome the consequences of the Great Depression, simultaneously becoming an important source for studying the history of the United States of that time.

Keywords: visual sources; social photography; history of the Great Depression in the USA

XX–XXI вв. – это эпоха, когда максимальную важность приобрело визуальное восприятие событий. Если ранее можно было обойтись исключительно текстовым описанием, анализом, то в последние полтора столетия общество в целом становится все более и более подверженным формированию памяти о событиях в контексте потребляемых визуальных материалов о

том или ином событии [2]. В том числе, о тех кризисных явлениях и их последствиях, которые сейчас переживаются. Именно поэтому особенно актуально рассмотреть, как визуальные материалы использовались государственными органами в контексте трагедии Великой депрессии в США.

Основой формирования впечатления о Великой депрессии стал инструмент «социальная фотография». Социальная фотография – это особый жанр документальной съёмки, в фокусе которой взаимодействие между людьми, их повседневная жизнь, её проблемы и радости. Социальная фотография выделилась в самостоятельное направление из фотожурналистики, где выразительные кадры должны были дополнять статьи, подтверждая подлинность сказанного в них и работать на усиление эмоционального воздействия на читателя [3]. Жанр социальной фотографии отличается тем, что при выборе сюжета для съёмки фотограф стремится ничего не менять в окружающей действительности, или менять минимально, а итоговое содержание снимка отражает срез исторической эпохи и ценности определенного отрезка времени. Отметим, что во главу сюжета социальной фотографии выдвигается документальность, нежели эстетичность, поскольку главной целью является запечатлеть уникальное свидетельство повседневной жизни, транслировать определенный социальный опыт, отразить некий отпечаток коллективного сознания [1].

С другой стороны, социальная фотография вызывает сильный эмоциональный резонанс, оказывает влияние на систему ценностей и мотивирует людей на определенное поведение и действие, способствует формированию общественного мнения, а также выполняет функции социального контроля, социальной интеграции, социализации, и манипуляции массовым сознанием. Социальная фотография чаще всего не нуждается в каком-либо поясняющем тексте, легко понятна для широкой аудитории и вызывает прямой эмоциональный отклик смотрящего.

Данными свойствами социальной фотографии решили воспользоваться политические деятели США в период Великой депрессии 1930–1940 гг. в целях донесения до широких масс людей бедственного положения разорившихся фермеров, подкрепления обоснования направления крупных бюджетных средств на их поддержку, и, в качестве дополнительной страховки своего политического курса и принятых реформ, которые очень неоднозначно воспринимались обществом.

Великая американская депрессия 1930–1940-х гг. стала беспрецедентным экономическим кризисом, приведя к сильнейшему сокращению рынка и затронув каждого американца. Наиболее значительные и болезненные последствия включали повсеместную безработицу, огромную массу бездомных, переселенцев, мигрирующих на заработки, и заметное повсеместное снижение уровня жизни. Ухудшению ситуации способствовала сильная засуха, разразившаяся в центральных сельскохозяйственных штатах, приведшая к серии нескольких разрушительных пыльных бурь, получивших название «пыльная чаша», которые разорили многих фермеров, сделав их земли непригодными для сельскохозяйственной деятельности.

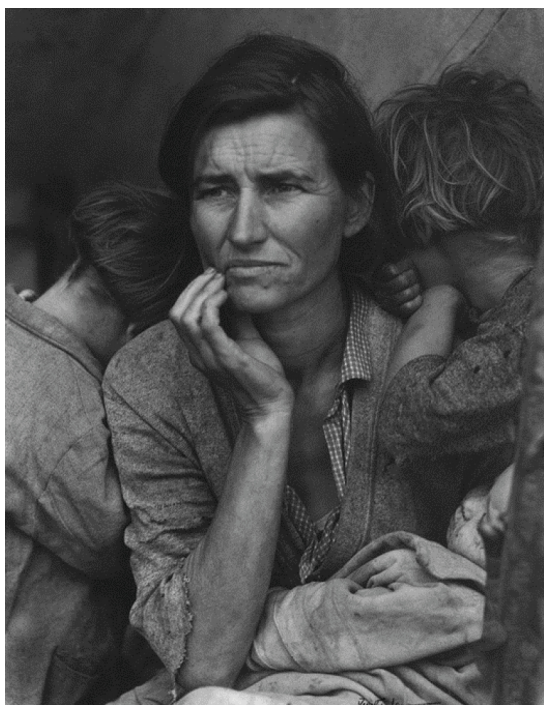
В такой непростой обстановке только что избранному президенту США Ф.Д. Рузвельту пришлось принимать множество экстренных мер, при этом тонко балансируя между интересами владельцев крупных капиталов, политиков «свободного рынка», и интересами огромного числа социально незащищенных слоев населения, оказавшихся на грани социального и физического выживания, могущих привести к социальному взрыву и столкновениям. Как известно, администрация Ф. Д. Рузвельта сделала ставку на популизм, использование нетрадиционных для своего времени средств воздействия на массовое сознание: регулярные обращения к нации

по радио в «неофициальном» стиле и на том уровне подачи материала, который был понятен большинству населения, а также широкое распространение публикаций, отражавших истинное положение дел в экономике, показывая читателям среднего класса и жителям восточного побережья поверженные в нищету и разруху целые штаты и отрасли с тем, чтобы убедить их в необходимости посредством федеральных программ вытащить экономику из глубочайшего кризиса. То есть, практически правительству Ф. Д. Рузвельта нужно было доказать одним американцам, что другая часть нации живёт в состоянии катастрофы, что огромные средства на помощь беднякам идут не зря.

Так, в 1930-е гг. была предпринята весьма авантюрная идея (как тогда казалось ее инициаторам), согласно которой Управление по защите фермерства (Farm Security Administration или FSA) наняло лучших фотографов страны, чтобы запечатлеть страдания простого человека (прежде всего, фермера), которые донесли до широкой публики информацию о той разрухе, которая постигла ведущие сельскохозяйственные штаты Среднего Запада. Таким образом, социальная фотография фактически стала предметом государственного заказа. Реализация такого госзаказа FSA на осуществление съемок выражалась в заключении контрактов с фотографами, определении штатов, в которые они направлялись, сценариев съемок (например, многие бытовые сцены, по которым можно составить представление о том, как жили обычные люди в глубинке и проводили свой досуг, как семья обедает, молится и др.), отчетов и передач получившихся негативов. Полученные в результате фотоматериалы отбирались лично руководителем фотопроекта FSA Роем Страйкером и направлялись в издательства не только деловых изданий, но и в издания развлекательного характера, в целях охвата как можно большего числа американцев из различных слоев общества, сфер деятельности и интересов.

Реализация избранной тактики способствовала тому, что социальная фотография выступила в роли весьма нетривиального государственного заказа, способствовавшего широкому распространению фотографий социальной тематики, популярности фотографов, чьи работы публиковались в печатных изданиях, что, в свою очередь, привело к стремительному развитию данного жанра. Отметим также, что данный период привел к еще одному последствию – «визуальному» повороту в подаче материалов прессой: изображение уже не просто иллюстрировало новость, но само становилось новостью, оказывая сильнейшее эмоциональное воздействие на читателя.

Некоторые работы, выполненные в рамках фотопроекта FSA, приобретали статус «культовых» (iconic), которые представляли не только художественную ценность, но и влекли за собой мгновенный отклик общества. Так, известная фотография «Мать-переселенка» (англ. Migrant Mother) Д.Лэнг, запечатлевшая глубоко задумавшуюся изможденную женщину с отстранённым, грустным взглядом, подпирающая голову рукой; двое её детей отвернулись от камеры и упираются лицами в её плечи, третий ребёнок спит у нее на коленях. В Библиотеке Конгресса США эта фотография имеет следующее описание: «Нуждающаяся сборщица гороха из Калифорнии. Возраст 32 года. Мать семерых детей. Нипомо, Калифорния» [6]. Фотография была опубликована в газете San Francisco News вместе со статьёй, в которой сообщалось, что тысячи бедных людей страдают от голода в лагере под Нипомо [5]. Публикация с фотографией сразу вызвала общественный резонанс, поступило множество обращений читателей в редакцию газеты и муниципалитеты с требованиями предпринять меры. Правительственная администрация, курировавшая дела переселенцев, отправила в лагерь много еды и предметов первой необходимости.

Рассмотрим другой пример, фотография «Пыльная буря», округ Симаррон, 1936 год, сделанная первым штатным фотографом FSA А. Ротштейном, в штате Оклахома, в одном из наиболее подверженных ветровой эрозии районов страны (внутри Пыльной чаши).

На фотографии запечатлены фермер и два его маленьких сына, которые, борясь с ветром, пытались укрыться в сарае, наполовину занесенном песком. Фотографии были широко опубликованы в

газетах, что привело к тому, что через несколько недель комитет конгресса отправился в Бесплодные земли для расследования.

Несмотря на тяжелейшую экономическую ситуацию, для фотодокументалистов наступил «звездный час». Многие из привлеченных FSA фотографов стали бешено популярны, выполняя государственный заказ по правдивой фотофиксации реальной обстановки, что способствовало стремительному развитию и социальной фотографии: снимки стали публиковаться в знаменитых изданиях «Life», «Look», и «Fortune», размещаться на выставках в музеях, публиковаться в тематических сборниках. Например, в 1938 г. в Музее современного искусства в Нью-Йорке состоялась выставка «Уокер Эванс: американские фотографии» [7]. Это была первая выставка в музее, посвященная творчеству только одного фотографа.

Однако к концу 1930-х гг. FSA в рамках своего госзаказа начало требовать от фотографов уже не столько правды, сколько рекламы, ведь реформам следовало уже подействовать, а значит, фотографии были обязаны отразить это в своих работах. Не все фотографы не соглашались с подобными требованиями, и по истечении своего госконтракта покидали проект. Тем не менее, появились социальные фотографии, которые отразили успехи правительственных программ: строительство обширных плотин для обеспечения защиты сельскохозяйственных угодий от наводнений и выработки гидроэлектроэнергии, расширение электросети по всей стране, восстановление сельского хозяйства в пострадавших регионах.

Федеральный художественный проект завершился в 1944 г., и полученные в результате фотоработы являются, пожалуй, самыми известными и правдивыми изображениями бедности в США, могут служить наглядной моделью того, как государственная политика осуществляется через просвещение и восприятие. Всего ведущими фотографами, такими как Доротеа Лэнг, Уокер Эванс, Артур Ротштейн, Бен Шан, Марион Пост Уолкотт, Рассел Ли, Джон Вашон, и другими, было сделано около 270 000 снимков, которые донесли до широкой публики информацию о той разрухе, которая постигла ведущие сельскохозяйственные штаты Среднего Запада [4].

Администрации Ф.Д. Рузвельта удалось достичь поставленных целей: изображения пользовались большим спросом, и с помощью журнальных статей, передвижных выставок, правительственных брошюр и раздаточных материалов общественность начала благосклонно относиться к принятым федеральным программам по борьбе с экономическим кризисом. Однако государственный заказ на фотодокументирование дал еще один эффект, но уже не политический – стремительное развитие получила социальная фотография, став настоящим фотоискусством, где черно-белые снимки говорят громче слов, мгновенно перенося в запечатленные события.

Список литературы

1. Афанасьева С.А. Социальная природа фотографии // Теория и практика общественного развития. 2012. №2. С. 50–54. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-priroda-fotografii> (дата обращения 12.01.2024).
2. Усова Ю.С. Партийно-политическая борьба в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии по проблеме формирования европейских договоров (1997–2007 гг.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 174 с.
3. Юргенева А.Л. Современные социальные фотопроекты в медиа-пространстве: эстетика и смыслы // Художественная культура. 2020. №1. С. 331–368. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-sotsialnye-fotoproekty-v-media-prostranstve-estetika-i-smysly> (дата обращения 11.01.2024).
4. Farm Security Administration/Office of War Information Black-and-White Negatives // URL: <http://www.loc.gov/pictures/collection/fsa/> (дата обращения 09.11.2023).

5. Internet archive. Wayback machine. A true picture of hard times. [Электронный ресурс]. // URL: https://web.archive.org/web/20170318095157/http://articles.dailypress.com/2002-11-12/features/0211120007_1_migrant-worker-contemporary-dollars-migrant-mother-photograph (дата обращения 15.01.2023).
6. The Great Depression [Электронный ресурс] // URL: <http://www.history.com/topics/great-depression> (дата обращения 15.01.2024).
7. The photographer Walker Evans (1903–1975) captured a place in American social, cultural, and artistic history with his unforgettable images of the Great Depression [Электронный ресурс] // URL: <https://florencegriswoldmuseum.org/exhibitions/online/the-exacting-eye-of-walker-evans/> (дата обращения 15.01.2023).

СЕКЦИЯ
«Методология исследования
в социальных и гуманитарных науках»

Аболмасов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Поротикова В.В.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Вопрос воспитания гражданственности среди детей и молодёжи являлся ключевым в системе воспитательной работы на протяжении многих столетий, сегодня всё ещё ведутся дискуссии о методах достижения данной цели и их практической реализации. Обществознание определяется сегодня как ведущий курс, способствующий воспитанию необходимых качеств, составляющих гражданственность.

Ключевые слова: гражданственность; гражданское воспитание; патриотизм; методика преподавания; обществознания; гражданские компетенции; гражданское общество; правовое образование

Abolmasov V.V.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor; Acting Head, Department of General History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

Porotikova V.V.,

Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University Named after S.A. Yesenin»

METHODOLOGICAL AND PRACTICAL FOUNDATIONS OF CITIZENSHIP EDUCATION DURING SOCIAL STUDIES LESSONS

The issue of educating citizenship among children and youth has been a key issue in the system of educational work for many centuries; today there are still discussions about methods for achieving this goal and their practical implementation. Social studies is defined today as a leading course that promotes the development of the necessary qualities that make up citizenship.

Keywords: citizenship; civic education; patriotism; teaching methods; social studies; civic competencies; civil society; legal education

Школьное образование представляет собой многокомпонентный процесс, включающий в себя процесс воспитания, который, в свою очередь, несёт множество аспектов. Одним из наиболее значимых на сегодняшнем этапе является развитие гражданственности, которое обретает особенное значение для развития государственных институтов в целом.

Много столетий ученые делают акцент на важности гражданского воспитания. Так, известный педагог А.С. Макаренко в работе «Воспитание гражданина» говорил, что «Гражданственность — основа целостной личности» и отмечал, что одной из задач педагогов является воспитание инициативного борца, достойного члена общества [7, с. 36].

Сегодня вопрос воспитания гражданственности стал первостепенным. Приоритетом в образовании стало формирования гражданственности с использованием системы патриотического воспитания.

Чтобы подробнее рассмотреть методические и практические вопросы реализации гражданского воспитания, следует обратить внимание на обоснование таких понятий, как гражданственность, гражданское воспитание и патриотизм.

А.В. Тихонова в работе, посвящённой воспитанию гражданственности, отмечает, что гражданственность представляет собой «совокупность качеств личности, определяющих готовность к достижению социально значимых и индивидуально необходимых целей в соответствии с имеющимися в обществе и государстве условиями, продиктованными правовыми и моральными нормами» [12, с. 99].

Из данной формулировки мы можем вынести, в первую очередь, то, что гражданственность является совокупностью качеств личности, отвечающих за ее комфортное пребывание в определённом социокультурном пространстве. Можно выделить основной перечень подобных качеств: инициативность, ответственность, адаптированность.

А.В. Лубский, в свою очередь, рассматривает понятие гражданственности в трёх плоскостях и отмечает, что каждый исследователь в основном использует одну из плоскостей. Во-первых, он рассматривает гражданственность как социальный институт, с данной точки зрения гражданственность является совокупностью интериоризованных социальных норм, регулирующих отношения общества с властью в области делегирования властных полномочий, по инициативе индивида, способного брать ответственность в рамках своего социального влияния и общества в рамках легитимации собственной инициативы [6, с. 50].

Во-вторых, он рассматривает данное понятие как нормативную идею, заключающуюся в некой системе гражданских ролей, принятых в обществе как образец, упорядочивающий социальные отношения при ориентации на всеобщее социальное благо.

В-третьих, как личное качество данная идея может приниматься в связи с идеей гражданского долга, т.е. ответственностью перед властью и обществом, а также с сопричастностью отдельной личности к судьбе своей родины, её активное участие в общественной жизни. Также А.В. Лубский упоминает, что под гражданственностью также понимается умение личности использовать свои права и свободы, наличие ответственности, чтобы выполнять свои гражданские обязанности.

Исходя из вышеперечисленных утверждений, можно вынести ряд основных критериев уровня гражданственности: ответственность перед обществом и государством, инициативность, соблюдение норм, наличие гражданских компетенций, заключающихся в знании своих прав и умении их использовать, а также интерес к жизни своей страны.

Гражданское воспитание, в свою очередь, является не чем иным, как процессом формирования гражданственности у детей и молодёжи. Встаёт следующий вопрос: «Каким образом гражданское воспитание отличается от патриотического?» Тут важно заметить, что сами понятия тесно связаны друг с другом, и в ряде нормативно-правовых актов, определяющих существующую систему образования, не разделяются, к примеру в «Основах государственной молодёжной политики РФ на период до 2025 года». Тем не менее, в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» можно заметить разведение этих понятий по разным параграфам [10; 11].

Чтобы понять разницу между гражданским и патриотическим воспитанием, следует обосновать понятие «патриотизм». Е.А. Крюкова даёт множество лингвистических интерпретаций,

многие из которых перекликаются с пониманием гражданственности, а именно, упоминанием ответственности за судьбу государства и причастности к его жизни. Для данной работы представляет интерес формулировка, описывающая патриотизм, как чувство любви к Отечеству, преданность и гордость за его историю, стремление защищать родину. Во всех последующих толкованиях, используемых в статье Е.А. Крюковой и В.И. Лаптун, «сущность и содержание понятий «патриотизм» и «патриотическое воспитание»» можно наблюдать общее словосочетание, повторяемое практически каждым встречающимся в исследовании автором, а именно, «любовь к Родине» [3, с. 298].

Проводя анализ всех вышеизложенных позиций, можно сделать вывод, что понимание патриотизма опирается, в первую очередь, на эмоциональные отношения к Родине, гражданственность же самым прямым образом относится к понятию государство как к политической и общественной системе, без акцента на слове «Родина». Иными словами, можно констатировать, что патриотизм – чувство любви и преданности, а гражданственность – готовность участвовать в жизни государства.

На сегодняшний день мы можем наблюдать падение гражданственности среди учащихся. Чтобы понять причину данного явления, следует обратиться к совместной работе А.В. Лубского и Д.А. Маминой, в которой они приводят перечень факторов, влияющих на гражданственность. Данный перечень в сокращённом виде можно представить следующим образом:

1. Наличие социального капитала, т.е. компетенций, информированности и социальных связей;
2. Участие в гражданских ассоциациях (как результат наличие опыта «живой демократии»);
3. Действия власти, направленные на выявление и решение общественных проблем (солидарность государству);
4. Уровень развития общественных организаций, в том числе волонтерских объединений [5, с. 69].

В общих чертах здесь стоит отметить значение уровня диалога человек – власть, из чего можно сделать вывод о том, что государство, для которого уровень гражданственности населения имеет особую роль, должно надлежащим образом обеспечивать условия для его развития. Помимо диалога человек – власть, ранее были упомянуто также взаимодействие общество – власть, из чего можно отметить триаду, влияющую на уровень гражданского воспитания, а именно, человек – общество – государство.

На сегодняшний день процесс реализации гражданского воспитания регламентируется следующими нормативно-правовыми актами: ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации»; Федеральный образовательный стандарт начального общего образования; Федеральный государственный стандарт среднего общего образования и т.д. [13, с. 89].

Из перечисленных документов можно сделать ряд выводов. В первую очередь, государство выводит данную область воспитательных работ в приоритетную, объясняя это тем, что развитие гражданских ценностей благоприятно влияет на формирование социально-ответственной личности, которая в дальнейшем способна принести пользу государству, способствовать формированию гражданского общества. Таким образом, государство наделяет гражданское воспитание определённой миссией, вкладывая в него смысл.

При этом особая роль в данном вопросе отводится классным часам и гуманитарным предметам, в число которых входит обществознание, которому, в свою очередь, отведена ключевая роль, из чего следует необходимость продуманного поэтапного планирования уроков с учётом приоритета гражданского воспитания.

Далее следует обратить внимание на необходимость акцентуации внимания учащихся на материале, содержащем информацию о жизни собственной страны, её культурных особенно-

стях, национальном разнообразии и истории. Данная информация способствует развитию общей эрудиции, патриотических чувств и гражданской самоидентификации учащихся. С этой стороны в курсе обществознания можно найти довольно обширный теоретический материал, отвечающим данным потребностям.

Сам по себе предмет является комплексом из основ социологии, политологии, экономики и т.д. Практически каждый учебник по обществознанию обязательно включает в себя следующие модули: социальная сфера, право, политика и экономика. Подход, разделяющий предмет на блоки, одобрен концепцией преподавания курса «Обществознание». Воспринимая каждый из модулей, как последовательный путь развития гражданских компетенций, можно говорить о его потенциальных возможностях для развития гражданственности учащихся.

Говоря о возможностях использования выбранного для исследования предмета, следует более детально рассмотреть концепцию. Исходя из данного документа, социология позволяет понять место человека в обществе и механизмы функционирования основных общественных систем; изучение политики способствует освоению ценностей, способствующих общественному развитию, а также уважение к многонациональному обществу, демократии и т.д.; раздел «право» формирует основные гражданские компетенции, правовую грамотность; экономика позволяет познакомить учащихся с моделями поведения в сфере товарообмена, учит осознанному выбору и рациональной оценке своих способностей.

С.А. Лиханова в работе под названием «Использование активных методов и приемов обучения по формированию гражданской идентичности обучающихся на уроках интегрированного курса «Обществознание»» также отмечает ключевое значения обществоведческих наук для формирования гражданской культуры учащихся. Здесь автор делает акцент на достижениях личностных результатов, содержащихся в ФГОС, среди которых осознание ценностей гражданского общества, человека и человечества в целом. Выпускник в результате должен быть готовым к участию в общественно-политической жизни общества и нести ответственность за принятые решения, а также уметь пользоваться своими правами [4, с. 286].

В данной статье также отмечено, что для каждой ступени материал и формы работы должны соответствовать возрасту учащихся и возрастным новообразованиям. Так, для возраста 7–10 лет важное значение имеет получение теоретических знаний, для возраста 11–15 лет – использование знаний для практической деятельности, для 15–17 лет – развитие мировоззренческих позиций, собственного мнения. Однако для всех возрастов одинаковое значение имеет способность выстраивания межличностных отношений, чему особое значение уделяется в модуле, посвященном социальной сфере. Особенно это заметно в учебниках для 5–7 классов, где разбираются человеческие эмоции, конфликты, взаимоотношения с семьей и т.д. Отходя от содержания курса, особую роль играет учитель и его методика преподавания.

Перед тем, как перейти непосредственно к методам, следует глубже изучить подходы к формированию системы гражданского воспитания, характерные для гуманитарных наук. Можно обратиться к работе А.О. Буранок, Д.Ю. Селифанова «Принципы и методы формирования гражданской идентичности в современных условиях развития Российского государства». В данной статье проведен широкий анализ других работ, упомянуты Н.С.Дергачева и Р.Е.Барабанов, которые выделили 3 принципа формирования культурного самосознания:

1. Самоактуализация, т.е. развитие интеллекта, коммуникативных и творческих способностей; иначе говоря, должна быть возможность для развития подобных качеств, а также их использования. При этом отмечено значения применения проектной деятельности, чтобы результатом работы ученика была «его собственная когнитивная и творческо-поисковая деятельность».

2. Неделимость процессов воспитания и обучения, т.е. изучение существующих примеров гражданского поведения, и с этой целью может быть подключён материал из курса истории.

3. Персонализация, т.е. должен быть разработан индивидуальный подход для каждого из классов, исходя из уровня их познавательной самостоятельности, и также необходимо подключать дополнительные материалы и литературу [2, с. 54].

Из вышеизложенного можно вынести необходимость межпредметной связи и подключения примеров из других курсов.

Исходя из вышеупомянутых работ, наиболее актуальными сегодня являются задания, отвечающие системно-деятельностному подходу. При системно-деятельностном подходе ребёнок – активный участник урока. Примером таких заданий может быть анализ дополнительной литературы, ролевые игры и игровые формы деятельности на уроке, а также анализ проблемных ситуаций. Данные задания влияют на развитие критического мышления учащихся, приводящих к рациональному взгляду на государство и оценке своего места в обществе.

Далее следует обратить внимание на групповые формы работы, а также пересмотреть способы проверки, включать в неё самопроверку, а также предоставлять учащимся возможность самим проверять работы друг друга. Данная опция позволяет развить коммуникативные способности, а также общественную ответственность.

Нельзя также не обратить внимание на использование современных ИКТ, позволяющих включить в урок аудиовизуальный материал, необходимый для развития мотивации обучающихся, а также подключить к уроку краеведческий материал, отвечающий за формирование общих гражданских и патриотических ценностей. Также при помощи ИКТ можно демонстрировать учащимся работу общественных организаций, что способствует развитию гражданской инициативы.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день проблема гражданского воспитания является достаточно подробно разобранной различными исследователями, при этом многие аспекты являются темой дискуссий, однако все учёные сходятся на том, что работа на уроке, используемая с целью гражданского воспитания, должна носить практикоориентированный характер.

Список литературы

1. Буранок А.О., Селифонтowa Д.Ю. Принципы и методы формирования гражданской идентичности в современных условиях развития российского государства // СНВ. 2021. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-i-metody-formirovaniya-grazhdanskoy-identichnosti-v-sovremennyh-usloviyah-razvitiya-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения 14.12.2023).
2. Дергачева Н.С., Барабанова Р.Е. Теоретические аспекты и принципы организации образовательного процесса в рамках уроков истории как способ формирования культурного самосознания, социальной и гражданской идентичности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. №3. С.52–59.
3. Крюкова Е.А., Лаптун В.И. Сущность и содержания понятий «патриотизм» и «патриотические воспитания» // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения». 2021. №1. С. 296–301.
4. Лиханова С.А. Использование активных методов и приемов обучения по формированию гражданской идентичности обучающихся на уроках интегрированного курса «Обществознание» // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 282–289.
5. Лубский А.В., Мамина Д.А. Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса. // Социально-гуманитарные знания. 2019. №7. С. 69–78.
6. Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. № 2. С. 47–99.
7. Макаренко А.С. Воспитание гражданина / Сост. Р.М. Бескина, М.Д. Виноградова. М.: Просвещение, 1988. 308 с.
8. Приказ Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. № 373 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» ФГОС [сайт] // URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-poo/> (дата обращения 13.12.2023).

9. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» // URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/#friends> (дата обращения 13.12.2023).
 10. Распоряжение правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. №996-р «Об утверждении стратегии воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения 13.12.2023).
 11. Распоряжение правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 13.12.2023).
 12. Тихонова А.В. Воспитание гражданственности и патриотизма на уроках истории и во внеурочное время // Вестник Воронежского института развития образования. 2021. №8. С. 98–106.
 13. Федеральный закон от 24.07.1998 №124-ФЗ (ред. От 11.06.2021) «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/229e3648326b2a024be098acb6e1f0f2daefe2c8/ (дата обращения 13.12. 2023)
-

Домбровский П.А.,
аспирант, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель: Хазанов О.В.,
*кандидат исторических наук, доцент, кафедра востоковедения,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»*

ОТ МОДЕРНИЗАЦИИ К ТРАНСФОРМАЦИИ В XXI ВЕКЕ: ВОПРОС О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОЦЕССА ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИУМОВ НА ПРИМЕРЕ ЕГИПТА В ПЕРИОД СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Настоящая статья посвящена постановке вопроса о применении термина «модернизация» в отношении методологического определения процесса изменений социумов в рамках нео- и пост-модернизационных положений. На примере событий «арабской весны» в Египте (2011–2014) к рассмотрению предлагается обозначение «трансформации», как последовательности решений, приводящих к модернизации или иным итогам.

Ключевые слова: *теория модернизации; трансформация; Египет; «арабская весна»; неомодернизация; постмодернизация*

Dombrovsky P.A.,
*Graduate student, Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «National Research Tomsk State University»*

Scientific adviser: Khazanov O.V.,
*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Oriental Studies, Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk State University»*

FROM MODERNIZATION TO TRANSFORMATION IN THE 21st CENTURY: THE QUESTION OF METHODOLOGICAL DEFINITION OF THE PROCESS OF CHANGING SOCIETIES USING THE EXAMPLE OF EGYPT DURING THE EVENTS OF THE «ARAB SPRING»

The current article is devoted to mainstreaming the question of the term «modernization» in relation to the methodological definition of the changing processes in societies due neo-modernization and postmodernization frames. Using the example of the Arab Spring's events in Egypt (2011–2014), the designation «transformation» is proposed for consideration as a sequence of decisions leading to modernization or other results.

Keywords: modernization theory; transformation; Egypt; Arab Spring; neo-modernization; post-modernization

Постепенная смена формаций как функционирования глобальной мир-системы (от индустриального к постиндустриальному обществу), так и всеобъемлющих философских паттернов, определяющих относительно общие поля культурного и социального «поведений» в социумах (от модернизма к постмодернизму) сопровождалась на рубеже XX–XXI веков, а также всего периода 2000-х годов масштабными и сложными геополитическими потрясениями или изменениями. Вместе с тем интенсивное развитие и переосмысление наблюдается в модернизационном подходе в течение всех 1990-х годов, что также связывается с распадом социалистического блока, а также с формированием запроса на определение и объяснение новых условий процесса изменения общественной формации. Таким образом, можно наблюдать становление, условно, неомодернизационной или постмодернизационной (как правило, именно данные синонимические термины применяются для обозначения рамок, актуальных для теории модернизации в период конца 1980-х и 1990-х гг. [7]) парадигмы, обновившей в целом дискурс модернизации.

Основной фокус внимания в настоящей работе акцентирован непосредственно на эволюции модернизационного подхода. Особенно – его современного состояния. На протяжении всей второй половины XX века мы фиксируем комплексные и интенсивные изменения теории модернизации: от концепции, призванной объяснить развитие обществ от аграрных условий к индустриальной формации, что обязательно сопровождалось переходом к демократическому режиму с экономикой рыночного типа; к методологической оптике, подразумевающей исследование процесса преобразования развивающегося государства в, условно, развитую державу при учёте его внутренних культурных особенностей, способных влиять на траекторию движения страны и выработку ею собственной политической модели (что затем развивается в рамках неомодернизационного дискурса) [7].

Развитие идеи о некоей «национально-ориентированной» траектории модернизации, формирующейся непосредственно на основе внутренних аспектов культурного и социального устройства отдельно взятого общества и приводящей необязательно к демократической модели «осовременивания» развивающейся страны, видно на примере трудов А. Турена [2] и Р. Инглхарта в соавторстве с К. Вельцелем [4], акцентировавших внимание на культурных и экономико-социальных преобразованиях (в том числе революционного характера, контркультурного) как на движущих силах модернизационного цикла.

И на текущий момент, в XXI веке, всё ещё видится господство данных концептуальных рамок, дополнившихся при этом пониманием модернизации как «постмодернизации». То есть, некоего нового витка, призванного уже описать переход социума от индустриальной к постиндустриальной формации: в том числе с учётом прихода постмодернистских тенденций в его

культурные паттерны. Подобный фокус внимания наблюдается, например, в трудах В. В. Козловского, А. И. Уткина, В. Г. Федотова [8] и уже упомянутого Р. Инглхарта [3].

Однако, как видится, возникает вопрос о возможном размытии понятийных рамок самой модернизации как методологического определения процесса изменения устройства и модели жизнедеятельности в отдельно взятой стране. По своей сути, модернизационным «мотивом» для развивающихся стран теперь является достижение постиндустриальной формации функционирования социума.

В таком случае именно модернизацией мы можем называть непосредственно не сам реформаторский континуум в том или ином обществе, а лишь его результат, приведший к осовремениванию рассматриваемого государства для актуальных тенденций в экономике, технологиях, политике и т.д. В свою очередь, сам процесс изменений, способный привести или к модернизации, или к контрреформам, или к демодернизации, или к чему-либо иному – в зависимости от выбранного национального пути и имеющихся для этого внутренних условий в стране, – может определяться как трансформация.

Проблематизация данного дискурса представляется на примере развивающихся стран Ближнего Востока, которые с распадом биполярной системы международных отношений после завершения холодной войны и ухода из своего региона влияния социалистического блока встали перед выбором дальнейшей траектории своего развития. Особенно данный выбор должен был быть сделан с учётом интенсивной технологизации мировой экономики, что предшествовало переходу мир-системного ядра к постиндустриальной формации социума. В частности, показательным в данном контексте становится кейс Египта, история которого во второй половине XX века выстраивалась на тесном партнёрстве сначала с СССР, затем с западными державами. Это определило характер и модернизаций, завершавших соответствующие президентские сроки: индустриализация и превращение в президентскую республику после свержения монархии при Г.А. Насере (1956–1970) и становление рыночной экономики с параллельными либерализацией и «политикой открытых дверей» при А. Садате (1970–1981) [10].

Относительно же периода правления президента Х. Мубарака (1981–2011) мы склонны полагать, что при нём Египет, скорее, приходит к социально-экономической стагнации, несмотря на краткосрочный бурный рост экономики во второй половине 1990-х годов [12]. В качестве основных причин этой негативной динамики стоит выделить: 1) упущение благоприятных возможностей для экономических и политических реформ, способных поддержать позитивные тренды развития страны после А. Садата или уже упомянутого роста под конец XX века, 2) снижение дохода с экспорта углеводородов, 3) усиление исламистских движений в стране, 4) консервацию политической сферы после событий 11 сентября 2001 года и похолодание отношений между арабским регионом и всем западным миром, 5) значительный рост торгового дисбаланса государства, а также 6) увеличение разрыва между показателями безработицы и количеством возможных рабочих мест на рынке труда [2; 6].

Эти и иные, более детализированные, факторы привели Египет в течение первого десятилетия XXI века к застою и упадку, что вылилось в усиление недовольства населения властью и, соответственно, в серию протестных активностей. Кульминацией их стало свержение Х. Мубарака в начале 2011 года в ходе начавшихся по всему Ближнему Востоку революционных событий «арабской весны».

Как видно, «сохранительный» и в определённой степени «бюрократизированный» курс трансформации Египта Х. Мубарака (относительно трансформации в предшествующий ему период 1970–1981-х гг.) не привёл к возобновлению модернизационных тенденций после, по

терминологии Ш. Эйзенштадта [11], их «срыва» убийством А. Садата исламистами в 1981 году. Напротив, заметны консервация политической сферы с закреплением в ней авторитарной модели (поддерживаемой семьями армейского руководства) и усиление коррупционных составляющих, а также экономико-технологическое отставание от постиндустриальных трендов.

С другой стороны, в противовес данным обстоятельствам усиливался и запрос самих египтян на трансформацию модернизационного толка, что коррелировало и с увеличением количества молодёжи относительно общей численности населения [13; 1].

Запрос на модернизацию в Египте развивался через протестные настроения и контркультурные движения, перерастающие в революцию в начале 2011 года. В свою очередь, вновь опираясь на теоретические положения А. Турена [2], именно подобные факторы производят переосмысление целым обществом своей идентичности, что должно в итоге способствовать выбору собственного курса преобразований, способных потенциально привести к «национально-ориентированному» модернизационному результату. Тем более египетская «арабская весна» не ограничивается только свержением Х. Мубарака. Это комплексная цепочка событий, демонстрирующих серьёзные политические раскол и кризис в среде разных групп акторов, а также приводящих к контрреволюционному процессу после свержения новоизбранного президента (выходца из «Братьев-мусульман» и лидера подконтрольной им «Партии свободы и справедливости») М. Мурси в 2013 году [5].

Помимо наиболее неопытной и уязвимой демократической оппозиции, за власть после Х. Мубарака конкурировали как минимум ещё две заметные и влиятельные политические фракции: условно сторонники старого режима и фундаменталистское движение, возглавляемое лидерами «Братьев-мусульман» [9]. При этом, как демонстрируют результаты дальнейших электоральных процессов 2011–2012-х гг., власть – как президентскую [16], так и парламентскую (занятие большинства мест в обеих палатах) [15; 17] – получают именно фундаменталисты в лице уже упомянутых М. Мурси и «Партии свободы и справедливости». Причина такого итога видится в консолидации их с демократическими силами вокруг стремления не допустить всеми возможными и мирными способами возврата к власти кого-либо из приближённых к свергнутому ранее президенту. По всей видимости, этот фактор также привел к возможности оценки наблюдателями и аналитиками EISA прошедших выборов как *«первых конкурентных выборов в истории Египта»* [19], что тоже является крайне важным параметром для выстраивания, согласно позициям А. Турена и Р. Инглхарта, а также Ш. Эйзенштадта [20], «национально-ориентированной» модернизации.

Однако вновь обозначим мысль о необходимости видения модернизации как результирующего объекта. Так как определение какого-либо процесса «модернизацией» заведомо ставит наблюдателя в оценивающую позицию, подразумевающую ретроспективное указание на то, что в результате некоего алгоритма действий или некой цепочки событий уже было достигнуто осовременивание рассматриваемого общества, приведение его в ряд развитых держав, например.

В свою очередь, приход к власти исламистской фракции в Египте нёс в себе новые (относительно предыдущего политического режима) и комплексные тенденции к политическим преобразованиям, в которых действительно отражался ориентир руководства «Партии свободы и справедливости» на использование египетских национальных и социокультурных особенностей для развития страны [21]. Но, с другой стороны, эти же имеющиеся источники вовсе не позволяют нам в полной мере утверждать о полноценном планировании ими именно модернизационного проекта.

Во-первых, их главная – конституционная – реформа носила скорее реакционный (возможно даже, реваншистский) характер, будучи направленной непосредственно на отмену ранее

принятых Высшим советом Вооружённых сил нормативных актов и, соответственно, на усиление собственной власти в стране (за счёт нивелирования фактически любых ограничений со стороны армии) [18]. Во-вторых, в их совокупности политических действий, направленных на трансформацию Египта, мы не наблюдаем указанного выше состояния завершенности и, в том числе, системности. Более того, фундаменталисты смогли удерживать за собой власть, примерно, год – до лета 2013-го, когда военным руководством были произведены переворот и жестокое подавление протестов сторонников «Партии свободы и справедливости» [5].

В свою очередь, важно отметить, что данный «срыв» также способен видаться частью длительной линии, ведущей к потенциальным модернизации или демодернизации [11]. Однако рассмотренный пример Египта и, в особенности, контекст «арабской весны», напротив, приводят к необходимости проблематизации сущности модернизационного объекта и, в связи с этим, к постановке вопроса относительно отделения его (как итога, результата) от событий протекающей трансформации (последовательность действий, решений и реформ) в рассматриваемом социуме.

Именно в этой оптике, как видится, появляются более существенные возможности для анализа производимых в конкретный момент истории преобразований, чтобы затем, согласно неомодернизационной и постмодернизационной традициям, определить характер ориентации (на внутренние ли культурные аспекты или на модели других, более развитых, стран, например) трансформации и её потенциальных итогов.

Список литературы

1. Васильев А. М. Демографические предпосылки Арабского кризиса и социально-демографические риски Тропической Африки // «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А. М. Васильева. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 30–56.
2. Видясова М. Ф., Умеров М. Ш. Египет в последней трети XX века. Опыт либерализации экономики и политической системы. М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. 248 с.
3. Инглехарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261–291
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
5. Карпачёва О. В. История исламской оппозиции в Египте. М.: URSS, 2013. 214 с.
6. Кива А. В. «Арабская весна»: причины и вероятные последствия // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 121–130.
7. Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 217–246.
8. Постмодернизация // Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1995. С. 222–231.
9. Сапронова М. А. Электоральный процесс после «арабской весны»: модификация государственных институтов в арабских странах на примере Алжира, Египта, Ливии, Марокко, Сирии. М.: ИБВ, 2015. 195 с.
10. Черников В. Д. Проблема перехода к рыночной экономике дорыночных стран. Опыт Египта и Судана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 207 с.
11. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации / пер. с англ. А. Захарова // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html> (дата обращения 29.12.2023).
12. Arab Republic of Egypt: Country Data // International Monetary Fund. [S. l.], 2022. // URL: <https://www.imf.org/en/Countries/EGY> (access date 05.01.2024).
13. Data Bank: Population estimates and projections // The World Bank. [S. l.], 2022 // URL: <https://databank.worldbank.org/source/population-estimates-and-projections/Type/TABLE/preview/on#> (access date 04.01.2024).
14. Data Bank: Population estimates and projections // The World Bank. [S. l.], 2022 // URL: <https://databank.worldbank.org/source/population-estimates-and-projections/Type/TABLE/preview/on#> (access date 05.01.2024).
15. Egypt: 2011/2012 People's Assembly elections results. [S. l.], 2013 // URL: <https://web.archive.org/web/20230128140453/https://www.eisa.org/wep/egy2012results1.htm> (access date 28.12.2023).

16. Egypt: 2012 Presidential election results. [S. l.], 2013. URL: <https://web.archive.org/web/20230128140221/https://www.eisa.org/wep/egy2012results.htm> (access date 28.12.2023).
 17. Egypt: January/February 2012 Shura Council election results. [S. l.], 2012 // URL: <https://web.archive.org/web/20230128140429/https://www.eisa.org/wep/egy2012results2.htm> (access date 28.12.2023).
 18. Egypt's Constitution of 2012. 27 April 2022. [S. l.], 2012 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2012.pdf (access date 29.12.2023).
 19. EISA Election Witnessing Mission Report. Egypt. The People's Assembly and Shura Council Elections. November 2011 – February 2012. [S. l.], 2012 // URL: <https://web.archive.org/web/20230126220800/https://www.eisa.org/pdf/egy2012eomr.pdf> (access date 28.12.2023).
 20. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. №. 1. P. 1–29.
 21. Election Program. The Freedom and Justice Party. [S. l.], 2011 // URL: <https://web.archive.org/web/20111202004324/http://www.fjponline.com/view.php?pid=80> (access date 29.12.2023).
-

Дорджиева Е.В.,

*доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук,
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»*

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ

Статья посвящена проблеме становления методического аппарата исторической имажологии. Предлагается рассмотреть применяемые современными имажологами инструменты исследования инокультурных образов.

Ключевые слова: историческая имажология; образ Другого; стереотип; интертекстуальный; контекстуальный и текстуальный подходы; дискурс-анализ; семиотика

Dordzhieva E.V.,

Dr. Sc. (History), Professor, Department of Humanities and Social Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «MIREA – Russian Technological University»

METHODS OF HISTORICAL IMAGOLGY

The article is devoted to the problem of the formation of the methodological apparatus of historical imagology. It is proposed to consider the tools used by modern imagologists to study foreign cultural images.

Keywords: Historical imagology; image of the Other; stereotype; intertextual; contextual and textual approaches; discourse analysis; semiotics

Развитие диалога между народами осложняется проблемой этноцентризма и национальных предрассудков, что актуализирует исследования рецепции и репрезентации национальных образов. Понятие «имажология» впервые использовал в 1922 году американский публицист У. Липпман. В книге «Общественное мнение» он писал, что человек систематизирует знание о мире в категориях – стереотипах, «умственных картинах», являющихся первой ступенью познания и влияющих на эмпирический опыт: «Мы, главным образом, идем не от наблюдения к суждению, а наоборот, сначала определяем свою позицию, а затем оцениваем воспринятое на основе сложившихся мнений. Из великого разнообразия внешнего мира мы выбираем то, что

предопределено нам культурой, и оцениваем то, что выбрали, сквозь призму культурных стереотипов» [9, с. 13].

Становление имагологии как направления сравнительного литературоведения в середине XX века началось во Франции с работ Ж.-М. Карре «Французские писатели и немецкий мир: 1800–1940» [26] и М.-Ф. Гийяра «Сравнительное литературоведение» [27], которые от проблемы литературных влияний перешли к исследованию проблемы рецепции Другого. Дальнейшему развитию этого направления, изучающего межкультурные отношения с позиции взаимных восприятий и образов, способствовала статья «К проблеме «имиджей» и «миражей» и их исследования в рамках сравнительного литературоведения» немецкого ученого-компаративиста Х. Дизеринка. На примере «фламандского миража» он показал деформации литературы романтической эпохи, возникшие под влиянием искаженных национальных образов, и предостерегал от ошибочной интерпретации категории национального в литературе. Благодаря Дизеринку произошел отход от эссенциалистской концепции нации и формирование представления о нации как о «мыслительной модели», ментальной конструкции [28, с. 25].

В России изначально имагология получила развитие как раздел компаративистики, поэтому опирается на весь «инструментарий литературоведения, использует поэтологический анализ, нарратологические стратегии, мифопоэтические подходы и т. д.» [16, с. 7]. Ее задачу В. А. Хорев видел в «выявлении истинных и ложных представлений о жизни других народов, характера и типологии стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождения и развития, их общественной роли и эстетической функции» [25, с. 7]. В. П. Трыков считает имагологию областью междисциплинарных исследований в гуманитаристике, предметом изучения которой является образ Другого (чужой страны, народа, культуры и т. д.) [24]. Развитию имагологии как междисциплинарного направления в конце 1980-х годов способствовали дискуссии в ведущих научных центрах. В рамках научного семинара «Россия и мир: проблемы взаимовосприятия в XVI–XX вв.», состоявшегося по инициативе Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, была осуществлена публикация серии коллективных трудов, посвященных различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимались все категории представлений о внешнем мире [18]. В Институте всеобщей истории РАН под руководством А. Я. Гуревича проводился семинар по исторической антропологии и истории ментальностей, материалы которого систематизировались в ежегоднике «Одиссей. Человек в истории». Пятый выпуск альманаха был посвящен восприятию образа Другого в разных странах и в разные периоды [13]. Результатом работы в рамках научно-исследовательского проекта М. А. Бойцова «Образы власти в Средние века и Новое время в Западной Европе и России» (2004–2006 годы) в ИВИ РАН стали публикации по политической имагологии [12]. С 2014 года в важную площадку для обсуждения актуальных проблем методологии имагологии превратился журнал «Имагология и компаративистика».

Междисциплинарный характер и универсальность имагологического метода могут восприниматься как теоретическая слабость дисциплины, что актуализирует обозначение предметной области. А. В. Урядова определяет объект («сложившийся на определенном историческом этапе образ во всем многообразии его понимания (народа, страны, группы людей, конкретной личности, организации, исторического процесса и явления и т. д.), который имеет некую значимость для исторической науки») и субъект («любые другие группы и социальные институты..., отдельные личности») историко-имагологических работ, круг источников, исследований, факторы, влияющие на восприятие («социально-психологические процессы,

культурно-историческая память и наследие, жизненный опыт и мировоззрение отдельных людей»), обозначает проблему вариативности и стереотипизации изображения. [30]. В. Б. Земсков выделил механизмы и инструменты рецепции и репрезентации других/чужих: стереотипы, имиджи, образы [6].

В современных российских публикациях по имагологической тематике четко прослеживается переход к конструктивизму, трактовке нации как «идентификации» [14], исследуются иматипические структуры, определен круг понятий данной дисциплины [7; 8].

В развитии исторической имагологии в России О. И. Тогоева выделила потестарную, правовую и религиозную направленность [19]. Весомым итогом развития потестарной имагологии, занимающейся изучением образов, возникающих по поводу любых отношений власти, являются книги М. А. Бойцова [3] и его последователей [4; 12; 1]. Яркой работой религиозной имагологии предстает монография М. Ю. Андрейчевой, в которой исследуются содержание и средства выражения образов иноверцев/иноверия в религиозных культурах [2]. Из опубликованной за последнее время литературы по правовой имагологии, выявляющей особенности правовых представлений людей прошлого, наибольшее впечатление на историков произвели исследования О. И. Тогоевой [21; 22].

Обратимся к методам, которые используются в трудах по имагологической тематике. Выход имагологических исследований за пределы литературоведения открывает возможности использования ее методов в социально-исторических, этнопсихологических и культурно-политических исследованиях. Нидерландский ученый Й. Леерсен, один из авторов сайта *Imagologica.eu*, категорию национального изучает в аспекте этнотипического, выделяя общие места и стереотипы восприятия Других через противопоставление с автообразами. По мнению ученого, нации и национальные общности представляют собой «проекционные экраны, пустые категории, которые мы наполняем содержанием, образами, характерологически упорядочивая разнообразие мира». Подразумевая под образами «миметические конструкторы, которые в определенной мере соответствуют конвенциям репрезентации и общим моделям вне зависимости от конкретной нации или культуры», он предлагает рассматривать их в динамике, «порождаемой культурным разнообразием» [29, с. 285]. Леерсен называет основными методами имагологии интертекстуальный, контекстуальный и текстуальный подходы. На интертекстуальном уровне анализа имагологу следует выделить этническую характеристику и классифицировать ее. На контекстуальном уровне рассматриваются историческая, политическая и социальная обусловленность выделенного этнотипа. На текстуальном уровне анализа изучается функционирование этнотипа непосредственно в самом тексте.

В.П. Трыков считает имагологию антиподом компаративистики и исторической поэтики в том, что касается целей, аспектов изучения образа Другого, методологии исследования. Он предостерегает от некритического использования имагологического метода, подменяющего собой традиционное понятие поэтики, замены сравнительно-исторического подхода имагологическим, сомневается в научности ее методологии. По мнению исследователя, основной метод имагологии – постструктуралистский дискурс-анализ изучает образ как «результат различных дискурсивных практик, “борьбы дискурсов”, поэтому данный метод маргинализирует реальность, придавая самостоятельное значение «воображаемому». Трыков называет имагологию с ее восприятием литературы как средства «социокультурной инженерии» разновидностью идеологии и видит ее в стирании национальной идентичности и теоретическом обосновании и обеспечении процесса глобализации, формирования единой общеевропейской идентичности [24].

Российские историки успешно пользовались семиотическим методом семиотики в качестве основного инструментария для изучения имажем и этнических стереотипов. Приведем несколько удачных примеров. С. И. Лучицкая в книге «Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов» предприняла исследование иконографической, литературной и исторической традиций изображения мусульман [10]. Выявляя «зазоры» между реальностью и вымыслом хронистов, она выявляла субъективное в их изложении. Далее автор раскрывала внутренний смысл с помощью анализа нарративных деталей, логики текста. Посредством анализа дискурса она выходила на представления хронистов о мусульманах, раскрывая связь между стилем повествования, манерой высказывания и видением происходящего. Исследователя интересовала техника речевого высказывания, которую она связывала с культурной традицией, имплицитно присутствующей в тексте. Лучицкая описала нарративные приемы, которые использовали средневековые хронисты для придания достоверности своим произведениям: инверсию, параллель, сравнение, перевод. Реконструкции представлений о мусульманах способствовало и обращение автора к истории понятий. Помимо семиотики текста интерес Лучицкой включал и семиотику визуального образа. Вторым направлением ее поиска являлись мотивы и сюжеты иконографии, ведущие к пониманию системы ценностей средневекового человека. Изучая миниатюры из хроники Гильома Тирского, исследователь выделила визуальные знаки, обозначающие Другого: цвет, воображаемую геральдику, пропорции и жесты, фронтальное и профильное изображение, внешний вид. Она убедилась, что миниатюрист проецировал свои представления на мир чужой культуры, «цветовые контрасты выражают морально-религиозную дихотомию, с помощью пространственных категорий передаются и моральная, и религиозная, и социальная иерархия». Она показала общее движение устной, письменной и визуальной традиции изображения мусульман от символизма к реализму.

М. Ю. Андрейчева при исследовании образа иноверцев в летописях и агиографической литературе плодотворно использовала в монографии «Образы иноверцев в Повести временных лет» метод текстовых и семантических параллелей. В поисках ответа на вопросы, о чем говорит летописный текст, что хотел донести до читателя летописец, она обращается с помощью герменевтического анализа к скрытой семантике текста, анализу смыслов, которые вкладывал летописец в созданные им образы мусульман, католиков и иудеев, рассмотрению принципов композиции летописного текста. Как показало исследование, особенностью восприятия древнерусского книжника являлось то, что он «видел в иноверии не самодостаточное явление, а воспроизведение чего-то прежде бывшего и хорошо известного» [2].

По мнению С. В. Санникова, помимо парадигмы литературной имагологии и семиотической парадигмы уместна и психологическая трактовка образа Другого, получившая разработку в работах Э.Б. Титченера, З. Фрейда, К.Г. Юнга, в рамках которой образы могут трактоваться в категориях представления, восприятия, впечатления [19]. Успешное применение психосемантических методов (метода семантического дифференциала и метода ассоциаций) в изучении этнических стереотипов позволило Ж. В. Пузановой и А. В. Медведевой гораздо шире взглянуть на образ исследуемых групп [17].

Для историка возможности изучения образа Другого расширяются за счет контент-анализа представлений об этнических группах в литературе и искусстве. И. С. Кон отметил, что «те черты, которые воспринимаются как специфические особенности национального характера, определяются не природными способностями, а различием ценностных ориентаций, сформировавшихся вследствие определенных исторических условий и культурных влияний, как производные от истории и изменяющиеся вместе с нею» и подчеркнул, что «систематическое

изучение своего и чужого народов в литературе и искусстве может дать для понимания этнических стереотипов и межнациональных отношений гораздо больше, чем анкетный опрос» [11, с. 319]. Сравнительный анализ письменных и фольклорных источников, предпринятый В. В. Трепавловым в книге «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве народов России XV–XVIII вв.» показал, как неславянские народы России воспринимали верховную власть, трактовали свое подданство, как пребывание в составе государства концентрировалось в их сознании в мифологизированном образе «белого царя» [23]. Он исследовал механизмы распространения образа белого царя из повседневной политической практики в народное сознание и фольклор. Обращение к трактовке белого цвета как семантической универсалии у неславянских народов и поиски общего источника этого образа привели автора к выводу, что при формировании русского государства «этот образ, популярный у русских создателей державы, наложился на традиционные архетипы, которые бытовали у неславянского населения, и совпал с ними».

Таким образом, становление методологии изучения инокультурных образов продолжается. Многоаспектное семиотическое рассмотрение образов Другого существенно расширяет возможности методического инструментария историка.

В заключение отметим, что эффективное использование семиотического метода позволило нам исследовать образ калмыков, созданный иностранными путешественниками, выделить в нем три уровня представлений: когнитивные, эмоционально-чувственные и фантазийные. Источником информации стали травелоги, не предназначавшиеся изначально для публикации. В вопросе о путях формирования образа калмыков мы обратились к источникам, имеющим публичное бытование, репрезентирующим данный образ [5].

Список литературы

1. Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / А. С. Ануфриева, М. В. Бибииков, Д. Ю. Бовыкин и др.; сост. и отв. ред. О. С. Воскобойников, О. И. Тогоева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2021. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 566 с.
2. Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. СПб.: Нестор-История, 2019. 184 с.
3. Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.
4. Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М. А. Бойцов и Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.
5. Дорджиева Е.В. Образ калмыков в описаниях иностранных путешественников XVII – первой половины XVIII века // Genesis: исторические исследования. 2024. № 1. С. 1–19.
6. Земсков В.Б. Образ России на переломе времен // На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.). М.: Новый хронограф, 2011. С. 4–46.
7. Иванова А.Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 74–78.
8. Лапина Л. А. Историческая имагология: проблема методов и категорий // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4(85). С. 28–32.
9. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Барчунова Т.В.М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
10. Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.
11. Кон И. С. Социологическая психология. М.: МПСИ; Воронеж: изд-во НПО «Модэк», 1999. 560 с.
12. Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Под ред. М. А. Бойцова и О. Г. Эксле. М.: Наука, 2008. 443 с.
13. Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре / Отв. ред. А. Гуревич 1993. М. Наука, 1994. 331 с.
14. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. №1. С. 251–253.
15. Поблекшее сияние власти. Материалы круглого стола / Отв. ред. М. А. Бойцов. М.: ИВИ РАН, 2006. 125 с.
16. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга Пресс», 2013. 162 с.

17. Пузанова Ж. В., Медведева А. В. Использование психосемантических методов в исследовании этнических стереотипов // Вестник РУДН. Серия Социология. 2013. № 1. С. 87–115.
18. Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М.: ИРИ РАН, 1996.
19. Россия и внешний мир: диалог культур. М.: ИРИ РАН, 1997. 286 с.
20. Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. М.: ИРИ РАН, 1998. 334 с.
21. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1–6. М.: ИРИ РАН, 2000–2012.
22. Санников С.В. Потестарная имагология и семиотика. «Образ власти» как междисциплинарный феномен // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2017. № 2(36) // URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4396> (дата обращения 20.12.23)
23. Тогоева О. Что такое имагология // URL: <https://postnauka.org/faq/46280> (дата обращения 20.12.23)
24. Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М.: АСТ, 2006. 400 с.
25. Тогоева О.И. Когда преступник — свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П. В. Соколов. М., 2015. С. 403–434.
26. Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит-ра, 2007. 255 с.
27. Трыков В. П. Основания и предпосылки имагологии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 65–74.
28. Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов: имагологические очерки. М.: Индрик. 2005. 231 с.
29. Carre J.M. Les écrivains français et le mirage allemand: 1800–1940. P.: Boivin, 1947. 223 p.
30. Guyard M.F. La littérature comparée. P.: Presses Universitaire de France, 1951. 127 p.
31. Dyserinck H. Ausgewählte Schriftenzurvergleichenden Literaturwissenschaft / ed. Mehnert E. Berlin: Frank & Timme, 2015. 316 p.
32. Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / Ed. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam; N.Y.: Rodopi, 2007. 476 p.
33. Uriadova A. The historical imagology: subject and object of perception // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. Vol. 11. № 2. P. 167–174.

Киркин А.А.,

*ассистент кафедры философии и общественных наук,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ О. ШПЕНГЛЕРА В ОЦЕНКЕ МАРКСИСТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В 1920–1930-х гг.

В статье рассматриваются проблемы интерпретации труда О. Шпенглера «Закат Европы» в работах марксистских исследователей в Советской России в 1920–30-е годы и анализируются аргументы, характерные для марксистской критики научного творчества О. Шпенглера.

Ключевые слова: О. Шпенглер; марксизм; русская философия

Kirkin A.A.,

*Assistant, Department of Philosophy and Social Sciences,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kemerovo State University»*

THE CULTURAL – HISTORICAL CONCEPT OF O. SPENGLER IN THE ASSESSMENT OF MARXIST RESEARCHERS OF THE 1920s – 1930s

The article examines the problems of interpreting O. Spengler's work «The Decline of Europe» in the works of Marxist researchers in Soviet Russia in the 1920-30s and analyzes the arguments characteristic of Marxist criticism of O. Spengler's scientific work.

Keywords: O. Spengler; Marxism; Russian philosophy

Работа Освальда Шпенглера «Закат Европы», представленная в двух томах, сделала его известным и стала предметом ожесточенной полемики в Европе. Работа немецкого исследователя была воспринята весьма противоречиво: от высоких оценок до полного отрицания. Шпенглер был принят далеко за пределами немецкоязычного мира, значительная часть его трудов и идей до сих пор остается предметом исследования в гуманитарной мысли.

В Советской России работа О. Шпенглера «Закат Европы» стала причиной острых дискуссий в начале 1920-х гг. Большинство анализируемых материалов было опубликовано в первой половине 1920-х г. Особое значение для отечественной исторической мысли Шпенглера имела антология «Освальд Шпенглер и упадок Европы» (1922 г.), составленная представителями дореволюционной интеллигенции, на которую неоднократно ссылались последующие отечественные исследователи О. Шпенглера. В данной работе, такие авторы, как Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и Ф.А. Степун, поставили перед собой задачу дать полное, критическое и адекватное изложение тезисов О. Шпенглера.

Авторы давали высшие оценки и восприняли работу О.Шпенглера гораздо благожелательнее, чем значительная часть немецких критиков «Заката Европы». Данное обстоятельство, может быть, связано с тем, по мнению Франка, что идеи О. Шпенглера близки отечественной мысли, поскольку они уже ощущались, их видели и о них говорили русские славянофилы [4, с. 994].

Исследователи С.Л. Франк и Н.А. Бердяев, названные в заметке В.Ваганяна («Под знаменем марксизма») «нашими российскими шпенглеристами», находят в работе О.Шпенглера признаки «благостного» поворота в умах западной интеллигенции, который должен привести их к вере.

Как отмечает С. Л. Франк, «Закат Европы» – «...книга, напоминающая современному человечеству об истинных духовно-исторических силах культуры, идет навстречу его пробуждающейся жажде подлинного культурного творчества, его стремлению к духовному возрождению...» [4, с. 993].

Тем не менее, положительные отзывы, которые были даны вышеперечисленными исследователями периода Серебряного века, незамедлительно вызвали критику со стороны марксистских исследователей в 20–30-е гг. XX в.

Более того, со стороны власти подверглись критике сами издания, публикующие работы О. Шпенглера. В официальном Бюллетене комиссии Оргбюро ЦК РКП (б) по наблюдению над книжными московскими издательствами в 1922 г. подчеркивалось, что издательство, издавшее сборник («Освальд Шпенглер и упадок Европы») «Берег» выступает в защиту Шпенглера и ищет спасения от революции в славянофильстве.

Что касается оценки В.Л. Лениным нашумевшего сборника О.Шпенглера, то он отметил: «По-моему, это похоже на литературное прикрытие белогвардейской организации» [3, с. 67].

В статье «К десятилетию «Правды»» от 5 мая 1922 г. Ленин подверг резкой критике как самого Шпенглера, так и тех, кто участвовал в совместной работе с немецким исследователем. Он определяет идеологию Шпенглера и его последователей как «выражение скорби «образованных мещан» по поводу гибели буржуазной Европы, которая загнила и лопнула в первой империалистической войне».

Тем самым, В.И. Ленин своей тенденциозной критикой положил начало серьезной дискуссии о Шпенглере в отечественной гуманитарной мысли в 20–30-е гг. XX в. Эта тенденциозность станет красной нитью, которая будет пронизывать многие научные работы, публикуемые в данный период.

Марксистские исследователи, зачастую даже не изучавшие работы Шпенглера, стремились дискредитировать дореволюционную интеллигенцию, и некоторые из их суждений были, соответственно, поверхностными и беспредметными. Следствием этого является столкновение противоположных точек зрения, в котором работы О. Шпенглера приобретали лишь второстепенное значение.

В 20–30-е гг. XX в. в свет выходят статьи марксистских исследователей С. Боброва, К.Грасиаса, П.Преображенского, В.Базарова, в которых была изложена не только критика своих «братьев по перу» (Бердяева, Франка, Степуна), но и предприняты попытки осмысления культурно-исторической концепции О.Шпенглера в отечественной историографии.

В своей статье «Шпенглер и его критики» В.Базаров отмечает, что «Закат Европы» «...не научная или наукообразная «система», а скорее, художественное произведение: портретная галерея культурных феноменов...» [1, с. 1009]. Касаясь критики восьми культур, которые выделяет О.Шпенглер, автор статьи отмечает, что индусская, китайская, вавилонская, христанско-магометанская культуры были охарактеризованы весьма поверхностно, что нельзя сказать, к примеру, о египетской культуре.

В. Базаров резко критикует понимание культурно-исторической концепции самим Шпенглером, отмечая «...убогое ее понимание, а те последние выводы, которые вытекают из ее внутреннего развития, то можно с большой уверенностью предположить наличие некоторого могущественного практического интереса, мешающего продумать или прочувствовать до конца данное теоретическое построение» [1, с. 1018].

В. Базаров абсолютно не воспринимает О.Шпенглера в качестве «систематика», более того, обвиняет автора «Заката Европы» в том, что немецкий мыслитель пытается вгонять историю в хронологические схемы, построенные по горячо рекомендуемому им методу «аналогии» и «гомологии». Базаров дает отрицательную оценку «сравнительной морфологии», которую использует Шпенглер как исторический метод для сравнения культур. Базаров достаточно резко отмечает, что «...гадание о судьбах культуры на основании «гомологии» и «аналогий» есть перенесение астрологических «методов» в область истории. Эти своеобразные исторические гороскопы отражают в себе не интеллектуальную, а религиозную потребность современной цивилизации. Это одно из бесчисленных суеверий, заменяющих веру для религиозно охолощенной души интеллигента упадочного периода...» [1, с. 1023].

В понимании культурно-исторического типа или строя, Базаров отмечает, что ему присуще внутреннее единство, он должен обладать своим стилем и системой организующих связей, которую марксистская теория не только «физиономически» схватывает и констатирует, но и с материалистической точки зрения объясняет. Далее, Базаров отмечает, что смена строя всегда должна сопровождаться социальной катастрофой, а не эволюционным восхождением со ступеньки на ступеньку, как это прослеживается в «Закате Европы» [1].

В целом, марксистские исследователи рассматривали вопросы культурно-исторического характера через призму социалистической революции, отвергая азиатский потенциал России, предложенный О. Шпенглером.

Ярким примером является статья «Вехисты о Шпенглере» К.Грасиаса [4], где автор выступает с отрицанием тезиса Бердяева, который, в свою очередь, утверждает, что «сейчас мы еще более отбрасываемся на Восток» [4, с. 992–994]. К.Грасиас отмечает, что Россия вовсе не «отброшена на восток», и назад во время революции не попятилась. Более того, автор отмечает, что Россия становится «центром нового общественного миропорядка, и ее голосу внимают повсюду» [4, с. 994].

В целом, критика славянофилов Грасиасом является основной темой его работы, где он отмечает, «что спасти Европу «по-славянофильски» через посредство Шпенглера не удалось. Сближение Шпенглера со славянофильством ни для кого не прибыльно – ни для Шпенглера, ни для славянофилов и, тем более, для наших авторов...» [4, с. 1000]. В духе марксизма Грасиас отмечает, что Шпенглеровская «морфология» истории, проповедь «Заката Европы», это глубокая реакция старого мира против зарождения нового (коммунистического мира) [4, с. 1000].

Грасиас весьма посредственно отзываясь о «душах» культур Шпенглера, отмечая, что «... нас не интересует ни конкретное содержание «душ», ни, тем более, их частности...» [4, с. 996]. Для него более предпочтительно указать на мнение Степуна, который, в свою очередь, указывает на однородность «теории» Шпенглера с идеями Рюккерта и Данилевского [4, с. 997].

Как и Базаров, Грасиас уделяет внимание роли религии в теории О. Шпенглера, отмечая, что на место науки приходит религия, и наука сброшена с пьедестала, на ее место приходит «дух гаданья и пророчества», «углубление религиозной мистической жизни», «тайна, которую мы сами не можем вполне разгадать» [4, с. 1002].

Безусловно, работы марксистских исследователей в отечественной гуманитарной мысли носили конъюнктурный характер, поскольку авторы придерживались своих идеологических соображений. Авторы в своих статьях были весьма однородны, пытаясь доказать ошибочность подходов и опасность идей О.Шпенглера.

Стоит отметить, что философия истории Шпенглера, как и остальное его творчество, интерпретировалось в отечественной гуманитарной мысли в ключе реакционных тенденций буржуазной исторической и политической мысли. Ситуация начнет меняться лишь во второй половине XX столетия благодаря работам С.С. Аверинцева, К.А. Свасьяна, Г.М. Тавризян, что отразится в пересмотре подхода к критике учения О.Шпенглера [5, с. 96].

Список литературы

1. Базаров В. Шпенглер и его критики // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. С. 1008–1031.
2. Бердяев Н. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А., Букшпан Я.М., Степун Ф.А., Франк С.Л. Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 53–72.
3. Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. 224 с.
4. Грасиас К. Вехисты о Шпенглере // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. С. 991–1008.
5. Терехов О. Э., Терехова О. Н. Культурно-историческая концепция О. Шпенглера и гуманитарная мысль XX столетия в историографической ретроспективе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8. № 3 (31). С. 92–97.
6. Франк С. Л. Кризис западной культуры // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. С. 873–888.

Кузь В.В.,

кандидат исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы содержания и методики изучения и преподавания преистории в курсе основной школы. Внедрение в ее содержание регионального материала рассматривается как один из способов повышения эффективности школьного изучения истории первобытности. Механизмом реализации регионального формата преистории представляется разработка практико-ориентированных учебных проектов.

Ключевые слова: методика преподавания истории в школе; история первобытности; проектная деятельность учащихся

Kuz' V.V.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Murmansk Arctic University»

HISTORY OF PRIMITIVE SOCIETY IN SCHOOL COURSE: METHODOLOGICAL PROBLEMS AND POSSIBLE WAYS FOR THEIR SOLUTION

The article deals with the problems of the content and practice of studying and teaching prehistory in the basic school course. The integration of regional material into its content is considered as one of the ways to increase the effectiveness of school study of prehistory. The way to implement the regional format of prehistory is the creation of practice-oriented educational projects.

Keywords: Methods of teaching history at school; prehistory; students' project activities

Начало XXI века стало для отечественной системы школьного исторического образования эпохой масштабных перемен и одновременно переосмысления уже накопленного научно-методического опыта. Исследователи по-разному оценивают промежуточные итоги этого процесса [5, с. 7], однако вполне солидарны во мнении, что данная трансформация в целом мало затронула школьный курс Всеобщей истории [1, с. 24]. Курс этот, несмотря на свое огромное мировоззренческое значение [2; 9], занял, в общем-то, подчиненное положение в системе школьного исторического образования. Изменения в положении школьной всеобщей истории свелись, в основном, к синхронизации ее отдельных периодов с соответствующими этапами истории России [12].

На этом фоне, казалось бы, совершенно выделяется школьный курс Истории древнего мира. На первый взгляд, он полностью сохранил свое уникальное место в системе школьного изучения истории и остался единственным базовым курсом истории в 5 классе. Древняя история в школе не конкурирует и не синхронизируется с другими историческими курсами, она сохраняет свое незыблемое положение на прежних позициях.

Изучение Древней истории в школе начинается с истории первобытности или преистории (будем условно считать эти термины примерно равнозначными [4, с. 14–15]); действующая Федеральная рабочая программа основного общего образования отводит на этот материал 4 часа [18, с. 61]. В течение этого скромного времени пятиклассникам предлагается в общих чертах освоить процессы возникновения и эволюции человека, становления человеческого общества, формирования его материальной и духовной культуры, наиболее значимых социальных институтов, а также процессы социальной дифференциации и политогенеза.

Нам представляется, что в этих условиях изучение преистории в школе сталкивается с существенными трудностями – как содержательного, так и методического характера. Эти своеобразные «вызовы» можно свести к трем основным позициям.

Во-первых, материал истории первобытности существенно отличается от всех других изучаемых в школе периодов истории. К числу таких отличий можно отнести: 1) безличность материала преистории: он может быть описан только в форме процессов или явлений, что несколько снижает эмоциональную привлекательность этого материала; 2) обилие сложной терминологии, без которой изучение данного материала практически не представляется возможным; 3) самое главное – огромное мировоззренческое значение. История первобытности изучает вопросы, имеющие повышенную значимость для мировоззрения в целом, основным из которых является вопрос о происхождении человека. Впрочем, и другие составляющие материала преистории, такие, как возникновение социальных институтов, религии и искусства, политогенез имеют не меньшее значение для формирования в целом мировоззрения младших подростков.

Второй существенной методической трудностью преподавания истории первобытности в школе можно назвать практически полное отсутствие возможностей для межпредметного взаимодействия. Все школьные предметы в 5 классе изучают лишь основы наук, и только курс Истории стартует не с аксиом и вводных положений, но непосредственно с максимально сложных вопросов, таких, как происхождение человека, возникновение социальных институтов, форм коллективного взаимодействия, способов социального регулирования и т.д.

Наконец, главным вызовом, с которым сталкивается изучение и преподавание преистории в школе, нам представляется кардинальное несоответствие уровня сложности ее материала когнитивным возможностям и психологическим особенностям учащихся 5 класса (10 – 11 лет). Это несоответствие становится особенно заметным в условиях резкого роста объема новых научных знаний в этой сфере. Так, на рубеже XX–XXI вв. был сделан ряд открытий, совершенно изменивших устоявшиеся научные представления о вопросах эволюции человека, существенно обогатилось новыми концепциями и изучение проблем социальной истории первобытности, ее материальной и духовной культуры.

Проблема обновления школьного материала первобытной истории, приведения его в соответствие с состоянием современного научного знания является отдельной методической задачей и нами здесь рассматриваться не будет. Однако даже констатация этой проблемы, как нам представляется, лишь подтверждает заявленное несоответствие между объемом и уровнем сложности современного научного знания в области преистории, с одной стороны, и содержанием школьного курса, с другой; никогда прежде это несоответствие не было столь огромным, как сегодня, когда объем научных знаний по истории первобытности растет кратно, тогда как школьный материал по этому периоду истории эволюционирует очень незначительно. Отметим, при этом, что невозможно подвергать в этой связи критике авторов школьных программ и учебников, так как они следуют общепринятому порядку изучения материала истории первобытности в школе.

Добавим также, что в условиях линейной системы школьного исторического образования исключается возможность повторения – пусть и в обобщенном виде – в старших классах материала, изученного в основной школе; причем история первобытности максимально удалена от времени завершения школьного исторического образования – как в 9, так и тем более в 11 классе.

Таким образом, в результате всех этих особенностей первобытность остается в восприятии учащихся бесконечно далеким от современности периодом, оторванным от реалий нашего времени, лишенным практической значимости, не вызывающим никаких эмоций и потому представляемым очень смутно.

Необходимо отметить, что научно-педагогическое сообщество неоднократно обращалось к попыткам решения этой проблемы, предлагались различные средства повышения эффективности изучения преистории в школе, модернизации ее методического и технологического обеспечения. Среди таких предложений – усиление межпредметного взаимодействия [8;16], использование методики «детской археологии» [6; 10; 13] и некоторые другие [14; 15].

Как нам представляется, одним из способов повышения эффективности освоения преистории в системе школьного исторического образования может стать внедрение в процесс ее изучения регионального материала. Это поможет актуализировать содержание школьной истории первобытности, привести его в соответствие с когнитивными возможностями и психологическими особенностями младших подростков. Кроме того, знакомство с региональным форматом преистории позволит учащимся хотя бы в самых общих чертах познакомиться с современным состоянием научного знания об истории первобытности, конечно, в рамках возможностей младших подростков.

На первый взгляд, методических новаций в данном предложении нет. Действительно, Федеральная образовательная программа уже включает в курс Истории России 6 класса материал по первобытным обществам на территории нашей страны (упоминаются палеолитическое искусство, петроглифы, неолитическая революция, освоение металлов и другие явления и процессы, относящиеся к преистории) [18, с. 10]). Проблема только состоит в том, что этот материал мало связан с изученной в 5 классе историей первобытности: учащиеся практически впервые узнают, что и территория современной России в прошлом тоже была ареалом первобытных обществ. При этом следует отметить, что массив историко-культурных ресурсов доисторического периода на территории России очень велик: практически все регионы так или иначе имеют представленные на своей территории артефакты археологических культур первобытности, стоянки первобытных людей и другие объекты культурного наследия преистории. Таким образом, внедрение регионоведческого материала в изучение истории первобытности представляется методически целесообразным.

Однако при этом возникает вопрос о механизмах реализации этого предложения, ведь на всю преисторию выделяется, как уже упоминалось, 4 часа. Безусловно, большие надежды здесь могут возлагаться на предметное изучение регионоведения, однако в нашем случае речь идет об изучении преистории именно в рамках базового школьного курса Древней истории. В этих условиях предлагается выносить освоение регионального контекста преистории на внеурочную учебно-исследовательскую деятельность, формой которой является проектная работа учащихся. Проектно-исследовательская деятельность занимает сегодня в системе школьного образования все более значимые позиции [5, с. 6].

Содержанием проектной деятельности в области первобытной истории может стать творческая реконструкция прошлого. Как справедливо полагают исследователи, реконструктивная деятельность затрагивает эмоциональную сферу учащихся [7, с. 103], чего нельзя сказать об основном учебном материале по истории первобытности. Известно, какую огромную роль играет воображение и чувственное восприятие материала при изучении истории у младших

подростков [3, с. 4]. Именно оно может вовлечь учащихся в творческо-поисковую деятельность.

Наиболее оптимальной формой проектной деятельности в области школьной преистории нам представляется практико-ориентированная реконструкция. Она предполагает создание учащимися под руководством учителя относительно нового методического продукта, который является результатом их самостоятельной групповой или индивидуальной работы и может быть внедрен впоследствии в учебный процесс.

Можно предложить три варианта проектной деятельности в форме творческой реконструкции: создание веб-квеста, виртуального тура и настольной игры. Все они могут быть объединены как единой темой (например, «Жизнь первых поселенцев Кольского Севера», если говорить о материале истории Мурманской области), так и посвящены разным темам.

1) Создание веб-квеста. Веб-квест как вариант творческого задания с элементами ролевой игры активно внедряется в современный образовательный процесс [11; 17]. Создание небольшого веб-квеста как содержание проектной деятельности учащихся – это творческое задание, которое способствует как бы оживлению материала первобытной истории. Материалом для веб-квеста могут выступать оцифрованные и находящиеся в свободном доступе экспозиции региональных музеев.

2) Создание виртуального тура. В данном случае перед учащимися ставится задача создания небольшого виртуального путеводителя по археологическим ресурсам региона. Как показывает практика, этот вид деятельности наиболее предпочтителен именно для пятиклассников. Формой презентации такого путеводителя может быть мультимедийный альбом региональных историко-культурных ресурсов, выполненный в формате, например, интерактивного плаката. Если взять за основу материал преистории Кольского Севера, то в качестве исходных материалов для содержания такого виртуального путеводителя могут быть использованы хорошо представленные в Интернет-пространстве петроглифы Чальмны-Варрэ и Канозера, сведения о стоянках и поселениях первобытных людей эпохи мезолита, неолита и раннего металла, знаменитых каменных лабиринтах, археологических ресурсах Оленеостровского могильника, экспозиции краеведческих музеев.

3) Создание настольной учебной игры. Как показывает практика, это также один из излюбленных младшими подростками видов проектной деятельности, в ходе которого разрабатывается алгоритм прохождения настольной игры по материалам первобытной истории того или иного региона. В основу разработки настольной игры кладется поэтапное знакомство с отдельными сюжетами первобытной истории региона, причем переход на следующий этап игры возможен только при правильном выполнении заданий по содержанию предыдущего. Все указанные формы проектной деятельности при этом не исключают друг друга.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, удельный вес истории первобытности является наименее значимым во всем курсе школьной Всеобщей истории, поэтому его материал минимально представлен как в остаточных знаниях, так и в общей картине исторического сознания учащихся. Это совершенно не соответствует ни мировоззренческому значению этой дисциплины, ни тому объему научных знаний, который накоплен в этой области историко-антропологического знания. Во-вторых, решить эту проблему можно путем внедрения в изучение преистории регионального материала. Уже само по себе привлечение регионального материала способно сделать историю первобытности более близкой к реальности, менее отвлеченной и абстрактной. Наконец, в-третьих, наиболее приемлемой формой реализации регионального формата преистории представляется разработка практико-ориентированных учебных проектов (таких, как веб-квест, виртуальный тур, настольная учебная игра). Это позволит существенно повысить привлекательность мировоззренчески важного материала по первобытной истории, вовлечь его в сферу не только познавательной деятельности, но и эмо-

ционального восприятия, и тем самым попытаться вернуть первобытность в число значимых разделов школьного курса Истории.

Список литературы

1. Алексашкина Л.Н. Курс всеобщей истории в школе: актуальные проблемы и перспективы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2021. № 7. С. 23–32.
2. Алексашкина Л.Н. О мировоззренческом и познавательном потенциале школьного курса всеобщей истории // Преподавание истории в школе. 2013. № 4. С. 16–22.
3. Ванина Э.В., Лазукова Н.Н., Камелин К.А., Иванов О.В. Всеобщая история: История Древнего мира: 5 класс. Методическое пособие. М.: Вентана-Граф, 2018. 351 с.
4. Вишняцкий Л.Б. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры. Курс лекций. Изд. 2-е, испр. и доп. Кишинев: Изд-во Высшей Антропологической школы, 2005. 396 с.
5. Вяземский Е.Е. «Эпоха 2020-х» и модернизация общего исторического образования: поиск подходов // Преподавание истории в школе. 2022. № 4. С. 3–11.
6. Грошева А.В. Внеурочная деятельность в рамках музейно-образовательной программы «Назад к истокам» // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2018. № 3. С. 111–114 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneurochnaya-deyatelnost-v-ramkah-muzeyno-obrazovatelnoy-programmy-nazad-k-istokam> (дата обращения 14.09.2023).
7. Гудкова Т.В. Проектная деятельность школьников как форма творческой реконструкции исторического прошлого // Наука и школа. 2013. № 1. С. 103–106 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-shkolnikov-kak-forma-tvorcheskoy-rekonstruktsii-istoricheskogo-proshlogo> (дата обращения 19.09.2023).
8. Катухина А.В. Изучение методов обучения изобразительной деятельности в первобытном обществе // Проблемы современного образования. 2018. № 5. С. 252–260 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-metodov-obucheniya-izobrazitelnoy-deyatelnosti-v-pervobytnom-obschestve> (дата обращения 12.09.2023).
9. Ковалев А.В. Значение и место всеобщей истории в школьном курсе истории // Преподавание истории в школе. 2023. № 4. С. 41–43.
10. Кольцов П.М. Использование археологического материала в образовательных учреждениях // Вестник ИКИ-АТ. 2009. № 1 (18). С. 123–126 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-arheologicheskogo-materiala-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah> (дата обращения 14.09.2023).
11. Круподерова К.Р., Сулык К.М., Умилова О.А. Образовательный веб-квест как способ формирования познавательных универсальных учебных действий обучающихся // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-4. С. 188–190 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-veb-kvest-kak-sposob-formirovaniya-poznavatelnyh-universalnyh-uchebnyh-deystviy-obuchayushchisya> (дата обращения 06.11.2023).
12. Крючкова Е.А. Синхронизация курса отечественной истории и курса всеобщей истории в учебниках по истории России // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. № 6 (56). С. 136–146.
13. Любчанская Т.В. Формы организации детской археологии как фактор формирования научных школ в уральской археологии // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2009. № 32 (170). С. 142–147 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-organizatsii-detskoj-arheologii-kak-faktor-formirovaniya-nauchnyh-shkol-v-uralskoj-arheologii-1> (дата обращения 16.09.2023).
14. Махова А.В., Рыбкин А.Д. Программа развития креативности личности учащихся в рамках дисциплины «История Древнего мира» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5-1. С. 202–207 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-razvitiya-kreativnosti-lichnosti-uchaschihsya-v-ramkah-distipliny-istoriya-drevnego-mira> (дата обращения 03.11.2023).
15. Плотникова Д.Н. Разработка системы формирования умений в курсе истории Древнего мира // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 24. С. 23–26.
16. Савельева Е.В. Изучение технологий первобытного общества на уроках истории и технологии в школе // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2019. № 2 (4). С. 39–44 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-tehnologii-pervobytnogo-obschestva-na-urokah-istorii-i-tehnologii-v-shkole> (дата обращения 12.09.2023).
17. Телегина О.В., Архипова М.В., Ваганова Н.В. Внедрение технологии веб-квеста в учебный процесс // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-1. С. 183–186 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tehnologii-veb-kvesta-v-uchebnyy-protsess> (дата обращения 06.11.2023).
18. Федеральная рабочая программа основного общего образования. История (для 5 – 9 классов образовательных организаций). М.: Институт стратегии развития образования, 2022. 224 с.

Леснов А.В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

Витюнин В.С.,

магистрант, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», ведущий социолог Отдела
исследований и методических разработок Краевого государственного автономного учреждения
«Приморский научно-исследовательский центр социологии и гражданских инициатив»

ИКТ КАК ФРОНТИРНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье рассматривается роль информации и информационных технологий в организации социальной реальности с позиций конструктивизма и эпистемологии. Обсуждается понятие аутопоэза как способа организации сложных систем, включая социальные. Выдвигается исследовательская задача по пониманию влияния информационно-коммуникативных технологий на социальную адаптацию и развитие, а также необходимость разработки моделей, учитывающих ценности устойчивого социального развития на различных уровнях общества.

Ключевые слова: информация; информационно-коммуникационные технологии; кибернетика; социальные отношения; коммуникативные процессы; социальная субъектность; социальное управление; социальный аутопоэз; производство смыслов

Lesnov A.V.,

Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»

Vityunin V.S.,

Master Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Far-Eastern Federal University», Leading sociologist of the Department of Research and Methodological Development of the Regional State Autonomous Institution «Primorsky Research Center for Sociology and Civil Initiatives»

ICT AS A FRONTIER FACTOR OF SOCIAL CHANGES

The article examines the role of information and information technologies in organizing social reality from the perspectives of constructivism and epistemology. The concept of autopoiesis is discussed as a way of organizing complex systems, including social ones. The research task of understanding the impact of information and communication technologies on social adaptation and development is put forward, as well as the necessity of developing models that take into account the values of sustainable social development at various levels of society.

Keywords: information; information and communications technology; cybernetics; social relations; communicative processes; social subjectivity; social management; social autopoiesis; meaning production

Рост объема и развитие информационных технологий, формы и содержание задач работы с ними попали в поле зрения науки еще в середине XX века. Но уже при первых приближениях научной рефлексии к информации как объекту специального знания стали проявляться пер-

спективы применения нового знания к широкому кругу проблем не только теоретического, но и практического планов. Более того, исторически сложилось так, что кибернетика, как одно из направлений развития такого рода научного интереса к информации, в основном и по преимуществу касалась именно проблемы управления социальными системами с опорой на математические модели коммуникативных процессов в сложных, - то есть, по прикладной их сути, в социальных, - системах.

Традиционно вопросы о формах генерации, распределении и значении информации для процессов, протекающих в сложных паттернах социальных отношений, рассматриваются прогрессистски, то есть с опорой на ценности экономического детерминизма, на ожидаемые и просчитываемые социально-экономические последствия применения тех или иных конкретных технологий.

Как правило, при этом в тени остается множество возможных вопросов о характере и динамике социальной и мировоззренческой рецепции тех изменений, которые возникают в силу быстрой и глубокой информатизации возрастающего числа сторон общественной жизни. Однако данные вопросы заслуживают внимания, поскольку здесь мы имеем дело с классическими проблемами социальной адаптации, ее возможностей, границ и норм, возникающих в условиях вынужденной перестройки привычных форматов социальных взаимодействий и поведенческих диспозиций. Другими словами, это проблемы, затрагивающие возможные изменения социальных условий и выражающие некие граничные условия новой информационно-коммуникативной нормальности, обеспечиваемой быстрым развитием современных информационно-коммуникационных технологических возможностей.

Для понимания этой новой проблематики удобно прибегнуть к понятийному аппарату кибернетики. Кибернетическая трактовка информации выражает ее понимание как особого фактора, обеспечивающего две функции системной динамики: (1) управление некоторой системой отношений с целью ее изменения и/или (2) поддержание некоторой такой системы в стабильном состоянии в условиях изменений окружающей среды. Коротко и емко смысл такого понимания информации выражен в определении, данном Г. Бейтсоном: информация – это различие, которое производит различие [1].

Другим важным аспектом, выражающим кибернетическое понимание информации, является указание на ее значение для процессов внутри систем и между ними при условии их взаимодействия. Выше было указано, что информация определяет способность систем обеспечивать собственную стабильность при тех или иных условиях окружающей среды и в зависимости от них. Также известно, что информационное воздействие на систему приводит к реализации одному из двух сценариев: продолжению ее существования в ранее организованной форме или изменению его режима (причем оба из них могут привести систему как к состоянию более высокой внутренней стабильности, так и к возникновению избыточных флуктуаций, ведущих к разрушению). Из данных условий следует, что для системы информация всегда является фактором, детерминирующим тот или иной характер ее существования в широком спектре возможных отношений, относящихся к внутренней и внешней средам. Однако еще более важно, что роль данного фактора настолько велика, что всю совокупность форм, существенных для системы информационных процессов, интегрированных по их способности воздействовать на систему, можно обозначить как информационный коммуникативный управляющий контур данной системы.

Для реалий современных форм применения разнообразных информационно-коммуникационных технологий (далее: ИКТ) в общественной практике это означает, что с их помощью мы решаем следующие две задачи управления системой социальных отношений с целями: (1) по-

вышения их эффективности и (2) изменения и последующей стабилизации их типа, или формата, по заданным критериям (по типам «нормальности»).

В отличие от более простых процессов природы, на ее социальном уровне информация приобретает дополнительную функцию, связанную со способом организации информационного взаимодействия, порождающего феномен понимания (осмысления) и обусловленного им поведения. То есть роль информации как управляющего контура здесь дополняется тем, что на данном уровне организационной сложности обеспечивается возможность выбора между теми или иными логическими типологиями. Эти типологии лежат в основе социальных поведенческих паттернов и в основе смыслов социального бытия человека и общества: мы воспринимаем события, объекты, отношения между ними и нами, но социально значимым аспектом реальности для нас являются только сообщения, которые мы посылаем себе же или нашему социальному окружению. Логическая типология обеспечивает такое разделение форм поведения, при котором возникают целесообразность, планомерность, результативность и внутреннее содержательное единство общественной практики, то есть ее осмысленность.

Иными словами, смысл как функция логической типологии составляет основу деятельности человека и его социального бытия, форм социального поведения. В деятельностной парадигме, которую из области психологии можно экстраполировать и на социальный план, смысл всегда связан с коммуникативным взаимодействием и возникающим на его основе пониманием. Понимание и поведение – это пути реализации смысла, способы выражения через мотивированное поведение, наполненное субъективно-значимыми целями и устремлениями коммуницирующих сторон [3]. Содержательное наполнение коммуникаций всегда определено характером связности элементов социальной системы и обеспечивается организованными информационными потоками. Например, то или иное понимание социального порядка представляет собой выражение способа логической типизации, связывающей социальные реалии и способность человеческого разума обеспечивать социальное поведение на основе способа организации социально значимой информации.

Логическая типология коммуникативных отношений в социальной системе не только имеет большое значение для обеспечения ее смысловой целостности, но одновременно с тем предполагает вопросы об иерархии логических типов, задающих тот или иной характер внутренних связей, обеспечивающих режимы социальной реальности. К основным таким вопросам, связанным с влиянием ИКТ на характер и содержание социальных отношений, следует отнести следующие:

- кто обладает субъектностью выбора между логическими типами, задаваемыми при посредстве ИКТ и влияющими на социальное смыслопроизводство?
- кто и как задает информационно-коммуникативные условия, обеспечивающие предметность и конкретность выбора между различными такими типологиями?
- кто (причем, возможно, вынужденно) адаптируется и эволюционирует в условиях изменений логической типологии, задающей тот или иной конкретный уклад социального смыслопроизводства в контексте расширяющегося влияния ИКТ на реалии социальной жизни?

Высокий уровень развития ИКТ и быстро возрастающие масштабы их применения вызывают существенную трансформацию привычного уклада общественных отношений, ставят под вопрос ценность сложившихся форм и характера мироощущения и миропонимания. Более того, современные информационные технологии и новые возможности коммуникативных взаимодействий оказывают прямое воздействие не только на саму социальную систему и составляющие ее институты, но также и на формируемую их отношениями среду, ценностно-смысловые контексты социального праксиса в целом.

В данном случае роль и значение среды в плане ее воздействия на социальную систему мы не можем свести лишь к контекстуальным условиям широкого социокультурного плана, которые задаются через многообразие проявлений форм самой социальной организации. На наш взгляд здесь необходим более широкий взгляд, который мы находим в связи с применением понятия аутопоэза у живых и социальных систем [4; 5].

В эпистемологии конструктивизма понятие аутопоэза относится к природе сложных систем, выступающих друг для друга организующим началом их средового контекстуального окружения. В общем порядке аутопоэтическая организация социальной реальности видится как следствие непрерывно самоорганизующегося динамического процесса, стягивающего все взаимодействующие компоненты к целостности их коммуникативного единства. Но в аутопоэтическом социальном процессе, как и в любом аутопоэтическом процессе вообще, отношения между различными коммуницирующими компонентами не могут иметь один и тот же уровень общности или их спецификации. Здесь контекстуальные отношения «часть-целое» организуются в смысловые метаконтекстуальные, возникает динамическая аутопоэтическая иерархизация социальных отношений и социальной реальности в целом. Однако, как верно отмечено Г. Бейтсоном, с возрастанием сложности контекстуальных отношений нарушается порядок логической типизации и утрачивается континуальность смыслов: структура иерархии вложенных друг в друга контекстов социальных отношений такова, что уже на более высоком уровне контекстуальной общности, - так сказать, через «прыжок» от непосредственного контекста к метаконтексту, - такого рода нарушения становятся уже неизбежными. Таким образом, получается, что в динамической иерархизации социальных контекстов заложена возможность ее смысловой разрывности, или дискретности. Примерами этому могут быть ситуации, называемые трудно переводимым понятием “double bind” («двойного послания»), введенным Г. Бейтсоном для обозначения коммуникативных проблем и следующих из них индивидуальных и социальных поведенческих девиаций [2], что также требует к себе специального внимания и организованных исследований.

Поэтому задача, стоящая перед обществом в свете актуальности сформулированных выше вопросов и проблем, состоит в том, чтобы добиться ясности относительно перспектив более или менее эффективной и здоровой социальной адаптации к новым условиям, вносимым с общественную практику и среду в связи с быстрым развитием и распространением ИКТ, повышением уровня их влияния.

Отсюда открывается актуальность и эвристическая ценность философских, социологических и антропологических исследований ИКТ как существенного, фронтального фактора социального развития.

Обозначенный нами способ проблематизации феномена ИКТ призван положить начало разработке таких моделей его социальных рецепций, в которых будет удовлетворена потребность сопряжения интересов устойчивого социального развития с учетом ценностей системно-экологического уровня как на макро-, так и на микросоциальном планах.

Список литературы

1. Бейтсон Г., Бейтсон М.К. Ангелы страшатся. М.: Издательство АСТ, 2019. 352 с.
2. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
3. Кравец А.С. Три парадигмы смысла // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. №6. С. 75–93.
4. Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
5. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Verlag München, 2000. 333 с.

Митрохина Т.Н.,

доктор политических наук, профессор кафедры «История и политология»,
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина»

ИНДЕКСЫ И РЕЙТИНГИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В рамках статьи осуществлен анализ функциональности индексов как универсальных посредников между политической теорией и практикой. Автором систематизированы разнообразные сегменты, сферы и уровни политической деятельности, в которых использование индексов успешно и эффективно. Подчеркивается значимость сравнительно-динамического контекста, в котором индексы приобретают качества рейтингов. Внимание автора акцентировано не только на возможностях метода, но и на потенциальных негативных следствиях его применения в политической практике.

Ключевые слова: индексы в политической теории; рейтинги в политической практике; индексы и рейтинги в политическом контексте

Mitrokhina T.N.,

Dr. Sc. (Political Science), Professor, Department of History and Political Science, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Technical University Named after Yuri Gagarin»

INDEXES AND RATINGS IN A SOCIO-POLITICAL CONTEXT

The article analyzes the functionality of indexes as universal intermediaries between political theory and practice. The author systematizes various segments, spheres and levels of political activity in which the use of indexes is successful and effective. The importance of a comparatively dynamic context in which indexes acquire the qualities of ratings is emphasized. The author's attention is focused not only on the possibilities of the method, but also on the potential negative consequences of its application in political practice.

Keywords: Indexes in political theory; ratings in political practice; indexes and ratings in a political context

В современной политической науке и практике широко распространены и нашли применение разнообразные индексы и рейтинги, с помощью которых осуществляется оценка политических процессов и явлений. В политической науке под индексом понимают числовой показатель, полученный в результате агрегации двух или более взаимосвязанных характеристик. В основе построения индексов лежат арифметические действия, с помощью которых несколько количественных характеристик связываются в одну более ёмкую. Индексы применительно к различным сегментам политики используются в качестве универсальных посредников между теоретическим и эмпирическим уровнями анализа политических процессов и явлений. Индексы позволяют привести массив разрозненной информации к наглядному и более доступному для понимания виду, что является одним из достоинств индексов, обеспечивающих их широкое применение.

Задействованные в расчетах арифметические процедуры и способы интеграции подразделяют индексы на аддитивные, взвешенные и мультипликативные [3]. Для получения индек-

сов используется информация статистического, социологического и экспертного характера, в связи с чем возможна классификация индексов не только по методам агрегации данных, но и на основе доминирующих источников информации. В зависимости от сегмента оцениваемой политической сферы деятельности определяются индексы эффективного числа политических партий, функционирующих в партийно-политическом пространстве, индексы фракционализации парламентов и диспропорциональности, характеризующие соотношение применяемого на практике вида избирательной системы и качества представительства интересов граждан в законодательном органе власти, индексы электоральной не/устойчивости, характеризующие зрелость партийной системы. Широко представлены индексы, рассчитываемые по отношению к общественному сегменту – индексы этнической и конфессиональной фрагментации социума, характеризующие влияние этого фактора на устойчивость системы, ее способность противостоять воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз. Индексируются средства массовой информации, определяются индексы коррумпированности, социального не/благополучия, индексы счастья, открытость или закрытость управленческих структур, индексируются политические деятели по узнаваемости, публичности, доверию граждан. Индексы подразделяют на частные, служащие для оценки отдельных явлений, и сводные, используемые для комплексной количественной оценки. В зависимости от уровня процессов индексы рассчитываются по отношению к международным, внутригосударственным или региональным явлениям. Одновременно с этим, индексы различают по типу организаций, осуществляющих расчеты – международные надгосударственные организации, исследовательские некоммерческие центры, международные независимые организации или международные банки [2].

Как правило, абсолютные значения индексов не так важны, как значения индексов, помещенных в сравнительный контекст и характеризующих одни объекты и явления относительно других. Наиболее информативны индексы в динамике или в сравнении с другими однопорядковыми явлениями, что дает возможность просматривать тенденции и выстраивать прогнозы. В сравнительно-динамическом контексте упорядоченные по возрастанию или убыванию индексы приобретают свойства рейтингов, представляя собой числовые показатели, характеризующие положение объекта или явления относительно других. Трансформируясь в рейтинг, индекс становится технологическим инструментом оценки одних явлений или субъектов относительно других, средством сравнения, ранжирования или упорядочивания информации по заранее выстроенным правилам, соответственно определенному набору критериев и показателей. Технология рейтингования или ранжирования особенно востребована практической политикой, поскольку рейтинги являются эффективным средством воздействия на граждан при формировании общественного мнения. Они представляют собой средство, наглядное и доступное для быстрого и легкого восприятия.

Международными институтами составляются межгосударственные рейтинги коррумпированности, развития человеческого капитала и человеческого развития, демократичности, партийного плюрализма и свободы. Несмотря на то, что не все государства готовы принимать результаты сравнительного рейтингования, осуществляемого международными организациями, все же наибольшую известность получили рейтинги/индексы человеческого развития и качества жизни, включающие порядка двух сотен стран [4]. Индексы эффективны в практике рейтинговых, а, следовательно, сравнительных оценок, например, по инвестициям государства в социальную сферу. В расчеты включаются показатели, характеризующие развитие экономической или социальной сферы государств. Ключевыми являются такие показатели как доход на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, доступность образования, диспропорции

в распределении материальных благ, в доходах и потреблении граждан, оценивается уровень бедности, данные по рождаемости и смертности в соотношении между собой. Международные организации практически ежегодно публикуют отчеты по рейтингам, предоставляющим характеристику государств в той или иной сфере [5].

В международной практике получили известность индексы/рейтинги мягкой силы государств, представленные, например, в ежегодных отчетах компании Brand Finance. Рейтинги основаны на социологических исследованиях, в ходе которых респондентам предлагается дать оценку национальных брендов по таким параметрам, как узнаваемость, репутация и влияние. Индекс мягкой силы учитывает такие параметры, как культура и наследие, международные отношения, государственное управление, бизнес и торговля, медиа и коммуникации, образование и наука, человеческие ценности, стабильное будущее [1]. Стремление соответствовать наиболее престижным международным стандартам стимулирует государства уделять внимание ключевым показателям, по которым организации проводят расчеты.

Международная практика рейтинговых оценок в различных сферах оказалась вполне успешной. Не менее успешно методы рейтингования используются в управленческой практике и на внутригосударственном уровне – рассчитываются рейтинги, включающие экономические, политические, социальные показатели, характеризующие развитие регионов и качество жизни. Так, например, начиная с 2007 года, российские регионы ежегодно отчитываются по показателям, утверждаемым президентскими указами «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [6]. Показатели основаны на статистических данных, экспертных оценках и результатах социологических опросов населения. Рассчитывают рейтинги регионов по качеству жизни населения региона, инвестиционному климату, уровню заработных плат и уровню экономического развития, доступности жилья. Регионы ранжируют и осуществляют сравнительный мониторинг по качеству окружающей среды, уровню безработицы, развитию инфраструктуры, приверженности населения здоровому образу жизни [7]. Полученные рейтинги иллюстрируют социально-экономическое положение в регионах, являются способом мониторинга ситуации в регионах, нередко становятся основанием управленческих решений и кадровых назначений, стимулируют развитие тех сфер государственной политики и управления, которые требуют внимания.

В управленческой практике получили распространение персонализированные индексы в виде ключевых показателей эффективности, более известных по аббревиатуре KPI (Key Performance Indicators). Они представляют собой количественные характеристики деятельности, связанные с достижением общей цели организации или региона и позволяющие контролировать и оценивать работу отдельного человека, групп, подразделений, организаций, их результативность и эффективность.

Внедрение информационных технологий стимулирует развитие такого направления, как рейтингование граждан. Уже сегодня в некоторых сферах нашли применение отдельные элементы социального рейтингования, которое имеет как позитивные, так и негативные следствия. Наиболее известным примером масштабного рейтингования граждан на государственном уровне является Китай. Ежедневное поведение человека, контролируемое с помощью цифровых технологий, является основой надления его определенной суммой баллов, которая увеличивается или уменьшается в зависимости от поступков или видов деятельности, предписанных установленными в обществе нормами. Информационные центры ранжируют граждан соответственно набранным баллам, приписывая им определенный социальный статус.

Современная практика показывает, что количественные характеристики деятельности граждан, организаций, регионов или государств становятся неотъемлемыми элементами политического управления, поскольку то, что можно достоверно измерить, контролировать, стимулировать и мотивировать, способствует достижению стратегических целей. Однако на всех уровнях использования количественных характеристик процессов и явлений, индексов и рейтинговых оценок необходимо обращать внимание на то, каким образом, кто и в каких целях осуществляет построения и расчеты, какими методиками сбора и обработки данных пользуется и в чьих интересах, в какой степени процедуры индексирования и рейтингования и их результаты открыты и доступны для граждан и общества. Внедрение индексов и рейтингов в управленческие практики должно опираться на объективные критерии, на основе которых проводится оценка, чтобы эти методы оценивания стали не манипулятивными, а эффективными инструментами управленческих практик, способствовали решению задач государственного масштаба и достижению общегосударственных целей.

Список литературы

1. Global Soft Power Index 2023 // URL: <https://brandirectory.com/softpower/report> (дата обращения 02.01.2024)
2. Даукш И. А., Карпинская-Сакович Е. В. Международные индексно-рейтинговые модели: статистический анализ // Труды БГТУ. Сер. 5. Экономика и управление. 2022. № 2 (262). С. 58–64.
3. Мангейм Джарол Б., Рич Ричард К.. Политология: методы исследования. М.: Весь мир, 1999. 542 с.
4. Индекс человеческого развития // URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения 02.01.2024)
5. Корнилова И.М., Демидова Е.И., Митрохина Т.Н. Развитие человеческого капитала как национальный приоритет современной России // Вестник СГЮА. 2019. №6. С. 237–246.
6. Митрохина Т.Н. Рейтинговые механизмы измерения эффективности деятельности государственных служащих в РФ // Демократия в современном мире. М.: РОССПЭН, 2009. С. 336–347.
7. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2022 // URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html> (дата обращения 02.01.2024).

Молчанова Е.Г.,
кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

Суворова В.Е.,
студентка, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

ПОКОЛЕНИЕ ЗУМЕРОВ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена изучению особенностей восприятия информации и организации обучения поколения зумеров, т.е. людей, рожденных с конца 1990-х гг. до 2010 г. Подчеркивается, что для большинства представителей данного поколения характерны клиповое мышление, многозадачность, способность быстро обрабатывать большие объемы информации. В статье подчеркивается, что при обучении представителей данного поколения важно хорошо структурировать информацию, использовать визуальный контент и новейшие технологии.

Ключевые слова: *Зумеры; поколение Z; «цифровые аборигены»; «цифровые иммигранты»; клиповое мышление; восприятие информации; методы обучения*

Molchanova E.G.,

*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Pacific State University»*

Suvorova V.E.,

*Student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Pacific State University»*

GENERATION ZOOMERS: FEATURES OF INFORMATION PERCEPTION AND TRAINING ORGANIZATION

The article is devoted to the study of the peculiarities of information perception and the organization of education for the generation of zoomers, i.e. people born from the late 1990s to 2010. It is emphasized that the majority of representatives of this generation are characterized by clip thinking, multitasking, and the ability to quickly process large amounts of information. The article emphasizes that when teaching representatives of this generation, it is important to structure information well, use visual content and the latest technologies.

Keywords: Zoomers; generation Z; «digital aborigines»; «digital immigrants»; clip thinking; information perception; teaching methods

Согласно теории поколений, люди, родившиеся в определенный период времени, обладают схожими чертами поведения, ценностями, установками. Это обусловлено тем, что их личность формируется в определенном историко-культурном контексте, который формирует определенные социально-психологические черты. В данной статье будут проанализированы характерные черты поколения Z, рассмотрены особенности восприятия ими информации, особенности организации обучения.

Поколением Z называют людей, которые родились с конца 1990-х до начала 2010-х годов. За представителями этого поколения закрепилось название «зумеры», также их иногда называют «зетами» или «центениалами». Они родились в цифровом мире, «со смартфоном в руках», и не помнят свою жизнь без интернета и информационно-коммуникационных технологий. Цифровой мир для них – это естественная среда, в которой они родились, выросли, сформировались. Американский исследователь М. Пренски, анализируя способ познания мира, особенности восприятия информации и использования новейших технологий, охарактеризовал это поколение как Digital Natives (от англ. «цифровые аборигены»), в то время как старшие поколения, выросшие до цифровой революции, получило определение Digital immigrants (от англ. «цифровые иммигранты») [6, с. 217].

Представителям старших поколений, т.е. «цифровым иммигрантам» приходилось знакомиться с новой цифровой реальностью, адаптироваться к ней. Конечно же, восприняли эти изменения они по-разному. Одни были участниками и творцами цифровой революции, другие, приспособившись к новой реальности, стали простыми «пользователями» новых технологий, у кого-то появление и развитие информационно-коммуникационных технологий вызывало подозрение и отторжение. В любом случае, согласно метафоре М. Пренски, вне зависимости от степени владения информационными технологиями, цифровые иммигранты будут говорить на новом цифровом языке «с акцентом», т.к. он освоен во взрослом возрасте, а не усвоен ими с рождения.

Парадокс системы образования в настоящее время заключается в том, что студентов, школьников, принадлежащих к поколению «цифровых аборигенов», в основном, обучают цифровые

иммигранты. И это обстоятельство делает необходимой модернизацию системы обучения, предъявляет к преподавателям требования технологической, методической, психолого-педагогической компетентности, умения распознавать особенности и чувствовать потребности своих учеников. Современному преподавателю не стоит опасаться того, что знания их учеников, представителей поколения Z, могут оказаться в какой-то области более глубокими, чем у них. Важно проявить заинтересованность, и дать им возможность продемонстрировать эти знания, и они будут очень благодарны. Представители этого поколения хотят, чтобы преподаватель был умелым и мудрым руководителем, а не «всезнающим».

Представители поколения Z родились и выросли в эпоху информационного общества, в ситуации, когда человеку приходится сталкиваться с огромными потоками информации. Отсюда особенности их когнитивной сферы. Поколение Z обладает способностью быстро воспринимать и обрабатывать большие объемы информации благодаря активному использованию технологий. Особенностью познавательной сферы этого поколения является клиповость мышления. Феномен клипового мышления по своей сущности во многом схож с понятием когнитивного стиля. Клиповое мышление можно отнести к наглядно-образному виду мышления. Клиповое мышление характеризуется выжимкой: не надо читать всю «Войну и мир», если можно прочесть аннотацию или краткое содержание. Длинный текст утомителен, лекция скучна — нужны тезисы, краткое изложение [3]. Т.В. Семеновских дает такое определение этому явлению. «Клиповое мышление» — это процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира [5]. Эта особенность познавательной сферы ведет к низкой способности человека системно воспринимать информацию и системно мыслить. Клиповое мышление предполагает упрощение, т.е. «забирает» глубину усвоения материала. Теряется способность к анализу и выстраиванию длинных логических цепочек. Клиповое мышление обладает не только недостатками — это просто развитие одних когнитивных навыков за счет других. В целом, клиповое мышление является защитной реакцией организма на информационную перегрузку и дает возможности приспособиться к реалиям современного мира. Данный тип мышления ускоряет реакцию: люди с клиповым мышлением быстрее реагируют на любые внешние стимулы. Данный тип мышления способствует многозадачности, которая позволяет эффективно выполнять несколько задач одновременно и быстро переключаться между ними. Представители поколения Z могут одновременно слушать музыку, просматривать ленту новостей, переписываться в чате, делать уроки и т.д.

Феномен «многозадачности» или «мультизадакинга» изучается с середины 1990-х годов. Основными характеристиками успешного мультизадакинга являются способность удерживать в голове значительный объем информации, которая нужна для осуществления текущей деятельности, флюидный интеллект (скорость и точность обработки информации) и произвольное внимание. Даже успешная многозадачность чревата снижением глубины переработки информации, более быстрым забыванием содержания выполняемых задач [2, с.16].

Классическое образование для зумеров становится все менее актуальным. Поколению Z не очень подходят образовательные стандарты предыдущих поколений. Такое обучение вызывает скуку, что, естественно, снижает мотивацию к познанию и развитию. Поэтому очень важно разрабатывать для зумеров адекватный стиль обучения. Естественно, черты прежних способов и методик обучения сохраняются в современной системе образования. Многие из них дают хо-

рошие результаты, принимаются учащимися и стимулируют их тягу к познанию. Разработка инновационных методов и приёмов образовательной деятельности опирается на особенности восприятия данного поколения.

Несмотря на порой кажущуюся инфантильность, к своему образованию зумеры, как правило, подходят очень серьезно: навыки для них важнее абстрактных знаний, а *life long learning*, то есть постоянное обучение, становится важным стандартом цифрового поколения. Они не хотят тратить время впустую, а хотят знать, как им может пригодиться информация, которую им преподают. Им важно обозначить прикладной характер знаний. Практически любой теоретический курс обречен на неудачу, если в нем нет примеров и готовых инструментов [4, с. 69–70]. Например, изучая историю, важно обозначить и показать, как в историческом прошлом человечества можно искать ответы на те вопросы, которые ставит сегодняшняя жизнь. И показать это на конкретных примерах. Вовлекая студентов в проектную деятельность, необходимо объяснить, как навыки, полученные в процессе этой работы, помогут им в жизни и профессиональной деятельности.

Преподавателям необходимо учитывать при построении образовательного процесса особенности феномена «клипового мышления», которое характерно для многих представителей поколения Z. Для них необходимо лучше структурировать информацию, видоизменять формат изложения. Лучше всего воспринимается визуальный контент с минимумом количества текста, либо видео-контент. Быстрый, краткий и интересный. Приоритетными станут иллюстрации, инфографика, схемы, видео, яркие, четкие и наглядные презентации с понятными и образными, запоминающимися формулировками [5]. Хорошо работают таймлайны или скетчноутинг для создания конспектов. Подходящей моделью для самостоятельной работы представителей цифрового поколения стало микрообучение. Его идея состоит в том, что информация должна подаваться компактно: с помощью небольших статей, упражнений, чек-листов, инфографики, а лучше видео [4, с. 70].

Еще одной особенностью поколения Z является то, что большинство из них не может удерживать внимание на чем-то одном больше 15–20 минут – оно ослабевает. Лучше разделить учебное время на 25–30-минутные отрезки, в течение каждого из которых ученики будут менять вид деятельности [1, с. 370–376]. Имеет смысл рассматривать сложные концепции или углубляться только в те темы, которые вызывают энтузиазм молодого поколения.

Важные навыки зумеров – это быстрый поиск информации через Интернет для решения повседневных задач, умение ориентироваться в ситуациях высокого уровня изменчивости и неопределенности. Подобный стиль жизни порождает и новый тип мышления. При организации обучения цифрового поколения необходимо это учитывать. Постановка задач для них в специальных программах и сервисах показывает хорошую эффективность. Важно менять методики и инструменты, использовать новые технологии, позволять использовать социальные сети.

В современной нестабильной ситуации аудитория должна быть безопасным местом, сосредоточенным на потребностях студентов. Для них необходима возможность честной дискуссии. Только так они остаются мотивированными и вовлеченными в учебный процесс. Создание среды, где возможна дискуссия, позволяет студентам чувствовать себя способными высказывать мнение, а также побуждает к более аналитическому изучению предмета. Формирование критического мышления является важной и необходимой способностью представителей поколения Z, так как им ежедневно приходится иметь дело с большими потоками информации.

Может показаться, что большинство зумеров не слишком любит общение. Однако это не так. Они хотят получить обратную связь от преподавателя. Студентам важно знать, насколько верно они понимают материал и, как правило, они бывают благодарны преподавателю за внимание и участие.

Таким образом, при организации процесса обучения молодого поколения важно учитывать, что зумеры – это поколение, родившееся в информационном обществе и сформировавшееся в условиях цифровых сетевых медиа. Это поколение имеет ряд особенностей мышления, восприятия информации, мотивации к обучению. Данное обстоятельство требует от преподавателей профессионального мастерства, творческого подхода и умения развиваться вместе со своими учениками.

Список литературы

1. Барсукова Е.В. Успешная коммуникация педагога с представителями поколения Z как показатель педагогического мастерства // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всероссийской научно-методической конференции; Оренбург. гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2021. С. 370–376.
2. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z» / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
3. Захарова В.А. Студенты поколения Z: реальность и будущее // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studenty-pokoleniya-z-realnost-i-budushee> (дата обращения 15.01.2024).
4. Самохвалов Н.А. К вопросу о влиянии зумеров на современную систему образования // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 2. С. 68–72.
5. Семеновских Т.В. Феномен «Клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Вестник евразийской науки. 2014. №5 (24) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede> (дата обращения 19.01.2024).
6. Хисматулина Н.В., Пугачева С.А., Малкова Т.В. Характерные особенности «цифровых аборигенов» как целевой аудитории в современном образовательном пространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №76-2. С. 216–218.

Сажин Б.Б.,

кандидат исторических наук, доцент, АН ОО ВО «Свято-Филаретовский институт»
(г. Москва)

ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ НАРОДНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. (НА ПРИМЕРЕ СЕКТЫ «НЕПЛАТЕЛЬЩИКОВ»)

В статье рассматривается применение перформативного подхода в изучении религиозных нон-конформистских движений второй половины XIX – начала XX вв. в Российской империи. На примере уральской секты «неплательщиков» исследуется картина мира верующих, отраженная в перформативных актах. В работе указано, что вербальные и визуальные перформансы «неплательщиков» противопоставляли их воззрения политике светских и церковных властей. Принимая форму ритуалов, действия уральских сектантов, формировали народный сценарий, в котором отрицалась российская действительность, признавалось право народа на пользование природных ресурсов, выражалась готовность самопожертвования во имя идеала.

Ключевые слова: перформативный подход; секта «неплательщиков»; Крестьянская реформа 1861 г.; народники; народная эсхатология; Послание Павла к евреям

Sazhin B.B.,

*Cand. Sc. (History), Associate Professor, Autonomous Non-profit Educational
Organization of Higher Education «St. Philaret Institute»*

A PERFORMATIVE APPROACH TO THE STUDY OF FOLK RELIGIOUS MOVEMENTS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (USING THE EXAMPLE OF THE «DEFAULTERS» SECT)

The article deals with the application of the performative approach in the study of religious non-conformist movements of the second half of the 19th – early 20th centuries in the Russian Empire. The worldview of the believers reflected in performative acts is explored by the example of the Ural «non-payers» sect. The paper points out that the «non-payers» verbal and visual performances opposed their views to the policy of secular and church authorities. The actions of the Ural sectarians, taking the form of rituals, formed a popular scenario which denied the Russian reality, recognised the people's right to use the natural resources and expressed the participants' willingness to self-sacrifice for the sake of the ideal.

Keywords: *performative approach; «non-payers» sect; Peasant reform of 1861; Populists; popular eschatology; St. Paul's Epistle to the Hebrews*

Перформативный подход в гуманитарных науках получает активное применение в 1970-х годах. Данный метод рассматривает культуру как текст и сосредотачивается на изучении форматов «речевых актов», представлений, инсценировок и самопрезентации. Историк получает возможность исследовать прошлое не как статичный объект, а как пространство смыслов, формирующееся социальными группами в рамках определенных текстуально-визуальных презентации. В контексте изучения народных религиозных движений Российской империи эпохи Модерна применение перформативного подхода позволяет реконструировать сценарии деятельности верующих, отражающих их систему мировосприятия.

Объектом исследования выбрано религиозное движение «неплательщиков», возникшее на Урале во второй половине XIX в. Целью исследования является реконструкция воплощенного в перформативных актах деятельности жизненного мира религиозных неконформистов. В работе анализируются вербальные высказывания, общепринятые в среде «неплательщиков» словесные формулировки и их визуальные презентации.

Движение «неплательщиков» возникло и распространилось среди рабочих нескольких заводов (Нижне-Сергинский, Верхне-Сергинский, Атигский, Михайловский), находившихся на территории Красноуфимского уезда Пермской губернии. Причиной зарождения протеста стало недовольство условиями освобождения от крепостной зависимости в 1861 г., когда рабочие утратили часть земель и лишились заводских льгот. Часть мастеровых отказалась работать на предприятиях, прекратила платить подати, исполнять государственные, общественные и воинскую повинности. Власть и население заводских поселков стали называть их «неплательщиками». В 60-е гг. XIX в. движение «неплательщиков», вероятно, принимает религиозный и оппозиционный по отношению к церкви характер [7, с. 83–84].

После начавшихся правительственных репрессии вероучение «неплательщиков» приобретает ярко выраженную апокалиптическую окраску. Религиозные неконформисты Сергинских заводов пережили как Российскую империю, так и Советскую власть. В настоящее время отдельные общины «неплательщиков» существуют в Якутии и Восточной Сибири.

Реформа по освобождению крестьян 1861 г., по мнению американского исследователя Р. Уортмана, проходила в рамках сценария «любви», осуществляемого российским императором Александром II. Освобождение было «представлено как демонстрация христианской любви и преданности, предпринятая дворянством и требующая признательности и покорности со стороны крестьян» [10, с. 107]. Этот сценарий был поддержан церковью. На Урале символическим утверждением данного «сценария» стало возведение в заводских поселках монументов в память о реформе, установленных на средства населения.

Как отмечалось выше, работники Сергинских заводов не приняли правительственный сценарий. Ему будет противопоставлен собственный сценарий, презентация которого происходила в перформативных действиях. Это позволяло «неплательщикам» сохранять мировоззренческую идентичность и противостоять политики властей.

Так, одним из самоназваний «неплательщиков» стало выражение «Странники на всей земле Господней» [5, л. 183; 4, лл. 13 об, 162, 189]. К этим словам мастеровые, как правило, добавляли фразу: «На сей земле никого и ничего не сознаем» [5, л. 190]. Данные формулировки составили своеобразный символ веры «неплательщиков», который они неизменно озвучивали при встречах с представителями окружающего мира, как своим противникам, так и сочувствующим. Например, в протоколе одного из судебных заседаний 1877 г. зафиксированы следующие показания обвиняемых «неплательщиков»: «...но никто на это ответа не дал, а каждый из них порознь скороговоркою, как будто по заученному уже произносили: «я странец на всей земле господней; старый не имам, вперед не знаю; ни читать, ни писать не умею, трем курицам замесить не могу; на отсечение головы и за Христа ради умираю; никого, ничего на всей земле господней». За сим обвиняемые объявили, что они слышать ничего не хотят, и отвечать не будут...» [1, лл. 119–119 об.]. В другом варианте: «Я человек истинного Бога, града настоящего не имею, грядущего взыскую... странник на аминевой земле» [3, с. 30].

Эти фразы «неплательщиков» опираются на библейские тексты. Во-первых, это отрывок из псалма: «Странник я на земле; не скрывай от меня заповедей Твоих» (Пс.: 188:19). Во-вторых, текст из послания Павла к Евреям: «Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город». (Евр.: 11:13–16; См.: Евр.: 13:13–14). Данные библейские тексты, особенно послание к Евреям, а также пророческая книга Даниила [7, с. 75] стали программными документами «неплательщиков», ими определялись все их мировоззрение и деятельность.

Эти книги Священного Писания указывают на Заветы Бога с Авраамом и Моисеем, они устанавливали богоизбранность «неплательщиков», делали их объектами «обетований». Не случайно, еще одно самоназвание этой группы верующих – «люди Божьи». Для них было уготовлено «Царство Божие» («город»), которое они мыслили реализованным в будущем на земле («града настоящего не имею, грядущего взыскую») [7, с. 76–77]. Именно они следовали заповедям Господа, в полной мере исполняли, как сами они называли, «Закон Божий» [5, лл. 109–110]. Остальные, как уклонившиеся от заповедей Божьих, отвергшие их, включались в пространство антихриста, определялись как его слуги. Они захватили «обетованную землю»; их «неплательщики» называли «варягами», то есть чужими [4, л. 105]. Именно поэтому «неплательщики» упорно настаивали о том, что они «никого» и «ничего» не сознают.

Нормы «закона Божьего» были противопоставлены «сценарию» власти. По мнению «неплательщиков», Господь, изгнав человека из рая, «отдал ему в обладание землю и завещал ему обрабатывать ее в поте лица, за что она будет приносить трудящемуся на ней плоды». Это и есть тот «истинный и святой горний закон», согласно которому владеть землей должен исключительно тот, кто на ней трудится. Однако впоследствии, «под влиянием злобной и темной силы, олицетворяемой в антихристе, дела мира приняли течение, уклоняющееся от пути, указанного им Богом, и труженик-работник лишился обладания завещанною ему Творцом землею». Крепостное право верующие также считали нарушением божественных заповедей. Поэтому уставные грамоты «неплательщики» рассматривали как выдумку антихриста, вернувшего и закрепившего таким образом право господ на землю и людей [9, с. 259–260].

Из Послания к Евреям «неплательщики», вероятно, заимствовали и представления о кончине мира «антихриста». В тексте указывается, что для грешников уготовано «страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр.: 10–27; См.: Евр.: 11:35–40; 12: 3–11). «Неплательщики» же ожидали гибели антихриста в «великом очистительном огне», когда они «останутся единственными наследниками и владельцами погибшего греховного мира, и вот тогда-то наступит нетерпеливо ожидаемое ими царство, - царство свободы, вольного труда и вечного обладания очищенной огнем землею» [9, с. 260].

Реальность, конструируемая семиотическим кодом вербальной коммуникации уральских верующих, отражалась также и в их драматическом сценарии. У многих «неплательщиков» борьба с миром антихриста воплощалась в актах мученичества и жертвенности («на отсечение головы и за Христа ради умираю»). Такая установка также определялась текстами Священного Писания. В данном случае можно указать на слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф.: 5:10–11). Из послания к Евреям «неплательщики» также могли заимствовать модели поведения («Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия». – Евр.: 12: 1–2; См. Евр.: 12: 3–11; 11: 35–40).

Демонстрация готовности к мученичеству за закон «Божий» производилась, например, в сценах наказания, которые несли «неплательщики» по приговорам властей. В дневниковых записях А.С. Пругавина отмечено: «Исправник Деккер стягал и сек «неплательщиков» прямо на площади. Давали по 100, по 200 ударов и затем бросали нас, как собак. Бывало, секут чуть не до смерти, а бабы кругом кричат: - «Не сдавайся!... Не сдавайся, родимый!» [5, л. 107]. Женщины-«неплательщицы» кричали на встрече с Пругавиным: «Смерть приму, кровь пролью за истинный Божий закон!... На отсечение головы за святой Божий закон!... Сподоби, Господи, смерть принять за истинный святой Божий закон!» [5, лл. 109–110]. Такие перформансы становились свидетельствами верности «неплательщиков» заповедям Божиим и избрания Господом их своими детьми: «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?» (Евр.: 12:7).

Готовность к страданиям, отношение к миру как к пространству антихриста демонстрировались «неплательщиками» при призыве на военную службу в 1870-е гг. Они упирались, ложились на землю, на требования властей отвечали, что «антихристу служить не желаем» [3, с. 15–16]. Когда при медицинском осмотре требовалось раздеться, верующие наотрез отказывались это делать. Они не шевелили ни рукой, ни ногой, так что солдатам приходилось их самим раздевать.

То же самое повторялось, когда «неплательщиков» заставляли стать под «мерку» для расчёта роста. Пругавин, описывая данную сцену, отмечал: «Солдаты берут под руки неплательщика и тащат его к станку. Неплательщик опускается и ложится на пол. Несколько солдат берут его, как бревно, на руки и несут к станку. Но он наотрез отказывается стать в меру» [3, с. 16–17]. Уже на службе «неплательщики» продолжали отказываться от выполнения приказов и несли за это различные наказания, вплоть до тюремного заключения.

Сценарий «сынов Божьих» разыгрывался и в перформансах активного сопротивления. Необходимо отметить, что в данном случае на «неплательщиков» повлияли революционные народники, которые посетили Сергинские заводы в 1876 г. [6, с. 69–77]. Религиозные неконформисты стали устраивать демонстрации, в ходе которых открыто заявляли о своих взглядах. Описание одной из таких демонстрации, состоявшейся в 1878 г., можно найти в записях Пругавина, с которым поделился своими воспоминаниями священник Михайловского завода. Священнослужитель рассказывал: «... 25 мая в воспоминанье – крестный ход был к памятнику. Слухи ходили заранее, что неплательщики готовы что-то выкинуть. Все ждали. Я предупреждал старшину Грязнова, чтобы он принял меры. А слухи и толки все росли. Неплательщики говорили: «из одного человека надо кровь пустить – вся земля загорится». Настал день 25-е. Жена не пускает, отговаривает, взяла слово, что я к памятнику не пойду. – Хотел исповедоваться... Отец Виктор, мой сослуживец – отказался; дьякон – говорит: «у меня двое детей, я не пойду... А у меня их шестеро... Псаломщику приказал идти... Отошла обедня. Пошли к памятнику. Множество народу. Положил я крест на столик перед памятником. – «Благословен Бог наш всегда ныне и присно». – Только я это сказал – вдруг откуда ни возьмись Ананьин подходит в зипуне, в шляпе. – Ты кому, говорит, – поклоняешься? Ты поклоняешься антихристу! За кого ты молишься? – Ты молишься за антихриста. – Крест этот – антихристов. За ним Татохин – сын, слава богу, издох в остроге, рослый, со зверским взглядом и говорит те же самые слова. Я побледнел. Вижу их – 12 человек, – по числу апостолов... Третий – Бараковский – тоже издох в остроге. Старшины не было; он выходит из волостного правления, как раз против монумента, когда уже сотские схватили всех 12 человек и повели в волость. Я оправился и окончил молебен. У неплательщиков за пазухой были спрятаны чапаки (камни – Б.С.)... Началось следствие. Приехал следователь, начал допрос. Неплательщики говорят о государе: «изменник, он Закон Божий нарушил... антихрист!». Жандармский офицер приказал их запереть в острог. На суде судилось одиннадцать человек. Суд обошелся с ними весьма легко: все отнес к их непониманию» [4, л. 8, 164–165].

О другом подобном случае, произошедшем в Нижних Сергах, рассказал Солодовников. В поселке в один из праздничных дней во время крестного хода толпа «неплательщиков» «бросилась на духовенство с угрозами и начала бросать в него камнями» [9, с. 261]. По сведению духовных властей Пермской губернии, подобные перформансы продолжались и в начале XX в. [8, л. 36 об.].

Такие акции, вероятно, проводили не все «неплательщики», а та часть их, которая оказалась под влиянием радикальной интеллигенции. Народников верующие называли «путешественниками» [5, лл. 116–117], то есть людьми, которые разделяли их взгляды. Смысл данных перформансов оставался таким же, как и других представлений «людей Божьих», поменялись только приемы. «Неплательщики» продолжали демонстрировать отторжение окружающего их мира, как олицетворение антихриста («неправды»), позиционировать себя избранниками Господа, ожидающими Царства Божьего и готовыми принять смерть за Его установления («правду»). Символичным является тот факт, что демонстрация 1878 г. произошла у памятника в честь освобождения крестьян от крепостной зависимости. Наглядное проявление отторжения сценария

«любви» российской власти. Следует отметить также, что действия «неплательщиков» приняли регулярный характер, что свидетельствует об их ритуализации. Таким образом, верующие подтверждали собственную идентификацию избранников Божьих.

Вместе с тем, изменение форм протеста имеет познавательное значение. Часть «неплательщиков» впоследствии примет активное участие в революционных событиях 1917 г. в качестве одной из анархистских групп [2, с. 10]. Еще одна группа верующих, начиная с 1905 г., стала называть социал-демократическую партию «Божьей матерью» [8, л. 37 об.]. Рассмотрение русской революции как реализации народной «правды», имеющей начала в религиозных воззрениях крестьян и рабочих, требует дальнейшего исследования.

Следует выделить еще одну черту выступлений «неплательщиков» – на все свои запланированные действия они выходили в белых одеждах [8, л. 36 об.; 3, с. 15]. Вероятно, такой обычай имеет связь с текстом Откровения от Иоанна. В этой книге сказано: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились ещё на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр.: 6:11). Если предположение верно, то ношение белых одежд «неплательщиками» будет также означать их «избранничество» и готовность пожертвовать собою в борьбе с антихристом. Косвенным образом об этом свидетельствует Солодовников, который сообщает, что «неплательщики», одеваясь в белые одежды, собираются «для последнего тяжкого подвига – принятия мученического венца» [9, с. 260].

Таким образом, перформансы «неплательщиков», как вербальные, так и визуальные, содержали и выражали основные смысловые концепты мировоззрения данной группы уральских рабочих. Они осознавали себя как «избранников» Господа в мире антихриста, ожидающих Царствия Небесного на земле, свободной жизни и труда, права на природные ресурсы и готовыми принять мученический венец за «закон Божий». Регулярность разыгрываемых представлений превращало их в ритуальный сценарий, обеспечивающий идентичность религиозных нонконформистов. Реальность, создаваемая «неплательщиками», заключала в себе народные представления о справедливости, противопоставляла их правительственной и церковной «правде».

Список литературы

1. Дело о крестьянах Дмитрие и Михаиле Прокопьевых Игнатовых и Ефиме Осипове Симанове, обвиняемых за нанесение ран должностным лицам, при исполнении последних служебных обязанностей. // ГАПК. Ф. 1 Оп. 1. Ед. хр. 1589. 119 л.
2. Медынцева К.Н. «Неплательщики». «Духоборы» (Материалы по истории анархизма в России). М.: Изд-во Всероссийской секции анархистов-универсалистов, 1922. 20 с.
3. Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. Анархическое течение в русском сектантстве. М.: Задруга, 1918. 180 с.
4. Пругавин А. С. Очерки и заметки о сектах «неплательщиков» и «лучинковцах» на Урале. Приложен приговор крестьян о «неплательщиках» // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 79. 226 л.
5. Пругавин А.С. Статьи и наброски о сектантстве // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 80. 257 л.
6. Сажин Б.Б., Кузнецова Н.Ю. Революционные народники и секта «неплательщиков» (Эпизод из истории «хождения в народ») // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. 3(84). С. 69–77.
7. Сажин Б.Б. Религиозное движение «неплательщиков» на Урале в 60-80-е гг. XIX в. / Старообрядчество: история, культура, современность: материалы / Центр истории и культуры старообрядчества им. боярыни Морозовой, культурно-паломнический центр им. протопопа Аввакума, Культурно-просветительский центр «Старый Боровск». М.: [б.и.], 2014, С. 64–89.
8. Сведения о секте «немоляко-неплательщики» // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 122. 43 л.
9. Солодовников А.П. Неплательщики // Пермский край. Т. 1. Пермь: Типография наслед. П. Ф. Каменского, 1892. С. 254–268.
10. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.

Сучкова А.А.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

ИКТ НА УРОКАХ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена анализу внедрения новых информационных технологий на занятиях по корейскому языку в очном и дистанционном форматах в рамках современного российского образования. Автор рассматривается ряд проблем, с которыми столкнулись преподаватели, новые задачи, поставленные перед ними, и их решения, основанные на ИКТ. В статье отмечается, что внедрение новых информационных технологий, к которым относятся электронные учебники, пособия, программные тренажеры, образовательные платформы, электронные доски и т.д. позволяют повысить мотивацию к обучению, значительно расширить объем знаний, разнообразить, облегчить образовательный процесс и повысить его эффективность. Кроме того, такая тенденция расширяет возможности российского образования выхода на международный рынок образовательных услуг.

Ключевые слова: корейский язык; дистанционное образование; ИКТ; мультимедиа-технологии

Suchkova A.A.,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Novosibirsk State University
of Economics and Management «NINKh»

ICT IN KOREAN LANGUAGE LESSONS

This article is devoted to the analysis of the implementation of new information technologies in Korean language classes in full-time and distance learning formats within the framework of modern Russian education. The author examines a number of problems faced by teachers, new tasks assigned to them, and their solutions based on ICT. The article notes that the introduction of new information technologies, which include electronic textbooks, manuals, software simulators, educational platforms, electronic boards, etc. allow you to increase motivation for learning, significantly expand the volume of knowledge, diversify, facilitate the educational process and increase its efficiency. In addition, this trend expands the opportunities for Russian education to enter the international market of educational services.

Keywords: Korean language; distance education; ICT; multimedia technologies

Современная система образования уже на протяжении нескольких десятилетий подвержена влиянию процессу информатизации, что приводит, несомненно, к повышению его эффективности, гибкости, доступности. Каждый новый этап этого процесса представляется определенным прорывом в развитии образовательной сферы. Нынешний этап характеризуется применением новейших персональных компьютеров, информационных и телекоммуникационных технологий, мультимедиа-технологий и виртуальной реальности. Это период перехода к дистанционному образованию и развитию множества интересных платформ, обучающих программ, курсов. С точки зрения изучения и преподавания корейского языка в Российской Федерации можно сказать, что это шаг к значительному прорыву, поскольку до сих пор существует проблема оснащенности необходимой учебной и научной литературой школ, вузов, где преподается этот восточный язык.

Внедрение ИКТ в процесс преподавания корейского языка важно с самого начального уровня, когда формируются и отрабатываются навыки всех видов речевой деятельности. Обучение аудированию немыслимо без применения аудиозаписей на лазерных дисках или аудиотреков, хранящихся, например, в облачных хранилищах. Чтение текстов чаще всего сопровождается прослушиванием диктора-носителя корейского языка в целях отработки правильной интонации и произношения. Письму и говорению на начальном этапе можно также обучиться с применением новейших приложений, разработанных университетами Республики Корея (SNULEI 한글 (рисунок 1), 세종학당회 화학습 (рисунок 2) и т.д.), обучающих видео, размещенных на видеохостинге YouTube.

Рис. 1. Мобильное приложение SNULEI 한글, разработанное Сеульским национальным университетом

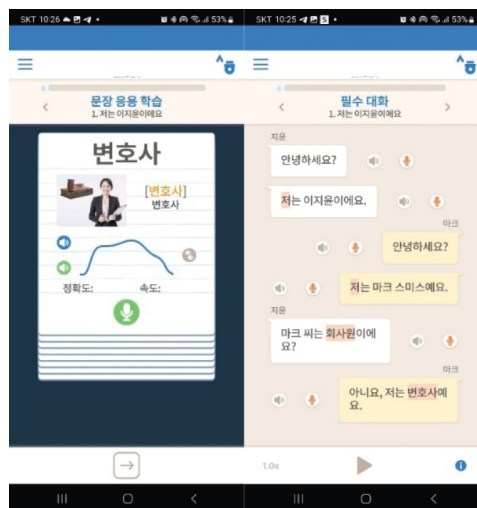

Рис. 2. Мобильное приложение 세종학당회 화학습초급, разработанное Институтом имени короля Седжона

Современный преподаватель имеет возможность найти в сети Интернет необходимый языковой, лингвокультурологический, страноведческий материал, систематизировать его и продемонстрировать обучающимся в форме интересных презентаций, разработанных с помощью таких программ, как Canva, PowerPoint (рисунок 3.), которые способствуют эффективности его освоения студентами. Презентации помогают передать большой объем знаний обучающимся, повысить их качество, развить творческое мышление.

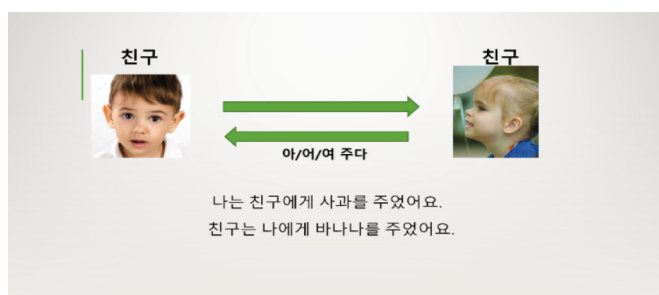

Рис. 3. Пример слайда лекции с представлением грамматического материала

Для отработки нового лексического материала обучающиеся имеют возможность не только во время занятия, но и дома воспользоваться различными популярными ресурсами, такими как Quizlet, Wordwall, Kahoot, Learning Apps и т.д. Например, сервис Quizlet помогает студентам самостоятельно создавать учебные карточки, с помощью которых легко запоминать новый лексический материал (рисунок 4). Преподаватель, в свою очередь, может проверить, насколько хорошо обучающийся овладел материалом модуля. Каждый модуль содержит режим письма, прослушивания тест и т. д. [9].

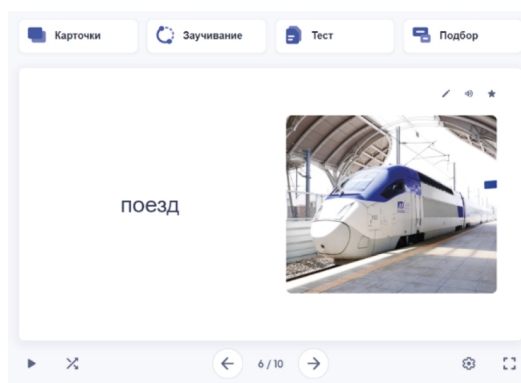

Рис. 4. Карточки в системе Quizlet

Помимо ставших уже привычными сервисов, занятия можно разнообразить мультипликационными роликами, которые создаются в приложении Tweencraft (рисунок 5). Программа позволяет смоделировать ситуацию диалога, записать сам диалог и анимировать его, используя движения пальцев.

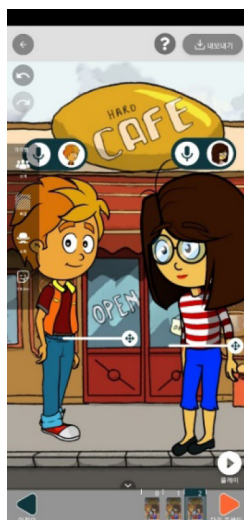

Рис. 5. Моделирование коммуникативной ситуации в приложении Tweencraft

Несомненна большая польза от применения видеоматериалов, которые могут храниться как на жестких дисках, так и на видеохостинге YouTube. Они дают возможность подготовить интересные методические разработки для проведения занятий по изучаемым темам, предусматривающие просмотр сюжета фильма и составление беседы на его основе, прослушивание песни и ее воспроизведение и т.д. Такие виды работ особенно популярны среди нынешней молодёжи, изучающей корейский язык. Связано это с сильным влиянием так называемой «корейской волны», халлю (кор. 한류), которая означает всплеск интереса к корейской популярной культуре (фильмы, сериалы, музыка, популярные телепередачи, музыка и многое другое).

Таким образом, современный образовательный процесс и преподавание иностранных языков, в частности, перешло на новый уровень, который характеризуется активным внедрением ИКТ, что позволяет значительно разнообразить работу преподавателя, расширить кругозор учащихся, установить межкультурную коммуникацию и погрузиться в иноязычную среду с помощью аутентичных материалов и т.д. Такой процесс, несомненно, позволяет повысить эффективность изучения иностранных языков.

Толчком к форсированному внедрению новых технологий и активному развитию дистанционного образования стали условия, сложившиеся весной 2020 года. Речь идет о карантинных мерах, связанных с распространением коронавируса (COVID-19), которые внесли существенные изменения в систему образования многих стран, в том числе и России. За короткий срок была поставлена задача перевести привычное образование в дистанционный формат, когда обучающиеся и преподаватели физически не присутствуют в классе/ аудитории, а занимаются посредством различных технических средств. Тогда возникли и долго не утихали споры по вопросу эффективности этого нововведения. Среди проблем выделялись следующие: отсутствие доступа к сети Интернет, отсутствие необходимых технических средств и навыка у преподавателей работать с новым программным обеспечением, ограниченный функционал бесплатных и дороговизна платных программ, позволяющих проводить видеоконференции, рост объема работы педагога, сложность контроля студентов и многое другое.

Однако, несмотря на ряд трудностей, онлайн-обучение стало выходом из ситуации, заблокировавшей образовательный процесс. Благодаря дистанционному образованию появилась возможность получения доступа к необходимым для обучения ресурсам (электронные библиотеки), снизились затраты на аренду помещения, на транспортные расходы преподавателей и обучающихся, появилась возможность создания более гибкого расписания занятий, сократились временные затраты на дорогу [11]. Благодаря переходу на дистанционный формат работы стали доступны преподавателям всевозможные программы повышения квалификации, переподготовки, участие в конференциях, проведение вебинаров, что упрощает обмен опытом специалистов в данной сфере.

Особо хотелось бы отметить положительное влияние сложившейся ситуации на работу репетиторов иностранных языков и корейского языка, в частности. Весна 2020 года, скорее, стала для них новым вектором эффективного развития образовательного процесса. В дополнение к перечисленным выше плюсам онлайн-занятий можно указать еще и значительное расширение базы учеников, желающих заниматься в данном формате, что привело к созданию онлайн-школ корейского языка как в России, так и за рубежом с ориентацией на русскоговорящих клиентов. Обучающиеся получили возможность найти подходящего для себя учителя, попробовать свои силы в изучении столь популярного в последнее время восточного языка, подготовиться к международному экзамену по корейскому языку (ТОPIK и ТОPIK II) или даже к поступлению в корейский вуз. Это, несомненно, большой плюс, так как бывает непросто найти хорошего специалиста именно для этих целей по месту проживания.

Одна из самых популярных образовательных платформ, освоенных преподавателями корейского языка – Progerssme. Она позволяет создавать, проводить интерактивные индивидуальные

и групповые уроки, онлайн-курсы, марафоны, связываться по видеосвязи с учениками, создавать учетную запись для учеников, где содержится основная информация о них, формировать домашнее задание и другие функции. На платформе также есть встроенный словарь с озвучкой.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что обучение онлайн, изучение иностранных языков и корейского языка в частности перешло на новый уровень, позволяющий сделать образовательный процесс не просто интересным, но и эффективным. Открылись новые возможности для выбора учениками преподавателей и наоборот, выбора необходимого материала, который зачастую трудно найти в России, и средств его изучения. Такая тенденция позволяет российскому образованию занимать достойную нишу на международном рынке образовательных услуг.

Список литературы

1. Бежиарова С. М. Эффективность дистанционного образования // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра/ Материалы IV международной научной конференции. В 3-х томах. Том II. Под редакцией С.И. Бугашева, А.С. Минина. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 164–168.
2. Белухина С.Н., Казакова Е.В., Ильина Л.А. Интерактивный контент как новая технология обучения РКИ на начальном этапе // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 17–20.
3. Бородинская Г.П., Пазюк К.Т. Актуальность дистанционного образования в России // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2017. Том 8. № 1. С. 387–389.
4. Елтунова И.Б., Николаева Л.В., Гороховская Н.А. Инструменты цифровизации как средство повышения качества образования // Современное педагогическое образование. 2022. № 9. С. 86–89.
5. Образование, которое мы можем потерять: сборник / Под общ. ред. В.А. Садовниченко. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова: Институт компьютерных исследований, 2002. 368 с.
6. Педагогические технологии дистанционного обучения: учебное пособие для вузов / Под ред. Е.С. Полат. 3-е изд.. М.: Юрайт, 2020. 392 с.
7. Савицкая Н. После пандемии высшее образование уже не будет прежним // URL: https://www.researchgate.net/publication/352403275_DISTANCE_LEARNING_HISTORY_OF_DEVELOPMENT_AND_PROBLEMS_IN_MODERN_RUSSIA (дата обращения 12.08.23).
8. Свистунов А.В., Свистунов Ю.А. Информатизация образования в современных условиях: проблемы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 126–137.
9. Шалунова М.Ю. Цифровые технологии как средство формирования коммуникативной компетенции в дистанционном обучении корейскому языку // Инновационные подходы к обучению иностранным языкам в формальном, неформальном и информальном образовательном пространстве: от теории к практике: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 27 января 2022 г.) Новосибирск: НГУЭУ, 2022. С. 91–100.
10. Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 5. С. 72–81.
11. Шугаева А.В. Дистанционное обучение. История развития и проблемы в современной России // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 3 // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30871> (дата обр. 12.08.23).
12. Мобильное приложение SNULEI – Hangeul // URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.hyonga.snu.lang.edu.lab&hl=ko&gl=US>
13. Мобильное приложение 세종어학당회화학습 // URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.sejong.koreanconversation&hl=ko&gl=US>
14. Официальный сайт Canva // URL: <https://www.canva.com/>
15. Официальный сайт Kahoot // URL: <https://kahoot.com/>
16. Официальный сайт Learning Appa // URL <https://learningapps.org/>
17. Официальный сайт Progressme // URL: <https://progressme.ru/>
18. Официальный сайт Quizlet // URL: <https://quizlet.com>
19. Официальный сайт Skype // URL: <https://skype.daesung.com/eng/main.asp>
20. Официальный сайт Tweencraft // URL: <https://tweencraft.com/>
21. Официальный сайт Wordwall // URL: <https://wordwall.net/>
22. Официальный сайт Zoom // URL: <https://support.zoom.us/hc/ru>

Ухатюк Ю.И.,
студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: Чумакова Т.В.,
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИННОКЕНТИЯ III В ТРАКТАТЕ «DE MISERIA CONDITIONIS HUMANAЕ»

Статья посвящена взглядам папы римского Иннокентия III на человеческую природу, изложенным в трактате «De miseria conditionis humanae». Автор трактата уделяет человеку крайне низкое положение среди живых существ мира и крайне пессимистичен к будущей судьбе рода человеческого. В статье обзревается этот значительный трактат католической теологической мысли XIII века и приводится вывод об основных оригинальных положениях учения данного церковного мыслителя.

Ключевые слова: Иннокентий III; Средние века; понтифик; религиозная антропология; грехопадение; порок

Ukhatyuk Yu.I.,
Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saint Petersburg State University»

Scientific adviser: Chumakova T.V.,
Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Saint Petersburg State University»

RELIGIOUS AND ANTHROPOLOGICAL IDEAS OF INNOCENT III IN THE TREATISE «DE MISERIA CONDITIONIS HUMANAЕ»

The article is devoted to the views of Pope Innocent III on human nature, set out in the treatise «De miseria conditionis humanae». The author of the treatise gives man an extremely low position among the living beings of the world and is extremely pessimistic about the future fate of the human race. The article reviews this significant treatise of Catholic theological thought of the XIII century and draws a conclusion about the main original provisions of the teachings of this church thinker.

Keywords: Innocent III; The Middle Ages; Pontiff; religious anthropology; the Fall; sin

Понтификат папы Иннокентия III (1198–1216) многими исследователями считается временем чрезвычайно значительного усиления влияния Римской церкви на европейское общество и иные христианские конфессии. В этом контексте католическая богословская мысль развивается в полемике с конфессиями. Вместе с тем, в самом католицизме появляются совершенно разные направления богословской мысли.

Очень яркой фигурой этого времени предстает обычно Франциск Ассизский, чьи идеи, по мнению А. Гаустрата, являются предшествующими идеям Реформации, и зачастую представ-

ляются «легальной оппозицией» внутри самого католицизма учению, которое доминировало в среде церковной иерархии. [3, с. 7] Рассмотрение этого учения может оказаться очень важным, и даже среди сочинений высших иерархов можно найти совершенно уникальные теологические размышления.

Одним из наиболее знаменитых мыслителей из среды высшей церковной иерархии и явился Иннокентий III, чей трактат «*De miseria conditionis humanae*» является очень важным произведением той эпохи. Трактат Иннокентия III кажется поистине полной противоположностью восхищенным представлением о мире Франциска Ассизского, который выражен в его знаменитых «лаудах». Антропологический пессимизм этого трактата очень оригинален и удивителен, и весьма сомнительно, что можно обнаружить какое-то более уничижительное описание состояния человека, нежели в этом трактате. Этот труд выражает уникальный взгляд на человеческую природу, который был распространен в эпоху Высокого Средневековья.

Данный трактат был написан в 1194–1195 годах тогда еще кардиналом Лотарио, который в будущем станет понтификом Рима Иннокентием III. Как отмечается в статье Джона Мура, этот труд встречается более чем в 700 средневековых манускриптах и 50 печатных изданиях XVII века [2, с. 553]. Сам труд разделяется на пролог и 3 книги. В первой книге насчитывается 31 глава, во второй книге 43 главы, в третьей книге 17 глав. Пролог является кратким посланием к кардиналу Петру, епископу Порто. В прологе автор указывает, что, если что-либо содержится благого и разумного в его труде, то это следует это приписать Божественной благодати. Кроме того, как указывается в издании Migne, в этом же прологе Иннокентий III отсылается к некой книге «*De dignitate naturae humanae*», которая нам сейчас неизвестна [1, с. 701]. Можно также предположить, что «Речь о достоинстве человека» великого мыслителя Возрождения Пико де Мирандола является некоторым полемическим ответом на сочинение папы Иннокентия III. В данной статье прежде будет кратко описано содержание глав книги, а затем изложены главные концепции и убеждения автора этого произведения.

Повествование первой книги начинается с описания возникновения человеческой жизни. В самом начале первой главы автор цитирует библейские стихи, которые указывают на ужас рождения в мире, который наполнен грехом, трудами и скорбью [1, с. 701–702]. Во всей первой книге чаще всего будущий понтифик цитирует пророческие книги Ветхого завета, преимущественно книги пророка Иеремии, Иова и Екклесиаст, которые, по-видимому, давали наибольшее количество стихов, которые могли бы подтвердить соответствие позиции автора библейскому учению. Описывая низость и безнадежность пребывания в утробе матери, во второй главе Иннокентий III переносит читателя к событиям сюжета из книги Бытие. Рассматривая материю, из которой созданы все живые существа, он считает, что человек был сотворен из самого низкого и дешевого материала, который мог бы быть. Библейское творение из глины и сравнение человека с прахом предстают в труде явным подтверждением самого унижительного положения человеческой природы [1, с. 703]. В третьей главе автор, сравнивая творение Адама и зачатие человека, указывает на большую чистоту творения из глины, чем от нечистого семени. В следующей главе продолжается исследование вопроса зачатия и производится разделение зачатия на природное и от семени. В данном случае термин «*conceptio*» обозначает, скорее, любое появление жизни. В этой главе также обозначаются три вида потенций души или же сил природных, которые разделяются на силу разума, которая различает добро и зло; вспыльчивость (или яростность), которая отвергает зло; достойное вожелание, которое ищет добра [1, с. 703–704]. По-видимому, это разделение души является тем же, что присутствует у Платона в IV книге трактата «Государство» и может считаться прямым влиянием платонизма на автора рассматри-

ваемого труда [4, с. 161]. Скорее, интерес представляется в используемой терминологии и степени её корректности при передаче терминологии Платона. Таким образом, в данном случае λογιστικόν передается как *visrationalis*; θυμός как *visirascibilis*; ἐπιθυμία как *visconscibilis* [1, с. 704]. Затем автор указывает, что эти силы человеческой души могут быть склонены к злу. Разум через невежество не умеет различать добро и зло, сила вспыльчивости через гнев начинает отвергать зло, достойное воздержание через греховное желание приходит к возжеланию зла [1, с. 704]. Это искажение становится законом, тиранически терзающим каждого человека, превращающим всю жизнь в падение к смерти.

Завершается повествование о внутриутробном пребывании человека размышлением о питании ребенка в утробе. Для автора женская утроба есть место «нечистот» и осквернения, в чем он опирается на ветхозаветное понимание женской «нечистоты». С VI главы начинается повествование о младенчестве и ранних годах человеческой жизни. В первые дни своей жизни человек бессилен, жалок, немощен. В младенчестве человек бессловесен, не имеет ни знания, ни сил [1, с. 704–705]. В VII главе теолог истолковывает имена Адама и Евы через звуки, которые, по его мнению, произносят младенцы мужского и женского пола. Так, новорожденный мужского рода издает вопль звуком «А», когда младенец женского рода звук «Е». Эти звуки автор считает производными от имени Ева. Имя «Ева» церковный автор возводит к латинскому «*heuha*», что может быть переведено как «увы и ах». В этом происхождении автор устанавливает очередное указание на скорбность жизни человека и уже в нем предвозвещается будущее грехопадение и прискорбная участь людей, а особенно женщин. В этой же главе приводятся примеры из Библии, которые говорят о рождении человека в муках, как для матери, так и для самого рождающегося ребенка [1, с. 705].

В главе VII рассказывается о наготы человека. Человек приходит в мир нагим и постыженным, так из мира он и уходит [1, с. 705]. В IX главе автор рассуждает о естественных плодах, которые производит человек и извергает в мир. Здесь он сравнивает человека и дерево. На деревьях и травах растут цветы и листья, на человеке лишь гниды и вши. Деревья и травы источают масло, вино и бальзам; человек же источает лишь урину, слюну и кал. Затем средневековый богослов утверждает, что человек подобен худому дереву из Евангелия от Матфея, которое не может дать хорошего плода. Тут же автор задает такой вопрос: «Что есть человек, если не перевернутое дерево?» (Прим. пер. автора). Волосы человека, словно корни древа, голова и шея подобны древесному стволу, туловище и голени, словно ветви с сучьями, а пальцы и суставы сравниваются автором с листьями [1, с. 705–706].

Главы X и XI посвящены невзгодам старости и кратковременности человеческой жизни. Автор указывает, что жизнь человека мимолетна. Кроме того, указывая на стихи Библии, упоминает, что во времена, описываемые книгой Бытие, люди жили 900 лет, во времена написания псалмов уже 70–80 лет, а во времена Иннокентия III, как он отмечает, немногие доживают до 50, а очень малое количество людей живет до 60 лет. В этом он усматривает подтверждение быстротечности и бренности человеческой жизни [1, с. 706].

Далее следует описание состояния человека в старости. Здесь же автор цитирует трактат Горация «*De arte poetica*»: «Многие старика окружают тягости». В конце XI главы сочинитель отмечает, что ни юный не может быть прославлен выше старого, ни старый выше молодого, ибо юный когда-то будет стариком, когда старый когда-то был юн [1, с. 706].

XII глава повествует о труде смертных. Здесь средневековый автор пишет: «Нет никого под солнцем без труда, нет никого без порока под луной, нет никого без лживости во времени». Труд предстает здесь в качестве следствия первородного греха и проклятия рода чело-

веческого. В XIII главе рассказывается об устремлениях мудрых. Далее автор ниспровергает мирское стремление к знанию, считает его тщетным, опираясь на стихи из книги Екклесиаста [1, с. 707]. В XIV и XV главах описываются многие попечения человека и страхи его в земной жизни. В них описываются разные сферы деятельности человека, описывается его вечное стремление к открытию нового, неизведанного. Это вновь и вновь оказывается тщетным, что автор подтверждает стихами из книги Екклесиаста. О страхах земной жизни автор пишет: «О, сколь тревожит страх смертных, повергает в печаль заботами, обременяет попечениями; опасение приводит в беспокойство, трепет трясет, страх обуревают, скорбь охватывает, в дрожь бросает, сотрясает замешательство. Бедняк и богач, слуга и господин, женатый и безбрачный, добрый и злой, все земными страданиями охвачены, и мирскими печальми страдают» [1, с. 707–708].

XVI и XVII главы в большей степени раскрывают мысль о жалком положении богатых и бедных, господ и рабов. В этих главах Иннокентий III цитирует строки из Овидия и Горация. Автор показывает, что ни бедность, ни богатство не приносят человеку подлинного счастья на земле, а господство господ над рабами не приносит им покоя, хотя и указывает на большую уязвимость слуг: «Вина господина, наказание слуге; вина слуги, добыча господину...». Тем не менее, господин должен постоянно опасаться предательства и восстания, что приводит его к бессонным ночам и вечному внутреннему волнению [1, с. 708–709].

Отличающаяся наибольшей продолжительностью среди глав I книги трактата XVIII глава сообщает читателю о женатых и воздерживающихся. Похоть он описывает как часть человеческой природы, а, чтобы указать на неискоренимость природы, он цитирует строки из Горация, которые обозначают, что природа не может быть преодолена. Для автора плотское вожделение является одним из главных орудий сатаны и губительно для всех женатых и целомудренных. Далее он обращается к рассуждению о женщинах и находит особую порочность в них, поскольку они стремятся более к мирским благам. Кроме того, женщины, по мнению автора, могут стать настоящим бедствием для мужчины: «Три суть причины, из-за которых человек не может оставаться дома: дым, протекающая крыша и злая жена». К тому же Иннокентий III, сравнивая жену с иными приобретениями, которые может приобрести человек, пишет следующее: «Коня и осла, быка и пса, одеяние и ложе, чашу даже и сосуд прежде испытывают, а затем приобретают; супругу же едва узнать дают, дабы не отвергли её прежде женитьбы, ибо с того момента, как досталась кому, навсегда тем должна быть обречена. Если уродлива, если зловонна, если больна, если глупа, если горда, если сварлива, если чем-то порочна, кроме блуда, не может быть мужем оставлена» [1, с. 709–710]. Безбрачный мучим страстями, женатый же всегда пребывает в раздорах с женой, и нет ему мира, как и безбрачному.

В следующей главе церковный иерарх рассуждает о низменном положении благ и зол этого мира: «Гордыня раздувает, зависть гложет, жадность подстегивает, гнев поджигает, душит обжорство, распускает роскошь, сковывает ложь, пятнает человекоубийство. Эти и другие суть чудовища пороков, и те, что человеку суть наслаждения греха, для Бога орудия наказания...» [1, с. 711].

Дальнейшая глава XX посвящена описанию врагов человека. Все живые существа и весь мир предстают врагами человеку, и он оказывается их добычей, объектом вечного преследования. В XXI главе повествуется о краткой радости человека. Всякая радость в жизни человеческой мимолетна и тщетна, ничто не может отрешить его от скорби из-за своего проклятого и низменного положения [1, с. 712–713]. Следующая глава же посвящена неожиданной скорби, охватывающей человека. Эта скорбь постоянно преследует человека, и он чувствует

близость смерти, о чем и повествует следующая глава: «Время проходит и смерть приближается... Всегда будущее рождается, настоящее умирает и, если что-то уже прошедшее, значит мертво. Умираем всегда, когда живем и прекращаем умирать, когда прекращаем жить. Лучше умереть жизнью, чем жить смертью; ибо жизнь смертная ни что иное, как живущая смерть...» [1, с. 713–714].

В XXV главе повествуется об ужасе сновидений. Даже во сне человек подвергается нападкам темных сил. Сон человека наполнен искушениями и нечистотами [1, с. 714]. Главы XXVII и XXVIII посвящены выпадающим на долю человека неудачам и неисчислимым по числу болезням. Про заболевания автор пишет следующее: «Еще не столько болезней от века, не столько видов страданий рвение естествознания может изучить, сколько человеческая тленность может претерпевать.... Стареют уже оба мира, макрокосм и микрокосм; или же больший мир и меньший мир. И чем преклоннее старость обоих миров, тем хуже природа обоих нарушается» [1, с. 714–715].

XXX главу Иннокентий III посвящает одному из наиболее преступных и ужасающих явлений в мире. Он описывает поедание детей своими матерями. Эту проблематику он поднимает из-за событий, описанных в книге Иосифа Флавия «Иудейская война», где описывается, как женщина умертвила и съела своего собственного ребенка, находящегося в младенческом возрасте [1, с. 716]. Завершающая первую книгу трактата XXXI глава касается наиболее сложной этической проблемы, а именно, вопроса о том, из-за чего наказывается невиновный, а виновный оправдывается. Несправедливость современных ему времен он описывает так: «Сегодня муж праведный и смиренный почитается негодным, муж благочестивый лицемерным, простец глупцом» [1, с. 717–718].

Вторая книга трактата посвящена развитию порочности в человеке. Повествование начинается с главы, где указываются основные деяния и состояния, которых люди имеют обыкновение желать: свершения, удовольствия, почести. Мирские стремления побуждаются страстями: «Вождение плоти устремляется к удовольствиям, вождение глаз к свершениям, гордыня жизнь полагает для почестей. Свершения порождают сребролюбие и жадность, удовольствия производят роскошь и обжорство, почести возвращают гордыню и самохвальство» [1, с. 717].

II глава описывает страсть сребролюбия: «...Корень всех зол есть сребролюбие, это святотатство творит смуту и сильно, приводит к грабегам и разбоям, порождает войны и человекоубийства, ведет к симонии, порождает несправедливый торг и ростовщичество, приводит к обманам и ухищрениям, прерывает соглашения, ведет к нарушению клятв, извращает завет и суд» [1, с. 717]. III глава повествует о нечестивых подарках [1, с. 717–718]. IV и V главы описывают лицепрятие и продажный суд, показывая их проявления, и библейское учение о греховности этих явлений. VI и VII главы указывают на недостижимость покоя человеку, потворствующему сребролюбию, который становится обреченным на рабское служение Мамоне, а не Богу. В VI главе приводится цитата из поэзии Ювенала [1, с. 719–720]. Богатство в главе VIII именуется ложным счастьем и утверждается: «Труды делают человека не богатым, но бедным» [1, с. 720–721].

Главы XI–XIII понтифик пишет для исследования феномена жадности. Библейскими отрывками он стремится подтвердить, что жадность является видом идолослужения. Также в этих главах он выделяет признаки жадного человека: «Хвалит данное ему, презирает то, что должен дать; отдает, дабы выгоду получить, но не получает выгоды, чтобы дать...» [1, с. 721–722]. В XIV главе Иннокентий III отрицает законность собственности богатых [1, с. 722]. В XVI главе, продолжая критику богатства, теолог пишет следующее: «Всякий богатый и жадный против

природы возвышается и утверждается. Природа бедным в мир приводит, из мира бедным и исторгает; нагим земля его принимает, нагим и отпускает; сребролюбец же печется и страстно желает быть богатым в мире» [1, с. 723].

Глава XXIII написана автором с целью показать связь между роскошью и «блудным грехом» и «грехом содомским» [1, с. 725–726]. XXIV глава служит разъяснением того, что понимает автор под «соитием против природы» [1, с. 726]. XXVI–XXVIII главы изобличают тщеславие, указывают на низость целей тщеславных грешников и их падение [1, с. 727–728].

В XXX главе исследуются приобретения гордецов, и высказывается весьма эгалитарная идея: «Благим человека делает не звание, а добродетель; не достоинство, а честность» [1, с. 728]. Главы XXXVII–XL служат порицанием дорогих одежд, украшений, изяществ. В последних главах книги описываются предсмертные состояния человеческого тела и души [1, с. 732–736]. Последняя глава книги является введением в тематику эсхатологии, которой посвящена третья книга трактата, и где предыдущее описание греховного состояния человека лишь повторяется, как причина для справедливого божественного воздаяния, и эту главу скорее можно выделить как исключительно посвященную эсхатологии, а не религиозной антропологии [1, с. 735–746].

На основе текста трактата можно сделать вывод о чрезвычайно высокой образованности и осведомленности в античной латинской литературе Иннокентия III для того периода. Среди цитируемых отцов церкви напрямую встречается цитирование лишь святого Иеронима. Вместе с тем, церковный иерарх нередко цитирует в своем труде поэзию Горация, Овидия и Ювенала; часто он обращается к трудам Иосифа Флавия и в конце трактата отсылается к Боэцию. Очевидно также наследование классификации частей души, восходящей к платоническому учению о душе. И все утверждения своего произведения автор подтверждает библейскими цитатами.

Из наиболее оригинальных положений трактата можно выделить следующие: 1) человек выделяется как наиболее низкое из Божественных творений, автор словно игнорирует традиционное для многих христианских авторов учение о подобии человека Богу, и даже утверждает, что человек был создан изначально из наиболее худшего; 2) человек сравнивается с деревом и уподобляется перевернутому дереву, что может отсылать к античным представлениям о таком же естественном характере человеческого существа и ряде других существ, и, возможно, может быть расхождением автора с традиционно признаваемым библейским антропоцентризмом; 3) радикальное осуждение богатства и земного успеха; 4) утверждение о деградации мира, проецируемое на уменьшение продолжительности жизни у каждого последующего поколения после грехопадения.

Эти утверждения делают трактат уникальным выражением религиозной антропологии и представляют одну из сторон мысли исторически великой личности папы Иннокентия III, который оставил еще ряд произведений, формирующих оригинальное единство мысли этого незаурядного деятеля истории христианской церкви.

Список литературы

1. Innocentii III Romani Pontificis regestrorum sive epistolarum // Migne P. (ed.) Patrologia Latina. T. 217. Paris: Garnier Fatres, 1890 // URL: https://archive.org/details/patrologia-latina_1-221/page/n9/mode/2up (дата обращения 20.02.2024).
2. Moore J. C. Innocent III's «De miseria humanae conditionis»: a Speculum curiae? // The Catholic Historical Review. 1981. Vol. 67. P. 553–564.
3. Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты, Вальденцы, Франциск Ассизский, Сегарелли, Дольчино / Пер. с нем. 2-е изд., М.: Либроком, 2012. 328 с.
4. Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. 398 с.

Хохлова М.А.,

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Омского института водного транспорта – филиал ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет водного транспорта»

ПРИКЛАДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

В статье рассматривается прикладная лингвистика как деятельность по приложению научных знаний об устройстве языка в других нелингвистических научных дисциплинах. Уделяется внимание методике преподавания иностранного языка с применением современных технологий, которые основаны на аналитическом подходе к текстовой деятельности и ее компьютеризации.

Ключевые слова: *прикладная деятельность; ориентация на результат; творчество; познавательный; методика; лингвистический; современные технологии; текстовая деятельность*

Khokhlova M.A.,

Senior Lecturer in the Department of Humanities Omsk Institute of Water Transport – branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Siberian State University of Water Transport»

APPLIED ACTIVITIES AS CREATIVE ACTIVITY IN HUMANITIES

The article considers applied linguistics as an activity to apply scientific knowledge about the structure of the language in other non-linguistic scientific disciplines. Attention is paid to the methodology of teaching a foreign language using modern technologies, which are based on an analytical approach to textual activity and its computerization.

Keywords: *applied activity; result orientation; creativity; cognitive; methodology; linguistic; modern technologies; textual activity*

Прикладная деятельность – это вид профессиональной деятельности, который направлен на решение конкретных практических задач с использованием знаний и умений, приобретенных в процессе образования и опыта работы. Важным элементом прикладной деятельности является постоянное обновление знаний и навыков в соответствии с новыми технологиями, требованиями потребителей и рынком. Только так можно добиваться успехов в своей профессии и решать сложные задачи в современном мире.

Главная особенность прикладной деятельности – это ориентация на результат. Важен не только общий уровень знаний и опыта, но и способность применять их для решения конкретных задач.

Прикладная деятельность имеет большое значение для развития экономики, науки и технологии, для улучшения качества жизни людей. Она требует высокой квалификации специалистов и постоянного совершенствования. Профессионалы решают реальные задачи, которые могут иметь как местный, так и глобальный характер [8, с.159–188].

Прикладные науки следуют за теоретическими науками или фундаментальными [6, с. 23–28]. По словам Н.И. Кареева, «каждая теоретическая наука помимо собственного своего значения, заключающегося в удовлетворении пытливости нашего ума, может иметь еще и значение в ка-

честве наиболее надежной основы для какой-либо практической дисциплины, приспособляющей теоретическое знание к служению тем или другим жизненным целям. Все так называемые прикладные науки имеют чисто утилитарный характер» [4, с. 140–143].

Но все это верно и для гуманитарных наук. Наука всегда остается не просто знанием человека, но и знанием для человека. Как гуманитарные, так и естественные науки удовлетворяют потребности человека, в том числе его познавательный интерес. Отличие гуманитарных наук от прикладных состоит в том, что они не только ориентированы на нужды человека, но и стремятся к воспитанию, способствуют его духовному развитию. Прикладное знание возвращает естествознание к человеку [1, с. 236–247]. Изначально все прикладные науки являлись гуманитарными, поскольку имели своей целью удовлетворение потребностей и нужд человека [3, с. 48–53]. Смысл прикладного знания состоит в том, что оно, в отличие от теоретического, нацелено на преобразование природы или общества. В гуманитарной сфере прикладная деятельность есть деятельность культуросозидающая, творческая [3, с. 48–53]. Поэтому все виды искусства и философия, которые вносят вклад в развитие культуры, создающие ценности как материальные, так и духовные должны считаться науками прикладными. Они создают и порождают смыслы, которыми живет человек. Это все меняет человека и меняет общество [7, с. 101–104]. Творчество является потребностью человека, а познавательный интерес ведет к поиску истины.

Прикладная лингвистика – это деятельность по приложению научных знаний об устройстве языка в других нелингвистических научных дисциплинах, в различных сферах практической деятельности человека [2, с. 64–85]. Это более широкое понимание термина. Более узкое понимание связывается с преподаванием иностранных языков, включая методику преподавания, особенности описания грамматики для учебных целей. В.А. Звегинцев писал, что «под прикладной лингвистикой чаще всего понимают все виды автоматической обработки речевой информации – машинное распознавание устной речи, машинный перевод. Но было бы неправильно замыкать прикладную лингвистику в пределах данной проблематики».

Познание языка в прикладном объеме – это естественный процесс, и пройти через него может каждый, кто пришел учиться в институт. Традиционно считается, что научить студента иностранному языку нелегко. Но с применением современных технологий это не самая сложная проблема. Что же понимается под «современными технологиями» обучения прикладным знаниям иностранных языков? Технологии основаны на двух аспектах – аналитическом подходе к текстовой деятельности и компьютеризации текстовой деятельности [5, с. 4–7].

Текстовая деятельность лежит в основе всех учебных процессов, она легко сочетается с образовательными процессами на основных предметных кафедрах. Анализ и перевод текста на иностранном языке имеют главной целью сближение мыслительных процессов на двух языках. В процессе анализа текста на иностранном языке очень важно найти привычные фразы или словосочетания, т.е. модели, которые наиболее часто употребляются в тексте на родном языке. Такие модели легко запоминаются и выстраиваются в параллели для формирования иноязычного мышления. Даже недостаточные знания студентом основных грамматических правил языка можно компенсировать многие «пробелы» способом анализа текста. Главная задача преподавателя – подготовить тексты с необходимыми для анализа параметрами. Главные параметры отбора текстов – знакомая тематика, узнаваемая лексика, логичная грамматика. Если подобрать текст, смысл которого понятен студенту заранее из его учебной специальности, то многие лексические единицы будут понятны и узнаваемы для него. Когда студент мотивирован желанием узнать детали содержания текста, создают-

ся естественные, т.е. самые продуктивные условия запоминания лексики и эффективного расширения словарного запаса.

Предметно-тематический принцип позволяет использовать склонности студентов к аналитическому аспекту когнитивного процесса. В методическом плане хотелось бы отметить необходимость развития навыков «лексического конструирования». Необходимо актуализировать речемыслительные процессы.

Компьютеризация текстовой деятельности позволяет заниматься иностранным языком индивидуально. Использование среды Интернета позволяет проводить индивидуальные консультации, что является очень полезным для студента.

Методика работы с текстом предполагает активное использование словарей. Наиболее эффективную помощь оказывают электронные словари и энциклопедии. Необходимо использовать и традиционные Интернет-ресурсы.

Аналитическое чтение текста на иностранном языке напрямую связано с генерированием перевода, т.е. передачи содержания иными формальными языковыми средствами на другом языке. Собственно, изучение иностранного языка в прикладных целях осуществляется ради извлечения информации и осмысления ее на родном языке. Перевод с одного языка на другой – это наиболее рациональный метод практическому обучению языку, а текст становится основным инструментальным средством. Но в этой методике параллельно идет работа с двумя текстами, объединенными единым планом содержания и разными формами плана выражения.

Студент старших курсов, определивший круг своих специальных интересов в избранной им области, уже имеет минимальные базовые знания иностранного языка. Этих знаний достаточно для осуществления межязыкового коммуникативного процесса в более или менее формализованных пределах. Но на этом этапе речь может идти лишь о «грамматическом» переводе, главным в котором является распознавание синтаксической конструкции на одном языке и подбор адекватной функциональной конструкции на другом языке. Наша задача – научить студента проецировать грамматические аналогии на смысловые параллели.

Человеческая жизнь сложная и многогранная. Изучение ее ради практических целей дает начало огромному количеству специальных дисциплин как гуманитарных, так и естественных. Очень часто специалисты бывают не только практиками, но и исследователями, которые делают научный вклад в теоретическое знание.

Список литературы

1. Долгова Е.А., Малинов А.В. «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И.Кареева // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236–247.
2. Долгова Е.А., Малинов А.В., Слискова В.В. Наблюдение в социальных науках (по материалам рукописи Н.И.Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Социология науки и технологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 64–85.
3. Донских С.В. Проблема философских оснований современных прикладных гуманитарных исследований // Философия и социальные науки в современном мире. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 48–53.
4. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1897. С.140–143.
5. Кареев Н.И. Общие основы социологии. (Петроград): Наука и школа, 1919. С. 4–7.
6. Козловский В.В. Социологический диагноз как интегральная оценка культуры и общества // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: Мат. всерос. научн. конф. / под ред. В.В.Козловского. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 23–28.
7. Круглов А.Н. О понятии феноменологии // Историко-философский ежегодник. 2006. М.: Наука, 2006. С. 101–104.
8. Рыбас А.Е. Жить и мыслить в пределах возможного. О «Проективном словаре» М.Н.Эпштейна // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. № 2. С. 159–188.

Церковникова Е.А.,

*младший научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного
комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения
Российской академии наук (СВКНИИ ДВО РАН)*

ПРЕДМЕТЫ «НЕИЗВЕСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ» ИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ГОРОДСКОГО ОКРУГА ЭГВЕКИНОТ НА ЧУКОТКЕ

Статья посвящена предметам «неизвестного назначения» из этнографической коллекции музея в поселке Эгвекино на Чукотке. В статье представлен анализ описаний предметов, выделены их этнографические особенности. Предметы сгруппированы и классифицированы по методике Российского этнографического музея. В результате исследования определено примерное назначение предметов, сфера их использования, принадлежность к промыслу и хозяйству. Предметы представляют культуру производства северных народов, культуру их жизнеобеспечения в суровых условиях. Они выступают объектами значимости забытых традиционных технологий. Предварительный анализ и изучение предметов неизвестного назначения наметили перспективы дальнейшего исследования этнографических памятников.

Ключевые слова: этнографическая коллекция; музей; атрибуция; находки; традиционная культура; Чукотка

Tserkovnikova E.A.,

*junior researcher of a separate unit of the Laboratory of History and Economics (Anadyr)
of the North-Eastern Complex Research Institute named after N.A. Shilo, Far-Eastern Branch,
Russian Academy of Sciences*

THE OBJECTS OF «UNKNOWN PURPOSE» FROM THE ETHNOGRAPHIC COLLECTION OF THE LOCAL MUSEUM IN THE URBAN DISTRICT OF EGVEKINOT IN CHUKOTKA

The article is devoted to objects of «unknown purpose» from the ethnographic collection of the local museum in the village of Egvekinot in Chukotka. The article presents an analysis of descriptions of objects and highlights their ethnographic features. Items are grouped and classified according to the methodology of the Russian Museum of Ethnography. As a result of the study, the approximate purpose of the objects, the scope of their use, and their affiliation with the craft and economy were determined. The items represent the production culture of the northern peoples, the culture of their livelihoods in harsh conditions. They act as objects of significance of forgotten traditional technologies. A preliminary analysis and study of objects of «unknown purpose» outlined prospects for further research of ethnographic monuments.

Keywords: ethnographic collection; museum; attribution; finds; traditional culture; Chukotka

Эгвекино – поселок городского типа, который располагается в восточной части Чукотки на берегу залива Креста, который впадает в Анадырский залив, затем в Берингово море. Поселок является административным центром городского округа Эгвекино. В его состав входят села Амгуэма, Ванкарем, Конергино, Уэлькаль, Нутэпэльмен и Мыс Шмидта.

Образование поселка Эгвекино началось в 1946 г. В то время на берегу залива Креста была создана промышленная база Чукотского строительного управления «Чукотстрой». Сюда свозили заключенных Чукотлага для строительства дороги к горнодобывающему предприятию. С 1954 г. Эгвекиноу присвоен статус поселка городского типа [9].

В 1980-е гг. в поселке сформировался народный музей на базе школьного музея. Первоначально он располагался в небольшой комнате Дома пионеров. Затем под музей было выделено одноэтажное каменное здание. 10 февраля 1985 г. открылась первая выставка предметов археологии, этнографии, палеонтологии, истории. Предметы, документы и исторические сведения собирали школьники, геологи и другие жители поселка. Всего собрание музея в 1980-е гг. насчитывало 754 предмета [5].

В связи с административным переустройством региона, на протяжении нескольких лет, Эгвекинский краеведческий музей менял свой статус. В 1988 г. музей стал филиалом Магаданского областного краеведческого музея. В 1992 г. музей перешел в ведение Чукотского окружного краеведческого музея в г. Анадырь, став филиалом окружного музея.

С 1996 г. Эгвекинский краеведческий музей является муниципальным учреждением культуры и располагается в двухэтажном здании, которое ранее принадлежало лаборатории Восточно-Чукотской геологоразведочной экспедиции. Основной фонд музея составляет около 20 тысяч предметов [3, с. 70]. Посетителям музея представлены две экспозиции и выставочные залы, раскрывающие историю региона, культуру коренного населения Чукотки. В экспозиционном зале по истории промышленного освоения региона представлена коллекция минералов, образцы золота, серебра, нефти, угля. В зале природы находятся образцы (чучела) животных, птиц и морских млекопитающих. Ботаническая коллекция представлена образцами мха, кустарниками, травами и другими растениями тундры. В экспозиции также представлены предметы палеонтологии: образцы окаменелых листьев, дерева, останки древних животных. Исторический зал демонстрирует страницы истории Великой Отечественной войны на Чукотке, а также историю Чукотлага. Экспозиция «Аляска – Сибирь» представляет историю перегона военных самолетов по воздушной трассе «АлСиб». В музее сохранились документы, письма, фотографии заключенных, которые стояли дорожные трассы и поселок. Фото-фонд музея, отражающий исторические события района за 40 летний период, составляет около 10 тысяч негативов [1, с. 67].

Об истории музея и этапах формирования коллекций музея писали А.А. Мосолов [1], В.Т. Переладов [3], И.И. Романова [8], Т.И. Папунова [2]. Этнографическая коллекция краеведческого музея описана в статье автора [11].

В данной статье проанализировано описание предметов «неизвестного назначения» этнографической коллекции музея. Предметы распределены по классификации, разработанной специалистами Российского этнографического музея [10]. На основании тематической группировки этнографических памятников определено примерное назначение предметов, сфера их использования, принадлежность к промыслу или хозяйству.

В настоящее время количество предметов этнографии основного фонда Краеведческого музея городского округа Эгвекино¹ насчитывается 428 единиц хранения [11, с. 216]. Этнографические предметы раскрывают культуру первичного производства северных народов Чукотки, культуру жизнеобеспечения, социальные и гуманитарные отношения.

Предметы «неизвестного назначения» включены в этнографическую коллекцию, их количество 13 единиц хранения. По сведениям сотрудников музея, такое название предметы имеют, потому что, их конкретное назначение спорно и не установлено. Верное название предметам могут установить только специалисты по этнографии, археологии после научной экспертизы [4].

¹ Далее КМГОЭ – Краеведческий музей городского округа Эгвекино.

Десять предметов «неизвестного назначения» приняты в основной фонд в 1991 г. из собрания народного музея.² Два предмета – это случайные находки А.А. Масолова, которые он передал в дар музею в 1996 г.³ В 2007 г. еще один предмет передан в дар В. Медведским, сотрудником ЗАО «Старт».⁴ Эта случайная находка была обнаружена С. И. Николаевым, сотрудником той же организации, в литоральной зоне в районе поселка Инчоун. В основном, предметы хранятся в хранилище, лишь два предмета выставлены в экспозиции музея.

Приведем описание предметов, поступивших в 1991 г. Предмет «неизвестного назначения», рис.1, выполнен из кости, размеры 24,1х11,8х1,2 см. Предмет серого цвета, имеет широкий и узкий край. В центре его прямоугольное сквозное отверстие. Со стороны широкого края предмета два сквозных прямоугольных отверстия, с узкого края выполнена прорезь [6]. В инвентарной карточке предмета указан комментарий информанта из села Ванкарем. По информации С. Номкымын – «это предмет для натягивания песцовых и горностаевых шкур» [4].

Рис. 1, рис. 2. Предметы неизвестного назначения КМГОЭ КП-354, КП-359

Предмет «неизвестного назначения», рис.2, выполнен из дерева, размеры 8,4х8,1х6,4 см. Предмет имеет темно-коричневую окраску и рыхлую структуру дерева. На плоской части предмета находятся два одинаковых желобка, шириной примерно 1 см., глубиной 1 мм. Желобки расположены на одинаковом расстоянии от центра, расстояние между ними убывает к центру [6а]. Можно предположить, что это часть рукоятки от какого-то приспособления.

Предмет «неизвестного назначения», рис.3, выполнен из кости, размеры 7,5 х 1,1 х 0,7 см. Место находки – с. Уэлькаль. Предмет небольшой, бежевого цвета. По центру натуральные выступы, пять каплеобразных, удлиненных выступа разных размеров. Центральный выступ крупнее и выше. По краям предмета в центре вырезаны желобки. По центру предмета 8 сквозных отверстий [6б].

Рис. 3, рис. 4. Предметы неизвестного назначения КМГОЭ КП-363, КП-577

Предмет «неизвестного назначения», рис.4, выполнен из клыка моржа, имеет вставку из железа. Размеры 9х1,8х1,7 см. Предмет из морёного клыка моржа коричневого цвета с желтоватыми оттенками, конусообразной формы, полый. На узком конце предмета вставлен железный

² Музейные номера предметов по книге поступлений: КП-354; КП-359; КП-363; КП-577; КП-1144; КП-1145; КП-1206; КП-1215; КП-1526; КП-1747.

³ Музейные номера предметов: КП-2319; КП-2322.

⁴ Музейный номер предмета КП-3492.

штырь, выходящий из клыка на 8 мм. В средней части предмета сквозное овальное отверстие 1,3х0,5 см. Широкая часть предмета имеет неровный край. Размер широкой части 1,7х0,5 см. В описании предполагается, что «возможно, это обломанный наконечник гарпуна» [6в].

Предмет «неизвестного назначения», рис.5, выполнен из дерева, размеры 28х7х2 см. Предмет имеет рукоятку, переходящую в конусообразную часть. Конец конуса затуплен. На рукоятке имеется выемки: с одной стороны глубокая выемка, с другой стороны три выемки поменьше. Предположительно на рукоятке выемки для пальцев руки. На широкой части имеется сквозное отверстие, возможно от сучка [6г]. Предположим, что это приспособление для отбивания чего-либо или детская игрушка. Выемки служат для плотного прилегания пальцев к рукоятке.

Рис. 5, рис. 6. Предметы неизвестного назначения КМГОЭ КП-1144, КП-1145

Предмет «неизвестного назначения», рис.6, выполнен из дерева, размеры 22х5,8х1,7 см. Предмет дугообразной формы, имеет три отверстия у широкой части предмета. Предмет плохо сохранился, на нём глубокие трещины и сколы. Можно предположить, что эта часть перекладины, которая к чему-то крепилась, или часть ручки. Отверстия скорее просверлены, так они одинаковые и их края ровные [6д].

Предмет «неизвестного назначения», КП-1206, выполнен из свинца, размеры 5,5х2,5х3,5 см. Предмет округлой формы со сквозным отверстием в центре. Диаметр отверстия 1 см. Предмет имеет две ножки, расположенные перпендикулярно друг другу. Предположительно, предмет является чубуком мунштука курительной трубки [4].

Предмет «неизвестного назначения», КП-1215, выполнен из рога оленя, размеры 4,6х2,7х0,7 см. Предмет имеет грушевидную форму. На нем два разных сквозных отверстия. Одно круглое, другое овальное. Предмет находится в хранилище, изображение отсутствует [4]. Назначение предмета не установлено.

Предмет «неизвестного назначения», КП-1526, выполнен из кости, размеры 21х17х6 см. Предмет треугольной формы из челюсти моржа. На верхней части два поперечных надреза. По боковым сторонам, внизу, по одному надрезу. Ближе к верхней части на боковых поверхностях по четыре сквозных круглых отверстия [4].

Рис. 7. Предмет неизвестного назначения КМГОЭ КП-1747

Предмет «неизвестного назначения», рис.7, выполнен из дерева, размеры 57х5х4 см. Предмет в виде единых трёх ступенчатых конуса, увеличивающихся в размерах (напоминают елочку). Первая часть в начале предмета, конусообразная, небольшого размера, отделена от средней части вырезанной ступенькой. Средняя часть занимает середину предмета и так же отделена

от нижней части ступенькой. Нижняя часть предмета высверлена так, что представляет собой трубку, одна часть которой открыта [6е]. Скорее всего, это деталь гарпунного комплекса.

Рис. 8. Предмет неизвестного назначения КМГОЭ КП-2319

Назначение случайных находок, которые были переданы в дар музею в 1996 и 2007 гг., также не установлено. Предмет неизвестного назначения, рис.8, выполнен из дерева. Размеры его: 35,5х2,4х2 см. Предмет представляет собой темно-коричневую, треугольно-округлую по всей длине, деталь дл какого-то приспособления. На одинаковом расстоянии от краев предмета (примерно 1 см) имеются неглубокие желобки, с одной стороны два, с другой один. С каждой стороны, на расстоянии 12 см от каждого края предмета, сделаны продолговатые отверстия [7].

Предмет «неизвестного назначения», рис.9, так же выполнен из дерева. Размеры его: 13х3х0,8 см. Предмет напоминает рукоятку, в поперечном сечении овальной формы. Цвет предмета темно-коричневый. С одной стороны предмета два неровных неглубоких желобка, примерно 2–3 мм. С другой стороны предмета широкая пологая выемка, примерно 1,2 см. [7а].

Рис. 9, рис. 10. Предметы неизвестного назначения КМГОЭ КП-2322, КП-3497

Предмет, рис.10, в инвентарной книге указан как «заготовка предмета неизвестного назначения». Заготовка выполнена из клыка моржа, имеет темно-коричневую окраску. Размеры её 5,5х2,5х3,5 см. Предмет найден в районе села Инчоун, в литоральной зоне побережья Чукотского моря. Предмет конусообразной формы. У вершины располагается ромбовидная плоская грань. После грани, спирально, идет желобок, который опоясывает предмет на протяжении 5 см. [76]. По цвету материала предмета можно предположить, что предмет долго пролежал в земле. Известно, что в прибрежной зоне моря из грунта вымываются водой предметы древних стоянок. Возможно, этот предмет из такой стоянки.

Анализ описания предметов показал, что предметы выполнены из кости морских животных, клыка моржа, рога оленя, дерева и свинца, и относятся к традиционной культуре народов Севера, проживающих на Чукотке. Они обнаружены в тундре и на побережье региона. Все предметы выполнены ручным способом. Случайные находки дополняют сведения о культуре производства аборигенов. Однако скудная информация не позволяет раскрыть историю происхождения. И все же можно определить сферу назначения предметов и приблизительное время его изготовления.

Предмет из свинца, похож на чубук мундштука курительной трубки. В классификаторе этнографических памятников предметы для курения отнесены к теме «Утварь», «курительная» в разделе «Культура жизнеобеспечения» [10, с. 8]. Поэтому эту часть предмета можно отнести к теме «курительная» утварь. Также можно предположить, что предмет изготовлен в XX в.

Предметы из клыка моржа и костей морских животных (рис. 1, 3, 4, 10, КП-1526) можно классифицировать как предметы культуры первичного производства в морском промысле. Поэтому предпочтительно их отнести к теме «рыболовство», «морское», «орудия лова», «снаряжение рыболова» [10, с.69]. Для определения дат изготовления предметов потребуется дополнительное исследование и подтверждения места находок.

Предмет из рога оленя КП-1215 необходимо отнести к теме «оленоводство», так как сам материал указывает на сферу деятельности. Предмет использовали для какого-то приспособления в тундре. К сожалению, изображения этого предмета не предоставлено и также потребуется дополнительное уточнение истории предмета.

Предметы, изготовленные из дерева, скорее всего также использовались в морском промысле, так как их темно-коричневая окраска (рис. 2, 8, 9), указывает на то, что они найдены в прибрежной полосе в местах вымывания древних поселений морских зверобоев. Остальные предметы из дерева (рис. 5, 6, 7), возможно, выцвели от осадков, но их также можно отнести к морскому рыболовству. Все они представляют собой части предметов или приспособлений для использования в морском промысле на побережье Чукотки.

Таким образом, несмотря на отсутствие подробных сведений о назначении предметов, можно учесть их этнографические особенности и внести информацию в систему научного описания. В нашем случае, предметы дают необходимые знания для понимания культуры производства, жизнеобеспечения в северных условиях. Кроме того они помогают коренным жителям понять значимость собственной культуры. Продолжение изучения предметов неизвестного назначения принесёт дополнительные знания в гуманитарную науку.

Список литературы

1. Мосолов А.А. О сохранности музейных фондов // Косторезное искусство и музеи Чукотки (история, перспективы). Материалы научно-практической конференции. Анадырь. 2002. С. 65–68.
2. Папунова Т.С. Музей в Эгвекиноте // Чукотка в прошлом и настоящем. Вып.11. Можайск: «МПК», 2009. С. 444–445.
3. Переладов В.Т. Страницы истории Эгвекинотского краеведческого музея // Косторезное искусство и музеи Чукотки (история, перспективы). Анадырь: Государственное бюджетное учреждение Чукотского автономного округа «Музейный Центр Наследие Чукотки», 2002. С.69–72.
4. ПМА. Материалы МАУК «Краеведческий музей городского округа Эгвекинот». п. Эгвекинот, Чукотка. Июнь 2019 г.
5. Портал открытых данных МК РФ. Музей и галереи. Краеведческий музей городского округа Эгвекинот // URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museums/19/36005> (дата обращения 24.01.2024).
6. Портал открытых данных Министерства культуры РФ // URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/39937062> (дата обращения 24.01.2024).
- а) URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/38579610> (дата обращения 24.01.2024).
- б) URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/38579599> (дата обращения 24.01.2024).
- в) URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/14874975> (дата обращения 24.01.2024).
- г) URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/41186182> (дата обращения 24.01.2024).
- д) URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/41186232> (дата обращения 24.01.2024).
- е) URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/43459965>; (дата обращения 23.01.2024 г.)
7. Портал открытых данных Министерства культуры РФ.
- а) URL <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/40872683> (дата обращения 24.01.2024).
- б) URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/40872660> (дата обращения 24.01.2024).
- в) URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-museum-exhibits/4/14874952> (дата обращения 24.01.2024).
8. Романова И.И. Основные этапы развития музейного дела и создания этнографических коллекций на Чукотке // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы Шестых Сиб. чтений (Санкт-Петербург, 27–29 окт. 2004 г.). СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2005. С. 99–107.
9. Сайт городского округа Эгвекинот // URL: <https://эгвекинот.рф/about/settlements/egvekinot/> (дата обращения 22.01.2024).

10. Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. Справочник. В 2 кн. Кн. I. Общая методика атрибуции этнографического памятника. Классификаторы. Понятийные словари / ФБГУК «Российский этнографический музей». СПб.: «Нестор-История», 2017. 524 с.
11. Церковникова Е. А. Этнографическая коллекция в краеведческом музее поселка Эгвекинот на Чукотке // Жизнь Земли. 2020. Т. 42. №2. С. 215–225.

Чумакова Т.В.,
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ Ф.Р. ДЕ ЛАМЕННЕ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Статья посвящена рецепции идей французского священника, теолога, писателя, философа и политика Фелисите Робера де Ламенне (Félicité Robert de La Mennais) (1782–1854) в России. В первой половине XIX в. он становится одним из самых влиятельных авторов для российских интеллектуалов. Несмотря на запрет на публикацию его работ (что могло быть связано с тем, что Ламенне поддержал в 1831 г. польское восстание), его влияние только росло. В России получило распространение его небольшое сочинение «Слова верующего», которое читали на языке оригинала, а также в рукописных переводах. Также получило распространение свободное переложение этого текста (без указания имени автора), которое использовалось народниками для пропаганды среди крестьян. Но наибольшее влияние «Слова верующего» оказали на духовенство. Имя Ламенне часто встречалось не только в дневниковых записях и переписке различных «религиозных диссидентов», но и в записках и дневниках церковных иерархов. С ослаблением цензуры и началом публикации русских переводов его работ, влияние идей Ламенне продолжало расти, так как он стал рассматриваться как теоретик церковного обновления.

Ключевые слова: Ламенне; русская культура; христианский социализм; церковные реформы

Chumakova T.V.,
Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Saint Petersburg State University»

RECEPTION OF IDEAS OF F. R. DE LAMENNAIS IN RUSSIA XIX – EARLY XX CENTURIES

The article is devoted to the reception of the ideas of the French priest, theologian, writer, philosopher and politician Felicite Robert de La Mennais (1782–1854) in Russia. In the first half of the XIX century he is becoming one of the most influential authors for Russian intellectuals. Despite the ban on the publication of his works (which could be due to the fact that Lamenne supported the Polish uprising in 1831), his influence only grew. In Russia, his short work «The Words of a Believer» was distributed, which was read in the original language, as well as in handwritten translations. A free translation of this text (without specifying the author's name) was also distributed, which was used by the narodniks for propaganda among the peasants. But the «Words of a Believer» had the greatest impact on the clergy. Lamenne's name was often found not only in the diary entries and correspondence of various «religious dissidents», but also in the notes and diaries of church hierarchs. With the easing of censorship and the beginning of the publication of Russian translations of his works, the influence of Lamenne's ideas continued to grow, as he began to be seen as a theorist of church renewal.

Keywords: Lamenne; Russian culture; Christian socialism; church reforms

В.В. Зеньковский в своей работе «Система культурного дуализма» (1929) писал, что «историческая справедливость требует признать, что в некоторые формы светской, гуманистической культуры перелилась подлинная религиозная сила. Назову Ламенне, как одного из типичных представителей этого направления. Социальный идеализм... для большого количества людей явился «новой религией», т. е. охранил и укрепил духовные искания, религиозную функцию души» [2, с. 355]. Социальные идеи, которые развивал Ф.Р. де Ламенне, оказали огромное влияние не только на западную, но и на русскую культуру.

Социальная проблематика в христианской традиции почти всегда актуализировались в периоды глобальных потрясений, так случилось и в XIX в., когда наступило время осознания причин французской революции, и религиозные деятели стали все чаще и чаще отождествлять себя с экономическим угнетенным классом, призывая к свободе и социальной справедливости. Одним из главных представителей этого движения был священник из Сен-Мало (Бретань) Фелисите Робер де Ламенне (1782–1854). Воспитанный на сочинениях Ж.-Ж. Руссо, Ламенне под влиянием религиозных чувств стал ультрамонтанистом, а позже превратился в столь яростного сторонника социального христианства, что даже попал в тюрьму за свои идеи, изложенные в сочинении «Жизнь народа» (1837). Папская власть перестала быть для него идеалом, и он стал апологетом идеи народной воли и идей свободы, которые содержались еще в евангельских текстах. В журнале «L'Avenir» («Будущее»), лозунгом которого было «Бог и свобода», он начал публиковать статьи [9, р. 154]. Содержание этих публикаций было разнообразно: необходимость отделения церкви от государства; требование свободы совести, собраний, образования, прессы и религии; укрепление провинциальных и муниципальных свобод. Его надежды были дерзкими: они распространялись на освобождение церкви от государственного надзора, который был ее уделом со времен конкордата 1801 года. Более того, они включали – в соответствии с тезисами «О ходе революции» – ослабление светской власти, чтобы высвободить дух свободы, присущий духовенству. Таким образом, говорилось в первом выпуске «L'Avenir» (16 октября 1830 г.), церковь должна приблизиться к народу и «излить на его безмерные страдания неиссякаемые потоки божественного милосердия» [9, р. 145–166]. Его идеи оказали значительное влияние на формирование в католицизме теологии освобождения [10].

Те, кто считают, что Ламенне был заинтересован исключительно в политической защите религии и социальной деятельности, и именно этим заинтересовал своих поклонников по всему миру, забывают, о том, что он был обеспокоен христианским благочестием, и значительное время уделял также воспитанию католической набожности. С 1809 года он переводил, готовил к печати, комментировал и публиковал различные благочестивые сочинения. Он перевел с латыни книгу фламандского монаха и мистика XVI в. Людовика Блосиуса «Монашеское зеркало» («Speculum monachorum») на французском языке, опубликовав его под названием «Духовное руководство» («Le guide spirituelle»). В 1824 году он также опубликовал со своими комментариями «Imitatio Christi» Фомы Кемпийского. Это произведение несомненно было самым популярным западным богословским сочинением в России, где постоянно переводилось, переписывалось и издавалось начиная с XVII в. Апогей популярность этого трактата немецкого каноника, члена реформационного католического движения «Новое благочестие» («Devotio moderna»), в котором основной акцент делался на внутреннюю духовность, достигла в России в XIX в.

Идеи Ламенне о свободе совести, независимости церкви от государства постоянно упоминались в конце столетия в переводных и отечественных трудах по истории Франции, истории литературы XIX в., выходявших в Российской империи в XIX в. Среди них можно отметить переводные: «Историю Франции от низвержения Наполеона I до восстановления Империи. 1814–1852» А.Л. Рохау (1865–1866), биографию П.Ж. Беранже М.В. Барро (1892), «Историю французской литературы. XIX

век» Г. Лансона (1897), «Историю Франции в XIX веке» Л. Грегуара (четыре тома вышли в период с 1893 по 1897 гг.). Но по цензурным соображениям исследования, специально посвященные Ламенне, стали публиковаться в России только в начале XX в., среди наиболее значимых: диссертация С.А. Котляревского «Ламенне и новейший католицизм» (1904) и раздел, посвященный религиозному мыслителю в 5 томе «Истории политических учений» Б.Н. Чичерина (1902).

В России имя Ламенне приобрело широкую популярность сразу после выхода его знаменитого памфлета «*Paroles d'un croyant*» («Слова верующего»), написанного в ответ на окружное послание папы Григория XVI «*Mirari vos*» от 15 августа 1832 г., в котором папа выступил против религиозных свобод, свободы совести и свободы печати. Памфлет Ламенне был призывом к свободе и равенству для всех людей, которого можно достичь только через милосердия, которое должно вернуться в жизнь церкви. Он считал, что братство людей между собой спасет мир, это братство должно быть восстановлено в ходе социальной борьбы. Ламенне был уверен, что Дух Божий должен доминировать над любой социальной реформой. Написанный в 1833 г., этот памфлет быстро разошелся по всему миру в сотнях тысяч экземпляров. Одновременно во Франции помимо официального, вышли еще три «пиратских» издания, и были раскуплены, те, кто не мог купить памфлет, часами стояли в очереди в библиотеках, чтобы прочитать это произведение [11]. Несмотря на то, что в России «Слова верующего» были изданы только после ослабления цензурных ограничений в 1906 г., этот текст стал известен сразу после публикации. Владимир Печерин писал, что «брошюрка» Ламенне стала для него «откровением нового Евангелия» [7, с. 188]. «Слова» в России в XIX – начале XX в. активно переводили, переписывали и распространяли в списках. Ламенне оказался интересен и народникам и представителям консервативного духовенства. И те и другие видели в нем то, что было близко им. Известный ультраконсервативный религиозный деятель протоиерей Иоанн Восторгов писал: «анархисту Ламенне мил не как священник, а как революционер социалисту». [3, с. 405]. Нельзя не признать правоту Восторгова.

В кружке петрашевцев «Слова верующего» были необычайно популярны, и исследователи считают, что именно этот текст во многом определил стилистику «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка», который был изъят и уничтожен, однако значительная часть тиража к этому моменту уже успела «раствориться» на просторах Российской империи, и способствовала пропаганде социалистических идей. Петрашевцами памфлет Ламенне переводился не только на русский, но даже на церковно-славянский, и этот перевод, сделанный Милюковым, получил достаточно конспиративное название «Новое откровение митрополиту Антонию Новгородскому, Санкт-Петербургскому и др.» [6]. Текст приписали митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому Антонию (Рафальскому) (1789–1848), с 1843 г. занимавшему новгородскую кафедру, и известному своей деятельностью в Западном крае, где во время его епископства к православию было присоединено много католиков византийского обряда, также митрополит был известен своей любовью к роскоши. Рукопись вольного перевода и переложения, сделанная «чайковцем» С.М. Степняком-Кравчинским (который, по всей вероятности, использовал этот текст для агитации среди крестьян Тверской и Тульской губерний в 1873 г.), была литографирована в типо-литографии товарищества братьев Шумахер (Санкт-Петербург) в 1873 г. [4], и распространялась под названием «Слова верующего к народу» год, пока ее не запретили [8, с. 158.]. Из этого произведения был почти убран религиозный контекст, христианские идеи использовались для пропаганды народнических идей. Несмотря на отсутствие официальных переводов и издания сочинений Ламенне, к концу столетия уже выросли поколения, на формирование хабитуса которых оказали влияние идеи французского мыслителя. В качестве примера можно привести архимандрита Михаила (Семенова) (1873–1916), на взгляды которого

на церковь, социальную справедливость («правду») и государство были во многом определены сочинениями Ламенне. Эволюция взглядов Михаила на церковь также во многом похожа на эволюцию взглядов Ламенне. С блеском окончив Санкт-Петербургскую духовную академию, где он под влиянием Антония (Храповицкого) он принял постриг, он активно включается в жизнь церкви, преподает, активно включается в обсуждение церковных реформ. В марте 1905 г. был возведен в сан архимандрита. Но события 1905 г. ставят в центр его интересов социальную проблематику (что, позже, после запрета публиковаться и ссылки в монастырь, приводит его к переходу в старообрядчество). В 1906 г. в серии книг «Свобода и христианство» он публикует сочинение «Пророк христианской свободы и свободного христианства Ф.Р. де Ламенне».

Но наиболее фундированное изложение взглядов Ламенне можно обнаружить в его сочинении «Как я стал народным социалистом», в котором он излагает свое видение церковно-государственных отношений в свете «правды Христовой»: «Целая армия рабов Молоха, по ошибке стоящих около алтаря Христова, обнаружила такое рвение в кощунственной борьбе против правды, что стало страшно за целостность самого христианства. Родился страх, что... последние рабы выйдут из опозоренного храма с криком: «Вон из этой нечисти!»» [5, с. 8]

Имя Ламенне встречалось часто в дневниковых записях преподавателей православных учебных заведений и православных иерархов (епископ Порфирий (Успенский), епископ Савва (Тихомиров), в переписке как лиц духовного звания, так и «религиозных диссидентов» вроде «русских католиков»: уже упомянутого Владимира Печерина, ставшего членом католического ордена редemptористов, князя Ивана Гагарина, присоединившийся к католической церкви, и ставшего иезуитом, а также нередко встречалось в различных печатных трудах (написание различное: Ламенне, Ламеннэ, Ламене).

С ослаблением цензурного гнета, когда начинают публиковаться русские переводы его сочинений, влияние идей Ламенне резко возрастает, поскольку он воспринимается не только как представитель «мистического социализма» [1], но в священнической среде прежде всего как теоретик церковного обновления. О нем писали сторонники церковных реформ, такие как о. Григорий Петров, но и представители ультраконсервативных течений в русском обществе начала XX в., такие как о. Иоанн Восторгов, который критиковал революционный радикализм священнослужителей, но выступал за соблюдение социальной справедливости и помощь обездоленным.

Список литературы

1. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-Классика, 2008. 320 с.
2. Зеньковский В. В. Система культурного дуализма // Современные записки. 1929. № 38. С. 352–379.
3. Иоанн (Восторгов). Статьи по вопросам миссионерским и публицистическим. 1887–1912 гг. М.: Русская печать, 1916. 654, IV с.
4. Ламенне Ф. Слова верующего к народу. СПб.: Типо-лит. Шумахера, 1873. 44 с.
5. Михаил (Семенов). Как я стал народным социалистом. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. 32 с.
6. Никитина Ф.Г. Петрашевцы и Ламенне // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. С. 256–258.
7. Печерин В. С. *Apologia Pro Vita Mea*. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим. СПб.: Нестор-История, 2011. 864 с.
8. Список книг, запрещенным в последнее время к обращению в публице // Становление революционных традиций питерского пролетариата: пореформенный период, 1861–1883 гг. сборник документов: Отв. ред. А.Н. Цамутали. Ленинград: Лениздат, 1987. С. 157–161.
9. Armenteros C. Hugues-Félicité Robert de Lamennais (1782–1854): Lost Sheep of the Religious Enlightenment // *A Transnational History*. Ed. Burson J. D. and Ulrich L. Lehner. University of Notre Dame Press, 2014. P. 145–166.
10. Braga T. J. Lamennais and Liberation Theology // *Nineteenth-century French studies*. 1989. Vol. 18. № 1/2. P. 85–101.
11. Riasanovsky N. V. On Lamennais, Chaadaev, and the Romantic Revolt in France and Russia // *The American Historical Review*. 1977. Vol. 82. №. 5. P. 1165–1186.

СЕКЦИЯ
**«Психологическая наука в России и в мире –
направления и проблематика исследований»**

Бахтина Н.Н.,

*кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»*

Дорохина Т.С.,

студентка, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СОТРУДНИКОВ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ

В статье исследуются мотивации и удовлетворенность профессиональной деятельностью среди сотрудников Министерства юстиции и Уголовно-исполнительной инспекции. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе была использована методика «Мотивация профессиональной деятельности» (Методика К. Земфир в модификации А.А. Реана). На втором этапе была использована методика «Изучение интегральной удовлетворенности трудом» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов). Для выявления значимости различий между двумя выборками были использованы методы математико-статистической обработки данных – критерий углового преобразования Фишера и критерий Манна-Уитни.

Ключевые слова: *удовлетворенность трудом; мотивация; организация труда; профессиональная мотивация; факторы удовлетворенности трудом*

Bakhtina N.N.,

*Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor, Department
of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«North-Eastern State University»*

Dorokhina T.S.,

*Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«North-Eastern State University»*

RESEARCH OF MOTIVATION AND PROFESSIONAL SATISFACTION OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF JUSTICE AND CRIMINAL INSPECTION

The article presents a study of motivation and satisfaction with professional activities among employees of the Ministry of Justice and the Criminal Enforcement Inspectorate. The study was carried out in two stages. At the first stage, the «Motivation of Professional Activity» methodology was used (K. Zemfir's Methodology modified by A.A. Rean). At the second stage, the methodology «Study of integral job satisfaction» was used (N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuilov). To identify the significance of the differences between the two samples, methods of mathematical and statistical data processing were used – the Fisher angular transformation test and the Mann-Whitney test.

Keywords: *Job satisfaction; motivation; Labour Organization; professional motivation; factors of job satisfaction*

В современном мире мотивационная сфера сотрудников является важным фактором успешного функционирования организации, в том числе и государственных учреждений. Министерство юстиции Российской Федерации и Уголовно-исполнительная инспекция Федеральной службы исполнения и наказания (далее – «МЮ» и «УИИ») – это ключевые инстанции, ответственные за обеспечение законности в обществе. Уровень и качество работы сотрудников МЮ и УИИ влияют на законодательную систему и доверие граждан к ней.

На сегодняшний день органы исполнительной власти сталкиваются с проблемой нестабильности кадрового состава. Частая смена кадров приводит к снижению производительности и как следствие низкой эффективности предоставляемых гражданам услуг. Такая тенденция может быть вызвана нарушениями в мотивационной сфере сотрудников, в частности профессиональной мотивации и, вероятно, отсутствием удовлетворенности профессиональной деятельностью. В целях предотвращения данной проблемы необходимо иметь представление о профессиональной мотивации сотрудников, что позволит своевременно выявить проблему и посредством ее решения повысить уровень эффективного функционирования органов МЮ и УИИ.

Мотивация в психологии – это совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека действовать специфическим целенаправленным образом. К внутренним мотивам относятся потребности, цели, намерения, желания, интересы и т.д. К внешним – стимулы, исходящие из сложившейся ситуации [1]. Обе формы мотивов имеют зависимость друг от друга. Например, внутренняя мотивация работника может быть усилена внешним стимулом – премией, с целью достижения высоких профессиональных результатов.

Имея представление о понятии «мотивация», можно сделать вывод, что профессиональной мотивацией называют совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к трудовой деятельности и придающих этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей.

В сфере профессиональной мотивации удовлетворенность трудом является положительным эмоциональным состоянием, которое вызвано реализацией потребности в труде [3]. С удовлетворенностью работой связывают множество факторов, но наиболее полная классификация представлена А.В. Батаршевым, где он выделяет такие факторы, как:

- интерес к работе;
- удовлетворенность достижениями в работе;
- удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками;
- удовлетворенность взаимоотношениями с руководством;
- уровень притязаний в профессиональной деятельности;
- предпочтение выполняемой работы высокому заработку;
- удовлетворенность условиями труда;
- профессиональная ответственность [4].

Данная классификация предоставляет возможность изучить различные аспекты трудового процесса, которые влияют на уровень удовлетворенности сотрудников.

Таким образом, исследование взаимосвязи мотивации и удовлетворенности трудом имеет большое значение, так как оба этих параметра позволяют разработать эффективные стратегии стимулирования и улучшения профессиональной деятельности, что является важным при организации эффективной профессиональной деятельности.

В связи со всем вышеперечисленным мы провели исследование, целью которого является изучение мотивации и удовлетворенности профессиональной деятельностью у сотрудников МЮ и УИИ.

В качестве **общей гипотезы** исследования выступило предположение о том, что существуют различия в профессиональной мотивации и удовлетворенности профессией у сотрудников МЮ и УИИ.

В исследовании приняли участие 26 специалистов в возрасте от 23 до 54 лет, из них – 13 специалистов Управления Минюста России по Магаданской области и Чукотскому автономному округу и 13 специалистов Уголовно-исполнительной системы УФСИН по Магаданской области.

Для выявления качественных различий между двумя подгруппами необходимо в каждой подгруппе иметь от 20 человек. В связи с установленным штатным расписанием организаций МЮ и УИИ, данное требование не может быть выполнено.

Для диагностики профессиональной мотивации удовлетворённости трудом использовались такие **методики**, как:

– Тест «Мотивация профессиональной деятельности» (Методика К. Земфир в модификации А.А. Реана) (далее – «МПД») [1].

– Методика изучения интегральной удовлетворенности трудом (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов) (далее – «ИУТ») [2].

– Методы математико-статистической обработки данных – критерий Фишера и Манна-Уитни.

После формирования выборки и проведения методик, нами была осуществлена статистическая обработка данных при помощи автоматического расчета статистических критериев [5] и анализ полученных данных.

Таблица 1.

Полученные значения по методике МПД у специалистов Министерства юстиции и уголовно-исполнительной инспекции

Испытуемый	Министерство юстиции	Уголовно-исполнительная инспекция ФСИН
1	ВМ>ВПМ>ВОМ 4>3>1	ВМ>ВПМ=ВОМ 3,5>3=3
2	ВМ>ВПМ>ВОМ 5>3,3>1	ВПМ>ВМ>ВОМ 4,6>4,5>4
3	ВМ=ВОМ>ВПМ 3,5=3,5>2,3	ВМ=ВПМ>ВОМ 5=5>4
4	ВОМ>ВМ>ВПМ> 4>3,5>2,6	ВМ>ВПМ>ВОМ 4>3,6>3
5	ВМ=ВОМ>ВПМ 4=4>3,6	ВМ=ВОМ>ВПМ 4=4>3,6
6	ВМ>ВПМ>ВОМ 4,5>3>1,5	ВПМ>ВМ=ВОМ 3,6>2,5=2,5
7	ВОМ>ВМ>ВПМ> 4>3,5>3	ВМ>ВПМ>ВОМ 5>4>3,5
8	ВМ>ВПМ>ВОМ 5>4,6>1,5	ВОМ>ВПМ>ВМ 3>1,6>1
9	ВМ=ВПМ>ВОМ 4=4>3	ВМ>ВПМ>ВОМ 4>2,3>1
10	ВМ>ВПМ>ВОМ 5>3,6>3	ВПМ>ВМ=ВОМ 3,6>3=3
11	ВМ=ВОМ>ВПМ 5=5>3,6	ВОМ>ВПМ>ВМ 5>2,6>2
12	ВМ>ВПМ>ВОМ 4,5>4,3>1,5	ВМ>ВПМ>ВОМ 5>3,6>2
13	ВПМ>ВМ>ВОМ 3,3>2,5>1,5	ВМ=ВПМ=ВОМ 3=3=3
Итого:	6 исп. (46,15%) – оптимальное соотношение	4 исп. (30,77) – оптимальное соотношение; 2 исп. (15,38) – наихудшее

Как видно из таблицы 1, соотношения мотивационных комплексов в обеих подгруппах различны.

Наибольшее количество испытуемых с оптимальным мотивационным комплексом находится среди сотрудников МЮ (46,15 %). В данном случае низкие показатели внешней отрицательной мотивации и высокие показатели внутренней мотивации, говорят о том, что для данной подгруппы профессиональная деятельность имеет наибольшее значение, в отличие от материального благополучия. При этом испытуемых с наихудшим соотношением в группе сотрудников МЮ нет. Остальные соотношения являются промежуточными и не являются показательными.

В группе сотрудников УИИ наблюдается наличие оптимальных соотношений (30,77 %) и наихудших (15,38 %). Следовательно, некоторые сотрудники (2 человека) из группы УИИ в большей степени стремятся к удовлетворению внешних отрицательных мотивов (избегание наказания, осуждения и других негативных санкций) в профессиональной сфере.

Для выявления значимости различий профессиональной мотивации между группами испытуемых, нами была сформулирована статистическая гипотеза, для проверки которой был применен критерий Фишера.

По результатам статистической обработки были получены следующие данные: $\phi^*_{\text{эмп}} = 0.811$. Эмпирическое значение ϕ^* находится в зоне незначимости. Следовательно, гипотеза о наличии значимых различий между профессиональной мотивацией между группами отвергается.

Таким образом, оптимальный мотивационный комплекс сотрудников МЮ и УИИ выражен в равной степени. Однако результаты статистического расчета не совпадают с результатами качественного анализа. Это может быть вызвано ошибкой 1-го рода, где небольшое количество испытуемых снижает статистическую достоверность исследования. Для чистоты результатов необходимо провести дополнительное исследование с увеличением объема выборки.

Для проверки второй рабочей гипотезы о существовании различий уровня удовлетворенности трудом среди сотрудников МЮ и УИИ, были проанализированы результаты по методике ИУТ.

Таблица 2.

**Показатели общей удовлетворенности трудом по методике ИУТ у специалистов
Министерства юстиции и уголовно-исполнительной инспекции (%)**

Испытуемый	Министерство юстиции	Уголовно-исполнительная инспекция ФСИН
1	75	75
2	71,43	67,86
3	60,71	71,43
4	78,57	75
5	71,43	64,29
6	64,29	42,86
7	71,43	50
8	67,86	21,43
9	64,29	71,43
10	71,43	71,43
11	71,43	42,86
12	67,86	71,43
13	64,29	78,57
Итого:	13 исп. (100 %) имеют высокий уровень УТ	9 исп. (69,23 %) имеют высокий уровень УТ; 1 исп. (7,69 %) – средний уровень УТ; 3 исп. (23 %) имеют низкий уровень УТ.

Как видно из таблицы 2, по результатам исследования удовлетворенности трудом среди сотрудников МЮ и УИИ инспекции наметилась тенденция существования различий.

В группе сотрудников МЮ наибольшие показатели по уровню общей удовлетворенности трудом (100 %). Данные результаты могут говорить о высоком уровне мотивации в професси-

ональной деятельности среди сотрудников МЮ. Они в большей степени вовлечены в работу, в жизнь организации и стремятся к повышению трудовой продуктивности.

Для более глубокого анализа удовлетворенности трудом среди сотрудников МЮ и УИИ были рассмотрены показатели факторов удовлетворенности трудом (в %). Данные представлены в таблице 3 и 4.

Таблица 3.

Показатели факторов удовлетворенности трудом по методике ИУТ у специалистов Министерства юстиции (%)

№№ п\п	Факторы удовлетворенности трудом	Результаты	
		%	Уровень
1	Интерес к работе	65,33	Высокий
2	Удовлетворенность достижениями в работе	84,5	Высокий
3	Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками	93,67	Высокий
4	Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	82	Высокий
5	Притязания в профессиональной деятельности	40,5	Низкий
6	Предпочтения выполняемой работы высокому заработку	48	Средний
7	Удовлетворенность условиями труда	92,25	Высокий
8	Профессиональная ответственность	84,5	Высокий

Таблица 4.

**Показатели факторов удовлетворенности трудом по методике ИУТ у специалистов
уголовно-исполнительной инспекции (%)**

№№ п\п	Факторы удовлетворенности трудом	Результаты	
		%	Уровень
1.	Интерес к работе	59	Высокий
2.	Удовлетворенность достижениями в работе	90,5	Высокий
3.	Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками	87,17	Высокий
4.	Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	69,17	Высокий
5.	Притязания в профессиональной деятельности	9,5	Низкий
6.	Предпочтения выполняемой работы высокому заработку	40,5	Низкий
7.	Удовлетворенность условиями труда	80,75	Высокий
8.	Профессиональная ответственность	57,5	Высокий

В обеих группах факторы интереса к работе, удовлетворенности достижениями на работе, взаимоотношениями с руководством, условиями труда и профессиональной ответственности находятся на высоком уровне. Такие результаты могут говорить о том, что сотрудники обеих организаций испытывают высокий интерес к работе и готовы повышать свои профессиональные навыки для решения профессиональных задач. Их достижения в профессиональной сфере высоко ценятся руководством, а в коллективе царит благоприятный климат.

При этом специалисты обеих групп имеют низкие показатели притязания. Такие субъекты могут быть неуверенными в себе и стараются избегать неудач.

Специалисты УИИ имеют низкий показатель предпочтения выполняемой работы высокому заработку (9,5 %). Их профессиональная деятельность в большей степени направлена на получение заработка.

При расчете статистической значимости всех шкал удовлетворенности трудом, наиболее показательной стала шкала уровня притязаний в профессиональной деятельности. Эмпирическое значения U-критерия Манна-Уитни = 49, что при $p \leq 0,05$ является значимым. Следовательно, уровень притязаний в профессиональной сфере сотрудников уголовно-исполнительной инспекции ниже, чем в группе сотрудников Министерства юстиции.

Таким образом, вторая рабочая гипотеза о различии уровня удовлетворенности трудом у сотрудников МЮ и УИИ подтвердилась частично.

По результатам данного исследования можно сделать следующие выводы.

Несмотря на качественный анализ полученных данных, который указывал на различия в мотивационных комплексах обеих групп, статистический анализ не подтвердил данное утверждение.

Вторая рабочая гипотеза о существовании различий в уровнях удовлетворенности трудом у сотрудников МЮ и УИИ подтвердилась частично, по параметру уровня притязаний в профессиональной деятельности.

Следовательно, общая гипотеза о существовании различий профессиональной мотивации и удовлетворенности профессией у сотрудников МЮ и УИИ подтвердилась частично.

В целом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости системного подхода к профессиональной мотивации сотрудников МЮ и УИИ. Это включает в себя учет особенностей и потребностей сотрудников, разработку специальных программ мотивации и обеспечение условий для достижения профессиональных целей каждого сотрудника. Такой подход может повысить не только мотивацию и удовлетворенность трудом отдельного сотрудника, но и эффективность работы государственного учреждения в целом.

Список литературы

1. Немов Р.С. Психология. В 3-х книгах. Книга 1. Общие основы психологии: учебник для вузов // Немов Р.С. М.: Издательский Центр ВЛАДОС, 2023. 687 с.
2. Сунцова Я.С., Кожевникова О.В. Диагностика профессионального становления личности: учеб.-метод. пособие / сост. Я.С. Сунцова, О.В. Кожевникова. Часть 3. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. 144 с.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т.1. М.: Педагогика, 1986. 632 с.
4. Ушакова Е.А. Факторы удовлетворенности трудом как основа мотивации персонала // Уральский государственный педагогический университет, Институт кадрового развития и менеджмента, г. Серов, Россия. 4 с.
5. PSYCHOL-OK: Психологическая помощь: [сайт]. Москва, 2024 // URL: <https://www.psychol-ok.ru/lib/statistics.html> (дата обращения 10.02.2024).

Бахтина Н.Н.,

*кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»*

Левченя Е.М.,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ У РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН

В статье анализируются особенности образа сотрудника уголовно-исполнительной системы у работников УИС и у лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Исследование проводилось с помощью методики специализированного семантического дифференциала В.П. Серкина.

Ключевые слова: образ профессионала; образ сотрудника; УИС; ФСИН; В.П. Серкин; специализированный семантический дифференциал

Bakhtina N.N.,

*Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor, Department
of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«North-Eastern State University»*

Levchenya E.M.,

*Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«North-Eastern State University»*

RESEARCH OF IMAGE OF THE FEDERAL PENAL SERVICE EMPLOYEE

The article is dedicated to peculiarities of the image of the Federal penal service employee among employees of the FPS and among persons who sentenced to punishments without custody. The research was done via using specialized semantic differential method by V.P. Serkin.

Ключевые слова: *the image of professional; the image of employee; FPS; Federal Penal Service; V.P. Serkin; specialized semantic differential method*

Сотрудники уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) играют важную роль в обеспечении безопасности общества, поддержании правопорядка и реабилитации правонарушителей. Их работа неразрывно связана с общественным мнением и отношением граждан к ним. Понимание образа сотрудника уголовно-исполнительной системы у различных категорий граждан может помочь оптимизировать взаимодействие между ними и создать условия для более эффективной работы.

Существует озабоченность отношениями между обществом и правоохранительными органами. Некорректные или негативные представления о сотрудниках уголовно-исполнительной системы могут вызвать недоверие, конфликты и обострение социальных проблем. Проведение исследования, направленного на изучение имиджа (образа) сотрудников позволит изучить особенности восприятия сотрудников уголовно-исполнительной системы у различных категорий граждан, а также выявить возможные причины негативного отношения. Эти результаты могут послужить основой для корректировки работы УИС и повышения доверия общества к сотрудникам уголовно-исполнительной системы.

Восприятие человека человеком есть «процесс психологического познания людьми друг друга в условия непосредственного общения», а непосредственно продуктом познания (или же восприятия) человека человеком можно считать его «образ» [3, с. 86]

Процесс восприятия человека характеризуется предметностью и заключается в том, что определенные свойства облика человека отражаются в его образе как принадлежащие и присущие конкретно этому человеку, однако, как отмечает Л. Бозаджиев [2], сам процесс восприятия чаще всего затруднен в связи с тем, что человек редко воспринимает другого человека объективно: «чаще всего наше восприятие других людей основывается лишь на впечатлениях, а также на их истолковании и оценке мотивов их поведения в зависимости от того, какие качества мы в них предполагаем и в какой ситуации они находятся».

Образ человека может быть сформирован на основе стереотипов, предрассудков, культурных норм и ценностей, а также личных представлений и опыта каждого индивида.

Деятельностный опыт субъекта восприятия, в том числе и профессиональный, также влияет на образ воспринимаемого человека через призму различных социальных ролей – как отмечает

А.А. Бодалев, образ восприятия другого человека, возникающий у взаимодействующих с ним людей, и содержание формирующихся у них понятий о личности этого человека в очень большой степени обусловлены конкретными видами деятельности [1].

Также стоит упомянуть о категориях «образ профессии» и «образ профессионала», так как указанные категории непосредственно связаны с понятием «образ человека», а также в дальнейшем помогут нам понять особенности образа сотрудника УИС.

В нашей работе мы предлагаем провести исследование представлений об образе сотрудника уголовно-исполнительной системы у различных категорий граждан. Исследование поможет выявить определенные аспекты восприятия сотрудников, которые требуют улучшения или корректировки. На основе этих данных будет возможно создать обучающие программы, которые помогут сотрудникам уголовно-исполнительной системы эффективнее взаимодействовать с различными категориями граждан, а также может послужить основой для разработки публичных кампаний или информационных материалов, направленных на изменение образа сотрудников уголовно-исполнительной системы в глазах общества.

Целью исследования является изучение особенностей образа сотрудника уголовно-исполнительной системы у непосредственно действующих сотрудников УИС и у лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительной системе.

Согласно выдвинутой цели исследования нами была сформулирована следующая **общая гипотеза**: существуют межгрупповые и внутригрупповые различия реального и идеального образов сотрудника УИС у действующих сотрудников УИС и у лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Для ее подтверждения или опровержения были предложены **рабочие гипотезы**:

1. Существуют различия между реальным и идеальным образом сотрудника УИС у действующих сотрудников УИС.
2. Существуют различия между реальным и идеальным образом сотрудника УИС у лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества.
3. Существуют различия между реальным образом сотрудника УИС у действующих сотрудников УИС и у лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества.
4. Существуют различия между идеальным образом сотрудника УИС у действующих сотрудников УИС и у лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества.

В исследовании приняли участие 32 человека, из них 16 – действующие сотрудники уголовно-исполнительной инспекции (входит в состав уголовно-исполнительной системы), 16 – лица, состоящие на учете в УИИ, осужденные к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией (далее – осужденные) от общества в возрасте от 20 до 58 лет.

Для определения особенностей образа сотрудника УИС использовались такие **методики**, как:

- 1) Метод Специализированного семантического дифференциала (СД) для оценки профессионала В.П. Серкина.
- 2) Самостоятельно разработанная анкета использовалась в качестве дополнительного метода исследования для формирования выборки.
- 3) Метод семантических универсалий (Е.Ю. Артемьева, В.П. Серкин).

Методика специализированного семантического дифференциала (СД) (методика В.П. Серкина) [4] предназначена для построения субъективных семантических пространств. Метод семантического дифференциала является комбинацией метода контролируемых ас-

социаций и процедур шкалирования. Измеряемые объекты (понятия, изображения, отдельные персонажи и другие) оцениваются по ряду биполярных шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов. Оценки понятий по отдельным шкалам коррелируют друг с другом, и с помощью факторного анализа удастся выделить групповую семантическую универсалию.

Полученные семантические универсалии групповой оценки по образу реального сотрудника УИС и идеального сотрудника УИС приведены в таблице №1.

Таблица №1.

Семантические универсалии

	Группа сотрудников УИС (16 чел.)		Группа лиц, состоящих на учете в УИИ (16 чел.)	
Групповая универсалия по образу реального сотрудника УИС	<i>умелый</i>	1,44	<i>умелый</i>	1,56
	карьерист	1,50	инициативный	1,63
	<i>работоспособный</i>	1,50	заинтересованный	1,81
	способный	1,56	уважаемый	1,88
	<i>уверенный</i>	1,69	помогающий	2,00
	исполнитель	1,81	добросовестный	2,00
			образованный	2,06
			<i>уверенный</i>	2,06
			развивающийся	2,13
			квалифицированный	2,19
			внимательный	2,25
			востребованный	2,31
			знающий	2,31
			полезный	2,31
(различающиеся дескрипторы)			компетентный	2,44
			ответственный	2,44
			<i>работоспособный</i>	2,44
	предприимчивый	2,25	активный	1,94
	опытный	2,31	инноватор	2,00
	уважаемый	2,31	заинтересованный	2,00
	признанный	2,31	заслуженный	2,00
	образованный	2,38	целеустремленный	2,06
	эффективный	2,38	уважаемый	2,06
	развивающийся	2,38	инициативный	2,06
	умелый	2,38	подготовленный	2,06
	опытный	2,38	признанный	2,06
	рассудительный	2,38	добросовестный	2,13
	инициативный	2,38	развивающийся	2,13
	удачливый	2,38	способный	2,19
	знающий	2,44	опытный	2,25
	помогающий	2,44	высокооплачиваемый	2,38
	развивающийся	2,44	умелый	2,38
	востребованный	2,50	внимательный	2,44
	полезный	2,56	востребованный	2,50
	умный	2,56	помогающий	2,50
	способный	2,56	предприимчивый	2,50
	выполняющий	2,56	решающий проблемы	2,50
	заинтересованный	2,63	знающий	2,63
	внимательный	2,69	<i>работоспособный</i>	2,69
	<i>уверенный</i>	2,69	умный	2,69
	<i>работоспособный</i>	2,69	образованный	2,75
	целеустремленный	2,69	эффективный	2,75
	<i>квалифицированный</i>	2,75	<i>уверенный</i>	2,75
	высокооплачиваемый	2,75	полезный	2,75
	подготовленный	2,75	опытный	2,75
	<i>компетентный</i>	2,81	<i>ответственный</i>	2,81
	<i>ответственный</i>	2,81	<i>компетентный</i>	2,88
	решающий проблемы	2,81	<i>квалифицированный</i>	2,88
	добросовестный	2,81		

Примечание. В строке «Групповая универсалия по образу идеального сотрудника УИС» *курсивом* выделены дескрипторы, имеющие одинаковый удельный вес, **жирным** – дескрипторы, уникальные для каждой группы.

Перейдем к анализу полученных данных. Все дескрипторы, в том числе, относящихся к образу реального сотрудника УИС, стоит отметить отсутствие «отрицательных» качеств.

Также необходимо выделить еще одну общую черту, присущую обоим группам – в обеих группах заметно больше дескрипторов, относящихся к семантическому универсалию «образ идеального сотрудника УИС», чем дескрипторов, относящихся к образу «реальный сотрудник УИС», что может говорить об образе реального сотрудника УИС как далеком от образа идеального.

В 90% интервале групповой оценки образа «реальный сотрудник УИС» намного меньше дескрипторов, чем в групповой оценке образа «идеальный сотрудник», причем, в обеих группах – 6 в группе сотрудников УИС и 17 в группе осужденных, против 32 и 31 соответственно.

Таким образом, исходя из полученных данных, **первая и вторая рабочие гипотезы** о наличии различий между реальным и идеальным образом сотрудника УИС у действующих сотрудников УИС, а также различий между реальным и идеальным образом сотрудника УИС у лиц, состоящих на учете в УИИ, **нашли свое подтверждение**.

При обработке результатов сотрудников УИС, как отмечалось, выше, в универсалию групповой оценки «образ реального сотрудника УИС» вошло только 6 дескрипторов, в отличие от аналогичной универсалии групповой оценки, полученной по обработке результатов осужденных – 17.

Учитывая тот факт, что уголовно-исполнительная инспекция и ее сотрудники являются частью уголовно-исполнительной системы, а также то, что, в универсалию групповой оценки реального образа сотрудника УИС, в группе сотрудников УИС вошло заметно меньше дескрипторов, чем в группе осужденных, можно говорить о том, что сотрудники уголовно-исполнительной инспекции могут быть недовольны своей текущей специальностью и работой, а также работой своих коллег. Так, в отличие от группы осужденных, отсутствуют такие дескрипторы как: инициативный заинтересованный, уважаемый, помогающий, добросовестный, развивающийся, квалифицированный, внимательный, востребованный, знающий, полезный, компетентный, ответственный, то есть с точки зрения сотрудников УИИ, отсутствуют так называемые деловые качества личности.

При этом в группе сотрудников УИС присутствуют такие дескрипторы, как: карьерист (1,44), способный (1,56), исполнитель (1,81), вероятно, т.к. осужденные не знают внутренние отношения внутри коллектива сотрудников, и вследствие чего данные отношения охарактеризовать не могут.

Также стоит отметить заметную разницу в весе дескриптора «работоспособный» – 1,5 против 2,44 у группы осужденных, к тому же у группы осужденный данный дескриптор имеет наибольший вес.

В группе осужденных 76% дескрипторов (13/17) имеют средний показатель выраженности признака выше среднего (2), одними из самых присущих образу реального сотрудника, по мнению осужденных, являются следующие дескрипторы: развивающийся (2,13), квалифицированный (2,19), внимательный (2,25), востребованный, знающий, полезный (2,31), компетентный, ответственный, работоспособный (2,44).

Вместе с тем, стоит отметить, что в ходе проведения исследования исследователем неоднократно указывалось испытуемым на то, что полученные данные являются анонимными, и они не повлияют на дальнейшие уголовно-правовые отношения (связанными с отбывтием ими уголовного наказания или иной меры уголовно-правового характера), некоторые осужденные демонстративно-показательно вслух рассуждали о тех или иных положительных качествах со-

трудника ФСИН. Причины и мотивация данных поступков испытуемых группы, осужденных может быть разные, однако, в рамках нашего исследования данная проблема углубленно изучаться не будет.

Таким образом, **третья рабочая гипотеза** о наличии различий между реальным образом сотрудника УИС у действующих сотрудников УИС и у лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, нашла **свое подтверждение**.

При рассмотрении образа идеального сотрудника УИС стоит обратить внимание, что в 90% интервал семантических универсалий понятия у группы сотрудников и группы осужденных вошли, соответственно 32 и 31 качество, как указывалось выше, все они имеют «положительный характер», при этом уникальных дескрипторов всего 7: 4 – в группе сотрудников, 3 – в группе осужденных.

Так, в группе сотрудников имеются дескрипторы: развивающийся (2,38), рассудительный (2,38), удачливый (2,38), однако отсутствуют дескрипторы, имеющиеся в универсалии в группе осужденных – активный (1,94), инноватор (2), заслуженный (2).

В семантической универсалии «идеальный сотрудник УИС» у действующих сотрудников наибольший вес имеют следующие дескрипторы: компетентный (2,81), ответственный (2,81), решающий проблемы (2,81), добросовестный (2,81), квалифицированный (2,75), высокооплачиваемый (2,75), подготовленный (2,75), внимательный (2,69) уверенный (2,69), работоспособный (2,69), целеустремленный (2,69). В свою очередь, наибольший вес у группы осужденных имеют дескрипторы компетентный (2,88), квалифицированный (2,88), ответственный (2,81), образованный (2,75), эффективный (2,75), уверенный (2,75), полезный (2,75), опытный (2,75), работоспособный (2,69), умный (2,69).

Стоит отметить одинаково высокое положение (вес) дескрипторов уверенный, работоспособный, компетентный, ответственный, квалифицированный, умный. Вместе с тем, иерархически ниже у сотрудников расположены дескрипторы опытный, эффективный (2,38), полезный (2,56), образованный (2,75).

Большое количество дескрипторов при определении универсалии «идеальный сотрудник» может говорить об слишком «идеализированном» образе, далеком от реальности. Однако, несмотря на это сходство, качественная обработка результатов позволяет сделать вывод, что образ идеального сотрудника УИС, как у самих работников УИС, так и у осужденных, отличается, следовательно, **четвертая рабочая гипотеза** о наличии различий также **подтвердилась**.

Таким образом, на основании подтверждения рабочих гипотез, можно сделать вывод о том, что **общая гипотеза** о существовании межгрупповых и внутригрупповых различий реального и идеального образов сотрудника УИС у действующих сотрудников УИС и у лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, подтвердилась.

Вместе с тем, стоит понимать, что условия проведения исследования все же были не идеальными – на конечный результат опроса могли повлиять сторонние факторы: для сотрудников – переживания о том, что ответы могут быть известны руководителям, а для осужденных – переживания возможного влияния проведенного исследования на отношения с сотрудниками.

Список литературы

1. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
2. Бозаджиев В.Л. Имидж психолога: монография. М.: Академия Естествознания, 2009. 219 с.
3. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
4. Серкин В.П. Алгоритм разработки и бланки специализированных семантических дифференциалов для оценки работы, профессии и профессионала // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 11–29.

Бахтина Н.Н.,

*кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»*

Посашкова М.В.,

студентка, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

ИЗУЧЕНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье описывается пилотажное исследование учебной мотивации и интеллекта студентов вуза. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что у студентов с различным уровнем интеллекта учебная мотивация различается. Были использованы следующие методики: «Мотивация обучения в вузе» (Т.И. Ильиной), «Культурно-свободный тест на интеллект (CFIT)» Р. Кэттелла, полученные данные обработаны при помощи статистического критерия U-критерия Манна–Уитни. В результате проведенного исследования гипотеза не подтвердилась, однако, на основании анализа средних значений можно отметить тенденцию к различию мотивации между группами студентов с различным уровнем интеллектуального развития.

Ключевые слова: мотивация; учебная мотивация; интеллект; уровень интеллектуального развития

Bakhtina N.N.,

Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»

Posashkova M.V.,

Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»

STUDYING LEARNING MOTIVATION AND INTELLIGENCE OF UNIVERSITY STUDENTS

The article describes a pilot study of educational motivation and intelligence of university students. The hypothesis of the study was the assumption that students with different levels of intelligence have different educational motivation. The following methods were used: «Motivation for studying at a university» (T.I. Ilina), «Culture-free intelligence test (CFIT)» by R. Cattell, the data obtained were processed using the statistical criterion Mann-Whitney U test. As a result of the study, the hypothesis was not confirmed, however, based on the analysis of average values, a tendency to differences in motivation between groups of students with different levels of intellectual development can be noted.

Keywords: Motivation; educational motivation; intelligence; level of intellectual development

В настоящее время проводятся исследования, посвященные различным аспектам жизнедеятельности студентов [4]. В рамках данной работы мы рассматриваем соотношение учебной мотивации и интеллекта студентов вуза.

Мотивация учебной деятельности является сложным структурным образованием, и в силу этого имеет несколько значений. Как продукт формирования личности, она выступает фактором ее дальнейшего развития, оказывает общее стимулирующее воздействие на протекание мыслительных процессов, становится источником интеллектуальной активности, мобилизует творческие силы на решение задач, положительно влияет на качество знаний, их глубину и действенность, широту и систематизацию. Учебная мотивация – важнейшее внутреннее условие развития стремления к самообразованию, она служит критерием развития многих важных качеств личности [4].

Учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включенный в учебную деятельность. Учебная мотивация определяется целым рядом специфических для той деятельности, в которую она включается, факторов [2].

Во-первых, она определяется самой образовательной системой, образовательным учреждением, во-вторых, организацией образовательного процесса; в-третьих, субъектными особенностями обучающегося (возраст, пол, интеллектуальное развитие, способности, уровень притязаний, самооценка и его взаимодействие с другими учениками и т. д.); в-четвертых, субъектными особенностями педагога и, прежде всего, системы его отношений к ученику, к делу; в-пятых, спецификой учебного предмета [2].

Учебная мотивация, как и любой другой ее вид, системна, характеризуется направленностью, устойчивостью и динамичностью [2].

Изменение учебной мотивации объясняется потребностью в самоосознании себя как целостной личности, оценке своих возможностей в выборе профессии, в самоосознании своей жизненной позиции, необходимостью самоограничения как обратной стороны самоопределения; становление целеполагания – переход от предполагаемых перспективных целей к реальным, принятие решений, касающихся не только себя, но и других; интересом ко всем формам самообразования; четко выраженным избирательным характером мотивов и целей под углом зрения выбора профессии; устойчивостью интересов, их относительной независимости от мнения окружающих [4].

В студенческом возрасте происходит преобразование мотивации, всей системы ценностных ориентаций, с одной стороны, и интенсивное формирование специальных способностей, с другой. Проявляется ярко выраженное стремление к получению высшего образования, интересной работы, приобретению профессии. Усиливается установка на хорошие жизненные условия и материальную обеспеченность [4].

Рассматривая интеллект как относительно устойчивую структуру умственных способностей индивида, включающую в себя приобретенные знания, опыт и способность к их дальнейшему накоплению и использованию при умственной деятельности [6]. Интеллектуальные качества человека определяются кругом его интересов, объемом знаний.

В широком понимании интеллект – это умственные способности человека, совокупность всех познавательных процессов. В более узком смысле – ум, мышление. Интеллектуальные качества человека определяются кругом его интересов, объемом знаний [3].

В структуре интеллекта человека ведущими компонентами являются мышление, память и способность к разумному поведению в проблемных ситуациях.

Существенными качествами человеческого интеллекта являются [3]:

- любопытство – стремление разносторонне познать то или иное явление в существенных отношениях, это качество ума лежит в основе активной познавательной деятельности;
- глубина ума заключается в способности отделять главное от второстепенного, необходимое от случайного;

- гибкость и подвижность ума – способность человека широко использовать имеющийся опыт, оперативно исследовать предметы в новых связях и отношениях, преодолевать шаблонность мышления;
- логичность мышления характеризуется строгой последовательностью рассуждений, с учетом всех существенных сторон в исследуемом объекте, всех возможных его взаимосвязей;
- доказательность мышления характеризуется способностью использовать в нужный момент такие факты, закономерности, которые убеждают в правильности суждений и выводов;
- критичность мышления предполагает умение строго оценивать результаты мыслительной деятельности, подвергать их критической оценке, отбрасывать неправильное решение, отказываться от начатых действий, если они противоречат требованиям задачи;
- широта мышления – способность охватить вопрос в целом, не теряя из виду исходных данных соответствующей задачи, видеть многовариантность в решении проблемы.

Уровнем же интеллекта называют уровень развития интеллектуальных способностей относительно возраста [6].

В связи с тем, что в настоящее время возникают трудности набора студентов в ФГБОУ ВО СВГУ, а также сложности их обучения, мы решили провести пилотажное исследование учебной мотивации и интеллекта студентов нашего вуза.

Исследование проводилось с декабря 2023 г. по январь 2024 г. в ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет».

В исследовании приняли участие студенты Педагогического института СВГУ, отделение «Психология», 1 и 2 курса, очного обучения, в количестве 15 человек, 6 студентов 2 курса и 9 студентов 1 курса.

Объектом исследования является учебная мотивация и интеллект.

Предмет исследования: изучение учебной мотивации и интеллекта студентов вуза.

Цель исследования: выявить преобладающие мотивы обучения у студентов и уровень их интеллектуального развития.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что у студентов с различным уровнем интеллекта учебная мотивация различается.

Для проверки гипотезы использовались методики:

1. «Мотивация обучения в вузе» (Т.И. Ильиной), использовалась для изучения мотивации студентов вуза и выявления преобладающих мотивов обучения у студентов 1-го и 2-го курсов в вузе;

2. «Культурно-свободный тест на интеллект (CFIT)» Р. Кэттелла, предназначен для измерения уровня интеллектуального развития независимо от влияния факторов окружающей среды (культуры, образования и т.д.).

Методики предъявлялись друг за другом, сразу всей группе студентов 1 или 2 курса.

Первоначально мы провели и обработали методику CFIT для определения уровня интеллектуального развития студентов, обучающихся в вузе.

Считается, что средняя норма IQ находится в пределах от 90 до 110 баллов. Показатели выше этого уровня могут свидетельствовать об одаренности испытуемого, ниже него – об отставании в умственном развитии [5].

В результате исследования выяснилось, что 33,3% (5 человек), набрали выше 110 баллов, то есть превышают норму по уровню интеллектуального развития. 66,6 % (10 человек) студентов имеют средний показатель уровня интеллекта, однако, 50% из них имеют показатели, близкие

к нижней границе нормы, а это – 33,3 % от общего числа испытуемых. Испытуемые с показателями ниже нормы интеллекта отсутствуют.

Таблица 1.

Показатели по методике CFIT

№ испытуемого, обучающегося на 2 курсе	Количество правильных ответов (сырых баллов)	IQ испытуемого
1	32	111
2	32	104
3	35	112
4	30	99
5	28	94
6	28	94
№ испытуемого, обучающегося на 1 курсе		
7	29	96
8	32	104
9	31	101
10	34	109
11	29	96
12	35	112
13	37	117
14	32	104
15	38	120

*жирным выделены данные испытуемых с уровнем интеллекта выше среднего

Далее мы посчитали средние значения по общей выборке испытуемых, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Средние значения по методике CFIT по общей выборке студентов 1 и 2 курса

Среднее значение сырых баллов	Среднее значение IQ по всем испытуемым
32	104

Рассматривая средние значения по уровню интеллекта по общей выборке, можно отметить, что они соответствуют норме интеллекта.

Также мы посчитали средние значения по тесту на интеллект по группам студентов 1 и 2 курса, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Средние значения по методике CFIT по группам студентов 1 и 2 курса

Среднее значение сырых баллов 2 курса	Среднее значение IQ 2 курса	Среднее значение сырых баллов 1 курса	Среднее значение IQ 1 курса
31	102	33	107

Рассматривая средние значения по уровню интеллекта по группам 1 и 2 курсов, можно отметить, что средние значения не сильно отличаются между группами студентов и находятся в пределах нормы.

Далее мы обработали результаты методики «Мотивация обучения в вузе», в которой представлены три шкалы: «Приобретение знаний» (стремление к приобретению знаний, любознательность); «Овладение профессией» (стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества); «Получение диплома» (стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов). Преобладание мотивов по первым двум шкалам свидетельствует

об адекватном выборе студентом профессии и удовлетворенности ею [7]. В итоге нами были получены следующие данные, с разделением по курсам, которые представлены в таблице 4:

Таблица 4.

Данные по методике «Изучение мотивации обучения в вузе» Т.И. Ильиной

№ испытуемого	Шкалы методики «Изучение мотивации обучения в вузе»		
	Приобретение знаний	Овладение профессией	Получение диплома
2 курс			
1	7,2	7	8,5
2	3,6	6	7,5
3	3,6	3	1,5
4	9	5	7,5
5	12,6	2	7,5
6	7,2	7	4
Среднее значение	7,2	5	6,1
1 курс			
7	10,2	5	0
8	6	4	6
9	6	10	7,5
10	6	6	6
11	7,2	9	8,5
12	12,6	8	8,5
13	7,2	6	2,5
14	12,6	5	6
15	9	8	7
Среднее значение	8,5	6,8	5,8

*жирным выделены данные испытуемых с уровнем интеллекта выше среднего

Таким образом, намечается тенденция к более адекватной мотивации студентов 1 курса, так как у них показатели по первым двум шкалам «Приобретение знаний» и «Овладение профессией» преобладают над показателями по третьей шкале «Получение диплома», а средние значения по первым двум шкалам выше, чем у студентов 2 курса.

По общей выборке студентов 1 и 2 курсов средние значения представлены в таблице 5.

Таблица 5.

Среднее значение по шкалам методики «Изучение мотивации обучения в вузе» студентов обоих курсов

Приобретение знаний	Овладение профессией	Получение диплома
8	6	6

Рассматривая средние значения по выборке в целом по методике «Изучение мотивации обучения в вузе» Т. И. Ильиной, можно отметить, то, что мотивация по всем шкалам находится в среднем диапазоне. Однако, по Т.И. Ильиной в случае, если, у студентов значения по шкале «Получение диплома», не ниже, чем по двум другим, то можно говорить о недостаточной мотивации студентов.

Далее вся выборка испытуемых была разделена на группы в соответствии с уровнем интеллекта, и для каждой группы представлены данные по шкалам методики «Изучение мотивации обучения в вузе» Т. И. Ильиной, которые представлены в таблице 6.

Таблица 6.

**Средние значения по шкалам изучения мотивации студентов 2-х групп
(IQ выше нормы и средний уровень IQ)**

Шкалы мотивов	1 группа студентов, IQ которых выше 110	2 группа студентов, IQ которых ниже 110
Приобретение знаний	7,92	8,04
Овладение профессией	6,4	5,9
Получение диплома	5,6	6,05

По группе студентов, у которых уровень интеллекта выше 110 баллов, можно отметить более адекватную мотивацию обучения в вузе, так как у них преобладают значения по первым двум шкалам «Приобретение знаний» и «Овладение профессией».

Далее мы разделили группу со средним уровнем интеллекта, на две: первая – испытуемые с уровнем интеллекта выше 100 баллов, а вторая – ниже 100 баллов, данные представлены в таблице 7.

Таблица 7.

**Средние значения по шкалам изучения мотивации студентов 3-х групп
(IQ выше нормы, IQ 100-110 и IQ ниже 100)**

Шкалы мотивов	1 группа студентов, IQ которых выше 110 (5 человек)	2 группа студентов, IQ которых 100-110 (5 человек)	3 группа студентов, IQ которых ниже 100 (5 человек)
Приобретение знаний	7,92	6,84	9,24
Овладение профессией	6,4	6,2	5,6
Получение диплома	5,6	6,6	5,5

Интересным представляются средние значения по трем группам испытуемых. Из таблицы 7 видно, что у первой группы (уровень интеллекта выше 110) и третьей (уровень интеллекта ниже 100) по методике «Изучение мотивации обучения в вузе» преобладают показатели по первым двум шкалам. Однако, у третьей группы, в отличие от первой, отмечаются самые высокие по всей выборке результаты по шкале «Приобретение знаний», но по шкале «Овладение профессией» самое низкое значение, что может быть связано с тем, что студенты этой группы в принципе имеют желание учиться, но выбор профессии не очень соответствует их интересам, возможностям и представлению о себе – в подтверждение данному предположению и низкие показатели в данной группе по шкале «Получение диплома». Вторая группа (уровень интеллекта 100-110 баллов) имеют средние значения по шкале «Приобретение знаний», однако профессией не очень хотят овладевать, но хотят получить диплом о высшем образовании, что также свидетельствует о достаточно низкой учебной мотивации студентов. Обучение на направлении «Психология» студентам второй, а особенно третьей групп, можно использовать в целях саморазвития, и даже в случае работы не по специальности, иметь адекватное представление о своей личности.

Для проверки гипотезы мы провели расчеты при помощи «Автоматического расчета U–критерия Манна–Уитни» [1].

Общая выборка была разделена по уровню IQ, на основании данных методики CFIT, на две группы: первая – испытуемые, у которых уровень интеллекта выше среднего, вторая – испытуемые со средним уровнем интеллекта. Мы сравнивали группы испытуемых по шкалам методики «Мотивация обучения в вузе» (Т.И. Ильиной), однако мы не получили значимых различий ни по одной из шкал.

Далее мы разделили группу со средним IQ на две: первая – испытуемые с уровнем интеллекта выше 100 баллов, а вторая – ниже 100 баллов, и сравнили попарно эти группы испытуемых с группой испытуемых, уровень интеллекта у которых выше среднего, по всем шкалам методики «Мотивация обучения в вузе» (Т.И. Ильиной), и также не получили значимых различий.

Таким образом, гипотеза исследования, о том, что у студентов с различным уровнем интеллекта учебная мотивация различается, не подтвердилась. Однако на основании анализа средних значений можно отметить тенденцию к различию мотивации между группами. Для подтверждения гипотезы в дальнейшем мы планируем расширить выборку испытуемых и продолжить исследование.

Список литературы

1. Автоматический расчет U–критерия Манна–Уитни // URL: <https://www.psychol-ok.ru/statistics/mann-whitney/> (дата обращения 03.01.2024).
 2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
 3. Веккер Л. М. Психические процессы. Мышление и интеллект. Т. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 2016. 356 с.
 4. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Педагогическая литература, 2002. 384 с.
 5. Культурно-свободный тест на интеллект (CFIT) Р. Кэттела // URL :<https://testonjob.ru/blog/cfit-test/> (дата обращения 29.12.2023)
 6. Морева Г.И. Общая психология: познавательные процессы: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. 320 с.
 7. Мотивация обучения в вузе (Т.И. Ильиной) // URL:https://www.psychometrica.ru/methods/index.php?hid=50&met_info=200 (дата обращения 03.01.2024)
-

Жемков Л.А.,

магистрант, ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: Чистякова О.Е.,

*кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии,
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»*

ТРЕНИНГ КАК МЕТОД ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Статья посвящена изучению эффективности использования тренинговых программ в качестве инструмента профориентации старшеклассников. Рассматривается влияние тренингов на развитие профессиональных навыков, формирование профессиональной идентичности и принятие решения о выборе будущей профессии у старшеклассников. Статья предлагает новый взгляд на использование тренингов в рамках профориентационных программ и вопросов профессиональной ориентации и развития.

Ключевые слова: тренинг; профессиональное самоопределение; старшеклассники; профориентация

Zhemkov L.A.,

*Master Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Blagoveshchensk State Pedagogical University»*

Scientific adviser: Chistyakova O.E.,

Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Head, Department of Pedagogy and Psychology

TRAINING AS A METHOD OF CAREER GUIDANCE WORK IN HIGH SCHOOL AGE

The article is devoted to studying the effectiveness of the use of training programs as a tool for career guidance of high school students. The influence of trainings on the development of professional skills, formation of professional identity and decision on the choice of future profession for high school

students is considered. The article offers a new view on the use of trainings in the framework of career guidance programs and issues of vocational guidance and development.

Keywords: *training; professional self-determination; high school students; career guidance*

В современном мире тренинги становятся все более популярными в различных сферах деятельности, от бизнеса и лидерства до личностного роста и самообразования. Они играют важную роль в повышении квалификации и развитии профессионализма участников, а также способствуют созданию благоприятной развивающей среды для обучения и самосовершенствования.

Тренинг, в общем смысле, это форма работы, основанная на интерактивных методах обучения. Отечественные психологи дают следующие определения термина «тренинг»:

- группа методов развития способностей к обучению и овладению любым сложным видом деятельности [1];
- метод активного социально-психологического обучения как комплексного социально-дидактического направления;
- активное групповое обучение навыкам общения в жизни и обществе вообще: от изучения профессионально полезных навыков до адаптации к новой социальной роли с соответствующей коррекцией Я-концепции и самооценки [3];
- специальная тренировка, обучение чему-либо, главным образом предназначенное для формирования и развития полезных привычек, навыков и умений [4];
- активное групповое обучение навыкам общения и профессиональным навыкам [5];
- средство воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения; средство психологического воздействия [6].

Наибольший интерес для нашей работы представляет личностно-ориентированный тренинг. Э.Ф. Зеер определяет личностно-ориентированный тренинг как «систему воздействий, упражнений, направленных на формирование, развитие и коррекцию профессионально важных характеристик специалиста. Особенностью этих тренингов является «формообразование» личности, адекватное содержанию, требованиям профессиональной деятельности. Личностно ориентированные тренинги предоставляют возможность организации режима саморазвития и самокоррекции, самосовершенствования личности как непрерывного пролонгированного процесса» [2]. Исходя из такого определения, справедлив будет вопрос: «А в чем же отличие, в чем особенности личностно-ориентированного тренинга, ведь это определение почти дословно описывает любой другой тренинг»? Однако Э.Ф. Зеер выделяет особенности непосредственно личностно-ориентированного тренинга: «Такое понимание термина «тренинг» связано с расширением диапазона целей, реализуемых при проведении занятий. Системы упражнений, применяемых в тренинге, направлены:

- на развитие познавательных процессов, свойств памяти, внимания, восприятия, мышления, воображения, а также приемов по управлению ими как одной из составляющих самореализации;
- на снятие эмоциональной напряженности, вызванной повышенной нагрузкой на нервную систему;
- пробуждением интереса и мотивации к самопознанию, основой которого является взаимодействие с другими людьми, и через это взаимодействие обращение к рефлексивному отражению своего «Я»;
- развитие коммуникативных способностей, способностей анализировать поведение других людей, профессиональные ситуации общения и себя в них, адекватно воспринимать себя и окружающих.

Личностно-ориентированный тренинг представляет собой соединение ролевой игры и дис-

куссии с некоторыми элементами групповой психотерапии и предполагает применение различных подходов» [2]. О важности дискуссии в профориентационной работе со школьниками говорит Н.С. Пряжников: «дискуссионный метод используется тогда, когда требуется актуализировать значимую проблему (с точки зрения преподавателя) в сознании обучающихся. Применительно к профориентации – это, прежде всего, неоднозначные вопросы ценностно-смыслового самоопределения на современном рынке труда, а также многие другие вопросы профессионального самоопределения [7].

Среди задач, решаемых личностно-ориентированным тренингом Э.Ф. Зеер выделяет следующие:

- развитие мотивационно-потребностной сферы;
- повышение социально-профессионального статуса;
- формирование отдельных видов профессиональной деятельности;
- регуляция эмоциональной сферы;
- формирование операционально-технических компонентов профессиональной деятельности;
- развитие социально и профессионально важных качеств, способностей специалистов;
- усиление потребности в психогигиене [2].

Использование тренинга для профориентации школьников предлагает ряд преимуществ, способствующих успешному профессиональному самоопределению молодых людей. Ключевые преимущества использования тренинга для профориентации старшеклассников заключаются в следующем:

- в раннем определении интересов и склонностей. Тренинг позволяет школьникам раньше определить свои интересы, предпочтения и способности в различных областях деятельности. Это помогает им сосредоточить свои усилия на развитии соответствующих навыков и получении необходимого для профессии образования. Раннее определение профессиональных интересов также позволяет школьникам избежать траты времени и ресурсов на неподходящие для них профессии;

- в разнообразии информации о профессиях. Тренинг предоставляет школьникам широкий спектр информации о различных профессиях. Они могут узнать о требуемых навыках, обязанностях и возможностях для развития карьеры в различных сферах. Это помогает им получить точное представление о том, что они могут ожидать от выбранной профессии;

- в развитии необходимых навыков. Тренинг помогает школьникам развивать навыки, которые необходимы для успешного продвижения на рынке труда. Сюда входят коммуникативные навыки, трудовая этика, лидерские качества, умение работать в команде и другие навыки, которые являются важными для любой профессии. Благодаря тренингам профессионального самоопределения школьники могут развить востребованные в любой профессии навыки, которые помогут им быть успешными в будущей карьере;

- в изучении реального опыта профессионалов. Школьники, участвуя в тренингах, имеют возможность взаимодействовать с представителями различных сфер деятельности. Они могут пообщаться с экспертами, узнать о реальной практике работы, услышать истории успеха и трудностей, с которыми они столкнулись. Встречи с профессионалами предоставляют школьникам ценную информацию об условиях работы, ожиданиях и возможностях для развития в различных областях.

Минимизация ошибок выбора. Участие в тренинге по профориентации позволяет школьникам сделать более осознанный выбор карьерного пути, что помогает им избежать ошибок и неудачных решений в будущем. Благодаря тренингу они могут более ясно представить себе, каким образом их интересы могут быть связаны с конкретной профессией, и сделать решение на основе более полной и точной информации.

Профориентация является важным компонентом процесса образования. Тренинги профессионального самоопределения предоставляют школьникам возможность изучить свои интересы и развить необходимые навыки. Они помогают школьникам быть успешными и удовлетворенными в своей профессиональной жизни, а также вносят вклад в процветание общества в целом.

Проведение тренинга по профориентации в школе – это важная для общества практика, которая сможет помочь учащимся сделать осознанный выбор будущего профессионального пути. Таким образом, можно выделить следующие особенности тренинга профессионального самоопределения:

1. Актуализация профессионального самоопределения.

Профориентация – это процесс помощи учащимся в определении своих карьерных целей и выборе подходящей профессии. Проведение тренинга профессионального самоопределения в школе позволяет школьникам начать этот процесс в сопровождении профессионалов и развить у них навыки, необходимые для принятия информированного решения о своем будущем.

2. Построение своего будущего профессионального пути.

Основная цель тренинга по профориентации в школе – помочь школьникам принять осознанное решение относительно выбора профессии. Так, цели тренинга включают:

- помощь в развитии самопонимания и осознания своих личных интересов, ценностей, навыков и способностей;
- предоставление информации о различных профессиональных путях, их требованиях и перспективах;
- развитие навыков, необходимых для успешного вступления на рынок труда;
- помощь в разработке индивидуального карьерного плана и стратегии достижения своих целей;

3. Разнообразие форм работы.

Индивидуальное консультирование: профессиональные консультации призваны помочь школьникам в самоанализе, исследовании профессий и разработке карьерного плана.

Групповые занятия: занятия в группе проводятся для обучения навыкам профориентации, развития навыков коммуникации и сотрудничества, а также для обмена опытом между учащимися.

Взаимодействие с профессионалами: руководство школы могут организовывать встречи и мероприятия со специалистами из разных сфер деятельности, чтобы учащиеся могли получить непосредственную информацию о различных профессиях, видеть работу изнутри и задавать вопросы экспертам.

Использование онлайн-ресурсов: в настоящее время существует множество онлайн-ресурсов, которые предлагают информацию о профессиях, интерактивные упражнения и другие материалы, которые могут быть использованы в рамках профессиональной ориентации.

4. Анализ себя как будущих профессионалов.

Содержание тренинга по профориентации включает следующие компоненты:

- самоанализ: старшеклассники проводят самопроверку своих интересов, ценностей, навыков и способностей, используя различные инструменты, такие как тесты, анкеты и задания для саморефлексии;
- исследование профессий: школьники исследуют различные профессии, изучают их требования, обязанности, перспективы и возможности для развития карьеры. Они также получают информацию о различных образовательных программах, необходимых для выбранной профессии;
- карьерное планирование: школьники разрабатывают индивидуальные карьерные планы, устанавливают цели и определяют шаги, которые нужно предпринять для достижения этих целей.

Так, интеграция тренинговых программ в образовательный процесс может существенно повысить эффективность профориентационной работы среди старшеклассников. Это способствует бо-

лее осознанному и успешному выбору будущей профессии, обеспечивая подросткам необходимые инструменты для полноценного понимания собственных потребностей, желаний и возможностей в контексте профессионального развития. Таким образом, мы можем говорить о важности внедрения тренингов в образовательный процесс как эффективного механизма поддержки старшеклассников в их стремлении к осмысленному и удовлетворительному профессиональному выбору.

Список литературы

1. Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: ЛГУ, 1985. 167 с.
 2. Зеер Э.Ф. Психология профессионального. М.: Академия, 2013. 416 с.
 3. Макшанов С. И., Хрящевой Н. Ю. Психогимнастика в тренинге. СПб.: Речь, 1993. 130 с.
 4. Немов Р. С. Практическая психология: Познание себя. Влияние на людей. М.: Владос, 2003. 320 с.
 5. Парыгин Б. Д. Практикум по социально-психологическому тренингу. СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2000. 352 с.
 6. Петровская Л. А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М.: МГУ, 1982. 168 с.
 7. Пряхников Н. С. Профориентация в школе: игры, упражнения, опросники. М.: Вако, 2005. 288 с.
-

Касьяненко А.А.,

*старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный университет»*

Пожидаева В.М.,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный университет»

БУЛЛИНГ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В данной статье рассмотрена проблема буллинга в условиях обучения в вузе. Говорится о том, что буллинг является серьезной глобальной проблемой современного общества. В данной статье рассматриваются причины, последствия, виды буллинга, и то, как с ним справиться. На основе материала статьи рассмотрены рекомендации по профилактике буллинга.

Ключевые слова: буллинг; причины буллинга; травля

Kasyanenko A.A.,

Senior Lecturer, Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»

Pozhidaeva V.M.,

Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»

BULLYING IN A UNIVERSITY STUDYING CONDITION

This article discusses the problem of bullying in the conditions of studying at a university. It is said that bullying is a serious global problem of modern society. This article discusses the causes, conse-

quences, types of bullying, and how to deal with it. Based on the material of the article, recommendations for the prevention of bullying are considered.

Keywords: *bullying; causes of bullying; baiting*

В ситуации социального развития буллинг является серьезной глобальной проблемой в социуме. В психолого-педагогической науке вопрос буллинга представляет собой обширную область, наиболее интенсивно разрабатываемую последнюю четверть века (И.С. Кон, Д.Б. Джексон, А. Миллер, и др.).

Буллинг (англ. Bullying – травля) – действие (угроза, насмешка и т.п.), которое способно напугать, унижить и/или иным образом негативно воздействовать на человека. Это нежелательное агрессивное поведение, которое обычно повторяется. Оно включает в себя обзывательства, оскорбления, розыгрыши, высказывания и написание неприятных вещей, сексуальные комментарии, исключение или игнорирование других, угрозы, повреждение имущества, физическое насилие и принуждение других делать то, что они не хотят делать [6].

На протяжении всей истории отдельные люди и группы проявляли агрессивное поведение по отношению к тем, кого они воспринимали как более слабых или отличающихся от других, но только в последнее время оно было признано серьезной проблемой, требующей внимания и вмешательства.

Формы буллинга могут различаться в зависимости от конкретной ситуации и контекста, однако выделяют следующие формы [2]:

1. Физический буллинг – включает в себя физическую агрессию, такую, как удары, пинки, толчки.
2. Вербальный буллинг – это использование оскорблений, угроз, насмешек или пренебрежительных комментариев для унижения или запугивания другого человека.
3. Психологический (эмоциональный) буллинг – включает в себя психическое насилие, такое, как угрозы, шантаж, сплетни, изоляция или манипуляции.
4. Кибербуллинг – это форма буллинга, которая происходит в интернете или через электронные средства связи, такие как социальные сети, сообщения или электронную почту. Кибербуллинг может включать в себя угрозы, оскорбления, распространение неприятных слухов или непристойных материалов.

Важно понимать, что все типы студенческого буллинга имеют серьезные последствия для жизни и здоровья студентов. Они могут привести к нарушению психического благополучия, снижению самооценки, депрессии и даже самоубийствам [5].

В ситуации травли есть 3 типа участников [1]:

1. Жертва. Опасность подвергнуться буллингу повышается у тех, кто сильно отличается от остального коллектива. Общество может негативно воспринять новичка, вливающегося в сформировавшуюся группу, или часто болеющего человека, который не успевает установить крепкие связи с коллективом. Но чаще всего выбор жертвы случаен, и спрогнозировать ситуацию нельзя.
2. Преследователь(ли). Агрессором часто становится неуверенный в себе человек, который пытается самоутвердиться за счет унижения другого. Инициатор буллинга часто сам подвергался травле, но в другом коллективе. Также часто буллинг идет из семьи.
3. Свидетели. Наблюдатели сталкиваются с внутренним конфликтом, который состоит в том, что попытка прекращения травли сопряжена со страхом лишиться собственной безопасности и собственного статуса в детском коллективе. Негативным последствием для свидетелей травли становится формирование мироощущения, когда они воспринимают среду как небезопасную, переживают страх, беспомощность, стыд за свое бездействие и одновременно испытывают желание присоединиться к агрессору.

В настоящее время выделяются причины возникновения студенческого буллинга: недостаток социальной адаптации, конкурентная обстановка в университете, отсутствие адекватного контроля со стороны учебных заведений, личностные (индивидуальные) особенности самого студента [4]. Понимание причин возникновения данного явления в студенческой среде является ключевым моментом для его предотвращения.

Проанализировав современные исследования проблемы буллинга в студенческой среде, мы пришли к выводу, что это достаточно распространенное явление, в связи с чем, представляется актуальным эмпирическое исследование данной проблемы в нашем вузе.

В ноябре – декабре 2023 годы мы провели пилотажное исследование, целью которого явилось выявление распространенности и специфики буллинга в образовательной среде. Методом исследования явился опросник Д.Олвеуса «Буллинг»: он предполагает анонимные ответы и позволяет выявить два отдельных аспекта: проявления буллинга и подверженность ему [3].

В ходе исследований Д. Олвеус выделил два типа жертв – те, кто не умеет скрывать обиду, и те, которые провоцируют негативное отношение. Первые – это высокочувствительные: чаще всего они застенчивы, спокойны и дисциплинированы, не умеют справляться с проявлениями необоснованной агрессии в свой адрес и невольно выдают эмоции. Такая реакция раззадоривают обидчика, и провоцирует на повторные рейды. Вторые – неблагополучные, которые бурно реагируют на провокации. Шумиха и нелепое поведение жертвы служит вознаграждением для нападающего, и поднимает его авторитет среди сверстников. К этому типу жертв также относятся неприятные в общении (грубые, неряшливые, задиристые).

Данная методика предъявлялась студентам различных курсов Педагогического института СВГУ, в результате обработки данных были получены следующие результаты, представленные в таблице 1:

Таблица 1.

Средние значения по шкалам «Активный буллинг» и «Виктимизация» (пассивный буллинг)

Название шкалы	Активный буллинг	Виктимизация
Средние значения по выборке	5 баллов	5 баллов
Максимальные значения по шкалам методики	24 баллов	28 баллов

На основании полученных данных, представленных в таблице 1, можно отметить, что у большинства студентов показатель проявления активного и пассивного буллинга очень слабо выражен. Таким образом, очевидна тенденция слабого распространении буллинга в образовательной среде СВГУ.

Однако, мы можем представить ряд способов совладания с буллингом, в том случае, если студент столкнется с его проявлениями в образовательной среде:

1. Не надо пытаться решить вопрос насилием. Такой способ решения конфликта может привести к противоположному эффекту – виноватым станет обижаемый, а не агрессор.
2. Надо постараться реагировать спокойно на колкие замечания агрессора. Бурная реакция – это то, на что рассчитывает агрессор.
3. Если вас обижают, или вы узнали о буллинге, не молчите. Травля – это противоправные действия, за которые можно понести ответственность. Помните, сегодня вы можете быть свидетелем травли, а завтра уже обижаемым.
4. Надо постараться собрать доказательства травли, а не быть голословным. Запись на телефон, другой учащийся, который видел травлю, испорченная обидчиком вещь – все это поможет доказать буллинг.

Профилактика буллинга является одним из важнейших мероприятий для поддержания оптимального психологического климата в образовательной среде, к ней можно отнести, следующие рекомендации:

1. Никогда не поддерживайте насмешки над другими людьми. Если не будет зрителей, то агрессор вскоре потеряет интерес к своей жертве.
2. Всегда ставьте себя на место жертвы буллинга.
3. Будьте терпимее к другим людям, у каждого есть свои недостатки.
4. Помните, что все учащиеся равны, вне зависимости от их успеваемости, национальности, социального статуса, внешнего вида.

Таким образом, мы провели пилотажное исследование, посвященное распространенности и специфики буллинга в образовательной среде, полученные данные нам позволяют отметить весьма слабую выраженность буллинга среди студентов СВГУ.

Список литературы

1. Буллинг в школе, вузе, на работе: зачем агрессоры это делают и как бороться // URL: <https://synergytimes.ru/evolve/bulling-v-shkole-vuze-na-rabote-zachem-agressory-eto-delayut-i-kak-borotsya> (дата обращения 24.01.2024).
2. Корчагина Т. А., Москалец Ю.В. Школьный буллинг – социальная проблема современности // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkolnyy-bulling-sotsialnaya-problema-sovremennosti> (дата обращения 23.01.2024).
3. Опросник Д. Олвеуса «Буллинг» // URL: https://czentroobrazovaniyavolovor71.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/208/4684/Oprosnik_D._Olveusa_Bulling_.pdf (дата обращения 23.01.2024).
4. Особенности студенческого буллинга и способы его преодоления, профилактики // URL: <https://disshelp.ru/blog/osobennosti-studencheskogo-bullinga-i-sposoby-ego-preodoleniya-profilaktiki/> (дата обращения 23.01.2024).
5. Студенческий буллинг // URL: https://donntu.ru/sites/default/files/studencheskiy_bulling.pdf/ (дата обращения 24.01.2024).
6. Хворостин Денис Толковый словарь // URL: <https://khvorostin.com/dictionary/bullying/> (дата обр. 24.01.2024).

Касьяненко А.А.,

*старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный университет»*

Стротуца В.В.,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный университет»

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У БОЛЬНЫХ, ПЕРЕНЕСШИХ ИНСУЛЬТ

В статье описывается исследование, целью которого является изучение особенностей нарушения высших психических функций (ВПФ) больных, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения (ОНМК). Описывается исследование наличия различий. Представлены данные отражающие наличие отклонения от нормы работы ВПФ.

Ключевые слова: острое нарушение мозгового кровообращения; высшие психические функции; когнитивная сфера

Kasyanenko A.A.,

Senior Lecturer, Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»

Strotutsa V.V.,

*Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«North-Eastern State University»*

STUDY OF THE CHARACTERISTICS OF THE HIGHEST MENTAL FUNCTIONS IN PATIENTS WHO HAVE SUFFERED A STROKE

The article describes a study, the purpose of which is to study the characteristics of a violation of the highest mental functions (HMF) of patients who have undergone acute cerebrovascular impairment (ACI). The study of the presence of differences is described. The data reflecting the presence of deviations from the norm of operation of the VPF are presented.

Keywords: *acute cerebrovascular disorder; higher mental functions; cognitive sphere*

Цереброваскулярные заболевания (ЦВЗ) являются главной причиной инвалидизации и смертности взрослого населения в Российской Федерации, США и странах Европы. Наиболее тяжёлой формой ЦВЗ является острое нарушение мозгового кровообращения (ОНМК) [5].

Острое нарушение мозгового кровообращения – это внезапное возникновение очаговой неврологической симптоматики, общемозгового, менингеального синдромов, либо их сочетание, которые сохраняются в течение 24 часов и более или приводят к смерти пациента в ближайший период времени.

Инсульт в Российской Федерации наблюдается ежегодно почти у 500 000 человек и является вторым по частоте в структуре смертности после заболеваний сердца, и первым среди причин смерти от неврологических заболеваний. Заболеваемость острым нарушением мозгового кровообращения в нашей стране среди лиц старше 45 лет остаётся высокой, также отмечается тенденция к «омоложению» заболевания, можно отметить случаи ОНМК у детей (4–17 лет). Предполагается, что к 2030 году в мире инсульт будет являться основной причиной смерти, достигая восьми миллионов смертей в год [1,5].

В структуре смертности по Магаданской области, долгие годы, первое место занимают острые нарушения мозгового кровообращения. По данным за 2018 год показатель смертности от ОНМК – 137 случаев. Доля данной причины составляет 18,9% от общего числа умерших от болезней системы кровообращения, число умерших на 100 тыс. населения – 96,1 [11].

Инфаркт мозга является сложной медико-социальной проблемой, так как лица, перенёсшие острую сосудистую катастрофу, в большинстве случаев остаются с неврологическим дефицитом (двигательные, когнитивные, чувствительные, координаторные и другие нарушения) и не возвращаются к полноценной трудовой деятельности [1, с. 5].

Несмотря на активное внедрение и развитие системы первичной и специализированной медицинской помощи пациентам с сосудистыми мозговыми нарушениями, лишь немногие медицинские организации и их структурные подразделения проводят реабилитационные мероприятия, направленные на нейропсихологическую помощь, уже на раннем этапе госпитализации, а тем более осуществляют комплексный подход.

Отличительной особенностью такого подхода является четкое определение цели, задач и методов работы каждого специалиста так называемой мультидисциплинарной бригады: лече-

щего врача-невролога, врача лечебной физической культуры (ЛФК), логопеда, медицинского психолога (нейропсихолога). Такого рода специализированное вмешательство специалистов мультидисциплинарной бригады на ранних этапах лечения заболевания может значительно улучшить прогноз и результаты реабилитации. В связи с этим крайне важным с практической точки является создание системы психодиагностического обследования (включая его схему) и краткосрочных программ нейропсихологической реабилитации пациентов с ОНМК при пребывании их в условиях первичного, либо специализированного сосудистого неврологического стационара [3, с. 11,13].

Помимо очаговой и общемозговой неврологической симптоматики, клиника ОНМК проявляется когнитивными расстройствами, нарушением работы высших психических функций (ВПФ), которые особенно ярко представлены у больных, перенесших инсульт [2].

Реабилитация таких больных требуется уже на первых порах до выписки из стационара. На первом этапе необходимо провести нейропсихологическую диагностику больных с инсультом, для осуществления дифференцированного подхода к их реабилитации, что позволит определить специфику, индивидуальные особенности реабилитации, сделать ее более эффективной, понять, специалисты какого профиля должны участвовать в программе реабилитации [9].

Актуальность данной проблемы в нашем регионе является особенно значимой: частота встречаемости заболевания среди трудоспособного населения в Магаданской области 450–500 случаев в год. 10% из них – пациенты выздоравливают, 20–30% – летальные исходы, и 60% остаются инвалидами.

В связи с высокой значимостью проблемы мы провели исследование ВПФ у больных, перенесших инсульт, и сравнили их результаты со здоровыми людьми, чтобы иметь понимание, насколько инсульт влияет на когнитивную сферу и снижает уровень жизни людей трудоспособного возраста.

Исследование высших психических функций у больных, перенесших инсульт, проводилось с марта по сентябрь 2023 года в ГБУЗ «Магаданская областная больница» (неврологическое отделение).

В исследовании приняли участие 20 человек в возрасте от 56 до 76 лет. В первую группу были включены 10 больных, перенесших инсульт. Формирование этой группы было обусловлено ее доступностью, а также количеством больных, перенесших инсульт, готовых к исследованию. Вторая группа – 10 здоровых людей, включенных в выборку с учетом индивидуальных характеристик испытуемых первой группы, т.е. выборки уравниены по полу, возрасту, испытуемые обеих групп исключительно представители ручного труда.

Описание методов и методик исследования

1. Методика «Нейропсихологическая диагностика» по А.Р. Лурия использовалась в качестве основного методического инструмента для исследования высших психических функций больных, перенесших инсульт [6, с. 7].

Методика состоит из стандартного комплекта стимульного материала для нейропсихологической диагностики высших психических функций. Шкалы методики включают в себя: метод на определение концентрации внимания и переключение (применяются таблицы Шульте); межполушарное взаимодействие – реципрокная координация; зрительный гнозис, т.е. восприятие – симультанный синтез (предметный, наложенные, зашумленные, конфликтные, неоконченные);

восприятие символов – символический синтез (буквы, стилизованные, арабские цифры, римские цифры); речь (чтение и письмо); мышление (четвертый лишний) [10].

Данный метод исследования был выбран для нейропсихологической диагностики больных, перенесших инсульт, в связи с тем, что именно его возможно применять как для здоровых людей, так и для больных с различными мозговыми дисфункциями.

Исследование испытуемых проводилось по формализованной схеме, которая включает основные пробы и тесты, выявлявшие нарушения ВПФ. Высокая диагностическая эффективность предлагаемой схемы нейропсихологического исследования получила подтверждение при углубленном диспансерном обследовании больных с различными мозговыми дисфункциями. Функциональные отклонения, определяемые при нейропсихологическом исследовании, позволяют выбрать метод реабилитации.

Исследование проводилось индивидуально с каждым испытуемым. Обработка результатов нейропсихологического исследования велась в соответствии со стандартными схемами.

2. Анализ медицинской документации (выписки, результаты КТ, заключения врачей), выявление возможности прохождения нейропсихологического обследования испытуемым (общее функциональное состояние, сохранность речи, ориентация в окружающей действительности).

3. Беседы проводились с больными с целью выяснения их общей функциональности, использовались в качестве дополнительного метода исследования, в целях формирования выборки.

В ходе проведения исследования были получены следующие данные:

1. На основании анализа средних значений по показателям внимания (таблицы Шульте), испытуемые группы больных, перенесших инсульт, справляются с заданиями за более длительное время, данные результаты указывают на низкую нейродинамику по всей группе, нейродинамическое истощение больных, перенесших инсульт, связано с нарушением произвольности внимания как высшей психической функции,

2. На основании анализа средних значений по пробе на реципрокную координацию, можно отметить, что в связи с тем, что данный параметр связан с адекватными межполушарными связями, в группе испытуемых с ОНМК отмечается его явное снижение, что свидетельствует, о недостаточном функционировании межполушарного взаимодействия.

3. На основании анализа средних значений по пробам на симультанный синтез, которые включают 5 параметров – предметный, наложенные, зашумленные, конфликтные и неоконченные картинки, можно отметить, что в группе испытуемых, перенесших инсульт, данные показатели имеют низкие значения, что говорит о трудностях зрительного восприятия и узнавания предметов.

4. На основании анализа средних значений по пробам на символический синтез, которые включают 4 параметра – буквы, стилизованные, арабские цифры, римские цифры, можно отметить, что группа испытуемых, перенесших инсульт, имеет низкие показатели по данным пробам, что отражает снижение или невозможность комплексного синтеза информации.

5. На основании анализа средних значений по пробам на функцию речи, по параметрам чтение и письмо, в группе больных, перенесших инсульт, наблюдается снижение показателей, что очевидно отражает нарушение высшей интегративной функции мозга.

6. На основании анализа средних значений по пробам на мышление (исключение 4-го лишнего) испытуемые, перенесшие инсульт, имеют более низкие показатели, данные результаты отражают тенденцию к снижению мыслительной деятельности.

Данные средних значений показателей диагностики по подгруппам испытуемых представлены в таблице №1.

Таблица 1.

Средние значения показателей диагностики по подгруппам испытуемых

Название пробы/испытуемые	Испытуемые, перенесшие инсульт (средние)	Здоровые испытуемые (средние)
Т. Шульте 1 проба (сек.)	59,	57,1
Т.Шульте 2 проба (сек.)	67,	54,1
Т.Шульте 3 проба (сек.)	58,2	47,9
Т.Шульте 4 проба (сек.)	0	56,2
Т.Шульте 5 проба (сек.)	0	60,2
Реципрокная координация	1,8	2,9
Сим. синтез Предметный	2,7	4
Симул. синтез Наложенные	2,2	3,6
Симул. синтез Зашумленные	2,4	3,5
Симул. синтез Конфликтные	1,9	3,2
Симул. синтез Неоконченные	1,4	3,1
Символ. Синтез Буквы	3,1	3,8
Символ. Синтез Стилизованные	2,6	4
Символ. Синтез Арабские цифры	3	4
Символ. Синтез Римские цифры	2,9	4
Речь. Чтение	2,5	4
Речь. Письмо	2,1	3,9
Мышление (искл. 4-го)	1,6	3,3

На основании проведенного исследования нарушений высших психических функций больных, перенесших инсульт, можно сделать следующие выводы:

1. Испытуемые группы больных, перенесших инсульт, справляются с заданиями на концентрацию и переключение внимания за более длительное время, однако здоровые испытуемые также показали более низкие показатели, в отличие от нормы по пробам.
2. Показатели реципрокной координации значимо выше у здоровых людей, чем у больных, перенесших инсульт.
3. Показатели симультанного синтеза – предметный, наложенные и неоконченные картинки значимо выше у здоровых людей, чем у больных, перенесших инсульт, т.е. последних хуже выражена способность узнавать предметы.
4. Показатели символического синтеза у здоровых людей не выше, чем у больных, перенесших инсульт – вероятно, данный факт связан с тем, что испытуемые обеих групп являются представителями ручного труда, и необходимость в символическом синтезе не особо представлена в их деятельности.
5. Показатели речи – чтение и письмо значимо выше у здоровых людей, чем у больных, перенесших инсульт, что непосредственно связано с перенесенным заболеванием.
6. Показатели мышления значимо выше у здоровых людей, чем у больных, перенесших инсульт. Однако, несмотря на то, что результаты в обеих группах имеют тенденцию к снижению мыслительной деятельности, вероятно, у здоровых больных это связано с возрастными особенностями, а у больных, перенесших инсульт, отмечены еще более низкие результаты, то данное снижение можно связать со спецификой заболевания.

Заключение

ОНМК является одним из наиболее распространенных и опасных по своему течению и исходу заболеванием, так что актуальным представляется изучение функционирования высших психических функций у больных, перенесших инсульт, и их реабилитацию. Необходимо оптимизировать диагностический подход, выбор лечебных и реабилитационных мероприятий в целях обеспечения наилучшего исхода заболевания и повышения качества жизни больных.

Целью исследования явилось изучение особенностей нарушений высших психических функций больных, перенесших инсульт. Для этого проведено исследование существования различий в функционировании высших психических функций у больных, перенесших инсульт, и здоровых людей.

Доказаны различия внимания (концентрации и переключения) при усложнении заданий (3–5 пробы), реципрокной координации, симультанного синтеза (предметный, наложенные, неоконченные картинки), речи (чтение и письмо), мышления у больных, перенесших инсульт, и здоровых людей.

Не доказаны различия символического синтеза (зашумленные и конфликтные картинки) у больных, перенесших инсульт и здоровых людей. Вероятно, в случае увеличения выборки данные гипотезы могли бы подтвердиться.

В дальнейшем нам представляется актуальным расширение выборки, а также проведение исследования нарушений ВПФ у больных с различными типами соматических заболеваний.

Список литературы

1. Виленский Б.С. Инсульт: профилактика, диагностика, лечение. СПб.: Фолиант, 1999. 320 с.
2. Гуреева Ирина Лазаревна, Гомзякова Наталья Александровна, Селькин Михаил Дмитриевич, Исаева Елена Рудольфовна, Голиков Константин Вячеславович Нейропсихологические изменения у пациентов с острым нарушением мозгового кровообращения // Психология. Психофизиология. 2017. №4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyropsihologicheskie-izmeneniya-u-patsientov-s-ostрым-narusheniem-mozgovogo-krovoobrascheniya> (дата обр. 18.12.2023).
3. Ключко Н.П. Нейропсихологическая реабилитация больных в остром периоде очаговых поражений головного мозга: дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. 163 с.
4. Корсакова Н.К. Нейропсихология позднего возраста: обоснование концепции и прикладные аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 1996. № 2. С. 32–37.
5. Куташов В. А., А. А. Глухов, Н. А. Степанян, А. И. Рог и др. Статистика в медицинских исследованиях. Воронеж: Б. и., 2005. 200 с.
6. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. СПб: Питер, 2008. 624 с.
7. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 384 с.
8. Межполушарное взаимодействие: Хрестоматия / Под ред. А.В. Семенович, М.С. Ковязиной. М.: Генезис, 2009. 400с.
9. Нейропсихологическая диагностика и реабилитация пациентов с нарушениями мышления при повреждениях головного мозга // Методические рекомендации методические рекомендации утверждены на заседании президиума российского психологического общества на XI Международном конгрессе «Нейрореабилитация-2019» год утверждения (частота пересмотра): 2019 (пересмотр каждые 5 лет).
10. Нейропсихологическая диагностика: классические стимульные материалы / Автор сост. Е.Ю. Балашова, М.С. Ковязина. М.: Генезис, 2017. 12 с. + 72 л.
11. Программа по вопросам борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями в Магаданской области на 2019 – 2024 год // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/> (дата обращения 18.12.2023).
12. Светкина Анастасия Александровна Психологическая реабилитация больных с ОНМК // Медицинская психология в России. 2016. №5 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-reabilitatsiya-bolnyh-s-onmk> (дата обращения 18.12.2023).
13. Хомская Е.Д. Нейропсихология: Учебник для вузов. СПб. Питер, 2003. 496 с.
14. Цветкова Л.С., Цветков А.В. Модель нейропсихологического сопровождения больных с острым нарушением мозгового кровообращения // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2014. № 4(27) [Электронный ресурс] // URL: <http://mprj.ru> (дата обращения 18.12.2023).

Склеинис В.А.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР И СООТНОШЕНИЕ ИХ МОДЕЛЕЙ

Данная работа посвящена сопоставительному анализу иерархизированных моделей систем значений. Анализируя реализацию жизненного сценария личности и воплощение архетипа в символе, автор рассматривает данные процессы как проецирование глубинных семантических структур на поверхностные, предлагая в качестве обобщающей модели процессуальную модель структуры образа мира.

Ключевые слова: архетип; глубинные структуры; жизненный сценарий личности; образ мира; процессуальная модель; смысловые структуры; системы значений

Skleynis V.A.,

Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North-Eastern State University»

INTERACTION OF DIFFERENT-LEVEL MEANING STRUCTURES AND THE RELATIONSHIP OF THEIR MODELS

This article is devoted to the comparative analysis of hierarchical models of the systems of meaning. Analyzing the realization of the lifescrpt and the embodiment of the archetype in a symbol, the author considers these processes as the projection of deep semantic structures on the surface, offering as a generalizing model a procedural model of the structure of an image of the world.

Keywords: archetype; deep structures; lifescrpt; image of the world; procedural model; semantic structures; systems of meanings

Целью данной работы является анализ соотношения между иерархизированными моделями систем значений. В рамках данных моделей выделяются различные уровни презентации смысловых образований. Глубинные структуры, представляющие собой интрапсихические образования, проецирующиеся частью отношений на поверхностные структуры, связанные с наделением смыслом конкретных объектов и явлений. В нашей работе в качестве примеров проецирования глубинных семантических структур на поверхностные рассматриваются процесс реализации жизненного сценария личности, а также воплощение архетипа в символе. Данные модели широко используются в психотерапевтической практике [9; 20], а также представляют интерес для научного исследования [4; 7; 12], что обуславливает значимость решения задачи их операционализации.

На наш взгляд, решение данной задачи может быть осуществлено при рассмотрении их как моделей систем значений, включающих в себя несколько связанных друг с другом уровней, находящихся в процессе динамического взаимодействия. В качестве примера описания процесса проявления бессознательных структур как разноплановых форм значений можно привести модель В.Ф. Петренко и А.П. Супруна [11]. Данные авторы, говоря о картине мира субъекта как о много-слойном образовании, рассматривают поверхностные семантические структуры (мир, представленный в сознании) как функционирующие по законам классической физики (представленный

в пространстве с тремя пространственными измерениями и одним временным и оперирующий процессами), в то время как глубинным структурам поставлена в соответствие квантовая реальность, представленная в Гильбертовом пространстве с бесконечным количеством пространственных координат и мнимым временем и оперирующая состояниями. При этом процесс категоризации, представляющие собой переход от бессознательного к сознанию, рассматриваются как Фурье-преобразования и сопоставляются с процессами редукции волновой функции.

Рассматривая с данной точки зрения жизненный сценарий личности, представляющий собой бессознательный план, в соответствии с которым осуществляется наделение смыслом объектов окружающего мира, мы можем провести параллели между процессом его реализации, с одной стороны, и проецированием глубинных семантических структур на конкретные объекты.

Эмпирическим подтверждением данного тезиса могут служить наши работы [14], в которых говорится о наличии статистически значимых различий в степени выраженности факторов личностного семантического дифференциала (оценка, сила, активность) у испытуемых с различным типом жизненного сценария личности (наибольшая степень выраженности наблюдается у испытуемых с типом жизненного сценария «победитель», затем в порядке убывания следуют «непобедитель» и «побеждённый»).

Кроме того, нами было выдвинуто [15] предположение о том, что, поскольку одним из проявлений жизненного сценария является структурирование субъектом времени своей жизни, испытуемые с различным типом сценария демонстрируют релевантные типу жизненного сценария различия в семантических универсалиях оценки времени своей жизни: универсалия испытуемых с типом жизненного сценария «победитель» характеризуется большей степенью представленности дескрипторов, представляющих собой динамические характеристики, отражающие высокую степень выраженности решительного и рискованного поведения, в то время как дескрипторы, входящие в универсалии оценки времени своей жизни испытуемыми с типом жизненного сценария «непобедитель» и «побеждённый» демонстрируют менее активное целеполагание и большую степень пассивности.

Таким образом, рассматривая жизненный сценарий личности, как компонент структуры ядерного слоя образа мира, мы можем провести параллели между процессом его реализации, с одной стороны, и динамической схемой взаимодействия слоёв образа мира. Реализация жизненного сценария, сопровождающаяся наделением ряда объектов детерминированным сценарными структурами смыслом в рамках трёхслойной модели структуры образа мира, может быть рассмотрена как проецирование структур ядерного слоя на семантический, оказывающее влияние на процесс восприятия.

Другой разновидностью глубинных семантических структур, находящих своё отражение в структурах поверхностных, являются, на наш взгляд, архетипы. В трудах К.Г. Юнга под архетипом подразумевается базисная схема, имеющая тенденцию к проявлению в форме представлений, которые могут существенно колебаться в деталях, сохраняя, однако, при этом, инвариантный компонент [21]. Также данным понятием может обозначаться образ или психическое образование, представляющее собой результат символического выражения базовой схемы.

В психологических исследованиях архетипов архетипические структуры рассматриваются как многоуровневые образования, имеющие различные уровни презентации. Так, Е.Ю. Зарубко указывая на многообразие архетипических структур [2], рассматривает совокупность архетипов как иерархическую структуру, в основе которой лежат наиболее обобщённые категории, представляющие собой бинарные оппозиции обобщённых понятий (добро-зло, природа-общество), конкретизирующиеся в более частных категориях, презентующихся в сознании в форме универсальных фигур, получающих своеобразие благодаря сценарию взаимодействия.

Также на иерархическую структуру архетипических презентаций указывают такие авторы, как Н.В. Дмитриева и Ю.М. Перевозкина [9; 10]. Рассматривая архетипические структуры в контексте культуры, Е.С. Дружинина выделяет в структуре архетипических презентаций следующие уровни. Глубинный уровень – уровень исходного архетипа – включает в себя древнейшие представления о мире, характеризующиеся амбивалентностью и синкретичностью. Содержанием следующего уровня – уровня ядра является совокупность устойчивых отношений и связей мотивов и образов. Наконец, на уровне актуального архетипа представлен образы, связанные с сознанием и позволяющие адаптироваться к современному миру.

Ю.М. Перевозкина [9] выделяет в структуре архетипа следующие компоненты. На макроуровне совокупность архетипических структур имеет три уровня презентации. Уровень недифференцированного сознания включает в себя изначальный архетип – первичный синкретичный образ, включающий в себя противоречивые и взаимоисключающие символические презентации. На мифологическом уровне происходит дифференциация изначального образа на половые архетипы, содержащие в себе мифологические образы. Данному уровню автор ставит в соответствие семантическое пространство, включающее в себя три оси – оценка (светлое - тёмное), пол (мужской-женский) и возраст (старое-новое). Наконец, уровень информационного пространства содержит в себе проекции вышележащих архетипических структур на конкретные сферы жизнедеятельности – семейную, интимную, профессиональную и межличностную.

На микроуровне структура архетипа состоит из образа самого архетипа и мифологического мотива, который содержит основную функцию конкретного архетипа и при доминировании архетипа в структуре личности мифологический мотив носит компульсивный характер.

В наших работах, посвящённых рассмотрению архетипа как разновидности глубинных семантических структур [18], осуществляется анализ сопряжённости семантического пространства ЕРА, предложенного Ч. Осгудом, с одной стороны, и архетипического пространства К. Пирсон, с другой. При этом ось «самопознание – принадлежность» демонстрирует сопряженность с факторами «оценка» и «сила», в то время как ось «стабильность – изменения» – с фактором «активность». Кроме того, фактор «оценка» демонстрирует сопряженность со стадиями архетипического путешествия, выделяемыми в трудах Д. Кэмпбелла (подготовка, путь, возвращение), что позволяет, на наш взгляд, рассматривать процесс воплощения архетипических структур в знаковых системах как частных случай проецирования структур ядерного слоя образа мира на семантический слой.

Таким образом, и жизненный сценарий личности, и архетип как базисная тенденция могут рассматриваться с точки зрения психологии субъективной семантики как глубинные структуры, проявляющиеся на нижележащих уровне в форме наделения значениями конкретных объектов. Эмпирические исследования, посвященные соотношению жизненного сценария личности и архетипических структур, указывают на взаимное соответствие их проявлений. Так, в наших работах [17] были получены статистически значимые результаты, свидетельствующие о наличии сопряжённости типов жизненного сценария личности и осей архетипического пространства. Косвенным подтверждением сходства изучаемых феноменов является также тот факт, что для исследования жизненного сценария личности и архетипического пространства рядом авторов используется сходный инструментарий: В.И. Чайковская [20] использует комплект МАК «мой жизненный сценарий» для изучения сценариев, в то время как Т.В. Капустина [4] использует комплект МАК «12 архетипов плюс» для определения архетипа личности.

Однако, сходство проявлений, на наш взгляд, не является достаточным основанием для того, чтобы говорить о тождественности изучаемых феноменов. Жизненный сценарий лич-

ности, связываемый в концепции Э. Бёрна с феноменом родительского программирования, проявляется в феномене психологических игр, связанным с реализацией глубинных мотивационных структур. Соответственно, при сопоставлении с процессуальной моделью структуры образа мира процессу его реализации можно поставить в соответствие проявление мотивационной подсистемы образа мира в целевой и операциональной. Вместе с тем, процесс воплощения архетипа как базисной тенденции в нижележащих структурах может быть рассмотрен, на наш взгляд, как переход от синкретической формы значений к комплексной и понятийной. Основанием для такого сопоставления могут быть структуралистские концепции культуры [3], в частности, модели К. Леви Стросса и Л. Леви Брюля, рассматривающие инвариантные компоненты культуры, соотносимые с бессознательными структурами, имеющими синкретическую форму.

Список литературы

1. Зарубко Е.Ю. Архетипы: артефакт или реальность? // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 5. С. 104–112.
2. Зарубко Е.Ю. Психосемантика обобщенных категорий в междисциплинарном взаимодействии: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тюмень, 2010. 26 с.
3. Злотникова Т. С., Мазилов В. А., Нажмуудинов Г. М. Архетип как код массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2015. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-kak-kod-massovoy-kultury> (дата обращения 07.01.2024)
4. Капустина Т.В. Создание и апробация методики «Способ оценки личности. 12 архетипов плюс» для диагностики индивидуально-личностных характеристик // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 1А. С. 64–75.
5. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 472 с.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
7. Никифорова А.А., Селиванов В.В. Структура психосемантических пространств анимы и анимуса в зависимости от архетипических сценариев личности // Молодёжь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. 2016. № 1. С. 121–125.
8. Патрушева С. Архетипы и жизненные сценарии в русских сказках. [б. м.] : Издательские решения, 2019. 346 с.
9. Перевозкина Ю.М. Структурные трансформации психосемантических мифологических пространств личности: на примере славянской культуры: дисс ... канд. психол. наук: Новосибирск, 2009. 222 с.
10. Перевозкина Ю.М., Перевозкин С.Б., Дмитриева Н.В. Структура архетипической идентичности – от недифференцированного сознания к постинформационному пространству // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 3. С. 157–162.
11. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологический манифест психосемантики // Психологический журнал. 2016. Том 37. № 3. С. 5–14.
12. Петросьян С.Н., Рябикина З.И. Современные подходы к проблеме жизненного сценария личности как социально-психологического феномена // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2016. № 3 (183) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-probleme-zhiznennogo-stsenariya-lichnosti-kak-sotsialno-psihologicheskogo-fenomena> (дата обращения: 21.01.2024).
13. Серкин В.П. Психосемантика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2019. 318 с.
14. Склеинис В.А. Психосемантические корреляты жизненного сценария личности // Молодой ученый. 2016. №7. С. 336–340.
15. Склеинис В.А. Исследование оценки времени испытуемыми с различным типом жизненного сценария личности // Вестник Тольяттинского государственного университета. 2017. №3. С. 81–87.
16. Склеинис В.А. Архетипические аспекты динамики смысловых структур // Психолог. 2019. № 2. С. 1–8.
17. Склеинис В.А. Анализ глубинных семантических структур как способ операционализации процессуальной модели структуры образа мира. Russian Journal of Education and Psychology. 2012. Vol. 12. Issue 1. С. 86–100.
18. Склеинис В.А. Презентация архетипа личности в семантических структурах // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 4. С. 148–158.

19. Смирнов В.М. Архетипические жизненные сценарии в современной кинопродукции // Пензенский психологический вестник. 2020. №1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie-zhiznennye-stsenarii-v-sovremennoy-kinoproduksii> (дата обращения 21.01.2024).
 20. Чайковская И. А. Возможности метафорических ассоциативных карт в работе с личностным ресурсом клиента (на примере комплекта «Мой жизненный сценарий») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 2 (214). С. 91–96.
 21. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 298 с.
 22. Neustadter R. Archetypal Life Scripts in Memoirs of Childhood: Heaven, Hell and Purgatory // Auto/biography. 2004. Vol. 12. № 3. P. 236–259.
-

Чарина Е.В.,

*кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»*

Левченя Е.М.,

студент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЛИЧИЯ ПРОФИЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье оценивается влияние специального образования сотрудников ФСИН на формирование профессиональной идентичности. Показано, что наличие специального образования не оказывает влияния на уровень профессиональной идентичности в данной выборке испытуемых. Данные результаты могут быть получены в связи с малочисленностью выборки, особенностями реализации профессиональной деятельности в организации, а также с множественностью факторов, влияющих на формирование профессиональной идентичности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; статус профессиональной идентичности

Charina E.V.,

*Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education «North-Eastern State University»*

Levchenya E.M.,

*Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«North-Eastern State University»*

PROFESSIONAL IDENTITY OF PRINCIPAL SYSTEM EMPLOYEES DEPENDING ON THE PRESENCE OF PROFESSIONAL EDUCATION

The article evaluates the impact of special education of employees of the Federal Penitentiary Service on the formation of professional identity. It is shown that the special education does not affect the

level of professional identity in this sample of subjects. These results can be obtained due to the small size of the sample, the peculiarities of the implementation of professional activities in the organization, as well as the multiplicity of factors influencing the formation of professional identity.

Keywords: *professional identity; status of professional identity*

Междисциплинарность проблемы идентичности связана с общественной сутью человеческой природы. Различные трактовки понятия «идентичность» связаны с многообразием подходов к анализу отношений «человек-общество». Профессиональная идентичность является одной из форм идентичности, как следствие, имеет различные толкования, как в общественных науках, так и в психологии. Профессиональная идентичность чаще всего понимается как сложный интегративный психологический феномен и определяется через базовый параметр социальной идентичности (соотнесение себя с общностью) как осознание своей тождественности с профессиональной группой и оценка значимости членства в ней [5]. Этот процесс идентификации и идентичность (как его результат) являются определяющими для успешности профессионального становления специалистов.

Одним из факторов, влияющих на формирование профессиональной идентичности, является наличие профильного образования, которое представляет собой специализированные знания и навыки, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей [7].

При изучении профессиональной идентичности у студентов установлено, что в параметрах идентичности студентов-выпускников существует специфичность, связанная с особенностями профессии, ее социальной оценки. То есть показано, что при получении образования, в частности, при обучении в вузе, при разных ограничениях происходит формирование аспектов профессиональной идентичности [6].

Существующая система профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России предполагает возможность получения специального образования (подготовка курсантов и слушателей в период обучения в образовательных организациях высшего профессионального образования ФСИН России), возможность работы в системе ФСИН при наличии любого образования, специальное первоначальное обучение в самой организации, а также профессиональную переподготовку, повышение квалификации и обучение в процессе служебной деятельности [3].

Выделяют три основных подхода к профессиональной подготовке отраслевых специалистов: 1) отраслевой (подготовка универсальных отраслевых специалистов, необходимых для решения широкого перечня профессиональных задач); 2) функциональный (подготовка специалиста под конкретное место профессиональной деятельности); 3) компетентностный (содержание и технологии обучения направлены на формирование у обучаемых компетенций) [4].

В специализированных вузах Управления Федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) специализированная подготовка ведется по программам специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность. В рамках учебного плана специальности, несомненно, учитывается специфика требований к работе УФСИН, то есть реализуется функциональный подход.

С одной стороны, это обосновано, так как исполнение обязанностей в рамках службы в УФСИН является сложным и опасным, требует от сотрудников самообладания, высокого уровня самоконтроля, оптимальной склонности к риску, способности к адекватному реагированию и действиям в экстремальной ситуации, владения приемами самообороны, умением применять физическую силу, спецсредства и оружие, и в целом связана с высоким уровнем нервно-психического напряжения [2].

Однако, с другой стороны, исследования профессионально-важных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы показывают, что наиболее значимыми психологическими

способностями для них являются достаточно универсальные показатели: способность к аналитико-синтетической деятельности; социальная значимость мотивов в сфере мотивации профессиональной деятельности; способность к манипулятивно-коммуникативному воздействию в общении [4].

В целом, ядро всех направлений и специальностей подготовки в рамках укрупненной группы 40.00.00 сходно. Оно представлено и в учебных планах подготовки по направлениям 40.03.01 «Юриспруденция», 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка».

Анализ нормативных документов, регламентирующих требования к квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы, показал, что требований специального образования к должностям младшего начальствующего состава и рядового состава Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) не предъявляется [1].

Таким образом, актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью понимания роли специального образования при формировании профессиональной идентичности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Профессиональная идентичность – образ себя как представителя конкретной профессии и отражающийся в когнитивных, эмоциональных и поведенческих самоописаниях, она является результатом процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации [7].

Идентичность может формироваться путем активной рефлексивной работы, быть результатом личностных решений (при этом условии формируется зрелая идентичность), а может быть присваиваемой, идущей путем осознания и пассивного принятия особенностей сообщества. Пассивный путь формирования идентичности может приводить к формированию менее зрелых ее форм: диффузной идентичности, мораторию и остановленной (преждевременной) идентичности [6].

Под достигнутой идентичностью понимается статус идентичности, которым обладает человек, сформировавший определенную совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений, переживающий их как личностно значимые, обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни.

Мораторий – это статус идентичности, при котором человек находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты.

Преждевременная идентичность возникает в тех случаях, когда человек вообще не делал независимых жизненных выборов, идентичность не осознается, скорее, это вариант навязанной идентичности.

Диффузная идентичность – это статус идентичности, при котором не имеется прочных целей, ценностей и убеждений, и попыток их активно сформировать.

Псевдоидентичность – стабильное отрицание своей уникальности или, напротив, ее амбициозное подчеркивание с переходом в стереотипию, а также нарушение механизмов идентификации и обособления в сторону гипертрофированности, нарушение временной связности жизни, ригидность Я-концепции, болезненное неприятие критики в свой адрес, низкая рефлексия.

Целью исследования являлось изучение влияния наличия специализированного образования на становление профессиональной идентичности у сотрудников УИИ, в ходе исследования мы предположили, что сотрудники УИИ, имеющие высшее специализированное образование, полученное в учреждениях ФСИН, имеют более высокую профессиональную идентичность, чем сотрудники без специализированного образования.

В исследовании используется методика изучения профессиональной идентичности (МИПИ). Данная методика используется для определения типа профессиональной идентичности испыту-

емого, она включает в себя 76 слов-ассоциаций посредством которых испытуемому необходимо описать себя в категориях «профессионал» и «непрофессионал».

Выборку составили 30 профессионалов, из них 12 человек, имеющих профильное образование (окончившие специализированные высшие учебные заведения), 18 человек – без такового.

Результаты исследования:

Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Статусы профессиональной идентичности у лиц, окончивших специализированные учебные заведения ФСИН, и лиц, окончивших иные учебные заведения

Уровень идентичности % (чел)	Диффузная	Мораторий	Достигнутая	Псевдопозитивная
Наличие специального образования				
ВУЗ ФСИН (12 чел.)	9,6 25 (3)*	0	3,3 8 (1)	25,8 66,7 (8)
Нет (19 чел.)	3,2 5,6 (1)	16,1 27,8 (5)	3,3 5,6 (1)	38,7 66,7 (12)

* в ячейке таблицы указан процент испытуемых с данным уровнем идентичности, в скобках количество испытуемых из подгруппы.

Из представленных данных видно, что количество сотрудников, имеющих специализированное образование, находящихся на достигнутом уровне профессиональной идентичности, равно количеству сотрудников без него (по 1 человеку в подгруппе). Такое небольшое количество испытуемых с достигнутой профессиональной идентичностью может говорить об отсутствии вне зависимости от наличия или отсутствия специального образования у большинства сотрудников организации, вошедших в выборку, личностно значимых целей и ценностей профессиональной деятельности, что, в свою очередь, может проявляться в низком уровне профессиональной мотивации и удовлетворенности трудом.

Статус «мораторий» встречается только в подгруппе испытуемых, не имеющих специализированного образования, что может свидетельствовать о наличии кризиса идентичности, который заключается в активном поиске смыслов профессиональной деятельности, усвоении профессионально значимой информации. Респонденты испытывают большие трудности в постановке профессиональных целей и решении профессиональных задач в отличие от лиц, имеющих специализированное образование. Ввиду незначительности выборки вывод не будет однозначным, однако данный результат, возможно, фиксирует наличие средств профессиональной деятельности (знаний, умений, навыков) и сотрудников со специализированным образованием и дефицит таких средств у сотрудников его не имеющих, и, в связи с этими обстоятельствами, ищущих эти «инструменты».

Установлен факт большего количества сотрудников, имеющих уровень диффузной идентичности, среди лиц со специальным образованием. Лица в данном состоянии либо никогда не находились в состоянии кризиса профессиональной идентичности, либо неспособны решить возникшие в процессе профессиональной деятельности проблемы. Диффузная идентичность сопровождается негативными состояниями (апатия, тоска, отчуждение, тревога, чувство беспомощности и др.). Причины наличия такого состояния требуют анализа и поиска причин, по которым наличие у них профессиональных компетенций не ведет к решению профессиональных задач.

Исходя из полученных данных, в обеих подгруппах преобладают испытуемые с псевдопозитивным уровнем профессиональной идентичности, что также может свидетельствовать о наличии либо стабильного отрицания своей уникальности, либо ее амбициозного подчеркивания.

Обобщая, можно зафиксировать различия в «инструментальной» идентичности в связи с наличием специального образования, которое обеспечивает сотрудникам средства выполнения профессиональных функций, и сходства подгрупп в формировании ценностно-мотивационных аспектов идентичности, точнее, в их несформированности у большинства сотрудников. Независимо от наличия специального образования большинство сотрудников демонстрируют псевдо-позитивную идентичность, что говорит о формальном принятии обязательств, безальтернативном принятии чужих ожиданий. Это может приводить к позиции «временности» профессиональной ситуации и нежеланию решать данные профессиональные задачи, отсутствию долгосрочных профессиональных планов, ситуативности принимаемых решений, недооценке последствий принимаемых решений, «перекладыванию» ответственности и т.п., то есть в целом к снижению эффективности деятельности.

Таблица 2.

Уровень профессиональной идентичности у лиц, окончивших специализированные учебные заведения ФСИН, и лиц, окончивших иные учебные заведения

Специалисты, окончившие ВУЗ ФСИН		Специалисты без специального образования	
Количество испытуемых	Уровень профессиональной идентичности	Количество испытуемых	Уровень профессиональной идентичности
n=12	=5,6	n=19	=5,9

Для количественной обработки результатов использовался U-критерий Манна-Уитни.

Для выявления различий между показателями уровня профессиональной идентичности среди сотрудников УИС со специальным образованием и без был вычислен U-критерий Манна-Уитни для двух независимых выборок.

Полученное эмпирическое значение $U=113,5$. Таким образом, статистическая гипотеза о наличии различий между уровнем профессиональной идентичности у сотрудников, имеющих специализированное образование и сотрудников, не имеющих его, опровергается (при $p=0,05$). Таким образом, анализ различий в профессиональной идентичности сотрудников, имеющих специальное образование и без него, свидетельствует о том, что специализированного образование, полученного в учебных учреждениях ФСИН, не является существенным фактором для достижения профессиональной идентичности в данной выборке.

Причинами получения данных результатов может быть специфика деятельности сотрудников УФСИН, а именно наличие четкого регламента профессиональной деятельности, регулярная (периодическая) оценка профессиональной подготовки сотрудников, которая требует от них постоянного подтверждения уровня профессионализма и готовности к работе независимо от наличия профильного образования, то есть требует самоподготовки, непрерывного повышения квалификации (непрерывного образования).

Однако наблюдается расхождение между качественным анализом результатов и статистическим, что может быть вызвано ошибкой 1-го рода, где небольшое количество испытуемых снижает статистическую достоверность исследования. Для повышения достоверности результатов необходимо провести дополнительное исследование с увеличением объема выборки.

Следует отметить, что профильное образование является только одним из многих факторов, влияющих на формирование профессиональной идентичности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Другие аспекты, такие, как личностные свойства, мотивация и опыт работы, также имеют важное значение. В этом контексте для будущих исследований следует учитывать не только наличие профильного образования, но и другие факторы, которые могут оказывать влияние на развитие профессиональной идентичности сотрудников.

Список литературы

1. Приказ ФСИН РФ от 19.08.2019 г. № 688 «Об утверждении квалификационных требований к стажу службы в уголовно – исполнительной системе Российской Федерации или стажу (опыту) работы по специальности, образованию, профессиональным знаниям и навыкам сотрудника, необходимым для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72627658/?ysclid=lscwp4oua6777335420> (дата обращения 14.02.2024).
2. Зауторова Э.В., Викторова Т.В. К вопросу о формировании морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения к несению службы // Пенитенциарная наука. 2016. №2 (34) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-moralno-psihologicheskoy-ustoychivosti-sotrudnikov-otdela-ohrany-ispravitelnogo-uchrezhdeniya-k-neseniyu> (дата обращения 31.01.2024).
3. Полякова Я.Н., Поляков А.В. Специфика психологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к служебной деятельности (сравнительный анализ) // Уголовно-исполнительное право. 2018. №1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-psihologicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-k-sluzhebnoy-deyatelnosti-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения 31.01.2024).
4. Тамбовский А. Н., Рекша Ю.М. К обоснованию универсализации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2015. №3 (90) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-obosnovaniyu-universalizatsii-professionalnoy-podgotovki-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (дата обращения 31.01.2024).
5. Чарина Е.В. Проблема изучения профессиональной идентичности в современных условиях // Научные исследования и инновации: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Саратов, 12 апреля 2021 года / НОО «Цифровая наука». Саратов: НОО «Цифровая наука», 2021. 457 с. С. 421–428.
6. Чарина Е.В. Формирование профессиональной идентичности в период обучения в вузе. Материалы III международной научно-практической конференции «На перекрестке Севера и Востока (методологии и практики регионального развития)» 20 ноября – 22 ноября 2019 года. Магадан, 2020 С.10–17 // URL: <https://scienceopen.ru/formation-professional-identity-during-studying-period-university> (дата обращения 31.01.2024).
7. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001. 272 с.

Научное издание

**ИСТОРИЯ,
ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ:
ВЗАИМОВЛИЯНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
(ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)**

**Сборник статей по итогам
Всероссийской научной конференции**

г. Магадан, 2 февраля 2024 г.

Доступ ко сборнику – свободный.

Режим доступа: <http://nkras.ru/arhiv/2024/hhss2024.pdf>

Сборник содержится в едином файле PDF.

Дата выхода в свет 11.03.2024.

Свободная цена. Заказ 1103/24.

По вопросам приобретения
и издания литературы обращаться по адресу:
Издательство «Научно-инновационный центр»
ул. 9 Мая, 5/192, г. Красноярск, 660127 Россия
тел. +7 (995) 080-90-42

Электронная почта: monography@nkras.ru

Дополнительная информация на сайте: www.nkras.ru

